

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

С. А. Четвертаков

Реконструкция теории Маслоу

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 316.27
ББК 88.52
Ч 52

Четвертаков С. А.

Ч 52 Реконструкция теории Маслоу / С. А. Четвертаков. — СПб. : Алетейя, 2011. — 576 с.

ISBN 978-5-91419-493-9

Монография системного аналитика и математика, кандидата технических наук С. А. Четвертакова, работающего на стыке наук — социологии, психологии, истории. Его предшествующая работа «В чем ошибся Карл Маркс» (1998 г.) представила теорему необходимости эксплуатации в иерархиях труда и ее следствия. Теория была развита на основе иерархии потребностей Маслоу в диссидентских исследованиях 1973–1978 годов, предсказавших тогда гибель системы социализма. В настоящей работе автор углубляет систему Маслоу, внося в состав потребностей важные коррекции и дополнения. Дан мотивационный цикл человека, выделены уровни онтогенетического появления объектов мотивации: потребность, мотив, установка, метапотребность, направленность. Автор, работая в традициях материалистического бихевиоризма по Павлову, четко разделяет инстинктивное и культурное в системе мотивации человека. Используются новые свойства ряда потребностей, возникающих изначально генетически, а позже на основе опыта и научения. Доказывается, что теория Маслоу имеет полный аналог в биологическом мире и может выступать как общая теория психологии человека. Автор показывает, что большинство применяемых теорий мотивации непротиворечиво надстраиваются над системой Маслоу, что она мощный арсенал прогностических свойств для социологии и истории.

Книга полезна для психологов, социологов, историков и читателей, интересующихся новыми интегральными идеями в области гуманитарных наук.

УДК 316.27
ББК 88.52

Я доверяю еще неоткрытым истинам более,
чем уже известным мне...

А. Маслоу Мотивация и личность с. 30

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы любим людей, но иногда недовольны ими. Что мы можем ожидать от окружающих, на что надеяться? Ответ прост и сложен. Человек намерен делать то и тогда, какие потребности и когда у него возникают. И сразу следующий вопрос. Какие потребности и когда появляются у людей? Какие цели выдвигает человек и какие средства использует? Как создать условия, чтобы человек желал что-то сделать, как его активировать в труде? Есть теория, которая должна отвечать на такие вопросы. Она именуется теорией мотивации. Ее главные объекты — потребности и мотивы.

Теория мотивации в целом не просто сложна, она находится в начальной стадии развития. Даже классики в этой области попеременно используют разные термины для потребностей и мотивов или используют их как синонимы, а определений мотива и потребности, включая прямо противоположные — десятки. А один из самых именитых мастеров психологии второй половины XX века, Дэвид Макклелланд, автор "мотивов достижения" и других мотивов — власти, избегания неудач — пишет: "научное изучение мотивации человека находится в начале пути". Этой фразой он завершает свою книгу "Мотивация человека". Теорий мотивации и частных мотивационных подходов можно исчислять большим списком, но все это фрагменты будущего единого целого, которое ждет наших усилий.

Причины восходят к истории науки. Начальной особенностью развития психологии явилась работа с различными формами патологии личности. Развитие "от патологии" до сих пор остается родимым пятном психологии. И тему мотивации психологи по традиции также разворачивают в рамках конкретного пациента при лечении, учащегося в учебе, работника на предприятии, клиента в сделке. И в этом отношении психология уже имеет определенные экспериментальные, теоретические и практические результаты. Скажем так: "Отдельные результаты!"

В этой "отдельности" и состоит трагедия отсутствия целостности знания. Исследование различий между людьми оказалось важнее выде-

ления первых и общих сторон психики человека в целом примерно, как исследование больных или просто экземпляров деревьев стало важнее изучения леса. Впрочем, и человек развивается так же. Сначала самое важное! А обобщать удел немногих и в свободное время! Изучение различий, т. е. дифференциальных психологий — это и отражение современной жизни общества, в котором за деньги лечат патологию, изучают различия между людьми для прогноза их поведения при конкуренции с ними. Другими словами, прагматизм науки, ее ориентация на прикладное значение, короткий и прямой результат, выгодный прогноз отдельного поведения — это и есть суть текущего принципа, имеющего спрос.

На этом фоне построение теории психологии человека вообще — человека среднего — не несет прямой выгоды для отдельного человека лично. Мы считаем, что это важнейший пробел в науке — отсутствие общей теории потребностей. Его уже как полвека восполняет, точнее, не восполняет, а может восполнять, теория иерархии потребностей Маслоу[1]. Она относится к классу теорий мотивации. Суть теории состоит в том, что в установленном списке потребностей следующая потребность возникает после удовлетворения в основном предшествующих потребностей. Теория носит общий характер, поскольку представляет общий или базовый список потребностей человека. Она, мы покажем, есть фундамент в отношении прикладных теорий психологии.

Что же оказалось причиной столь высокой оценки? Выяснилось (1974), что теория Маслоу способна давать прогностические выводы по поводу поведения больших масс людей. Эту возможность теория предоставляет потому, что сама касается именно среднего множества людей. В жизни есть много вопросов, которые волнуют нас всех, волнуют общество или его социальные группы. Такими вопросами по рангу обязана заниматься социология. Ответы теории Маслоу, заметим, теории далекой от политики и экономики, смогли объяснить природу эксплуатации человека и выявить очень важную ошибку Маркса, сделать научным прогноз о будущей (и это в 1974 году) гибели всей системы и “лагеря” социализма.

В чем же таится “сила” теории?! Теория иерархии потребностей Маслоу не просто статичное мнение о людях, как это декларируют традиционные теории психологии. Статичные оценки, например, социологические опросы населения, — это оценки, не несущие прогноза.

[1] Стоит напомнить, что сам Абрахам Маслоу в 1970 году жаловался на то, что его теорию 1956 года никто в официальной психологической науке США не заметил.

Они верны на момент сбора данных. Как долго будут они верны и как изменятся, мы не знаем. Для прогноза нужны модели сохранения или модели изменения. В отличие от социальной статики, теория иерархии потребностей — это "немного" математика и логика. Ее прогностика именно в иерархии потребностей (в порядковой шкале), которую она постулирует. Зная, какие потребности достигнуты к определенному моменту, мы с помощью Маслоу можем знать, какие новые потребности индивид, группа, общество приобретут в следующий момент, в будущем, и какие проблемы будут заботить человека, группу, общество в целом, мы будем знать, к каким проблемам обернется внимание людей. И такая теория обладает серьезной "прогнозирующей и объясняющей силой"[2]. Теория Маслоу оказывается искомой "теорией изменений", и в этом отношении теория бесценна. Кроме того, в ней не пара соседних потребностей в смысле "если... то...", а вся жизнь людей, все потребности (последнее следует показать и читатель найдет соответствующие аргументы).

Вторая важная проблема, которая всегда стоит рядом с мотивацией и потребностями — это связи биологического, наследственного и приобретенного или культурного в поведении. Дело в том, что теория Маслоу получила изначально статус "гуманистической" психологии. В ней подчеркивается самоактуализация и самосовершенствование, самотерапия. Теория позиционируется психологами как бы на уровне "экзистенциальной" теории личности, на уровне самоанализа, достижения вершины (акме) и гештальт-терапии. Нижняя часть теории в подобной акцентуации перестает цениться и использоваться, а высший и культурный фактор и обсуждение свободы человека становится доминирующим аспектом. Целостность теории (и учета нижних потребностей), которая не особенно до сих пор и использовалась, но больше у психологов принималась к сведению, перестает играть роль. Саму теорию ее пользователи начинают числить за "терапию". Получается, что часть пользователей в поиске своего личного, индивидуального сами "понизили" ранг и значение теории.

Необходимость использования всего диапазона потребностей в теории приводит к осознанию важности разделить биологическое и культурное в самой теории, разделить и, или точнее, найти и соединить (как анализ и синтез) бихевиоральное и культурное (но не идеалисти-

[2] В некотором смысле она развивает теорию "возвышения потребностей", которую использовали в идеологии большевики, однако скорее там она, по сути, осталась на уровне чисто пропагандистских пожеланий роста благосостояния человека.

ческое) в структуре общей психологии и в мотивации человека. Это пытался сделать сам А. Маслоу. Его аргументом было убеждение, что культурное есть тоже не вполне рациональный процесс хотя бы в запуске мотивации. Создатель теории сделал много в таком анализе, но не довел его до конца.

Но подлинная важность проблемы выявилась именно в нашей работе, после оценки значения этой теории мотивации для социологии. Потребности в теории предположительно сформулированы так, что они в определенном смысле НЕ зависят от культуры. Это означает, что переход от одной потребности к другой и само понятие потребностей не должны определяться культурой — существуют ПРИ ЛЮБОЙ КУЛЬТУРЕ. И потому иерархия потребностей Маслоу должна оказаться применима как для объяснения массовых процессов прошлого, так и для прогнозов будущего. И если это действительно так, тогда теория — мощный и достаточно универсальный инструмент для социолога и историка. В настоящей работе автор книги попытался провести такую работу. Отсюда и наименование книги.

Итак, наш объект исследования — теория мотивации и теория иерархии потребностей Маслоу. Однако в теории Маслоу, значение которой уже достаточно ощутимо, обнаружились и противоречия. Проблемы, заявленные в известных научных оценках, а также обнаруженные в ходе нашей собственной работы, нами здесь отмечены, прокомментированы и, по нашим силам, исправлены. Поэтому в книге читателю предлагается пройти путь критики, анализа и построения третьей версии теории Маслоу — "Маслоу-3" (первые две теории созданы автором: 1943–1956 и 1970). Автор книги считает, что ему удалось не только раскрыть, но и в собственном анализе усилить, развить ресурсы этой теории.

Теперь о прикладной значимости работы. Вопрос непраздный в наше очень не праздное время. В плане науки теория "Маслоу-3" наиболее полезна как общая теория для исторической эволюционной и экономической социологии. Она полезна при исследовании, и, самое ценное, при прогнозе поведения и изменения ментальности больших масс людей на длительных интервалах времени, в частности, в историческом процессе.

Теперь о том, для кого предназначена эта книга. В книге мы покажем специалистам в области мотивации и психологам, социологам и рядовому читателю смысл, иногда даже "истинный смысл" и красоту теории Маслоу, которая была не до конца раскрыта и самим ее автором.

Почему книга о психологии имеет "разного" пользователя?

Для **психолога-практика**, работающего с клиентом отдельно, требуется видеть отличия человека от других. Для него эта книга —

общая психология — часть фундаментальной науки. Новое в том, что сам материал, как показывает опыт его использования, образует удобную скелетную структуру для укладки или привязки всех частных дифференциальных теорий мотивации в единое дерево знаний, а потому полезен для запоминания материала. Смысл и роль каждого, ранее изолированного фрагмента, становится явственным и понятным. Напрямую материал книги является плацебо или солью на раны для психологов-теоретиков, занятых теориями мотивации. Это предложение помощи всем или вызов на борьбу тех, кто готов сразиться с самозванцем-автором?

Для **социолога**, который работает в координатах социальных структур и функций, эта книга, как и общая психология, может стать строительным материалом и "прикладной сферой" — областью оснований для новых возводимых социологических теорий и построения прогнозов. В реальности все последние пять лет автор своей работой в истории (развития социальных структур — иерархий труда — докапиталистическая динамика в земледелии) старался показать, что теория Маслоу — это истинный Клондайк для социолога.

В принципе, зная склонность молодежи потребительского склада получать рафинированную информацию в телеграфном стиле, результаты могли бы требовать не более 30 страниц. У этой книги цель другая — материал представляет инструменты мастерской (Маслоу) и множество примеров по их использованию. Автор предполагает, что изложение технологии мышления, которое именуется системным анализом, будет и пропагандой такого анализа для социологов и рядовых читателей, в силы и возможности которых верит автор. До сих пор такой подход не часто встречается в мышлении, тяготеющем к сиюминутным и статическим "без божества, без вдохновенья" описательным оценкам.

Для рядового читателя здесь также много нового. Мы не статичны, мы развиваемся. И контролировать себя и свое изменение не только полезно, но и просто необходимо. Потому что у нас уже достаточно много свободного времени. И это дает нам в соответствии с теорией Маслоу шанс к саморазвитию, но не гарантирует его. Шанс важно правильно использовать потому, что наша среда достаточно "инфицирована" не вполне здоровыми рекламными и потребительскими (информационными, биохимическими и предметными) "заманами" и предложениями, чреватыми опасностью деградации личности. Книга полезна для обычного читателя, желающего увидеть себя в зеркале своих потребностей, привычек и зависимостей, включая телевизор, экстрим, футбол, наслаждение музыкой, фобии или вредные пристрастия.

Как у человека возникают нездоровые влечения и даже вредные зависимости, как могут возникать страх, неуверенность или, наоборот, как образуются полезные для человека и общества настройки поведения, такие как внутренняя энергия и мужество в успешном преодолении неопределенности нашей жизни? Что означает — быть мотивированным? Можно ли сделать самого себя? Об этом книга. Читатель имеет так же возможность получить и новые подходы для анализа и самоанализа, для "мышления по Маслоу".

Для человека, измученного жизненными заботами самого разного уровня — от роста цен на молоко до падения РТС (RTSI), NASDAQ, Dow-Jones, и от сохранения целостности "единых и неделимых" чиновных структур до идей борьбы за свободу — эта книга должна стать источником исторического и социального оптимизма. Она способна выступить и терапевтическим средством — снять агрессию, ненависть, цинизм, повысить ответственность и, для людей с установками на избегание, сознательно изъять страх, безволие, инфантилизм или самоуничижение личного перед неконтролируемым общим. Мир в своей основной части понятен. Но ясность мира — больше определяется ясностью нашего сознания, как неопределенность мира ("как страшно жить") определяется "разрухой в головах". Новая классовая и статусная модель (Приложение 1) позволяет предъявить или поставить реальные разумные требования к себе и миру, встать на путь достижения подлинной гармонии социальных отношений "из себя", причем, без катастроф и революций. И, как у Ильфа — "оно же лучшее средство для чистки столовых ножей" — книга полезна для тренировки логического и динамического мышления не только ее автора. Она дает материалистическое, основанное на "ресурсах", почти в режиме политэкономии, представление о таких духовных вещах как "совесть", "альтруизм", "идейность". Это может, как автор надеется, несколько обогатить и украсить растительный 3D-образ жизни подрастающего поколения, включив в него четвертую переменную — время и длинные причинно-следственные связи, в рамках которых только и существуют такие важные вещи как планы на жизнь.

Порядок изложения материала. В настоящей работе для удобства чтения и восприятия логика *истории развития* идей многократно нарушена. Как это свойственно системному анализу истинный поиск и находки, реконструкция потребовали нескольких "проходов" по системе Маслоу и всему материалу в интервале пяти лет. Здесь мы организуем структуру информации в удобном для понимания и освоения виде и в определенной авторской "сборке". Читателю придется перемещаться с автором в связанном пространстве психологии, социологии и

частично истории, а также временами опускаться ниже: в нейрофизиологию человека и в этологию — социальное поведение высших животных и даже в их психологию.

Чтобы рядовой читатель нашел материал понятным, все **научные термины** мы вводим последовательно, начиная с принятого термина жирным шрифтом или для менее важных терминов, курсивом и с расшифровкой смысла за термином в скобках. Наши определения объектов мотивации мы включили в **Глоссарий**. Аббревиатура СЧ, указывая на авторство, используется в наших примечаниях внутри текста цитируемых авторов.

О новациях в работе читатель узнает из оглавления, в помощь послужит и описание глав, приведенное в этом разделе ниже. Логика изложения такова.

Первая глава представляет научные принципы автора, его отношение к науке и к современным проблемам науки. Новым является принцип использования уже принятых научных теорий как своеобразного "экспериментального материала" для "вставки" или "интеграции" в новую общую теорию для доказательства верности этой общей разрабатываемой теории.

Вторая глава дает первый обобщенный взгляд на мотивационную сферу в психологии. Автор вводит принцип, которого он придерживается далее в исследовании мотиваций: человек имеет те потребности, которые он реально может удовлетворить. Отмечаются первые модели от кибернетики, И. П. Павлова, П. К. Анохина, группы Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, приведена мотивационная модель Е. П. Ильина — все модели приводятся к системе с обратной связью. Строится первая схема — иерархическая модель (объектов) мотивационной структуры.

Третья глава излагает основные экспериментальные результаты в психологии, важные с позиции автора для теории Маслоу. Это работы Торндайка и Павлова, Долларда и Миллера по боли и страху и работы по физиологии удовольствий разных авторов.

Четвертая глава включает предысторию создания и жизнь теории Маслоу, ее ранний и поздний варианты.

Пятая глава содержит перечень известных критических замечаний к теории Маслоу, а также собственные замечания автора настоящей работы к иерархии потребностей. Далее в работе автор последовательно снимает такие замечания в собственной разработке или аннулирует их в связи с некорректными основаниями других исследователей.

Шестая глава включает исследование соотношения мотивов и культуры, долга и воли. Развивается тезис Маслоу по поводу непро-

извольного (или инстинктоидного) запуска всех потребностей. Это позволяет автору книги построить принцип сепарации потребностей от мотивов. Вводится предположение о культурной независимости (инвариантности) запуска потребностей. По результатам опытов Миллера и Долларда исследуется проблема страха как продолжения боли и физиологических деприваций (или недостач, лишений, дефицита), анализируются проблемы генетического и приобретенного опытом в "депривации безопасности". Вводится деление потребностей по способу формирования на безусловные (чисто генетические) и условные потребности, то есть изначально заданные генетикой и онтогенетически, или иначе говоря, при жизни человека, культурно регулируемые.

Седьмая глава посвящена развитию темы потребности безопасности. В ней автор приходит к выводу о необходимости рассматривать потребность уважения как особую форму потребности безопасности. Кроме того, формируется представление о важности различения потребности безопасности на трех уровнях развития. Первый уровень безопасности выступает в качестве гарантии отсутствия угроз для самой жизни и отсутствия боли, второй — как гарантии стабильного удовлетворения физиологических потребностей, а третий — как обеспечение уважения. Последнее мы интерпретируем как безопасность доступа к ограниченным ресурсам в условиях конкуренции.

Восьмая глава представляет в форме кибернетической модели гипотезу о процессе формирования метапотребности. В таком процессе подкрепление результата (и удовлетворения потребности) постепенно переносится на саму активность, на процесс активности. Регулярная антиципация (предвосхищение и воспоминание о возбуждении, об удовольствии от процесса) и действия по ее удовлетворению завершают формирование метапотребности.

Девятая глава служит доказательству того, что в биологическом мире система Маслоу остается верной, хотя мотивационные и приобретенные культурные структуры в биологии развиты очень слабо.

Десятая глава включает известные результаты по функционированию центральной нервной системы и нейромедиаторам. Кратко описана синапсная связь между нейронами. Открытие нейромедиаторов, включая эндогенные (производимые самим человеком) опиоиды, позволяет предположить физиологическое формирование новых метапотребностей как гипотезу. Приведены социальные паттерны, известные индивидуальные практики и клинические патологии, которые доказывают наличие у человека возможности самогенерации нейронной связи, как условных потребностей (безопасности) и метапотребностей.

Одиннадцатая глава объединяет все выше полученные результаты в новой реорганизованной автором теории Маслоу. Новая теория, условно названная "Маслоу-3", дополняется приведенным в главе анализом трудовых отношений рядового индивида в процессе реализации потребностей. Мы показываем, что все потребности проявляются через труд индивида в процессе их удовлетворения. Доказывается онтологический характер порядка потребностей. Сам порядок несет социологическое значение, играя роль аксиом.

В **двенадцатой главе** автор обобщает представление о потребности в безопасности, защищая принцип ее разделения в теории Маслоу на три части по социологическому и онтологическому основаниям. Отдельное внимание в главе уделено формированию самой структуры базовых потребностей с рождения ребенка. Рассмотрено ее раскрытие с рождения и развертывание в жизни, а так же сжатие к концу жизни. Приведены три динамические схемы структур Маслоу — роста, зрелости и увядания. Указывается значение теории Маслоу для социологии.

Тринадцатая глава содержит обзор ведущих дифференциальных теорий мотивации (Макклелланда, Херцберга и др.). Автор обосновывает их непротиворечивую совместимость. Они дополняют теорию Маслоу как объединяющую базовую конструкцию. Главная цель раздела – демонстрация возможности «надстройки» известных теорий над теорией иерархии потребностей.

Четырнадцатая глава посвящена соотношению потребностей человека и социальной культуры. Мы отталкиваемся от работы Бронислава Малиновского, которая широко используется в преподавании социологии по теме культуры, и проводим критику его позиций, заменяя его поставленные, но не законченные в разработке положения своими выводами по теории мотивации и культуры.

Послесловие дает краткую справку об истории обращения автора к теме мотивации и включает советы по поводу применения выводов.

Приложение включает **глоссарий**. Для демонстрации значения системы Маслоу в социологии автор приводит здесь один из первых своих результатов 1974 года — **теорему необходимости эксплуатации** для определенного периода в истории человечества и с собственным комментарием к выводу. Но множество других подготовленных материалов ждут, естественно, своего времени.

Сергей Четвертаков
Июль 2008

ГЛАВА 1. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

В первой главе мы укажем особенности подхода к выбору и решению темы в работе.

1.1. Системный анализ и его риски

Читатель, прежде всего, имеет право задать вопрос, на каком основании автор — инженер-математик с образованием в области систем автоматического управления, далее по профессии программист и системный аналитик, берется не за свое дело?

Если представить перечисленные профессии как целое, то для второй половины XX века их объединение представимо известным понятием — "кибернетика". Системный анализ по определению является исследованием взаимосвязи отдельных элементов в системе. А "системой" может именоваться любое множество явлений, которое имеет установленные исследователем границы. Если под системой понимать несколько отраслей знаний или уровней живой природы (например, человека и общества), то системный анализ оказывается междисциплинарным исследованием, или, как говорили ранее, "исследованием на стыке наук".

А что такое заниматься не одной наукой лучше всего понимает сам исследователь. Это не просто сложно, это всегда большой риск. Риск неудачи. Стоит напомнить, что даже во времена Лютера занятие одним делом (и не в науке) рассматривалось как исполнения долга и предопределения, а несколькими делами — как грех, в силу опасности неудачи. Между тем, до середины XIX века к науке это предупреждение не относилось. Наука пребывала в состоянии "энциклопедизма", а Гегель, Энгельс или Спенсер продолжали, возможно, последними, традиции энциклопедистов XVIII века.

В силу современного роста разделения труда, включая разделение труда и в науке, системный анализ для науки (в отличие от проектирования систем) выполняется все реже… или почти никогда. Системный анализ давно, еще со времен Конта, стал частью философии — методологии или обобщения закономерностей материи и знаний[3].

---

[3] Выделенное значение системного анализа сохраняется профессионально только при проектировании систем (программных или автоматизированных). Таким анализом занимаются группы специалистов различного профиля. Различие состоит, правда, в том, что последние работы ведутся с четко очерченными целями — заранее поставлена задача, что нужно получить.

В противоположность этому сам системный анализ при исследованиях на стыке наук — не имеет целей. Есть проблемы в каждой из наук, но заранее никогда не ясно как их устранить. Тогда цель исследования подобна цели в известной сказке "найди то — не знаю что". И потому планирование таких работ практически невозможно, и всегда, системная работа на стыке наук оказывается мало благодарным трудом для исследователя в среднем.

И мы можем подвести первые итоги, касающиеся нашей работы.

Первое. Системное исследование гарантирует только перегрузку исследователя, но не успех.

Второе. Даже при некотором позитивном результате исследование не удовлетворяет, говоря, языком теории Маслоу, *потребность в безопасности исследователя* потому, что и объективно, и с позиции рецензентов и представителей основных теоретических направлений, включенных в исследование, автор не может стать *полным* специалистом ни в одной из выбранных областей.

И третье. В современной структуре организации гуманитарной науки в современной России, как и на Западе, возможность априорной свободы выбора тем исследований до возникновения новых идей отсутствует. До возникновения идеи или потенциального результата "на стыке" не то, что одному исследователю, но и целому научному коллективу или их группе ни один научный фонд и ни одно государственное учреждение или университетское общество предлагаемую работу не поддержит, не финансирует и не включит в план. И потому удел таких системных поисковых исследований — случайность[4].

Таким образом, мы приходим к выводу, что данная работа, если она будет оценена положительно, могла быть выполнена только так, как она выполнена — в инициативном порядке.

Автора утешает только известная мысль о том, что "полнота специалиста подобна флюсу — она одностороння". В периоды углубления знаний разделение в науке важно и полезно. Но есть времена, когда полезно "собирать камни". Такое время, вероятно, наступило.

---

[4] Уже по ходу самого исследования читатель убедится, что занимаются такими работами люди, получившие мощное гормональное подкрепление, для которых творчество и изучение неясных проблем является очень большим удовольствием. В этом отношении очень интересно читать работу Норберта Винера "Кибернетика"

1.2. Кризис разделенных гуманитарных знаний

Действительно, на настоящий момент для озабоченности по поводу узкой специализации и дезинтеграции гуманитарных наук оснований более чем достаточно.

Мнения ведущих специалистов показывают, что текущее деление социальных наук достигло масштаба, при котором знания могут выхолащиваться и становиться бесплодными. Множество разрозненных парадигм, т. е. основных подходов или моделей в анализе и решении проблем, в каждой из многих ветвей гуманитарных наук, частичное дублирование знаний в теориях, позиционирующих себя отдельно — все это находит отражение в критических суждениях многих именитых деятелей науки. Публично постулируется "полицентричность", "мультипарадигмальность", "гносеологический кризис", "лоскутное одеяло", потребность в метатеориях для описания множества теорий в социологии, см. [Ядов В.А., 1995; Козловский В. В., 1998, с. 26; Малиновский Б., с. 46; Ритцер Дж., с. 562–581; Руткевич М. Н., 2001, с. 30–85, 76–77]. Необходимость уточнения границ для мирного сосуществования теоретических фрагментов дополняется потребностью в создании целостной социальной науки, которая бы обеспечила включенность существующих теорий при их коррекции и устранении их противоречивости или разногласий. Это при нашем понимании вечной неполноты и несовершенства "общих" теорий. Существуют и более простые проблемы порядка обеспечения свободы науки, борьбы за автономию науки от прагматики общества. Так Российская социология вместе с обществом имеет проблемы своего "переходного периода". Это путь от служения гуманитарной науки этатизму и чиновной идеологии к независимому развитию науки как инструмента поиска истины [Гудков Л., Бикбов А., Гавриленко С.]. Переориентация идет совершенно в параллель тому, как все российское общество постепенно получает тенденцию отхода от служения государству и его чиновнику к самостоятельной собственной жизни как самоценности с подчинением государства собственно интересам общества. В целом пожелания и даже ожидания интеграции социальных наук и в частности, социологии, уже прочно присутствуют во взглядах социологов и вовсе не только в России, см., например, требование сближения истории и социологии у Иммануила Валлерстайна [Валлерстайн И., с. 124–127].

Подобная озабоченность имела место и полвека ранее. Например, в психологии. Так, Абрахам Маслоу в 1970 году сказал, что "приоритет средства над целью приводит к чрезмерному дроблению наук", [Маслоу А., 1970/2001, с. 52]. Речь шла о том, что в науке часто специалисты,

владеющие и методами, пытаются доминировать над исследователями, занятыми разработкой собственно областей знаний. Впрочем, с позиции самой теории иерархии потребностей этот феномен вполне объяснимым. Быть “теоретиком по методу” надежно и безопасно — это аналогично тому, насколько проще быть сапожником при готовых колодках, чем модельером. Во втором случае успех не гарантирован из принципа “найди то — не знаю что”. Сам Маслоу как-то заметил

“в американской психологии отмечаются следы опасной тенденции: психологи чаще всего склонны воспринимать реальность как нечто постоянное и дискретное, им проще расчленять действительность на множество отдельных, не связанных между собой феноменов и изучать каждый из них по отдельности...” [Маслоу А., 1970/2001, с. 285].

Последующее почкование в психологии и в социологии на десятки ветвей, между которыми связь постоянно ослабевает или просто исчезла, только подтвердили опасения мэтра.

Автор своей работой с теорией Маслоу пытается устранить такой недостаток.

1.3. Учет иерархии объектов и их отражение в связи наук

В системном междисциплинарном анализе для таких сложных систем как психика, общество и история, ценным оказывается использование представлений об уровнях материальной среды и их взаимосвязи. Материальный мир природы, увенчанный вершиной — миром социальным — представляет собою постепенно развивающиеся среды (слои) из материальных объектов и структур различных видов материи, которые взаимодействуют друг с другом. Характер взаимодействий мы представляем как законы функционирования таких объектов: возникновение, активность, собственное изменение и гибель отдельных объектов, их экземпляров.

В материальном мире в процессе его спонтанного и закономерного развития возникла и существует особая форма материи — человек. Множество людей образует развивающееся общество. Эта форма материи (не зеркально и приближенно) через центральную нервную систему отражает (или моделирует) остальные объекты, процессы, функции и закономерности материального мира, в том числе и объекты самого социального мира (людей, их психику, историю, общество, его структуры и т. д.). Наиболее объективное, хотя и всегда не полное, отражение природы представляет наука — один из важных институтов общества.

Она возникает как часть рефлексии социума для целей изучения, использования и предсказания среды. С учетом того, что материальная среда и сам социум изменяются (появляются все новые уровни активности, объекты и т. п.), наука должна развиваться не только вглубь. В ней тоже должны отражаться новые слои и уровни.

В порядке гипотезы мы допускаем и далее имеем в виду, что само мышление человека в части его сознания и его знаний бытовых, тем более, научных, является многоуровневым и строится по слоям. Слои возникают на начальном уровне освоения речи, так и в последующем, при освоении всех достаточно сложных знаний и опыта.

Интересно, что иерархия уровней внутри биологии и социологии (в структуре функций и в порядке формирования и развития — онтогенетически) еще не всегда признается исследователями как общеметодологический принцип. В то же время в развитии, например, даже искусственных объектов этот принцип уже широко внедрен. Например, в системе управления вычислительными сетями — надстройка уровней управления (и исполнения) от физической передачи электрических сигналов вплоть до прикладного уровня (пользователя) насчитывает до шести — семи уровней, и такой подход является классикой. Лучшие представители в сфере биологии и этологии это прекрасно понимают:

Так Николаус Тинберген определяет инстинкт (потребность) следующим образом:

"Я хотел бы предварительно определить инстинкт как иерархически организованный нервный механизм, который восприимчив к некоторым подготавливающим, запускающим и направляющим импульсам как внешней, так и внутренней природы и который реагирует на эти импульсы координированными движениями, способствующими сохранению индивида и вида". (Tinbergen, 1951, p. 112), цит. по [Хекхаузен Х., 2003, с. 71].

Идеология уровней, слоев, и (или) этапов развития является важным системным представлением, которое мы обязаны использовать.

1.4. В науке каузальность объектов определяется объектами уровнем ниже

При исследовании сложных систем в природе приходится использовать связи между целым и его частями. Исследование структуры и причинно-следственных механизмов функционирования системы должно опираться на известный постулат развития, а именно, материя как объект развивается от простого к сложному, от низшего уровня к высшему. Тогда объекты более высокого уровня должны формироваться в природе через объекты ближайшего нижнего уровня — ядерного, физического, химического, биологического, психологического

и социального уровней. Например, теория давления газов строится из анализа движения и соударений о стенки замкнутого сосуда молекул газа. Эта идея в относительно общем виде изложена В. Ф. Турчиным [Турчин В. Ф., с. 75] как идея “метасистемных переходов” от объектов одного уровня к следующему. Автор демонстрирует суть реальных и гипотетических переходов в биологии, в мышлении, в истории, хотя ряд этапов можно уточнять. Мы постараемся это сделать позже в части социологии. Здесь мы только активно используем идею об уровнях материи и их взаимодействии.

Таким образом, представление о слоях развития и образует особую технику поиска каузальности и механизмов возникновения, функционирования и возможно, гибели объекта на исследуемом уровне. И потому в поисках причин любого феномена в слое (явлений), исследуемом наукой, мы обязаны учитывать, кроме объектов данного уровня, среду и объекты минимум на один уровень ниже.

Или, иначе, каузальность в определенном слое науки обусловлена активностью и функциями объектов предшествующего уровня. Данное утверждение не является просто редукцией. Никто не отрицает, что с возникновением нового уровня появляются и новые специфические закономерности и функции текущего исследуемого уровня. Тем не менее, в *системе или в объекте некоторые функции не могут быть полно поняты без анализа базовых элементов уровнем ниже*.

Особенно важным для понимания нового уровня развития материального объекта является исследование процесса возникновения или начального этапа формирования объекта на новом уровне. Многие исследователи, особенно в социальных науках, этим пренебрегают. Обычно в обществе само представление о появлении нового объекта возникает существенно позже возникновения. И момент, и детали появления часто безвозвратно утеряны. Действительно, первое исследование психологического или социального объекта (структуры) как статически данного изначально всегда описательно и не раскрывает его глубинной сути. Оно подобно классификации Линнея, но не достигает уровня Дарвина. Использовать холистические требования типа *“объект или система требует, чтобы... для сохранения объекта или целого необходимо...”* наука уже давно не признает корректным средством объяснения. В реальности только искусственные системы могут иметь требования и достигать цели, которые формулируются их создателями — людьми. Аналогично, элиты социальных структур тоже создают искусственные подсистемы стабилизации и сохранения систем. Изучение объекта должно, прежде всего, включать поиск и описание причин рождения, возникновения, первичного формирования

нового объекта из структурных объектов уровня ниже исследуемого[5]. Кроме того, нередко объекты одного уровня имеют собственную эволюцию. И тогда исследованию подлежат законы поведения объектов и взаимодействия их с внешней средой и друг с другом. В последнем случае важным оказывается поиск и возможное описание границ существования и причин и, по возможности, поиск механизмов гибели объектов, их аннигиляции.

1.5. Системы адаптации и обратных связей

Выбранные нами уровни материальной среды относятся к уровням живой природы. А живые системы, в отличие от неживых, имеют встроенные подсистемы адаптации — внутренние системы прямой и обратной связи.

Наличие адаптивных подсистем является для нас необходимым элементом структуры таких систем. Более того, в каждом уровне материального мира — психологии, социологии и социальной истории мы должны предполагать множество надстроенных друг над другом различных систем адаптации или координации, управления. Такая иерархия систем управления или адаптации не статична и не изначальна. Такое формирование происходит в *процессе развития* человека (каждого объекта, т. е. в онтогенезе). Оно идет и в развитии отдельной социальной структуры (то есть в онтогенезе) или в ходе исторического процесса развития подобных структур (то есть филогенетически). Причем можно предполагать, что вышестоящие системы носят характер более тонких и совершенных форм управления или регулирования.

Все сказанное по поводу развития человека как вида имеет отношение и к развитию его биологической составляющей, включая функционирование центральной нервной системы и нейрофизиологию вообще. Оно имеет отношение также к развитию его отдельной важнейшей чисто видовой (социальной как человека) сферы — психических функций — психики в целом, как в онтогенезе, так и в истории общества.

---

[5] Стоит отметить, что в системах программирования и в искусственных системах создание экземпляра необходимого типа или класса, придание ему требуемых функций для работы в системе и его “уборка” после работы, например, из памяти ЭВМ, являются рутинными обязанностями проектировщика. Поэтому исследование свойств объекта без анализа его появления, например, в социологической науке, кажутся человеку техники просто недопустимой небрежностью.

Этот же принцип, мы предполагаем, должен существовать и в отношении отдельной психической функции — мотивации человека.

1.6. Потребность общей модели мотивации для работы в социологии

Социальные отношения намного сложнее, чем броуновское движение, но природа социальных структур и, например, стратификации и т. п. могла бы строиться с учетом законов поведения отдельного, обычного человека. Этот принцип успешно применялся уже в политической экономии, где многие выводы (в основном по поводу обмена) строились на основе придуманного и так называемого "*человека рационального*". Наша ситуация являет собой более общий случай. Мотивация человека сложнее области отношений обмена продуктами труда и использования частной формы собственности. Наилучшим результатом стало бы построение обобщенной модели психологии мотивации просто человека "на все времена", т. е. модели (мотивации) человека, годного и для неолита, и для капитализма. Не утопия ли это? Такая возможность на практике давно демонстрируется: достаточно усыновить грудного младенца из Африки или Тихоокеанских островов в европейской семье.

Теперь о социуме и о человеке. Известно, что для построения модели газа и давления не было необходимости иметь теорию расчета индивидуального движения каждой из молекул газа. Так же и с человеком. Мы прекрасно понимаем, что общая модель индивида не позволяет прогнозировать поведение отдельного человека. Действительно, прежде, чем заниматься прогнозом индивидуального человека с его предпочтениями и целями, необходимо построить прогноз поведения *среднего обобщенного человека*, прогноз, исходящий из его средних обобщенных потребностей. И только на этом фоне общей или "генеральной" теории следует начинать искать и строить теории частные, например, теорию *современного* человека, дифференциальные теории поведения отдельных типов людей или людей с явно выраженными типами социального опыта и реагирования, которые дадут нам более реальную картину мира. Все исследователи, обогащенные знанием статистики и законов больших чисел, понимают — говорить об индивидуальном прогнозе поведения человека всегда дороже, чем делать общий социальный прогноз. Это, примерно, так, насколько сложнее предсказать секундные порывы ветра в ближайший час на данной тен-

нисной площадке в сравнении с прогнозом погоды в пригороде Санкт-Петербурга на завтра.

А требуется ли изучать потребности отдельного человека и с учетом его личных особенностей? Верна ли парадигма изучения конкретного при отсутствии представлений об общем? Зачем это? Чтобы предсказать, как будет себя вести один президент, один миллионер или один преступник? Стоит ли наука такой роскоши, если для прогноза поведения или предпочтений единственного частного лица нужны годы изучения его личности? Мы говорим об изучении не в смысле, что человек любит в еде, как привык одеваться, а каковы его моральные ценности, истинные представления о мире и о политике, его философские предпочтения. И вместо такой роскоши "влезания в душу" и систему ценностей личности, может быть, лучше просто ограничить сферу действия и возможности очень важного для нас человека? Ограничить его опасность и значение для нас так, чтобы его личность не вызывала у нас позже потребностей изучать его "подноготную" (это от пыток в нашей прошлой истории), чтобы нам этого не было нужно, не было "кровно" важно? Ограничить его власть законами и социальными противовесами и другими центрами власти?

Так, давайте, вернемся к задаче, которую можно решить сегодня — к теории общего и социального homo sapiens. Давайте сделаем это вместо тщетного в течение полутора столетий решения задачи более позднего и более высокого уровня — задачи построения *теории личности*.

Нам нужна модель психологии человека обычного и на "все времена". Нам хотелось бы говорить прежде не о современном человеке в европейском обществе или о человеке российского общества[6], а просто о человеке, родившемся в произвольном обществе произвольной культуры и цивилизации, или о человеке прекультурном, например, времен неолита. Если такой модели психологии в целом не существует, то нужна модель хотя бы части психологии, независимой от культуры, или, как говорят в математике, "инвариантной к культуре". Если такая возможность или модель существует, то объяснение активности и действий обобщенного человека в различных социальных и исторических ситуациях будет определяться теми типовыми мотивами, которые можно пытаться построить для такого обобщенного человека — моти-

[6] Ментальность европейца, россиянина, американца или иракца нам очень важны, но это, опять же, надстройка над моделями поведения человека общего "всех времен и народов".

вами как функциями социальной и, экономической и даже ментальной среды. И в этом и состоит цель общей теории мотивации человека в момент, когда у нас имеются только разрозненные фрагменты отдельных типов мотивации (разных экземпляров или типов личностей). И мы постараемся такую работу выполнить.

1.7. Прототип модели существует — это теория Маслоу

Для построения модели человека общего у нас среди уже известных теорий мотивации существует особая теория — иерархия потребностей Маслоу, которая настолько необычна, что вводит в ступор значительную часть психологов, особенно раздела социальной психологии. Наш анализ показывает, что в российских учебниках социальной психологии о теории Маслоу вообще почти не говорят.

А мы можем в первом приближении сказать, что именно теория иерархии потребностей Маслоу отвечает указанным в нашем анализе принципам иерархии развития биологического и социального, потом личного, т. е. послойного развития человека как объекта — теория имеет или отражает иерархию в развитии человека. И это не может вызвать никаких общих, хотя вызывает ряд частных, в деталях, возражений. Ибо совершенно ясно, что младенец сначала только ест, пьет и спит. И, только позже, он боится, учится говорить, общаться, бороться за место под солнцем и творить. Мы предполагаем, что структура иерархии потребностей Маслоу может дать решающее преимущество, поскольку образует ограничения порядка формирования потребностей — источника возникновения целей человека (целеполагания). Сама теория Маслоу как порядок, или как гипотеза порядка, вероятно, и является скелетом (или будущей основной) системы возвышения и развития психологии обобщенного субъекта как движения от биологического к психологическому и далее к социальному. В основе поведения человека лежат его потребности. Их начало положено биологией, но некоторые потребности постепенно переходят в культурную плоскость. Мы предполагаем в исследовании, что они определенным образом остаются всегда потребностями, т. е. сохраняют частично свой биологический механизм как подложку и как общий независимый от уровня культуры порядок (иерархии), хотя одновременно в жизни каждого индивида приобретают какие-то особые параметры в зависимости от личного опыта.

В силу своей простоты система Маслоу кажется непригодной к практическому использованию. О ее критике, реальных достоин-

ствах и недостатках мы будем говорить позже. В чем же дело? Реальное применение психологии как прикладной науки не создало в момент ее создания потребности в общей теории. Дело в том, что психология сформировалась как часть медицины и занималась душевными расстройствами. Позже, в XX веке, прагматизм растущих организаций и производства повлек развитие частных или дифференциальных теорий мотивации человека. Например, в бизнесе нужно мотивировать к труду слой отдельных и достаточно высокооплачиваемых людей (бухгалтеры, служащие, молодые предприниматели в развивающихся странах). А заинтересованность в результатах труда работников низкой квалификации обеспечивается обычно сдельной оплатой труда. Отсюда и само внимание психологов — специалистов по мотивации — на исследование отдельной личности с ее отличиями от других людей было направлено к различению мотивации квалифицированных работников. Общее исследование мотивации человека в целом оказалось не востребованным и соответственно не развитым. Так в науке патология, дифференциальная психология, мотивация личности стали развиваться без общего представления о норме среднего индивида. Телега оказалась впереди лошади. Для других наук такая ситуация была бы просто невозможна. Разве изучал бы Линней внутривидовые отличия в биологии прежде, чем описал бы сам вид в его нормальных средних характеристиках и в отличиях от других видов[7].

Теперь, возможно, наступил момент, когда недостаток можно устранить. У нас в руках теория иерархии потребностей Маслоу.

1.8. Интеграция теорий как принцип апробации общей теории

Одним из ведущих и возможно самым важным из критических замечаний к теории Маслоу является указание на отсутствие экспериментальной проверки теории. Формально это, вероятно, так. С другой стороны, автор и его последователи могли бы поднять на смех критиков по поводу замечаний — порядок почти каждой пары соседних потребностей, за исключением потребностей верхнего уровня, практически тривиален (ясен исходя из здравого смысла).

Вероятно, истина состоит в том, что, и это наша гипотеза по поводу “отсутствия” проверки, такая проверка *не принесет лавров исследователю*. Например, доказывать *очевидное*, доказывать, что человек

[7] Здесь у психологии как науки возникает общая ошибка атрибуции.

не может жить без пищи, доказывать, что голодный человек не может думать о завтрашнем дне — доказывать все это, вероятно, не слишком увлекательная цель для исследователя в науке. Нет смысла убеждать кого-либо и в том, что уважению всегда предшествует общение и принадлежность, или, что забота о запасах и жилье, о материальной безопасности следует не раньше утоления жажды и минимальной сытости. У теории, правда, есть свои проблемы. Мы позже укажем недостатки этой теории в чужих оценках и недостатки, обнаруженные нами. И мы будем корректировать теорию.

Но формально теория рассматривается как спорная, а некоторыми как бесполезная. И ощущение второго, очень возможно, влияет на мнение о первом. Порядок потребностей мы еще раз будем подробно анализировать. Но доказательство значения теории мы хотим построить на основе и ее полезности. И в данной работе мы предлагаем первый, возможно, самый оригинальный, а может быть и неизвестный еще метод апробации этой общей (по нашему мнению) теории. В этом методе, мы, вероятно, расширяем логику Карла Поппера в части выбора наилучшей теории среди альтернативных теорий (T_1 или T_2). Теории по Попперу оцениваются по извлечению из теорий следствий и анализа того, что они дают. По характеру следствий мы судим, подтверждается гипотеза-теория или нет. Например, дана проблема P и теория T для решения проблемы. Мы говорим, что если теория верна, то должны следовать p_1, p_2 ... следствия, подтверждающие на практике эту теорию. Их отсутствие должно свидетельствовать об обратном [Реале Дж., Антисери Д., с. 665–666].

Действительно, у гуманитарных наук имеется своя специфика — изобилие мнений и не точных знаний, моделей или теорий, часть которых пока не верифицирована, не проверена (не валидна), но имеет оценочный характер.

Уже развитые и используемые теории или модели мы представляем как множество практик (применения теории). Единичная (не общая) теория выступает как частичный факт или как обработанная в модели группа фактов (биологической, психологической, социальной) действительности. Такая факт-модель, иногда осложненная ошибками исследования, ошибками обработки и ошибками определения границ применения, отражает фактический материал. И поскольку она не опровергнута прямо и принята к использованию в научной практике, то пригодна к рассмотрению нами и как эмпирическое представление (в мышлении других исследователей). Короче, она частично отражает реальность.

В системном анализе, в работе с объектами, которые представимы теориями, верными только частично, мы можем принимать несколько иные правила игры, чем в точных науках, где границы моделей более ясны.

Подобные теории мы рассматриваем, как суждения, неявно содержащие истину или “частично истинные”. Именно потому они не опровергнуты полностью и используются [Ядов В. А., 1995]. Некоторые из них верифицировались с помощью экспериментов. Другие использовались на практике. Третьи не опровергнуты, потому, что не противоречат общим интуитивным представлениям специалистов, а, следовательно, прошли экспертный контроль. Мы используем эти теории поэтому, как условный фактический материал, когда отстаиваем общность некоторых положений иерархии потребностей Маслоу.

Таким образом, мы получаем множество относительно простых идей или моделей как частично верифицированных суждений. Из них мы можем пытаться строить цельную картину более просто организованную. При этом мы утверждаем свое право отбрасывать теории-фрагменты или осколки, не укладывающиеся в цельную схему до поры их уточнения или лишения лицензий на истину. Тем самым, можно попробовать сформулировать правило puzzle — мозаики. Сложить цельную картину из множества частично верных обобщений и моделей — это вполне рациональная работа для современных системных аналитиков, находящихся снаружи проблемных границ сказки о “Снежной королеве”.

Общая цель — состоит в том, чтобы создать систему. У нас имеются логические и частично эмпирические основания считать теорию Маслоу общей теорией психологии, которая удобна во многих макроприложениях. Наша конкретная цель состоит в том, чтобы проанализировать возможность представления теории Маслоу в роли общей теории (первого верхнего уровня сложности). Чем больше различных моделей укладывается в предлагаемую общую схему (Маслоу), в общую теорию, которая уже, как мы утверждаем, существует, но не признана общей, тем надежней наш вывод о ее ценности (на множестве теорий). При этом мы вовсе не исключаем нашего права на коррекцию и самой общей теории Маслоу. Критерий коррекции — тот же — именно объединение множества теорий с более четкими границами их применения.

Итак, с позиций выбора лучшей по критерию Поппера теории вместо набора уже имеющихся теорий T_1, $T_2 \dots T_N$ мы предлагаем такую единую теорию T_0. Из нее могут следовать ранее изолированные и независимые теории T_1, $T_2 \dots T_{N.}$ Могут следовать или взаимно и непротиворечиво стыковаться и взаимодействовать. Тогда мы считаем, что приведенные гипотетические основания включения каждой отдельной

теории к теории T_0 являются множественными аргументами истинности T_0. Все следствия частных теорий тогда будут и доказательствами приемлемости теории Маслоу.

Однако, основную ответственность за доказательство утверждаемой последовательности возникновения потребностей в теории Маслоу (гипотезы порядка) в этой работе мы берем на себя (прежде всего, речь о трех высших уровнях).

В реальности с апробацией и применением теории Маслоу не все так плохо. Например, в США, в двухнедельном курсе ухода за пациентами, в первый день и час занятий, слушателям уровня будущих санитаров предлагается познакомиться с теорией "пирамиды" Маслоу. Слушателям указывается на важность учитывать появление тревоги пожилых пациентов при смене обстановки (переезде) и при смене работника и других условий ухода за ними (потребность в безопасности). Другими словами, там, где уровень удовлетворения потребностей опускается ниже к "началу-концу" жизни, теория Маслоу работает без надстроек, которые должны учитывать тип личности, отличия личностей друг от друга. И апробация теории для применения никого не волнует. Наоборот, ее используют для выработки и подкрепления простых практик медперсонала.

Частично подтверждение порядка потребностей Маслоу на высших (трех) уровнях мы будем позже представлять в наших других работах по интерпретации истории земледелия до возникновения коммунальных городов в Европе. Здесь экономические процессы сопровождаются изменениями ментальности населения на длительных периодах. Возможность использования такой доказательной базы продемонстрировал сам Дэвид Макклелланд в своей работе "Мотивация человека", в разделе "Мотивационные тенденции в обществе" [Макклелланд Д., с. 456–520], где демонстрировал свои выводы по теории феномена "достижения", "власти" и "аффилиации" (эмоционального позитивного контакта в общении). Уже в последние месяцы мы обнаружили работу политолога Н. А. Баранова, где теория Маслоу применяется в отношении анализа ментальности российского общества [Баранов Н. А.].

1.9. Используемые принципы в целом

Таким образом, в этом разделе мы представили основания для вторжения в сферу психологии и указали на известный кризис этой и ряда смежных гуманитарных наук. Мы начинаем изложение результатов

работы по теории Маслоу, опираясь на ряд общесистемных положений кибернетики и философии науки:

— многоуровневый или иерархический по типу характер развития материи и (ее отражения в науке);

— признание принципа каузальности такого развития как парадигма построения науки;

— учет базовых объектов нижнего уровня (наук) при формировании теории и в анализе проблем в науке изучаемого текущего уровня;

— учет адаптивных свойств материальных объектов в исследуемой области материальных объектов;

— отсутствие общей теории мотивации человека;

— наличие большого числа отдельных (или фрагментарных) теорий поведения или мотивации человека в различных ситуациях или различного типа поведений в связи с различием опыта или жизненной истории индивидов;

— потребность иметь теорию, которая представляет поведение среднего и нормального человека в основном спектре жизненных обобщенных ситуаций;

— учет того, что такая теория (Маслоу) гипотетически уже существует, но имеет ряд критических замечаний;

— предложение к объединению всех теорий в связанное целое при исправлении или коррекции теории Маслоу и с формированием системы проверки или апробаций этой теории;

— предложение нового принципа апробации общей теории количеством частных теорий, которые ей не противоречат и с ней стыкуются.

ГЛАВА 2. МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА. ПЕРВЫЙ АНАЛИЗ

2.1. Почему потребности важнее мотивов

Читатель в России в соответствии с традиционным образованием привык считать, что человека создал “труд”. А труд человека или его активность (в зрелом возрасте), как утверждают психологи, определяется его мотивами. Мотивы — это некое *мысленное и сознательное представление человека о необходимости некоего действия или цель, которую следует достигнуть*. Иногда это и привычка уже без участия сознания, привычка складывается после многих циклов осознанного действия. Но об этом позже.

Когда же в сознании человека возникает мотив и почему? Мы утверждаем, мотив возникает под действием потребностей.

Жизнь человека определяется, прежде всего, его потребностями. Потребностями, как физиологическими, низменными, так и духовными, возвышенными. И чтобы понять, какие цели ставит человек, какие мотивы он имеет, необходимо понимать, какие потребности и когда у индивида возникают.

Нам могут возразить, что жизнь человека определяется и окружающей средой, и его социальным окружением, институтами, и мы не будем возражать. Нам будут указывать, что у человека есть “воля” и право делать то, “что угодно”. Мы просто ранжируем все эти воздействия и сравниваем их с силой внутреннего ощущения индивида, с потребностями индивида. Все остальное, кроме потребностей, вторично, вторично, онтогенетически и филогенетически. Объясним наш подход.

Среда и социальные институты. Среда не просто изменяет поведение индивида — она своим воздействием и изменением трансформируется в систему потребностей индивида, например, вызывает его беспокойство или расслабляет его, среда модифицирует систему потребностей человека и только тогда он начинает (или не начинает) активность. Действительно, между воздействием внешней среды и началом действия индивида всегда находится не только его мотивация (рациональное осознание и план), но и его потребность. Например, даже, когда человек вынужден исполнять чужую волю и действует “из под палки”, он действует под началом *своей* потребности, например, страха наказания (потребности в безопасности). Поэтому между средой и действием человека оказывается феноменом некое состояние человека, именуемое “потребностным состоянием”, которое и ведет

человека к следующей активности, сначала к рациональному обдумыванию, потом к действию. Человек при изменении среды будет себя вести не строго в соответствии со средой, а с учетом того опыта и научения, который он получил в прошлом. Он будет бороться, преодолевать или приспосабливаться, что прекрасно отражено в дифференциальной психологии Макклелланда.

Кроме того, если среда или социальные институты не соответствуют потребностям человека, он живет меньше, он страдает, он умирает сразу или умирает раньше.

Есть и другие аргументы важности потребностей.

Во-первых, потребности — самое начало человека, когда он "человек" только генетически и более никто. Маленький человек, как и животное, начинает свою первую деятельность, удовлетворяя потребности. Он еще не имеет психологии, не имеет мотивов и действий по удовлетворению потребностей, кроме крика и улыбки. И он, еще ничего не сделав, потребности изначально уже имеет. Это аргумент — аргумент первого появления "объекта". Труда, тем более мотива, еще нет, а потребность уже есть! С другой стороны, потребности неудовлетворенные — это финал человека, его тела и его мозга — носителя разума. В конце концов — потребности запускают активность индивида, главные его поступки, их основной объем, они же и завершают в невозможности их удовлетворения активность человека и саму его жизнь. Поэтому не прав, например, А. Н. Леонтьев, планируя "построение психологии, исходящей из примата деятельности" в своей работе "Деятельность, сознание, личность", [Леонтьев А. Н., т. 2, с. 205–207]. Обратить внимание на то, что отличает человека от животного — не означает понять в человеке все. Примат труда — только лозунг, если мы не определили значение этой стороны кубика Рубика в психологии, и это часть процесса удовлетворения потребностей. Уже для любого действия человек должен его желать и иметь цель действия, если только мы не опускаем нашего "разумного" до уровня робота, который не по Азимову имеет желания. Сначала логичным является понять становление человека, его выход за биологические рамки из биологического естества. Филогенетически для человека, действительно, важнее активность, труд. Но для понимания поведения отдельного индивида и масс людей в истории его (их) текущие актуальные потребности важнее, как достигнутый, текущий уровень, как состояние или, как говорят в математике, "начальные условия", определяющие возможные будущие действия.

В то же время, в конечном счете, мы покажем и частичную правоту Леонтьева — *деятельность тоже может творить потребности*,

но это конечный, а не начальный пункт нашего и человеческого личного пути познания и развития.

Мы можем теперь сказать и точнее. Потребность человека интегрирует в него все воздействия среды и социума и его предшествующий опыт в состояние готовности к планированию действия и к началу действия. В этой фразе мы ограничили индивидуум как объект от внешней среды феноменом возникновения или отсутствия потребности.

Во-вторых, российский гражданин и даже исследователь в области гуманитарных наук выучен и привык считать, что если социальные структуры не удовлетворяют жизненным потребностям индивидов, то общество ниспровергает такие структуры в "социальной революции". И хотя дело обстоит несколько сложнее, но все же это даже в марксистском материализме, который неоднократно сам себе одевал идеалистические наручники, отражает "необходимость социальных структур соответствовать потребностям основной массы индивидов". Или иначе, если минимальные потребности членов общества перестают удовлетворяться, то "верхи не могут, а низы не хотят". И "низы" не хотят тогда, когда их существенные потребности не удовлетворяются. И тогда старая система социальных отношений разрушается. Эту же мысль с иных позиций, которые очень не нравятся чиновникам, но которые просто полагается знать и исследователю социологии, и простому обывателю, излагает и Герберт Спенсер:

"Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные на благосостояние политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц" [Спенсер Г., с. 10].

Вот это прямое указание на подлинную и историческую роль потребностей или "притязаний" основного состава социальных структур — народа — мы приводим, и чтобы подтвердить роль потребностей в цепочке мотивационного и трудового процесса, и чтобы поднять самоуважение людей к себе и своим нуждам. Конечно, сказанное имеет отношение и к экономическим агрегатам, что хорошо видно в случае мобильности людей — текучести рабочей силы или эмиграции. Люди меняют труд и место труда, когда их потребности не удовлетворяются.

Приоритет потребностей перед трудом и даже местом жизни налицо! Перед социальной структурой и культурой тем более. Человечество — это множество субъектов, которое живет и поддерживает

метаболизм, развивается, и даже изменяет среду, корректирует природу и создает социальные институты и культуру. Среда и социальные институты развиты и подчинены в значительной степени потребностям среднего человека и на протяженном времени. Из трех факторов: потребностей человека, его социальных институтов и культуры — безусловному обеспечению подлежит только первый фактор — потребности. Остальные по происхождению вторичны. В реальности, утверждая вторичность социальной структуры перед потребностями, Спенсер продолжил идею Конта о связи уровней объектов природы. Нижние элементы образуют структуры первичного и фундаментального порядка, но это и есть естественный ход вещей, и никак иначе. Для нас этот вывод ключевой по многим параметрам и по защите смысловой структуры настоящей работы: потребности и психология определяют активность и труд, а потом определяют и цель, и формы социальных структур, культуры, которые на этой основе создаются.

Потому социальные и этические ментальные надстройки над жизнью человека вовсе не предмет внешний к его потребностям. Это инструменты помощи в удовлетворении и поддержании потребностей людей, непроизвольно созданные обществом и ежедневно корректируемые каждым из нас в практике. Но по происхождению культурные надстройки — это изначально результат потребностей и активности, а не просто среда их обитания.

Отсюда всякие обвинения в грубом материализме при утверждении приоритета потребностей были бы совершенно неуместны. Стоит обратить внимание на то, что сам Маслоу посвятил борьбе против культурной идеализации и за материализацию и естественную биологизацию представлений о потребностях очень много сил и места в своей “Мотивации и личности”.

Система потребностей, как мы покажем, дает возможность учесть самое высокое в человеке, включая и его духовность. И духовное в потребностях надстроено над низшим. Но отрывать высшее от материального и искать высшее вне всякой связи с низшими потребностями или вне связи с базой нейрофизиологии так же не верно, как надеяться на то, что город может обойтись без деревни, наука — без оплаты, армия — без солдат, а летчик дальнего бомбардировщика без туалета.

Гармония человека в его духовности. Это достигнутая ценность и ее следует беречь. Но не в отрыве от материального! Высшее — это следующий уровень бытия. Путь к нему непрост. Он определяется и условиями жизни, труда и ментальности и городского мусорщика, и последней старушки в забытой Богом деревне. А если не определяется, то этот путь как мост к духовности рушится страшными социальными

катастрофами, которыми полна история. И хотя этот путь к духовности не равен самым тяжелым условиям жизни, он предполагает *и существование своей материальной основы и ее нравственного решения на этом пути*, и без последнего он не становится "истинным путем", путем к Храму и Гармонии. Именно в этом ключе теория Маслоу сможет показать связь духовности с материальным как подложкой. И это является одной из целей данной работы.

Самое интересное для читателя, по мнению автора, здесь в том, что теория Маслоу способна показать не просто связь духовного с материальным, но отразить опасность вульгарного и безнравственного в самых высоких "слоях потребностной атмосферы", как раз там, откуда опасность не ожидает интеллектуал.

С другой стороны существует и наша общая озабоченность об опрощении и принижении значения систем ценностей и культуры. Она вполне умещается в суждении Милля в его "Утилитаризме": "Лучше быть больным Сократом, чем лоснящейся жизнерадостной свиньей". Мы вполне сошлись бы на том, что нам нужно эффективное размножение "лоснящихся жизнерадостных" Сократов. А теперь мы понимаем, что, во-первых, одной сытости и здоровья недостаточно вообще, и что, с другой стороны, в гармоничном обществе сытыми и здоровыми должны быть не только его Сократы[8].

Итак, вся среда и культура в человеке прежде его любой активности оказывается аккумулированной в событии возникновения потребности. Только потом разворачивается то, что мы именуем мотивацией, и активностью индивида. Отсекая среду и общество от потребности, мы, тем самым, отграничиваем внешнее (высшее и низшее) от *нашей системы исследования*, то есть от *процесса мотивации*, в которой первым элементом является потребность.

Существует и еще один аспект первичности потребностей и материального. Мы утверждаем, что парадигма (общее представление) "мотивации и активности человека исходя от потребностей" реализует материализм в психологии, а потом и в социологии. Почему? Дело в том, что каждый акт сознания и мышления человека, включая самый возвышенный, тем более, акт действия, управляемый мышлением, есть и акт нейрофизиологический, а потому просто физиологический. И бессознательное в поведении человека имеет ту же природу. Потому только утверждая, что сознательное в мышлении и действии и всякое

---

[8] Беспокойство по поводу "особенностей национальной культуры" всегда было и остается головной болью ее носителей. И для институтов науки и культуры в России еще не наступили лучшие времена.

бессознательное действие человека имеет нейрофизиологическую основу, мы уже постулируем материализм в психологии.

Если в соответствии с этим считать мотивацию и всякое действие преимущественно результатом потребностей, то и сами потребности следует считать поддержанными нейрофизиологией, или основанными на нейрофизиологии. Этот вывод важен особенно для высших потребностей, например, даже в случае альтруистического поступка, бессознательного любопытства в науке и т. п. Даже в капризе и в сознательном (якобы) немотивированном действии мы обнаружим потребность, имеющую физиологическую подоплеку (см. ниже потребность новизны и неопределенности).

Почему это так? Если мы начнем утверждать, что духовные потребности есть нечто идеальное[9], то мы немедленно входим в противоречие. В неверной логике чисто нравственное и не поддержанное организмом, т. е. не материальное явление (явление "души" или "воли", не имеющее оснований) вдруг начинает вызывать материальное действие в природе — нейрофизиологическое действие в сознании — например, в мотивации, или сразу влечет некое поддержанное нейрофизиологией действие индивида, даже бессознательное. В этом мы видим нарушение материализма[10].

Наоборот, нечто, принятое в психику и в поведение как *нравственное* — это результат длительного воспитания и подкрепления психики (опытом и другими материальными ресурсами). Воспитание не что иное, как бихевиоризм ("поведенчество" или признание теории условного рефлекса Павлова или теории "стимула-реакции" — "наживки"-подкрепления), см. ниже. Таким образом, духовное никак нельзя считать оторванным от материального в самом высоком и сложном смысле. Даже внутреннее напряжение долга следует рассматривать не как что-то абстрактное, а как вполне определенное нейрофизиологическое состояние с прослеживанием длинных логических цепочек — верных или ошибочных, но признанных субъектом верными, и мы должны иметь это в виду.

Маслоу отстаивал взгляд, что потребности возникают всегда как состояния инстинктивно, т.е. всегда имеют основание ниже рацио-

---

[9] Обычно в России со времени доминирования государственной тотальности подразумевается разрыв связи между частным интересом индивида и общественной значимостью поступка.

[10] Впрочем, в сильной психике бывают исключения. Нам известны в йоге опасные попытки сознанием остановить процесс собственного дыхания. Автор экспериментов позже рассказывал, как тяжело он боролся за восстановление своего дыхания.

нального — нейрофизиологическую основу. Мы утверждаем, что “инстинктоидность” свойственна и ряду высших потребностей, только эта инстинктоидность является в определенном смысле “приобретенной”. Однако, из этого вовсе не следует низменность или примитивность высших потребностей, хотя в культурном плане могут быть и такие. Для некоторых из потребностей исследователи долго не могли найти материальную основу — внешнее подкрепление. Мы будем об этом говорить в некоторых ситуациях как об особых формах самомотивации — о “метапотребностях”.

Здесь впервые возникает это понятие. Метапотребность на данном этапе изложения — это такая потребность, для которой экспериментаторы на протяжении XX века не смогли найти объяснимого внешнего “стимула” в теории Павлова (бихевиоризма). Наблюдавшийся феномен появления потребности, или импульса, драйва, влечения, у которых нет внешнего стимула, рассматривается как нечто высшее, и потому получило имя “метапотребности”. Именно метапотребности мы уделим одно из самых больших мест в данной работе. Поскольку у метапотребностей исследователь не видит внешних подкреплений, то наше внимание в поиске материальных оснований логично обращается к нейрофизиологии, к еще более низкому уровню материальных процессов (и отражающих их наук), где мы, таким образом, ищем причинный характер поведения человека.

Итак, вернемся к уровню нашего ведущего объекта — потребности. В продолжение работ ряда известных философов, социологов и психологов мы намерены во всех массовых действиях людей видеть, искать соответствующие потребности. Духовное поведение человека также реализует ряд его потребностей. Что это за потребности (общения, уважения, самоактуализации, достижения и т. п.), в каком смысле они духовны, культурны и где лежит их материальное или нейрофизиологическое основание? Это будет предметом нашего исследования. Теорию Маслоу обвиняют в утверждении “инстинктоидности”, т. е. неосознанном, инстинктивном или подсознательном характере возникновения сформулированных им потребностей. Это не только верно в отношении теории, хотя в части высших потребностей сам Абрахам Маслоу, как мы покажем, еще и сомневался. Это верно в отношении ВСЕХ потребностей, которые есть и могут возникать у человека.

Как известно, инстинктоидность влечений и потребностей отстаивал Зигмунд Фрейд. Его общая установка на генерализацию сексуального в психике человека мы не принимаем как основу для общей психологии. Мы предполагаем, что специализированная практика (сексопатологий и психопатология как ведущий опыт) создает искаженное

представление о культуре и в свою очередь порождает искаженные модели мира. Аналогичное случалось и в других науках, когда исследователь начинал строить картину мира из своих профессиональных моделей. Однако у Фрейда мы находим интересный общий аргумент "экзистенциальности" как подтверждение инстинктоидного характера всех потребностей в биологическом и социальном мире. Фрейд в его "Неудовлетворенности культурой" пишет:

"Вопрос о смысле человеческой жизни поднимался бессчетное количество раз, но нигде ни разу не было дано на него удовлетворительного ответа, а возможно его и нет. Некоторые из числа тех, кто задавал этот вопрос, добавляли, что если в жизни не окажется цели, она потеряет для них свою ценность. Но это угроза ничего не меняет. Напротив, создается впечатление, что этот вопрос можно оставить без ответа, ведь он возник на почве человеческой самонадеянности, многочисленные проявления которой нам уже знакомы. Никто не говорит о цели в жизни животных, за исключением разве что тех случаев, когда они находятся на службе у человека...

Таким образом, мы подошли к более прозаичному вопросу, а именно: "Что сами люди выявляют своим поведением как цель и стремления в жизни?" Что они хотят от жизни и стремятся в ней достичь? Вряд ли можно подвергнуть сомнению ответ на этот вопрос. Они страстно желают счастья; они хотят стать счастливыми и оставаться такими. Это стремление имеет два аспекта, позитивную и негативную цель. С одной стороны, оно направлено на исключение боли и неудовольствия, а с другой — на достижение сильного чувства удовольствия." [Фрейд З., с. 151–152]

В этом фрагменте мы обращаем внимание на наблюдение Фрейда о том, что человек пытается, но не может сформировать собственную цель жизни, но никогда не думает о цели в животном мире. Как пытается? Рационально! Обсуждение цели — это рациональная часть работы его психики! Чувства удовольствия или исключения боли, страдания, беспокойства — не осознаваемы. И запускаются они не осознано. Именно потому, человек и не понимает, когда и как возникают его ощущение счастья, удовлетворенности и его дискомфорт. То, что делает его сознание рационально в мотивации, не имеет рационально ощутимого им источника — потребностей. Потребность в момент появления воспринимается психикой иррационально. Это и есть подтверждение инстинктоидного, не воспринимаемого разумом, характера и источника возникновения ЦЕЛЕЙ ЖИЗНИ. В реальности человек осуществляет только мыслимые им ЦЕЛИ ДОСТИЖЕНИЯ ВОЗНИКШИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, а не ЦЕЛИ СВОЕГО БЫТИЯ. У животных процесса

мотивации практически нет, и их не мучает эта тема. Сравнительное наблюдение Фрейда о человеке и животных и наше понимание различия потребностей и мотива подтверждает и обобщает вывод: человек имеет в жизни такие цели, какие потребности он имеет.

В конце этого раздела, только в конце, мы сошлемся на то, в чем были воистину правы широко в прошлом цитируемые их догматическими последователями классики. Сошлемся на известную фразу Ф. Энгельса о том, что "люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей..." [Маркс, К. и Энгельс, Ф., **20**, с. 28]. Да! Это не вполне тривиально. Но это верно. И мы это покажем.

2.2. Ограничение потребностей возможностью их достижения

"...человек не желает неосуществимого"
А. Маслоу

Мы знаем, что ряд дефицитарных, например, физиологических, потребностей у индивида обязательно должен удовлетворяться, иначе индивид погибнет. Пусть некоторым образом физиологические потребности удовлетворяются. Тогда на их фоне удовлетворения у индивида могут возникать другие, новые потребности. Для новых потребностей более высокого уровня, которые часто именуют культурными потребностями, проблема возникновения или удовлетворения потребностей существенно зависит от обстоятельств — от ВОЗМОЖНОСТЕЙ СРЕДЫ.

Возьмем, например, такую потребность, как жилье, или проще, для нашего примера, чтение брошюры. Пусть индивид поставил цель изучить какую-то брошюру, например, о правилах получения бесплатного жилья в муниципальном фонде. Пусть даже он ее достал и собирается ее прочесть. Дальше мы видим материальные или, иначе говоря, объективные ограничения или основания для предполагаемой активности. Для чтения книги, например, — такие ограничения или условия — это отсутствия прямой опасности, голода, жажды, холода или жары, возможность спокойствия и отсутствия угрозы для здоровья, наличие печатного экземпляра и относительной тишины или возможности сосредоточиться и т. п.

Точно так каждый средний человек ограничен в достижении новой возникшей потребности целым комплексом условий, которые он может иметь или не иметь на данный момент.

Итак, мы скажем, что активность определена внешними условиями и текущим состоянием индивида. А если активность ограничена, то

в некоторых случаях и невозможна. Невозможна в том смысле, что она, будучи начата, не приведет к положительному результату, к удовлетворению потребности.

Если человек не может удовлетворить новую потребность сегодня, завтра и через неделю, и его попытки тщетны далее, то рано или поздно надежда исчезает — цель снимается, активность в этом направлении прекращается. И это типовое поведение[11]. И это бихевиоризм.

Примечание: То, что говорится далее, касается социологов и не имеет никакого отношения к рядовому обывателю. Каждый человек должен бороться за себя до конца. Далее речь идет о порядке использования теории потребностей в истории и в социологии.

Но если *в массе* люди учатся на первых ошибках в своем поведении, то после научения и с опытом, они не проявляют активности для удовлетворения потребностей, которые, как они считают, удовлетворить маловероятно или невозможно[12].

Это в переводе на язык потребностей означает, что люди не проявляют или снимают с повестки дня те потребности (кроме низших потребностей, без удовлетворения последних они просто быстро умирают), которые они не могут практически удовлетворить. Но тогда мы приходим к следующему выводу: в среднем и для человека как вида и представителя социума и в продолжительном времени реально существующие потребности вполне адекватны реальным (материальным и в том числе и социальным) возможностям их удовлетворения. Естественно потребности и их ожидаемый уровень соответствует статусным и т. п. возможностям.

---

[11] Уже у Халла (Hull, 1943) и исследователя, который его корректировал, Кеннета Спенса (Spence, 1956), возникли количественные модели потенциала возбуждения (готовности к активности или "драйва" — в нашем смысле потребности) через силу привычки, размер вознаграждения [Макклелланд Д., с. 111–112].

Позже Аткинсон (Atkinson), работая с когнитивными (познавательными) данными индивида, имеющего потребность (в литературе — мотив), представляет модель потенциала возбуждения в виде формулы, Аткинсон: сила потребности (драйва) * субъективная вероятность успеха * значимость цели или ценность достижения [Макклелланд Д., с. 553–554].

Короче, если в ходе опытов индивид терпит неудачи, то его субъективная вероятность успеха неизменно падает. То же дает в теории и практике Вейнера (Weiner, 1966) и эффект "аккумуляции неудач" [Макклелланд Д., с. 120–121]. Эксперимент Вейнера несколько иной, но разночтения между тревожными и нетревожными участниками экспериментов в данном случае не важны. Тревожные быстрее теряют уверенность в возможности (у них быстро падает субъективная вероятность успеха), чем нетревожные — "тупые к результатам".

[12] См. ниже о выученной беспомощности и экспериментах Селигмэна.

И, заметим, это не психологический принцип, а вполне социологический, но более того, это тоже *материалистический* принцип. Как сказал Абрахам Маслоу,

“...человек не желает неосуществимого (...об осознанном стремлении). Мы гораздо более реалистичны в своих претензиях, чем допускают за нами психоаналитики, с головой ушедшие в проблему бессознательных желаний” [Маслоу А., 1970/2001, с. 73].

До Маслоу этот же принцип защищали известные исследователи Дьюи и Торндайк. К этому можно добавить только одну деталь: речь идет не о любых желаниях, а о достаточно культурных, предполагающих сытого человека без жажды, холода и других биологического уровня страданий, без “осуществимости” которых он просто умрет. И тогда можно сказать более точно: “еще живой человек не желает неосуществимого...”.

Примечание: К этому же приводит и ряд культурных ответов человека, собранный в перечне Фрейда как философа и социолога в его “Неудовлетворенности культурой” (всего их семь) [Фрейд З., с. 150–178]. Пригодные для основной массы людей ответы — это — 1) включение в сообщество людей, т.е. подчинение историческому процессу и создание в широком смысле цивилизации как признание реальностей, и 2) включение в сообщество людей для создания иллюзорного мира удовлетворения потребностей после смерти (в религии). Еще три образуют частные формы удовлетворения. По мнению Фрейда они не пригодны для всех людей. Это — 3) индивидуальная любовь и любовь к человечеству, 4) творчество и эстетика и 5) добровольный уход от мира и покой. Психопатолог учитывает и свою тему 6) химические формы опьянения и 7) неврастенические реакции и психозы. Почему 3–5 не пригодны для всех? Сначала о системе 3). Любовь не стабильна, объект любви трудно найти и легко потерять. Любовь к человечеству Фрейд дезавуирует позже в тексте. Мы, говоря об альтруизме в 13.4, указываем на необходимость ресурса, иначе, это обращается в схему 2). С учетом иерархии Маслоу Фрейд оказывается практически во всем прав — системы 3–5 пригодны не для всех, хотя бы потому, что являются определенной надстройкой над определенным уровнем базовых потребностей. Системы 2 и 6 являются психологическими и физическими средствами защиты, и последнее тоже возможно не всегда. Система 1) и 2) являются, по сути, принятием мира таким, каков он есть. Первая в реальности, вторая как контрсистема психической защиты и стабилизации. Человек вынужден жить в мире реального, а мечтать не запретишь!

Желание осуществимого образует фактически и саму иерархию потребностей. Если нельзя обеспечить высшее, то человек ищет только низшего для сохранения самой жизни. Приоритет низшего и более насущного перед высшим проявляется, например, в экономической теории. Там он звучит как несоответствие спроса и предложения для ряда т. н. “жизненно важных” товаров, для которых спрос оказывается “неэластичным”. Для таких товаров (хлеб, молоко) при росте цен на товар спрос на товар не падает или падает ничтожно. В обычной жизни

рыночный обмен — это обмен людей, имеющих равные права собственности. Но если жизненно важного недостает всем, то эти права (и свободы) вынужденным образом отменяются в “пользу жизни”. Общество в критических случаях (войны, стихийных бедствий, саморазрушения тоталитарных систем) для сохранения популяции разумно переходит к конфискации и нормированному распределению продуктов.

В итоге мы можем сформулировать логику направлений настоящих исследований. Если мы сможем построить универсальную в первом приближении модель потребностей, показывающую типическое их состояние для множества индивидов на любой исторический момент, то далее мы сможем с помощью такой модели получить ответ о будущем поведении или о намерениях поведения масс людей в социальной системе. Мы получим ответ для тех социальных условий человека, социума, бытия (границ активности), какие сочтем типичными или важными и потенциально интересными. И основой прогноза поведения потому оказывается *теория мотивации* (точнее теория потребностей и формирование мотивационных структур в сознании по поводу и для запуска активности), а не *теория поведения* или даже *теория мышления*, [Маслоу А., 1970/2001, с. 71]. Последнее, можно повторить, следует из того, что человек адекватен своим потребностям. И наш посыл правилен потому, что потребности и активность не зеркально и взаимно равны, а именно, потребности являются первоначальным источником активности и в онтогенезе, и в филогенезе.

2.3. Структура мотивации. Потребности и мотивы

Сложность описания потребностей человека и отсутствие общепринятой системы потребностей до настоящего момента в теориях потребностей и мотивации повлекли использование более понятной психологам и социологам весьма сложной и многозначной структуры — мотива.

Мы здесь даем наше понимание мотива. Мотив выступает как *опосредование потребности и активности* (удовлетворяющей потребность) *промежуточным звеном*. Это звено включено в следующем виде: потребность — *мотив* — труд или активность — достижение цели и удовлетворение потребности (или подкрепление) — *анализ результата*.

Мы особенно подчеркиваем важность *анализа результата*. Мотивационный процесс, если он оторван от финала — анализа результата, чудовищным образом разрушает цельное представление о деятельности и мышлении. Анализ результата — и рациональный, и иррациональный,

подсознательный процесс, сопровождаемый часто, как в России хорошо известно, крепкой эмоцией. Фактически вместо “просто мотивации” — прагматического примитива понять, что человек “сейчас будет делать”, мы вынуждены заниматься всем блоком — активности и мышления. К этому выводу обращает нас модель прямых и обратных связей в кибернетике. Проблему мотивации в поведении в упрощенном смысле можно сравнить с проблемой завязывания шнурков на ботинке в рамках ходьбы. Если плохо завязал, будешь перевязывать, пока не получится. И все это входит в мотивацию.

И, тем не менее, именно проблема мотивов представляет для науки о человеке одну из наиболее сложных. Мотивов в жизни человека бесконечно много, и они носят конкретный, ситуационный или конкретно-культурный характер.

Мотивы — мы перечисляем бытовое понимание их на данный момент, — это желание понравиться женщине или мужчине, стремление к власти, желание выпить пивка, жажда выговориться, стеснительность (“неудобно”), наоборот, агрессивность — “чтоб неповадно было!” и так далее до бесконечности. Мотивы (наше определение — СЧ) — эта множество человеческих планов и оценок поведения, в которое включены все рационально мыслимые и вербальные основания поведения (с дополнением их эмоцией) в процессе удовлетворения потребностей.

И в сложности этого объекта, который используют большинство исследователей, и который стал научной традицией в психологии, и состоит сложность расшифровки поведения человека.

Именно в силу конкретности мотивов теорию появления содержаний мотивов построить не столько невозможно, сколько нет необходимости. Результаты теории носили бы исключительно локальный во времени, пространстве и в социальной среде характер, более того, они были бы привязаны к типу личности. А нужна ли теория мотивации для каждого индивида в отдельности и на конкретный период времени, например 2009 год — это еще один вопрос[13].

---

[13] Но именно так, в индивидуальном изучении типа личности понимает задачу основная масса исследователей в психологии в области мотивации. В то же время, пытаясь найти нечто общее и более широко применимое, исследователи ищут более устойчивую базу для теории мотивации. И для теории мотивов наука психологии инстинктивно формирует новый принцип построения. Научные работы по теории мотивации ориентируются предпочтительно на *механизм* возникновения мотива (например, общая теория мотивации у Е. П. Ильина), но не содержания мотива. Этот подход ближе к истине. Он ближе к возможности верификации (см. Макклелланд), но пока успехи касаются лишь исследования различий между субъектами психологии (достижения успехов, избегания неудач и т. п.). В области биологии поставить эксперименты по этой теме возможностей мало — мотивация у животных проявляется много слабей. Уход от теорий (тео-

2.4. Мотив от кибернетики И. П. Павлова и бихевиоризма

И мы начинаем обсуждение не с мотивов, а с системы поведения человека как взаимодействия объектов мотивации и действия в цепи прямой и обратной связи: потребностей — мотивов — поведения — оценки. По сути, мы начинаем с кибернетической модели поведения.

Усложняя конструкцию нашего понимания социальной активности в целом, мы определяем деятельность человека через 1) потребности, 2) возникающие из них мотивы как конкретизации потребностей, 3) формируемые затем цели, 4) активность, направленную на достижение целей и 5) оценку результатов. Несомненно, мы остаемся в этом видении проблемы в русле Чарльза Дарвина, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Герберта Спенсера, Норберта Винера и бихевиоризма в его, бихевиоризма, лучшем материалистическом смысле. Мы работаем с включением наиболее важных результатов в области психологии: И. М. Сеченова, У. Джемса, И. П. Павлова, А. А. Ухтомского, Д. Б. Уотсона и Э. Л. Торндайка, К. Л. Халла, К. У. Спенса, Дж. Долларда, Ника Миллера, Барраса. Ф. Скиннера и других.

Мы должны упомянуть заслуги множества советских и российских исследователей психологии и нейрофизиологии, которые посвятили себя этой теме: П. К. Анохин, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Б. И. Додонов, К. Е. Изард, Е. П. Ильин, Д. В. Колесов, А. Н. Леонтьев, Р. С. Немов, П. В. Симонов, К. В. Судаков, Д. Н. Узнадзе, и др.

рии) потребностей к теории множества мотивов означает отказ от обобщений в поведении человека, обусловленных потребностями. Отказ от потребностей (их инстинктоидного характера, ложно понимаемого как “чисто” биологического, вместо “биологически поддержанного”, “биологически закрепленного в памяти”) новые теории пытаются подменить иной пока не ясной каузальностью общего плана. Другими словами, объекты “потребности” заменены поиском механизмов драйва или стимулов или других устойчивых источников — *механизмов мотивации,* среди них господствуют теории когниции, в прошлом понятие “воли”, “ценностей”. Проблема в ошибке понимания материалистической сути таких источников — они, источники, не вне индивида, они уже внутри индивида, хотя изначально при научении и каузально в конкретной ситуации источники остаются внешними - социальный, когнитивный. По сути, поиском механизмов исследователи пытаются обойти культурное многообразие мотивов, которое пугает и кажется непреодолимым. Мы предполагаем, что отказ видеть источники внутри индивида и поиск механизмов (неопределенной природы) является не системным разногласием, а в силу отсутствия на данный момент уверенности в том, что такую общую теорию (потребностей) в данный момент можно построить. Такой момент слабости, вероятно, носит временный характер.

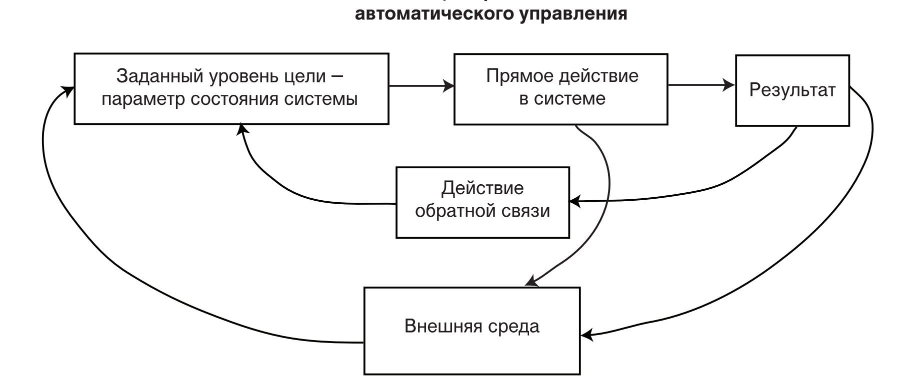

Рис. 2.1. Схема прямой и обратной связи

При воздействии внешней среды или собственного изменения (расходования ресурса) состояние объектов выходят из допустимых пределов. Система управления (объекта) создается для того, чтобы поддерживать требуемый уровень состояния объекта. Состояние обычно характеризуется некими параметрами. Система управления всегда имеет 1) заданный параметр как цель, 2) прямое действие, которое должно обеспечить достижение цели, 3) коррекцию реального параметра или результат и 4) корректирующую реакцию — подсистему обратной связи, которая изменяет цель и изменяет характер прямого действия на следующем цикле. Таким образом, система возвращает объект в исходное состояние даже при воздействии среды или стихийном расходе ресурсов, при деградации системы. В свою очередь объект своим действием и результатом в общем случае влияет на внешнюю среду, что часто не отражено в схемах.

Система удовлетворения потребности человека, рис. 2.2, имеет такую же структуру, как система, изображенная на рис. 2.1. Человек как биологический объект — это объект, который имеет потребности. Дефицитарная потребность возрастает со временем. И человек удовлетворяет свои потребности каким-то способом (прямое действие). В случае успеха (оценка результата — удовлетворенная потребность перестает быть значимой — на некоторое время), и результат, и главное способ удовлетворения не только удовлетворяет потребность, но фиксируется в памяти. В случае неуспеха (потребность возрастает) человек начинает использовать иные пути удовлетворения потребности вплоть до решения проблемы. Он запоминает, что некоторые действия

излишни или не приносят пользу. В следующий раз при возникновении потребности человек ВЫБИРАЕТ наилучший или другой, или случайный метод ее удовлетворения. Точно так же в части выбора метода ведут себя и звери, поэтому их процесс мотивации нет оснований отрицать.

Поиск, выбор и запоминание лучшего или просто единственного полезного действия отличает человека от обычной системы управления, и для человека именуется мотивацией

Если проблема не решается, то в случае хронического дефицита низшей потребности человек погибает.

Модель на рис. 2.2, давно имеет аналоги в научной литературе. Для России это модель или теория функциональной системы, разработанная изначально в 1932–1935 гг. советским нейрофизиологом П. К. Анохиным [Анохин П. К., 1935, с. 9–70]. Несмотря на идеологические преследования в период борьбы с кибернетикой он сформировал полную теорию к 60-м – началу 70-х годов (см. ниже).

2.5. Кибернетическая модель Миллера, Галантера и Прибрама

С момента появления идеи Норберта Винера о едином принципе управления в биологическом мире и в технике, наука управления используется и при анализе работы мозга. В советской оттепели (ее конце) в СССР попадает и переводится под грифом "Поведение — буржуазные теории" книга психологов Джорджа Миллера, Юджина. Галантера, Карла Прибрама, "Планы и структура поведения", которая как уяснили постепенно сами ее авторы, имеет прямое отношение к мотивации.

Критикуя простую рефлекторную систему бихевиоризма — "стимул-реакция" (и "рефлекторную дугу"), авторы проводят анализ усложнения модели управления поведением человека. Главный результат, как нам кажется, это приход к более сложному пониманию функциональности центральной нервной системы как многоуровнего иерархического хранителя информации. Память есть приемник афферентных (входных) возбуждений, обработчик, планировщик и руководитель эфферентных (выходных от центральной нервной системы на внешние управляющие органы) воздействий. Память и образ мира человека в ее сложной структуре, по мнению авторов, и лежит в основе мотивации — планирования и исполнения плана. Авторы вводят модель Образа — общей схемы представления мира (Вселенной) у человека, которая пополняется новой информацией. Авторы, выходят на представление об инстинктоидном происхождении ряда действий

Рис. 2.2. Система управления по удовлетворению потребности как мотивация человека — запоминание и забывание (отвержение), выбор лучшего способа действий

в центральной нервной системе и в соматических (телесных) акциях человека [Миллер Д., Галантер Е., Прибрам]. Однако их модель (Т-О-Т-Е) оказалась детерминистским алгоритмическим решением с выходом на иерархическую структуру действий. Развитые в последующем методы структурного программирования в какой-то степени соответствуют результатам работы этих исследователей.

2.6. Модель афферентного синтеза П. К. Анохина

Простой начальной схеме на рис. 2.2 вполне соответствует функциональная схема поведения человека на рис. 2.3., [Анохин П. К., 1975, с. 46, рис 5.][14]. Между потребностью-“стимулом” и “действием”

[14] Вообще в России приоритет своих научных исследователей не ценится (как и вообще наш человеческий народный потенциал). По сути, кибернетическая модель Анохина опережает идеи Винера в приложении к работе мозга. Но дело в том, что работа Винера так же вовсе не приоритет. Сподвижник Ленина, А. А. Богданов (Малиновский) должен считаться подлинным основателем науки об управлении — “организационной науки” [Тектология, Всеобщая организационная наука]. Погиб в экспериментах по переливанию крови, будучи директором Института переливания крови в Ленинграде в 1928 году.

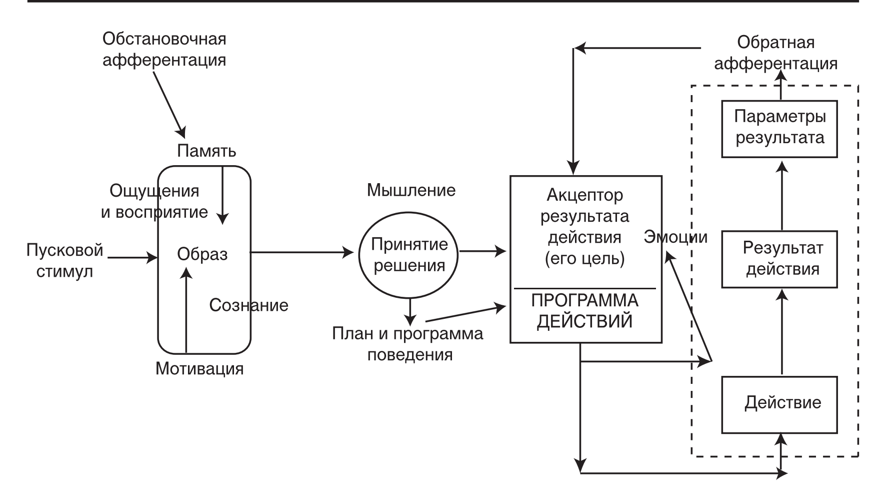

Рис. 2.3. Схема функциональной системы (по П. К. Анохину), см. [Анохин П.К., с. 98, рис. 22] , дополненная изучаемыми в психологии процессами и состояниями (приведена по Р. С. Немову [Немов Р.С., 1995, с. 43, рис. 13]

возникает блок "обстановочной афферентации" (от латинского afferentis — "приносящий"). Последняя формирует в коре головного мозга результаты анализа: цель действия, предвосхищаемую субъектом модель будущего результата, именуемую Анохиным "акцептором действия" (acceptor – приемник), и программу действий. Три блока опосредуют потребность и активность. Обратная связь отражена "обратной афферентацией" на акцептор действия.

Пусковой стимул является сигналом потребности и запускает процесс мотивации. В связи с тем, что изначально Анохин предполагал биологические потребности, в его схеме "пусковой стимул" не связан с работой центральной нервной системы и образует, как мы понимаем, исходя из наименования, аффекторные сигналы периферийной нервной системы. Синтез обстановочной афферентации ведет отбор существенных и малосущественных раздражителей. Первые становятся доминирующими, среди них возникает на данный момент главный раздражитель — доминанта. Остальные, хотя и существуют, но на уровне нейрофизиологии все более тормозятся. Выделяется "ориентировочная реакция". Она создает образ потребности в мышлении. Предполагается также некоторое финальное внутреннее событие, которое оказывается т. н. "решением", т. е. запуском в сознании процесса удовлетворения потребности, ее конкретизации в сознании — формирования цели, плана действий с учетом существую-

щего опыта (в памяти) действий по удовлетворению данной потребности. Ведется и формирование модели явного будущего желаемого результата, который бы удовлетворил возникшую потребность. Модель результата формируется и сохраняется в памяти в период активности как модель ожидания или предвосхищения (антиципации) результата, у Анохина — "акцептор результата действия". Информация о действиях и результатах — о достижении (не достижении) цели – потребности выступает как обратная связь (система "обратной афферентации") и сличается с акцептором действия (или цели).

При отклонении от искомого результата при попытках удовлетворить потребность возрастает отрицательная эмоция. Она побуждает к повторению действий или к изменению плана. При достижении цели (и соответствии акцептору действия) возникают эмоции положительные или снимаются отрицательные. Потребность "снимается" как удовлетворенная (возможно, на некоторое время). Такова общая схема Анохина, который пришел к ней не только как нейрофизиолог, но и как "эволюционист от бога" при анализе онтогенеза психики. В целом это только структурная модель связи. Но в ее рамках оказалось возможным вести направленные исследования учениками и последователями, прежде всего, К. В. Судаковым и др.

Для нас в дополнение к системе Анохина важным оказывается не столько мотивация, сколько появление самого "пускового стимула" как признака и проявления потребности. Анохин, увлеченный задачей мышления, на это не обращал внимания, поскольку физиологические потребности генерируются аффекторно периферией самого организма. В случае ВСЕХ потребностей мы обнаружим новые механизмы: пусковой стимул как проявление тревоги, т.е. как сочетание аффекторного результата и уже постоянно существующей модели среды или, говоря словами Анохина, акцептора "нормы" или "безопасного состояния". Кроме того, данные биологии, медицины и психологии показывают, что пусковой стимул может давать сама центральная нервная система под влиянием собственной нейрофизиологии, см ниже.

2.7. Потребности. Иерархия?

Если быть логически последовательным, то полагается вспомнить, что при удовлетворении одной дефицитарной потребности могут возникать другие, которые формируются тоже циклически, но более медленно. Поэтому после снятия напряжения актуальной потребности возникает другая или другие. Например, жажда более

критическая потребность, чем голод, а потребность в кислороде-воздухе более критическая, чем жажда. Это означает, что для некоторых потребностей (метаболизма) можно уверенно определить ранг (воздух — жажда — голод), хотя такие потребности как мочеиспускание и дефекация конкурируют с приемом пищи и воды. Таким образом, иерархия потребностей в области дефицитарных потребностей должна существовать.

Чтобы не терять общности полезно выделить в такой модели переход к другим потребностям и к взаимодействию с другими потребностями. Потому в простой модели, кроме цикла ее удовлетворения, должен присутствовать путь (пути) к другим новым потребностям в случае 1) постоянного удовлетворения текущей потребности и возникшей паузы удовлетворения или в случаях 2) неудовлетворения текущей потребности и нарастания напряжения. При 1) может возникнуть *новая потребность более высокого уровня*. При 2) индивид остается на текущем уровне или отступает на *потребности более низкого уровня*, которые “работают” ниже и возникают чаще. На уровень актуальной потребности мы можем вернуться также с некоторого более высокого уровня — менее важной (актуальной) потребности или подняться с удовлетворенной нижней потребности. Уже только для дефицитарных потребностей можно построить схему удовлетворения и перехода на другие уровни удовлетворения потребностей, см. рис. 2.4. Когда вы сидите за чтением книги, вы ощущаете иногда дискомфорт. У вас возникают более актуальные потребности — то необходимо позвонить другу или по делу, то время перекусить или выпить воды, одеться потеплее или снять лишнее, открыть форточку и т.п. Актуальность новой потребности, которая вас “вызывает” на “дело”, в отличие от иных систем мотивации в теории Маслоу имеет свой уровень — выше или ниже той потребности, по поручению которой вы сейчас “работаете”.

В отрыве от истории достижений психологической науки мы построили две схемы, подойдя к иерархии дефицитарных потребностей, биологический характер которых неоспорим.

В этом разделе мы вернемся к представлениям о системах мотивации в российских и иностранных работах, опираясь на несколько российских ведущих исследований второй половины XX века и на работы иностранных авторов, опубликованные в России. Кроме А. Маслоу, это Д. Майерс, Д. Макклелланд, Х. Хекхаузен и др. При этом мы делаем обзор обзоров с целью построить систему, приемлемую и совместимую с логикой теории Маслоу и с иерархическим принципом формирования

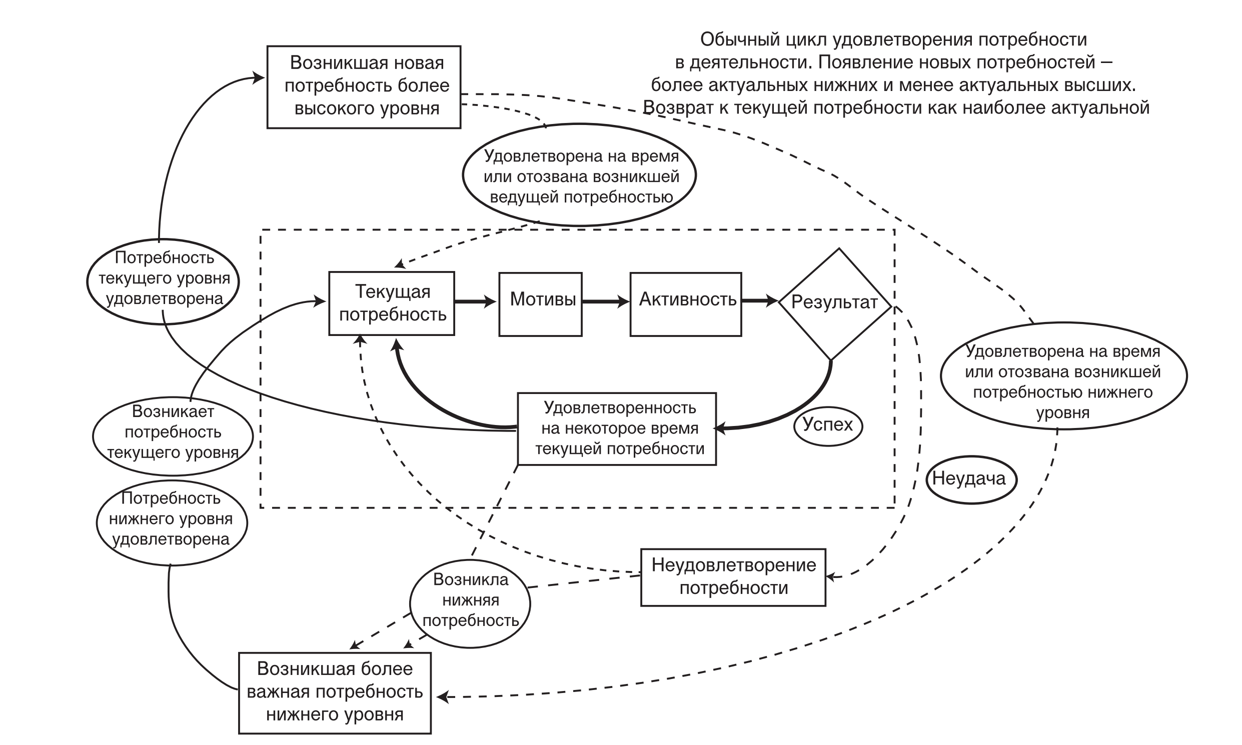

Рис. 2.4. Потребность, ее удовлетворение и простейший вариант связи с другими потребностями и процессами удовлетворения (гипотеза). Понятно, что психика индивида постоянно "работает" с потребностями — поднимается выше или опускается ниже по мере возникновения потребностей (чаще или реже), во многих случаях мы этого и не замечаем, и мотивационная схема частично поставлена на "автомат", см. об этом позже

потребностей и личности. Цитирование и анализ работ подчинен логике поиска решений в мотивационных структурах, а не учебным целям изложения чужих теорий.

Теперь, когда у нас имеется представление о системе однократной реализации цепи "потребности — мотива — действия — удовлетворения (снижения или "редукции") потребности", мы можем обратиться к широкому взгляду (других исследователей) на совокупность потребностей и мотивов в их представлении.

2.8. Потребности. Диспозиция и конкуренция?

Расширим нашу схему. В общем случае, мы знаем, что потребности воспроизводятся и требуют периодического их удовлетворения. Иначе говоря, от потребности через выбор цели и порядка действий — плана, через осуществление активности вплоть до достижения цели и удовлетворения потребности, мы имеем циклический процесс активности человека как цепь прямой и обратной связи при выживании индивида (и социума). У нас имеется множество потребностей, а, следовательно, у нас множество различных цепей обратных связей соответственно множеству потребностей, целей и действий.

Теперь, представим, что все потребности равноценны или, что их ценность существенно разнится для разных индивидов (очень важно отметить, находящихся в одинаковых условиях, но имеющих разный опыт и различные ценности, предпочтения). Мы получим совершенно произвольное поведение индивидов по определению, если мы будем считать равноценными все их потребности. При этом под равноценностью мы должны понимать спонтанность возникновения потребностей или, как это делают в англо-саксонской парадигме — "свободы". Мы должны понимать под равноценностью "свободу" сознательного (или бессознательного) выбора (из своих уже возникших потребностей). Именно к такому выводу подводят различные теории т. н. "личностных диспозиций", когда представляют потребности различными шахматными фигурами на доске.

Впрочем, для социолога, занятого академической наукой, такое сравнение вполне приемлемо, если его, социолога, свобода близка к свободе дискурса (обсуждения, спора, дискуссии) при шахматной встрече. К сожалению, кроме мира свободы, в природе существует и мир просто голода, заботы о завтрашнем дне, общении с целью получения информации и борьбы и конфликтов за ценные и ограниченные полезные ресурсы, и социология обязана это учитывать не только на практике, но и

в (академической) теории. В системе списка равноценных потребностей мы никогда не поймем, почему при неудовлетворении некоторых потребностей человек умирает или начинает вести себя не адекватно, а при отсутствии удовлетворения других — очень и очень неплохо себя чувствует. Более того, мы прекрасно знаем, что у одних людей удовлетворены многие потребности, а у других, и их чаще большинство, потребности удовлетворены только частично (например, при социальном неравенстве). Мы знаем и типовые признаки такой неудовлетворенности, например в сакраментальном — “Ты меня уважаешь?”.

Парадигма диспозиционности, скажем еще раз, влечет за собою представление о произвольности человеческого поведения, немотивированности, т. е. “свободы” психики, заметим в определенном смысле свободы от окружения и от своего тела. Логическим выходом из нее оказывается продолжение в отличие от объективированных природой реалий мира теоретического хаоса во “вселенной” человеческой психики, как и поведения. Добавим к этому вполне обоснованное представление многих психологов о том, что кроме мотивированного поведения человека существует и его, действительно, немотивированное поведение, интерпретировать которое пока невозможно. Физической аналогией может служить представление о том, что на полезный электрический сигнал в электрическом приборе может налагаться “белый шум” сигналов-помех (имеется в виду набор случайных сигналов в широком диапазоне частот). [Маслоу А., 1970/2001, с. 72]. Диспозиционность, по нашему мнению — это некоторая закономерная ролевая позиция “чистого” психолога, который не обременен информацией об обществе в целом и историей общества. Эта готовность видеть любое в человеке на любой момент ближе к профессиональной готовности эскулапа, ожидающего прихода пациента. Оно от традиций функций врача-психолога и психиатра. Кроме того, если не считать работу в клинике, психолог, принимающий пациента, обычно ждет достаточно обеспеченного человека, а это, как правило, человек с проблемами на высших потребностях, где возможность диспозиции (среди метапотребностей) действительно много выше[15]. Так аберрация профессиональной практики ведет к теоретически неверной общей модели.

Когда мы абстрагируемся от индивидуального взгляда на человека, то возникает естественная необходимость обобщения. Простой анализ только подводит нас к мысли, что не все потребности

---

[15] Там, где люди голодают или ограблены, где они убивают и содержат в одиночных камерах других, грабят других, психологи действительно не работают.

в жизни индивида равноценны и что между потребностями должны существовать определенные каузальные связи порядка или последовательности. Уточним. Потребности не равноценны сразу для всех или для подавляющего большинства, и в этом суть их объективизации. Никто не возразит, что утоление жажды и голода важнее (для всех или для подавляющего большинства из живых на данный момент), чем написание этой книги или просто ее чтение. Так почему в абстрактной диспозиции не введена объективная (для физиологии, вполне измеримых в эксперименте величин) значимость той или иной потребности, хотя бы для некоторых и для многих, если мы затруднимся на данный момент по поводу всех?

Однако в психологической науке господствует именно диспозиционный подход. Под диспозицией понимают обычно равноположенность и равновозможность выбора объектов, в данном случае потребностей.

Как отмечает Роберт Семенович Немов — сторонник диспозиций — мотивационную сферу человека отличает широта (диспозиционность), гибкость (многообразие инструментов и видов активности при удовлетворении мотива) и иерархичность. Под иерархией Немов понимает отличия частоты возникновения и силы, ранжирования по интенсивности [Немов Р. С., 1995, с. 393–394], и это уже прекрасно, но в противоречии с “широтой”.

Этот подход на самом деле подводит к иерархии потребностей — та, что чаще возникает, — более важна — впрочем, это не вполне точно. Особенно это ясно видно при болезни человека, когда идет резкое изменение структуры потребностей. Эта идея, вероятно, впервые изложена Брониславом Малиновским, см. ниже. К этой же идее примыкает теория Д. В. Колесова 1991 года — концепции развития психики, движущей силой которой являются потребности. У Колесова возникает идея потребностного цикла как элемента и функциональной единицы жизнеобеспечения в энергии, пище, воде и т. п., информации, Потребностный цикл у Колесова — это цикл, в котором удовлетворяется потребность. [Ильин Е. П., 2002, с. 49].

Значительно сложнее дело обстоит при смешении потребностей и мотивов в работах таких лидеров этой темы, как Д. Макклелланд и Х. Хекхаузен.

Мы можем привести взгляд уважаемого Хайнца Хекхаузена:

Мотивы формируются в процессе индивидуального развития как относительно устойчивые оценочные диспозиции. Необходимо выяснить, на основании каких возможностей и активирующих воздействий среды возникают индивидуальные различия в мотивах, а также выяснить возможности изменения мотивов путем целенаправленного вмешательства.

В данном случае мы имеем дело с проблемой развития и изменения мотивов. [Хекхаузен Х., 1986, т. 1, с. 33–48].

Именно устойчивость диспозиций и подвергается Маслоу и его последователями сомнению в системе потребностей. Важность потребностей для индивидов изменяется. К сожалению "относительная неустойчивость" терминологии играет злую шутку в психологии — автор говорит об "оценочной диспозиции". То ли это система мировоззренческих ценностей, то ли это система метапотребностей. И, вероятно, в контексте исследований Макклелланда и Хекхаузена верно последнее. И если верно последнее, то, как мы покажем в настоящей работе, это верно и в конечном смысле. Но это верх потребностей, высшие и одновременно личные потребности как признак свободы человека. Это результат длительного пройденного индивидом пути, это как видимая часть айсберга потребностей у сформированной жизнью личности. Структуры метапотребностей (и фобий), действительно, относительно стабильны. Но в росте личности никакой стабильности нет. Есть динамика личности. И прежде изучения взглядов Хекхаузена полагается читать Олпорта и Маслоу.

Если уточнять подход мэтров от мотивации, то Хекхаузен рассматривает личностные мотивационные диспозиции как обобщенные системы для поведения индивидов, то есть при удовлетворении всех потребностей сразу. Он вместе с МакКлелландом, занятые поведением "на достижение", "на власть", "на аффилиацию" и т. п. строят сложную структуру. На ее нижнем уровне — нижние драйвы. Авторы игнорируют их как простые и как предмет биологии, а не мотивации. На верхнем уровне авторы формируют объекты мотивации, которыми и занимаются. Это "всепроникающие основные мотивационные системы": "потребности" на достижение, на власть, на аффилиацию и т. п. Это сложнейшие формы высшего плана или "содержательный класс целей действий" как говорит Хекхаузен. Их внедрение ведется с большим успехом и даже внедрением в социальную практику — правда в "коллективную мотивацию".

"Каждый из мотивов отличается присущим ему содержательным классом целей действия, который можно обобщенно описать как "достижение", "оказание помощи", "власть" или "агрессия" [Хекхаузен Х., 2003, с. 27].

И задним числом, что будет показано, мы скажем, что они в принципе правы, но путь к теории этих объектов много сложнее, чем то явление, которое случайно обнаружил в своем дифференциальном анализе Макклелланд, когда стал выделять подгруппы достижения-избегания в социальной группе. И мы это путь попытаемся пройти позже.

Мотивационная система Макклелланда, если начинать с природы человека, напоминает нечто вроде гриба: корни считаются изученными, а внимание обращено на шляпку. Тело — ствол этого гриба, вероятно, образуют когнитивные процессы и "мотивационные заинтересованности" в терминах авторов. Макклелланд говорит об этом, но без энтузиазма [Макклелланд Д., с. 647]. Он вообще против того, чтобы использовать термин *мотивация* для

"описания импульса или тенденции действовать, которые являются продуктом всех детерминантов действия, поскольку необходимость думать о таких детерминантах импульса к действию, как когниция и навыки, как о мотивационных по своей природе, сбивает с толку" [Макклелланд Д., с. 655].

Быть против чего-то, что "сбивает с толку", не вполне ясный принцип. Мотивация не должна представлять потребность (импульс, тенденцию), но что "сбивает с толку" Дэвида Макклелланда? Ему не справиться с интерпретацией роли научения и навыка (установки) в системе мотивационных структур. Это и есть проблема культуры. Мы будем этим усиленно заниматься дальше.

Кстати, другие параметры и объекты, включаемые в модель, имеют у Макклелланда — сторонника экспериментальной верификации, простой критерий включения — возможность верификации. Здесь, по нашему мнению, возникает и философский тупик — измерять "не знаю что" и включать в модель все измеряемое, приводит к перегруженности модели. Авторы в среде изобилия проблем и факторов уже отказываются от ряда объектов просто в силу сложности — "сбивает с толку". С другой стороны, если в модель нельзя включать то, что пока мы не можем измерить, но тогда получается, что невозможно и говорить об объекте и в целом, пока его не "обмерим". Значение теории тогда отрицается — возникает голый эмпиризм наблюдений — "что попадется, то и описываем" или как в песне — "что вижу, то пою!".

Интересно отметить, что сам Макклелланд, говоря о своих основных мотивационных системах, совершенно верно предполагает, что они воздвигнуты и работают на естественных стимулах.

"Что делает такое целевое состояние сделать чего-нибудь лучше (как в мотиве достижения) (автор чередует термины "мотив" и "потребность" — СЧ) более фундаментальным или проникающим, чем любое простое когнитивное желание? Если это различие определяется не каким-либо естественным стимулом, значит, оно определяется каким-то другим, еще неоткрытым фактором" [Макклелланд Д., с. 646].

Мы понимаем это как проницательное указание на открытую в последующем нейрофизиологическую основу новых мотивационных структур.

Самое интересное, что автор приводит в альтернативу пример "ничтожного", по его мнению, когнитивного интереса типа "Я хочу знать, чем кончилась эта история?" Феномен, якобы, не должен иметь основы в "естественных стимулах". По нашему мнению и интерес прикладной, содержательный, целевой для данного индивида, и, так называемый, праздный интерес — "от нечего делать!" имеют свои различные базовые основания, нейрофизиологическую основу и различные, как мы покажем потребностные основания в системе Маслоу. Состояние "от нечего делать" — в нашем представлении — это тоже состояние ощущения потребности или, как говорят, состояние потребностное![16] А целевой информационный поиск может быть инструментом и частью удовлетворения буквально любой другой потребности уровнями ниже или выше — метапотребности.

В настоящем материале и вслед за полувековой давности теорией Маслоу мы будем утверждать антидиспозиционный, а именно иерархический подход к ранжированию потребностей.

Оговоримся. С позиций математики диспозиционный подход в психологии не что иное, как *номинальное шкалирование*. Диспозиционность — это не более чем просто начальный, первый и поверхностный этап.

Иерархия или *порядковая шкала* (упорядоченность) это много более мощная информация и более мощный математический объект, за которым стоит, несомненно, каузальность, причинно-следственные связи усложнения или надстройки, наслоения и в психологии, мышлении, и в активности человека.

Иерархия — это содержательная информация об объекте. Она резко отличается от равноценного и статистического рассмотрения произвольно выбранного множества параметров в духе исследования полей Бурдье, куда, как патроны в автомат, можно заложить любые параметры. Наука в более точных и простых прикладных сферах, на уровне измеримых пространств и факторного анализа давно ищет в статистических обобщениях абстрактные корреляции, когда не имеет информации о более конкретных содержательных причинных связях.

При господстве принципа диспозиций к концу XX века, тем не менее, мотивы уже группируют. Причем, группы, например, у Немова, явным образом находятся в соответствии с потребностями Маслоу. В этой связи можно говорить о "маслоу-образующем принципе" построения групп потребностей, что уже является достижением:

---

[16] Позже мы определим его как потребность "новизны и неопределенности".

“Мотивы человеческой деятельности могут быть самыми различными: органическими, функциональными, материальными, социальными, духовными. Органические мотивы направлены на удовлетворение естественных потребностей организма (у человека — на создание условий, в наибольшей степени этому способствующих). Такие мотивы связаны с ростом, самосохранением и развитием организма. Это производство продуктов питания, жилища, одежды и т.п. Функциональные мотивы удовлетворяются с помощью разного рода культурных форм активности, например, игр и занятий спортом. Материальные мотивы побуждают человека к деятельности, направленной на создание предметов домашнего обихода, различных вещей и инструментов, непосредственно в виде продуктов, обслуживающих естественные потребности. Социальные мотивы порождают различные виды деятельности, направленные на то, чтобы занять определенное место в обществе, получить признание и уважение со стороны окружающих людей. Духовные мотивы лежат в основе тех видов деятельности, которые связаны с самосовершенствованием человека. Тип деятельности обычно определяется по ее доминирующему мотиву (доминирующему потому, что всякая человеческая деятельность полимотивирована, т. е. побуждается несколькими различными мотивами)”, [Немов Р. С., 1995, с. 127–128].

В целом, однако, психологи не учитывают иерархию потребностей как иерархию наложенных друг на друга потребностных циклов в силу сложности понимания потока поступков, особенно, в силу попытки рассматривать каждый поступок человека изолированно (как единицу исследования).

В реальности поведение человека очень сложно и определение его ведущих линий требует длительного наблюдения (и, во многих случаях, не всегда поддаются тестированию, ибо человек может скрывать свои ведущие мотивы и метапотребности как асоциальные).

Общий принцип исследования отдельного человека можно сравнить с изучением звездной системы. В системе вокруг ядра-звезды (но не ядра личности как это принято иногда понимать) быстрее вращаются более близкие планеты (простейшие потребностные циклы). А более сложные потребностные циклы и возникают позже, и имеют более долгий период в аналогии с более удаленными планетами. И остановка — крушение цикла как некоторой орбиты человеческого существования разрушает все более внешние циклы, возвращая бытие к ближайшим орбитам ядра. Вероятнее, метапотребности здесь исключение, они выше (и дальше), но могут функционировать (скажем, без патологии) интенсивнее базовых потребностей.

Как поэтически сказал Маслоу:

“Побуждения, составляющие мотивационную жизнь индивидуума, не равновелики и не равнозначны, как доски забора, скорее, их можно пред-

ставить в виде множества сундуков на ветвях дуба, в каждом из которых спрятано по три хрустальных ларца, а в каждом из этих трех ларцов лежит по десять соколиных яиц, а в каждом из этих десяти соколиных яиц — по пятьдесят иголок с кощеевой смертью и так далее...", [Маслоу А., 1970/2001, с. 66].

Это ли не отражение иерархии развития материи? Образ, но не аргумент!

Макклелланд по поводу системы иерархии Маслоу (в целом отозвался положительно), отметив значение ее "нижней" части. Он указал, что Маслоу не представил каких-либо экспериментальных обоснований иерархии, и сам привел материалы исследовательницы-психолога Ароновой (Joell Aronoff, 1967) в переводе дано неверно — Arnoff [Макклелланд Д., с. 420][17]. Впрочем, у Макклелланда есть очень серьезное замечание к системе Маслоу, и мы об этом будем говорить.

Мы осветили взгляды и противоречия исследователей, но мы не делаем вывода. Этот раздел вместе с предшествующим стоит закончить представлением о том, что, по сути, таится в модели иерархии Маслоу с позиции логики. Мы уже говорили о "порядковой" шкале в отличие от номинальной" В чем кроется информационное богатство теории иерархии потребностей Маслоу, эти "пятьдесят иголок с кащеевой смертью"!? Еще раз обратимся к диспозиции или к видению потребностей как равноценных, как номинальной шкалы или списка. Перед нами ряд досок забора, бери любую и когда угодно! Полная свобода и полная непредсказуемость!

Что означает иерархия? Она означает порядок! Но порядок во времени для одного или для многих, означает аксиоматическое "утверждение порядка", а последовательность во времени всегда имеет оттенок или *причинности*, или *условности в поведении*. Потребность Б и активность ее удовлетворения следует за удовлетворением потребности А. Или иначе, "если А удовлетворено, то жди активности по удовлетво-

---

[17] Аронова (Joell Aronoff, 1967) исследовала различия между профессиональными группами рубщиков сахарного тростника и рыбаков. Среди рубщиков тростника (коллективная работа с высокой гарантией оплаты результата и низкими показателями индивидуальных способностей) потребность в безопасности (тревожность) оказалась значительно выше, чем среди рыбаков, у которых оценка самоуважения оказалась значительно более высокой. Далее исследователь проследила травмы и лишения в детстве (смерть родителей, бедность) представителей той и другой группы и показала, что профессию рубщика выбрали люди, которые в детстве пережили более тяжелые потери в семье. Aronoff J. Psychological Needs and Cultural Systems. Van Nostrand, 1967.

рению Б". В иерархии Маслоу поэтому "зашиты" условия поведения подавляющего большинства людей. Эти условия, если в иерархии семь базовых потребностей, означают не менее шести условий "если... то...". Порядок потребностей из семи базовых уровней потребностей заключает шесть аксиом поведения человека. Если далее предположить, что эти аксиомы (порядка) не зависят от культуры, то у нас возникает инструмент понимания и прогнозирования (экстраполяции) поведения человека и больших масс людей в будущем и в регрессии — прогнозирования назад вглубь истории — в далекое прошлое. Теперь читатель понимает цену анализа и цену вывода по поводу соотношений потребностей и культуры, заявленной в заголовке книги и исследования. Теория Маслоу может стать инструментом социального прогноза.

2.9. Мотивы и действия. Множественная мотивация одного действия

Чем же еще характеризуется сложность понимания среды и инициации потребностей человека и формирования целей?

Одно действие может служить разным целям и потребностям, т. е. запускаться разными мотивами или объединять в себе одновременно удовлетворение множества различных потребностей по разным мотивам. Пока мы понимаем мотив как конкретную реализацию потребности в сознании.

С другой стороны, множество различных и внешне разнородных действий взаимозаменяемо, параллельно или последовательно могут служить для достижения одной потребности, иметь единственную мотивацию, образовывать разной сложности сеть и цепочки или алгоритмы активности для достижения цели. И это уже отмечено в работе Миллера, Галантера и Прибрама выше, мы отражаем результат в схеме на рис. 2.5.

Это отмечает и сам Маслоу, и более поздние авторы [Немов Р. С., 1995, с. 394; Ильин Е. П., 2002, с. 120].

Итак, потребность и активность — эти объекты или "сущности", как говорят в теории "реляционных баз данных", образуют отношение "многие ко многим": многие потребности порождают одну активность; одна потребность достигается разными формами активности. Многозначность связей в этой теории устраняется через "нормализацию" — ввод промежуточных проектируемых таблиц-посредников, которые проектирует разработчик баз данных. Природа, создав мозг, давно разрешила эту коллизию, введя функциональный слой между потребностями и трудовыми "актами". Он называется "мотивацией".

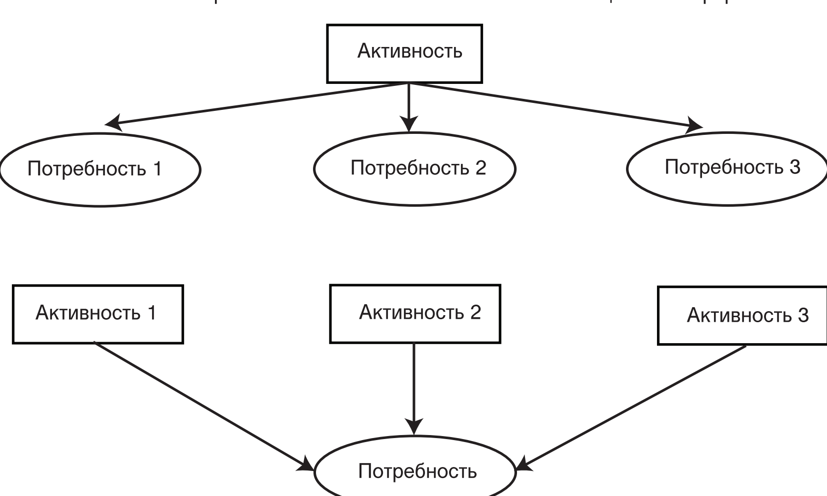

Рис. 2.5. Многофункциональность активности и ее сложность при достижении целей

2.10. Планы и основания отделить мотивы от потребности

Мы собираемся решительно отделить и отличать потребность от мотива.

В этом нас убеждает система низших потребностей и биологический, и социальный (человеческий) ответ на них. Жаждать — не означает процесса выбора между лужей мутной глинистой воды под ногами и бутылкой пепси в автомате рядом. Потребность во влаге одна и для земледельца на Ниле 5000 лет назад, и для юноши в Нью-Йорке. Иное дело, мотив и его диспозиции — это решение не подойти к крану с ржавой водой, а к чайнику с кипяченой — это культурный выбор, и он вполне конкретен. ЭТО ДВА УРОВНЯ, И ВТОРОЙ СТОИТ НАД ПЕРВЫМ. В противоположность второму высшему уровню — мотиву первый низший и исходный уровень — потребность — в случае большой своей силы (в отсутствии достижений культуры и достаточных ресурсов) аннулирует если не все, то многие свободы и моральные и культурные запреты психики. В природе не возникает виртуального Буриданова осла. Последний, игнорируя неудачную парадигму культурного диспозиционного выбора, не умрет от голода между охапкой сена и охапкой соломы. Он сначала съест одно, потом другое, и уж

потом, когда сглодал всю травяную диспозицию, начнет кричать от голода, привязанный в загоне.

Здесь уже намечена минимальная иерархия — потребность одна — выбор средств удовлетворения “по культуре” и по возможности “каприза” — это другое. И это другое должно иметь ДРУГОЕ НАИМЕНОВАНИЕ. Мы выбираем термин “мотив”.

В прямой свертке “Я хочу квасу” свернуты сразу и потребность, и мотив. И если мы будем лишены здравого смысла, то запишем в потребности весь ассортимент напитков продовольственного магазина.

Так же судили и наиболее прозорливые исследователи. Если мы вернемся на шаг назад, к цепи прямой и обратной связи на нейробиологической модели афферентного синтеза П. К. Анохина, то немедленно (для низших потребностей) найдем отдельное место для потребности и отдельно для мотива.

Между тем множественное и различное понимание поведения человека исследователями привело к нечеткости терминов потребности и мотива. Часто между мотивами и потребностями намечается идентичность, однако, мотив во многих случаях воспринимается как некоторая конкретизация потребностей. Арсенал используемых терминов обширен. На вооружении — “потребность”, “мотивация”, “мотив”, “интерес”, “нужда”, “драйв”, “побуждение”, “намерение”, “позыв”, “стремление”, “склонность”, “привычка”, “зависимость” и т. п. Сам Абрахам Маслоу был вынужден лавировать между терминами, чтобы быть понятым в первом приближении:

“Основная наш гипотеза состоит в том, что из всех психологических составляющих человеческого поведения только мотивы или базовые потребности могут считаться врожденными или биологически обусловленными (если не всецело, то хотя бы в определенной степени). [Маслоу А., 1970/2001, с. 133].

Развести такое многообразие и выделить рациональное общее зерно в частично верных или почти верных суждениях многих авторов — не простая задача.

Такую обстоятельную, кропотливую, обзорную и теоретическую работу проделал в последние годы Евгений Павлович Ильин в труде “Мотивация и мотивы”. Его обзор проведен в основном по материалам российской психологии советского периода.

2.11. Мотивационная структура Е. П. Ильина

В данном разделе мы начнем с прекрасного теоретического обобщения Е. П. Ильина о том, что “мотив — сложная биосоциальная

и культурная комбинация, надстроенная над потребностями человека" [Ильин Е.П., 2002]. Вывод построен на материалах обзора, в котором Ильин приводит итоговые "соотношения между потребностями и мотивами по разным оценкам в психологической литературе" [Ильин Е. П., 2002, с. 50]:

1. Между потребностью и мотивом возможны далекие и опосредованные связи;

2. Потребность дает толчок к возникновению мотива;

3. Потребность преобразуется в мотив после опредмечивания, т. е. после нахождения предмета, могущего ее удовлетворить;

4. Потребность — часть мотива;

5. Потребность и есть мотив.

Обзор сопровождается эмоциональной, но вполне справедливой оценкой автора:

"различных пониманий и интерпретаций понятий потребностей, мотивации и мотивов столько, что впору прекращать использовать эти термины и искать другие системы определений и понятий в описании оснований человеческого поведения" [Ильин Е. П., 2002, с. 18–20].

Мы останавливаемся на позициях 1–3 — но только как на начальной фазе анализа. Причина и аргумент — четкое различение потребности и мотива на низших физиологических потребностях. Выделив на нижних биологических уровнях простое, мы будем усложнять схему, на пути к более сложным ситуациям.

Конструктивное мнение Ильина на мотив следующий. Мотив рассматривается как "системное образование личности, как системный способ организации активности человека (В. Г. Леонтьев, 1992)" [Ильин Е.П., 2002, с. 116]. Однако это слишком общо. По Ильину, и совершенно справедливо, "границами мотива являются, с одной стороны потребность, а с другой — намерение что-то сделать, включая и побуждение к этому", [Ильин Е.П., 2002, с. 116].

Как итог исследования схема Е. П. Ильина следующая — мотив и стадии его формирования включают по Ильину "компоненты", сгруппированные в три блока:

— *потребностный блок* как биологические и социальные потребности и "долженствование" по К. Левину;

— *блок внутреннего фильтра* как предпочтения, интересы и склонности, уровень притязаний, оценка возможностей, учет условий достижения цели, нравственный контроль, убеждения идеалы, ценности, установки и отношения;

— *целевой блок* как опредмеченное действие, процесс удовлетворения, потребностная цель.

Ильин указывает, что компоненты из трех блоков могут присутствовать в мотиве, но “не все сразу”. Итак, мотив — основание непосредственной активности и цели. В основе мотива или мотивов лежит потребность или потребности. Вывод замечательный! Перейдем к недостаткам.

В системе Ильина, прежде всего, подлежит сомнению раздел “долженствования” в блоке “потребности” — ему место в “нравственном контроле”. Второй недостаток или неопределенность — вводимые понятия склонностей, интересов, установок, отношений, которые определяются позже. Третье — система не показывает, в каком соотношении находятся все элементы внутреннего блока. Ильин не вполне свободен от некоторых искажений или колебаний в части сложного потребностно-мотивационного комплекса. Так, включая в функции мотива “побуждающую” функцию, он вводит в мотив все то, что образует потребность, в частности, гормональные и пр. В такой интерпретации мотив становится равным потребности.

Блоки мотива уважаемый автор именует горизонтальной структурой мотива. Но он утверждает, что в состав мотива могут входить две-три компоненты из одного блока, один из них должен быть главным. В реальной деятельности образуется множество целей (О. К. Тихомиров, 1977), по тексту [Ильин Е. П., 2002, с. 118], между целями складываются иерархические и временные отношения (возникают параллельные и последовательные цели). Ильин видит структуру мотива как многокомпонентную с несколькими источниками и результатами-целями.

2.12. Мотивационная структура у Хекхаузена и Макклелланда

У других авторов — Макклелланда и Хекхаузена — мы находим особые структуры мотивации.

В обзорной монографии по мотивации “Motivation und Handeln” (1989) Х. Хекхаузен начинает с шутки о том, что “такого рода вопросы не являются слишком трудными” [Хекхаузен Х., 2003, с. 26].

Множество проблем и теорий мотивации подается на обсуждение читателю, и широта этого охвата близка к предельной в работе такого объема. Однако, важнее, что этот материал укладывается автором в большую корзинку, разбор которой не только не выполнен, но предложен самому читателю. Таково текущее состояние темы мотиваций в психологии, которая сама по себе сопоставима с темой психологии личности вообще. Общий упор автор делает на включение темы “воли” и собственного поля исследований, которое охватывает работы с “мотивациями” (или “потребностями”) достижения, власти, аффилиации.

Завершая объемную работу, автор вынужден изложить свое отношение к мотивации в виде общих принципов. Хекхаузен отвергает модель внешнего мотивирования (наградами, наказаниями), как очень ограниченную, поскольку исследователи отмечают возникающие влечения (или потребности) без редукции влечения. [Хекхаузен Х, с. 717]. Отменить половину проблемы при условии, что вторая половина не имеет решения — само по себе очень смелое решение. В результате глобальный конструкт "мотив" получает у Хекхаузена наименование "доисторической окаменелости". Автор начинает с нуля и пытается построить новую теорию обобщенного или интегрального мотива произвольного типа (достижения, власти и т. д.) от параметров (детерминантов), характеризующих ситуацию. Это ведет к новому, многомерному и расчлененному понятию "мотив". Автор сообщает, что работа еще продолжается и что читателю "остается ждать..." [Хекхаузен Х, с. 737]. Его модель, принцип построения которой он описывает, имеет структуру в виде "ситуация — действие — результат — последствия", [Хекхаузен Х., с. 738]. Модель должна иметь, по мнению автора, объяснительную, а не предсказательную силу и используется для дальнейшего развития теории. И это вызывает разочарование читателя.

По сути Хекхаузен, как и некоторые другие, решительно отбрасывает самое простое и ясное в пользу исследования самого сложного, неясного и высшего вместе с простым в единой параметризованной модели. Не от простого к сложному с пониманием слоев и развития динамики личности, а создание общей универсальной модели, структура которой заранее не известна. "Найти то — не знаю что" с помощью набора параметров в неясной структуре — это сродни возврату к факторному анализу. Автор тем самым отрезает себе путь к пониманию преемственности сложного от простого. Надежда на компьютерные модели, тогда, в 80 годы XX века, теперь тоже имеет в представлении продвинутого российского читателя с инженерной подготовкой оттенок необоснованного оптимизма и ложной веры в "компьютерную алхимию".

Автор приводит и конкурирующую модель Аткинсона и Берча, называемую "динамической моделью действия" с прямой и тормозящей силой, "сгустками опыта" и инерционными тенденциями более ранних действий. Этот подход ближе к биологической сложности психики. Но все же мы имеем налицо дань компьютеризации, когда исследователи пытаются решать свои проблемы на путях математически сложных моделей, еще не имея приемлемых качественных и смысловых решений и принципов. Это не "эмпиризм наблюдений", как мы отмечали выше, а нечто вроде "модельного эмпиризма", веры в возможность найти удоб-

ную модель в компьютерной виртуальности, не имея оной в мыслимом ими самими пространстве.

Это, кстати, роднит рассматриваемый подход в психологии со стремлением некоторых социологов строить общую социологическую модель современного общества, обходя и минуя процесс предшествующего развития биологии, психологии и истории.

Дэвид Макклелланд — замечательный психолог, который сделал очень много в части дифференциальной психологии. Он является автором “мотивационных структур” достижения, власти и т. д. или как он в книге их именовал — “основных мотивационных систем” (позже мы представим их как направленность личности или как метапотребность). Макклелланд лучше других представляет состояние вопроса — “начало пути” [Макклелланд Д., с. 665].

Общая оценка работы: автор, очень неаккуратный в терминологии и в ее применении, в начале своего труда создал особую или “специальную” теорию мотивации для своих собственных открытий.

Макклелланд сделал ряд важных замечаний по общим вопросам — Для нас особенно ценным является сложное и серьезное критическое замечание по критике теории Маслоу — уровень замечаний не психологический, а социальный. (“Целые народы принимали духовные ценности, отказываясь от материальных удовольствий” [Макклелланд Д., с. 129]). Мы будем с этим материалом позже работать.

В своей книге Макклелланд отобрал важный для себя материал, он, как и Хекхаузен, подробно и цельно представляет проблемы мотивации в западной психологической науке на середину 1980-х годов. Главный объем монографии посвящен изложению результатов автора в его области исследований (потребностях или мотивациях — автор по ходу меняет термины — достижений, власти, аффилиации и других).

Среди важнейших и успешных оценок как раз те, которые касаются глобальных и исторических оценок (Глава 11) по поводу темпов развития общества и цивилизаций — например, “мотивационные объяснения событий английской истории”. В то же время автор неправомерно, в подражание идее Макса Вебера о протестантизме, рассматривает психологию как причину активности — “оказалось, что мотив достижения сыграл основную роль в экономическом подъеме и падении древних и современных цивилизаций” [Макклелланд Д., с. 650]. Стоит сказать, что такой вывод можно было бы сделать только после интегральных исследований и сопоставления (по крайней мере, учета) роли экономических, социальных и ментальных факторов в истории.

С другой стороны, этот материал может служить (экспериментальным — по замерам Макклелланда) подтверждением того, что

ментальность населения в зависимости от экономических и политических событий изменяется и сама влияет на последующие результаты. Эти результаты используются автором прямо на практике при преподавании и изменении ментальности индийских предпринимателей и предпринимателей национальных меньшинств США. Таким образом, это одно из первых приложений того, что Дэвид Макклелланд назвал "коллективным мотивом", а обычно является частью текущей ментальности населения, которую современная социология почти не умеет использовать на практике. Автор этой книги тоже выступал с подобным предложением со спецификой России и для России в 2000 году, см. Литературу к Приложению.

В финале работы Макклелланд дает определение мотива как периодически повторяющейся заинтересованности в целевом состоянии, основанной на естественном побуждении, "естественном стимуле". Надо сказать, что даже в такой формулировке автор смешивает потребность и мотив в целое не лучшим образом. У него отдельно и "естественный стимул", "целевое состояние" и "периодическая заинтересованность". Вероятно, стимул, побуждение и периодическую заинтересованность следует считать "единым периодически возникающим целым" — потребностью. Но тогда "мотив" — это просто целевые рациональные и периодические психические процессы по планированию удовлетворения такой "периодической" потребности. Далее, мотивационная диспозиция обозначается Макклелландом как частое размышление о целевом состоянии (средства достижения цели не входят в понятие мотива). Это размышление в текстовом примере автора означает, что человек с ярко выраженной потребностью в достижении (по мнению Макклелланда) "думает, что надо делать все хорошо даже тогда, когда отсутствует стимуляция для подобных действий" [Макклелланд Д., с. 645].

В порядке замечания, отметим, что в отношении целей в части потребностей достижения и других интегральных позиций или отношений, автор не точен. Его "потребности" как раз и не связаны с целями. Стремление "все делать хорошо", браться за любое дело с уверенностью, что "все получится и все осилишь" — испытывать удовольствие от того, что впереди трудная задача, которую будет интересно решать и преодолеть — это нечто иное, чем целевое состояние. Это отношение к процессу, в котором "достижение", "власть", "аффилиация" — это не цель, а состояние души — "все делать хорошо". Любое дело заключается в получении положительного удовлетворения от дела и результата.

Важным у Макклелланда является понимание, что "целевое состояние" (или мотивационное образование — достижение, власть или аффилиация) "всепроникающее" и "базируется на естественных сти-

мулах”. Аргумент его очень интересен: поскольку естественных стимулов мало, то это и доказывает, что основных мотивационных систем должно быть мало — стимулы естественны как физиологические потребности, и они связаны с эмоциями [Макклелланд Д., с. 646]. Это догадка или внимательное наблюдение. И оно верно. Метапотребностей не может быть десяток, это или направленность (“одна, но пламенная страсть”) или небольшая серия любимых дел, всеядность радости — это уже другое и за этим нет “всепроникающего мотива”, и автор говорит об этом ниже.

Макклелланд отмечает “важность естественных стимулов”, которые определяют:

“феномен внутренней мотивации или присущей людям тенденции совершать действия, которые сами по себе приносят удовлетворение: свистеть, жевать жвачку, танцевать, бегать трусцой или играть кубиком Рубика. Оно также помогает понять, как подобные действия могут служить основным мотивационным системам, в том числе потребности в достижениях или потребности во власти” [Макклелланд Д., с. 646].

То, что мы цитируем, имеет большое значение и получит свое отражение в системе Маслоу, в той системе, которую развиваем мы — “Маслоу-3”.

Итак, фантасмагория разных пониманий даже мотива, вкупе с множеством результатов разнородных экспериментальных исследований, которые имеют подчас спорные трактовки и интерпретации, а иногда и не имеют их, ставит в тупик любого исследователя, напоминая большую Вавилонскую башню науки. И скорее, дело не в исследователях, а в сложности объекта исследования.

Тем не менее, последовательный анализ усложнения мотивационных объектов в развитии биологического и социального мира, человека позволяет выявить иерархию мотивационных и потребностных форм как систему саморегулирования субъектов живой природы с развитой центральной нервной системой.

2.13. Мотивационные установки

Выше мотивов в поведении человека, если обобщить обзор Е. П. Ильина, — стоят более сложные интегральные мотивационные структуры, широко распространенные в психологической теории: мотивационные установки, склонности, интересы и мотивационная направленность личности. Эти модели мотивационных структур являются результатом развития российской психологической науки. Мы отметим самое существенное

среди них — это деление их в теоретической психологии на процессуальные и процессуально-целевые виды. Кроме того, Ильин обобщает ряд интерпретаций мотивов у индивидов в структурах и терминах "мотивационных свойств личности".

Мотивационную установку Ильин начинает описывать в общепринятом в психологии смысле как опыт, то есть хранение в "долговременной памяти мотивационного банка данных". Это результат закрепления в долговременной памяти положительного или отрицательного опыта выбранных для достижения потребности инструментальных средств [Ильин Е. П., 2002, с. 145]. Такое закрепление происходит как ценность, если опыт эмоционального фона, сопровождающего результат или процесс, положителен и как антиценность, если фон резко отрицателен. Опыт стирается в памяти, если результат не удовлетворяет потребность, но и не приносит значительного ущерба.

Но после обсуждения модификации сохранения в памяти такого опыта в зависимости от различных условий автор резко расширяет понятие установки следующим образом:

"Мотивационная установка — это задание для себя, запланированное, но отсроченное или намерение... латентное состояние готовности к удовлетворению потребности, реализации намерения...", [Ильин Е. П., 2002, с. 146].

Как примеры автор приводит ситуации

"...возникновения пристрастия к чему-нибудь (курению, спиртному, наркотикам)... страсть к коллекционированию, фанатичное сопереживание любимой футбольной команде и т. д. В этом случае можно говорить, что мотивационная установка превратилась в направленность личности или, при меньшей выраженности, в интерес", [Ильин Е. П., 2002, с. 147].

Существенно, что мотивационная установка как усвоенное правило используется далее многократно, причем, без первичного полномасштабного повторения процесса формирования мотива. По Ильину, в конечном счете,

"Мотивационная установка — это намерение, исполнение которого отсрочено по каким-либо причинам и не проявляется в настоящий момент", [Ильин Е. П., 2002, с. 344].

Как мы замечаем, в определении Ильина за термином "намерение" исчезла важнейшая часть определения — установка сформирована, как это и он сам указывал ранее, *в прошлом опыте после многократной реализации одного и того же мотива*. Именно, от опыта удовлетворения потребности одним и тем же образом возникает эта постоянная готовность действовать идентично. Эту "готовность" Ильин и включает, видимо, в понятие отложенного намерения.

Само “намерение” Ильин определяет как

“сознательное решение, предположение, что-то сделать, желание. Часто связывается с отдаленной целью, отсроченностью ее достижения или с невозможностью удовлетворения потребности непосредственно, без достижения промежуточных целей, в этом случае намерение равносильно по смыслу мотивационной установке”, [Ильин Е. П., 2002, с. 345].

Существенный недостаток определения — указание на “отложенность” и “отсутствие проявления”, когда желательно отразить именно “готовность” действия и определенного образа поведения в любой возникающей идентичной ситуации.

Несмотря на многозначность у Ильина, мы фиксируем то, что кажется нам существенным (с учетом мнения Л. И. Божович о намерении) [Божович Л. И., с. 162–167]:

“Побуждения, идущие от намерения, обладают теми же динамическими свойствами (силой, напряженностью и другими), что и побуждения, идущие непосредственно от потребности... намерение организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения потребностей”, [Ильин Е. П., 2002, с. 147].

Причем, мы не рассматриваем то отдельное понимание “намерения” как фиксацию сложности и многошагового характера реализации потребности в намерении. Намерение, в конечном счете, у Ильина смешивается с мотивированным решением, и становится для нас несущественным определением.

И, тем не менее, конечный результат и оценка установки у Ильина оказываются драматически неполными. Его определение термина “установка” в *его* глоссарии вполне приемлемо: установка — это “складывающееся на основе опыта устойчивое предрасположение к определенной форме реагирования”, [Ильин Е. П., 2002, с. 346].

Однако по тексту далее Е. П. Ильин демонстрирует всю двойственность понимания установки различными группами психологов и социологов. Его раздел именуется далее “моральная установка”. А позже по тексту “установка как опыт индивида” смешивается с понятиями “обещания”, “мечты” [Ильин Е. П., 2002, с. 146, 191] или как чувства морального долга или как “потенциальные мотивы, которые сформировались, но не проявляются в настоящий момент” (по В. Г. Асееву и В. И. Ковалеву). Последнее вообще выводит определение за рамки понимаемого. Возможно, это “оценочная установка”. Сам Ильин критикует И. Г. Кокурину, которая под мотивационной установкой понимает социальную установку, состоящую “из смыслового суждения и оценочного суждения” [Ильин Е. П., 2002, с. 148]. У других авторов установка включает в себя не только опыт,

но и любые предубеждения, полученные от других людей или от общества, и *не освященные опытом*.

В процессе нашего очень краткого освоения опыта западной социальной психологии по работам Майерса, Хекхаузена, Макклелланда эта двойственность “установки” (attitude) оказывается связана с разночтением между 1) оценками и пристрастиями и отвращениями, которые могут быть мифами и никогда не применялись в действии человека — *оценочными установками* и 2) трудовыми, проверенными на практике и личным опытом паттернами поведения, мотивационными заготовленными методами реагирования на вполне определенные ситуации — *поведенческими установками*.

Анализ, например, работы Д. Майерса в его популярном изложении “Социальной психологии” это хорошо демонстрирует:

“Установка — это благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на что-либо или на кого-либо, которая выражается в мнениях, чувствах и целенаправленном поведении.” или “Установки — это эффективный способ дать окружающему миру оценку”. [Майерс Д., с. 170].

“Взятые вместе, благоприятные или неблагоприятные оценочные реакции — вне зависимости от того, выражены они в убеждениях, ощущениях, или побуждениях к действию, — определяют установку личности к чему-либо (Olson & Zanna, 1993), цит. по Д. Майерсу... Описывая установки, мы пользуемся одной из трех следующих характеристик, которые следует выучить как азбуку установок: аффект (чувства), поведение (намерение) и познание (мысли)” [Майерс Д., с. 170].

Можно определенно сказать, в термине “научение” (обучение) соединились два явления.

Первое — это интернализованный (освоенный в личной психике) опыт поведения человека (связанный с многократно удовлетворенными им потребностями), и это наше твердое и верифицируемое понимание “установки”.

Второе — это оценочные суждения, например, по расовым или моральным принципам (Майерс), как познания, мысли, чувства и эмоции. В его примерах такие установки сродни предубеждениям: расовым, этническим или близки нравственным нотациям, которые читаются молодежи. В большинстве случаев такие нотации остаются суждениями и не участвуют или вполне могут без ущерба для их носителя не включаться (не быть мотивами) в реальном поведении.

Таким образом, первое и второе — это существенно отличающиеся объекты сознания. И они в принципе не должны использовать единое обозначение.

Сам Майерс и другие социологи, результаты которых он обсуждает, применяют в некоторых определенных случаях понятие "ярко выраженная установка", [Майерс Д., с. 173], чтобы отличить некоторые хорошо определимые (опытом индивида) установки от установок, которые выражены слабо и слабо идентифицируются.

В этой связи в анализе социологов возникает противоречие и справедливый вопрос.

Определяет ли установка (мысль) поведение или поведение определяет (формирует) установку?

Такой вопрос может возникать только, если рассматривать мысли и убеждения человека (и общества) в отрыве от его реального опыта и потребностей. Позже мы покажем, что "отрыв" убеждений от потребностей или расхождение и даже произвольность убеждений в отрыве от реальных потребностей человека происходит только в случае наличия ресурса (подкрепления), который обеспечивает такую независимость (свободу). В отсутствии ресурса реальные действия (реакции) человека снова возвращаются к системе потребностей, к иерархии потребностей и к естественной активности по их удовлетворению.

Леон Фестингер как истинный материалист определил поведение как лошадь, а установку как телегу. Это именно так, если под поведением понимать активность и трудовую деятельность индивида, а под установкой понимать синтезированный в мышлении и психике накопленный практикой результат действия. От нас возникает дополнение к модели — потребность — это кнут и поводья возницы, сидящего на телеге. Если активность текущая удовлетворяет текущую потребность, то телега — это накопленный груз и опыт активностей, он тянется лошадью и возникает от активности и никак иначе.

Однако Алан Уикер (цит. по Майерсу), исходя из первичности оценочной установки перед действием (если мы ее определим именно как внешнее, нравственное требование, зашитое в психику молодого человека правило — *до поведения*), доказывает обратное. А именно, по сказанному людьми об их нормах и правилах, едва ли можно предсказать их поведение. Из этой обобщенной оценки мы вполне можем сделать "художественный" вывод, что ведомая и часто неисправная телега, конечно, может толкать ленивую лошадь, но, вероятно, только под горку. В опыте "советского человека" посидеть на официальном собрании в рабочее время и проголосовать формально еще куда ни шло (активности нет — пассивная реакция на среду — "непротивление"), но от колхозных повинностей желательно взять у врача справку о плохом здоровье. Короче, когда нормы навязываются сверху, когда они

отстали от потребностей общества и отдельного (каждого) человека или вообще им не соответствуют, то ждать их исполнения совершенно нереально. Но также и в США, и в Европе студент может заявлять, что он верует, и может не ходить в церковь, что и видно по состоянию и динамике церковных приходов.

Отсюда мы можем судить о низком качестве такого объекта как *оценочная установка* по сравнению с *поведенческой установкой*. Первая пригодна лишь для оценки противоречивости личности или ментальности общества — несоответствия активности и ценностей. Вторая совершенно конкретна и верифицируема.

Таким объектам познания или психологическим конструктам следует дать и различные термины.

Сравнивая 1) не освященные личным опытом моральные установки как суждения с 2) установками — результатом в реальном опыте поступков, которые продолжают использоваться, мы полагаемся на критическое мнение специалистов. А именно, первое не работает, второе ("ярко выраженное") весьма полезно и является "вставкой" между потребностью и активностью.

Вот поэтому логично сформулировать определение *установки* или *поведенческой установки* как закрепление в долговременной памяти положительного или отрицательного опыта выбранных инструментальных средств или форм поведения для достижения потребности. Именно таким и является установка как мотивационное образование. А второе, спущенное как мораль сверху и без опыта, есть *оценочная установка*, и еще ей предстоит быть проверенной в жизни индивидом.

И потому мы должны дезавуировать любые нормы, "мотивы" и модели поведения, неисполняемые или неподдерживаемые индивидом в практике, как не заслуживающие в первом социологическом приближении феномены (при том, что для психологии эта тема из первых).

Теория установки была создана Л. Ланге и более полно развита Д. Н. Узнадзе в 1961–1966 гг. [Узнадзе Д. Н., с. 150]. Итогом понимания установки стала формула «опосредующего звена, объединяющего потребность и целевое действие, производимое инстинктоидно и сложившееся в результате многократных повторений». В интерпретации "Википедии" это "готовность к определенному поведению в конкретной ситуации" [Википедия (рус.)]. Взгляд вполне соответствует представлению о сложившемся автоматизме поведения удовлетворении потребности (или этапов на пути удовлетворения). Вероятно, Д. Н. Узнадзе и должен считаться автором понятия. Очень близко подходит

к установке и К. В. Судаков, говоря о “стереотипном характере поведения” [Судаков К. В., 1997, с. 98]. Мы можем дать пример.

Например, у обычного человека нет прямой потребности утром чистить зубы зубной щеткой. Это действие вызвано мотивом обеспечения здоровья, и текущая культурная среда сформировала паттерн поведения, а потом и привычку чистить зубы. Индивид будет ощущать дискомфорт, не почистив утром зубы. Мотив обеспечения здоровья может включать прием витаминов, ежедневный душ и много других паттернов. Они стали привычками, но мотив обеспечения здоровья вызван *потребностью в безопасности* своего здоровья (экономии средств на лечение, страх зубной боли и т. д.).

Поведенческая установка — поведенческий паттерн — мотивационный объект, надстроенный над потребностями путем многократного действия и научения. Индивид использует свои поведенческие установки обычно на уровне автоматизма. Мы уточняем: установка связана с действием, а действие связано с мотивом. Фактически установка “сворачивает” (сжимает и содержит в себе) мотив и действие. Поэтому между потребностью и установкой всегда стоит рациональный или обнаруженный опытом мотив и программа действий.

Но установка вторична от мотива и действия. В чем причина ее появления? Установка обеспечивает разгрузку центральной нервной системы и высокую скорость исполнения необходимого действия. Именно так исследователи бихевиоризма обнаружили, что действия крыс по спасению от будущего электрического удара при звонке много быстрее, чем логическое осознание, необходимое для появления ощущения страха. Звонок и страх сформировали установку — прыжок через барьер по звонку (уже без испуга).

Для программиста здесь все ясно. Аналитически найденное, подтвержденное опытом и затем выученное решение становится автоматической процедурой. Другими словами, однажды записанная текстом языка программирования верхнего уровня программа (мотивация) далее “скомпилирована” (переписана в памяти) в сжатом (свернутом) виде и при появлении аналогичных начальных (внешних условий) запускается автоматически. Налицо экономия энергетических и аналитических (времени) затрат.

А теперь о лошади и телеге по Леону Фестингеру. Накопленный воз опыта и практики сам толкает лошадь вперед своей массой в движении, когда он уже катится, и мы знаем, что большой “империал” да на рельсах образует эффективную конно-железную дорогу. И роль лошади, роль рельс и инертной массы ясны.

2.14. Склонности, интересы

Продолжим далее обсуждение мотивационных образований.

“Склонность” у Е. П. Ильина понимается как “предрасположенность и постоянное влечение”. Автор также приводит важное для нас мнение А. В. Орлова (1981) о том, что склонность “внутренне-мотивированная предрасположенность” к деятельности, когда привлекательными являются не только достигаемые цели, но и виды, и процессы деятельности, [Ильин Е. П., 2002, с. 160]. При этом характерной особенностью склонности сам Ильин считает то, что ее имеющий человек не осознает истинных причин склонности.

“Привычка” определяется Ильиным также многозначно, как “потребность в совершении каких-то определенных действий в определенной ситуации; автоматическое действие; адаптация к действию какого-то фактора”, [Ильин Е. П., 2002, с. 345]. Однако, одним из вариантов является верное понимание, что привычка — это, вероятно, или процесс и результат формирования навыка или результат формирования потребности в осуществлении этого навыка (а мы скажем — некоторого инструментального действия или мотивационной установки). “Навыки — на виду у всех, а потребности в их осуществлении — внутри субъекта”, [Ильин Е. П., 2002, с. 163]. Существенно и упоминание мнения К. К. Платонова о том, что это “навык, сформировавшийся на фоне положительных эмоций”, [Ильин Е. П., 2002, с. 163].

И тем самым мы начинаем отличать мотивационные установки (навыки и т. п.), которые получают нейтральные эмоциональные оценки редукции напряжений и потребностей и установки, которые сопровождаются сильными положительными эмоциями (К. К. Платонов).

“Интерес”. В отличие от “склонности”, важны замеченные свойства “интереса” быть близким к потребности. В определении есть несколько элементов, очень важных для поиска отличий интереса от обычных представлений о потребности.

Д. А. Кикнадзе указывает, что потребность только тогда порождает интерес, когда ее удовлетворение встречает затруднения в силу каких-либо факторов. Интерес, таким образом, формируется как сочетание или даже результат потребностей и препятствий в процессе их удовлетворения или сложных условий их удовлетворения или ожидания будущих препятствий при удовлетворении. Это ценное замечание. Позже оно подтверждается нейрофизиологически объяснением выделения адреналина при затруднениях и при интенсивном поиске решения. Последний может образовывать нейропроцессы, “вызывающие интерес”, как опиоидное состояние.

По А. В. Петровскому в реализации интересов личность активно ищет решения, удовлетворяя жажду связанного с интересом знания. Мы отмечаем здесь слово “жажда” — синоним актуальной потребности.

Из “интереса” и “поиска знания” можно сделать вывод, что объект, с которым работает человек, должен обладать неким свойством неопределенности, неясности. Состояние неопределенности в ходе внутренней и внешней активности “преодолевает” индивид. Интерес знания — это состояние незнания (неопределенности) и преодоление незнания (получение определенности). Мы понимаем, что такое преодоление является существенной или даже мощной аналитической нагрузкой на центральную нервную систему.

Б. И. Додонов видит интерес как особый психический механизм, побуждающий человека к деятельности, приносящей эмоциональное насыщение” (естественно, эта эмоция положительна) [Додонов Б.И., с. 76].

Это же, как “радость от происходящего”, отмечает и Л. С. Выготский (1984), а интерес у Э. Торндайка также включает положительное чувство возбуждения, [Ильин Е. П., 2002, с. 166].

У А. Г. Ковалева обязательным признаком интереса “*может быть только устойчивое положительное эмоциональное отношение личности к объекту*”.

Л. С. Выготский “вслед за К. Левиным относит интересы к квазипотребностям, т. е. к ненастоящим потребностям, которые, однако, обладают такой же побудительной силой, как и настоящие”. [Ильин Е. П., 2002, с. 168].

Уже собранные взгляды по поводу интереса позволяет составить представление об интересе. Каждый из них отражает свою частичную правду при многообразии понятия термина “интерес”, как и при многообразии почти любого понятия в социологии. Ильин обобщает общее мнение психологов и философов по поводу интереса. “Интерес” выступает как потребность, причем одним из путей формирования интереса является процессуальный или процессуально-целевой. И с учетом этих замечаний Ильин приходит к выводу, что все это не что иное, как склонность:

“...проявление потребности как склонности возвращает все на круги своя: ведь склонность — это проявление потребности в осуществлении интересной для данного субъекта деятельности”, [Ильин Е. П., 2002, с. 169].

Интерес с его вторым значением “устойчивого мотива” мы вместе с Ильиным будем игнорировать, но любой термин, имеющий несколько бытовых или научных толкований, всегда представляет для науки угрозы.

Мы можем отметить выводы Ильина, которые отражают объемные результаты предыдущих и современного поколений психологов и этологов.

Первое. Интерес это две стороны — потребность и положительное переживание (внешнее, эмоциональное) этой потребности.

И второе. Интерес как "отношение" — это, пишет Ильин, "мотивационная установка, отражающая готовность человека осуществлять деятельность, вызывающую у него интерес, удовлетворение от познания нового, неизвестного, от переживания загадочности, таинственности" [Ильин Е. П., 2002, с. 173]. В этой фразе Ильин использует понятие автоматизма "поведенческой установки" для представления того, что вызывается как потребность и влечение. Это и авторская ошибка (понижение уровня), но это и авторская истина как ключ для нас к процессу формирования влечения (к неопределенности, таинственности), к процессу формирования потребности.

Можно отметить, что в обзоре Ильина заслуга понимания связи интереса, склонности с особым образом (через положительную эмоцию) возникшей потребности принадлежит Б. И. Додонову и дополнительно обсуждениям в работах С. Л. Рубинштейна, П. А. Рудика, А. В. Петровского.

Именно Б. И. Додонов сказал об особых потребностях, которые приобретают у личности "известную самоценность, начиная заранее предвкушаться". [Додонов Б. И., с. 149]. Это замечательное наблюдение позже мы используем, говоря об антиципации положительного подкрепления. Существенна и позиция Д. А. Кикнадзе, указавшего на присутствие трудностей, как необходимого условия возникновения интереса [Д. А. Кикнадзе, 1968, с. 60–61].

Итак, мы вслед за теоретиками отмечаем и обобщаем "интересы" как "квазипотребности" — ненастоящие потребности, которые, однако, обладают такой же побудительной силой, как и настоящие".

А теперь сделаем еще один шаг вперед. Вернемся к образованию интереса. Он возникает в том же порядке, как и обученная поведенческая установка, но психологи отмечают — он отличается мощным эмоциональным позитивным подкреплением, часто связанным с сильным эмоциональным состоянием преодоления или состояния удовлетворения при завершении.

Как результат психологи видят, что в этой связи последующие повторы (проявления интереса) могут возникать в связи с "предвкушением", и что поисковая деятельность индивида в связи с интересом (попытка повторить деятельность в связи с предвкушением) выглядит как новая потребность, квазипотребность.

Итак, мы отмечаем, что привычка и интерес, “готовность” к действию, склонность к действию образуется и сопровождается или прямо положительными эмоциями в первый раз и в последующем, или постепенным накоплением положительного отношения при многократном успешном удовлетворении какой-то потребности с преодолением каждый раз некоей неопределенности и получением удовольствия “в процессе” или “в результате”. Рабочее представление о феномене мы обозначаем на данном этапе анализа термином “интерес”. Однако, в соответствии с другими теориями, включая и Маслоу, “интерес”, который связан с внутренним ожиданием удовольствий (не внешними стимулами), подпадает под представление или принадлежит классу “метапотребностей”, см. п. 2.1.

Все это золотой фонд существующих обобщений, который образует будущую конструкцию.

2.15. Направленность личности

“Интерес-отношение может эволюционировать, превращаясь в направленность личности (А. Г. Ковалев, А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов)”, [Ильин Е. П., 2002, с. 174]. Мы не используем термин “отношения” индивида у Ильина в связи с многозначностью термина, а также в связи с тем, что он перекрывается уже ранее введенными.

Мы ставим знак равенства между интересом и метапотребностью, то есть интерес или метапотребность — потребность делать то, что доставляет удовольствие. В общем случае квази~ или мета~ — это высшая потребность. Маслоу также утверждает, что

“...в процессе онтогенетического развития высшие потребности обнаруживаются позже, чем низшие... чем выше место потребности в иерархии потребности, тем менее насущна она для выживания, тем дольше она может оставаться неудовлетворенной и тем выше вероятность ее полного исчезновения” [Маслоу А., 1970 / 2001, с. 156].

Но есть и более глубокое самоподчинение личности своему интересу, своей высшей потребности. Если некое дело доставляет удовольствие, то человек может подчинить ему все остальное. Тогда все остальные потребности ставятся в подчинение ведущей, насколько такое подчинение оказывается возможно.

Мы можем определить **мотивационную направленность (СЧ)** как такую метапотребность, удовлетворение которой становится основной формой, сутью и целью существования личности. В этом мы уходим от понимания термина, например, С. Л. Рубинштейном, который под направленностью имеет в виду просто концентрацию внимания в поведении на

определенном объекте или поисковый синдром. Этот термин слишком емкий, чтобы его использовать на низком уровне поведения в психологии.

Индивид на длительный период добровольно подчиняет свое поведение метапотребности. Удовлетворение других, низших потребностей выполняется в минимально необходимом объеме. Если остальные потребности не удовлетворяются даже в минимальной степени, то это патология, которая в конечном счете прерывает и высшую потребность. Относительно сбалансированный и адекватный индивид ради своего интереса как дела и нередко смысла жизни решает указанные проблемы в самом малом объеме и постоянно возвращается к ведущей метапотребности. И тогда метапотребность оказывается в его поведении личности ведущей. Это и есть направленность.

Талантливые политические деятели, ученые, ведущие конструкторы, художники всех видов искусств — дают образцы этого вида мотивационного образования. Абрахам Маслоу нашел несколько признаков лучших представителей и носителей метапотребностей — творческих людей, живущих ради своего дела. Среди характеристик, которые он отметил, имеются указывающие на направленность — это "автономность, независимость от культуры и среды..." [Маслоу А., 1970/2001, с. 236]. Впрочем, Маслоу показывает лучшие образцы самоактуализированных людей, приближая их к идеалу. В то же время в разделе "Несовершенство самоактуализированного человека" он отмечает, что их преданность делу выглядит нередко жестокостью по отношению к близким...

"погружаясь в какую-то проблему, предельно концентрируясь на ней, они могут просто забыть о своих близких, об их нуждах, заботах и тревогах. В такие минуты для них не существует ничего, кроме их дела, все остальное становится несущественным" [Маслоу А., 1970/2001, с. 253].

2.16. Первое обобщение. Иерархия мотивационных структур

Недостатком модели Ильина является включение в единую схему всего многообразия механизмов мотивации без анализа их соотношения. Вторым недостатком является включение волевого фактора и смешивание его с "долженствованием". Последние лишь отвлекают внимание, указывая на препятствия и на самые высокие культурные элементы поведения. Это вместе приводит нас к необходимости продолжить анализ, выделить ролевую последовательность представленных мотивационных элементов, построить их иерархию и взаимоотношения как шаги развития мотивационных структур.

Итак, на основе полученной обобщенной информации мы прежде всего получаем представление о наличии мотивов, *единократно* вырабатываемых психикой человека и для осуществления *единовременной* активности по удовлетворению появившейся потребности.

Мы также видим уже сформированное понятие *поведенческой установки* как готовности действовать детерминировано при некоторой совокупности окружающих условий и после некоторого *многократного* личного опыта удовлетворения потребности. Установка опирается иерархически на единовременный мотив и на его многократное воспроизводство. Она есть и одновременно результат научения, проведенного подкреплением удовлетворенной потребности. Научение может производиться и наблюдением, и когнитивно. Установка надстроена над мотивом (или надстроена над стихийным обнаружением положительного действия у животного).

Установка представляет законченное мотивированное решение (полуфабрикат), которое индивид использует, не проходя полный мотивационный процесс перед действием. В типовой ситуации (потребности) индивид начинает использовать установку немедленно.

Выше и как результат роста личности, мы можем сформулировать на основе полученной информации общее представление о формировании более мощных мотивационных образований — интереса или склонности, привычки, зависимости, привязанности, при появлении

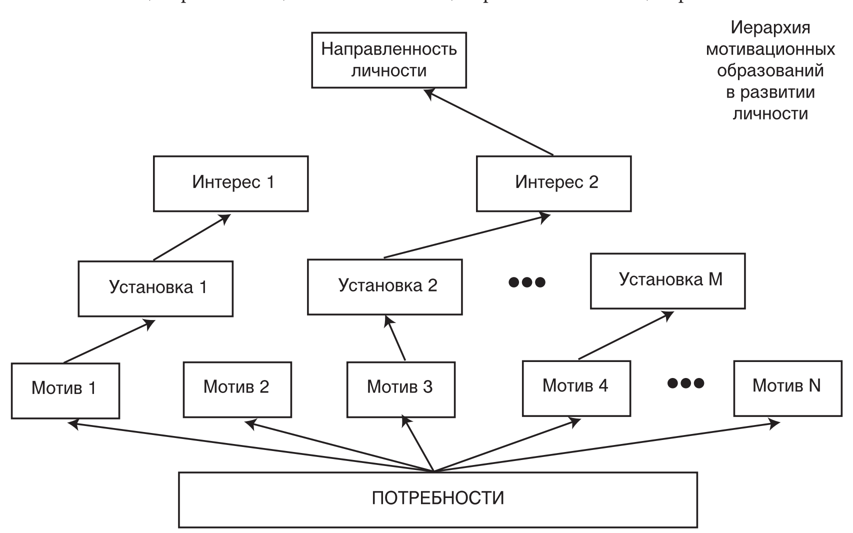

Рис. 2.6. Начальная гипотеза: иерархия мотивационных объектов в развитии личности

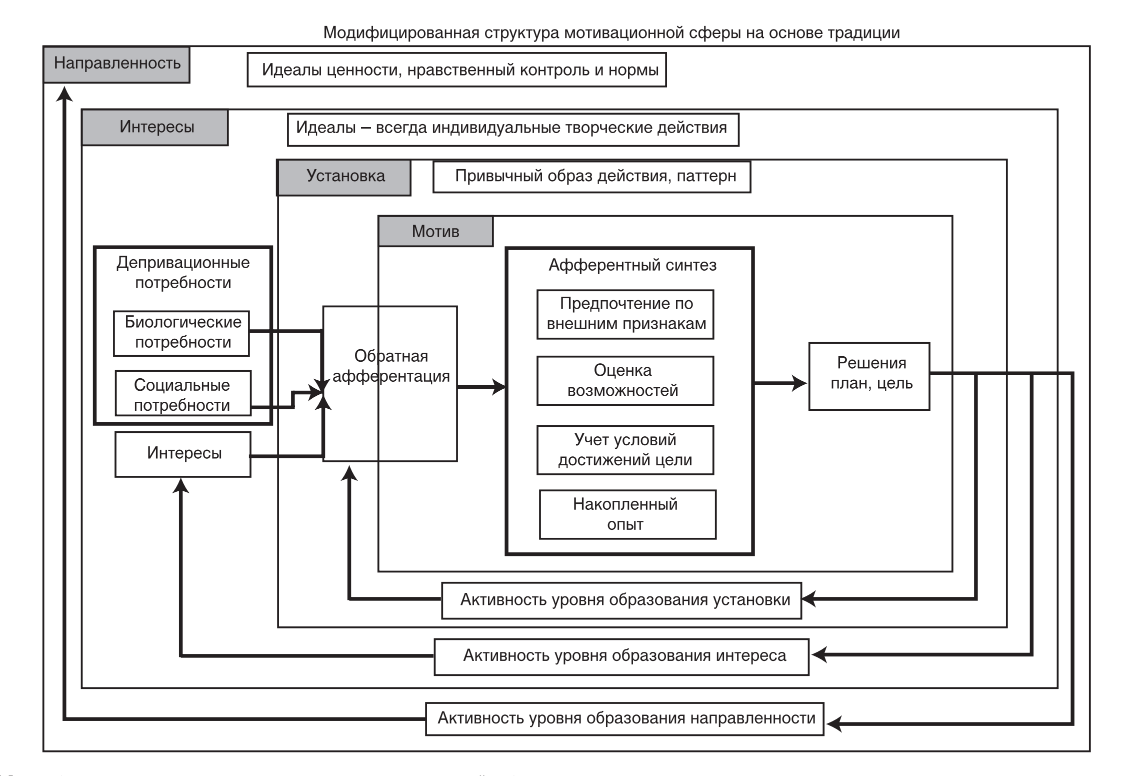

Рис. 2.7. Модифицированная структура мотивационной сферы на основе традиционных данных с учетом надстроенного характера (иерархии) и кибернетизма (прямой и обратной связи) в деятельности индивида. Первый приближенный вариант. Для упрощения схема Анохина в блоке “Мотив” не приведена

которых имеется устойчивое наблюдение о положительных эмоциях, связанных с появлением этих мотивационных образований. Мы останавливаемся на нейтрально-положительном термине "*интерес*".

Примечание: "привычка" не вполне пригодный термин — он пересекается с установкой (чистить зубы), и пересекается с личными потребностями, например, имеет оттенок вредности для здоровья (курить) — это двойное применение в ущерб ясности и оно нами отклоняется. "Склонность", "зависимость", "привязанность" также синонимы интереса в рамках и на глубине нашего рассмотрения.

Однако, интерес есть не только ожидание положительной эмоции, положительно окрашенной ситуации будущего — это *тяготение* к ситуациям, которые могут воспроизводить это эмоциональное состояние. Интерес и склонность — это то, к чему тянутся, чем активно интересуются, что ищут, т.е. совершают подготовительные действия для реализации интереса.

Интерес — это проявление новой потребности, которая индивидуальна для данной личности. И это вывод А. В. Петровского, Б. И. Додонова, К. Левина. И мы в дальнейшем отделяем этот объект как метапотребность, предполагая вместе с предшествующими исследователями его нейрофизиологическую основу.

Наконец, пирамиду развития мотивационных структур мы можем увенчать *направленностью личности,* определив ее как многократное отражение в поведении человека его доминирующего. Естественно, эта вершина освящает лишь самых психологически (не интеллектуально) развитых людей. Это может быть и спортсмен, и коллекционер, и творец-ученый или художник... но и клептоман или маньяк.

Все остальные элементы схемы Е. П, Ильина — "Долженствования", "Ценностей" и "Уровня притязаний", границы поведения мы планируем надстраивать позже, поскольку прямо эти объекты не вытекают из простых функций предшествующих элементов и логики простого анализа. Мы ожидаем, что эти объекты (культуры) проявят себя позже как границы мотивационного процесса в анализе.

Схема построена на основе систематизации Е. П. Ильина и многих перечисленных выше специалистов, которым автор книги приносит свою искреннюю благодарность за этот общий результат. Позже мы вернемся к структурам установок и интересов и направленности личности — высших мотивационных образований.

На основе проведенной работы мы можем представить реструктурированный состав мотивационной сферы в виде иерархии мотивационных объектов, рис. 2.6, и группы вложенных мотивационных процессов "сферы" мотивации, рис. 2.7.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ПСИХОЛОГИИ. БИХЕВИОРИЗМ И МОТИВАЦИЯ

Научные экспериментальные исследования в биологии и в психологии человека являются вторым важным источником данных для формирования или коррекций теории мотивации.

Мы не собираемся копировать традиционное изложение исследований бихевиоризма и мотивации человека. Мы очень кратко приведем известные материалы, показывающие, как наука в экспериментах от конца XIX века и до середины XX века строила и (осознанно или нет) использовала схему прямой и обратной связи. В этом суть представлений о кибернетизме — управленческом характере построения всех мотивационных и поведенческих форм, связи между ними по происхождению.

Второе. Мы *приводим* здесь только те экспериментальные работы, которые оказались ключевыми для наших выводов в отношении построения и коррекции мотивационных структуру и иерархии Маслоу[18].

В системе важнейших экспериментов мы выбрали три важнейших группы достижений.

1. Эксперименты Торндайка, Павлова, Халла и линия бихевиоризма с ее системой "стимул — реакция".

2. Эксперименты Миллера и Долларда, Маурера по бихевиоризму, связанные с исключением боли, страха и научения их избегать в экспериментах.

3. Эксперименты и множество исследований по теме латентного (скрытого, в данном случае неподкрепленного видимым и явным поощрением, стимулированием) научения или исследовательских инстинктов, потребностей наслаждения. Это совокупность влечений и потребностей, которые не имеют видимого, явного подкрепления. Сюда же относятся потребности игр животных и людей.

Почему нас интересуют эти три группы? Этот вопрос задает автор читателю, как преподаватель ученику с целью сразу вызвать интерес к изучению темы, и немедленно отвечает. Прежде всего, они и покрывают (как выяснит потом читатель) все многообразие потребностной системы Маслоу. Первая группа покроет физиологические потреб-

---

[18] Естественно, представление о значении, о ключевом характере возникает случайно в момент появления выводов или следствий. И потому выявление значимости того или иного экспериментального исследования после знакомства с ним — для автора тоже "тайна великая есть".

ности, любви, принадлежности и общения. Вторая группа относится к потребности в безопасности и, самое интересное, уважения, как это с некоторым удивлением обнаружил и сам автор. Третья имеет прямое отношение ко всем высшим потребностям человека.

3.1. Дж. Торндайк и И. П. Павлов. Введенные понятия и результаты

От традиций Платона настоящая психологическая наука начинает свой путь к пониманию причинно-следственного механизма действия человеческой психики. Возможно, она идет от идей Декарта с его рефлекторной дугой — "стимул-реакция", и от Дарвина и Джеймса. Так у Декарта, если солдат видит врага, то он может испытать страх и бежит, в его теле внешний стимул приводит к реакции — бегству. Это направление исходит, возможно, и от традиции Юма (впечатлений, идей и ассоциации между ними с исключением воли) через первого интегратора науки о мышлении — Уильяма Джеймса. В его интерпретации "нервная система человека усложнилась настолько, что не может управлять сама собою". Инстинкты и привычки — первая еще чисто логическая научная продукция мотивационной структуры от Джеймса.

В подвале дома Джеймса Эдвард Торндайк — один из первых экспериментаторов — выполнял свои исследования (опубликованы в 1899 году) с голодным котенком, который рвется к куску рыбы через прутья клетки и случайно нажимает рычаг, открывая клетку, позже учится быстро ее открывать. Отсюда возникает экспериментальная психология бихевиоризма по принципу — "стимул — реакция". Голод как драйв, влечение или потребность возбуждает животное и вызывает его активность. Торндайк оперировал этими терминами, и понятия стали словарными нормами, представлениями об удовольствии и неудовольствии. Торндайк также использовал представление о реакции — форме поведения, которая приводит к снятию неудовольствия. Эта реакция запоминается в связи с наступающим удовольствием. Неосознанный поиск полезных реакций стал ассоциироваться в науке с научением, а снятие неудовлетворенности (удовлетворенность) с вознаграждением или подкреплением.

Но двумя годами ранее, математик (это демонстрирует еще и еще роль точных и естественных наук во влиянии на гуманитарные) и талантливый физиолог-хирург Иван Петрович Павлов в экспериментах, проводимых с 1890 года, (случайно) установил влияние слюнотечения у собак. Такая реакция или рефлекс возникали на предъявление пищи

или на параллельное предъявление других символических признаков, сопровождающих кормление или начало кормления[19]. С этого момента Павлов стал заниматься исследованиями высшей нервной деятельности и в результате разработал теорию условных рефлексов.

Исследования показали, что слюнотечение у голодной собаки возникает не только после предъявления пищи, но и в случае, когда еда сопровождается звонком, предшествующим ее предъявлению. Слюноотделение начиналось у собаки даже в случае прихода работника, кормящего собаку, отсюда и возникла собственно теория. Естественно, в последующем только один вторичный символ (без подачи еды) — звонок или приход работника — провоцировал слюноотделение. Качество реакции или рефлекса (звонок — без предъявления еды, но с последующим кормлением через некоторое время) укреплялось (закреплялось) с ростом количества опытов (подкреплений). Если же вторичные символы не поддерживались последующим кормлением, то сила их воздействия снова и постепенно ослаблялись вплоть до полного исчезновения.

Такие вторичные стимулы или сигналы, параллельные безусловному стимулу — пище, Павлов назвал *условным стимулом* в отличие от безусловного стимула — самой пищи. А вся система стимулирования получила имя "второй сигнальной системы" или *условного рефлекса*.

Условный стимул был провокацией уже существующей потребности — голода. Предъявление пищи для голодной собаки, ее "реакция" же или "ответ" заключался в измерении объема слюны, позже желудочного сока. Стоит отметить, что собака была привязана и не могла проявить активность, стихийную и неосознанную. Ее кормление как подкрепление выполнялось служителем. Первая схема или схема Торндайка касалась не подмены стимула, стимул был натуральным, а выбора формы активности, случайного поиска активности, в ходе которого случайно возможно и верное действие, которое естественно приводит к подкреплению. Последняя схема получила наименование "психологии активности", а в системе Торндайка — "психологии научения". Оба результата (Торндайка и Павлова), по сути, идентичны и имеют обозначение "классического обусловливания". Одно касается символического стимула — условной (подкреплением) подмены стимула, а второе — касается условного (подкреплением) выбора активности или метода.

---

[19] Эксперимент был опубликован в 1897 году в "Лекциях о работе пищеварительных желез". Материал был переведен на немецкий и французский язык за два года, а в 1904 году отмечен Нобелевской премией.

3.2. Дж. Торндайк и И. П. Павлов. Приведение экспериментов к модели управления

Наша цель здесь показать связь системы Павлова-Торндайка с системой автоматического управления или прямой и обратной связи. В системе классического обусловливания И. П. Павлова на примере системы “стимул-рефлекс” хорошо видно как возникает первая речь — символ-понятие, просмотрите все рисунки от 3.1 до 3.5 и подписи.

Рис. 3.1. Измерительная схема Павлова при проектировании экспериментов с реакций (действием) организма на стимул (аналог потребности). Крестом зачеркнута возможная активность подопытной собаки. Удовлетворение потребности производится служителем, который в нужное время подает ей пищу

Итак, в системе Павлова, как увидел читатель, возникают символические подстановки, *запускающие потребность* (или антиципацию — предвосхищение) в случае подкрепления. При этом важно, что подопытное животное должно быть не чрезмерно сытым, а собаки отличаются как вид тем, что они не имеют ощущения насыщения. См. также более простую антиципацию у Анохина в разделе 2.6.

В системе Торндайка обусловливания не было, однако, наоборот, присутствовала активность, которая приводила к нужному результату — удовлетворению потребности (голода). В системе Торндайка мы видим, как возникает научение или даже символичес-

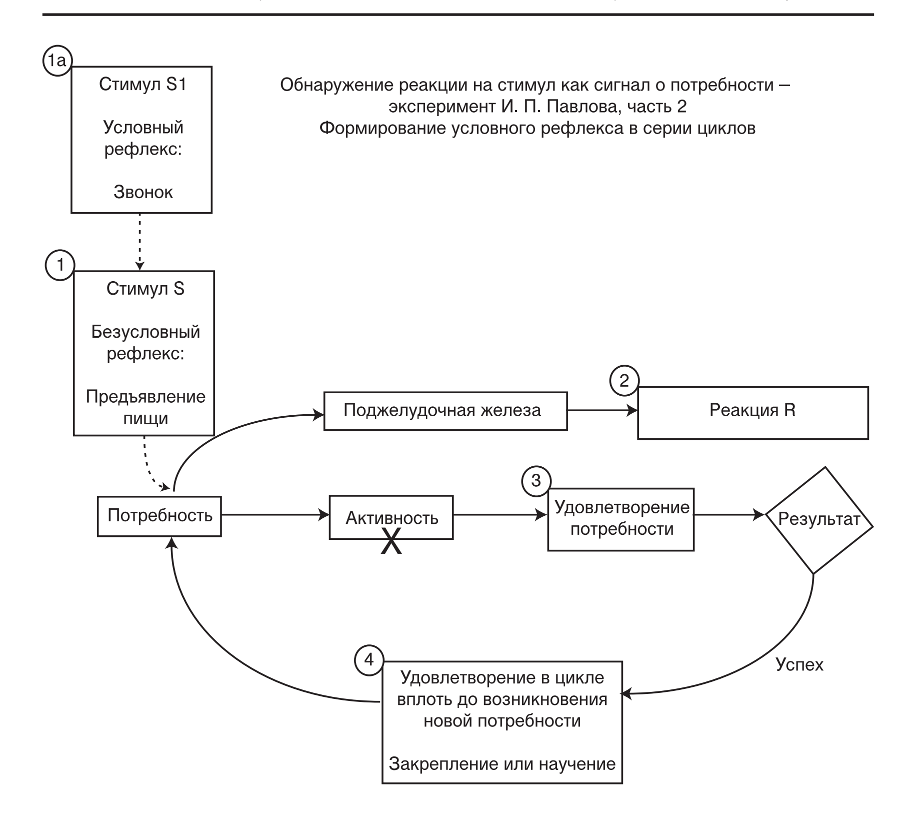

Рис. 3.2. Естественный или безусловный стимул (БС) совмещен с условным стимулом (УС) — в данном случае это звонок. При многократном повторении центральная нервная система "записывает" (естественный стимул, представленный видом и запахом пищи), совместно со звуком звонка (условным стимулом). Реакция R выделения желудочного сока происходит как обычно

кое действие, *удовлетворяющие потребность*. Фактически Торндайк показал, как формируется поведенческая установка. На схемах выше мы могли бы теперь снять крест с функции "Активность" и записать "Выбор активности, удовлетворяющей потребность, и ее запоминание". Тогда при появлении потребности или при искусственном запуске потребности, как у Павлова, особь могла бы выученным действием удовлетворить ее.

Эксперименты Торндайка, Павлова и в последующем с уточнениями Халла, Спенса, Маурера и др. отражают самые простые "базовые" потребности, основанные на удовлетворении дефицитарной потребности.

Рис. 3.3. Связь на искусственный стимул записана и укрепилась при многократном подкреплении — подаче питания — удовлетворении потребности

Рис. 3.4. После научения совместно с приемом пищи отдельный звонок без предъявления пищи вызывает готовность к еде — выделение желудочного сока. Центральная нервная система воспроизводит все реакции подготовки к приему пищи по звонку (антиципация — предвосхищение, ожидание)

Рис. 3.5. Когда, вместо звонка для ребенка в момент перед кормлением, звучит слово “Молоко” или “Кушать” и т. п., то оно вместе с последующим питанием должно запоминаться как символ пищи. И оно вызывает у ребенка предвосхищение (антиципацию, ожидание) кормления. По этому принципу формируются все понятия, связанные с дефицитарными потребностями, и в целом формируется речь человека как вторая сигнальная система

Получаемое внутреннее удовольствие и снятие напряжения стало ясным объяснением “закрепления” выученных символов (будущего удовлетворения или средств-методов удовлетворения).

Последующие эксперименты такого рода получили наименование “бихевиоризма”. И мы переходим к важнейшим с позиции нашей темы результатам в этой области, касающейся второй важной группы потребностей — потребности устранения боли и страха боли.

3.3. Доллард и Миллер. Научение страху и его редукция

Работа Джона Долларда и Нила Миллера времени их исследований в Институте человеческих отношений в США в период 1936–1950 гг. является важным шагом вперед и включает такую важную тему как страх. Этот материал мы приводим по Келвину С. Холлу, Гарднеру Линдсею [Холл К. С., Линдсей Г., с. 548–557]. Доллард и Миллер по

результатам эксперимента и его интерпретации написали две книги, отражающие попытку применить упрощенную версию теории Халла к проблемам социальной психологии (“Social learning and imitation”, 1941) и клинической психологии и психологии личности (“Personality and psychotherapy”, 1950).

Суть эксперимента в следующем. Исследователи размещали *одну* белую крысу в ящик с полом в виде металлической сетки. Ящик делился на две части с низким барьером между ними, крыса могла его перепрыгнуть. После возникновения звонка через несколько секунд в металлическом полу пропускался электрический импульс, и крыса получала удар. Она начинала метаться и случайно перепрыгивала на другую половину ящика. При этом (автоматически) ток и гудок прекращались. Крыса успокаивалась. В течение часа один (каждый) экземпляр крысы имел с неравными интервалами времени несколько десятков циклов такого ужаса, причем время между началом звонка и ударом постепенно сокращалось. Крыса училась перепрыгивать раньше удара, и многим это удавалось. Прыжок крысы прекращал и боль, и гудок. На следующий день каждая крыса из партии снова помещалась на час в этот индивидуальный ад. Снова в случайные моменты времени звенел гудок. Наученные избегать удара крысы уверенно перепрыгивали через забор. Эксперимент на этот раз имел отличия: ударов вообще не было, но крысы, ожидая удар, все равно перепрыгивали через ограду и даже делали это более быстро. Самое интересное было в том, что крысы не прекращали прыгать, хотя тока (подлинной причины) вообще не было. Важным результатом можно считать и то, что время от начала звонка до прыжка оказалось много меньше скорости осознания опасности, скорости появления страха. Устранение символа опасности (страха) происходило автоматически уже без осознания и мотивационных элементов. Мы понимаем, что новое действие стало поведенческой установкой.

Как трактуют авторы эксперимент? Они в соответствии с системой Павлова-Халла, именуют новый стимул “влечением” или “побудителем”. А влечение в системе Торндайка и Халла активизирует активность. Авторы отмечают, что дефицитарные потребности (влечения) *требуют поддержки* стимуляции (т. е. удовлетворения потребности), а боль требует *снятия* боли или устранения стимуляции (боли).

Понятно, что крысы сами “нашли” способ снятии боли — устранения стимуляции, т. е. ощущения или предощущения боли.

Ключ к пониманию того, почему именно эта реакция устранения страха среди многих других действий крыс стала доминирующей, — в ее следствиях: лишь перепрыгивание через перегородку прекращало

ситуацию шока и звонка. Эта реакция устанавливала цепь внутренних событий от боли к устранению и боли, и к устранению символа опасности — звонка.

Действительно, события или действия, “редуцирующие” любые негативные состояние (неудовлетворенные потребности) в типичном случае усиливают нейрофизическое запоминание этих действий. А само *снятие боли или депривации* именуются *подкреплением*.

Итак, установление в памяти связи событий “звонок” с событием “разряд тока” путем собственно удара тока — это пример установления рефлекса по Павлову. Напомним, что в классическом обусловливании Павлова нет собственной активности животного — есть реакция, например, секреторное выделение органов пищеварения или слюноотделения. И у Павлова всегда есть подкрепление — это подача пищи.

Установление в памяти связи события “звонок-разряд тока” с реакций перепрыгивания — это пример научения путем *подкрепления* или пример установления условного рефлекса-активности по Торндайку. Подкреплением является снятие боли. В нем появление подкрепления зависит от реакции, т. е. от активности особи. В последнем случае сама реакция-активность продуцирует подкрепляющее событие — прыжок снимает боль и звонок.

Мы, продолжая традицию Торндайка, интерпретируем эксперимент Долларда и Миллера как собственно прямую аналогию социальной активности по удовлетворению любой потребности. Особенность этой “потребности” исключительная — боль. Это антипотребность или депривация спокойствия. Ее полагается избегать. Далее все обычно, как у Торндайка. Активность или труд устраняет депривацию, то есть удовлетворяет потребность.

Особенность и необычность результата эксперимента состояла в следующем.

Эксперимент, в котором для проверки силы запоминания и сохранения реакции используется изъятие (снятие) подкрепляющего воздействия, приводит обычно к “гашению” реакции, ведет к “угасанию”. Реакция или активность падает, угасает. Иными словами, бесполезное действие исчезает. Например, голодные крысы, которые научились осуществлять определенный инструментальный акт для того, чтобы получить пищу, постепенно прекращают выученные действия, когда они перестают получать еду (подкрепление).

Но в отличие от этих ясных следствий полное изъятие подачи тока (через несколько секунд после звонка) в такой ситуации не привело к прекращению реакции перепрыгивания через перегородку. Правда, следует твердо понимать, что крысы сами не давали себе труда прове-

рить, будет ли СЕГОДНЯ удар или нет — они просто прыгали, используя вчерашний опыт. У многих реакция даже продолжала возрастать по силе, более того, время реакции от звонка до прыжка сокращалась.

Миллер и Доллард решили, что условный стимул (звонок) *вызывает не боль, а усвоенную реакцию страха — предощущение или ожидание боли*. Это активирует инструментальный навык ухода от опасности — перепрыгивание через перегородку. Появление инструментальной реакции отключает звук и *отключает страх*. И “влечения-стимулы, связанные со страхом” (так авторы именовали страх), таким образом, редуцируются (понижаются) по интенсивности в момент прыжка.

Прыжок, таким образом, снимал звук, а, следовательно, снимал и страх. И поэтому прыжок продолжал оставаться подкреплением, но теперь он снимал не боль, а страх боли, более того, он снимал только символический страх. *А раз “снимал”, значит и “подкреплял”! И тем самым подкрепление инструментального преодоления символического страха продолжалось.*

Таким образом, как классически обусловленная реакция страха, так и инструментальная реакция перепрыгивания через перегородку продолжают подкрепляться — заучиваться.

Итак, еще раз коротко, какие выводы сделали Миллер и Доллард? Они предположили, что “угасание” не приводит к ослаблению усвоенных реакций, поскольку в действительности *подкрепление продолжается*. Крысы *испытывают страх* (и не важно, что страх ложный) и *устраняют страх*, снимают его своим действием — прыжком (и не важно, что это ложное действие) и потому подкрепление снятия страха (символа страха) продолжается.

Подведем первые итоги.

За первый день эксперимента у крыс сформировались два типа реакций:

— классически обусловленная реакция страха — символическое (звонком) обусловливание будущего появления боли или антиципация — предвосхищение боли, т. е. появление страха боли. Это условный рефлекс по Павлову;

— инструментальная реакция перепрыгивания через перегородку или наученная реакция устраняющая боль и (или) страх появления боли. Это условный рефлекс или психологии активности по Торндайку.

Таким образом, через редукцию (снижение) влечения (избегания боли) в этом двойном эксперименте происходило:

— подкрепление и связывание в единое целое обеих реакций — условный рефлекс или символическое обусловливание *ожидания боли или страха* и

— инструментальное обусловливание или научение *преодоления боли и страха*.

На второй день, как мы знаем, удар током не использовался и имел место только звук. Поскольку ток не подавался, больше не возникало и его прекращение. Но при прыжке прекращался, как и в первый день, звук. Это означает, что в этот день наученную ранее реакцию устранения страха по Торндайку можно назвать воистину “символической реакцией” или “условным рефлексом” устранения страха.

Какой вывод мы можем делать из этого эксперимента? Животное (и человек) могут получить (имея на то реальные основания) представление об опасности и устранять такие опасности. Но в некоторый момент и животные, и человек могут осуществлять некие действия, снимающие страхи, за которыми уже ничего не стоит, а, возможно, и не стояло. Для животных, и для людей это эксперименты, связанные с воздействием людей (иногда случайные действия природы). И эти действия, снимающие страхи, по сути, тогда тоже оказываются символическими действиями.

В качестве шутливого и реального примера такого символического действия можно сослаться на поведение гусыни Мартины, которая жила у Конрада Лоренца, такое действие описано в его книге “Агрессия”, в разделе “Привычка, церемония и волшебство”. Гусыня, испугавшись в детстве, позже постоянно выполняла ритуал безопасного, но излишнего маршрута подъема по лестнице, который снимал ее страх в момент ее первого испуга [Лоренц К., с. 253–254].

Остальные эксперименты авторов мы опускаем: далее они переучивали крыс, которые случайным нажатием особого рычага снимали звук и тем самым останавливали свой страх. Это в социальных областях жизни эквивалентно реальным действиям с фальшивыми символами страха. Но это не так важно в нашем случае, поскольку авторов занимали проблемы научения, а нас проблемы страхов и безопасности.

Однако для нашего целостного понимания человека очень важно понять, что есть страх в отличие от боли? Избегание боли есть потребность. Боль — это депривация нормальных ощущений и спокойствия. Но что есть страх? Что есть беспокойство и что есть тревога?

3.4. Доллард и Миллер. Реальные депривации и реальные страхи

Мы теперь понимаем, что “страхи” имеют вполне реальные предшествующие опытные или физические основания — опыт боли и де-

привацийй, дискомфорта. С другой стороны — это реакции ожидания дискомфорта. Кроме того, страхи имеют свои — признаки или *условия* появления или отражение опыта. Такие признаки сопутствуют будущим болям и страданиям или даже смерти, например опасности нападения хищника в момент пребывания в густом лесу и при рычании близкого хищника — аналог звонка. Или это "ощущение ожидания" опасности холода при гашении костра осенью на стоянке первобытного человека, еще не умеющего разводить огонь. Или это "ощущение ожидания" возможного голода или безводья в случае неурожая, гибели урожая раннего земледельца. Появление страха или ощущения опасности возникает от появления и ощущения таких условий, которые уже сложились в нервной системе индивида как условия опасности, как опыт опасности, опыт будущей смерти, боли, голода, жажды и т.п. Возникающий дискомфорт или внутреннее напряжение, то есть "ощущение ожидания" — это и есть *потребность в безопасности*. Это внутреннее напряжение, которое особь или индивид стремятся снять, устранить. Состояние опасности в самых различных случаях вызвано двумя типами воздействий:

1) самыми разными определенными депривациями — физиологическими потребностями (голод, жажда, недостаток воздуха и т. п.), т. е. вынужденными лишениями на длительный период. Их можно предсказать по известным (выученным и понятым) признакам или же по собственному опыту или путем наблюдения — о наблюдении и о других не личных натурных опытах самой биологической особи или индивида мы будем говорить отдельно позже.

2) натуральными болевыми состояниями, которые во многих случаях тоже сопровождаются признаками — сильные удары или звуки, появление незнакомцев или незнакомых предметов, опасные запахи и т. п.

Страх — это преобразование представления о депривации (спокойствия) в центральной нервной системе, но это достижение биологического развития, возникшее задолго до формирования человека, т. е. генетически. Нам следует сформировать отдельное представление о совокупности наследственных и прижизненных мотивационных образований в ЦНС животного и человека. Страх может быть природным и может быть приобретенным.

Потребность в безопасности изначально заложена генетически и носит болевой или дефициентный характер. Она начинается с первого вздоха младенца (недостатка воздуха) при родах, затем от ощущений голода, от звуков, ударов, шума, вибраций, вспышек света. Позже

возникают конкретные депривации, например, падения младенца, его столкновения с предметами или со сверстниками, предупреждений матери “бо-бо!” и ее запретов.

Мы вправе говорить теперь, что страх и беспокойство (слабый страх) могут передаваться и каждому малышу отдельно через личный опыт и через страх и беспокойство взрослых. Например, если ребенок уронил мороженое на землю, то он его уже не получит, и не продолжит свое гастрономическое удовольствие. В следующий раз ребенок будет крепче держать мороженое — он будет аккуратен, будет заботиться или “беспокоиться” — не уронить его! (голод и депривация удовольствия). Если он пролил запас воды в походе, а до ручья далеко, то будет терпеть жажду — депривацию воды, если промочил спички, то будет в холоде, не в состоянии зажечь костер и т.д. Более поздние и серьезные страхи и все позиции по линейке потребности безопасности носят культурный надстроенный характер символических опасностей (когниций или информации). Этот ряд далее влечет появление жизненных ограничений: не трогать кошку, не вставлять пальцы в розетку и т. п. вплоть до опасностей не сдать выпускной экзамен или риска потерять или не получить работу, понести потери при игре на рынке ценных бумаг.

Все это может входить в научение больших групп людей филогенетически как *культура, как ментальные* предпочтения и фобии.

Таким образом, мы с вами, следуя за экспериментами Долларда и Миллера, вышли на природу появления потребности в безопасности. О культурном и биологическом в этой мотивационной структуре мы будем говорить позже. Но, если кратко, несомненно, подлинный исходный источник потребности в безопасности лежит в основе физиологических депривацийвсех видов и боли. Далее языковый, поведенческий, когнитивный информационный опыт человека образует сложнейшую иерархическую систему надстроек над памятью о боли и депривациях. Это система состоит (в порядке ослабления) из категорий страхов, опасностей, тревог, беспокойств, опасений, озабоченностей и настороженности вплоть до повышенного внимания в некоторых ситуациях, например, при вождении автомобиля. В основе всех состояний — депривации и негативные ощущения. Человек уже давно забыл о боли и голоде, но не позволяет себе приблизиться к ситуациям, когда эти состояния могут потревожить современную культурную защищенность.

Ниже мы покажем, как соотносятся наши новые материалы с моделями управления в кибернетике.

3.5. Доллард и Миллер. Приведение эксперимента к модели управления

Теперь, после переименования страха в “потребность в безопасности” мы можем снова вернуться к подлинной модели прямой и обратной связи субъекта эксперимента — будь-то человек или животное. Наша модель состоит из двух рисунков.

Формирование классического обусловливания (страха) и оперантного обучения — обусловливания (прыжка), появившегося в нашем иллюстративном эксперименте в соответствии с теорией Миллера-Долларда, изображено на рис. 3.6. А вариант использования такого комплекса показан на рис. 3.7.

3.6. Доллард и Миллер. Символические страхи и их символическое устранение

От прыжка крыс по выученному однажды звонку мы можем логически перейти, например, к ритуальным танцам первобытных племен в связи с мифологическими и не имеющими реального смысла явлениями и обстоятельствами или по прошлым событиям, когда смысл давно утрачен.

Такие действия используются иногда и в современном обществе для снятия различных фобий или для психологической подготовки. Это могут быть не только танцы, но и другие действия — духовные службы, парады, манифестации, шествия. Это могут быть и различные символы, в том числе и символы могущества, власти, святости, богатства, силы, например, оружия. Все они несут функцию снятия напряжений, страхов и фобий, которые имеют, а иногда уже вовсе и не имеют под собою реальных оснований.

3.7. Скиннер. Различение стимульного и оперантного обусловливания

Скиннер (1938 год) указал на множество процессов и реакций, которые не укладываются в схему предъявления (внешнего) стимула. Эти реакции Скиннер назвал оперантами. Речь шла о таких действиях как нажатие рычажка крысой с целью получить сладкий корм. Действительно, крыса может случайно найти такой источник сладости и далее будет им пользоваться, но изначально ее никто не учил есть сладкое

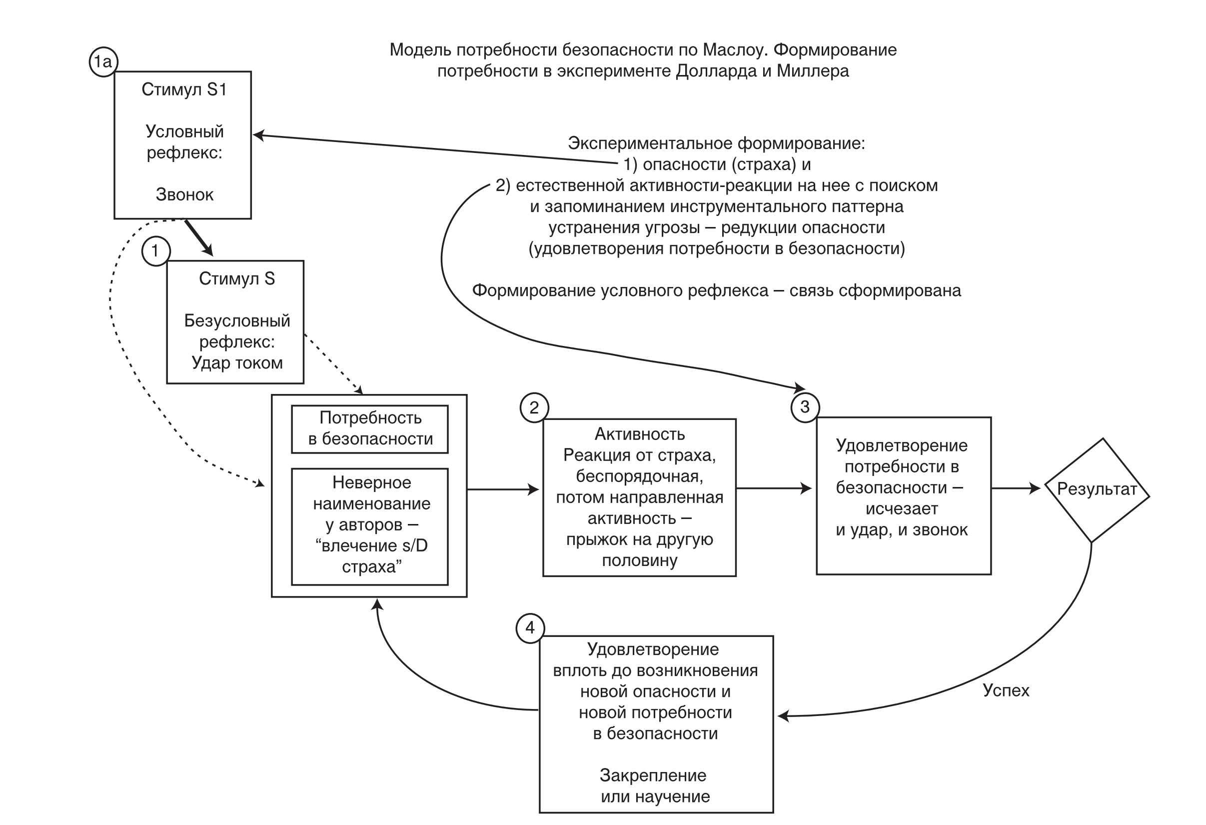

Рис. 3.6. Формирование 1) страха — вторичного стимула и формирование 2) реакции — инструментального обучения, снимающего боль и параллельно страх боли

Рис. 3.7. Поддержания операционного научения, устраняющего страх и тем самым поддержание самого феномена страха. Жертва не ждет удара и немедленно действует. Подкрепление практикой происходит тогда, когда основание страха продолжает существовать и, самое интересное, ИНОГДА, когда основание страха — сам удар током — уже не существует. Мифы и страхи общества, которые оно устраняет символическими действиями, когда реальная угроза исчезла, могут отвлекать его от рациональной и полезной деятельности

и никто не учил нажимать рычаг, чтобы получить наслаждение. Это то, что советские и российские психологи именовали "процессуальным" или "процессуально целевым" обусловливанием.

Правда, Скиннер пришел к выводу (по нашему мнению, неверному), что "стержнем оперантного обусловливания является целенаправленность". Разграничение между классическим обусловливанием и оперантным обусловливанием, не зависящим от внешнего стимула, обладает большой научной ценностью по мнению Макклелланда [Макклелланд, с. 114]. Не вполне ясно имеют ли в виду Скиннер и Макклелланд под "целевым обусловливанием" собственно получение внутреннего стимулирования (как это представляем себе мы) или они разделяют цель и "естественный стимул". У Скиннера цель и стимул совпадают, когда речь идет о порции сладкого, а у Макклелланда ситуация сложнее и он ищет "естественный стимул", который остается для него "каким-то другим еще не открытым фактором" [Макклелланд Д., с. 646]. Впрочем, Скиннер и Макклелланд во мнениях совпадают, если

“сладкое” Скиннера подопытное животное обнаружило случайно в какой-то иного значения активности (т. е. сладкое не было стимулом и не предъявлялось, но стало стимулом). И мы в этом вслед за великими психологами подходим к проблемам метапотребностей.

3.8. Физиологии удовольствий. Шеффилд и Роби. Эксперименты на крысах

Шеффилд и Роби [Sheffield & Robi, 1950, ссылки по Макклелланду] показали, что вкус сахарина оказался для крыс пищевым вознаграждением, хотя было известно, что сам сахарин не может редуцировать напряжение или драйв голода. По сути, это означало, что удовлетворение (редукция) пищевой потребности и просто поглощение некоторых веществ, дающих удовольствие, могут не совпадать. А именно, удовольствие от еды и редукция голода — это два различных источника удовольствия. И они оба могут служить подкреплением.

Более того, Шеффилд, Вольф и Бакер [Sheffield, Wolf & Backer, 1951] показали, что самцы крыс преодолевали создаваемое током препятствие, чтобы совершить половой акт с самкой крысы, несмотря на то, что их всегда прерывали до получения оргазма, и потому не давали редуцировать напряжение. Это также доказывало, что редукция напряжения сама по себе не является единственным источником активности и его целью. Возникало предположение, что процессы, связанные с активностью, могли представлять самостоятельную ценность или быть самостоятельным подкреплением [Макклелланд Д., с. 129, 150].

Следующие эксперименты показали, что структура “удовлетворения” или “удовольствия” в биологическом мире и у человека может быть важным самостоятельным фактором.

3.9. Физиологии удовольствий. Харлоу и Мейер. Игровой интерес у макак

Харлоу, Харлоу и Мейер [Harlow, Harlow & Meyer, 1950] выяснили, что макаки-резусы активно “работают” над механической головоломкой, несмотря на отсутствие пищи и всякого другого удовлетворения.

Макклелланд отмечает в этой связи, что:

“Трудно себе представить, какой вид вторичного вознаграждения мог бы стать основой для их настойчивых попыток справиться с головоломкой. Более того, предъявление пищевого вознаграждения за правильное

решение ухудшало эффективность деятельности обезьян" [Макклелланд Д., с. 129; и то же для Человека, с. 144].

Здесь сразу два открытия. Первое — в активности существуют неявные удовольствия, которые сами себя подкрепляют и продолжают — назовем их "процессом подкрепления В". И не менее важно второе — регулярность заработка-вознаграждения как нового подкрепления А при вторжении в этот скрытый процесс подкрепления В разрушает его (В). В активности снимается нечто, что является высшей формой увлеченности. Подкрепление В снимается подкреплением А. Но не ясно, редуцируется ли В вообще? Или А замещает В как доминанта? Или А ингибирует (запрещает) В. Нужны дополнительные эксперименты. Эту тему мы обсудим позже.

3.10. Физиологии удовольствий. Э. Ч. Толмен. Крысы в лабиринте

В 1920-е годы в Университете Беркли Толмен открыл свойство крыс, которое поставило под вопрос и закон эффекта Торндайка, и всю систему "стимул-реакция", и теорию научения Халла.

В эксперименте крысы помещались в лабиринт, в котором не было никакой пищи как вознаграждения. Животные исследовали этот лабиринт в течение нескольких дней. Потом на выходе из лабиринта была положена пища. Скорость обучения выходу из лабиринта резко возрастала. Среднее количество ошибок за день падало с традиционных 2–3 за день (за заданное неизменное время) до менее, чем четверти ошибки за день после установки еды (1 ошибка в среднем на четырех крыс). [Макклелланд Д., с. 107].

Суть проблемы в том, что поисковое действие в лабиринте для сытых крыс тоже существует и ничем (даже едой) не подкреплено. Еда в лабиринте вызывает совершенно иное действие и имеет для крыс совсем другой смысл и эффект. В контексте наших исследований проблема не в последнем эксперименте ускорения. Проблема состоит в "немотивированном" с позиции исследователя самообучении или "абстрактном интересе", латентном обучении (скрытом и неподкрепленном). И это тоже указывает на неизвестный нам источник потребности и удовлетворения потребности. Сторонники Халла, чтобы поддержать свою теорию ввели понятие "драйва исследования", реализуемого в изучении помещения, территории или окрестности. Сам Маслоу под давлением этих фактов ввел во второй версии своей системы новую *потребность познания и понимания*. Кроме того, он указывал на то, что

к самореализации стоит отнести и игры человека — “игра может быть бесполезной и немотивированной формой активности, может быть целью, а не средством достижения цели” [Маслоу А., 1970/2001, с. 319]. Данные Толмена входят в противоречие с предшествующими данными, но не исключено, что механическая головоломка — более сложная форма деятельности, чем поисковое движение по лабиринту, где следует просто проверить и запомнить варианты. Отвлечение от игры на простое подкрепление зависит и от интереса к объекту игры и познания, и от степени голода (и других деприваций), поэтому разночтения возможны.

3.11. Физиологии удовольствий. Олдс и Милнер. Стимулирование центра наслаждения

Открытие Олдса и Милнера (Olds, Milner, 1954) дают нам информацию о том, что крысы с вживленными в гипоталамус электродами при получении электрической стимуляции в зону так называемых центров наслаждения обучаются нажатию рычага. Они вызывают импульсы наслаждения и далее постоянно нажимают рычаг до 7000 реакций в час (Olds, 1958) — около двух нажатий в секунду — доводя себя до полного изнеможения [Хекхаузен Х., с. 166; Макклелланд Д., с. 129, 150]. Это может означать, что центральная нервная система имеет собственные ресурсы для подкрепления той деятельности, которая вызывает удовольствие.

3.12. Физиологии удовольствий. Перлмутер, Шарфф и Монти. Демотивация контролем

Исследования (Perlmuter, Scharff & Monty, 1980) показывают, что *люди предпочитают самостоятельно выбранные действия предписанным извне*. Вероятно, это обусловлено тем, что в ходе нашего развития *контроль над событиями становится для нас ценностью* [Макклелланд Д., с. 184–185]. С этим материалом связана и информация о результатах эксперимента о том, что использование внешних стимулов для лиц, внутренне мотивированных на достижение, может снизить их продуктивность или не увеличивает усердия в работе [Макклелланд Д., с. 283].

Возможно, внешние стимулы указывают на некоторый контроль над работой таких творческих личностей, ставят оплатой или стимулами (контролем выполнения задач и получения результатов) границы их

собственной деятельности и свободы (и тем, возможно, создают ощущение связанности и тревоги, напряжения и некоторой несвободы по поводу ограничений - СЧ). Примерно к этому выводу подходят и Хекхаузен, Шнейдер и Крейц (Heckhausen, 1980; Schneider & Kreuz 1979). Терстоун по результатам исследований группы специалистов пришел к выводу, что “очень сильное побуждение зачастую делает людей невнимательными, вызывая тревогу, мешает адекватно оценивать обстановку, приводит к совершению ошибок..., а иногда и блокирует само действие... связь между повышением уровня требований и эффективностью деятельности напоминает перевернутую кривую U. По Терстоуну, чем сложнее задача, тем ниже оптимальный уровень требований.

Этот вывод дорогого стоит. Сложная творческая работа не гарантирует успеха, может дать золотые горы, но до работы и в процессе работы не терпит стяжательства — ее полагается делать в духе бессеребренничества. Это позже отражено и в наблюдениях Ф. Герцберга, где фактор денег выступает как “гигиенический”, а не мотивирующий фактор, см. ниже. В будущем мы должны будем использовать эти результаты при оценке и регулировании эффективности творческого наемного труда в целевых и проектных группах.

3.13. Физиология удовольствий. Эндрю Карнеги о трудоголизме

По Карнеги “менеджеры высокого уровня зачастую продолжают работать так же много, как и раньше, несмотря на то, что давно уже заработали гораздо больше денег, чем могут потратить за всю жизнь. Значит, ими движет что-то иное, нежели мотив выгоды” [Макклелланд Д., с. 57].

Эти же явления, как выясняется обзором работ других психологов, имеют место в самых разных сферах биологической и социальной активности. Они сопровождаются сильными положительными подкреплениями — эмоциями.

3.14. Обобщения результатов

1. Эксперименты с работой центральной нервной системой (ЦНС) животных и человека демонстрируют наличие и функционирование системы управления (прямой и обратной связи) в формировании условных рефлексов, научения и преодоления (редукций) таких деприваций как боль.

2. Кибернетическая модель работы центральной нервной системы при удовлетворении потребностей предполагает активное участие памяти для настройки и перенастройки ЦНС. Память используется в живом мире для хранения и изменения методов и моделей поведения для устранения деприваций и удовлетворения всех видов потребностей.

3. Эксперименты показывают, что боль вместе с физиологическими депривациями трансформируется с помощью ЦНС в страх и в менее сильные формы беспокойства, которые и образуют депривации (т. е. отсутствия) "спокойствия", определяя вместе различные варианты потребности в безопасности.

4. Таким образом, центральная нервная система выполняет и функции системы безопасности организма. Она ведет в процессе накопления опыта особи или индивида свой журнал нормальных и опасных условий или образов, опасных действий, ситуаций. Впоследствии она сигнализирует об опасности и тревоге или о несоответствии условиям безопасности. ЦНС предотвращает подлинные депривационные катастрофы своего носителя, реализуя тем его потребности в безопасности. Она также хранит приемы и модели поведения для устранения опасностей — удовлетворения потребности в безопасности.

5. Экспериментаторы и наблюдатели обнаруживают класс действий, которые и люди, и звери выполняют без видимой мотивации и ощутимых во внешних экспериментах потребностей или инстинктов и деприваций. Этот класс действий требует исследования причин таких действий и определения нашего отношения к постоянному источнику запуска действия. Возникает вопрос — считать ли источником неизвестную нам потребность, неизвестную нам мотивацию или что-то иное? Кроме того, важно понять, что является основанием появления и существования такого феномена на нижнем (физиологическом) уровне.

Сказанное далее будет предметом исследования. Но прежде мы рассмотрим теорию иерархии потребностей Маслоу (Глава 4) и выявим все критические замечания к ней, какие найдем в свете данных науки и результатов собственного анализа (Глава 5).

ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ МАСЛОУ. ПРЕДЫСТОРИЯ, ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, ВАРИАНТЫ 1 И 2

4.1. Предыстория формирования теории иерархии потребностей

В истории развития теории Маслоу, в истории ее кристаллизации как модели, особенно в составе потребностей, можно найти нечто объективное. Теория — не результат случайного наития, а длинный путь. Ее структура намечается задолго до полного ее оформления у Маслоу в трудах выдающихся мыслителей, философов и социологов. И мы можем наблюдать постепенное приближение к ней в продолжение последних двух столетий.

Идея отбора потребностей и их построения в порядке появления в онтогенезе развивалась постепенно и различными авторами, начиная с середины XIX века. Иерархия потребностей Маслоу, даже если и является результатом провидения одного исследователя, имела вполне достойных и признанных в социологии предшественников. Представление, что одна потребность порождает другую, намечается, например, уже у Маркса в "Немецкой идеологии". Его слова звучат так, будто Маркс уже знает о теории иерархии потребностей. Он как бы сам строит ее. В действительности он критикует Бруно Бауэра по поводу его статического подхода, излагая попутно свои начала политэкономии. Особенность в том, что дух теории Маслоу очень близок динамическому мышлению Маркса, а сама теория адекватна подлинной динамике жизни, которую умел видеть Маркс:

"...мы должны... констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования... что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии "делать историю"...Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни... Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение первых потребностей является первым историческим актом..." [Маркс К., Энгельс Ф., 3, с. 27].

С потребностей начинали описание природы человека и до Маркса (Платон, Георг Гегель, Адам Смит). Спенсер завершает свое развитие психологии анализом чувствований, которые, по сути, являются потребностями: чувствованиями страха, удовольствиями, удовлетворениями, эстетическим чувствованиями и т.п. [Спенсер Г., с. 239–250].

И это совсем не странно, но глубоко верно. Философы различных направлений равнозначно оценивали значение потребностей в отношении к активности по их удовлетворению. Потребности предшествуют активности. Потому, чтобы понимать, к чему стремится человек, какие цели он ставит перед собой, необходимо знать, какие потребности он имеет, когда и какие потребности у него возникают. Разночтения начинаются по поводу природы потребностей и свободы управлять ими и поведением.

В работах последних двух столетий ощущается логика развития и расширения в процессе построения теории потребностей. Затем обширный список потребностей постепенно сокращается и объединяется в подмножества, образуя после анализа синтез.

4.2. Списки МакДауголла и Маррея в системе Маслоу

Уильям МакДауголл (1923) предложил десять инстинктов:

1. Изобретательства,
2. Строительства,
3. Любопытства,
4. Бегства,
5. Стадности,
6. Драчливости,
7. Репродуктивный (родительский),
8. Отвращения,
9. Самоунижения,
10. Самоутверждения, цит. по [Ильин Е. П., 2002, с. 42–43]

Теперь, с учетом теории Маслоу, мы можем сгруппировать эти десять позиций. Здесь нет потребностей *физиологических* (позже он их добавил), но имеются потребности в *безопасности* (бегства, отвращения как ухода от опасности — в целом, как и всякий уход от вредных воздействий, частично, строительства как формирование жилья, частично, стадности), *любви и принадлежности* (репродуктивный — родительский), *общения* (стадности), *уважения и борьбы за ранг и статус* (драчливости как борьбы за статус, самоутверждения и самоунижения — как превосходства и подчинения в борьбе за статус), и *творчества* (самоутверждения, любопытства, изобретательства, строительства, частично, как творчества). Конечно, системы в этом еще нет.

Позже автор добавил восемь инстинктов физиологических потребностей. Система породила споры в начале XX века. Но никаких конк-

ретных результатов достигнуто не было. Термин "инстинкт" был дополнен терминами потребность (need), рефлекс, влечение (move, drive) как стремление индивида к какой-либо цели или ожидание результата. При этом потребность связывали также и с некоторыми эмоциональными состояниями — аффектами.

После попытки МакДауголла подобный более развитый список пытался создать Генри Маррей (H. A. Murrey). В 1938 году он представил лист из 40 потребностей. Кроме первичных потребностей, идентичных инстинктам МакДауголла, он выдвинул список психогенных потребностей или влечений, возникающих в результате воспитания и обучения. Это потребности:

достижения успеха, аффилиации, агрессии, независимости, противодействия, уважения, унижения, защиты, доминирования, привлечения внимания, избегания вредных воздействий, избегания неудач, покровительства, порядка, игры, неприятия, осмысления, сексуальных отношений, помощи, взаимопонимания, приобретения, отклонения обвинений, познания, созидания, объяснения, признания, бережливости. [Немов Р. С., 1995, с. 400].

Отсортируем их в порядке Маслоу:

Безопасности: Защиты, независимости, избегания вредных воздействий, порядка, бережливости, приобретения, отклонения обвинений, неприятия;

Любви и принадлежности: Сексуальных отношений, признания;

Общения и Уважения: Уважения, аффилиации, привлечения внимания, помощи, взаимопонимания;

Уважения и самоуважения в разрезе дифференцированной психологии личности: "ориентированных на успех, жаждущих власти, подчинения себе других и агрессии" и "ориентированных на избегание неудач, на подчинение себя другим" и т.п.:

Плюс-группа: достижения успеха, доминирования, агрессии, покровительства и Минус-группа: избегания неудач, унижения, и противодействия (это потребности, дифференцирующие личность);

Творчества и самоактуализации: Игры, осмысления, познания, созидания, объяснения.

Ряд потребностей, как мы покажем, позже внесены условно в схему Маслоу, они будут конкретизированы позже.

4.3. Питирим Сорокин и теория Маслоу

Мы далее обратим внимание на несправедливо забытую систему потребностей социолога Питирима Сорокина, а также и на работу ан-

тропологa, специалиста по примитивным культурам Бронислава Малиновского. Впрочем, они выпали только из обоймы психологов.

Питирим Сорокин, в 1920 г., на 20 лет раньше Маслоу, выполнил отбор и группировку множества потребностей из работ предшественников. Он подошел вплотную к аналогичной Маслоу структуре в первом томе своей "Системы социологии" [Сорокин П., 1993, 1, с. 147–162]. Список потребностей ниже приводится в порядке Сорокина:

1. Голода,
2. Половая,
3. Индивидуальной самозащиты,
4. Групповой самозащиты,
5. Движения,
6. Дыхания, обмена веществ, сна (игры, снятия напряжения) и др. физиологические, общения с себе подобными,
7. Интеллектуальной деятельности,
8. Чувственных эмоциональных переживания,
9. Волевой деятельности.

Надо сказать, что порядок у Сорокина несколько странный, но он его поддерживает, его порядок — "прежде всего". В своих объяснениях к списку он показывает, что отвергает потребности "избегания страданий" (Паттона и Уорда), полагая их позитивно — как "стремления к...". С другой стороны, мы поймем и простим Питирима Сорокина, как и любого петроградца, пережившего личные и общественные опасности и карточки Петрограда времени гражданской войны 1918–1920 гг., из-за того, что он, в 1920 году голод поставил на первое место.

Как известно, приоритеты в исследованиях социологов часто вполне объясняются обстоятельствами окружающей их среды и временем их жизни и жизни их общества так, что анализ и исследуемые темы оказываются слепком проблем, важных конкретному обществу, а часто даже привилегированным слоям этого общества. И это относится к таким теориям, как исторически и географически "местные" теории мотивации, впрочем, вносящие определенный вклад в науку. Из результатов Сорокина мы отмечаем важнейшие. Они потом стали частью теории Маслоу — это:

физиологические, что понятно (№ 1, 2, 5, 6 (кроме игры),
безопасности в целом (3–4),
половая и чувственных переживаний (2, 8),
принадлежности (4),
общения (4, 8, 9),

уважения (возможно, 9),

творчества (5, 7).

Среди важных деталей у Сорокина мы отличаем выделение групповой потребности в безопасности и индивидуальной потребности в безопасности. По сути действия в группе или в одиночку — это инструментальная часть поведения. Существенно, что при своей слабости в одиночку человек, как и стадный зверь, объединяется (войны, крупные трудозатраты и т.п.), Очевидцу и участнику гражданской войны в России (эсеровский мятеж в Ярославле) это понятно, как никому. Тем не менее, мы понимаем, что тревога может быть групповой и индивидуальной, но базовым является именно личное, а не групповое ощущение тревоги. Групповое — результат объединения личного.

С некоторой натяжкой мы можем присоединить сюда и *потребности уважения* (волевой деятельности — 9).

В то же время выдающийся русский социолог отсекает негативистские определения потребностей типа "избегания страданий", поскольку их следует понимать, как стремление сохранить предыдущее состояние, т. е. как потребность безопасности (сохранения или воспроизводства полученного состояния). При этом действия, направленные на укрепление стабильности и сохранение достигнутого уровня удовлетворения потребностей в целом, вполне укладываются в общую схему — потребность в безопасности.

Позже мы покажем, что это влияние на Сорокина от системы В. Вагнера имеет связь с проблемой дифференцированного поведения. В нем и "установка на власть", "на достижение успеха", как и "установка на подчинение", "избегание неудач" (см. выше теорию Г. Маррея и ниже теорию Д. Макклелланда) являются противоположными, инструментальными поведенческими решениями одной и той же потребности уважения (ранжирования внутри социальной общности) по Маслоу. Понятно, что Сорокин предшествовал теории Маслоу и Маррея, но включил лишь одну сторону поведения социума, что для времен революции и гражданской войны может быть вполне актуально. Сила и власть всегда видна, а подчинение, хотя и более объемно — вне внимания, особенно в трагические периоды истории.

Мы заканчиваем реорганизацию списка Сорокина пунктом *потребности творчества* — интеллектуальной деятельности (8, 9, и игры 6, неверно сгруппированной).

Если не учитывать ошибки порядка, то по составу потребностей великая и трагическая фигура русской социологии, человек, боровшийся с большевиками до его высылки из России, этот ученый вполне был готов сформулировать "малый" список потребностей среднего

человека: физиологические, безопасности, принадлежности, общения и творчества. “Уважения” — мы опускаем [Сорокин П., 1993, 1, с. 162]. Проницательность этого человека и его смелость проявлена нам уже его статьей 26 октября 1917. В ней он точно оценил опасности предлагаемого большевиками направления развития России и немедленно обратился к обществу с призывом остановить это движение. Русский социолог, ставший основателем и избранным руководителем социологической ассоциации США, это трагическая и волевая фигура России и мира, чудом спасенная от гибели на родине — пример гражданского и научного мужества и динамического мышления перед лицом государственной “идеационной” (идеологической и мифической) тотальности.

И все же иерархии потребностей в системе Сорокина также не было, как и у Макдауголла, и у Маррея. Позже физиологические потребности и движение он поставил на первое место.

4.4. Рождерс и Олпорт. Влияние на теорию Маслоу

Карл Роджерс — автор теории свободного развития личности в творчестве — вложил в теорию Маслоу представление о лучшей части высших потребностей — о творчестве как признаке свободы личности (добавим, и основанной на этом будущей свободы общества). О нем и его теории мы скажем ниже.

Гордон Олпорт — второй источник и предвестник теории метапотребностей Маслоу. Он фактически сформировал теорию метапотребностей, в которой Маслоу остановился только на познании, эстетических потребностях и творчестве.

Как-то Олпорт заметил, что

Уильяму Джеймсу принадлежит занятная доктрина, которая до сих пор вызывает невероятное удивление — доктрина временности (преходящего характера) инстинктов. Согласно этой теории — не такой уж и старомодной, как о ней иногда думают — всякий инстинкт появляется только один раз за всю жизнь, после чего сразу же исчезает, превращаясь в привычку [*Олпорт Г., 1937 / 2002*].

В этой фразе и в подходе Джемса отмечен зачаток идеи иерархии потребностей — человек быстро (и это и есть рост, и это хорошо) проходит этапы развития, и большая их часть входит в привычку, сейчас этот объект у нас именуется (поведенческая) установка.

В своей статье 1937 года Г. Олпорт фактически под видом “функциональной автономии мотивов” постулировал формирование метапотребностей (и метафобий). В свою очередь источником своих ре-

зультатов он считал взгляды Вудвортса. В тексте автора ниже хорошо видна идея послойного надстроения рационального в мотивационном и культурном процессе. Хорошо сказано и о формировании установок (активации напрямую), и о превращении средств в цель — преобразовании некоторых форм поведения в потребность (цель).

"Вудвортс говорил о преобразовании "механизмов" в "драйвы" (Woodworth R. S., Dynamic Psychology, 1918.). Механизм Вудвортс определяет как любую линию поведения, которая осуществляет приспособление. Драйв — любой нервный процесс, запускающий механизмы, особенно связанные с завершенными реакциями. В процессе научения должны были развиться многие подготовительные механизмы, чтобы произошло полное достижение исходной цели. Такие механизмы — фактическая причина активности каждого последующего механизма, обслуживающего драйв на каждой очередной стадии их последовательности. Исходно все механизмы были чисто инструментальными и выступали только в качестве связей в длинной цепи процессов, участвующих в достижении инстинктивной цели. Со временем, в ходе развития, в процессе интеграции и совершенствования, многие из этих механизмов стали активироваться напрямую, устанавливая состояние желания или напряжения для видов деятельности или объектов, более не связанных с исходным импульсом. Виды деятельности и объекты, которые ранее вступали в игру только в качестве средств на пути к цели, теперь сами становятся целями" [*Олпорт Г., 1937 / 2002*].

Что такое "автономный" мотив у Олпорта? Это мотив, вышедший из под контроля психики. Он существует и запускается независимо от смысла и цели работника, иногда нарушая его реальные иные потребности и интересы. Но это и есть новые потребности, которые подменяют и даже доминируют над прежними.

К сожалению, Олпорт не вышел на понимание потребностного характера того, что он именует мотивами. Например, говоря о примерах мастерства как об удовольствии работника (что мы бы именовали метапотребностью), он критикует Веблена за то, что тот принимает "мотив мастерства" (и трудоголизм, пример строкой позже) за "инстинкт". Несомненно, и Вудвортс, и Олпорт — предтечи Маслоу.

Среди "свидетельств" Олпорта в пользу появления метапотребностей ("автономных мотивов") имеются очень интересные.

Это удовольствие от работы, безотчетное материнское чувство, даже когда ребенок стал преступником. Это и круговая реакция (циклические действия) или мотивационная персеверация (повторение) у ребенка, см. ниже также Поршнева. Олпорт особо отмечает, что персеверация имеет место при отсутствии других внешних раздражений, что на самом деле, мы забегаем вперед, означает текущее отсутствие насущных базовых деприваций:

“Мотивационная персеверация такого порядка сильнее, если за периодом работы следует незаполненный временной интервал: это показывает, что мотив, будучи предоставлен сам себе, без тормозящего влияния других видов активности, становится сильнее” [*Олпорт Г., 1937 / 2002*].

Г. Олпорт продолжает, указывая на условные рефлексы, не требующие подкрепления, что они обычно угасают. Но для людей с большими потрясениями или эмоциональными стрессами такие рефлексы запоминаются на всю жизнь. Кроме того, это корреляты в поведении людей и животных. Например, крысы, даже насытившиеся, начинают есть, будучи сыты, когда рядом ест другая крыса. То же самое мы знаем и о сытых цыплятах. Сохранение бесполезных привычек у крыс и у человека (например, движение по более привычному, но долгому пути, мы уже приводили пример К. Лоренца с гусыней Мартиной) указывает на тяготение к устойчивости символического характера. К этому имеет отношение и сохранение биологических и поведенческих ритмов при утрате их функционального значения. Особую объясняющую силу имеют неврозы и фобии и все приобретенные побуждения в противопоставлении инстинктам — “мнимый инстинкт на самом деле не врожден, а приобретен — это “приобретенное побуждение”.

Дополнительным аргументом является динамический характер личных ценностей. Олпорт говорит о “формировании системы интересов” (а не ценностей). Но далее, говорит он, система ценностей создает напряженное состояние, которое легко актуализируется, и приводит к поведению, удовлетворяющему интерес. Примеры: слова и статьи по интересующей человека тематике, по эстетике, например, и т.п. Это “избирательный посредник” для восприятия и поведения.

Отстаивая свои положения, автор указывает, что эти явления — удовлетворение от функции, действия, как и отвращение к ним, возникают в ходе самого действия и развиваются в них. Олпорт формирует “принцип динамической психологии личностных черт”.

Автор отвергает принцип внешнего стимула как единственный в образовании поведения и указывает на другие принципы роста “дифференциации, интеграции, созревания, упражнения, имитации, внушения, обусловливания, травмы и всех прочих процессов развития”. Он допускает, в отличие от каждого из них, рассмотренных по отдельности, сохранение этих продуктов в значимых мотивационных структурах.

Олпорт, фактически предваряя Маслоу, формулирует вывод:

“Объяснена сила, которая движет гением. Одаренные люди настойчиво стремятся к упражнению своего таланта, даже если впереди их

не ожидают никакие другие награды. В меньшей степени такую же автономность демонстрируют различные хобби, художественные и интеллектуальные интересы любого человека" [*Олпорт Г., 1937 / 2002*].

К сожалению, Олпорт не объяснил "силу", а только выделил феномен в неудачной его интерпретации "автономии мотива", когда необходимо было именовать явление сгенерированной или "эндогенной потребностью". Но значение такого обобщения уже сказалось в теории Маслоу на появлении инстинктоидного принципа выделения потребности везде и на самом верхнем уровне, и это достижение собственно Маслоу. Только в конце XX — начале XXI века мы можем объяснить "силу", которая движет гением и множеством другим автономных, т. е. вышедших из-под контроля наблюдения человека "мотивов". Этой силой является активность самого мозга, которая и начинает играть роль "стимула", от которого так поспешно избавлялся Олпорт и Маслоу, как и другие гуманисты, противопоставлявшие себя бихевиористам.

Таким образом, идеи творчества и развития человека, принципа "динамической психологии", "автономности мотива от внешней награды", идеи надстройки механизмов Вудвортса, идея превращения активности в автоматическую установку, идея инстинктивности всех побуждений аккумулировались у Маслоу в будущую теорию иерархии потртебностей.

Но, пожалуй, наиболее сильным для нас является предсказание самого Олпорта в 1955 о месте будущих открытий и прорывов в психологии. Говоря о формировании новых потребностей ("автономных мотивов") как о целях личности, возникающих инстинктоидно, Олпорт уверен, что

> *мы не знаем, как такие долгосрочные цели передаются в нервную систему, но они там присутствуют и бросают вызов нейрофизиологии завтрашнего дня. Осмелюсь (в скобках) высказать мнение, что поглощенность психологии поведением реактивным и точечным, а не тем, которое связано с длительными промежутками времени, может по большей части быть следствием "младенческого" уровня развития нейрофизиологии. Элементарность в одной науке соответствует простоте в другой* [*Олпорт Г., 1955 / 2002, с. 203*].

И это критика великого психолога. Карл Рождерс и Гордон Олпорт сыграли ведущую роль в появлении теории Абрахама Маслоу. Относительно недавно выяснилось, что на работу Маслоу все же реально повлияли и идеи социолога Бронислава Малиновского, которого он не цитировал. А теперь обратимся к Маслоу и его теории.

4.5. Теория Маслоу. История создания

Теория иерархии потребностей впервые изложена американским психологом, Абрахамом Маслоу (сыном выходца из Украины — Маслова), в статье 1943 г "Теория человеческой мотивации" [Maslow A.H., 1943].

Как же сам Абрахам Маслоу пришел к своей системе?

Первые исследования Маслоу посвящены приматам. Сначала он изучает депривации голода (1932), потом их пищевые предпочтения (1933), самооценку и ощущение превосходства (1933), познавательные способности (1934), социальное поведение приматов (1935), доминирование в социальном и в сексуальном поведении приматов и у лучшей половины человечества (1936, 1937–1940). Позже он исследует ранговые иерархии в группах приматов, депривации, угрозы и фрустрации (1941–1943), отдельно и раньше он изучает проблемы личности и модели культуры (1937). Таким образом, Маслоу за десять лет, в режиме двух-трех статей в год, прошел путь исследователя по иерархии потребностей снизу вверх в биологическом и в социальном мире. Буквально за несколько лет до результата Абрахама Маслоу, в 1939 г., близкая по составу, система потребностей, но в начальном и незавершенном виде, возникает в "Функциональной теории" социолога и специалиста по культуре, Бронислава Малиновского (раздел "Теория потребностей"). Позже социолог развивает ее в "Научной теории культуры" [Малиновский Б., с. 158–159] — биологические, безопасности, сотрудничества, культурные как надстройка над предыдущими. Важны также рассуждения Малиновского о частоте появления биологических потребностей, что наводит на мысль об иерархии. Причем Малиновский фактически тоже приходит к иерархическому порядку возникновения потребностей на онтогенетическом уровне. В 1939 г. вышла книга Курта Гольдштейна "Организм", где излагается идея потребности "самоактуализации", о чем говорит сам Маслоу [Маслоу А., 1970/2001, с. 90]. Причем Маслоу считает это влияние наиболее важным для становления его теории — Гольдштейн применял свой термин для обозначения реабилитации и реорганизации личности после перенесенных психических и мозговых травм во время идущей войны. Впрочем, "самореализация" Герберта Спенсера — самого великого философа (или системного аналитика?) своего времени — более раннее понятие. Кстати, Спенсер изложил идею о динамическом формировании проводимости "нервных путей" и их связи с возбуждением и памятью как системной организацией нейронной связи. Так, что период конца XIX – начала XX века дал по теме немало ценнейших гипотез.

Абрахам Маслоу имел смелость соединить идеи Г. Спенсера, Б. Малиновского и идеи Гольдштейна, Роджерса и Олпорта воедино и создал свою общую теория, самостоятельно выделив и положив принцип иерархии в основу системы. Тем самым он оказал неоценимую услугу для современного общества. И мы постараемся это доказать.

Примечание: Самое поразительное, что, живи Маслоу на полвека позже, подобная теория вряд ли бы возникла. При современном разделении знаний,втомчислеэкспериментальныхнаправлений,роскошьвестиисследования во множестве различных сфер психологии одному экспериментатору научное сообщество не могло бы позволить, посчитав такую низкую концентрацию внимания на любой выбранной теме верхоглядством, всеядностью, отсутствием достаточной глубины и неприличным в науке авантюризмом.

4.6. Теория Маслоу. Первый вариант

В соответствии с версией теории 1943 г. в первом издании книги "Мотивация и личность" от 1954 года [Maslow A.H., 1954] базовые потребности среднего индивида формируются иерархически, последовательно, по мере удовлетворения потребностей более важных (первичных, более низкого уровня).

Порядок возникновения потребностей следующий:

- *низшие потребности (физиологические): сон, еда и т.п.;*
- *потребность в безопасности;*
- *потребность в любви и принадлежности к группе;*
- *потребность в общении, уважении и самоуважении;*
- *потребность в самореализации.*

Прежде всего, следует дать разъяснения к двум важным потребностям: в безопасности и самореализации.

Под потребностью *в безопасности* мы должны понимать потребность сохранения и продления устойчивого удовлетворения физиологических потребностей. Иначе говоря, если человек сыт и в тепле в текущий момент, но не имеет никого рядом и, ни рубля в кармане, ни знакомого в городе, или пребывает на необитаемом острове с куском хлеба и ведром воды, то он, прежде всего, подумает, чем будет обеспечен завтра. Он начнет искать воду, пропитание, кров на ночь и т. п. И его тревога не исчезнет, пока все проблемы его бытия хотя бы на день, неделю, месяц, или полгода не будут решены. У Маслоу это звучит так:

...потребность в безопасности, стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре,

порядке, законе, ограничениях...Люди, живущие в мирном, стабильном, отлажено функционирующем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников, им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов... Для того, чтобы наблюдать потребности данного уровня в их активном состоянии, нам приходится обращаться к проблемам невротиков и невротизированных индивидуумов, к представителям социально и экономически обездоленных классов; массовые проявления активной работы этих потребностей наблюдаются в период социальных потрясений, революционных перемен. В нормальном же обществе, у здоровых людей потребность в безопасности проявляется только в мягких формах, например, в виде желания устроиться на работу в компанию, которая предоставляет своим работникам социальные гарантии, в попытках откладывать деньги на "черный день", в самом существовании различных видов страхования..." [Маслоу А., 1970/2001, с. 84].

Позже мы вернемся к уточнению и корректировке потребности в безопасности, особенно с учетом частот опасных событий и также для того, чтобы сделать схему более общей, "отвязать" ее от конкретики американского общества времен Маслоу (середины XX-го века).

Самореализацией у Маслоу именуется все то, что захочет делать человек, устойчиво имея все предыдущее в окружающем его обществе, чтобы почувствовать себя самим собой. Но Маслоу под этим понимает более конкретно заботу состоявшегося на низших уровнях человека о своем развитии, становлении, совершенствовании:

"... если вышеперечисленные потребности человека удовлетворены, мы вправе ожидать, что он вскоре вновь почувствует неудовлетворенность, неудовлетворенность от того, что он занимается совсем не тем, к чему предрасположен... Человек обязан быть тем, кем он может быть (А.М.). Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе....", [Маслоу А., 1970/2001, с. 90].

Вот как определяет "самоактуализацию" Британская Энциклопедия.

"Когнитивные мотивационные подходы представляют идею, что человеческая мотивация находится под влиянием потребности компетенции или контроля (ответственности). Хотя существуют разночтения в подходах большинство, в общем, сходится на том, что человеческое поведение, по крайней мере, частично, мотивировано потребностью максимального или предельного стремления к становлению человека тем, кем он может быть. Самоактуализация — это пример такого подхода в теории упомянутого Абрахама Маслоу" [Британская Энциклопедия — статья Мотивация].

Сказано слишком общо и невнятно. Определенная неясность звучит и у Маслоу. В этом представлении о поиске смысла и цели жизни, поиске наилучшей реализации, скорее всего, Маслоу выступает более идеалистически в отношении среднего человека, чем мы все того за-

служиваем (но аргументы мы приведем позже, расширив представление о высшей потребности и путях ее удовлетворения).

Итак, в системе потребностей Маслоу по мере удовлетворения текущих потребностей в процессе деятельности индивидов возникают новые потребности более высокого уровня. Ведущая потребность формируется по факту относительно полного удовлетворения совокупности предыдущих потребностей у личности. Выглядит это в описании Маслоу примерно так:

... почти о любом здоровом представителе нашего общества можно сказать, что он одновременно и удовлетворен, и не удовлетворен во всех своих базовых потребностях... Если ... пользоваться наглядными цифрами, пусть и условными, то получится, что у среднестатистического гражданина физиологические потребности удовлетворены, например, на 85%, потребность в безопасности удовлетворена на 70%, потребность в любви — на 50%, потребность в самоуважении на 40%, а потребность в самоактуализации — на 10%....

Особо следует подчеркнуть, что процесс актуализации потребностей не внезапный, не взрывной, скорее следует говорить о постепенной актуализации более высоких потребностей, о медленном пробуждении и активизации. Например, если потребность А удовлетворена на 25%, то потребность В "пробуждается" на 5%, а когда потребность А получает 75%-ое удовлетворение, то потребность В может обнаружить себя на все 50% и так далее", [Маслоу А., 1970 / 2001, с. 99].

В своей структуре система включает и биологические потребности, и потребности, считающиеся в современной социологии исключительно прерогативой социального мира, такие, как потребности уважения и самореализации. Система является гибкой. При неудовлетворении более низких потребностей индивид возвращается к процессам их удовлетворения, временно опускаясь к низшей части своего бытия. И Маслоу на этом не акцентирует внимания просто потому, что считает в *своем обществ*е достаточно средств для того, чтобы, человек, достигнув определенного базового уровня, более не обращал внимания на нижележащие потребности в связи с безусловным и постоянным их удовлетворением. Часть потребностей может служить целью или средством (инструментом) для обеспечения других потребностей. Иногда одно и то же действие (даже удовлетворение потребности) может выполнять функцию (быть инструментом) для удовлетворения другой потребности более высокого или низкого уровня.

Маслоу рассматривает потребности как стремления, возникающие подсознательно, но также допускает, что в рамках очередной ак-

туальной потребности индивид может осознавать ее в виде интереса и, используя установки, действует целенаправленно. Часть действий по мнению Маслоу вообще может не определяться потребностями.

Все (длительные или устойчивые с детства) отклонения от порядка реализации потребностей и удовлетворение высших при неудовлетворенных низших потребностях рассматриваются в теории Маслоу как патологические состояния.

4.7. Потребности дефицитарные или депривационные

Потребности от низших до потребностей общения и уважения у Маслоу именуются депривационными или “дефицитарными”. Это означает, что человек ощущает недостаток тех или иных факторов как некоторый недостаток и как дискомфорт, депривацию. Это физиологические или витальные (жизненные) потребности, безопасности, принадлежности и любви, общения и уважения. Маслоу их также именует *базовыми* потребностями.

При этом у Маслоу не все физиологические потребности относятся к дефицитарным. К ним не относятся потребности вывода экскрементов, потребность в сексе, потребности во сне и отдыхе. Однако и в этом случае дефицит одних веществ и избыток других как польза освобождения от них (будь то сперма, половое возбуждение или экскременты) суть проблемы одного рода — их удобнее было бы именовать потребностями материального, энергетического и социального дискофморта (как несоответствия). Эти потребности обеспечивают равновесие и самозащиту, безопасность или иначе равновесие и стабильное статическое состояние индивида. Сон, отдых и процессы освобождения мы исключаем только потому, что они не представляют практического интереса с позиции анализа целевой активности человека.

4.8. Высшие потребности — развития и роста

У Маслоу вторая группа потребностей — потребности *развития и самосовершенствования* или “бытийные” — могут запускаться при удовлетворении в основном низшей дефицитарной группы потребностей.

Излагая свою систему, Маслоу смотрит в будущее, пренебрегая прошлым и до некоторой степени настоящим значительной части человечества. Оправдание для президента Американской психологической ассоциации вполне достойное. В сытом обществе и следует смотреть

в будущее, искать пути развития личности. Все внимание автора направлено на актуализацию личности, подложкой которой являются по необходимости дефицитарные потребности — потребности недостатка средств выживания.

Интересно, что Маслоу останавливается на физиологической основе высшей потребности актуализации. Потребность не есть *рациональное* ощущение добиться успеха или ощущать свою судьбу, использовать или рефлексивно строить себя наилучшим способом:

"Важно понять, что способности, органы и системы органов стремятся функционировать и выражать себя; им нужно, чтобы их использовали и упражняли; такое использование приносит удовлетворение, а неиспользование разрушительно" (*Maslow, 1962*), *цит. по* [*Мадди С., с. 96*].

Мы позже вернемся к теме "не обусловленности" высшей потребности человека, о которой говорил Маслоу:

"Зрелость или самоактуализация с мотивационной точки зрения означает выход за пределы дефицитарных потребностей. Тогда это состояние можно назвать метамотивированным или не мотивированным" (*Maslow, 1962*)*, цит. по* [*Мадди С., с. 98*].

Иногда это у Маслоу звучит и более резко. По Маслоу не за всяким поведенческим актом обязательно стоит какой-то мотив, существуют и иные детерминанты поведения, вовсе не связанные с удовлетворением потребностей:

"Одни поведенческие акты можно назвать высокомотивированными, другие — слабо мотивированными, а третьи — вовсе не мотивированными (это не мешает нам утверждать, что все поведенческие акты чем-то мотивированы)" [Маслоу А., 1970 / 2001, с. 101].

Автор, мы домысливаем, хотел сказать: "чем-то вызваны" или "неосознанно обусловлены", а это так и есть. — Человек, да и животное, могут "сознательно" нечто сделать не так, как "обычно" и даже "против потребности", мы отдельно остановимся на этом факторе в разделе 11.15.

Мы отмечаем указание на "метамотивацию" как "НЕ мотивацию", чтобы позже, по ходу наших рассуждений и анализа, сформировать понятие "метапотребности". "НЕ мотивированность", как мы понимаем Маслоу, означает нечто вроде "интересно" или приятно", что с позиций ментальности людей США или рационального американского подхода середины XX-го века является действием или основанием, совершенно лишенным здравого смысла, т. е. действием нерациональным. Маслоу далее использует термин "инстинктоидно". "Инстинкт" и "мотив" — это пара антонимических понятий, которые выступают как синонимы более ранней пары противостоящих терминов "подсознание" и "рациональность". Когда "мотивировано" начинает использоваться

в смысле “рационально”, то это и есть то, что нам надо, термин начинает разумно работать. Это и есть отличие мотива от того, что должна представлять потребность.

Каково отношение Маслоу к значимости, к масштабу его теории!? Он понимает, что покрывает теорией основные психологические явления у человека. В виде гипотезы он утверждает, что

“те или иные психологические феномены важны ровно настолько, насколько они связаны с базовыми потребностями...любое осознанное желание (частная цель) важно ровно настолько, насколько оно связано с той или иной базовой потребностью. Это же заявление важно и для поведенческих актов”. [Маслоу А., 1970/2001, с. 91].

Рис. 4.1. Вариант теории Маслоу от 1943–1954 года

Существенно отметить утверждения Маслоу, что потребности развития (самоактуализации) возникают не у всех индивидов. Объяснение автора теории состоит в том, что большинство индивидов не удовлетворяют до конца дефицитарные потребности.

4.9. Теория Маслоу. Второй вариант

Расширение теории ее автором к 1970 году несколько усложнило систему.

Базовые потребности. В версии 70-го года Маслоу назвал все потребности в системе “базовыми”. Более того, он увидел в базовых

потребностях, описанных им в теории иерархии, физиологическую основу. Вот как это звучит в его втором издании (1970):

"Основная наша гипотеза состоит в том, что из всех психологических составляющих человеческого поведения только мотивы или базовые потребности могут считаться врожденными или биологически обусловленными (если не всецело, то хотя бы в определенной степени)... Другими словами, в базовой потребности есть некий наследственный компонент, который мы будем понимать как своеобразную конативную (природную, естественную — СЧ) нужду, не связанную с внутренним целеполагающим поведением, или как слепой, нецеленаправленный позыв, вроде фрейдовских импульсов Ид.... Поведение целенаправленное (или функциональное) возникает в результате научения" [Маслоу А., 1970/2001, с. 133–134].

И в настоящее время базовыми часто именуют только потребности от физиологических до уважения и самоуважения включительно.

Потребность в уважении и самоуважении была заменена потребностью в "признании", а между ней и потребностью "самореализации", получившей новое имя "самоактуализации", возникли "когнитивные" потребности: а) познания и понимания и б) эстетические потребности [Маслоу А., 1970/2001, с. 92–93, 95–96], см. рис. 4.2.

Рис. 4.2. Последний вариант теории Маслоу 1970 года

Высшую потребность как потребность "самоактуализации" вместе с новыми когнитивными (познания) и эстетическими потребностями в системе Маслоу именуют *метапотребностью*.

Самоактуализация как высшая потребность по Маслоу есть "действие ради самого действия". Мы обращаем особое внимание читателя на эту фразу — труд самоактуализации вызывает радость, он сам по себе является потребностью. Мы вернемся к этому в следующих разделах.

В поздней редакции потребность самоактуализации представлена как труд над собой. Но позже, в некоторых чужих интерпретациях, она получает эгоистический акцент только самосовершенствования, что отмечено, например, у О'Шонесси [О'Шонесси, 1979, с. 125], хотя истинный смысл потребности в контексте исследований А. Маслоу, и также у П. Сорокина — это потребность творческого труда как смысла и радости жизни. То, что именно это имел в виду Маслоу и во второй версии, но был неверно понят читателями, доказывается материалом полевых исследований Маслоу — анализом биографий работников науки и искусства.

Вообще, как сказал Рован (1998), в изображении иерархии потребностей: "...форма треугольника предполагает, в конечном счете, возможность удовлетворения потребностей. Мы никогда не достигаем этой точки, мы никогда не достигнем предела". Он предлагает изображать иерархию потребностей в виде лестницы (треугольник не был идеей самого Маслоу), цит. по [Лефрансуа Г., с. 319]. Мы, в свою очередь, предложим иную форму — снопа — свободного расширения вверх после достижения потребности уважения, см. рис. 12.1.

К проблеме высших потребностей относится еще одно замечание Маслоу. Автор дает некую дополнительную характеристику самореализации — *вершинное переживание* (Peak Experience). И это очень ценное (фактическое) наблюдение. Вершинным переживанием может быть религиозное состояние экстаза, момент просветления или состояние экзальтации при появлении колоссального результата или творческого достижения созидателя, мистическое событие, инсайт или событие, тесно связанное с процессом самореализации. Маслоу до конца своей жизни подчеркивал значимость вершинного переживания в детстве или в юности. Этот "прорыв" оставляет навсегда в жизни человека светлую память, и далее "просвещенный" стремится еще и еще найти себя в состоянии "высокого переживания".

Потребность "самоактуализации" Маслоу прекрасно охарактеризовал в разделе "Различие между высшими и низшими потребностями" в [Маслоу А., 1970/2001, с. 155].

Вот эти позиции:

1. В эволюционном (филогенетическом) плане более высокая потребность представляет более позднее образование. Это, по нашему представлению, надо понимать так, что человечество в целом повышает в своем развитии средний уровень достижения потребностей в течение жизни каждого индивида. Или иначе, доля людей достигших потребности безопасности, любви, уважения и творчества все более возрастает.

2. В процессе онтогенетического (индивидуальной особи) развития высшие потребности обнаруживаются позже, чем низшие. Чем выше потребность, тем более специфична она для человека.

3. Чем выше место потребности в иерархии, тем менее насущна она для выживания, тем дольше она может оставаться неудовлетворенной и тем выше вероятность ее полного исчезновения.

4. Жизнь на более высоких мотивационных (в нашем смысле — потребностных — СЧ) уровнях означает бо́льшую биологическую эффективность, продолжительность жизни, меньшую подверженность болезням и т.п.

5. С субъективной точки зрения высшие потребности менее насущны.

6. Удовлетворение высших потребностей приводит человека к субъективно желанному состоянию, он испытывает чувство покоя, умиротворенности, счастья, богатства внутренней жизни. Позже автор говорит, что материальное богатство не имеет отношение к этому состоянию — человеку достаточно достатка или он удовлетворен минимумом средств существования, его выживаемость много выше, чем у обычного человека на низших уровнях удовлетворения потребностей. Тем не менее, вывести его из такого состояния довольно легко при грубом вторжении в его жизнь извне.

7. Высшие уровни мотивации — это уход от психопатологии.

8. Для актуализации высших потребностей требуется больше предварительных условий, чем для актуализации низшей потребности.

9. Для актуализации высших потребностей необходимы хорошие внешние условия. Чтобы люди перестали убивать друг друга, необходимы определенные внешние условия, но чтобы они любили друг друга, нужно несколько больше.

10. При условии удовлетворения и низшей, и высшей потребностей последняя приобретает большую субъективную значимость. Ради высшего удовлетворения человек готов терпеть лишения и идти на жертвы, готов мириться с депривацией низших потребностей... согласен вести аскетическую жизнь... Человек, удовлетворивший низшие

потребности и познавший, что такое самоуважение и самореализация, как правило, ставит их выше сытого желудка и чувства безопасности.

11. Чем выше уровень потребностей человека, тем шире круг его любовной идентификации... Любовную идентификацию можно определить как слияние мотивационных иерархий двух или нескольких людей. Человек принимает потребности и желания любимого человека как свои собственные, не различает их. В нашем представлении, Маслоу здесь не точен. Речь должна идти о том, что человек уверенный в себе, пытается искать или настроить гармонию в остальном мире и, при ее отсутствии, несет в себе страдание других, приобретает высокую эмпатию, сопереживание с обществом, его проблемами, приобретает заботы большего или мирового масштаба. Это и может толковаться как расширенная любовь "гражданина мира".

12. Жизнь на высших мотивационных уровнях и удовлетворение высших потребностей вызывает желательные, благоприятные гражданские и социальные последствия... чем выше потребность, тем менее она эгоистична... стремление к любви и к уважению обязательно предполагает взаимодействие с другими людьми. Более того, его (стремление — СЧ) невозможно реализовать, не осознав необходимость удовлетворять потребность других людей (в уважении и потому в нижних потребностях тем более — СЧ). Люди, в достаточной мере удовлетворившие свои базовые потребности,... обнаруживают такие черты, как верность, дружелюбие, гражданское самосознание...[20]

13. Удовлетворение высших (базовых — СЧ) потребностей в большей мере приближает человека к самоактуализации, чем удовлетворение низших потребностей.

14. Жизнь на высоких мотивационных уровнях и удовлетворение высших потребностей приводит к более сильному и более естественному истинному индивидуализму. Это кажется алогичным (см. здесь пп. 11–12). Но по Маслоу: "самоактуализированные люди отличаются высокой степень идиосинкратичности (переводчик хотел сказать "идиосинкразии" — в данном случае острым неприятием чужих мнений при наличии своего — СЧ), так и способностью любить человечество, и этот факт полностью соответствует теоретическим размышлениям Фромма

---

[20] У Г. Гегеля есть сентенция в этом отношении: "Когда человек приходит к убеждению, что он знает это не лучше, чем другие, т.е. когда для него становится безразлично, что другие это сделали плохо, и его интересует лишь, чтоб они сделали хорошо, тогда в него вступили мир и утверждение" [Гегель, Г., 2, с. 557]. Это можно рассматривать и как постижение мудрости отличать возможность исправить или изменить мир и возможность только понять его.

относительно синергической природы взаимоотношений между любовью к себе (или вернее, самоуважением) и любовью к другим людям". (Маслоу далее развивает эту темы по поводу самоактуализации людей, позже мы будем это обсуждать как метапотребности — СЧ)[21].

15. Чем выше уровень потребностей, тем более податлив человек для психотерапии (он и самоуправляем, и управляем в своей психике с его позволения в связи с высоким уровнем рефлексии-самоконтроля — СЧ).

16. Низшие потребности имеют более четкую локализацию, более осязаемы и ограничены, чем высшие потребности.... Чтобы утолить голод, достаточно съесть определенное количество пищи, но удовлетворение потребностей в любви, в уважении и когнитивных потребностей не знает пределов.

И это больше похоже на нравственный катехизис, на нравственную норму цели жизни. Но у каждого человека эта цель своя. А самое сложное это найти то, что человек делает или может делать лучше всего[22].

Высшие потребности именуются "бытийными" (existence). Отсюда возникает неверное представление об "экзистенциализме" в теории Маслоу. Экзистенциализм — красивый, но очень невнятный термин. Понятие "цели жизни" и сама проблема полезны для слабо (в виду случайного богатства) занятых людей, еще не нашедших себя в жизни, людей, ищущих свои подлинные дарования и потому — смысл существования и жизни.

---

[21] Мы предполагаем, что более глубокое понимание сложностей и противоречий мира и общества приводит к сильной отстраненности от общества такого индивида. Он обладает более полной готовностью к компромиссам внутри раздираемого противоречиями общества за счет более тонкой организации, и это раздражает участников спора, поскольку он не берет полностью ни одной стороны. Эта отстраненность, в которой очень много границ и самоограничений типа "совести", см. ниже, выделяет пока таких людей как глубоких индивидуалистов. Они индивидуальны в своих суждениях и возражениях, тонкостях решений. Они так сильно отличаются от основной массы и от даже статусных политически значимых людей, что это накладывает на них печать индивидуализма, заумности и даже нерациональности. Это случается, когда общество желает простых решений, а индивид, видя дальше, не получает возможности донести до сообщества "тонкие" детали более сложных, но дальновидных решений. Большая часть общества не может обычно "войти" в длинные стратегии и в тонкости. Российскому читателю, применяясь к своему кошельку, достаточно вспомнить решения убитого президента Джона Кеннеди о консервации нефтяных запасов США, чтобы понять, как сложно принимать решения в рамках длинных стратегий — СЧ.

[22] Мы бы дополнили этот список только указанием того, что все общество построено на разделении труда.

Сам Абрахам Маслоу в его последующей Z-теории 1969 года представил дальнейшее развитие теории потребностей. Над иерархией потребностей, в том числе, над самоактуализацией, которая у Маслоу находится в вершине системы, существуют, могут существовать, дополнительные высшие потребности, носящие индивидуальный характер. Здесь Маслоу полемизирует с современником Мак-Грегором и с его теорией X (скучные дефицитарного типа люди, избегающие усилий и труда) и теорией Y (оптимистические творческие люди, жаждущие проявить себя в активности и достижениях). Маслоу ставит теорию X и Y в параллель со своими уровнями, где Y — потребность самоутверждения, и поднимает планку еще выше — до уровня Z.

О "просто здоровых" самоактуализирующихся людях вполне можно сказать, что они, в общем, соответствуют предсказаниям "теории Y" Д. Мак-Грегора. Но об индивидах, которые трансцендировали самоактуализацию, мы должны сказать, что они не только выполнили требования "теории Y", но и превзошли их. Они живут на уровне, который я для удобства назову здесь "теорией Z", исходя из того, что она находится на том же континууме, что теории X и Y, образуя вместе с ними некоторую иерархию....Нетрансцендирующие и трансцендирующие самоактуализирующиеся люди (или, можно сказать, "примеры теории Y" и "примеры теории Z") обладают всеми характеристиками самоактуализации (см. их описание в моей книге "Мотивация и личность" — Maslow, 1954), но различаются наличием или отсутствием (или, скорее, большим или меньшим количеством и важностью) пиковых переживаний, опытов бытийного познания и того, что Ашрани назвал "плато-переживанием" (спокойное созерцательное бытийное познание в отличие от острого). [*Маслоу А., 1971 / 1999, с. 266–267*].

Мы отмечаем это мнение Маслоу о "пиковых переживания", и используем его в развитии теории потребностей. Однако в целом мы не будем фиксировать внимание на Z-теории. Абсолютная вершина в развитии отдельных личностей — это нечто подобное "гуру" в развитии духовного начала индийско-тибетской духовной культуры. В любом случае Z-теории, если этот случай или феномен переживания и существует, то действительно касается малой части общества, и, как в первом приближении кажется, не связан с активностью, а более с самоощущением, трансом. Нас же волнует модель поведения основной массы общества для анализа его трудовых отношений.

ГЛАВА 5. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕОРИИ МАСЛОУ

Одна из основных целей работы – представить все известные нам и наши собственные замечания к теории Маслоу и выработать свои ответы на них вплоть до коррекции теории. В конце главы мы сводим замечания в таблицу с указателем наших ответов по тексту книги.

5.1. (А) О терминах. Различение мотивов и потребностей у Маслоу

Замечание А. Абрахам Маслоу смешивает понятия мотива и потребности. Его система оказывается неполной, а борьба за понятие не доведена до логического конца, хотя автор близок к решению. Вероятно, у Маслоу было и оказалось недостаточно аргументов в пользу инстинктоидности того, что он именовал потребностями на высшем уровне его иерархии, особенно в части метапотребностей. В дальнейшем мы в цитатах Маслоу опускаем термины "мотивы", приводимые в смысле *базовые потребности*.

Что есть потребность и чем потребность отличается от мотива? В настоящий момент твердое согласие психологов по поводу потребностей (драйвов, нужд) в отличие от мотивов можно считать существующим только в отношении физиологических потребностей.

5.2. (Б) Индивидуальные отклонения от иерархии потребностей

Замечание Б. К самым простым замечаниям относятся замечания, указывающие на наличие исключений и отклонений от иерархии потребностей у отдельных лиц и о слишком общем характере теории, которая не способна учесть индивидуальные особенности личности.

Данная теория не обозначает стопроцентной применимости, как и представление о нормальном человеке не является ложным в случае наличия патологии отдельных людей. Потому, например, у А. И. Юрьева в примере, приведенном Е. П. Ильиным [Ильин Е. П., с. 44], не следует объяснять поведение Яна Гуса и Джордано Бруно, сожженных на костре, по теории Маслоу. Это и есть отклонения от нормы героев. Признание их героями есть отражение их индивидуального самопо-

жертвования. Иерархия потребностей не исключает и такие явления как самоубийства или терроризм с суицидальными решениями.

Однако и сам Маслоу в ряде случаев "забывает" о своей теории, давая примеры возвышенных действий, которые в реальности являются исключениями (например, в интерпретации потребностей любви).

С другой стороны, общность теории Маслоу не дефект, а главное свойство и достоинство. Особенности личности учитываются дополнительными надстройками над ней, например теорией Макклеланда и др. (Глава 13).

5.3. (B) Устойчивость потребностей от культуры. Потребность, мотив, культура

Замечание B. Анатолий Леонидович Свенцицкий, руководитель кафедры общей психологии психологического факультета Государственного Санкт-Петербургского университета, в своей советского периода работе пишет, что

"идея иерархии мотивов, соответствующая иерархии потребностей, является универсальной, применимой к любому обществу. Такой подход противоречит марксистскому положению о социальной обусловленности потребностей личности и потому неприемлем для советской материалистической психологии" [Свенцицкий А. Л., с. 51].

Это замечание имеет внутреннее логическое противоречие. Маслоу говорит не об иерархии мотивов, а именно об иерархии потребностей, а критик строит нечто вроде иерархии мотивов над иерархией потребностей, и до этого момента в разделе о мотивах ни одного слова. С другой стороны, о какой "социальной обусловленности потребностей" может идти речь? Психология везде одна. В реальности психологи, как мы знаем, уже имеют множество проблем с различением потребностей, драйвов, нужд. Под социальными нуждами они понимают в реальности уже мотивы. Отсюда у психологов и возникает озабоченность по поводу соответствия системы потребностей Маслоу культуре текущего общества. Общее замечание, которое отсюда возникает в работах и советских, и западных авторов — это отсутствие представлений о границах культурного и биологического в потребностном и, соответственно, в мотивационном аспектах активности человека. Не различая одно от другого, легко стать "культурным" рабом уникальности каждой конкретной ситуации, социальной или идеологической системы.

Для марксистов, запутавшихся в проблемах "потребности в труде" и в лозунгах типа "от каждого по способностям, каждому по потребно-

стям", и просто опасающихся сказать нечто неприемлемое, например, похвалить чужую "западную" теорию, всякое постулирование порядка потребностей — это смертный приговор на научной карьере. Положение таких авторов еще осложняется и необходимостью считаться с кодексами "строителя коммунизма" и т. п. "Потребности и мотивы строителя коммунизма должны отличаться от строителей капитализма по определению" — это не обсуждается. Но как? Лучше не трогать эту тему! Но нужно ли такую деятельность считать "наукой"? Хотя пожалеть деятелей гуманитарной науки того времени вполне приемлемо. Сама публикация основ этой теории (под видом ее критики) — тогда это уже прогресс и немалый. К сожалению, многие прошлые авторитеты и до сих пор работают в режиме "не высовываться" или "в час по чайной ложке".

Какое рациональное зерно мы могли бы извлечь из вопроса Свенцицкого? Марксизм защищает "социальную обусловленность" потребностей личности. Означает ли это, что у рабочего принципиально другие потребности, чем у предпринимателя? Или у пары "рабочий — капиталист" иная система потребностей, чем у пары "советский рабочий — советский директор"? Или просто уровень удовлетворения разный? Но тогда суть вопроса имеет два аспекта: культурно-исторический и социальный, но не психологический.

В социальном аспекте вопросов быть не должно. Уровень удовлетворения потребностей в разных социальных слоях и в разные периоды отличен, а структура потребностей одна и та же. Но для человека неискушенного и не знающего теорию Маслоу это означает, что у рабочего и у капиталиста потребности принципиально разные — рабочий голоден, а капиталист в роскоши. Значит, структуры потребности у рабочих и у капиталистов различны. И тогда потребности вообще различны и социально, и, тем более, культурно обусловлены. Вот логика, и она на 100 процентов неверна, ибо система потребностей человека и уровень их удовлетворения имеют аналог в модели стакана и уровня его наполнения.

Изменяется ли сама совокупность (список) потребностей человека в зависимости от конкретного общества или периода его развития? Это и есть вопрос о культурном основании большей части потребностей. Это и есть замечание В.

Второй вопрос касается мотивов — инструментов удовлетворения потребностей. Нам кажется, что читатель и сам бы ответил на этот вопрос? Но мы будем последовательны.

Итак, тема универсальности еще раз поднимает вопросы:

Основаны ли потребности на культуре и зависит ли их состав от общества? Зависят ли потребности и мотивы от культуры?

5.4. (Г) Как возникает иерархия потребностей от рождения?

Замечание Г. Если хоть часть потребностей получает воздействие культуры, то, как обстоит дело при рождении ребенка? Откуда у него могут быть все потребности сразу? Тогда возникает требование показать, как возникает рост и появление потребностей. Имеются и замечания моего друга инженера и пианиста Георгия С., который указывает на раннее формирование творчества у детей (возможность или необходимость), что якобы должно нарушать иерархию Маслоу. Пример: "Моцарт — композитор в 5 лет".

5.5. (Д) Как потребность соотносится с научением?

Замечание Д. Известно, что физиологические потребности даны нам генетически. Все остальные выше связаны или могут быть связаны с научением, и далее возможны споры по поводу природы научения, его (научения) соотношения с культурой, с конкретной культурой данного общества и т. п. Тогда возникает и вопрос. У нас есть потребность чистить зубы? А у другого народы — есть потребность полоскать рот или вести гигиену рта иным образом. Означает ли это необходимость иметь многие сотни конкретных потребностей? И как нам "развести" выученное и природное в этом феномене?

Маслоу видит в верхних базовых потребностях и в самоактуализации именно потребности, а не мотивы:

Высшее стремление и позывы являются частью биологической природы человека столь же неотъемлемой, как потребность в пище. [Маслоу А., 1970/2001, с. 160]

Но для Маслоу это не стихийные силы, а силы культурные и одновременно биологические — инстинктоидные.

Маслоу убежден в двойственности когниций, называя ложной дихотомию между когнитивным и конативным (природным) началами.

"Человеческое стремление к познанию, к пониманию, потребность в жизненной философии и системе ценностей, желание иметь некую точку отсчета — все эти когнитивные (выученные, культурные — СЧ) потребности несут в себе конативное (природное СЧ) начало и являются частью нашей примитивной животной культуры... конативное начало содержит в себе когнитивный компонент, а когнитивное начало несет в себе конативную функцию... [Маслоу А., 1970/2001, с. 160–161].

Надо ли говорить, что "диалектика" Маслоу о двойственности биологического и наученного требует раскрытия в части физиологии

и практики, и в данный момент остается на уровне гипотезы. Ощущение того, что основные даже высокого уровня действия людей, содержат инстинктивный, не логический и не рациональный характер, кажется нам возможным направлением поиска отличий потребности от мотивации. Уровень мотивации можно рассматривать как рациональный образ и результат работы нервной системы, выражаемый в суждениях.

Понять взаимодействие биологии и культуры (научения) — одно из важнейших направлений нашей работы.

5.6. (Е) Существует ли иерархия потребностей в животном мире?

Поскольку человек — существо биологическое, возникает и следующий вопрос, смежный с предшествующим.

Замечание Г. Какие потребности существуют в биологическом мире, и насколько и чем человек отличается в мире потребностей и мотивов от биологического мира? Верна ли теория Маслоу и для животного мира?

По Маслоу биологическое начало в человеке очень сильно откорректировано культурой. И это он рассматривает даже как угрозу, возможно несколько идеализируя простоту и естественность биологического мира. Дополняя биологическое в человеке лучшими проявлениями любви, ухода и заботы о подросте, Маслоу считает, что культурные запреты часто ограничивают и давят естественные в ребенке любопытство и открытость, внутреннюю свободу. Маслоу против зооцентризма и — за антропоцентризм. Однако Маслоу никак не отвергает значения экспериментов на представителях животного мира в целях исследования мира социального, призывая лишь делать ограниченные выводы по поводу их результатов. Но и здесь он не всегда прав. Например, Маслоу позволяет сделать себе заявление о том, что:

“Если согласиться с тем, что изучению человека обязательно должно предшествовать изучение животных, то несложно сделать и следующий шаг и заявить, что прежде чем браться за психологию, нужно досконально изучить, например, математику”, [Маслоу А., 1970/2001, с. 102].

Самое интересное, что в этой резкости Маслоу не прав. Исследователь человека должен знать биологию, а исследователь психологии (и, кстати, остальных гуманитарных наук) должен знать математическую и формальную логику, функциональный анализ, теорию управления и теорию вероятности. Доскональность, правда, кроме знаний логики, не требуется. Мы увидим, что исследование статусных отно-

шений в биологическом мире имеет прямое отношений к раскрытию некоторых высших потребностных форм человека. Что очень важно, Абрахам Маслоу отмечает некоторые важные стороны в биологических инстинктах у млекопитающих — любопытство.

Нам нужна большая определенность представления, что в иерархии Маслоу и каким образом представлено в более ранних формах жизни.

5.7. (Ж) Боль, страх и потребность в безопасности — аспект порядка (СЧ)

Замечание Ж. Это замечание автора книги.

Потребность в безопасности у Маслоу понимается очень широко и в этом сложность. Здесь и потребность не быть убитым. Это и потребность в зависимости, защите, стабильности, свободе от страха, тревоги и хаоса. Но это и потребность ребенка в порядке, устойчивости и предсказуемости мира. Сюда же относится и желание устроиться на работу в фирму с социальными гарантиями и отчислениями в пенсионный фонд [Маслоу А., 1970/2001, с. 81–84].

С другой стороны, автор считает, что

“.... Потребность в безопасности редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой”. [Маслоу А., 1970/2001, с. 85].

Но мы знаем, что в части случаев, например, в случае встречи с преступником или насильником, потребность в безопасности опережает все физиологические потребности. Мы знаем, что в большей остальной части тревог и опасностей потребность в безопасности следует за физиологическими потребностями, а не опережает их.

Ряд исследователей в соответствии с порядком этой потребности в теории Маслоу просто урезают представление, забывая о тех сторонах жизни, которые мы ныне обычно и не встречаем. Так, Свенцицкий понимает потребность в безопасности как безопасность от безработицы, страхование, зарплата и т. п.

Мы знаем, что любое высокоразвитое биологическое существо, включая и человека, не способно удовлетворять физиологические потребности в ситуациях высокой опасности для жизни и здоровья (секундной и минутной). Больные животные и люди так же не способны, например, есть. С другой стороны, существуют действия, которые укрепляют надежность физиологических потребностей и подготавливают, например, деторождение — строительство дома или безопасного гнезда, подготовка запасов провианта. И то, и другое служит безопас-

ности, но одно предшествует физиологии, а другое наследует простые физиологические потребности.

Это означает, что существует как минимум *две потребности безопасности*, разделенные в порядке физиологическими потребностями.

Кроме того, современная жизнь, особенно близкая к патологии, ставит и ряд более сложных тем, особенно, с учетом экспериментов с болью и со страхом у животных.

И мы должны ответить на следующие вопросы.

Как представить потребность в безопасности в ее отношении к физиологическим потребностям?

В каком отношении страх как эмоция соотносится с потребностью?

Замечание Ж1. Кроме того, возникают проблемы боли, страха и удовольствия как комплекса.

Это ставит новые вопросы:

Замечание Ж2. Является ли облегчение от боли и от страха удовольствием? Каково соотношение боли и удовольствия? Страха и удовольствия?

5.8. (З) Страх и потребность в безопасности — аспект культуры (СЧ)

Замечание З. Является ли потребность в безопасности культурным феноменом и феноменом научения? В чем потребность остается потребностью и независима от культуры? Это вопрос смежный с вопросами пп. 5.3. и 5.5.

5.9. (И) Потребность в признании и уважении (СЧ)

Замечание И. Особой проблемой в системе Маслоу является уважение. В последней версии, делая акцент на сотрудничестве, Маслоу объединил и одновременно разъединил потребность в общении и аффилиации с двумя другими: с любовью и с уважением.

Его потребность в любви включает и “принадлежность”, и его потребность в признании включает одновременно “уважение” и “самоуважение”. Маслоу в этом не вполне логичен. Он слишком умеренно указывает на патологические стороны феномена уважения (гордыня, диссоциации и ощущение униженности) и не говорит об известных отрицательных сторонах потребности в уважении — негативном варианте реализации этой потребности, которая вовсе не редкость, а вполне заурядное явле-

ние — речь идет о зависти. Создается впечатление, что автор, сам успешно обошедший и преодолевший этот рубеж жизни, недооценивает, какие последствия влечет эта потребность. Потребность уважения вовсе не так безобидна. Она может подвигнуть общество на войны, в которых уважение или амбиция играет существенную роль. Она может стимулировать проекты типа "Догнать и перегнать" или намерения добиться суверенитета. Фраза "Ты меня уважаешь?" в соответствующем состоянии говорит о страшном небалансе этой потребности в обществе, которое страдает таким дефицитом. Она может даже создать ощущение унижения для титульного народа, когда он в лице его государства, например, Османской империи в середине XIX века, оказался несостоятельным должником. В другие, более близкие, времена, и на народном уровне потребность уважения может позволить дать в социологическом опросе (данные Фонда Общественного Мнения) на вопрос: "Скажите, пожалуйста, в чём Вы видите причины улучшения отношения к России в мире?" ответ "Наше отношение стало лучше ко всем странам, мы их стали прижимать помаленьку".

Короче, Маслоу сказал о проблеме уважения меньше, чем необходимо и в более благостном и примирительном ключе, чем это воспринимается значительной частью общества. Кроме того, именно в потребности уважения по Маслоу мы не ощущаем у него того, что Маслоу искал в других потребностях иерархии — мы не видим инстинктоидности, или, скажем, природного подсознательного оттенка в поведении и возникновении.

Потребность в уважении. Что это такое? В чем она проявляется? Если это потребность, то в чем ее инстинктоидность? Как она возникает, какие признаки ее мы видим? Если это чисто культурный феномен, то потребность ли это? Существует ли эта высшая базовая потребность в биологическом мире?

5.10. (Й) Потребность в понимании и эстетические потребности (СЧ)

Замечание Й. Какова роль и основание этих потребностей? Базовые ли они или высшие?

5.11. (К) Самоактуализации достигается много чаще, чем указывает Маслоу

Замечание К. В работе Свенцицкого имеется и серьезное замечание

“На последнем, высшем уровне... находятся потребности в самореализации собственных возможностей, постоянном самосовершенствовании, творчестве в широком смысле этого слова. Маслоу считает, что данные потребности доминируют у немногих людей, так как большинство занято изнурительной борьбой за удовлетворение других, основных потребностей. Однако в некоторой мере стремление к самореализации присуще почти всем. Так люди обычно гордятся своим мастерством, когда выполняют работу, которая им нравится”, [Свенцицкий А. Л., с. 51].

Хотя автор может спутать гордость за свою работу с потребностью самоуважения ли самооценки или с потребностью уважения, тем не менее, замечание к Маслоу достаточно основательное. Если высшая потребность почти для подавляющего большинства не достигается, то насколько эта теория является общей. (У Маслоу она по его оценке возникает у части общества в 1–2 процента).

Самореализацией у Маслоу именуется все то, что захочет делать человек, устойчиво имея все предыдущее в окружающем его обществе. Но Маслоу под этим понимает более конкретно заботу состоявшегося на низших уровнях человека о своем развитии, становлении, совершенствовании:

“... если вышеперечисленные потребности человека удовлетворены, мы вправе ожидать, что он вскоре вновь почувствует неудовлетворенность, неудовлетворенность от того, что он занимается совсем не тем, к чему предрасположен...Человек обязан быть тем, кем он может быть (выделено — А. М.). Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе....”, [Маслоу А., 1970/2001, с. 90].

В этом представлении о поиске смысла и цели жизни, поиске наилучшей реализации, скорее всего, Маслоу выступает более идеалистически в отношении среднего человека, чем мы все того заслуживаем. Формально логика Маслоу такова: если человек не ощутил потребности самоактуализации, значит, он еще не удовлетворил полно предыдущие базовые потребности. И в этом он прав. По данным Маслоу на его время процент людей, достигающих такого уровня, составляет не более одного-двух процентов. Именно потому А. Маслоу считает, что большинство людей не достигает высшей потребности самоактуализации, и мечтает о времени, когда большинство людей станут удовлетворять такую потребность.

Если для США середины XX-го века это объяснение можно было принять с доверием, то для начала XXI-го века в это верится с трудом. Получается, что по теории Маслоу и поныне высшие потребности (“развития”) удовлетворяет ничтожная часть общества. Это положение противоречит представлению о том, что общество в США хорошо обеспечено, в отношении базовых потребностей.

Это также противоречит тому, что, как говорил Маслоу, все органы человека стремятся быть задействованы и “стремятся функционировать”, см. выше. Если в США общество имеет “очень много” в целом и на базовом уровне вплоть до потребностей уважения, то состояние, при котором все “органы стремятся быть задействованы” должно наблюдаться у многих людей (а не у одного-двух процентов). Так, что творчеством и самоактуализацией в состоятельном обществе должны были бы заниматься очень многие люди. И мы знаем, что это так и есть в том обществе, которое стало именовать себя “информационным”. Но этого в реальности по теории Маслоу в части его понимания потребностей “развития” не видно!

Но мы не можем считать некоторые потребности общими в общей теории потребностей, если в самом лучшем состоянии они наличествуют только у каждого сотого. Более того, теория, в которой некоторая потребность еще почти не возникла или возникает через пять тысяч лет от начала письменной цивилизации, вряд ли может рассматриваться как устойчивая модель человека, общая на все времена. А модель, зависящая от уровня культуры, — это просто не модель человека, а модель культуры, например, культуры XX века.

Может быть, “высшие потребности” и “высшие состояния” в иерархии потребностей присутствуют у человека не совсем в том виде, в каком искал Маслоу? А он в соответствии со своей культурой искал в обществе только наиболее культурную часть? Может быть, “высокие потребности развития” включают нечто иное, на что он не обращал внимания?

Что Маслоу понимает под самоактуализацией?

Он выделяет эту потребность частично как нормативно-положительную, описывая свойство наблюдаемых им “положительных типажей”. С другой стороны он склонен добавить к ней и группу эстетических потребностей и познавательных потребностей, объем распространения которых уже много превосходит указанную им границу в 1–2%. Далее Маслоу включает в эту потребность и использование игр. В нормативном ограничении проявляется величайший гуманизм автора теории. Отсюда теория Маслоу и обозначается в совокупности теорий мотивации как теория “гуманистической” психологии и теории потребностей. Но сама нестабильность оценок в определении проявления высших потребностей — выше базовых — означает нерешенность автором до конца проблемы данной потребности.

И мы должны удивиться этому и пересмотреть и интерпретировать ситуацию заново.

Отношение к играм, к познанию и любознательности, к эстетике?

“В основе самоактуализации мы не найдем нехватки и дефицита, и потому ее нельзя отнести к разряду нужд. Самоактуализацию нельзя отнести к разряду внешних по отношению к организму феноменов, она необходима организму, но не так, как вода необходима дереву. Самоактуализация — это внутренний рост организма..... развитие или отдельное бытие... с этого момента организм развивается изнутри... обретает независимость от внешних факторов. Парадоксально, но высшим мотивом человеческого поведения является бегство от мотива, от функции, то есть чистое самовыражение...” [Маслоу А., 1970/2001, с. 201].

Это, считаем мы, сказано интуитивно, но очень мудро. По сути, автор говорит, что самоактуализация есть построение личности, или того, что отличает одного человека от другого — это есть развитие человека тогда, когда он свободен, т. е. когда его базовые потребности дают ему возможность поиска и выбора себя. У многих ли это получается? И что получает и что достигает в случае возможности большинство людей?

Кто бы мог подумать, что слова Маслоу “о бегстве от мотива, от функции” и его теория разнесет в прах утопию Маркса о социализме.

5.12. (Л) Порядок возникновения потребностей в целом

Замечание Л. Повсеместно критики утверждают, что теория Маслоу не проверена на порядок возникновения потребностей. Имеется не вполне корректный (на различных выборках) пример проверки последовательности потребностей, приведенный в работе Макклелланда. Верен ли порядок потребностей?

5.13. (М) Деньги и стремление к ним — потребность, мотив или третье

Замечание М. Макклелланд и Хекхаузен — люди своего общества. Они обращают внимание на мотивацию деньгами. Более того, они указывают на эксперименты с жетонами среди семейства обезьян в вольере, которые научились получать цветные жетоны по разным поводам, но автомат дает за жетон определенного цвета определенное количество бананов. И обезьяны четко освоили потребительскую ценность жетонов различного цвета. Они ценят дорогой жетон выше дешевого, хотя и не умеют считать. Как связаны потребности и деньги? И что такое деньги с позиции мотивационной теории?

5.14. (H) Глобальное замечание Макклелланда об отрицании “примата материального” у масс

Замечание H. Это замечание, пожалуй, самое сложное из предъявленных к теории Маслоу. Оно относится к иерархии материальных и т. н. “духовных потребностей” и приведено в разделе критики бихевиоризма. Но оно имеет прямое отношение к иерархии потребностей Маслоу и звучит эта критика следующим образом

“Даже при поверхностном рассмотрении идея примата материального не представляется столь убедительной, как это можно было бы подумать, учитывая ее широкую популярность. Очевидно, что на протяжении мировой истории индивидуумы и группы часто совершали поступки, которые целиком и полностью противоречили идее удовлетворения материальных потребностей. Мученики шли на смерть ради своих принципов. Христиане были готовы скорее согласиться стать пищей львов, нежели отречься от Христа. Целые народы принимали духовные ценности, отказываясь от материальных удовольствий. Ошибки внешней политики США по отношению к Кубе частично основывались на предположении о том, что материальные побуждения победят сравнительно идеалистические социальные ценности. Было известно, что находящиеся под властью правительства Кастро кубинцы страдают от серьезнейшего дефицита пищи и других материальных благ. Поэтому американские политики, многие из которых прошли психологические курсы и выучили, что инстинкт голода первичен, решили, что кубинцы будут готовы восстать против режима, не обеспечивающего удовлетворение их материальных потребностей, и что вторжение извне приведет к народной революции. (это могло быть в Европе и в США, но не на Кубе или в Ираке, Иране — СЧ). История доказала, что эти предположения оказались ошибочными. Да, кубинцы страдали от физических лишений. Однако народ Кубы ориентируется, прежде всего, на игнорируемые американскими аналитиками побуждения и мотивы и не желает выступать против своего правительства. Отсюда следует, что мы должны признать: первичность материальных потребностей, по меньшей мере, еще отнюдь не доказана” [Макклелланд, с. 130].

Чем сложно это замечание? — Оно относит нас к современным весьма изощренным формам социальных институций. Оно требует вовсе не только психологических знаний, но познаний общемирового исторического процесса на самом высоком уровне учета материальных и психологических (экономических, социальных и по стратификации, политических, религиозных, духовных, ментальных состояний и динамики). Этот вопрос пытались решать, брались за него Маркс, Спенсер,

Вебер, Сорокин, Тойнби. И до конца он не имеет определенного ответа. И он же поставлен как критерий проверки истинности теории иерархии потребности Маслоу. Надо сказать, что сам выдвинутый вопрос, пожалуй, характеризует и уровень (социологический) теории Маслоу. Этот уровень теории провоцирует и вопросы СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЕЙ УРОВНЯ.

Если теория верна и если она работает, то на ее основе можно сформировать и смоделировать динамику ментальности больших масс и страт населения. И ее результаты в сочетании с материальными факторами помогли бы выйти на новый уровень понимания таких процессов, как национальное движение в Европе XIX века, освободительные и национально-освободительные движения и антиколониальные движения XX века, терроризм и самопожертвования в массовом масштабе (выше единиц) как форму активности века XXI.

Можно было бы сказать, что до конца XX века на этот вопрос нельзя было бы ответить полноценно. Этот критический фрагмент носит настолько важный характер, что для ответа на него необходимо обратиться ко всей истории человечества, поскольку современное общество включает в себя послойно все родовые черты и хозяйственные и культурные уклады, цивилизационные формы, которые сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. И исследователь, работая в области психологии, обычно не готов обращаться к столь широким выходам на чуждые ему темы. Но именно Макклелланд вышел на эти темы со своим "мотивом достижения". И мы будем работать с ним и дискутировать с ним, возможно, не только в рамках этой теории, а в пределах интерпретации исторического процесса.

Мы обратимся к этим темам массовых общественных движений, выводящих общество (внешне, неоднократно и вполне видимо) за рамки "материальных потребностей" уже в этой работе. Но исключительно потому, что имеем некоторый опыт системной аналитической работы с всемирной историей.

5.15. Ответы в работе на критические замечания к теории Маслоу

Этой работы бы не было, если на некоторые вопросы нам не удалось найти ответ. Общая таблица размещения ответов дана ниже.

Таблица 5.1.

Раздел	**Код**	**Критика иерархии Маслоу. Тема**	**Ответ. Глава или раздел с ответом на замечание**
5.1.	А	Потребность и мотив	П. 6.4. и глоссарий
5.2.	Б	Индивидуальные отклонения от иерархии	Снято
5.3.	В	Устойчивость потребностей от культуры	6.4, Глава 12 и 14, глоссарий
5.4.	Г	Возникновение иерархии от рождения	12.3.
5.5	Д	Отношение потребности с научением	6.4, глава 7, 12.2, 14
5.6.	Е	Иерархия потребностей в животном мире	Глава 9
5.7.	Ж	Боль, страх, безопасность — аспект порядка	Глава 7
5.8.	З	Боль, страх, безопасность — аспект культуры	Глава 7, 14
5.9.	И	Потребность в признании и уважении	Глава 7
5.10.	Й	Потребность в понимании и в эстетике	8.10 — 8.13
5.11.	К	Самоактуализация встречается много чаще, чем 1-2% у Маслоу	Глава 8, 11.16 — 11.18
5.12.	Л	Порядок потребностей в иерархии в целом	Глава 8, Глава 11, 11.2 — 11.16
5.13.	М	Деньги — потребность, мотив, или инструмент	11.11
5.14.	Н	Массовые отклонения от иерархии потребностей	7.25, 13.2.11, 13.3.11

ГЛАВА 6. ПОТРЕБНОСТИ, МОТИВЫ И КУЛЬТУРА. ДОЛГ И ВОЛЯ

6.1. Биологическое и конкретно-историческое

Проблема потребностей, мотивации и культуры состоит в разрешении дихотомии биологического и социально-культурного и параллельно инстинктивного, подсознательного и когнитивного, наученного в конкретике потребностей, мотивов, средств и возможностей удовлетворения потребностей. Сложность проблемы не вызывает сомнений.

Человечество, имеет в своей основе биологию, включая биологию специфически человека разумного, которой нет у высших приматов. Человек имеет индивидуальные в сообществе особенности: энергетические, морфологические и нервно-психические, которые влияют на последующее в онтогенезе его развитие и поведение. Человек имеет личный жизненный, включая социальный личный опыт, и этот опыт требует оформления его в систему понятий, как на момент, так и для описания процесса развития. И, наконец, человечество в целом или крупные его сообщества имеют общие нормы и правила. Они, будучи освоены индивидом, накладывают (социальные или нормативные, этические или субкультурные) ограничения на поведение человека. Они тоже являются продуктами деятельности общества (многих отдельных особей). Они в целом и медленно изменяются, дрейфуют и оказывают свое обратное влияние на становление каждой личности (онтогенез), см. рис. 6.1.

Имея такую сложную структуру объекта, мы не можем обсуждать ее в целом и немедленно.

В реальности мы бы и не ставили такой задачи, если бы в имеющихся результатах (по психологии, этологии, истории в сочетании с проблемами иерархии потребностей Маслоу) для этого не появилось серьезных оснований. Эти основания лежат в наличии поведенчески устойчивого и неизменного “при” и “в” историческом и культурном неповторимом многообразии. Но, чтобы увидеть такие основания, следует преодолеть одно препятствие, свойственное нашему поспешному времени и новым привычкам (разделения труда) — стремление быстро и узко решать любую задачу.

Действительно, говорить о текущем обществе, его современных потребностях, много проще, поскольку это имеет непременный спрос и интерес. Но указания на текущий момент всегда встретит мнение оппонента:

Рис. 6.1. Глобальные (упрощенные) структуры факторов, влияющих на активность человека

у вас нет оснований на обобщение — эмпирический материал отражает только текущие реалии. Обобщать на исторический процесс (на прошлое ради использования в будущем) всегда сложнее.

Будущее еще не требуется многим читателям до поры. Социологу может казаться, что различная культура порождает совершенно разные потребности, не подлежащие сравнению, потребности, которые до сих пор он смешивал с мотивами. “Ну, сейчас-то, совсем другие времена” — может сказать “неисторический” социолог. И если это в реальности так, то он обрекает себя на описательность, простой сбор и констатацию социальных фактов. Отделение конкретно-исторического без выделения общего делает принципиально невозможным какие-либо прогностические действия, а человека и общество оставляет в тенетах жизни “одним днем”.

Значительная часть, если не большинство социологов, искренне считает, что социология никогда не будет способна предсказать развитие текущих процессов и социальных систем. С другой стороны, работа с прошлым материалом и обобщение на прошлый момент или исторический период многих (и чаще читателей и потенциальных покупателей) уже не интересует. Потому большая часть социологов прагматична. Но и результат усечен. Это моментальная фотография современного общества, которая для новичка, инородного в данной культуре, — загадка.

Человек, в своей субкультуре, евший всегда палочками, увидев фотографию, никогда не поймет назначение ложки, пока не увидит ее использование, не увидит процесс, хотя бы, в два движения.

Так же и в социологии. Соотнести формы поведения и множества наблюдаемых структур на момент или на поступок, на моментальный исторический срез почти не имеет смысла вне контекста жизни и истории.

Для неисторического социолога исходный материал — это большая корзина конкретных фактов, куда жизнь складывает всю действительность, предлагая исследователю разбирать нагромождение и даже свалку предметов, событий и понятий.

Мы считаем необходимым отнестись к такой корзине с позиций и опыта археолога. Постепенно разбирать нагромождение объектов, слой за слоем снимать сложное и открывать более простое и первичное. Только разобрав завалы, разложив содержимое на нашем исследовательском столе, можно начать обратную сборку модели — от простого к сложному и с постепенным усложнением модели. Задача пройти логику развития человека объемна и не гарантирует лавров, но дает шанс отделить алогических, конкретно-исторических и предметных козлищ от логических модельных овец. Эволюционный подход может оказаться не одним из инструментов, а ведущим инструментом для познания, единственным средством анализа во времени и последующего синтеза и моделирования (с накоплением времени) последовательно возникающих структур и функций. Только после этого настоящее во всем многообразии текущих, реликтовых и новых только зарождающихся форм обретает свой истинный смысл, относительную ясность и наполненность.

Как только мы начинаем работать с историей, так сразу мы приобретаем возможность различить то общее, что не видимо и не измеримо на один единственный момент. Приведем пример. Обратимся к некоторым потребностям людей в историческом прошлом. Когда речь идет о сборах крестьянина Средневековья на посевную, после Пасхи или об устройстве

нас, любимых, на работу для того, чтобы заработать деньги, или о планировании отчислений своих доходов в пенсионный фонд — в этом, действительно, трудно увидеть что-то общее. Но такое общее имеется, и видимо именно с этой опорной точки. Общее в этих последовательных во времени культурах совершенно определенно существует. Нейрохимической основание этого состояния известно — оно заключается в выделении (выработке) в организме (в мозге) веществ, создающих тревогу за ближайшее или отдаленное будущее. Проблема и великая тайна нейрофизиологии — как возникает это состояние, из каких не осознаваемых, но хранимых в памяти мозга ресурсов возникает эта обеспокоенность как диссонанс внешних текущих раздражений (информации) и того, что мы знаем или что мы ощущаем, привыкли ощущать.

В системе потребностей такую потребность в теории Маслоу обобщенно именуют “потребностью в безопасности”. И если мы обнаружили нечто устойчивое и не зависящее от культуры в психологии, то такое обобщение этого состоянии только озабоченности, или тревожности, или даже страха и является психологическим инвариантом (а по сути, нейрофизиологическим инвариантом — неизменной от внешней среды и факторов конструкции). Это нечто становится той великой неизменностью, которая оказывается психологическим и одновременно уже социальным (годным для всех индивидов) законом, или, если хотите, аксиомой, пригодной к использованию для “всех времен и народов”.

Мы привели основания, иллюстрирующие нашу научную необходимость сформировать (если возможно, обнаружить в человеке и использовать на будущее) систему потребностей, не зависящую от культуры, конкретики, текущих социальных форм, норм и институтов. Эта научная система уже существует в виде иерархии потребностей Маслоу, однако, чтобы она стала ясной моделью и обоснованным инструментом для социального анализа, следует приложить дополнительные усилия для понимания связи биологического и культурного в этой системе. Мы попытаемся ниже проделать такую работу. Мы надеемся обосновать независимость от культуры (инвариантность к культуре) системы потребностей Маслоу, рассматривая все культурные и конкретные элементы реализации потребностей как мотивационную сферу, культурно надстроенную над потребностями.

6.2. Инстинктоидность и культура в поведении

Мы попытаемся выделить то общее, что характеризует человека безотносительно к его культуре и конкретно-исторической дея-

тельности. В основном мы пытаемся выделить в нем биологическое или точнее то генетическое, что составляет природную основу человека, причем, мы предполагаем, что она все же сложнее природной основы остальных биологических видов. Насколько, пока мы сказать не можем, но и приравнивать биологию животного и человека мы не вправе. В чем же граница понимания некультурного, а биологического в человеке на нашем уровне познания (и квалификации)? Она состоит, как это и делал Маслоу, в оценке инстинктоидности, непроизвольности, неосознанности каких-либо действий человека. Об этом хорошо сказал Маслоу в разделе "Ошибки теории инстинктов". Прежде всего, он сказал, что ничто в человеке не полностью свободно от влияния наследственности, что человек остается дитем природы. И ошибкой является считать культурной любую активность, если в ней присутствует хоть какой-то элемент научения.

"Одним из них (последствий дихотомии инстинктивистов (бихевиористов) и анти-инстинктивистов (культурологов — прим. СЧ) стала тенденция, в соответствии с которой любую активность, если в ней обнаруживался хоть какой-то компонент научения, стали считать неинстинктивной и наоборот, любую активность, в которой проявлялся хоть какой-то компонент наследственности — инстинктивной" [Маслоу А., 1970/2001, с. 134].

Это очень важно для нас, и мы это сейчас покажем именно на примере "модели страха".

Как мы видели в опытах Долларда и Миллера условный стимул — звонок (и страх от него) заменил собою боль (от удара электрического импульса).

Значит ли это, что в социальном смысле крысы обрели "культуру" страха по сравнению с ощущением боли?

Если оппонент прав, то вся система Маслоу распадается! Система, построенная на дефициентных физиологических потребностях, включает еще группу потребностей, ориентированных на страх или тревогу, кроме любви и общения. Ответ на этот вопрос касается всего понимания потребности в безопасности, которая (как читатель увидит позже) насквозь пронизывает иерархию потребностей Маслоу.

Культурно-когнитивное (в будущем нам придется эти свойства разделять) может выступить разрушителем системы разделения потребностей и мотивов вообще, если страх и тревога рассматриваются как исключительно культурные (условными стимулами и культурными надстройками) научения человека и животного.

Самое интересное, что сам Абрахам Маслоу ответил на этот вопрос, причем, ответил таким мудрым образом, еще не имея на руках опытных данных второй половины XX века, что не ошибся. Он просто проявил интуицию (в науке), что, кстати, тоже означает и подтверждает его собственную теорию — "теорию слабых инстинктов" — вот эти слова:

"Научной парадигмой теоретиков-инстинктивистов были животные инстинкты, и это стало причиной очень многих ошибок, в том числе их неспособности разглядеть уникальные, чисто человеческие инстинкты. Однако, самым большим заблуждением, закономерно вытекающим из научения животных инстинктов, явилась, пожалуй, аксиома об особой мощности, о неизменности, неуправляемости и неподконтрольности инстинктов...

Даже признавая, что базовые потребности имеют определенную наследственную базу, мы можем наделать кучу ошибок, если будем определять меру инстинктивности на глазок, если будем считать инстинктивными только те поведенческие акты, только те характеристики и потребности, которые не имеют никакой связи с факторами внешней среды или отличаются особой мощностью, явно превышающей силу внешних детерминант. Почему бы нам не допустить, что существуют такие потребности, которые, несмотря на свою инстинктоидную природу, легко поддаются репрессии, которые могут быть сдержаны, подавлены, модифицированы, замаскированы привычками, культурными нормами, чувством вины и т. п. (как это, по-видимому, происходит в потребностью в любви)? Словом, почему бы нам не допустить возможности существования слабых инстинктов (выделено нами — прим. СЧ)?" [Маслоу А., 1970/2001, с. 135].

В своем обосновании Маслоу показывает, что такие формы поведения, как материнская любовь, совсем не являются культурными как рациональное поведение. Более того, у части матерей материнское чувство ослаблено, и мы знаем, что это имеет определенные причины (времени начала контакта с новорожденным ребенком и момента начала его кормления грудью и истории детства самой матери — формирование эмпатии, наличие гормона "прогестерона"). Неопределенность, случайность и инстинктивность таких форм поведения указывает на мощные биологические или биолого-культурные основания потребности в любви.

Итак, вероятно, генетическое существует и носит инстинктоидный характер, но постепенно может деформироваться культурным (условным) образом и приобретает ослабленную инстинктивную форму, модифицированную условиями культуры, — и это то, что хотел сказать Маслоу.

6.3. Страх и безопасность — инстинкт или культура

Мы в свою очередь вернемся к теме страха. Дело в том, что страх формируется даже у человека вовсе не на рациональном уровне (а еще в периоды, когда человек не является “культурным”). Более того, к этому же классу “некультурности” относится и освоение речи, эмоций.

Это означает, что ни крыса, ни маленький человек не испытывает рациональной опасности как логической комбинации информационных объектов. Страх от ударов, резких звуков, отсутствия матери, темноты или, наоборот, грозы, вспышки света возникает подсознательно. Страх возникает от неизвестных звуков и даже неслышимых звуков очень низких частот (перед грозой).

Еще пример. Если малыш видит незнакомую игрушку или яркий цветной предмет, он может потянуться к ней, и если не получит, то может заплакать. Кто-то может сказать, что это культурный результат — у ребенка уже были игрушки. В реальности ребенок (и детеныш обезьяны) будет тянуть в рот все, что рядом еще до того, как ему дали что-либо кроме груди матери.

Мы приходим к тому, что не все так просто с представлением о второй сигнальной системе. Страх оказывается (и для зверей) не только выученной реакцией на боль — он имеет, по крайней мере, у человека, и более широкое биологическое, вероятно, защитное (предупреждающее об опасности) значение генетического происхождения.

Не вызывает сомнения генетический характер тревоги и беспокойства у человека (и у животного) в следующих обстоятельствах:

— при неуправляемом распространении огня — пожаре,
— при стихийном прибытии воды — наводнении,
— при сильном ветре, особенно в деревьях, в лесу,
— при шквальном ливне,
— при низкочастотных колебаниях перед грозой и бурей в океане
— и при звуках, которые, кстати, по частоте близки к частотам рычания крупных хищников и т.п.

А теперь, обратимся к культурным процессам в связи с потребностью безопасности. Возможно, молодой человек, находящийся на содержании родителей, не беспокоится о деньгах. Но это ненадолго. Он видит, как тратят средства его сверстники и что они имеют, он желает иметь массу интересных вещей и услуг. И у него, если денег не хватает, и родители не могут помочь, через определенное время возникает стремление или озабоченность иметь нечто. У него возникает желание получить нечто — это желание выглядит как нетерпение, как тяга, как

ощущение дискомфорта. Настроение портится, он озабочен. Он начинает искать работу или приработок… или тянуть деньги с родителей.

Давайте, ответим на вопрос, что означает такая озабоченность (в 15 лет)? Что означает такой плач (в 2 года)? Что означает желание схватить и получить интересную вещь (в 4 года)? Культурна ли эмоция, желание? Конечно, нет! Но самое главное, она часто вообще не осознается! Схватить, что-то яркое, красивое и гладкое! Помнят ли взрослые себя маленькими? Нет! Конечно, разница между малышом и подростком гигантская! От плача в 2 года, до плохого настроения в 15 лет — дистанция гигантского размера. Ну, вспомним тогда, как ведут себя школьники 10–12 лет в музее, им хочется потрогать экспонат, тронуть пальцем ту картину, особенно когда женщина-смотритель по залу отвернулась. Это тот же синдром, то есть, это то же подсознание, но подмазанное культурой. Продолжим дальше. Если вы помните себя юношей и вас тянет (первый раз в жизни) к ЭТОЙ девушке, то сможете ли вы сказать “за что она вам нравится”? Да никогда! Получить или потрогать желанное, то, что очень хочется, и чего у тебя нет! Ты не умрешь без этого! Но очень хочется! Это и потребность в безопасности, в уважении и даже зачаток потребности в любви — детский эротизм.

И из жизни взрослых людей. Если вас уволили за ошибку или по сокращению штатов вы будете спокойны, как всегда, или огорчены? Особенно, если у вас платежи по кредиту за квартиру. Если огорчены, то вы нормальный человек. Но тогда стоит удивляться, что пятьсот лет назад какой-то крестьянин волновался и молил Бога, чтобы пошел дождь после посевной или чтобы, наоборот, дождь прекратился в момент сенокоса и уборочных работ.

Когда вы встречаете приятеля, и он уже доктор наук и едет заграницу, а вы еще кандидат и вам трудно пробить свою статью в журнале — у вас испортится настроение? Ну, может, чуть-чуть ухудшится? В этом, кстати, нет ничего плохого, если вы недовольны собой и более сосредоточенно начинаете работать над своей статьей. Если вам этот человек становится неприятен только за то хорошее, что вы о нем узнали, то это и повод пойти к психологу — черная зависть, как и курение, вредит ВАШЕМУ здоровью.

Что общего во всех этих примерах? — Потребность в безопасности (и в уважении — позже мы покажем общее в них) проявляется инстинктивно и в большинстве случаев не осознается.

А теперь обобщим. Дефициентные потребности вызывают дискомфорт, они вполне ясно наблюдаются в опыте каждого человека и вполне ясны для утверждения в качестве таковых. То же самое имеет место и в случае таких депривацый, как страх, беспокойство. Что же это за

депривации? Это депривации покоя, т. е. отсутствие безмятежности, спокойствия, ощущения безопасности.

Это означает, что инстинктоидность или неосознанность нашего поведения включает нечто важное и общее, оно содержит общее *и на все времена*, и специфическое по типу для каждого уровня развития (возраста). И эта инстинктоидность заложена в нас по некоторым условиям генетически. А позже инстинкты тревоги работают уже с учетом новых полученных знаний и условий. И хотя частью таких форм перемены настроения являются культурные проявления и обстоятельства, но *неосознанные проявления*, такие, как страх, тревожность, озабоченность, плохое настроение, дискомфорт — мы постепенно ослабляем силу ощущения до "слабых инстинктов", — *существуют как явление общее* для индивидов "всех времен и народов".

6.4. Безусловные и условные потребности

Осталось спросить себя, является ли основание страха или повод для страха, беспокойства культурным или нет? Теперь, после анализа, мы уже не можем ответить однозначно.

Ответ сложнее — начальный страх в нас вмонтирован генетически. У младенца имеются свои страхи, и информация уже приведена выше. С появлением и ростом опыта, развитием жизни характер поводов для страха и беспокойства изменяются. Опытов Миллера и Долларда вполне достаточно, чтобы ответить на этот "культурный" вопрос. Вчера ребенок боялся, что у него отнимут игрушку. Будет ли он думать об этом через пять лет или через месяц? Да, упаси, Бог! Сегодня он тревожится за опасность получить "неуд" за контрольную в школе. Завтра он будет озабочен тем, как выглядит и что думает о нем нравящаяся ему девушка, могут быть и проблемы с военкоматом. Послезавтра его будет волновать страховка дома и размер заработной платы. А к концу жизни он, возможно, дозреет до обсуждения не только размера пенсии и принципов пенсионного обеспечения, медицинского страхования, но и темы государственного устройства вместе со знаменитыми вопросами о дорогах и воровстве, о нравственных ценностях и смысле жизни.

И все эти УСЛОВИЯ страха, тревоги, беспокойства и пр. надстраиваются в памяти человека и, конечно, корректируются по ситуации, условия прежних страхов стираются как негатив или флэшка (по-современному). Мы знаем о том, что формы перезаписи или "когниций", "научения" совершенно различны — от импринтинга, через личный опыт, через информацию о наблюдении за окружающими и, наконец,

путем обмена вербальной или символьной информацией — через прямую речь или через средства информации: литературу и т.п.

Отсюда следует, что УСЛОВИЯ, образующие потребность в безопасности, постепенно вытесняют врожденные генетические основания и становятся очень сложными. Длина логических причинно-следственных цепочек или оснований для тревог или забот постепенно возрастает. Условия изменяются вместе с изменением внешних обстоятельств. И все это укладывается в память и формирует сложнейшие структуры оснований для даже инстинктивного поведения. Такие структуры образуют очень сложный и многоуровневый по принципу построения комплекс понятий, их связей и условных рефлексов, моделей и ограничений анализа и форм поведения.

Как же возникают и изменяются условия? Условия формирования тревог образуются "культурно", с использованием конкретной информации, подкрепления или научения. Примера Долларда и Миллера хватит только на простые ситуации.

Если переходить к языку кибернетики и вычислительной техники, центральная нервная система ведет постоянно и неосознанно запись информации и нашего опыта как условий для коррекции страхов, тревог и беспокойств. И в целом это часть общего процесса усвоения и преломления культуры индивида. И тогда обучение в широком смысле есть формирование условий опасностей и нормы; обучение образует процесс собственно формирования или коррекции потребности в безопасности ("что опасно" или "что есть норма и порядок").

А запуск потребности происходит под действием текущей поступившей информации, которая накладывается на уже сформированные условия опасности или безопасности в памяти. Это наложение может произвести запуск самого беспокойства как напряжение. Беспокойство или напряжение и означает появление потребности, требующей снятия напряжения.

Мы уже помним, что условия в памяти хранятся как определенные "звоночки" экспериментов у Долларда и Миллера. Возникло или сработало (извне или изнутри) условие — зазвенел звоночек! И вырабатывают в наших душах такие звоночки уже чаще не страх, а беспокойство, некоторые тревоги (или общо — внутреннее напряжение), а иногда и сразу те дела и обязанности, которые необходимо исполнить, чтобы такие беспокойства снять. Белые крысы уже не боялись звонка, они прыгали через перегородку. А нам нужно вовремя придти на работу или в срок заплатить за квартиру. Это поведенческие установки на событие, и страха нет, есть просто действие ("привычки" Джеймса, "механизмы" Вудвортса, см. 4.4).

Мы приходим к тому, что беспокойство запускается (большей частью) инстинктоидно, неосознанно. Ведь условия мы чаще не контролируем рационально, они складываются вне нас как совокупность входящей в нас внешней информации или внутри нас, обычно неожиданно для нас! Срабатывание условий — это событие! Сигнал! Программисты это прекрасно понимают. Игрок сказал бы — так карты легли! По поводу внутренних срабатываний условий, мы отложим до Главы 10.

Проявление потребности в безопасности (или депривация спокойствия) возникает, когда вегетативная система человека и / или ассоциативная память (работающая также инстиктивно) получают или выдают совокупность сигналов, которая:

— соответствует условию опасности в памяти человека или;

— не соответствует условию нормы и среды, определенной в памяти человека как безопасная.

В обоих случаях, как и в биологической природе, центральная нервная система ведет сравнение текущей реально поступающей информации с моделями безопасности или условиями опасности, как правило (и если это не профессиональная обязанность) без нашего ведома, т. е. инстинктивно. Этот процесс наложения образа текущих внешних ощущений и внутренних ощущений и ассоциаций на наш внутренний образ мира и покоя может в любой момент образовать условие опасности или условия несоответствия безопасности. Это и есть срабатывание инстинкта.

Мы позже еще будем отличать ситуации в том, что несоответствие как результат может повлечь не ощущение опасности, а состояние "интереса", вызвать исследовательский инстинкт (теме посвящена отдельная статья Маслоу о познании как интересе или как о тревоге!), но это отдельный феномен и иная потребность. Позже мы уточним различие ощущений опасности и привлекательности исследования несоответствия.

Таким образом, потребность класса безопасности образуется в жизни сначала по генетически сформированным условиям, а потом по системе наученных заново условий соответствия опасности или условий несоответствия безопасности, или, обобщим, просто по классу "условий" (и как условный рефлекс!), а проявляется инстинктивно.

Или сворачиваем фразу иначе, *формирование потребности безопасности происходит сначала генетически, потом культурно, а проявляется всегда инстинктоидно.*

Но то же самое имеет место и в биологическом мире, и никто не поднимает вопроса о культурном характере происхождения ощущений опасности у зверей. Разве эксперименты Долларда и Миллера не повы-

сили “культуру” отдельных крыс? Не потому ли, что жизнь и опасности зверей ощущаются людьми как некультурные, а собственные условия, как “культура”. Не слишком ли возгордился человек? Термин “культура” получает оценочный, а потому совсем не научный смысл.

Итак, культура — это освоенная логика поведения или оснований для поведения в среде, среде биологической и в среде внутривидовой борьбы, в среде социальной и т.д. В данном случае нет оснований резко различать среды — пока нет контраргументов, пусть научный суд соблюдает презумпцию невиновности автора.

Ниже мы сделаем еще один шаг вперед в этой части. Для различения проблем биологического основания потребностей и культуры в таких потребностях, которые формируются и корректируются культурой, мы вводим понятие условная потребность. Тогда физиологические депривации и ощущение прямой боли (от вегетативной системы) выступают как безусловные потребности**.** Боль и голод не отключишь от потребностей не страдать и быть сытым. А безусловный генетический страх новорожденного младенца преобразуется в условную потребность в безопасности. Страх во многих случаях можно отключать, научив человека не бояться и вовремя “купировать” (исключать) опасности боли и голода. Можно, кроме того, научить искусственному страху и его последующему символическому снятию. Потребность в безопасности имеет характер безусловно-условной потребности, то есть безусловно-условного рефлекса, инстинкта.

Интересно также сравнить культурный контекст в потребности голода. При росте голода или жажды требования к качеству и виду пищи (или приемлемые “условия питания”) у индивида снижаются, человек переходит к нижним границам приемлемого (жуки, грызуны, к сожалению, иногда и каннибализм). Но это контекст мотива, см. ниже. Так же происходит и понижение планки приемлемой опасности (потребностей в безопасности) в случае неудовлетворенных физиологических потребностей. Условия запуска состояния опасности — это контекст генетики и одновременно культуры или опыта. Дефицит нижней потребности очищает более высокие потребности, делает их невалидными, неактуальными. Это вытекает из теории Маслоу, и он это отметил в пп. 3 и 5 раздела 4.9.

Таким образом, мы можем, наконец, определенно сказать, что инстинктоидная и безусловная часть наших желаний оставляет теоретику-исследователю пищу и ресурс для отделения потребностей от их информационного культурального обеспечения.

Именно инстинктоидную часть запускаемого состояния депривации или неудовлетворенности человека в ходе его жизни и следует именовать базовой потребностью.

От этого состояния резко отлично состояние в рациональном мышлении. Запуск ситуации опасности в ходе собственного рационального анализа обычно не влечет катастрофы. Сама логика продолжает удерживать индивида в состоянии управляемости психики. Если ты обнаружил опасность рационально, то вероятность ее рационального устранения в общем случае предполагается. Хотя, конечно, ощущение предсказанной катастрофы может стать доминирующим напряжением и стрессом, если времени для поиска средств спасения недостаточно.

Иногда в рациональном открытии находят основания для тревоги. И на этом основании делают вид о запуске тревоги в рациональном смысле. Однако это заблуждение. Например, инженер, поздним или повторным расчетом конструкции может придти к выводу об ее будущем разрушении. Далее всякое рабочее состояние индивида будет иметь рациональное основание, но тревога в данном случае не вполне уместна, знание является безусловным. В реальности если тревога возникает, то совсем по другим причинам. Она может означать предощущение конфликта с руководством, выявление виновного за ошибку или будущие сложности с исправлением проекта, коррекцией сроков, заменой материала и т. п. Рациональное знание как новое обстоятельство запускает действие совсем других условий, по которым собственно и возникает в реальности ощущение опасности — неудовлетворение безопасности.

Однако тема потребностей и связи их с культурой много сложнее из-за многозначности этих понятий и их соотношения со средой. Среда выдвигает к индивиду ряд требований. И мы рассмотрим требования из наиболее сложных.

6.5. Долг и воля. Очищение мотива от “долга”. Чьи долги мы исполняем

Обратимся к “долгу” в модели Е. П. Ильина.

Начнем издалека. Действительно, долг рассматривается и Маслоу, и всеми нами как элемент культуры, как производное от культурной нормы, которую индивид должен выполнять. Норма считается культурной, а потребность, в которой обычно не видят места для нормы и долга, считается некультурной, приближенной к биологическому началу. Таким началом считается отсутствие “воли”, “лень” или “безнравственность”. Но это не всегда так.

Ошибка, по мнению Маслоу, в отличие от мнения большинства других исследователей — современников Маслоу, в разделении инстинктоидности потребностей и культуральности долга или когниций. Ошибка в том, что первое считается “плохим”, а второе “хорошим”. “Животное начало понимается как плохое, жадное, хищное...”, [Маслоу А., 1970/2001, с. 137]. Маслоу здесь делает акцент в защиту биологического, как он говорит, или инстинктоидного.

Маслоу утверждает, что природа человека как биологического существа значительно лучше, чем, кажется. И культурные воздействия часто влияют на человека вовсе не в лучшую сторону. В частности он приводит практику психотерапии, когда лечение восстанавливает нормальное психическое состояние, отключая вредные социально-культурные воздействия и требования (например, жесткие и не всегда обоснованные культурные требования), возвращая психику к природным инстинктам. [Маслоу А., 1970/2001, с. 136]. Здесь следует сказать, что сам Маслоу признает нормальным в социальной и культурной среде то, что не все люди, считающие себя культурными, признают как норму: а именно, любовь, кооперацию, взаимное оказание услуг, умеренность, баланс между собственными интересами и интересами других людей [Маслоу А., 1970/2001, с. 137–138]. Короче, Маслоу пытается видеть в инстинктоидном естественность, и указывает, что в ряде культурных форм могут существовать вредные и негуманные составляющие. Кроме того, Маслоу определенно подчеркивает вред противопоставления импульсивного (эмоционального) рациональному поведению, указывая на их не антагонистичность, а синергичность[23].

Мы выше уже говорили об этом. Под инстинктоидностью достаточно понимать только фазу возникновения диссонанса (напряжения), который и запускает мотивационный процесс. Условия запуска, как мы только что установили, могут быть вполне “культурными”, “окультуренными”. Поэтому инстинктоидность поведения в культуре скорее выглядит как соответствие внутреннего в человеке и (его) культуры, или “интернализацию” (включение внутрь себя как свое собственное) культуры и нормы.

Взгляды Маслоу в этой части лучше всего откорректировать с учетом новаций конца XX века — польза открытых положительных

[23] В середине XX века это звучало более резко, с тех пор культурная сдержанность аристократии (образец — поведение англичан) резко идет на убыль, а в практику входит даже излишняя развязность, граничащая, наоборот, с наглостью. Значение рациональности, особенно, при смешении культур, резко падает или трансформируется в вульгарный эгоизм до нетерпимости и цинизм.

эмоций и любви вместе с рациональным отношением к проблемам и с компромиссным характером поведения в социальной среде — должны обеспечить социальный баланс и личностную гармонию.

В реальности за подобным резюме стоит длинная логическая цепочка обоснования, которая исключает более примитивные формы поведения как неэффективные (насилие, приоритет наказания, угроза и психологическое давление, искажение информации, грубость и т.п.). Рационализм в его системе и в нормальной системе — это не эгоизм одного шага — выгоды на сегодня, а цепочка, предполагающая интересы среднего и далекого будущего, включая комфорт будущих поколений. Он вместе с положительной импульсивностью и поддержкой страдающих или озабоченных людей предполагает одновременно правило не вторгаться в чужой интимный мир без согласия оппонента, но создать условия для выхода соседа из кризисной ситуации или облегчения его состояния и положения.

Зачем мы вслед за Маслоу об этом говорим? Затем, чтоб сказать, что норма интернализованная и интегрированная в человека, то есть нормальная норма в нормальном обществе, работает и должна работать внутри индивида *инстинктоидно* и естественно, не рационально. И она вовсе не требует напряженных размышлений по поводу культурных обязанностей и противопоставлений общественного долга и собственных потребностей и желаний.

Отсюда мы должны иначе смотреть и на проблему "долженствования". Это более проблема нравственности человека как личности — его совести, и она, если долженствование естественно, есть проблема совести как лично осознанного и сгенерированного долга перед другими лицами (и обществом), а не внешне декларированного обществом долга личности перед обществом. Более того, для некоторых социальных систем, обществ и государств, с их утверждением чего-то общественного и государственного, что висит дамокловым мечом над личностью и требует от человека каких-то "долженствований", это противостояние раскрывается в работе Маслоу, как и уже выше цитированного мнения Спенсера, совершенно с иной стороны.

Суть проблемы, по мнению Маслоу, в следующем:

"... если мы решим, что антагонизм между человеком и обществом, между личным и общественным интересом закономерен, неизбежен и непреодолим, то это будет уход от решения проблемы, неправомерная попытка игнорировать само ее существование. Единственным оправданием такой точки зрения можно счесть тот факт, что в больном обществе и в больном организме этот антагонизм действительно имеет место. Но даже в этом случае он не неизбежен,... А в хорошем обществе ... этот ан-

тагонизм невозможен. При нормальных, здоровых социальных условиях личный и общественный интерес ни в коем случае не противоречат один другому, напротив. Они совпадают друг с другом, синергичны друг другу... Причина живучести этого ложного представления о дихотомии личного и общественного заключается в том, что предметом нашего изучения до сих пор были в основном больные люди и люди, живущие в плохих социальных условиях..." [Маслоу А., с. 140].

И это глубоко верно. Что такое общественный интерес, если только не наша общая боль и забота? И наши слова, как бы подсказывают нам, что боль и забота — это нечто связанное с нашей безопасностью, нашим душевным напряжением. А если чье-то мнение не является нашим общим, если от нас требуют того, что мы не понимаем, что "внутренне нами не принято", то внешняя культура общества или государства не является гармоничной человеку, конечно речь идет о большинстве, а не об изгое. Кто-то из великих людей сказал: "У меня нет чувства долга — я интуитивно знаю, как себя вести и что делать и делаю все, что соответствует моей совести, а получается, что это совпадает с тем, что объявлено как общественный долг". Редкое везение? У автора этих строк очень большое подозрение в том, что проблема несовпадения нормативного долга (морали) и личного понимания долга (нравственности) свойственна тоталитарным системам, которые формируют понятие долга своих подданных достаточно вольно (для чиновников) и принудительно (для подданных).

Каковы варианты поведения гражданина в отношении общественного долга? Возможно его несогласие с требованиями государства и общества. Если таких людей, как он, мало, и большинство выполняет долг, считая долг собственным, а не внешним — то это не проблема мотивации, а маргинального поведения такого гражданина, криминала или патологии. Если таких, как он, большинство, то почему он и это большинство молча уходят от исполнения долга, а не борются за нужные им законы и порядок. Не лучше ли создать такие отношения внутри собственного общества, при которых люди взаимно договорились бы об общих интересах и затратах на их обеспечение и об обязанностях? Это и означает создать общество. Но если такого общества нет, и гражданин не может обсудить эти темы с другими, не говоря о чем-то большем, тогда он просто уходит, уклоняется от исполнения множества вредных или ненужных ему требований. Тогда и возникает разночтение его долга и его потребностей. Так возникает модель мотивации, где долг идет отдельной строкой, а потребности совсем другой.

К теме потребностей и долга, который не очень хочется исполнять, примыкает и понятие оценочной установки с ее частым отсутствием

практики (исполнения) при явно выраженном долженствовании. Наша критика потребности и не интернализованного долга совпадает с критикой понятия “оценочной установки”, установки как оценки без реального действия. Студент, получивший “установку” (а, по сути, нравоучение) не писать шпаргалки, не будет следовать догмам, пока не лишится стипендии или гранта. Он не примет множество норм, пока общество не заставит его соблюдать их, а нормальное общество как сомножество людей соблюдает то, что удовлетворяет их вполне реальные потребности. Например, преподаватель университета не будет бороться со шпаргалками, если не поймет, что престиж его заведения упадет, при падении уровня образования выпускников. Но для этого нужна прямая связь доходов ВУЗа (прочности его статуса, престижа во мнении студентов, родителей и работодателей) с оплатой преподавателя от рейтинга этого ВУЗа. А студент при другой определенной системе получения работы (конкуренция за лучших специалистов и их деловое использование) будет не списывать, и зубами вырывать в университете знания как информацию. Он будет мотивирован как минимум будущей работой. Короче длина логики причинно-следственных связей и реальная работа связи в каждом обществе своя. Интернализация долга и нормы в каждой ситуации своя. Но в нормальном обществе включение долга и нормы в личность всегда происходит и должно происходить гармонично и сбалансировано.

Как же функционирует социальная система, в которой потребности и долги не вполне состыкованы? Вопрос не психологии! Но краткий ответ имеет материальное основание — для балансирования и принуждения в условиях конфронтации интересов необходим дополнительный материальный ресурс (принуждения или влияния)! Что же произойдет, когда ресурсов на поддержание не интернализованных норм и долженствований (например, повинностей) окажется недостаточно? Тогда нормы некому поддерживать и явочным порядком и постепенно индивид, и потом общество в целом, т. е. большинство индивидов, такие “должные нормы” соблюдать перестанет. Мы тогда видим процесс постепенного вымывания вредной отживающей нормы, ее фактическую отмену, настройку новых практик, а потом и новых норм. Например, когда США вели непопулярную войну во Вьетнаме, американские граждане фактически отказались исполнять воинскую повинность в армии США, и последняя позже перешла на контрактную систему. Заметим, что США вовсе не образец, и что каждая социальная система приспосабливается и изменяет свои нормы и модели поведения по-своему. Но это образец приведения норм к “норме” их соответствия потребностям данного общества.

Все это перекликается с взглядами Маслоу (1970 г.) в том, что индивид не должен преодолевать свои потребности, должен быть по возможности искренним сам с собою, и даже

"высшие стремления и позывы являются частью биологической природы человека, столь же неотъемлемой, как потребность в пище" и "Культура должна стать инструментом базового удовлетворения, а не подавления и запрета... чтобы наши инстинкты, вернее то, что осталось от них, не были окончательно задавлены средой, нужно защищать их от культуры, образования, научения" [Маслоу А., 1970 / 2001, с. 160–163].

Возможно, в среде, культуре, образовании США А. Маслоу увидел нечто не вполне гармоничное, увидел, но не договорил до конца. Теперь мы понимаем инстинктоидность у Маслоу лучше, чем в начале раздела.

И потому возвращаясь к нормальному мышлению (по Маслоу), мы утверждаем, что нормами следует именовать нормальную практику, в процессе которой люди удовлетворяют базовые потребности. В нормальном обществе нормы адекватны потребностям и практике, т.е. интернализованы.

Итак, в анализе мотивационной структуры Е. П. Ильина мы принимаем важное решение. В блоке "Потребностей" мы должны исключить "Долженствование". Долг оказывается темой не общей для человека разумного, человека в целом.

Норма в нормальном обществе и, с другой стороны, нравственный долг и потребность в нормальном человеке (для большинства) соответствуют друг другу. Это и есть основание мотивационной сферы. А норма и есть закон. Общество, поддерживающее закон, выгодный для удовлетворения потребностей его членов, по сути, поддерживает потребности людей и рост потребностей людей[24].

6.6. Долг и воля. Очищение мотива от "воли". Когда нормы лгут

А теперь рассмотрим ситуацию, когда нормы "лгут", требуют больше, чем готов предоставить средний индивид, чем считает индивид для себя возможным отдать обществу с позиций своих потребностей. Если нормы отличаются от желаний, тогда возникает противоречие: либо норма лжет, либо индивид лжет. Но существует ли такое?

Социологи и историки говорят, что такое бывает!

---

[24] Сами законы в нормальном обществе суть отражение стихийно возникших хозяйственных практик и норм и возникают в нормальном обществе от людей, их потребностей, их практики и снизу.

Сошлемся на Хауторнский эксперимент (США), в котором выявлены малозаметные практики бригадных социальных норм и форм поведения рабочих при полном отсутствии информации о них на верхних уровнях управления предприятий. Предписанные сверху нормы одни, а поведение людей при их исполнении совсем иные. В СССР это наблюдалось в форме "выведения плана". Разница между системами в данной ситуации не слишком велика. Предприятие, извлекающее прибыль в одном мире, и предприятие, "гонящее план" в другом мире, воздействует на рабочий коллектив, бригаду одним и тем же образом. И защитные реакции рабочих бригад одни и те же.

Раздвоение (противоречие внутри) общества всегда влечет раздвоение культур. Раздвоение возникает часто и самым различным образом. В гибнущих империях, которые не могут удержать власть силой, возникает (военная) ложь. Например, она характерна для Византийской поздней империи, о которой свидетельствуют хроники участников Крестовых походов, зацепивших быт и нравы этого Центра христианского мира. В новейшее время второй культурой в обществе закону часто параллельно сопутствует коррупция с ее собственными нормами, тарифами и т.п. Нередко, высшая практика или культура "элиты" ориентирована на принуждение к активности множества других людей, скажем, "народных масс" через "нормы".

Как же в обществе представляется нарушение формального "долга" и нежелание его выполнять? Наблюдаемая заторможенность и нежелание труда (активности) трактуется первой активной и требующей субкультурой как отсутствие "воли" у вторых. Критика в науке "исполнительной" части общества (трудящихся и т. п.) превращает "науку" или "требование" сверху в морализаторство, ханжество, фальш, и в идеологию.

А ведь часто в истории мы сталкиваемся именно с такими оценками поведения людей. Подобные подходы пестрят в старой исторической науке, см. например, анализ пассионарности у Льва Гумилева. Безвольный и неактивный — значит лишенный пассионарности (герой, народ, цивилизация). Это же отношение возникает и на бытовом и народном уровне в отношении к власти. Так, уже лишенные власти последние члены династии франкских Меровингов прозваны в истории (и народов, и историков) "ленивыми". И здесь отсутствие возможности или понимание тщетности или опасности потенциальных действий коронованным исполнителем воспринимается окружающими как отсутствие его воли или желания, его личной слабости.

Как нам уйти от таких ошибок атрибуции, от оценочных принципов исследования? Отсутствие желания и проявление нежелания не

следует именовать недостатком “воли”. Такое представление есть научная ошибка видения. Само требование пассионарности, готовности к экстремальности, к риску, к агрессии, к экспансии есть утверждение чего-то желанного, что кому-то выгодно и необходимо. Но это требование со стороны. Чьей стороны? Кого? Например, вождя, историка, политика, ищущего в народе или в прошлом народа готовности идти на войну или войну выигрывать, строить большие общенародные сооружения, дамбы, пирамиды, прославлять общество, государство и... чиновника. Политик или историк в такой момент не ощущает подлинных причин отсутствия текущей или прошлой исторической активности масс людей — усталости населения от войн или другой государственной активности, ухудшения условий ведения войн. Ведь часто с ростом технического оснащения противника (например, периферии империи) отпор возрастает настолько, что легкость завоеваний в прошлом больше невозможна, и население не желает далее рисковать своей жизнью в (данном случае) “бессмысленной войне”. Его лозунг тогда: “Прощай, оружие!”

Когда действия или практики мы не наблюдаем, то это очень важный признак. Потому, что именно, действие — есть минимальный эмпирический акт и факт, подтверждающий возможное существование в источнике мотива или стоящей за мотивом потребности как условие необходимое. Практика есть критерий истины! Долженствование или норма, предъявленная члену общества при его внутреннем конфликте, только затемняет факт отсутствия потребности и отсутствующего за ним мотива.

Поэтому *или* мы имеем позицию 1) потребности вовсе нет, и мы снимаем проблему “воли” как чуждое и необоснованное ожидание внешней стороны к индивиду *или* 2) потребность имеется, но отсутствует возможность ее удовлетворить.

Если индивид считает, что не может добиться желаемого, удовлетворить свою подлинную потребность, то рано или поздно такое желание снимается или остается пустой мечтой. Но тогда, как мы понимаем из работ Скиннера и Макклелланда, см. позже, у индивида отключается и “воля”, и даже “стресс”. Человек становится отчужденным зомби и “выживает”, а не живет, поскольку мы уже говорили о том, что человек желает того, что достижимо. Нежелание действовать в представлении отсутствия возможности удовлетворить потребность — это тоже в некотором смысле действие — оно именуется “отчуждение” от власти, в семье, общине или от работодателя. Оно означает снятие потребности, которая не может быть в среднем удовлетворена активностью. Активность прекращается — потребность снимается. Вообще это означает

также наличие некоторого ресурса, который еще позволяет выживать, но не позволяет улучшить или стабилизировать свое положение. Но иногда это и удовлетворение другой потребности — потребности безопасности. Мы знаем об опыте принуждения многих поколений людей к подчинению палкой и страхом. В таком состоянии подчиненная социальная среда не может выступить против принудительной нормы верхов, снять ее как требование! Людская масса терпит. Но норму не исполняет. С другой стороны, мы выше отмечали, что требующая сторона тоже еще имеет ресурсы терпеть неисполнение нормы в полном предписанном требованиями объеме. И требующая сторона не форсирует такие требования. Как говорил М. Жванецкий: "Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем".

По сути, мы представили ситуацию "расколотого общества".

6.7. Нет воли, нет и действия. Отчуждение

Но терпение расколотого общества, по крайней мере, с подчиненной стороны не есть просто свободный выбор этой стороны. Оно является результатом отложенной угрозы высшей требующей силы. В теории мотивации это означает поддержание активной потребности весьма низкого уровня — потребности в безопасности. Ее результатами и реакциями становятся такие процессы, как, например, уход "в бега" или "на Дон", дезертирство из армии, с фронта и демонстративные наказания с другой стороны. Таким образом, норма высшего сектора "долга" и "воли" преобразуется в потребности относительно низкого уровня. Лгущие требования "воли" частично замещаются иной потребностью и практикой.

Немотивированный член раздвоенного общества уходит от активности вообще, он становится пассивен. Это состояние описывается в разных теориях по-разному: от "утраты пассионарности" (Л. Гумилев), "раскола в душе" (А. Тойнби) до фрустрации или "когнитивного диссонанса" (психология), "отчуждения" (политэкономия). Немотивированное становится "не действием" или "мотивированным бездействием".

Но давление власти по "долгу" и "воле" требует дополнительных ресурсов. Это непроизводительные издержки власти. С другой стороны ресурсы сокращаются и при бегстве от труда, и в связи с падением мотивации к труду. В итоге упадок гарантирован.

Итак, все потребности, нереализованные индивидом, как и фантазии, не верифицируемы как потребности (например, в связи с отсутствием т. н. "воли"). Все, что человек желает или мечтает сделать, но

не делает, не может быть определено как потребность. Человек, который не способен организовать своим трудом и общением между равных удовлетворение некоторых своих потребностей, обязан считать, что таких потребностей по факту не имеет. Мы говорим о ситуациях, возникающих в отсутствии принуждения и применения силы и угрозы силой. При наличии последних неудовлетворенное высшее замещается низшей потребностью в безопасности.

Итак, в анализе мотивационной структуры Е. П. Ильина мы принимаем решение исключить понятие "воли" из мотивационного блока в нормальной системе потребностей. Тему насилия и "воли насилия" мы будем обсуждать в связи с темой агрессии и научения агрессии.

6.8. Нравственность, идеалы, ценности, нормы

Идеалы, ценности и нравственные нормы складываются как обобщение в продолжение длительного, многолетнего периода или на протяжении сот лет инструментального и поведенческого межличностного опыта, которые позволяют наиболее эффективно удовлетворять все ведущие (господствующие в данном обществе) потребности основной массы людей — социума. Идеалы, ценности и нравственные нормы складываются в результате осредненного опыта, отражают достигнутые (освоенные на данный или прошлый момент) ценности в окружающем обществе или его конкретной субкультуре. И, несомненно, они некоторым образом влияют на мотивационных процесс. Главным образом, такое влияние оказывается на выбор целей и инструментальных средств достижения потребностей, т.е. не на потребностную сферу, а именно, на мотивы. В этом аспекте модель Е. П. Ильина, включающая идеалы, ценности и нормы, должна быть верна со всеми оговорками пп. 6.5–6.7.

По результату и на момент их соответствия хозяйственным формам и окружающей социальной и природной среде такие нормы являются для индивида наиболее высокими культурными формами удовлетворения потребностей: мотиваций, целеполагания и инструментального поведения. Они характеризуют высшие, жизненные цели индивида в наиболее обобщенной форме, а также допустимые методы их достижения. Их наличие позволяет обычно разрешать логические противоречия и переходные формы наиболее сложных жизненных коллизий и ситуаций в рамках принятых в обществе контекста идеалов и ценностей.

Как следует из предыдущего, в нормальном обществе и у нормального индивида обычно нет противоречий между идеалами и мотивами.

Однако в моменты крупных общественных сдвигов и трансформаций новые потребные ценности и нормы могут и отсутствовать у индивида или даже общества. В момент смены технологических, социальных или политических систем, смены иных условий существования общества в нем может возникать аномия, ситуация, когда старые нормы и ценности, идеалы уже не работают (не могут удовлетворить потребности человека и общества), а новые еще не выработаны новым опытом первых поколений. Это создает неустойчивость общества в потоке новых отношений и событий.

И это не странно, поскольку трансформация происходит именно потому, что общество прошлого не смогло разрешить свои проблемы и потребности в старых социальных и культурных рамках.

В целом скорость изменения социальных норм и практик растет и потому требования к нравственным решениям человека постоянно возрастают. Но одновременно при росте скорости изменений возрастает также и горизонтальная мобильность людей, ослабляются их межличностные контакты, степень привязанности людей падает, и нравственные и реципрокные требования ослабевают при расширении роли кратковременных и поверхностных контактов.

Итак, в анализе мотивационной структуры Е. П. Ильина для нормальной ситуации соответствия системы потребностей и общественных и нравственных норм общества или его подгрупп мы принимаем следующее решение. Мы отложим исследование этих объектов культуры на систему потребностей до момента более глубокого изучения предшествующих объектов мотивационной сферы. Поэтому мы также исключаем до поры влияние идеалов, ценностей и нравственных норм на мотивационную сферу.

Исключения, которые не могут быть обоснованы социальной практикой, и иногда появляются впервые, всегда решаются на индивидуальном уровне прежде превращения в норму. Такие переходные ситуации мы обсудим в Главе 13, обсуждая проблемы совести. Обсуждение будет проводиться исключительно в плане влияния упомянутых объектов на систему собственно потребностей системы Маслоу (самоуважения).

ГЛАВА 7. ОТ БОЛИ ЧЕРЕЗ СТРАХ ДО УВАЖЕНИЯ. ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ

Здесь мы, отталкиваясь от экспериментов Долларда и Миллера по боли и страху, формируем обобщенное представление о потребностях безопасности, ее трех формах и уровнях. Наиболее сложное исследование и его результаты касаются новой интерпретации потребностей уважения-самоуважения. Потребности безопасности как состояния напряжения буквально пронизывают остальные (базовые) потребности человека..

7.1. Боль, страх и градации. Виртуальное в потребности безопасности

Об отношении потребности и культуры и о безусловных и условных (безусловно-условных) потребностях мы уже сказали в разделах 6.3–6.4. Давайте, внимательней, приглядимся к этой конструкции.

Боль и страхи начинают свою жизнь у человека не последовательно, а одновременно, параллельно. Как мы знаем, ребенок имеет врожденную систему страхов — он плачет от резких звуков и ярких вспышек.

Существует боль и практические ситуации у ребенка, когда боль у ребенка возникает. Научение как закрепление условий возможного возникновения боли образует систему условий возможных ситуаций, когда боль может возникнуть, когда возникает опасность боли. И этот страх становится условным страхом, страхом по условию в отличие от врожденных страхов.

Миллер и Доллард и мы вместе с ними приходим к выводу, что следует отличать последовательность внутренних реакций, вызванную ударом тока (не страх, а бурная физическая болевая реакция), от страха, предощущения, состояния тревожности при ожидании удара и боли. Предощущение боли (удара) — это, по мнению авторов, классически обусловленная последовательность психологических состояний особи, вызванная звонком, предшествующим удару. Предощущение удара получило у авторов название “тревоги” или “страха”. Таким образом, страх — это, по мнению авторов, вторичная усвоенная реакция — обусловленная форма болевой реакции, усвоенное или вторичное “влечение”. Но в отличие от Миллера и Долларда, мы понимаем, что генетическая настройка младенца не является классическим обус-

ловливанием, а по сути врожденная начальная система, уберегающая младенца от опасностей.

Итак, боль безусловна. Страх сложнее. Он безусловен или условен.

В нашей терминологии логично именовать и обобщить "влечение страха" или тревожность, обусловленную ожидаемой опасностью боли или болезни (и записанную в память субъекта) — (возникающей и неудовлетворенной) "потребностью в безопасности". Потребность в безопасности — это ощущение опасности, требующее деятельности по преодолению или по избеганию (табу) такой опасности.

Данным определением мы выводим это явление на параллель с "потребностью безопасности" в теории Маслоу.

Страх и все ощущения появления этого напряженного состояния в различной степени возникает инстинктоидно. Мы понимаем слова Маслоу так, что инстинктоидный (и эмоциональный, и подсознательный) характер появления страха или тревоги — вполне достаточное основания считать состояние человека (или выученного животного) потребностным состоянием.

Рассмотрим страх подробнее. Прежде всего, потребность в безопасности от боли или физиологических деприваций через страх получает множество градаций напряженности этого состояния. Мы можем перечислить: страх, тревогу, напряженность, опасение, озабоченность вплоть до подозрительности, настороженности и заканчивая повышенным вниманием.

Что же привлекает наше внимание при анализе состояния опасности?

Мы замечаем, что в отличие от начальной фазы — проявления боли, потребность в безопасности (без боли) — это не вполне и не чисто система "стимул-реакция".

Почему это состояние мы не можем рассматривать как реакцию на стимул как простой результат логического научения?

Первое. Потребность в безопасности "ставится на" условие по поводу *будущей* депривации, а не на саму физическую депривацию организма. Мы отмечаем, например, важность отличий тревожного состояния в отношении физиологических потребностей от самих физиологических потребностей. Голод — это не тревога по поводу голода, а именно голод. Тревога по поводу (будущего) голода — это состояние, которое существует, как правило, именно в случае ощущения насыщенности. Иначе, она была бы просто голодом. Тревога по поводу голода — это потребность заботы о том, чтобы иметь пищу или другие средства на пропитание (деньги) для того, чтобы избежать голода в будущем. Итак, условие опасности "дает" или "порождает" предо-

щущение, а не собственно физическую депривацию. И потому условие оказывается прогнозирующим или прогностическим инструментом, а не собственно физическим ощущением. Но этот инструмент — условие инстинктоидно запускает напряжение (опасности), которое мы и именуем потребностью.

Условие опасности — это часть модели и образа Мира и модели среды. Но в жизни нередко среди выученных и полезных для безопасности условий опасности могут быть (сознательно "учителями" или случайно от неверно понятого опыта) размещены и фальшивые, символические. Частично об этом сказано выше. Но в широком плане это уже тема социологии. Например, роль религии, начиная с шаманизма в отношении символического снятия страхов (которые тоже частично символические и строятся на основе определенного научения и определенных подкреплений) и удовлетворения потребности в безопасности, не говоря о других потребностях (любви и принадлежности) — очень велика.

Второе. Потребность в безопасности может возникать и иным способом, совершенно отличным от физических деприваций. Возникший у человека образ Мира — это сложная и объемная модель. Всякое поступление информации, которое оказывается несоответствующим уже имеющейся модели, может вызывать негативные реакции по "несоответствию". А несоответствие есть повод, как для беспокойства, так и для интереса в зависимости от очень сложного контекста, предыстории, предшествующего потребностного состояния (иерархия Маслоу) и опыта. Если основной текущий фон ситуации принадлежит низкому уровню удовлетворения потребностей, то с большой вероятностью можно предполагать появление тревожности "несоответствия".

В подходящей ситуации (контекста "несоответствия") у человека инстиктивно формируется тревога или напряжение, когда поступающая информация входит в противоречие с тем, что он знает, и что считает нормальным. В такой ситуации индивид не знает еще, какую опасность несет новая ситуация и предощущение несоответствия запускает мотивационный аналитический процесс по исследованию опасности ситуации. Этот случай выступает как смутное ощущение беспокойства, тревоги или страха. По Карлу Ясперсу тревога отражает внутреннее беспокойство и вовсе не предполагает понимание самой угрозы, ее сути. Мы еще раз отмечаем, что критерием потребности безопасности является подсознательное включение беспокойства, Совершенно естественно, что в первую долю секунды индивид не рационально реагирует на информацию. Но это вовсе не исключает, что через долю секунды, он понимает, чем встревожен. Но, конечно, это вовсе не является правилом.

Ощущение тревоги и т.п. — это напряжение. Оно сопровождается и эмоцией. В совокупности это состояние имеет характер, близкий по типу характеру когнитивного диссонанса. Когнитивный диссонанс обычно применяют в другом смысле. Мы считаем, что различие несущественно. Если несоответствие внешней информации угрожает целостности общего восприятия или частично не совпадает с зашитой в мозг типовой информационной конструкцией, то мозг "бьет" тревогу немедленно, еще не осознавая в полной мере рациональную причину несоответствия. Когнитивный диссонанс или, проще, несоответствие входной информации и наличных сведений, установок, мыслимых конструкций вызывает напряжение человека, может быть источником нарушения нормального самочувствия, может требовать обратить все силы и внимание на новую ситуацию.

Приведем ряд примеров.

"Однажды во время Второй мировой войны фашистские диверсанты, заехавшие в расположение американцев, "проколись". Они учли, казалось бы, все: марка машины, обмундирование, акцент, внешний вид — все было американским. Подъехав к заправочной станции, они попросили заправить их. Заправщик их заправил с некоторым недоумением. Когда те отъехали, заправщика осенило: "Это фашисты! Они свою просьбу о заправке закончили вежливым "please" (пожалуйста), чего настоящие американские парни никогда не сказали бы!". Заправщик поднял тревогу, и фашисты далеко не ушли. [Ривлин А., с. 97].

Другой случай связан тоже с проявлением подсознательных привычек людей различных культур. Англичане открывают пачку сигарет иначе, чем немцы. Это связано с традициями фирм-изготовителей. Случайное наблюдение за вышедшим из кинотеатра зрителем, который открывая пачку, сделал непроизвольное "немецкое" движение на английской пачке, помогло выявить германского шпиона в Англии (В. Е. Ронкин).

Еще неявное, неосознанное, скрытое несоответствие и создает тревогу. Это работа подсознания.

Сколько таких ситуаций каждый из нас может встретить в жизни? Вы подходите к своему дому, и видите, что дверь открыта. Но в доме никого в это время, кроме вас, не должно быть. У вас зарождается тревога, вы готовы к худшему — вор или грабитель? Или они уже ушли? Вы входите и окликаете "Есть кто?". И чувство облегчения, когда вам отвечает сын, вернувшийся раньше из школы, где нет двух последних уроков из-за болезни учителя.

Иногда это состояние может носить даже глубоко генетический или биоэнергетический характер. Женщина может спиной почувство-

вать на себе взгляд мужчины, не видя его. Если это вечеринка у друзей, то реакция будет вполне приятная, и женщина подтянется и распрямит спинку. Если это плохо-освещенная улица, где всего один-два пешехода, то напряжение будет совсем иного характера.

Иногда родственники, обычно, мать, жена могут ощущать тревогу за близких на некотором и даже удаленном расстоянии, и, как правило, это совпадает с трудностями в жизни близкого человека. Рациональное здесь мы видим в биополях и их частотах. Эксперименты этого рода уже проведены на крысах и их гибнущих детенышах.

Итак, вторая часть потребности в безопасности — это много более широкое состояние несоответствия.

Если подвести итог, то мы замечаем *виртуальное или нечто компьютерное в потребностях безопасности*. В отличие от физиологии метаболизма безопасность построена (кроме боли) исключительно на памяти центральной нервной системы (ЦНС) и ее логике. Логика ЦНС оказывается мощнейшим средством прогнозирования и вооружения человека аналитическими средствами, они включают запись условий безопасности (опасности) и их проверку, анализ и мотивацию, сканирование образов нормальных ситуаций с информацией, которая постоянно поступает на рецепторы нервной системы человека и выделение отличий в контексте опасностей. Начиная с боли (снятия боли) как подкрепления, система безопасности нашего организма формируется на основе надстроек и научения по возможности без подключения главного подкрепления — снятия боли.

Вторым уровнем или источником построения безопасной системы жизни в системе ЦНС оказываются физиологические депривации. Безопасность строится как прогнозирование их надежного удовлетворения. Но уже это культурный феномен. Так любой даже современный ребенок, и древний охотник в изобильном лесу еще мыслят о еде и ищут еду (охотник идет на охоту), когда становятся голодны. Потребность безопасности появляется как система условий в процессе обеднения ресурсов и перехода к производящему хозяйству. С началом земледелия и скотоводства потребность безопасности по физиологическим потребностям: воде, пище — становится постоянной нормой.

Эмоция. Потребность в безопасности, как правило, связана с эмоцией. В реальности тревогой (эмоцией и встревоженным состоянием) часто могут именовать эмоциональное состояние неудовлетворенности от совершенно разных потребностей, но все они эмоционально окрашены как напряжения беспокойства по поводу удовлетворения каких-то потребностей.

Так в монографии Ильина “Эмоции и чувства” [Ильин Е. П., с. 146] приведен пример тревожности школьников по разным поводам на материалах Б. И. Кочубея и Е. В. Новикова. Если мы на основе этого примера сформируем основания такой тревожности, то в ней можно найти множество других потребностей. Например, это риск не получить нужную оценку, важную для поступления в ВУЗ (потребность в безопасности, если под этим понимать карьеру и зарплату). Это потеря авторитета среди сверстников (потребность общения или уважения). Это страх перед девушкой, которая перестанет его уважать, и которая ему нравится (потребность любви). Это потеря родительского уважения и любви в критической ситуации (потребность в родительской любви и принадлежности).

Кроме того, напряжение окрашивается и другими эмоциями инструментального порядка, включая подготовительные эмоции к активности по преодолению напряжения. Потому прав и К. Изард, который утверждал, что тревога — это:

“не некий отдельный самостоятельный феномен, а комбинация состояния страха с одной или несколькими другими эмоциями: гневом, виной, стыдом, интересом” [Ильин Е. П., с. 144].

Еще раз! Маслоу прав: потребность в безопасности всех видов (перечень мы определим чуть позже) и при всех состояниях — это внутреннее неосознанное состояние рассогласования, которое именуется беспокойством, настороженностью, озабоченностью, тревогой, страхом, ужасом и истерическим синдромом с появлением бессистемной речевой и двигательной активности.

Связь бессознательного и рационального. Сама неосознанность появления, минуя рациональное мышление, и образует понятие потребности безопасности. Мы теперь уверенно отличаем потребность безопасности от рационального мышления, которое само может вести к новым тревогам. Но новое связано с внезапными открытыми следствиями рационального, срабатыванием новых условий опасности, см. пример раздела 6.4.

Тема безопасности требует дополнения системы П. К. Анохина. “Пусковой стимул” опасности появляется не афферентно, как депривация (тела). Кроме “акцептора результата действия”, в центральной нервной системе можно предполагать существование устойчивой антиципации образа нормальной среды и афферентных ожиданий в целом. Уточненная система должна включать “акцептор нормальной среды”, на вход которой поступает вся афферентация. При рассогласовании афферентации и акцептора может возникать “пусковой стимул тревожности” – потребности безопасности. Мы отдаем эту проблему физиологам.

7.2. Типы реакций страха

Обратимся теперь к реакции — удовлетворению потребности безопасности. Удовлетворение (снятие) тревоги и есть разрешение когнитивного конфликта — редукция тревоги идет как удовлетворение обычной потребности.

Опасность — это депривация спокойствия. Достижение безопасности — это депривация опасности — ликвидация боли или обобщенного напряженного состояния, сопоставляемого с ожиданием общего дискомфорта.

Интересно отметить, что наряду с начальными генетическими условиями возникновения страха человек имеет важные врожденные реакции (плач и стоны) — и старшим о боли или о страхе. Испуг или страх может вызывать позыв к дефекации (иногда к мочеиспусканию), что часто бывает у необстрелянных солдат на войне. И это встроенная защитная реакция гоминид против хищников, которые уйдут от поверженной, но испачканной добычи. Эта реакция тоже может быть снята научением. Есть и другие реакции генетического происхождения у обоих полов — например, истерика и стресс со швырянием вещей и битьем посуды и криками имеет глубокие корни самозащиты себя и детей от змей, которые не видны в листве, но немедленно уходят от ударов и шума. Стресс, сопровождаемый ненормативной лексикой, — потому тоже наше природное — от гоминид.

Избегать боли и опасности и научиться избегать их — означает наложить на поведение какие-то табу — запреты (не действия). Примером служит выученная опасность — крысы отказываются брать вкусный корм, после которого они или их собратья испытывали физическую боль. То же происходит и с обучением сторожевых собак — брать из рук чужих людей корм — это чревато болью — это опасность. Сторожевая собака, правда, не бежит, а, скорее, готова к нападению. Действие чужого — всегда опасность. Выученное действие — агрессия. А у Миллера и Долларда — другой вариант реакции. Выученное действие — активность, связанная с бегством.

Итак, агрессия или бегство — два варианта преодоления.

Как мы видим потребность в безопасности Маслоу оказалась генерализованной или обобщенной потребностью в системе Макклелланда — позитивной реакцией преодоления трудностей — *преодоления опасности путем уничтожения ее источника* или негативной реакцией *ухода и избегания трудности*, ухода от нее как от опасности. В культурной жизни основная масса действий не подпадает ни под агрессию, ни под бегство. В развитом обществе ведется поиск ком-

промисса в договоре. В случае неотвратимости известной опасности обычно возникает уже не страх, а используется автоматическое действие по преодолению ОПАСНОСТИ, КОГДА ОНА ВОЗНИКАЕТ. Так полицейский или ковбой могут выхватить пистолет автоматически в ответ на резкое действие оппонента. Так, в частности, должна работать армейская выучка — не бояться, а исполнять выученное действие.

Примечание: Это же демонстрировали Доллард и Миллер, переводя страх у крыс в инструментальное действие по его прекращению. Дело в том, что для того, чтобы испугаться по всем канонам нейрофизиологии, выученным крысам полагалось больше времени, чем они тратили на реакцию прыжка от момента начала звонка. Короче, крысы прыгали, по сути, не успев испугаться, их действие на звонок стало инструментальным. Этот феномен, конечно, затемняет картину потребности в безопасности. При типовой опасности и типовом инструменте спасения опасность как таковая уже не рассматривается — инстинктоидный страх заменяется автоматическим в установке инстинктивным и выученным действием. Вот в этом смысле выученным является инструментальное действие. Мотивация сокращается от срабатывания условия до завершения установки — инструментального действия, см. Главу 8.

Теперь мы должны обобщить наши результаты в части инстинктоидного характера ВСЕХ потребностей.

7.3. Инстинктоидность как культурный инвариант всех потребностей

Все потребности включают *инстинктивный запуск ощущения неудовлетворенности*. Или иначе, состояние неудовлетворенности любой потребности возникает (запускается) инстинктивно. И этим потребность отличается от других фаз мотивационного процесса: мотива и действия, которые построены на чисто когнитивных и рациональных основаниях.

Если мы делаем вывод о том, что ведущим отличием потребности от мотива является ее инстинктоидность, то нам полагается и предположить в этом отличие потребности от мотива. *Потребность должна быть культурно-независимым феноменом, а мотив всегда должен оформляться в культурно-конкретную форму*.

Потребность является культурным инвариантом — неосознанным элементом, независимым от рационального в человеке. Можно предполагать, что Образ мира человека содержит в сумме генетические и приобретенные условия нормальности и ненормальности мира.

В процессе жизнедеятельности поток информации от внешней среды и от тела человека поступает в центральную нервную систему (ЦНС) и сравнивается с такими условиями. Сравнение идет постоянно и инстинктоидно. Под влиянием в различных случаях *совпадения условий или рассогласования условий* Образа мира при поступлении информации у человека возникают различные внутренние психологические напряжения. Это и есть запуск потребностей. Напряжения и есть ощущаемые потребности. Наиболее сложными на данный момент являются потребности безопасности и наше представление о них требует совершенствования.

И мы переходим к последовательному разделению представлений потребности безопасности на части в соответствии с иерархией потребности Маслоу

7.4. Безопасность I. Потребность в жизни и прямая угроза жизни

Наличие прямой угрозы жизни на время снимает все прочие потребности как незначащие. Первый крик ребенка, вышедшего из чрева матери — это крик запуска дыхания — потребность в воздухе. При угрозе жизни и здоровью все внимание переключается на опасность, на сохранение жизни. Ни зверь, ни человек не могут удовлетворять даже простые физиологические потребности в момент прямо ощущаемой непосредственной угрозы, и, особенно, боли. Тонущий или задыхающийся человек, человек, спасающийся от зверя или висящий над обрывом (не по своей воле), не может думать о еде и т.п. Тяжело больной не может есть и выполнять нормально другие физиологические акты.

То же имеет место и у зверей. Домашняя кошка, привезенная в новое место, до двух дней не способна принять корм, мочиться, совершить дефекацию. Опасность для самой жизни (новые запахи) требуют ее предельной осторожности и постепенного привыкания.

Непосредственная угроза или осознаваемая угроза также может толковаться исследователем как потребность в “минутной или секундной безопасности”. Но это принципиально иное состояние, нежели потребности сохранения и продолжения физиологических потребностей, обеспечения надежности бытия или подготовки к продолжению рода.

И мы корректируем этот недостаток. Иерархия потребностей Маслоу требует дополнения в части потребности безопасности. Мы можем именовать такие потребности борьбы за жизнь в текущий момент или

минуту как потребность “безопасности I”. Ниже мы, вместе с читателем, эту потребность рассматриваем кратко, поскольку прямые текущие угрозы для жизни и здоровья человека весьма редки. А редки ли? И не так ли девушка (в России конца XX века), идущая домой поздним вечером, забежит в подъезд или в подворотню, чтоб спрятаться и переждать, когда по улице пройдет пьяная компания отморозков. И кошка на пути к дому, собирающаяся перебежать автостраду, окажется в том же состоянии.

7.5. Безопасность II. Стабильно обеспечить физиологические потребности

Сказанное выше ведет нас к выводу о возможности нескольких групп опасностей для человека и зверя, которым соответствует одна и та же инстинктоидная по типу потребность — преодоление страха или тревоги. Очень важно понимать, что степень этой тревоги или этого страха сильно разнится в своей мере, в своей силе. Но природа явления одна — устранение дискомфорта.

Нам следует трактовать потребность в безопасности, стоящую у Маслоу над удовлетворением физиологических потребностей, как потребность стабилизации или сохранения обеспечения физиологических потребностей на достигнутом уровне. Мы отмечаем ее с учетом сказанного в 7.4. как потребность в “безопасности II”. Когда работник сыт и выспался, но не уверен, что будет сыт завтра, то он начинает беспокоиться о постоянной работе, крыше над головой, и продолжает интенсивно трудиться, чтобы гарантировать свое ближайшее будущее, стабилизировать его. Мы предполагаем, что у человека эта инстинктоидная потребность, смонтирована, главным образом, научением. Однако в мире животных ей соответствует множество генетически заложенных начальных условий, которые только частично могут быть отменены при взаимодействии с человеком.

Эта потребность лежит в основе всех трудовых процессов человека в культурном обществе. Дело в том, что основные виды труда в наше время всегда предполагают отложенное потребление. Мы работаем не потому, что голодны сейчас, а для того, чтобы не быть голодными через многие месяцы, когда у нас кончатся деньги. Только в первобытном обществе, где живность бегает под ногами или в соседнем лесу и то же с овощами и фруктами, наши предки собирались на охоту или в лес собирать “еду”, когда ощущали голод. Те времена Адама и Евы давно прошли, хотя возможно, что в тех местах, где тот “яблочный” рай еще

оставался, он как раз и предохранил человека от дальнейшего развития, от необходимости подниматься по ступенькам иерархии потребностей — потребности безопасности II. За безопасностью II стоит длительный многолетний голод человека, который и подвел его к земледелию и технологиям, способным делать значительные запасы продовольствия. Ныне безопасность этого рода обеспечивается накопленным эквивалентом ресурсов прошлого труда — деньгами.

Впрочем, сказанное не означает, что потребность "возникла" только с развитием производящего хозяйства. Потребность безопасности II — это забота об огне и тепле, когда господствовал мир охоты. Это забота о наличии логова или хотя бы скалы, крутого каменистого склона возле стоянки в случае нападения хищника. Это поиск и затачивание палок, костей для защиты от змеи или других тварей. Это оббивка (подготовка) каменного рубила для будущего добывания из костей останков зверей вкусной мякоти костного мозга. — Все это предшествует культурным формам обеспечения безопасности II и частично пересекается с безопасностью I.

7.6. Потребность в уважении. Разработка с учетом биологического начала

Выходя на выявление потребностного начала в проблеме инстинктоидности потребности в безопасности II, мы видим эти же свойства (в соответствии с тем, что сказал Маслоу в отношении физиологии, любви, принадлежности). Однако нам труднее всего обнаружить инстинктоидность в потребности уважения. Мы ее не чувствуем.

При первом взгляде возникают ощущения, что то, что сказал Абрахам Маслоу о потребности в уважении, является слишком заглаженным, причесанным. Этот раздел именован у него в версии 1970 года в русском переводе — "Потребностью в признании". Это не может быть appreciation или recognition (пониманием), acceptance (одобрение, признание) или admission (доступа), хотя последнее поближе, но все это имеет некий просительный оттенок. Это уже ближе к пассивной форме стремления к уважению, что хотя и является высшей формой активности в удовлетворении этой потребности, но вовсе не единственной среди множества более примитивных форм стремления к уважению.

В самом же тексте раздела Маслоу говорит о том, что:

"нам необходимо уважение окружающих нас людей.... И потребности этого уровня подразделяются на два класса. В первый входят желания и стремления, связанные с понятием "достижение"... ощу-

щение собственного могущества, адекватности, компетентности, ему нужно чувство уверенности, независимости и свободы. Во второй класс потребностей мы включаем потребность в репутации или в престиже (мы определяем эти понятия как уважение окружающих), потребность в завоевании статуса, внимания, признания, славы...” [Маслоу А., 1970/2001, с. 88–89].

Маслоу справедливо видит ЗНАЧЕНИЕ удовлетворенной потребности уважения, в повышении собственного чувства уверенности и, наоборот, считает отсутствие удовлетворения источником связанных неврозов.

Потребность в уважении представляется нам темой не вполне решенной. Повышение собственной уверенности (в себе) или отсутствие таковой есть *следствие* удовлетворенной или нет потребности в уважении. Но каким образом проявляется инстинктоидность появления самой потребности в уважении? Что влечет искать уважения, добиваться уважения, “завоевывать статус, признание, уважение”? Как это проявляется? — Можно ли предполагать желание в виде “хочу уважения” примерно так, как то звучало в фильме “Мимино”: “Ларису Ивановну — хочу”?

Мы должны себе представлять не только тех, кто уже получил и получает уважение, но и тех кто его не получил, и желает получить, и последнее даже важнее. Но как раз душевное состояние таких людей у Маслоу не представлено.

В работе с классическим языковым материалом специалист по системному анализу вынужден искать ответ в нюансах фразеологии, передающей смысл. И в общем случае нам следует быть готовым не только поправить термин, но даже отменить его вообще, диверсифицировать или слить с другим. И если приглядеться к словам Маслоу об “уважении”, то во фразе “повышение чувства уверенности” слабо просвечивает фактическая неуверенность индивида, когда он не удовлетворен уважением к себе, которую можно было бы интерпретировать как “тревогу” или “тревожность”.

7.7. Уважение. Аналитическая разборка понятия

Уважение меня — это отношение ко мне других. Сначала кажется даже странным, как отношение ко мне других людей может формировать какую-то потребность дополнительно к положительному отношению в общении (и принадлежности). И как отношение (проявляемое в поведении) ко мне может быть собственно потребностью?

И какое отношение? — Это не просто положительное ко мне отношение — аффилиация. Я хочу, желаю, стремлюсь, чтобы ко мне относились не просто хорошо, а чтобы меня уважали!

В чем разница? Различие, вероятно в том, что когда к нам *просто хорошо относятся*, то мы можем рассчитывать на положительное к себе отношение в смысле *эмоций и слов, в смысле общения*. И это в реальности потребность в аффилиации. Но мы не можем надеяться на то, что наш оппонент может сделать что-то существенное для нас, потратить на нас какие-то собственные силы, средства или свое время, свой труд. Аффилиацию и полную помощь мы получаем одновременно лишь в родной семье — и это именуется реципрокацией (взаимное оказание помощи и услуг на безвозмездной родственной основе). В простом общении, например, с нами могут поговорить, но никто не обязан нам сообщать важную для нас информацию, тем более искать ее, тратить свои силы или тратить свои ресурсы — дать нам кредит. Положительное отношение обычно включает сочувствие. Но оно не обязано включать и может не включать помощь (передачу ресурса — труда, финансов, времени, информации).

Что нас в этом еще смущает? Уважение ведь может включать и нечто отрицательное. Оно может включать, например, зависть! Уважение может носить отрицательный оттенок — предпринимателя или руководителя, от которого ты зависишь, ты вынужден уважать, даже если его не любишь. Иначе, лишит премии!

Или у А. С. Пушкина:

“Он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог!”.

“Заставил” уважать! Уважение как страх потери наследства или как страх возмездия? Потому уважение — не простое, а двузначное понятие: с плюсом, а в худшем случае и с минусом! Уважение может быть ложью, видимостью, признанием покорности? Уважать можно “заставить”! Заставить силой? Угрозой?

Кстати, когда мы начинаем ощущать плюс? Когда нас уважают? Но такое понимание неверно! Факт уважения есть уже удовлетворенная потребность, а не состояние возникшей и неудовлетворенной потребности!

Рассматривая положительное ощущение (и в это состояние особенно веровал сам Маслоу), мы наблюдаем только последствие — удовлетворение потребности. И это хвост, а не голова кометы-потребности. Внимание поэтому нам следует сосредоточить на минусовой, эмоционально отрицательной ситуации, когда потребность уважения возникает, и когда она не удовлетворена. И еще раз мы обращаемся к природе возникновению объекта для его оценки, его понимания! А именно, нам полагается рассмотреть ситуацию, когда нас не уважают!

В анализе понятия *уважения* как потребности нам полагается выделить потребностное состояние — "нас не уважают!", мотивацию для действия — "как добиться уважения" и действие по плану — "добиться уважения со стороны окружающих или конкретных лиц".

Размытость понятия "уважения" не дает нам первоначально ощутить значение "уважения". Зачем нам нужно добиваться уважения от других людей? Чтобы иметь т. н. "статус"? Но как часто он нам нужен? И для чего? Может быть, мы требуем слишком многого? Ведь в современном обществе статус означает принадлежность к каким-то обществам, профессиональным и развлекательным клубам, близким референтным группам, знакомству с кем-то, что вовсе не предполагает то, о чем мы сказали выше. Мы выходим на представление "статуса", как совокупности собственной "значимости" для других людей. И начинаем представлять себе статус как набор "символов значимости", приписываемый мне, соседу, кому-то другому, возможно, не вполне понимая, что это означает. Так ли это важно думать о статусе по проблемам ничтожных амбиций не очень умных завидующих людей. Но это вялое текущее состояние незначимости и слабой актуальности потребности уважения для культурных людей не отражает всей глубины темы в истории человека. Обратим взгляд назад на пару сотен лет! Вспомним клейма на плече раба или каторжанина или положение крепостного! Мы понимаем, что в "статусе" малым нам не обойтись. Необходимо резко расширить наш обзор или даже поменять место и положение наблюдателя объекта исследования. Ведь в Новом завете сказано

"как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними..." (Ев. Мф, 7, 12).

Поставим себя на место тех, кто мог бы уважать нас любимых. Если нам не ясно, за что нас уважают, то давайте спросим себя, а ЗА ЧТО МЫ УВАЖАЕМ ДРУГИХ? И постараемся ответить.

Нет, речь не идет о любви и дружбе, мы — честные люди. Любить можно и не за что и просто за совместно проведенное детство, юность, общие воспоминания. За что мы не любим, а именно уважаем других? Уважаем с любовью или без любви? Уважаем, а некоторые, и даже многие — понимают уважение, как страх — уважаем за силу? Уважение, кстати, не всегда предполагает общение, любовь — предшествующие уровни. Уважали ли Сталина? Несомненно! А все ли из тех, кто его уважал, его любили? И все ли из тех, кто уважал, с ним до этого общался? Вопрос сложнее, чем в семейном контексте. Уважает ли работник директора предприятия? А начальника своего отдела? Но что же тогда объединяет состояния нашего уважения к отцу родному? К ученому? К менеджеру и к вождю? С любовью и без нее, с общением

или в одностороннем порядке? А если в одностороннем порядке: через приказ по учреждению или через радио и телевизор? Это вопрос! И мы попробуем ответить, но не сразу, а изменяя контекст анализа.

7.8. Наше уважение через призму человека приватного. Кого и за что мы уважаем

Вот вариант для обсуждения позитивного уважения!

Уважение наше к чему-либо — это минимальный признак внимания и направленности нашего интереса! А интерес выдает не только положительное наше отношение, но и наши текущие потребности. Мы поэтому начинаем уважать того, кто может нам что-то дать или быть полезен информацией или чем-то другим — силой, властью, авторитетом, советом, т. е. снова информацией. Но это предполагает, что мы считаем уважаемого нами человека обладающим для нас полезными свойствами или ресурсами. В каком смысле полезными? А в том смысле свойствами или ресурсами, каких у нас нет. Но не просто нет (у меня нет танка, но он мне не нужен)! Мы уважаем носителя или распорядителя ресурсов, которые НАМ НУЖНЫ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ НАШИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ! Каких потребностей? Любых, кроме самой потребности уважения! Конечно, наших текущих потребностей, прежде всего!

Итак, мы уважаем тех, кто обладает ресурсами, имеющими некоторое отношение к нашим потребностям, к удовлетворению их. Тем самым мы — уважающие — начинаем осознавать, что наше уважение вовсе не абстрактно. В уважении к кому-то мы сами выходим на свои собственные потребности. Если же потребности наши не задействованы, не имеются в виду, то наше отношение и к ресурсу, и ко всем его владельцам, сколько бы их не было, нейтрально или абстрактно! Оно может и просто отсутствовать!

Возможно, это выглядит цинизмом. В реальности это правда жизни. Все люди и мы, в том числе, уважаем тех, кто потенциально и реально полезен для удовлетворения наших потребностей. Обычные люди уважают, “считаются” или “принимают в расчет или во внимание” тех, кто влияет на удовлетворение их потребностей.

Так дружба с близким человеком может включать наше уважение и помощь. Мы любим конкретного актера, фильмы или игрока и любимую команду. Почему? Они “нам нравятся”!

Но уважают не только тех, кто полезен или “приятен”!

Но уважают не только тех, кто полезен!

Вот второй вариант для обсуждения уважения как негативного отношения, который мы обязаны учитывать в своем поведении!

Мы уважаем или *принимаем во внимание* (или “вынуждены считаться”) и тех, кто представляет угрозу и опасен для удовлетворения наших потребностей. Мы уважаем тех, “кто уважать себя заставил”. И потому “страх” или “тревога” могут включаться в уважение в режиме антиуважения — ненависти, но в реальности это ближе к нейтральному — просто “озабоченности”. Есть люди, которые имеют некоторые (отсутствующие у нас) ресурсы и потому могут препятствовать или уже препятствуют удовлетворению любых наших потребностей.

Наше внимание фильтрует социальную среду (именно других людей) через *поиск возможностей удовлетворения наших потребностей* и *через поиск путей устранения препятствий* им.

Остановимся! Потребность ли это — необходимость принимать в расчет, принимать в расчет полезных и вредных для нас людей?

Нет! Это инструментальное отношение — поиск средств удовлетворения и анализ и преодоление препятствий для наших потребностей. Это рациональное восприятие, а не потребность! Мы раскрыли только рациональную и часто низменную часть уважения на бытовом уровне. Но тогда это процесс мотивации или достижения?

Однако дело обстоит сложнее. Уже проделанный анализ дает возможность понять, как формируется и используется уважение на практике и зачем оно необходимо.

Что же тогда само уважение, если отбросить инструментальный, т. е. цинический подход? “Уважение” к нам выступает как *интегральное ощущение наших возможностей для остальных людей и в соотношении с другими людьми вообще, но безотносительно к текущим их потребностям и к нашим текущим потребностям*.

Если бы “уважение” нас самих другими имело отношение к нашей конкретной потребности, то это было бы только нашей мотивацией одной нашей потребности. Если бы “уважение” нас самих другими имело отношение к потребностям тех людей, которые нас уважают, то это было бы их мотивацией по их текущим потребностям.

В реальности получается много сложнее. И аргументом является понятие “статуса”. Это понятие выводит нас на интегральное ощущение “уважения” и препятствует рациональному и циническому одномоментному толкованию потребности “использовать” нас другими людьми или нашей текущей потребностью “использовать” других, т.е. переводить отношение в рациональную плоскость мотива.

Попытаемся расширить анализ понятия уважения до уровня общества.

7.9. Наше уважение через призму общества.

Общество образует еще более сложное представление об уважении своих членов к выдающимся людям общества, к информации и к символическим объектам общества.

Есть реальное ощущение нашего уважения или “уважения с любовью” и символическое уважение или как говорят, формальная “дань уважения”. Последнее можно представить как символическое поведение по имитации уважения. Проанализируем, например, наше уважение к А. С. Пушкину. Если человек не “пропустил свое уважение через себя”, то его “уважение” к Пушкину недорого стоит, и после школы он в жизни к Пушкину, к его смятениям, тревогам, его чувствам, не обратится. Уважение обывателя тогда есть символ уважения, т. е. изображение и имитация уважения — поведенческая.

Аналогично и “уважение” простого человека к культуре и науке, к деятелям науки и искусства, к человеку в телевизоре — в духе “зря показывать не будут”. Ньютона пожилой человек уважает, если еще помнит, зная с пятого класса второй закон Ньютона, и это уважение объективно. Но большинство “уважений” — это отношение “уважения” потому, что “уважают все”. Уважают за внешний вид, за гладкую легко льющуюся речь, за должность и научную степень. Много реже — за содержание и смысл речей! Напрягаться — это труд! Современный критерий — разговоры взрослых и школа, телевизор, в прошлом — газеты! Т. е. уважение в последнем случае — это неявная форма конформизма, которой до сих пор больна не значительная, а большая часть... мира.

Когда ты уважаешь не потому, что ты самостоятельно понимаешь значение и важность другого человека (мы здесь будем говорить только о людях и событиях, связанных с их поведением), а потому, что “уважают все или многие”, то это поведение можно рассматривать как чистый символ уважения. Это конформизм, который мы вынуждены перезаписать на счет “уважения общественного мнения”. Здесь есть сложность толкования. Я реально уважаю мнение всех и на него полагаюсь? Или у меня вообще нет мнения, и мне наплевать? Или я имею совсем другое мнение, но боюсь его изложить и не хочу спорить? Последние два варианта мы обязаны рассматривать как *форму страха перед группой или обществом,* страха быть *“не как все”*[25]. Одновременно это и одна

[25] И потому мы можем сказать в этом рассуждении как побочном продукте нашего анализа, что конформизм — это уважение к окружающей социальной среде и обобщенный страх перед ней.

из форм “избегания неудач” по Макклелланду в области внутригрупповых отношений: “мне страшно излагать свое особое мнение — меня могут не понять, и я останусь в одиночестве”. Страх перед социальной средой делает уважение как отношение символическим, формальным или лживым. Но это не означает, что уважающая сторона перестает совершать необходимые действия в отношении уважаемой стороны. Действия продолжаются, но их символическая сторона становится ведущей. Надо ли говорить, что гипотетический участник опроса всегда постарается убедить нас, что он действительно и твердо думает так, как думают все![26]

В нашей жизни существует множество символов “уважения” Эти символы обозначены и встроены в нас в прошлом вполне сознательно самим обществом и его социальными структурами. В тотальных системах они образуются целой системой идеологического воспитания” (в советское время обычно это документы “для служебного пользования” в райкомах коммунистической партии).

Признание другими людьми символов уважения означает и декларацию или демонстрацию ими уважения к системе, к власти, к структуре, к идее. В царской России посещение церкви в своем приходе в воскресенье считалось обязательным. В провинциальных городках оно было на учете у священников как признак “благонадежности”, который доводился до полицмейстера. Обязанность исповеди была обязательной, но это был и символ признания, верности и послушания. Получить заграничный паспорт для выезда “на воды” можно было только будучи “благонадежным”. Ту же роль играл партком на предприятиях СССР. Человек, который бы не приходил на политзанятия (в рабочее время), не мог рассчитывать на поездку за границу. Зачем же и кому нужно такое признание? Мы экстраполируем выводы предшествующего раздела.

Признание и декларация или демонстрация уважения или собственно уважение — есть некая *заинтересованность уважающих* в уважаемом в части некоторых *потребностей уважающих*. Это признание и демонстрация их *положительной зависимости* (в смысле мне нужно).

[26] В этой связи очень интересный казус случился с общественным мнением в России. В ноябре 2007 года один из опросов по России изучал мнение россиян (всероссийский опрос по телефону) о прошедших предвыборных дебатах в Государственную Думу. Две трети участников, сообщивших, что они слушали теледебаты, сообщили, что самое положительное мнение у них возникло по поводу позиции в дебатах партии “Единая Россия”. Было бы нормально, если не знать, что Единая Россия не участвовала в теледебатах.

Или это *демонстрация страха уважающих* перед уважаемым, который может отрицательно повлиять на удовлетворение уважающих в части некоторых их потребностей. И мы снова приходим к демонстрации и к признанию их зависимости, теперь *отрицательной зависимости* (в смысле я демонстрирую свое безусловное подчинение, а потом буду просить то, что мне нужно).

Во втором случае символы уважения могут играть роль таких звоночков, как тех, что использовали в опытах с крысами исследователи — Доллард и Миллер. Ты прыгнул на звоночек? Или ты сделал, что полагается сделать по закону, по уставу, по социальной норме? — И все видят, что ты “уважаешь” этот звоночек, устав, закон, норму! И ведешь себя соответственно! А за символами может стоять общество и общественное мнение или государственный закон и органы правопорядка. Сфера действия символов бесконечна и начинается с исполнения древних и религиозных обрядов. Длительные периоды времени символические действия действительно снимали страх, внушали уверенность, дарили силу, храбрость и надежду, отражали единство и преданность или признание зависимости и подчинения. В прошлом веке они могут успокаивать руководство какой-то страны, когда миллионные демонстрации идут по Главной площади, или успокаивать самих граждан в том, что в стране все хорошо.

Символы уважения работают не всегда, они могут отставать от жизни. Иногда символы влияют, их боятся или любят (и тогда они работают). Но часто они перестают оказывать влияние или перестают поддерживаться на практике (и тогда они не работают). Уважали вождя и живого, и долгое время мертвого и в форме “горячо любимого” и в форме “великого тирана”, и это было реальное уважение, пока любили или боялись. Любили или боялись власть. Но при этом воровали государственное имущество. А потом уже не боялись власти и изображали свое уважение только символически. А потом и вовсе перестали уважать и оказывать честь вождям и преемникам. Не страшно!

Итак, существуют действия тех, кто нас уважает, т. е. поступки уважения к нам и состояния уважения. И наряду с поведением и состоянием уважения и действий “признания и подтверждения уважения” существуют символы уважения и символические действия, изображающие уважение — признание уважаемой стороны. Уважающая сторона всегда каким-то образом зависит от уважаемой стороны и демонстрирует такую зависимость как уважение, а в реальности имеет некие потребности, которые удовлетворяются уважаемой стороной.

Далее, мы отразили символические формы уважения и показали, что часть из них работает, а часть в реальности не работает на пот-

ребности человека. Но работает как страх, пугало, запрет для индивида. И в этом смысле не является истинной потребностью человека, а внешним к нему воздействием, пропущенным через страх. Теперь мы определяем такое уважение как удовлетворение потребности уважающего в безопасности. Нам не ясно, как это возникает. Но в общем случае потребность в безопасности — это потребность! Мы ее, наконец, частично идентифицировали — обнаружили. Но этот вывод — потребность в безопасности — пока слишком смел и неожидан для нас!

И мы развернем новую гипотезу, несколько опустившись вниз от человека и общества к истокам человека. Будет логичнее еще расширить поле поиска. Опуститься на миллионы лет назад в природную биологическую стихию, т. е. начать от Адама, точнее, от сотворения мира по Дарвину.

7.10. Уважение через этологию. Начало социальной конкуренции

Уважение определенным образом связано с ранжированием людей в социуме и с проблемой "статуса". В предыдущих разделах мы обсуждаем и потребность уважения людей и статусы различных слоев общества. Проблема состоит в том, что эти категории принадлежат различным отраслям знаний: уважение — психологии (например, в теории Маслоу), а ранг и статус — социологии. В свою очередь, мы знаем, ранжирование и статус сопряжены с темами классов и социальной стратификации, социального неравенства и мобильности, а также с темами социальной справедливости и эксплуатации. В данный момент мы не выходим на обсуждение "высоких" тем, а остаемся и даже опускаемся по лестнице наук вниз.

А связывая и совместно изучая эти явления, мы в определенном смысле нарушаем договорные границы, рассекающие эти области знаний, которые тщательно соблюдаются многими специалистами.

Например, В. В. Радаев в своей основной работе по стратификации говорит, что

Основной принцип познания социальной структуры не совпадает с используемым, скажем, в физике принципом перехода от менее элементарной к более элементарной структуре. Если понимать ход познания социальной структуры таким образом, то легко сбиться на принципиально иные уровни выявления элементов и взаимосвязей в структуре общества: технологический или психологический, т.е. потерять, тем самым, социологический уровень рассмотрения (единственно возможный, когда

речь идет о социальной структуре общества) и не уловить связи между ее элементами. [Радаев В. В., Шкаратан О.И., с. 15].

Системность нашего исследования разрешает нам сделать то, что запрещают себе именитые представители в “одной отдельно взятой” науке[27]. Мы готовы потерять “единственно возможный уровень” и “опуститься” в научном исследовании вниз по древу знаний. Кстати, сужение системы из нескольких уровней до одного из-за риска “не уловить связи между элементами” этого оставшегося уровня выглядит не слишком мужественным решением. А уж утверждение “основного принципа познания социальной структуры”, даваемого без всякого обоснования, позволяет нам “уловить родственные связи между элементами новой российской науки со “святой простотой” монополизма предшествующей.

Ни в коей мере не отождествляя различные стадии развития внутрипопуляционных отношений в биологическом и социальном мире, мы должны будем оценить биологическую преемственность и культурные компоненты досоциального и социального в феномене, именуемом “потребность в уважении”.

При этом и с другой стороны мы не становимся, как некоторые этологи, на опасный путь “редукционизма” и понимаем, что надстроенные над биологически миром этологические и позже социальные структуры “эмерджентны”, т. е. получают новое звучание в виде особого уровня структур, функций и закономерностей их развития (жизни).

Действительно, как только мы подробно начинаем рассматривать уважение как ранжирование, например, графически, так сразу вынужденным образом мы приходим к необходимости остановиться на отличиях социальной и биологической ее природы, см. рис. 7.1.

Давайте сначала обсудим ранжирование как систему и определим, что мы исследуем в ней.

Говорить о том, что человек “имеет потребность в уважении”, и не подразумевать последствий такого уважения или не уважения для индивида, кажется не обоснованным. С другой стороны, настаивать на

---

[27] Мы не согласны с таким “зауживанием”, говоря портновским языком, темы. Границы обсуждения, установленные ДО решения проблемы или противоречия в науке, так же мешают творчеству, как весьма культурные корсет и лосины препятствуют любви и продлению рода. Изоляционизм и принципиальное рассечение наук, укутывание каждой из наук в собственный кокон может помешать полноценному развитию социологической ветви научного древа знаний. Сейчас мы уже понимаем, что именно в традиции прежнего кругозора и контекста смотровой щели в башне научного танка мы рискуем “не уловить связи между элементами”.

Взаимная деятельность, конкуренция,
и информационный обмен и формирование ранга

Общение
и конкуренция

Формирование
РАНГА

Распределение
власти и ресурса

Рис. 7.1. Формирование рангов внутри социальной группы

том, что ранжирование необходимо из каких-то высших соображений при недостатке ресурсов, означает возврат к холистическому видению явлений, к телеологии. Фразы типа: "системе необходимо...", "система вырабатывает нормы, которые должны соблюдаться... то-то и то-то внутренне присуще тому-то..." — это методология анализа целого из интересов целого. Она приводит фактически к наукообразному анимализму (одушевлению) естественных систем, к целеполаганию на уровне целого. А целое социальное не имеет психологии. И это препятствует подлинному поиску механизма построения целого из частей.

Между тем, целеустремленной системой является только (если не считать будущих искусственных систем) человек разумный — будущая, текущая и прошлая частичка социальной структуры. А формирование цели в системе всегда полагается исследовать через изучение механизма появления системы и согласования целей участников и цели системы (группы) как целого внутри системы.

Так что же, уважение — Цель отдельного человека? Не вполне. Действительно, имеются люди, которые видимым образом не прилагают усилия, чтобы достичь уважения, и уважение получают. С дру-

гой стороны, существуют другие, которые стремятся добиться почета и уважения, но его не приобретают. Если присмотреться к признакам наличного, уже полученного “уважения”, то мы увидим в качестве достоинства или льготы высокого ранга и уважения более простой и даже предпочтительный наш *доступ к возможностям*. Доступ к чему? К информации, во многих случаях к благам и ресурсам: материальным, финансовым, трудовым — уважающих нас людей. Иногда мы видим и обратный результат — окружающие начинают проявлять признаки “уважения” к человеку, который уже имеет или демонстрирует материальные признаки (или статус и символы) собственного уважения к нему многих других. Из этого, кстати, часто возникают и ошибки, и определенный способ мошенничества (с документами, престижными марками автомобилей и одежды) или феномен “детей лейтенанта Шмидта”.

После предшествующего анализа наше внимание обращено на триаду: уважение — ранжирование как различие между потребителями ресурсов — приоритетный или монопольный доступ к ресурсам. Ресурсам, которых *не достает для всех, и которые нужны многим*. Именно это представление о ресурсе так трудно произносится специалистами в социологии. Далее уже проще. Доступ к ресурсам или распоряжение ими, рассматривается в социологии обычно как *власть*.

Итак, в системе ранжирования мы не останавливаемся на уровне системы, социальной или биосоциальной системы. Мы опускаемся на уровень ее частиц-молекул — индивида или биологической особи. Поскольку каждое элементарное отношение в ранговой системе есть отношение одного к одному, мы должны обратиться к этому конфликту как к элементарному. Это аналогично тому, что при исследовании давления газа мы обсуждали бы движения и столкновения молекул между собой.

И поскольку уважение и ранжирование связаны, то за поиском первых причин логично обратиться к истории возникновения явления через анализ ранжирования особей в стае или популяции биологического вида, в том числе у приматов.

7.11. Уважение через процесс внутривидовой биологической конкуренции

Работа Конрада Лоренца указывает нам кое-что в этом отношении. Он делает интересные выводы о внутривидовой агрессии как феномене регулирования внутривидовых отношений в целях оптимизации мета-

болизма (равноудаленное или даже уравнительное распределение территории обитания и охоты). Так он пишет:

Если специальные интересы социальной организации не требуют тесной совместной жизни, то — по вполне понятным причинам — наиболее благоприятным является по возможности равномерное распределение особей вида в жизненном пространстве, в котором этот вид может обитать. Что какая-то часть биотопа, имеющегося в распоряжении вида, останется неиспользованной, в то время как в другой части вид за счет избыточной плотности населения исчерпает все ресурсы питания и будет страдать от голода, — эта опасность проще всего устраняется тем, что животные одного и того же вида отталкиваются друг от друга. Именно в этом, вкратце, и состоит важнейшая видосохраняющая функция внутривидовой агрессии [Лоренц К., с. 154–155].

Как это прекрасно сказано! К этому же механизму относятся и модели оборонного поведения в животном мире, которые предполагают наибольшее “оборонное сознание” в центре своей территории” и ослабление агрессии при удалении от центра или, тем более, при вторжении на территорию “противника”. Как мы знаем, это вполне укладывается в марксистскую концепцию “справедливых или национально-освободительных войн”, и это вполне соответствует основным процессам политической и военной истории. Второй пример агрессии Лоренц обнаруживает в борьбе самцов за самок, видя в этом отбор наилучших мужских особей в генетическом отношении.

Но это к вопросу о начальном биологическом распределении ресурсов. У нас иная задача. Она состоит в том, чтобы обнаружить смысл и природу появления ранжирования.

Данные уже таких сложных систем, как стада или семьи приматов, не достаточны для понимания сути. Но мы можем опуститься еще ниже. Ранжирование в стае (стаде) в совершенно явной и четко описанной форме существует уже у птиц и у высших стадных млекопитающих.

Недостаток рассуждений некоторых этологов состоит в следующем: феномен, найденный в природе и сопоставимый формально с социальными объектами, оказывается по нежеланию выходить за “свой круг” истиной в последней инстанции — истиной окончательной и не подлежащей анализу. Часть этологов не волнует даже природа происхождения явления хотя бы в биологическом мире. Но для нас, поскольку мы ищем первопричину, важен именно *момент и условия появления формы ранга и ранжированного поведения*. Устойчивость ранжирования в развитом биологическом мире в результате принуждает нас обратить внимание на более ранние периоды эволюции.

Мы знаем, что ранжирование в биологическом мире опосредовано прямой периодической агрессией конфликтующих сторон в стае. Ранжирование — это совокупность кратковременных парных конфликтов, которые могут завершаться полным или групповым ранжированием (в небольшой стае прямой последовательный порядок или в большой стае и колонии порядок по уровням — первая группа — вторая группа и т. д.). Иногда, как мы знаем, растущая семья хищников не терпит молодого конкурента и изгоняет его или выросших детей, сохраняя в стае мир.

Таким образом, ранжирование и на этом уровне развития уже определенно существует, поэтому мы переходим к еще более ранней фазе — возможному отсутствию ранжирования при низкой плотности особей и при отсутствии регулярного общения. Мы переходим к индивидуальному образу жизни.

Предполагая отсутствие конкуренции за текущие ресурсы, мы выбираем следующую исходную позицию для анализа.

В разреженной среде, изобильной биологическими ресурсами питания, некоторый вид осуществляет типовую “агрессию” потребления по отношению к конкурирующим другим видам как к пище или при защите от хищников или при нападении на травоядных или более мелких хищников как на добычу. Эта агрессия является нормальной для выживания вида и является одновременно формой метаболизма. Мы фиксируем некоторый энергетические расходы A на потребление (охоту и усвоение) см. рис. 7.2.

Представим себе, что плотность популяции определенного вида возросла и биологических ресурсов (пищи) для выживания вида недостаточно. К дефициту в других ситуациях можно отнести и недостаток самок для спаривания и конкуренцию самцов, борьбу за территорию гнездования и охоты и т. д. Имеются все основания предполагать, что при переходе от схемы 1 к схеме 2 в начальный момент механизм конкуренции сохранится. При недостатке пищи возникает новое явление — внутривидовая конкуренция. К межвидовой борьбе и расходам на потребление добычи добавляется внутривидовая конкуренция B в момент потребления, см. рис. 7.3.

При увеличении плотности популяции возникает множественный парный конфликт особей — агрессия во внутривидовой борьбе за недостающие ресурсы. Он увеличивает расходы усилий *межвидовой* борьбы и охоты новыми расходами сил во *внутривидовой* борьбе. Общие расходы на метаболизм при возрастании плотности популяции относительно ресурсов и при отсутствии ранжирования резко возрастают, возможно, удваиваются.

Рис. 7.2. Агрессия в межвидовой конкуренции при метаболизме биологического вида в отсутствии внутривидовой конкуренции

Рис. 7.3. Наложение внутривидовой конкуренции на межвидовую. Ранговая система отсутствует

Если ситуация оказывается такой, какой мы ее описали, то развитие вида обречено. Вид угасает. Его расходы на метаболизм слишком велики.

А теперь рассмотрим, что происходит в случае наличия у вида развитой нервной системы.

Оценим внутривидовой конфликт с позиций формирования условия стимул-рефлекс и с позиции иерархии потребностей. Простым неудовлетворенным физиологическим потребностям участника конфликта противостоит его неудовлетворенная потребность в безопасности I. Безопасность I важнее физиологических потребностей в данный момент (“жизнь или кошелек”). После столкновения в борьбе положительный или отрицательный (отступление) результат конфликта должен запоминаться как условный рефлекс. Центральная нервная система участника запоминает условие и ту особь, с которой противоборствовал наш

участник. Эти данные (пара: особь — сильнее или особь — слабее) и образуют формируемое личное условие ранга у обоих участников. Таким образом, обусловливание будущего и постоянного (и надолго) поведения участников в паре ведется результатом первой схватки. В итоге, ранговая система сообщества (или система "нормативов уважения") хранится в распределенном виде у всех участников сразу.

Мы вышли на очень важное новое функциональное значение условного рефлекса. До настоящего времени можно было предполагать, что обусловливание вызвано обучением движению, охоте, межвидовому поведению. И условный рефлекс существовал в функциях нервной системы уже много раньше. Теперь мы понимаем, что центральная нервная система образует возможность и потребность развитых внутривидовых отношений — индивидуальные ранговые отношения, включая распознавание особей между собою. Это первое проявление "индивидуализма" в животном мире и оно предшествует в соответствии с иерархией потребностей Маслоу индивидуальной парной семейной группе (борьбе за самку как ресурс более высокого уровня). Фактически отступление одной особи перед другой при потреблении (подчеркнем, при удовлетворении физиологических потребностей) означает установление порядка потребления. Вторая и каждая следующая особь использует то, что осталось от предыдущей особи. И только тогда мы получаем (на биологическом уровне, в этот начальный и не совершенный момент) определенный *порядок* потребления. Он и оказывается начальной формой *ранга* или *статуса*.

При небольшом расширении этого механизма мы уясняем, что не только недостаток пищи (пища-ресурс) образует ранговую систему. Она может возникать даже просто при лени отдельных особей (экономия сил) при охоте. Другой участник захватил добычу, а новый участник пытается ее отнять. Возникает борьба и статусная градация. О проблеме эксплуатации в биологии мы скажем кратко отдельно.

Далее, мы знаем, что в природе видовое сообщество делит и метит "свою" территорию охоты и, следовательно, обитания. Отсюда прямой шаг к выводу, что территориальное деление или деление такого ресурса как среды обитания является другим и параллельным средством снижения внутривидового конфликта помимо ранговой системы. Но это более сложное и надстроенное явление. Пища — ресурс первого рода и часть удовлетворения физиологических потребностей. Территория охоты — добывания пищи — это отложенный ресурс или ресурс второго рода. Он выступает как обеспечение потребности безопасности II (или ресурс-собственность, ресурс-средство производства пищи). При недостатке самок мы видим еще один конфликт следующего уровня —

конкуренцию за продолжение рода. Это, если быть последовательным, есть конфликт за ресурс потребности в любви и принадлежности. Ресурсом выступает самка или самки. Уже завоеванная территория угодий и кормления — является, возможно, характеристикой ранга самца по другим предшествующим параметрам.

Таким образом, именно уплотнение среды обитания, т. е. рост "общения", повторные столкновения и "знакомства", приводят и должны приводить рано или поздно к формированию ранговых или статусных установок. Эти установки состоят в том, что у каждой особи в сообществе, стае, стаде, семье, родовой группе или популяции возникает список сильных конкурентов, которых следует опасаться, и список слабых конкурентов, которых можно просто игнорировать. Это развитие представления (и памяти) у каждой особи и приводит к ранжированию в группе как результату. Напомним, что новый механизм возникает исходя из поведения двух особей в конкретном процессе удовлетворения потребностей, но приводит к формированию общей ранговой структуры во всем сообществе. Мы видим, как создается социальный институт внутри еще биологического вида.

Теперь представим, что на некоторый момент ранжирование в группе при потреблении произошло. Далее, с учетом установки рангов возникшая система ранжирования начинает работать иначе. Особь ждет своей очереди на потребление при распределении ресурса. Конфликтность резко снижена, она заменена памятью о конфликте, зафиксированном в ранге (конечно, "ранг" — это наша модель — в реальности каждая особь знает своих оппонентов "в лицо").

Поскольку с ростом и развитием молодого поколения ситуация изменяется, то можно считать, что вместо прежнего постоянного конфликта в сообществе ведется периодическая коррекция ранжирования, например, одна коррекция на N циклов потребления средней особи. Тогда схема потребления ресурса в стае или в сообществе приобретает другие формы, см. рис. 7.4.

Как видно из схемы 7.4 расходы на метаболизм (экономист Дуглас Норт сказал бы — "транзакционные издержки") резко падают. В реальности формула B / n имеет сугубо демонстрационный характер. Процесс и частота ранжирования, затраты при ранжировании в этологии требуют подробного исследования, и можно быть уверенными, что они будет проведены, если уже не выполнены.

Мы теперь понимаем, что появление ранжирования и возможности ранжирования делает безусловным выживание и доминирование биологических видов над видами, не имеющими такого преимущества.

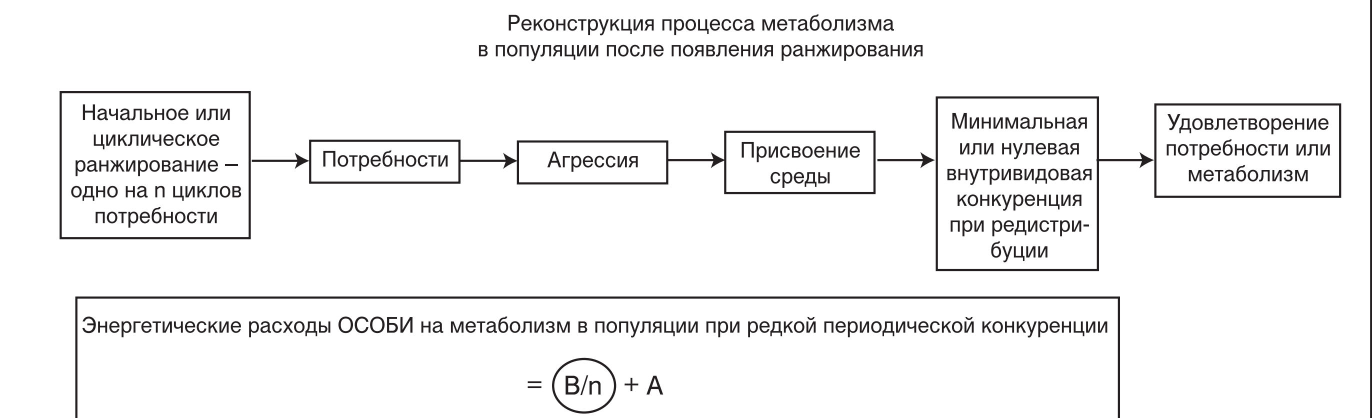

Рис. 7.4. Сокращение энергетических расходов на внутривидовую конкуренцию при появлении ранжирования. Отличие выделено кружком

Вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что даже на уровне биологии снижение внутривидовой агрессии резко повышает эффективность метаболизма, сохранения и выживания вида, укрепляет популяцию. Речь не идет о снятии внутривидовой конкуренции вообще — ее формы приобретают более тонкий и зачастую характер символического согласия, компромисса. Но этот характер делает конкуренцию энергетически сберегающей. О роли самой внутривидовой конкуренции в биологии сказано достаточно.

7.12. Условия возникновения генетического механизма ранжирования

Уточним новые требования и особенности к поведению для возможности ранжирования популяции вида. Какие же преимущества должен иметь биологический вид?

Прежде всего, такие виды должны получить или уже иметь условные рефлексы, т. е. возможность запоминать положительный и отрицательный опыт и поведение. Этот уровень полноценно появляется в центральной нервной системе теплокровных (птиц) и позже млекопитающих, поскольку высокое качество регулирования центральной нервной системы возникло как результат обеспечения постоянной температуры тела. Потребность в постоянной температуре дала преимущество перед рептилиями птицам (с оперением) для более надежного вынашивания (высиживания) амниотического яйца. То же относится и к млекопитающим с аналогичным, но внутренним эмбрионом. Полноценные условные рефлексы формируются у птиц и млекопитающих, поскольку они получили вместе с совершенной системой регулирования температуры тела (мощные регуляторные процессы) и механизмы более мощного регулирования памяти центральной нервной системы.

А символические угрозы перед агрессией известны уже у змей (пресмыкающиеся), когда каждая из двух особей пытается поднять голову выше другой.

Как просто сказано у болгарского палеонтолога Т. Г. Николова:

“Постоянная температура тела обеспечила высокую жизнеспособность млекопитающих, а это постепенно привело к развитию сообразительности ...” [Николов Т. Г., с. 145].

И второе. Инструментальные поведенческие результаты в уплотняемом сообществе биологического вида возникают автоматически. Они не являются “общим изобретением или договоренностью” некоей “талантливой” популяции. Вероятно, случайные генетические совер-

шенствования реактивности центральной нервной системы давали все большие преимущества популяциям, начиная с управления движением.

Итак, мы обнаружили, вероятно, первый “культурный” институт биосоциального ранжирования или статуса. Он обусловлен, и других вариантов нет, возрастанием плотности популяции. И мы вспоминаем, что такое предположение о значении роста плотности в разделении труда и о неравномерном распределении ресурсов уже провидчески делали и последний философ-энциклопедист Европы, Герберт Спенсер [Спенсер Г., с. 13, 44–51, 67, 288, 396] и Эмиль Дюркгейм в его “Разделении труда” [Дюркгейм Э., с. 248, 278–280].

Как мы предполагаем и видим на примере рождения новых отношений, от культуры (которая может именоваться как “мир и любовь или мир и порядок, мир и терпение”) здесь практически ничего нет. Но на основе множества парных действий рождается и начинает жить непроизвольный и неосознанный результат макроуровня, уровня популяции, который ведет к минимизации общих потерь энергии в популяции, к техническому снижению агрессии.

Как и в “невидимой руке рынка” А. Смита, “невидимая рука ранжирования” образует:

— популяционные преимущества человечества как вида по отношению к другим видам, и, кроме того,

— преимущества между различными группами этносов (цивилизациями) и их территориями, когда переделы ресурсов ведутся на основе исключения агрессии в сравнении с группами этносов, которые делят ресурсы в войнах,

— преимущества внутри одной популяции вида (этноса) в отношении других, отставших в развитии из-за не устраненной внутренней взаимной агрессии и еще не разделенных и спорных внутри этноса ресурсов (земли, собственности и т. п.).

Мы можем интерпретировать ранжирование как ограничение масштабов столкновений при конкуренции путем признания ранга или статуса — этого неявного первого ДОГОВОРА о признании (неравных) прав или статуса. Конечно, мы идеализируем — это не разумный рациональный договор, а всего лишь условный рефлекс с научением на основе страха, предвозвестника боли и депривации. Этот рефлекс страха — ранг другого и свой ранг — далее используется как предвосхищение опасности. Но случайным образом мы приходим к пониманию и принципов договора. Равный ранг может обеспечить равноправный договор. Равенство рангов в каком-то (силовом, политическом, позже

и более прогрессивно в имущественном) отношении образует возможность ДОГОВОРА. Или же взаимное признание неравных рангов дает возможность договора, как мира и признания собственности на ресурсы даже при неравномерно распределенных ресурсах. Таковы решения природы исходя из экономии сил внутри общества вместо вечного "черного передела". Их нам помогла найти теория иерархии потребностей Маслоу.

Это дает объяснение динамики биологических сообществ от неограниченной агрессии к порядку внутрипопуляционного взаимодействия при некоторой фиксированной, но очень ограниченной конкуренции, польза которой в минимальном виде остается совершенно неоспоримой для сохранения и поддержания вида.

Ранг в стаде, популяции — это первый порядок, который накладывается в истории развития природы и ее уплотняющихся объектов на ценные результаты самой природы, к которой потребитель — особь биологического вида — приложил свою "лапу" только как потребитель. И даже такой порядок в биологическом мире, снижая внутрипопуляционные конфликты, приводит к совокупной экономии внутривидовых энергетических затрат.

Но это и объяснение направления развития биологического мира к социальному миру через ранжирование.

А ведь в будущем ранг (или порядок и даже закон) в социальном обществе индивид будет поддерживать, когда ресурсы будут измеряться объемной продукцией созидательного (прибавочного) труда индивидов, а не только их потребления. Это движение к порядку взаимодействия для потребления ресурсов в будущем обществе, например, к законам о собственности, к законам о порядке исполнения законов, о просто порядке, например, движения автомобилей. Но мы необоснованно забегаем вперед.

Ну а теперь немного оглянемся. И ведь как хорошо видно в России на примере Москвы и Петербурга (2008), что в стремлении выскочить на перекресток при невозможности уехать с него и при создании препятствия к проезду в поперечном направлении проявляется та же самая древняя И ДОКУЛЬТУРНАЯ, см. рис. 7.3, этологическая черта внутривидовой агрессии — захвата ресурса. Эта черта — отсутствие (или непризнание ранга, т. е. права) других особей или непризнание закона и одновременно это готовность к индивидуальной агрессии, ее открытое проявление. Не трудно понять, что одно из многих общество с такой вмонтированной внутривидовой агрессией на большую перспективу неэффективно и требует срочной коррекции.

7.13. Влияние семьи — формирование системы ранжирования

Параллельно с развитием центральной нервной системы возникает усложнение формирования взрослой особи из подроста и как следствие возникает забота родителей о потомстве, передача опыта и т.п. Этот процесс постепенно формирует групповую или парную семью (птицы и млекопитающие), главная цель которой обеспечить безопасное воспроизведение потомства и передачу опыта. Передача опыта в основном передается в биологическом мире по принципу импринтинга или "делай как я".

В нашем анализе, буквально на подсознании, мы просто обязаны отметить, что ранжирование от старших к подросту "по-взрослому" не применяется, и это тоже вмонтировано уже природой. Иначе, подрост бы погиб, и вид прервался. Это сбережение подроста и его реципрокное кормление получает в системе Маслоу имя потребности любви и принадлежности. В принадлежности есть то, чего нет в ранговых отношениях, уход за слабым малышом. И мы понимаем, что иной механизм привел бы к немедленному вымиранию вида. Отсюда совершенно определенно мы вынуждены постулировать эволюционный и генетический по построению характер формирования потребности принадлежности.

Но в семье и в стае возникает возрастное ранжирование со своими культурными требованиями. С позиции ранжирования семья или род действиями родителей формирует стереотип и установки поведения младших в отношении старших задолго до становления взрослой особи, до формирования ранга в стае, стаде, до борьбы и до конкуренции потребления. С учетом импринтинга в биологическом мире высокого уровня, который в развитой центральной нервной системе формирует поведенческие комплексы подкреплением уровня аффилиации (эмоциональное поощрение), в подросте закрепляются нормы поведения старших и младших. Далее эти элементы оказываются переносимыми как символы на отношения ранжирования. Особь, изображающая отступление, символизирует часто отношение младшего к старшему. Формы поведения в семье и внутрисемейное, естественное ранжирование становятся часто символами внутрипопуляционного деления. Более того, формирование и воспитание в семье с ее начальным ранжированием, помогает взрослой особи в стаде, в стае воспринимать взрослое ранжирование как продолжение внутрисемейного. Так, чтобы остановить шалящую или потерявшую самоконтроль взрослую овчарку хозяин берет ее за загривок (холку) рукой. Это воспоминание о матери, берущей зубами за холку своего щенка, немедленно возвращает пса к нормальному послушанию своему хозяину.

Примечание. Не так ли ведет себя старое государство, играющее роль "отца отечества" или "патриарха" (т. е. старшего) над населением как большой семьей, когда принуждает население повиноваться себе, указывает на свое семейное происхождение "кормильца"? Даже в терминах модели Макса Вебера такие системы именуются "патримониальными" (единого отца "нации" и т.п.).

Семейные отношения свойственны высокому уровню развития нервной системы. Они отражают потребность обучения. И обучение ведется через начальное господство — высокий ранг старших. Установление ранга простым распоряжением поведения младшего и подроста — это важная форма введения "в курс дела", т. е. обучения ранговым отношениям, необходимости безусловного подчинения и т.п. Так, и для птиц, и для млекопитающих парная семья, группа, стая или колония (птиц), воспитание подроста, накопление и передача инструментальной информации подросту и память ранжирования — все это элементы, взаимно связанные, это элементы одного процесса.

Семейные отношения включают и начало негенетического инструментария в развитии биологического мира. Это условное (условно-рефлекторное) обучение поведению в семье и стае, стаде. Оно поддержано адаптивными возможностями нервной системы управления, возможностями накопления и возможностями последующей передачи форм и инструментов, функций поведения подросту. Ранжирование оказывается важной частью возрастающего общего объема информационных процессов, обусловленных ростом прижизненной адаптивности биологических форм жизни и необходимости передачи следующим поколениям зачатков групповой "конкретно-стадной культуры".

7.14. Физическое неравенство особей — влияние на ранжирование. Ошибки статуса

Наука позволяет построить примеры нарушения системы ранжирования.

В этологии известен эксперимент, который мы представляем текстом зоолога, доктора биологических наук, Виктора Рафаэльевича Дольника, из серии его популярно изложенных в Интернете работ о связи биологического и социального:

Известно, что среди птиц возникают иерархии и наиболее удобно изучать в этом плане петухов. Они агрессивны и быстро устанавливают иерархию. Этологам известно, что размер гребня у петуха — символ его иерархического ранга. В известном эксперименте самого слабого пе-

тушка снабдили огромным гребнем из красного поролона. После того, как его выпустили в загон с напарниками, он вел себя как обычно. Но другие петухи, привыкшие его клевать, увидев новый гребень, начали отступать. Постепенно петушок приобрел смелость, выпятил грудь и начал вести себя главарем, став высшим иерархом в петушиной иерархии. Как только с него сняли фальшивый гребень, он снова «скатился на дно». Те же результаты по смыслу получали экспериментаторы, когда заклеивали большие гребни ведущих петухов. С ними переставали считаться все остальные. Оказалось, дело состояло не в силе и хватке петухов, а именно "в шляпе".

Вероятно, размер гребня и просто размер тела у птиц (класс куриных), как и у людей, символизирует силу и мощь. Поскольку для простой живности это достаточно точный критерий силы, то обман в данном случае спровоцирован экспериментаторами. Но и в реальной жизни старшие по рангу птицы занимают наиболее высокие ветки и даже борются за более высокое место на дереве. А это уже не чисто символическая операция. Что мы можем предполагать в дополнение к феномену "гребня". Если это закономерность, что петухи смотрят только на гребень и "не проверяют" психологию, физическую силу и упорство конкурента, то отсюда следует, что сама природа уже давно позаботилась встроить в каждую особь генетический страх петуха перед гребнем, "больше моего"! Другими словами в порядке экономии и выживания настройка ранга у некоторых видов, как в данном случае, вообще не требует столкновения — достаточно размера гребня. Природа в этом случае вообще (в процессе корма) исключила агрессию. Это не означает, что в других ситуациях ("петушиных боев") петухи не сражаются (например, за самку).

Пример с шимпанзе и канистрой также очень показателен (Lawice-Goodall, 1971). Освоившая незнакомую жестянку-канистру, шимпанзе научилась стучать по ней и, производя страшный шум, немедленно приобрела высший ранг в стае. Происхождение, вероятно, от импринтинга в семье с детства. Большой, означает "старший", а старший и громкий — одно и то же. Это тот, кто имеет право производить много шума. Громко может рычать или шуметь лишь старший по рангу. В случае горилл имеются примеры, когда вожак может разорвать на части кричащего или плачущего, капризного детеныша. Возможно, стадо обезьян в лесу не должно шуметь, чтобы не привлекать опасность (хищников). Но это гипотеза непрофессионала.

С другой стороны, приматы в момент уже открытой, явной опасности, будучи обнаружены, производят большой шум в целях защиты. Одна из причин — опасность змей. Стучать по земле и в грудь — при

этом грудь, полная воздуха, служит источником низких частот, напоминая барабан — бросать землю, палки и камни во все стороны — это типичные приемы отпора змеям и мелким хищникам в густой листве и при плохой видимости. Такая форма поведения — производить много шума — и явилась эволюционно знаком полезности и хорошей защиты в момент наиболее типичной угрозы (времен пребывания на деревьях). Потому способность произвести страшный шум воспринимается стадом или в семье обезьян как чрезвычайное достоинство, польза и проявление мужества.

Физическое неравенство в биологии — естественная причина возможных ошибок в биологическом мире, но ошибки редки. Вмешательство этологов с их гребешками и канистрами — это внешний по отношению к животным ресурс и он достаточен, чтобы обмануть их. Мы хорошо понимаем, что неестественный (к системе потребностей) внешний ресурс дает возможность сломать природу. Позже то же самое мы сможем сказать и об обществе.

7.15. То же в социуме. Неизбывный потенциал ошибок в оценке статуса

Ошибки ранжирования существуют и в социуме. Это и прямое мошенничество. Подделка документов — самый простой пример. Организовать диплом доктора наук или мундир генерала тоже не проблема. Это, как пустая канистра, но дороже! Значительно сложнее дело обстоит с введением в заблуждение большой массы людей в системах тоталитарных или приближающихся к ним по уровню. Для множества людей информация, внешние данные и возможности и соответственно статус идей, людей, например, условных друзей и условных врагов искажаются (повышаются или понижаются) техническими средствами массовой информации. Дополнительным и внешним (не естественным) ресурсом для общества оказывается монопольный контроль некоторых заинтересованных членов общества над средствами массовой информации. Потребность общения и обмена информации определенным образом искажается в поданном материале. В такой системе ведется научение сразу множества зрителей определенным оценочным установкам, поскольку дается материал и оценка-комментарий. О статусе средств массовой информации мы уже говорили. В представлении обывателя “зря показывать не будут!” О роли конформизма мы тоже говорили. Таким образом, потребность общения иногда служит мостом для изменения или формирования ранговых и статусных отношений

помимо собственных интересов и потребностей зрителей и в пользу потребностей организаторов и манипуляторов общественного мнения. Примеров гитлеровского режима и коммунистической идеологии вполне достаточно. Данным разделом мы показали, как удовлетворяемая потребность общения может формировать потребность уважения (изменения или сохранения статуса).

7.16. Практическая работа статуса и системы рангов. Усиление и ослабление

Символические действия в биологическом мире могут регулировать развитие и предупреждение конфликта. Агрессия и чрезвычайные усилия борьбы каждого с каждым в популяции постепенно заменяются тестовыми символами “проверки” статуса, демонстрацией статуса (неравенства и превосходства) и готовности его защищать. Самой борьбы нет. Возникает лишь сигнал “Я старше, сильнее” и ему соответствуют ответы “Посмотрим! Принимаю вызов!” и второй ответ “Согласен — подчиняюсь”.

Символические действия в социуме могут выступать как предупреждение конфликта. Аналогичные замены ранжирования на символические демонстрации существуют и в социуме, например, в дипломатии и международных отношениях. У нас на слуху испытания различных видов баллистических ракет, парады войск или их концентрация возле границ или берегов. Это уже средство для удовлетворения потребности в уважении, роста или сохранения статуса.

Система рангов может строиться и усиливаться. Построение идет в условиях существенного дефицита ресурса и интенсивной внутривидовой или социальной борьбы за него, которая (агрессия и борьба) постепенно сменяется построенной системой рангов. Так возникает государство и его первая основа — аппарат насилия — армия. При формировании статуса роль агрессии и постепенного снижения агрессии с заменой ее на статус хорошо видны даже в современном обществе. Но и сама история статусов в обществе указывает на природу появления символов статуса как “знаков отличия”, особенно знаки важны в обществах, где личного знакомства уже недостаточно. В мире жречества — это, прежде всего, знаки и символы жрецов и богов. В мире войн и рабства — это знаки воинских и этнических отличий. При феодализме — количество зависимых людей и земли, флаги и гербы рыцарей и цвета их челяди. Позже — те же знаки городов и гильдий. В мире финансовых успехов — это более тонко и многозначно. Роль знаков играют и объективные данные — капиталы, финансы,

земля и символы. Цель символов предотвратить подделку статуса — постоянно быть модным дорого…

В системе построения статусов остаются и атавизмы.

Система рангов у зверей и в обществе может исполняться не строго и с запаздыванием. Владыка в стае обезьян по-лености может спокойно лицезреть совокупления молодого повесы со своими самками, но поставит наглеца на место лишь, когда тот начнет выказывать признаки и символы поведения не "по чину". Символ (чин) отрывается от содержания реальной потребности и начинает действовать частично и интегрально, в худших случаях не действовать вообще, но некоторое время символ может дезориентировать сообщество, в том числе и биологическое. И некоторое время символ ранга отрывается от содержания и может ему не соответствовать. Обычно это происходит в системе уже хорошо сложившейся безопасности "уважаемой стороны". Лень в природе — это нечто аналогичное ослаблению "пассионарности" старого общества.

Конфликт в семье — это и борьба за статус. Один член семьи заставляет другого уважать себя. Прежде всего, это речь и эмоция! У человека, находящегося на границе между разумным и биологическим, иногда прорываются атавизмы наших предков — бросать и бить тарелки об пол или бросаться тем, "что попало под руку" — это то, что роднит нас с предками, живших еще на деревьях. Нередки в нашей жизни крик и брань. Это вербальная агрессия — часть коррекции статуса угрозой — вызвать страх. Молчание оппонента — это отступление, примирение и… понижение статуса… с позиции крикуна…!

Система рангов может ослабевать ввиду ослабления ее ведущих носителей, их ресурсов. В родовой семье или стае — это преклонный возраст, физическая дряхлость. Это и слишком долгое бесконфликтное поддержание статуса — удовлетворенная потребность в безопасности уважаемой стороны, т.е. долгое высокое уважение. Оно начинает обманывать и расслабляет уважаемых. Суть ослабления в том, что в "уважении" защитные и поддерживающие процессы и модели поведения не получают достаточной тренировки коррекции и поддержания статуса: в войне и в политике, в труде и в науке. Любая монополия ослабляет "уважаемую" или властную сторону собственным монополизмом. Например, в силовой структуре долговременное удовлетворение потребности в безопасности I приводит к деградации структуры. Это и ключ к пониманию природы коррупции — удовлетворение потребности уважения (статуса) как безопасности, см. 7.21. И мы гордимся, что этот вывод полностью подкреплен иерархией Маслоу.

7.17. Проблема использования чужого труда и эксплуатация в биологическом мире.

Этот раздел нам нужен для последующей темы социальной стратификации.

Особи в одной популяции могут быть “лентяями” и “работниками”. Первые используют труд вторых. Но это деление не зависит ни от пола, ни от положения в групповой иерархии. Статус и ранг определяет только порядок поедания корма. Т.е. труд и статус или ранжирование в биологическом мире — разные вещи [Симонов П. В.,1993, с. 11, со ссылкой на Anthoward F., 1970]. Звери, как бы, не учитывают, сколько усилий требуется им на овладение ресурсом (например, травля жертвы, захват и умерщвление добычи). Они начинают считаться друг с другом только в момент ее употребления. Это понятно, если исходить из коротких мотивационных цепочек в биологическом мире. Это означает, что, говоря языком политэкономии и экономической истории, намеренного использования результатов чужой затраты энергии (труда), т. е. эксплуатации, в мире природы нет. Весь продукт в животном мире за редким исключением (таких накоплений как сбор меда, зерна и т.п., и как сбор муравьями “пади” — сладких выделений тлей), [Захаров А. А., с. 11, 14] потребляется немедленно. Хозяйство биологического потребителя всегда имеет присваивающий характер.

7.18. Определение потребности уважения для биологического мира и ее места в иерархии Маслоу

Потребность уважения или потребность в ранжировании возникает из стремления к текущему потреблению актуальных и дефицитных ресурсов в соединении с безопасностью (потребностью безопасности) в момент потребления.

То есть потребность уважения вырастает из реализации других потребностей и в процессе их удовлетворения в условиях, когда ресурсы оказываются недостаточными и дефицитны, создают внутривидовую конкуренцию. Результат удовлетворения потребности уважения есть появление системы рангов или статуса и легитимация, взаимное признание такой системы рангов. Система рангов как внутривидовой социальный институт далее становится средством или инструментом безопасного потребления субъектов или особей внутри вида в своей среде (о потреблении мы говорим только в применении к биологическому миру). Поскольку она наполнена инструментальным групповым

поведением, то она всегда носит конкретно-исторический и в данном случае видовой биологический характер.

Почему потребность уважения выше и всегда воспоследует за общением?

Потому, что она построена в связи с высокой плотностью в популяции. Высокая плотность должна пониматься в смысле появления относительного недостатка ресурсов. Недостаток проявляется никак иначе, чем через общение и конкуренцию. Общение и конкуренция требует далее ранжирования для снижения агрессии за ресурсы.

7.19. Культура в социальной потребности уважения и реорганизация анализа

До сих пор мы рассматривали потребность уважения в новом свете преимущественно на биологическом уровне. Теперь нам пора подняться обратно наверх. Состояние потребности уважения человека может подразумевать *множество ресурсов и множество других потребностей (ниже), которые связаны с такими ресурсами*.

Поскольку все перечисленные выше элементы задействованы в ранжировании вида, то мы вправе назвать *феномен потребности уважения* у биологического вида потребностно-культурным феноменом интегрального типа. В нем потребности депривационного уровня *путем особого рода предыдущих в жизни особи действий* (конфликтов) *подкрепляют или формируют его потребность в безопасности и воздействуют на возможности текущего и будущего удовлетворения депривационных потребностей*. Здесь существенно отметить интегрированный во времени и по множеству предыдущих поступков характер результата — возможности потреблять ресурс на определенном уровне. Потребность уважения — это не просто текущая потребность (потребления дефицитного ресурса). Это ощущение, предощущение угрозы потери потребления и необходимости борьбы или конфликта за будущий или текущий ресурс и проявление активности в борьбе за него, а также результат накопленной активности, влияющий на удовлетворение всех базовых потребностей сразу (кроме уважения). *Уважение — это потребность в создании (безопасных) условий удовлетворения ВСЕХ депривационной группы базовых потребностей ниже потребности уважения*.

Вот это обстоятельство и оказывается (и было в процессе исследования) наиболее сложным в нашем анализе.

Действительно. “Потребность в уважении” — это интегральное стремление увеличить возможности удовлетворения всех остальных базовых потребностей для индивида между индивидами или доступ к ресурсам среди индивидов. Обусловлено это стремление *самыми разными, но другими текущими базовыми потребностями человека*, не только одной конкретной потребностью в одном конфликте. Множество конфликтов по разным поводам образует ранжирование, а современный наблюдатель, например, Т. Парсонс с его системой норм, на весьма отдаленном от подлинных причин этапе видит уже сложившуюся “культуру”, “традицию”, “порядок”, которая передается научением и с детства не менее, чем наука рыцарских турниров (ранг) или школьные правила выставлять оценки (ранг) за учебу вместо розог родителя.

Сам *процесс ранжирования* исторически (культурно) или биологически конкретен. Конкретен также список самых актуальных ресурсов, стоящих в повестке дня у каждого сообщества. Например, в древнем обществе физическая сила и риск были значительно важнее, чем ум или логика потому, что значение потребности безопасности I и физической силы и храбрости много превышало роль потребности безопасности II (и ранг опирался на сравнение по удовлетворению этой потребности). И в этой связи *активность по завоеванию потребности уважения особи и индивида* носит конкретно-культурный характер, т. е. процесс удовлетворения потребности уважения зависит от биологической или текущей социальной культуры. Сегодня это может быть круглая сумма денег и бизнес, завтра научные достижения, когда вчера было военное звание и участие в сражениях, а когда-то зуб тигра на груди был выше нынешнего ордена.

Итак, мы имеем множество конкретных конфликтов в части удовлетворения самых разных потребностей — и это основа формирования рангов. Это всегда конкретно-историческое и культурное множество — действия.

Кроме того, мы имеем множество систем рангов. В стае голубей, в семье шимпанзе, в лагере заключенных будут свои иерархии рангов, на заводе другие, в очереди в магазине за редким товаром — третьи, в ученом совете Университета — четвертые. Потребности, которых будут добиваться самцы в стае, заключенные, рабочие и бизнесмены, ученые — абсолютно разные: от физического голода и холода до высшего творчества и его возможности (прохождение конкурса на научную должность). Ранжирование в разных сообществах от стаи волков или мест заключения до уважаемого ученого совета имеет целью самые разные потребности (от права выгрызть самый сладкий кусок

или пайки хлеба — до хорошей творческой работы). Поэтому *ранжирование и процесс ранжирования в социуме оказывается социальным институтом или социальным инструментом установления ролей для поддержания мира и порядка при использовании дефицитных ресурсов для самых разных потребностей и самых разных профессиональных областей труда*. Здесь мы видим *нечто похожее на появление денег как средства ранжирования трудозатрат или ценности или полезности товаров при обмене*. Существенно, что мы определили происхождение этого инструмента и его границы.

Уважение — это инструмент, который *обусловлен* (другими потребностями) или *используется в целях удовлетворения* — здесь и сейчас мы ставим знак равенства — других потребностей. Дело в том, что в каждой группе, в каждом новом контексте индивид должен использовать другую символическую систему, он должен играть другую роль и искать другую роль. И если в одной социальной группе — в ученом совете — индивид окажется первым, то в другой группе — в стаде обезьян или в группе уголовников, он будет “шестеркой”, если сможет и захочет играть в этой роли. Это могло бы означать, что потребность в уважении не является культурным инвариантом, если ее понимать как *поведение* одного человека. Однако мы знаем, что поведение есть реализация мотивов, оно всегда зависит от культуры, от текущих обстоятельств и данного сообщества. И в этом мы не открыли для себя нового в отличие от других базовых потребностей.

Итак, мы имеем институт ранжирования — культурный институт — он связан с сообществом ранжируемых особей или индивидов. Это конкретно-исторические культурные результаты — институт ранжирования.

Если понимать потребность в уважении сверху “быть лучше других, быть лучше всех”, издалека, как совокупность конфликтов и как инструмент регулирования отношений, то мы приходим к его культурной обусловленности.

До сих пор мы говорили об инструменте СОЦИАЛЬНОМ, мы вышли на уровень его обобщения, увидели сверху. И в процессе обсуждения мы увлеклись реализацией того, что должно было сформировать уважение, но не проявлением психологического состояния уважения. Короче, в ходе работы с ранжированием мы продвинулись вниз, а потом снова верх и вперед. Но мы потеряли в этой системе человека, оставили его психологию, его личный взгляд на тот единственный конфликт особи (индивида) А с особью (индивидом) Б, который и должен составить ранг. Мы ушли в последних разделах от его психологии, его ощущения к рангу как социологическому феномену.

Более того, теперь нас должен волновать не ранг и его создание, а использование информации о ранге и использование информации о несоответствии рангов в очередной момент столкновения особи А с особью Б, индивида А с индивидом Б. Мы ищем теперь в новых обнаруженных нами координатах потребностные состояния и ощущения, напряжения индивида (или особи). Нас должна волновать ситуация того, что же происходит в тот великий момент, когда ранг уже установлен, и когда особь А подходит к дефицитному ресурсу В, и сталкивается при этом с особью Б.

Истинная типовая ситуация возникновения потребности в уважении возникает именно в такой момент. Этим мы займемся в следующем разделе.

7.20. Потребность уважения в биологическом и социальном мире как особая форма безопасности

Итак, особь А, столкнувшись с особью Б, зная о своем ранге (и это когнитивное или выученное решение), использует информацию и соответственно уступает первенство или уверенно использует свой приоритет в потреблении ресурса. В случае дополнительной информации о себе или об оппоненте особь А может принять решение о переделе сфер влияния, точнее, об изменении ранговых отношений с оппонентом Б. В любом случае "работает" воспоминание о ранге и появляется состояние конфронтации или страха в соответствии с рангом, который соответствует отношению А и Б. Это схема биологического типа. И она соответствует схеме Долларда и Миллера. Страх напасть на сильного и уверенность в том, что слабый не опасен — это доминирующие варианты отступления перед сильным, и игнорирования слабого. Наиболее сложная ситуация — это принятие решения особью А начать бороться с постаревшим или с ослабленным в здоровье оппонентом Б, или потому, что А вырос и окреп. Цель — поднять или отстоять свой ранг. Борьба начинается снова.

Следовательно, в биологическом мире реализация "уважения" осуществляется при использовании статуса и сопровождается фактическим подтверждением ранга или его изменением в конкретном конфликте.

Рассмотрим выбор и решение особи А. Это действие в духе — "он слабее". Или это движение "он сильнее меня, но собирается уступить против обычного?". Третий вариант — "он стал слабее, и я могу заявить о себе как о более сильном". Возможен и противоположный вариант — "он сильнее", "я слабею, а он становится сильнее, он начи-

нает мне угрожать, и может пытаться изменить мой статус! Мне уступить? Или начать сражаться и поставить его на место?".

В этом анализе особи А мы начинаем видеть нечто вроде внутреннего напряжения при принятии решений повышения, понижения или сохранения статуса. Такое напряжение может возникать только при появлении конкурента в момент потребления дефицитного ресурса. Дефициентных потребностей много, и потому вопросы возникают часто. Но нам достаточно увидеть в этом частном внутреннем напряжении не что иное, как *ощущение опасности, беспокойства и даже того страха, который предшествует опасности появления боли в момент прямого физического столкновения, агрессии*. Это может быть и собственная агрессия и готовность испытать боль, но победить, но здесь *состояние подготовки агрессии есть состояние той же опасности* — депривации безопасности, спокойствия, что и приводит нас к выводу, заявленному в заголовке раздела.

Итак, *потребность уважения возникает как состояние опасности процесса изменения (роста или падения) ранга* и уважения.

7.21. Безопасность III как потребность уважения в социальном мире

Вывод раздела 7.20, подводит нас к возможности и необходимости распространения тезиса на социальную потребность уважения.

Мы должны определить *физиологическим источником потребности уважения беспокойство индивида за текущее порядковое место в сообществе. Такое беспокойство выступает как безопасность текущего или будущего распределения ресурсов, удовлетворения всех потребностей, распределения информации и внимания сообщества к нему лично*.

В новом звучании все становится на свое место. Потребность в уважении вполне конкретна и явственна, является базовой потребностью, которая возникает после общения и при недостатке ресурсов или при опыте такого недостатка и конфликтов по этому поводу. Она возникает инстинктоидно в момент появления конкурентов и (субъективно-понимаемой) опасности изменения ранга (опасности понижения статуса или опасности борьбы за повышения статуса) и соответственно последствий изменения и доступа к ресурсам.

В дополнение обратим внимание на то, что выше по тексту при описании агрессии и ранжирования мы неоднократно использовали термины "тревога", "озабоченность". Великий и могучий наш язык сам подсказы-

вает человеку, пытающемуся обстоятельно оценить ситуацию, направление поисков и почти результат. Мы сохраняем далее текущее обозначение этой потребности — "уважения". Однако для точного понимания биологического смысла потребности уважения мы обязаны именовать его просто новым уровнем — *потребность безопасности III*.

Но проявление потребности уважения в социальной среде и при распределении ресурсов многократно сложнее, чем среди биологического вида.

Примитивные формы конфликта могут сохраняться в реликтовых социальных обществах или в жестких иерархических традиционных и патриархальных обществах, где нормы и статусы очень четки. Однако общая схема в хорошо ранжированном, но весьма сложном культурном обществе имеет множество нюансов.

Первый вариант заключается в том, что поступающая к индивиду А информация по поводу успехов и действий Б или многих других членов сообщества может вызвать у индивида А тревогу или озабоченность по поводу его отставания в конкуренции за аналогичный ранг или статус.

Конечно, диапазон страха, тревоги, озабоченности в этом варианте потребности безопасности иногда может выливаться в предельном случае в формы прямой агрессии, вандализма, ненависти. И это граничит и роднит нас с биологическим миром. Но это крайний и неприятный случай (нашего родства).

Особую значимость имеет такая форма неудовлетворенной потребности уважения, как т. н. "классовая ненависть". Она может иметь вполне реальные основания, но при неверном понимании причин стратификации (собственность по Марксу или более примитивно — ранг) переходит в экономическую плоскость разрушения хозяйства и падения уровня жизни (революция и формы вандализма) и завершается устойчивым синдромом — неприязнью к успехам любого более усердного соседа[28].

В бытовой ситуации этот феномен лучше всего иллюстрируется фразой, принятой для этого рода случаев в США: "А, вот, Смиты купили себе новую машину...".

Второй вариант схемы всегда наступательный. Он наблюдается внешне как начальное инстинктоидное напряжение, которое далее образует мобилизацию сил для инициируемой борьбы за повышение

---

[28] Настоящая теория имеет прямое отношение к разрешению темы стратификации.

собственного статуса. Но в видимой форме он оказывается чисто мотивационным и рационально планируемым процессом, а не проявлением потребности. Обычно невидимое напряжение (потребность) немедленно трансформируется в готовность и активность по собственному развитию.

Подлинное состояние возникшей неудовлетворенной потребности уважения, вероятно, удается наблюдать в явном виде как психологическое проявление очень редко. Начало, запуск или инициация потребности уважения происходит при случайном наблюдении участником А существующего более высокого статуса участника Б или при наблюдении недоступного ресурса, который можно получить, только увеличив статус. Наблюдение предмета, статуса или символа статуса инстинктоидно запускает потребность уважения как “желания” обладать им. Видеть чужое или высокое и желать его именуется *вожделением* или *завистью*, но часто это можно трактовать и как “амбициозность”, см. раздел 10.4.3.

Кстати, зависть вовсе не исключение для биологии. Неоднократно экспериментаторы замечали, что даже сытый цыпленок обращается снова к корму, когда к нему подходит другой, голодный.

Что мы видим еще в этом втором варианте запуска потребности “уважения”? — мы предполагаем в нем предшествующий запуску потребности “поисковый синдром” определенной направленности, который часто указывает на физиологические депривации ресурсов у индивида в прошлом или стремление найти и получить символы статуса и собственной значимости. Чаще такие психологические состояния имеют место у лиц, которые недополучили уважения и ощущения достатка (это субъективно, а не абсолютно) в процессе своего предшествующего развития (детстве, юности) или имеют рядом слишком высокие стандарты чужого поведения, которые ощущаются как статусно недостижимые и вызывают фрустрацию.

И во втором варианте этот синдром поиска повышения значимости и инстинктоидные желания, вожделения, зависть и амбиции, сопровождаемые, как правило, отрицательными эмоциями, мы тоже рассматриваем, как озабоченность, тревогу или ощущение опасности. Такие состояния напряжения также образуют наше представление о потребности безопасности, требующей достижения необходимой степени уважения, статуса, ранга.

Ниже мы анализируем проявление потребности уважения на современных предприятиях и в организациях на период конца II — начала III тысячелетия.

Ранжирование на предприятии или в организации, в производственной обстановке возникает в виде процесса взаимного ранжирова-

ния и притирки коллег в коллективе и в рабочей группе, когда работники в группе относительно равны. Этот процесс подробно рассматривал Шибутани.

Внутреннее скрытое от глаз соревнование проецируется на эмоциональную сферу и чаще всего касается конкуренции при росте карьеры. Соревнование включает отношение к работе, внутреннюю уверенность, инициативы на работе, позитивное отношение с руководством и много другое.

Однако, отличить различные потребности и их мотивацию достаточно сложно. Дело в том, что и творчество, и общение (теплые отношения с руководителем) могут вести в зависимости от ситуаций к росту статуса и карьерному росту работника. Выделить доминирование потребности уважения и присущих ей мотивов можно только на относительно длительном интервале времени. Для этого необходим анализ и сопоставление внутренней логики мотивов и поступков и отличие их от других мотивов: творчества в работе, потребности в росте зарплаты и потребности в общении.

В технологической культуре Запада феномен “карьеры” рассматривается обычно как положительный, поскольку не предполагает возможность нарушения смысла и интересов корпорации при карьерном росте, предполагает наличие контроля собственника и невозможность проведения карьеры без реальных успехов в частной фирме.

7.22. Черная и белая зависть — варианты запуска. Преодоление

Потребность безопасности в режиме или на уровне достижения уважения запускается в нескольких вариантах в зависимости от психики индивида.

Это может быть т. н. “черная зависть” — ненависть к тому, кто обошел или обходит в ранге. Она сопровождается активными или агрессивными помехами чужому росту или в пассивном негодовании и безделье. Зависти посвятили свое время и труд Ф. Бекон. Р. Декарт, А. Шопенгауэр. В современном офисе и на производстве она возникает, когда индивид уже достигший определенного статуса на своем рабочем месте и в своей должностной позиции начинает испытывать угрозу растущего конкурента. Это создает ощущение тревожности, что и образует неудовлетворенную потребность в уважении, точнее в безопасности.

Зависть в среде интеллектуалов выливается либо в критику, но чаще в замалчивание и непризнание. Последнее случается больше в гу-

манитарных сферах. Такое бывает и в литературной среде, например, завеса молчания была вокруг имени А. И. Солженицына в советское время.

Беспокойство может выступать и как "белая зависть" (по Аристотелю — "соревновательная" зависть) — тревога по поводу собственного развития и намерение ускорить свой профессиональный рост и статус[29]. Иногда зависть, даже белая, может выродиться в самобичевание, но это уже патология. Однако, лучшим проявлением результата сравнения своих достижений или наличных ресурсов с достижениями и запасами других является собственная мобилизация и активность — она же выступает и как трудовая терапия.

"Желание устранить неравенство" есть и основание беспокойства [Ильин Е. П., 2001, с. 321]. Инстинктоидность беспокойства несомненна. Чувство очень часто не имеет под собой никаких серьезных оснований с позиции ухудшения материального благополучия беспокоящегося индивида, и тогда это "зависть". Но есть и исключения. Иногда, в случае опасной монополизации ресурсов в обществе, и особенно власти, другим индивидом — такие основания вполне реальны.

Перспективы статуса. Перспективы роста значения профессионального статуса работника творческого труда несомненны. Современнику полезно понимать, что статусное сравнение должно производиться по интересам и профессиональной направленности личности, а не во всех отношениях и на бытовом уровне. Профессиональные достижения и уровень коллег, а не их бытовые признаки успеха являются определяющими. У каждого профи свои признаки достижений и уровня. Характеристикой бизнесмена служит рост и качество фирмы. А дорогое авто символизирует, возможно, обманчиво, о кредитоспособности

---

[29] Противопоставим обеим этим реакциям относительно редкое положительное переживание в ответ на успех коллеги или просто другого человека — радость за чужой успех, за талант или достижение. Такое редкое и ценное эмоциональное позитивное переживание очень важно и как ложная психотерапия и как уводящее от стереотипов. Это в истории литературы соответствует радости открытия Федора Достоевского с его повестью "Белые ночи". Например, для России этот феномен в 2007–2008 году обусловлен серией нестатусных игровых соревнований непрофессионалов "Танцы со звездами" и "Ледниковый период": известных певцов, дикторов, актеров, выступающих в спортивных танцах на подиуме и на льду в паре с профессионалом. Как-то Г. Гегель сказал, и речь шла о знаниях: "Когда человек приходит к убеждению, что он знает это не лучше, чем другие, т. е. когда для него становится безразлично, что другие это сделали плохо, и его интересует лишь, что они сделали хорошо, тогда в него вступили мир и утверждение" [Гегель Г., Т. 2., с. 557].

бизнесмена или даже наоборот заставляет насторожиться желанию пустить пыль в глаза. В любом случае — это вполне внешний символ успеха. В чем состоит изюминка личности и есть ли она — это большой вопрос! Ведь и бандит-рэкетир, и чиновник-взяточник, и талантливый бизнесмен, и великий артист неотличимы домами и машинами. Лучшее, что может сделать нормальный человек — это вовсе не обращать на ЭТО внимание.

Дело в том, что само управление, распоряжение и владение мощными средствами в профессиональном плане совершенно идентично всяким иным творческим профессиям, например в сфере обработки информации или материалов и т.п., если мы говорим о личностном сравнении. Сам же доступ части людей к общественной и экономической власти несет особое значение. Это относится к ресурсам и рычагам государственной власти в форме общественных инструментов и институтов (административный ресурс), к финансовым ресурсам — обобщенным мотиваторам и ресурсам общества, ко всем формам средств производства и услуг в форме частной собственности, от которых зависят остальные члены общества. Все это дает основания остальным зависимым членам общества предъявлять к первым высокие требования ответственности за этичное и общественно полезное распоряжения такими инструментами.

Но это никаким образом не дает повода считать сравнение используемых объемов этих фактически общественных по происхождению средств с объемом личных средств остальных граждан общей и единой *базой* для сравнения личностного успеха и ценности личностей[30]. Дело в том, что распоряжение ресурсами и зависимость от них остальных людей и ценность собственно личности и сущностная значимость людей — это совершенно различные разрезы.

Как в свое время Дюркгейм сравнивал механическую (формальную) солидарность с органической (сущностной) солидарностью, так можно и власть, построенную на формальных, количественных и материальных ресурсах, которые по сути являются почти всегда общественными, отличать от общественной, нравственной и личностной

---

[30] Частный капитал является по природе получения и функционирования информационных, финансовых и материальных капитализированных ресурсов общественным ресурсом, который для общества в целом наиболее безопасен и эффективен именно в частной форме ведения как своим созданием, так и использованием. Важнейшими факторами такой общественной безопасности является принуждение к конкуренции и контролю отсутствия монополий и государственных привилегий.

значимости множества других людей. Ресурсную власть можно, пожалуй, считать механической властью, властью господства, которая, вызывая страх и озабоченность, не является нравственной по своей сути, опираясь больше на собственно ресурс, чем на ценностные характеристики личности. Скорее, высокая оценка, которую получают в современном обществе отдельные личности за информацию и идеи, красоту, нравственность (науки, искусства, спорт, общественная деятельность), является первым аргументом к указанному сдвигу понимания значимости и уважения человека. Не исключено, что статусные оценки формального уважения и связанной с этим механической власти над ресурсами в старом политическом, военном, финансовом, промышленном смысле могут утратить в будущем свое значение. Однако мы имеем много прекрасных примеров, когда обладание ресурсом и рост ответственности и даже общественные надежды на социальную ответственность (бизнеса) вызывал адекватный и даже превосходящий ожидания рост и развитие личности.

Будущее в уважении сосредоточено в саморазвитии личности. В самой жизни, кроме того, имеются такие достижения и такие успехи в результатах и удовольствие от них, которые могут вызывать самоуважение создателя, и тогда жизнь в умеренном достатке не только не кажется катастрофой, но наоборот, рассматривается как полная гармония (эффект Диоклетиана). И в этом отношении лучше всего сослаться на мнение Куттера, цит. по Е. П. Ильину:

“человек может сказать себе: если у меня и нет того, чем обладает этот человек, то у меня есть то, чего нет у него. Он будет спокойно относиться к своеобразию другого, не испытывая желания стать таким же. Своевременно замеченная зависть может быть преодолена”. [Ильин Е. П., с. 322].

Но продолжая эту мысль с позиции иерархии Маслоу, следует сказать, что найти нечто важное для себя в жизни и *вне себя* — в труде, творчестве и т. п. не так просто. И если такая золотая жила труда с удовольствием человеком обнаружена, то потребность уважения его становится безусловно удовлетворенной. Это и означает иметь то, чего не имеют другие. Уникальность личности в своих проявлениях на высшем уровне или в своей профессии, см. ниже о метапотребностях, — означает быть личностью, тем, что невозможно воспроизвести или повторить.

Теоретически в будущем все общество, каждый взрослый человек может стать самоактуализированной личностью. И владение вещными ресурсами в этом оказывается только средством и никак не основанием для уважения. Уникальным ресурсом должен стать сам человек,

его знания, возможности и умения, включая и ведение бизнеса, работа с большими материальными, людскими (возможно, в будущем, большими не по количеству, а по качеству) и финансовыми ресурсами. Чем более развита страна, тем выше цена, ценность каждого человека в ней. Такого отношения к образованию и к статусу человека пока еще нигде нет, но перспектива развития личности в глобальном информационном мире имеет именно такую перспективу. Это и есть проблема преодоления беспокойства по поводу неравного распределения ресурсов.

Поскольку мы говорим о проявлении тревожности в проблеме уважения, то отдельно необходимо обратить внимание на тревожность в творчестве. Обращаясь к проблеме тревожности у самоактуализированных людей, мы переходим в другой горизонт, несколько опережая изложение материала. Здесь высокая тревожность является часто причиной и условием творчества [Ильин Е. П., 2002, с. 384-385].

Это, пожалуй, могло бы означать, что иерархия потребностей Маслоу не верна, если бы мы относили такую тревожность именно к потребности уважения. Однако мы знаем, что тревожность творческих людей может быть связана с решаемыми задачами, а вовсе не со статусом. Стоит напомнить хотя бы установку Сороса на то, что

“Чувство неуверенности держит меня в боевой готовности...Дисциплина, которую я на себя наложил, заключалась в глубоком чувстве неуверенности... я боялся признать свой успех, поскольку это могло подорвать мое чувство неуверенности...” [Сорос Дж., с. 24 и 71].

Как раз со статусом у таких людей все в порядке. Они уважают себя за суть своего дела и без “символов успеха”, которые справедливо можно именовать ожерельем из зубов тигра, орденом на груди или султаном на кивере, счетом в банке, не более того. С символами в реальности тоже вовсе не просто, еще надо доказывать, что и тигра ты убил, и за что орден твой получен и т.д. Решение творческих задач *в своей проблеме* есть еще один феномен, который мы здесь не будем исследовать, оставив его теме творчества.

7.23. Инстинктоидность тревоги в уважении — статус как критерий

Еще раз подчеркиваем, что мы, изучая феномен неудовлетворенности уважения, наконец, обнаружили инстинктоидную (не рациональную) форму реакции индивида на поступающую внешнюю информацию. Эта информация выступает как опасность внешней агрессии или необходимость собственной защиты или агрессии при борьбе за статус — обоб-

щенные ограниченные в сообществе ресурсы. Это и дает нам основание отнести феномен поиска уважения, во-первых, к классу потребностей вообще и, во-вторых, к классу потребностей безопасности.

Потому мы можем и иначе определить потребность в уважении для человека, находящегося в группе в условиях недостатка или ограниченности неравно распределенных жизненных ресурсов. Уважение образуется изначально из агрессии в разделе ресурсов (древний мир). *Агрессия* далее трансформируется в *заботу* или озабоченность и тревогу об отсутствии агрессии, конфликта и о наилучшем разрешении возможного конфликта в групповом потреблении. Для ослабления агрессии и учета результатов прошлых столкновений и конкуренции общество вводит понятие "статуса" или "ранга".

7.24. Обобщение всех форм потребности безопасности

Подведем итоги по имеющимся формам потребности в безопасности.

В реальности потребность в безопасности как неброфизиологический феномен одна. Она возникает в ЦНС как ощущение внутренней напряженности. Напряжение может возникать различными способами и в различных ситуациях. Каждое состояние напряжения означает депривацию или утрату покоя, т. е. потребность в его устранении или возникшую потребность в безопасности.

И человек испытывает одно и то же чувство страха и других эмоций этого класса меньшего напряжения. Природа этого ощущения неизменна — это антипотребность, стремление избежать или уйти от возможной боли или иной депривации, которая выступает как угроза.

Однако онтогенетический характер этой потребности у человека различен. И беспокойство, или даже больше, страх, возникает в различных типовых потребностных (не культурных, а потребностных) ситуациях. Эти различные ситуации нами обнаруживаются в виде трех типовых форм:

Потребность в безопасности I проявляется как состояние опасности для жизни, боли или начала прямого физического столкновения. И что важно состояние всегда аннулирует физиологические потребности, исключая дыхание. Потребность I (сохранения жизни) поэтому предшествует физиологическим депривациям и находится ниже их, являясь первой потребностью живого и социального. Это потребность жизни.

Потребность в безопасности II проявляется как состояние опасности будущего неудовлетворения физиологических потребностей.

Потребность безопасности II (устойчивого удовлетворения физиологических потребностей в будущем) следует вплотную за удовлетворением физиологических потребностей. Она же является предусловием размножения и воспитания потомства.

Потребность в безопасности III (уважения или сохранения / роста уровня статуса как доступа к ограниченным и конкурентным ресурсам) проявляется всегда вслед за удовлетворением потребности внутривидового или социального общения, она касается безопасного или минимально опасного распределения ограниченных ресурсов при удовлетворении любых других базовых потребностей ниже.

Это очень не простой вывод — видеть в потребности уважения потребность в безопасности как основу. И еще более не простой вывод — видеть одно и то же инстинктоидное состояние человека — потребность в виде феномена НА ТРЕХ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ДРУГИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. Мы вернемся к феномену трех потребностных состояний *безопасности* при завершении построения новой версии Маслоу-3 позже.

7.25. Опасности символического манипулирования статусом и их роль в безопасности III

Работа со статусом и с символами статуса может приводить к постепенному отклонению внимания общества от реального сохранения, учета и использования ресурсов. Тогда разрыв основы статуса — ресурса и символа статуса ведет к символической имитации статуса. Здесь море исторических ошибок общества совсем в духе экспериментов Долларда и Миллера — символического перепрыгивания крысами низкой ограды и выключения ими тревожного звонка, когда удара тока давно нет. К сожалению, ошибки в социальных статусных системах носят более масштабный и серьезный характер, чем в биологии.

Прежде всего, коснемся роли силы и агрессии в проблеме статуса и ранга в животном мире и в социуме.

Система рангов в этологии обеспечивается страхом конфликта, предчувствием последствий столкновения, конфликта, потребностью безопасности I. Чем примитивней социальная среда, тем ближе представление об "уважении" к представлению просто о физической силе. И на высоких его уровнях в социуме, уважение часто оценивают военной силой, прямой агрессией, вербальной агрессией даже на уровне дипломатии. Между тем на глобальном или на национальном уровне предпочтение уже давно должно отдаваться финансовым, материаль-

ным, культурным или информационным и демографическим ресурсам, здоровью и ценности людей. Наш анализ дает представление, насколько недалеко общество ушло от биологического мира, когда сила и угроза силы (и даже не закон) сохраняют ведущее значение в разрешении проблем распределения и использования ресурсов. И потому мы обратимся к ошибкам в этой (силовой) сфере формирования и подержания статуса общества.

Демонстрация символики вместо реальной силы или готовности ее применить. Иногда демонстрация боеспособности армии может выливаться в ее разрушение. Например, известно, что в Российской империи конца XIX века некоторые военачальники требовали у солдат на ружьях надпиливать штыки в винтовках, чтобы при строевом шаге на параде и в демонстрации учений ритм солдатского строевого шага усиливался бряцанием сотен штыков о дуло винтовок. Подготовка к парадам (шагистика) и к демонстрациям формальной боеготовности в армии может съедать важную часть ресурсов, предназначенную для обучения и просто для нормального содержания армии.

Сохранение и демонстрация традиционных символов обеспечения безопасности вместо изменения системы безопасности. Нередко тревоги и поддержание символического статуса поглощают грандиозные ресурсы, не принося часто реальной безопасности, а лишь символическую, оставшуюся как атавизм от устаревших систем безопасности.

Ради сохранения, демонстрации или повышения уважения (и безопасности) власти перед населением чиновники инициируют войны или угрозы войн. И затем угрозы войн и напряженность поддерживаются в целях демонстрации важности государственной военной функции. Особенно это близко империям, которые строятся на реальной силе, а при упадке — на ее демонстрации и симуляции. Это не раз ставило подобные общества на край гибели. Примерами имитации величия символическими действиями являются и пирамиды в истории Египта, некоторые расточительные войны типа Пелопонесских войн и т. п. СССР вторжением в Афганистан пытался сохранить видимость расширения и укрепления "социалистического лагеря" с включением Афганистана.

Размер или количественное выражение символа и его ошибочная абсолютизация. Часто простые люди и даже руководители воспринимают величие государства, страны или успехов в количественной форме, например, в виде размеров собственной страны, количества выплавленной стали и чугуна в мире или на душу населения или в виде планов роста производства, целей "догнать и пе-

регнать". Когда СССР наращивал производство стали, пытаясь догнать США (догнал), то выяснилось, что по уровню легирования и по технологии (электросталь) СССР оказался не в лучшем положении. Еще трагичнее опыт Мао с доменными печами в деревнях или опыт Хрущева с кукурузой.

Рыночная экономика в отличие от тоталитарной или умеренно-патерналистской так же не исключает утрату реальной оценки используемых финансовых и материальных ресурсов и может переходить к символическим представлениям о ценности. Она может вводить в заблуждение участников рыночных отношений и агентов мобилизации финансовых ресурсов на рынке ценных бумаг. Ложная информация приводит к искажению или символизации объема финансовых средств и к занижению реальных рисков финансовых кредитных операций. Экономика отдельных стран или корпораций, финансовых групп может представлять тогда систему т.н. "мыльных пузырей" как систем завышенного финансового статуса и заниженного финансового риска. Для начала XXI века манипуляции с деривативными (производными) заемными финансовыми средствами в США, смешивающими надежные и рискованные обязательства, явились ложными количественными оценками и ориентирами. Это тоже примеры символизации количественных параметров, возможные при политической монополизации глобальных и в теории общественных финансовых (расчетных) инструментов.

Многие цели величия часто оказываются идентичны проблеме размера петушиного гребня и не несут никакого структурного положительного эффекта для хозяйства и общества. Это же имел в виде Дюркгейм, говоря о "механической солидарности".

Формирование на уровне общества символических страхов и символическое их снятие. В истории обществ шаманизм, и более развитые религиозные системы уже многократно демонстрируют возможность формирования у общества определенных фобий и символических средств их снятия.

В то же время символика некоторых ценностей и запретов может играть важное положительное значение. Речь идет о других потребностях — прежде всего страхе смерти, потребности в любви и т.п. Религиозный обряд служит одним из ведущих средств психической коррекции и даже стабилизации и мобилизации общества в некоторых критических ситуациях. Иррациональные и догматические или аксиоматические формы знаний в режиме веры могут служить целям воспитания и привития нравственных норм в том возрасте, в котором по уровню опыта и общих знаний подрост еще не способен воспринять нормы на

основе культуры, но уже обязан вступать в социальные отношения до получения общего среднего образования.

Государственные и социальные системы, объединяющие общество (партии, общественные движения), могут приводить потребность безопасности III и I членов общества в *искаженное состояние символических страхов, фобий*. Примером таких фобий могла быть в определенные моменты "опасность капиталистической системы" или "империализма" для СССР, и это при том, что РСФСР и позже СССР с 1918 года официально ставили себе целью организацию мировой революции и "освобождение человечества". Другой фобией являлась опасность "масоно-еврейского заговора в Третьем Рейхе", и это при том, что Гитлер ставил себе цель добиться мирового господства немцев. Список можно продолжать... В определенном смысле такие фобии, сознательно или нет влекут далее закономерную вовлеченность и настройку общества в процесс подготовки агрессии и экспансии. Это не является случайностью. Изначально в военных системах или системах, ориентированных на войну, психологическая тренировка членов общества, состоящих из воинов, является частью формирования и подготовки к агрессии. Подготовка к реальной войне — это даже не фобия. Основания будущего конфликта могут быть фальшивыми или реальными, но элита готовит свое общество к войне и тем самым создает неудовлетворенной потребность в безопасности I! Первым хорошо известным историческим примером является Спарта и другие полисы Греции. Опасность постоянна и реальна. Войны идут (летом) почти каждый год.

Для *обеспечения массовых искажений психического состояния и потребностной сферы* необходимы чрезвычайно большие общественные усилия и ресурсы. Эти ресурсы сознательно направляются в выгодном для определенного круга лиц (элиты) направлении. Усилия могут включать направленное конформное воспитание и тренировку. Сам излишек ресурсов для воспитания массовых (например, тоталитарных) фобий или ценностей, а также ненормальных и даже суицидальных установок (смертников-террористов), является редким и относительно нестабильным (как и все монополии) средством временного массового отклонения общества или его части от нормального развития потребностной структуры личности и нормальных психических и коммуникативных реакций. Этим мы дали минимальный ответ на критическое замечание Макклелланда "H", п. 5.14.. В работах в области истории мы подробно это демонстрировали, и в обобщающей форме на этом остановимся позже.

7.26. Переход потребности в безопасности с одного уровня на другой

В силу сложности этой модели, а сложность вызвана и сложностью исторического и онтогенетического бытия человека, мы можем предполагать ситуации, когда потребность II мгновенно превращается в потребность I или в потребность III.

Приведем такой пример на грани культурных переходов. Рассмотрим крестьянское хозяйство времен Средневековья. Крестьянин может быть озабочен ситуацией неурожая (индивидуальный семейный труд) из-за непогоды и это потребность в безопасности II.

Но если этим летом в Европу вторгаются норманны, и его дому и семье угрожает увод в плен, пожог, насилие, то безопасность II немедленно конвертируется в безопасность I, и он бежит с семьей в лес и гонит скотину с собой.

Если же к свободному крестьянину-франку приходит староста от соседнего сеньора и требует несправедливой платы за охоту в лесу, рыбную ловлю в соседней реке или вообще дополнительный чинш в пользу сеньора, то потребность (отстоять свои права и статус свободного) превращается в потребность III. И он думает бежать ли с семьей к соседнему сеньору, уйти в город или собрать сход крестьян и обсудить, что делать.

Та же ситуация возникает и с молодым рабочим на заводе в США. Парень собирается скопить деньги на машину (потребность II), ибо добираться на работу сложно — нет общественного транспорта, но зарплата маловата. Надо вступать в местный профсоюз (потребность общения) и вместе со всеми бороться за повышение оплаты труда — уважение работодателя (потребность III). Но бедняга получает повестку на службу в армии (грозит отправка во Вьетнам) (безопасность I — тогда в США армия не была контрактной), и все планы летят к черту. Он бежит в Швецию и живет там до вывода американских войск из Вьетнама.

7.27. Переход потребности безопасности III от животного мира к социуму — возможный разрыв постепенности

Особенность удовлетворения безопасности III в животном и социальном мире несколько отличаются.

Внутривидовая борьба за ранг в биологическом мире разворачивается немедленно и начинает формировать ранг сразу — буквально все

потребности животного мира пронизаны общением и ранжированием — последовательным доступом к пище, территории, самкам, кроме, возможно, подроста. Безопасность I, II, III почти слиты.

Иначе и сложнее обстоит дело в социуме.

В роде первобытного общества времен неолита господствует реципрокация — уравнительное распределение в случае временного недостатка ресурса. Кроме того, присутствуют уже элементы парной семьи и личные вещи семейной пары (потребность в безопасности II). Существует и формируется потребность уважения, для мужчины-охотника — это его способности и достижения в охоте.

Такое различие между животным миром и миром человека указывает нам на то, что в момент эволюции гоминид часть биологических процессов агрессии (внутри стаи, рода) передела родовых ресурсов каким-то образом отключилась. Например, господство главного самца в стае обезьян и ранговые силовые отношения по этому поводу уже отсутствуют в реципрокной семье человека неолита. Это говорит о том, что потребность уважения (безопасности III) могла испытать разрыв постепенности в развитии. Мы предполагаем такой разрыв непрерывности и предположительно точку перехода в следующем.

Последними носителями атавистических биологических форм ранговой редистрибуции (не только пищи, но, вероятно, и самок) можно предполагать погибших к рубежу 30–45 тысячелетий неандертальцев (поздняя их ветвь). Высокая внутривидовая агрессия фиксируется археологическими данными их стоянок внутри родов или семей. Она позволяет нам предположить наличие более активной борьбы за питание и самок, частый передел власти в стаде молодых, как между собою, так и со стариками. Это гипотетически должно было приводить к высоким требованиям физической силы и потребности больших объемов белковой пищи. Ситуация отражается фактами о размерах поздних неандертальцев, их сравнительном увеличении в размерах и весе. С другой стороны, внутренние конфликты, вероятно, мешали и групповой охоте на крупных животных. Внутренняя агрессия должна была вести к худшим условиям накопления и передачи производственного и инструментального опыта. Слабеющие особи — старики (30–40 лет), вероятно, редко доживали вместе с молодыми — их убивали в бескомпромиссной борьбе. Отсюда можно предполагать и меньший средний срок жизни. Слабая роль стариков — слабое накопление опыта. На их фоне "мелкий" человек — homo sapiens имел меньшие потребности в силе и в белковой пище. Как сложилась начальная культура реципрокации и культура снятия конфликтов за власть в стаде — остается тайной. Однако результат налицо — это уверенное выживание нового куль-

турного типа родовых отношений. Возможно, к причинам относилось прекращение промискуитета, внутриродовые табуирования и формирование парных отношений, что снимало постоянную борьбу за самок. Новый или "наш" человек легче справился с наступавшим белковым голодом при сокращении популяции крупных животных в мезолите. А неандертальцы погибли от голода. Снижением внутриродовой агрессии подлинный человек, кроме того, обеспечил культурное, передаваемое опытом стариков, технологическое развитие и творческий рост в неолите (точная обработка мелкого камня и приемов ловли и охоты на мелкую живность и рыбу, воспитание детей на стоянке). Так реформирование потребности уважения и ранга могло, предположительно снять традиционные проблемы ранжирования в стаде у гоминид.

7.28. Долг и воля — окончательное исключение из системы мотивации. Уважение и культура

О долге и воле сказано в 6.5–6.7. Новое понимание потребности уважения как потребности безопасности III дает дополнительный импульс к решению по поводу долга и воли.

Долг и воля — это антиподы, если под волей понимать полную произвольность поступка, а под долгом внешнюю обязанность. Особенно остро долг и воля входят в конфликт, когда человек и общество разрешают проблему легитимации (или раздела и передела) ограниченных и ценных ресурсов, т.е. разрешают проблему уважения, потребности безопасности III. По сути, успешное разрешение потребности безопасности III — это установленный уже баланс интересов и компромисса, договора между людьми в части ресурсов. Баланс устанавливается предшествующей агрессией и насилием. Сказанное здесь не вполне ново, поскольку в Главе 6 принуждение воли к внешнему долгу, к долженствованию, является тоже борьбой за ресурсы, за трудовые ресурсы той воли, которую некая высшая воля принуждает к долгу.

Баланс воли и долга, когда равновесие наступает, образует вместе с поведением других людей компромиссные нормы отношений. В ментальном смысле эта норма звучит как "умеренность". Такие нормы отношений и образуют статус и договоренности... и мир, и сотрудничество, и развитие. Но когда возникает такой мир, то долг и воля перестают противостоять друг другу. Их замещают другие общие ценности, в рамках которых баланс старых сил существует как компромисс.

Но они — воля и долг, как Феникс, снова возникают при двух вариантах.

Первый — при появлении диктата внешнего долга и принуждения от внешних сил и социальных структур, появлении принуждения, не адекватного человеку и его миру. Тогда воля или безволие есть форма реагирования индивида на долг. Итак, возможен нормальный человек и чудовищная обязанность и гнет деспотии.

И, во-вторых, воля и долг возникают снова при отсутствии всякого нравственного образа мира у человека, когда человек не воспитан или пребывает в аномии. Возможен плохой человек, человек-зверь или никакой человек и некоторый или прекрасный долг и справедливая обязанность, которая существует или которой тоже вообще в данном обществе нет.

Рассмотрим только второй вариант, — распространенную аномию в гипотетическом обществе или ситуацию отсутствия внутреннего ощущения долга. И не важно, чего нет у человека, т. е. совпадает ли отсутствующее понятие долга с государственным требованием, законами, какие ни есть, и совпадает ли отсутствующий долг с общественным долгом или нет. Мы просто утверждаем, что некий индивид не имеет ощущения долга в себе вообще. Тогда мы вынуждены утверждать, что этот homo уже не выступает как sapience — это скотина в образе человека, такая тварь "при полной воле" забредает куда угодно, "ибо не ведает что творит". В конечном счете, такой "желудочной неудовлетворенности" на двух ногах не только легко поставить ограду и плетень, легко направить хворостиной, но и совершенно необходимо это делать, чтобы чудовище не топтало труды и плоды других людей. Потому, что оно опасно для общества.

Другой вопрос — что это за общество, в котором появилось или могло появиться такое чудо! И если выясняется, что это общества само во многом такое, что оно больно аномией, тогда оно в такой беспомощности и взаимной агрессии, испугавшись своего и взаимного произвола, потребует у "третьего лица" порядка и окажется под чьим-то сапогом. Это только означает, что воля для такого "общества" без долга перед собой еще "Не по Сеньке шапка!". Вариант второй превратился в вариант первый! Это метаморфоза аномии или "воли" без правил. Последняя гарантирует появление диктата без правил. Когда Дюркгейм предупреждал общество об аномии, он имел в виду весь прошлый XIX век Франции с ее бонапартизмом, а не только безнравственность начальных форм буржуазного развития, например, Директории.

Мы приходим к выводу о роли культуры как антипода аномии. Житель без понимания своих обязанностей в близком и среднем социальном круге не имеет ориентиров в обществе и в его культуре, и тогда сама культура под угрозой. Если мы проецируем долг на потребность

в безопасности (тревогу), в данном случае на безопасность III или II (личная собственность), это означает, что Образ мира индивида не развит — внешняя среда его не тревожит по средним и длинным логическим цепочкам. Вот отсюда и следует, что ему не решить и проблему безопасности III. Ему не добиться уважения и гарантий безопасности от власти и соседей по собственному ресурсу. Все ресурсы и собственность в обществе становятся нелигитимными. Потребность безопасности III становится не просто тревогой, а страхом “аномической воли”, страхом анархии. Общество оказывается в состоянии вяло текущей гражданской войны. Лучшим признаком такой войны всех против всех является строительство высоких замков, отделяющих имущих от неимущих или других владельцев в Западной Европе с XI века, или что то же самое, высоких заборов вокруг вилл в другой известной стране. Тогда в ограниченном мышлении обывателя запускается лишь потребность в безопасности I — это кнут, сила, прямая угроза жизни и здоровью — боль или угроза боли. И это самая простая и короткая логическая цепочка, которая есть в природе и в биологии — простая рефлекторная дуга.

Перед нами результат применения логики теории Маслоу — особь, которую мы смоделировали, представляет собой “говорящее животное” на двух низших уровнях иерархии Маслоу. Мы даже знаем больше. У такой особи слабо оформленная вторая сигнальная система — плохая речь, не говоря о грамотности, а способность к логическому и рациональному мышлению весьма затруднена. Хорошо сказал о таких людях Римской империи, которых, вероятно, было тогда немало, Сенека: “Кто не знает, в какую гавань плыть — для того нет попутного ветра”. Сказано во времена Нерона. То общество уже давно не знало, куда оно плывет и, сейчас мы уверены, что и не могло знать! И то была объективно страшная и неисправимая трагедия того времени и места.

Но разве не пришли мы к тому, что второй вариант — свободной от долга воли или аномии приводит волю автоматически к первому варианту — долгу, силой поставленному над волей и сделавшим волю безволием.

Вот отсюда, из этой логики, мы еще раз исключаем понятие воли и долга, как излишние объекты в общей системе мотивации. Эти понятия принадлежат исторической социологии, они возникают и исчезают в рамках определенного периода развития общества. Нормальная воля есть способность выбора наилучшего варианта (включая и бездействие) для удовлетворения текущей потребности. А в систему знаний, в Образ мира, входит представление о долге как о границах возможных действий. Нарушение границ воли, свободы собственного поведения

образует тревожность или напряжение опасности соответствующего типа, и мы получаем новый мотивационный объект — потребность самоуважения или “совесть” - потребностное инстинктоидное состояние неудовлетворенности своим собственным поведением.

7.29. Самоуважение — самооценка, совесть или восприятие чужого уважения?

Одной из высших базовых потребностей Маслоу назвал самоуважение. С учетом тех гуманистических ценностей, которые автор вкладывает в представление о нуждах развития человеческого в человеке, самоуважение — это понятное нравственное стремление. Однако нам сложно предположить, что Маслоу обдумывал самоуважение как потребность в его смысле, т. е. оценивал подсознательный характер самоуважения.

Кажется неестественным рассматривать самоуважение как потребность из следующих соображений. Потребность — это то, чего индивиду не достает. С позиций мотивации потребность — это событие или явление, это феномен, запускающий мотивацию человека для активности по удовлетворению потребности. Самоуважение как потребность должно формировать мотивацию к активности восстановления самоуважения.

Но “потребность” ли исходный процесс и событие? Можно ли представить себе инстинктоидное событие в духе “Похоже, я перестал себя уважать? А ну-ка я сделаю что-то хорошее, чтобы начать себя уважать!”

В этом ерническом примере есть здравое критическое зерно. Оно отражает неверную направленность или определение понятия. Пожалуй, самоуважение — не “потребность”, а результат некоего когнитивного или подсознательного (информационного в основе) процесса, результат некоего подсознательного сбора информации о себе, это результат самооценки, рефлексии. Это есть результат оценки — “здесь, в этой ситуации, я был нормален”, “здесь я был плох! Надо сделать, изменить...”.

Мы подходим непроизвольно к тому, что психически возможен такой инстинктоидный процесс как “самооценка”. Мы уже говорили о потребности уважения — она проявляется в результате подсознательного процесса анализа отношения *к себе других* и инстинктивного ощущения опасностей других людей или опасности своего слабого или зависимого положения перед другими. Потому, по аналогии мож-

но предполагать самооценку как сравнение себя с другими или оценку своего поведения в конкретных ситуациях. Но здесь мы оцениваем не себя с другими и не отношение других к себе (уважение), а себя в отношении к своему другому "Я" (самооценка, самоуважение).

Вот здесь, в самооценке, существует огромное поле для инстинктоидных реакций удовлетворенности или реакций тревоги для неудовлетворенности. Как это может происходить?

Это должно происходить совершенно так же, как и в случае потребности уважения!

В память каждого человека зашита система ценностей и норм поведения. Если в нашем поведении возникает нечто, не соответствующее записанной схеме и норме, наш мозг фиксирует этот небаланс в форме тревоги. Тревога может возникать перед поступком, во время поступка, активности или позже поступка. В русском языке это состояние, вероятно, логичней именовать "совестью". "Совесть" отражает соответствие нравственной нормы и плана, активности или уже совершенного поступка — это "со — весть" или соответствие.

Здесь опять же мы отличаем собственные ценности и собственные интернализованные нормы в отличие от ценностей, конформных обществу, или внешних ценностей, навязанных данной личности законом. Последние нередко исполняются не потому, что они "в душе", а потому, что индивид боится наказания. Понятно, что страх наказания образует потребности безопасности I или II (рублем), но никак не потребность самоуважения.

Требование к себе и конфликт поступка и нормы возникает, только если норма есть ваша нравственная норма — это деревце души, растущее в вас, или, как говорит Кант, "нравственный закон во мне". И если у вас нет разночтений с этим, и все, что вы делаете, находится в соответствии с ним, то и самооценка у вас никогда не возникает — все нормально. Нет повода.

Конечно Макс Люшер (Max Lusher) прав:

"Нормальным самоуважением обладают люди, для которых говорить и поступать порядочно, честно, добросовестно, следуя своим убеждениями, — само собой разумеющееся поведение" [Люшер М.].

Макс Люшер тем самым подсказывает нам, что это свойство — не быть внутренне противоречивым — быть открытым и говорить то, что думаешь — означает наше ощущение высокого самоуважения. Но конец фразы Люшера означает также, что такой индивид просто выглядит уверенным и спокойным, но сам, вероятно, не ощущает состояние как "самоуважение", он просто делает то, что считает правильным. Ощущение самоуважения — это и есть удовлетворенная потребность — это

собственно отсутствие потребности. Если бы было иначе, мы бы считали, что он “изображает” самоуважение и считали его “гордецом”.

Однако в обычной жизни всегда есть особое подмножество уникальных ситуаций и событий. Чем больше людей, тем больше таких ситуаций, при которых нужной веточки нормы на дереве ваших норм еще не выросло. И тогда как себя вести нравственно, по-человечески, в какой-то коллизии, вам не ясно.

Примеров в реальной жизни больше, чем нужно — Например, это коллизии родственников и ваших друзей или возлюбленной (возлюбленного). И кто вам ближе родственник, друг, любимый человек? Это коллизии личных, общественных и государственных интересов, и чью сторону взять, когда вы на государственной службе? Потребность в любви, принадлежности, общении, уважении и безопасности часто оказываются в противоречии — нужно искать компромисс. Иногда жаль обидеть человека. Иногда его нужно обидеть для его же пользы — установить границу поведения и т.п. И многое другое.

Вот тогда и возникает неясность поступка, будущего или уже совершенного. И тогда начинает работать ваше мышление как дисбаланс ваших внутренних норм и ваших прошлых, текущих, будущих действий в режиме СОВЕСТИ или самооценки.

По сути, этими рассуждениями мы приходим к представлению о том, что истинный процесс выявления или действия потребности самоуважения является проявлением “совестных состояний”, состояний инстинктоидных беспокойств. Они стимулируют наш последующий анализ и поиск разрешения коллизий.

Коллизия в нашей памяти, в нашей совести — что это? Это фиксация нашим подсознанием несоответствия наших нравственных норм и нашего поведения в форме тревожного состояния. Отсутствие покоя и есть еще одна форма опасности или проявление потребности в безопасности. Это работа нашей “собственной службы безопасности”. Ее резиденция — наша душа в двух Янусах-субъектах: исполнителя и аналитика. И первый — это спаситель или палач, а второй — судья.

Итак, не потребность самоуважения, а потребность соответствия поступков и внутреннего мира. Мы вынуждены считать ее еще одной формой потребности мира и покоя — потребности в безопасности (теперь нашей души) — это потребность безопасности IV. Совесть — это сторож, сигнал тревоги, аларма ваших внутренних ценностей. Пожалуй, это выше внешних факторов I, II, III. Это внутри тебя — тогда, когда у тебя ЕСТЬ ВСЕ по уровням I, II, III. И ты уважаем.

Вероятно, мы правы. У Маслоу потребность уважения звучит как esteem — уважение и оценка; самоуважение в иерархии потребностей

именуется через self-esteem, что означает “самоуважение” или ощущение собственного достоинства и отдельно как самооценка.

Всегда ли этот феномен и эта потребность работает?

Может быть это состояние возникает у людей с повышенной тревожностью и чувствительностью?

Мы можем представить себе людей в режиме “здоровой жизнерадостной свиньи”. Мы, например, знаем, что некоторые люди вообще считают совестные состояния вредными и под влиянием психологов стремятся их избежать. Они готовы уйти и от переживаний за других близких людей, что уж говорить о себе. Например, нередка фраза: “Моя подруга тяжело больна и лежит в больнице. Но я не могу ее навестить — ведь это так тяжело видеть близкого человека в тяжелом состоянии. Я не могу этого переносить”. И возможно, такие люди в режиме той самой “здоровой свиньи” потому чувствуют себя более здоровыми и спокойными. И по поводу внутреннего беспокойства сразу обратятся к семейному психологу.

Пока не ясно стоит ли включать феномен потребности безопасности IV как потребность самооценки в базовые потребности иерархии Маслоу. Она представляется на данный момент не вполне общей для человека и человечества. Ответ сможет дать серьезное социологическое исследование. Скорей всего, уровень IV, — это очень высокая длина логических цепочек, сложная и длинная схема Образа мира. И не исключено, что это и повышенная чувствительность и тревожность! И пока потребность не постигнута большинством, постольку она и не базовая. И полезно ли ее достигать, пока не ясно. И способны ли ее достигать все типы характеров людей, тоже не ясно.

Чтобы минимизировать наши потери от столь энергичного вторжения в систему Маслоу, мы предлагаем компромиссный вариант вплоть до более точных исследований вопроса. У обычного человека, не обременяющего себя самоанализом, мы предполагаем относительно полное совпадение потребности уважения с самоуважением. В этом есть и то основание, что большинство людей даже чисто внешне вынуждены оперировать общепринятыми нормами, а в нормальном обществе это есть здоровая норма. Тогда человек, опирающийся на иные нормы, — просто маргинал, и его самооценка неверна. А из этого следует, что и внешняя оценка — уважение индивида — оказывается в среднем для множества людей обоснованной, т. е. верной. Это означает, что и сам индивид может оценивать себя на основе оценки других, на основе статуса, который он де факто имеет. И мы можем делать вывод, что в среднем и в порядке базовых оценок для индивида вполне приемлемо *объединять потребность уважения и самоуважения в одну группу безопасности III*.

7.30. Выводы раздела

Потребность в безопасности возникает как ощущение внутренней напряженности (в центральной нервной системе). Нейрофизиологическое единое состояние с разной степенью выраженности и силы может возникать различными способами и в различных ситуация, которые в целом для человека иерархически надстроены друг над другом.

Нижний уровень неудовлетворенности есть всегда более сильное напряжение, более сильная депривация покоя, чем более высокий (тонкий) уровень неудовлетворенности.

Всякое состояние напряжения означает потребность, которая интерпретируется в системе Маслоу как потребность в безопасности. Потребность в безопасности это, иными словами, депривация спокойствия.

Самое сильное напряжение связано с ощущениями прямой боли или выступает как предощущение боли — страх, ужас и связано со столкновениями типа неигровой борьбы и схватки, или секундными или минутными по силе депривациями — недостаток воздуха, защемление мышечной ткани и т.п. Напряжение этого уровня можно именовать *потребностью в безопасности I (жизни и здоровья).*

Второе по уровню напряжение (в виде беспокойства или тревоги) может носить исключительно характер предощущения будущих физиологических деприваций, связанных с будущими проблемами удовлетворения физиологических потребностей, когда проблемы не связаны с препятствиями, чинимыми другими людьми. Такое напряжение обычно устраняется индивидуальными усилиями работоспособного человека в среде, не требующей конфликтов с другими людьми. Напряжение этого уровня можно именовать *потребностью в безопасности II (стабильного удовлетворения физиологических потребностей)*.

Наименее выраженное напряжение (в виде беспокойства направленного к себе или к другим лицам — в современном обществе оно является наиболее значимым) может быть вызвано конфликтом с другими людьми по поводу собственного статуса, т. е. по поводу обобщенного собственного доступа к дефицитным ресурсам (собственности, информации). Напряжение так же может носить характер предощущения угрозы таких ситуаций — всех ситуаций, связанных с факторами и символами (статус и т.п.), характеризующими доступ и возможность использования, распоряжения дефицитных в обществе ресурсов. Напряжение этого уровня можно именовать *потребностью в безопасности III (сохранения или роста статуса).*

Отказ от разрешения конфликта (безопасности III) путем психотренинга и смены диспозиции — отмены потребности и снятия напряжения — *возможен и нужен не всегда*, а лишь в случаях чисто невротического источника напряжения.

На фоне реальных напряжений и опасностей в окружающей человека среде могут существовать и фальшивые или символические опасности и угрозы. Эти состояния напряжения могут иметь место в любой культурной среде.

Реальные или символические угрозы могут вызывать потребность в безопасности любого уровня, и такие угрозы могут сниматься как реальными действиями, устраняющими эти угрозы, так и символическими действиями, в силу которых верит индивид.

Массовое нарушение общественного сознания и иерархии потребностей. Для массовых искажений психического состояния и потребностной сферы человека необходимы чрезвычайно большие усилия и ресурсы, затрачиваемые заинтересованными лицами в выгодном и системно организованном направлении. Сам излишек ресурсов для формирования массовых фобий или пристрастий, идеологических оценочных установок, является редким и относительно нестабильным (как и все монополии) средством временного массового отклонения общества от нормального развития хозяйства и нормальных психических и коммуникативных реакций.

Потребность самоуважения у Маслоу нами оценивается как *потребность в соответствии внутренних норм и фактического поведения*, которая инстинктоидно отражает когнитивный диссонанс или дисбаланс внутренних ценностей норм — нравственности — и поступков, инстинктоидно вызывающий внутреннюю напряженность, что и является депривацией спокойствия. Однако потребность самоуважения по нашему мнению и в первом приближении не принадлежит к классу базовых потребностей, она соответствует индивидам с высокой степенью тревожности и развитой духовной сферой. Возможно это один из разделов дифференциальной психологии. С другой стороны *у обычного человека мы предполагаем относительно полное совпадение потребности уважения с самоуважением. На уровне базовых потребностей мы предлагаем объединять потребность уважения и самоуважения в одну группу безопасности III.*

ГЛАВА 8. МЕТАПОТРЕБНОСТЬ И ЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ. СТРУКТУРА МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

8.1. Мотивационная структура и теория Маслоу

В данном разделе с учетом обзора и теоретических построений Е. П. Ильина об установках и интересах, представленных в Главе 2, и после информации о теории Маслоу в Главе 4 мы обращаемся к мотивационным объектам "установки" и "интереса" и к понятию метапотребности. В этом разделе мы строим модели формирования установки и метапотребности исходя из основного процесса мотивации и активности человека.

Мотивационная (поведенческая) установка — сложившееся со временем при многократных повторениях процесса удовлетворения потребности(ей) инструментальное действие, включающее труд, социальные отношения, или отдельный поведенческий паттерн, типовой поступок. Установка укрепляется при удовлетворении потребности и снимается в случае прекращения ее полезности.

Поведенческая установка — это определенная форма поведения, которая сформирована заранее и готова к использованию в момент появления потребности или аналогичной ситуации. Она, будучи автоматическим действием, замещает собою мотивационное образование, формирование мотива, поэтому мы и рассматриваем ее как подстановку, как уже свернутое в действие мотивационное основание. В общем случае она лишена эмоциональной окраски и индивид выполняет ее автоматически, подсознательно.

Метапотребность. У Маслоу это фактически потребность типа "интересно" Она инстинктивна — она придает по своему первому определению самое лучшее представление о человеке и о том, что он может делать, когда все его базовые потребности удовлетворены. Но это у Маслоу — на середину XX века.

Несколько прозаичнее тема выглядит к концу XX века. Во взглядах даже только российских и советских психологов "индивидуальные личностные интересы" относятся к разряду таких форм поведения, которые не связаны с физиологическими низшими потребностями, но надстроены над ними с отдельной особенностью — положительная эмоция как часть самой потребности. К ним относят игры, привычки дурные и положительные. Они именуются потребностями "процессуального" или "процессуально-целевого" типа.

Ниже мы начинаем развивать представление о формировании установки и метапотребности в определенных благоприятных для индивида условиях.

По уже принятой здесь традиции представим эти структуры нового типа в виде графических систем прямой и обратной связи, продолжая развивать кибернетическую модель мотивационной системы. До начала нашей работы мы имели модель афферентного синтеза П. К. Анохина, теперь мы вынуждены корректировать схему в отношении пускового импульса. Наши результаты в части запуска потребности безопасности, показывают отличия схем запуска. У Анохина пусковой импульс подается в ЦНС от вегетативной системы тела, т.е. афферентно-соматически, и потому он уникально прост, см. рис. 2.3. И мы склонны использовать для простоты в этом случае термин "внутренней (физиологической или соматической) базовой потребности". Рассмотренная в Главе 7 потребность в безопасности по определению запускается по более сложному алгоритму: от изменения внешней среды через сенсорные системы информация поступает в ЦНС человека. Там она сличается с образами опасности или с образами нормы и по "условиям" опасности или "не нормы" инстинктоидно формирует пусковой импульс тревоги — потребность в безопасности. Такие потребности (все потребности безопасности, общения и новизны, см. ниже) мы можем именовать "внешними (в отношении) к ЦНС потребностями" в том смысле, что они формируются от внешней среды через сенсорику тела к ЦНС, а не только от физиологии тела и вегетативной нервной системы. Причем, зависимость ЦНС от внешней среды (вне тела) такова, что ЦНС как бы "требует" во всех случаях действия внешней среды как условия запуска, см. далее рис. 8.1.

Сами метапотребности в свою очередь мы можем рассматривать как потребности собственно ЦНС, которые генерируются эндогенно центральной нервной системой. Иная, кроме ЦНС, соматика или внешняя среда не являются ведущими факторами запуска такой потребности. Метапотребности, как будет показано ниже, могут быть надстроены над некоторыми базовыми потребностями, но последние носят подчиненный характер.

8.2. Потребность — Мотив — Активность — Результат как единичный цикл

Афферентный синтез П. К. Анохина, см. рис. 2.3 , и есть истинный процесс формирование мотива. Все более сложные структуры формируются позже, при многократном повторении. Мы в обобщенной форме изобразили на схеме, рис. 8.1, как это происходит.

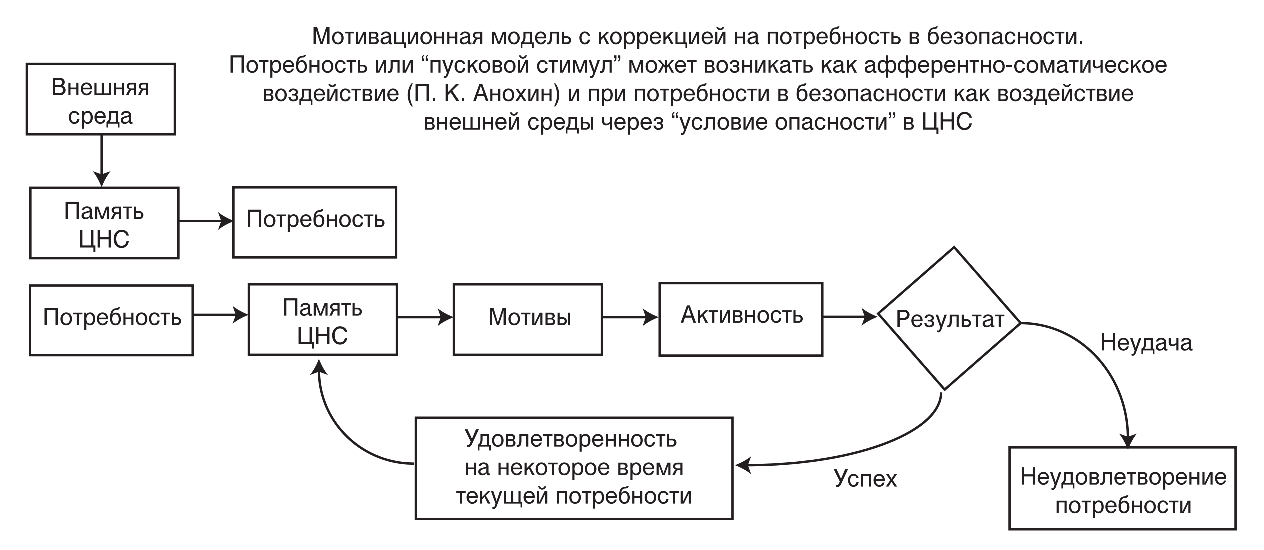

Рис. 8.1. Формирование мотива. Отмечены два способа появления потребности. Потребность от внешней среды и памяти ЦНС по условию опасности обычно возникает в блоке потребностей безопасности (извне человеческого тела). Второй вариант “потребность–>память ЦНС” возникает при соматических (телесных) нуждах. Тело сигнализирует о депривации (боли, отсутствии воздуха, жидкости, пищи и т.п.).

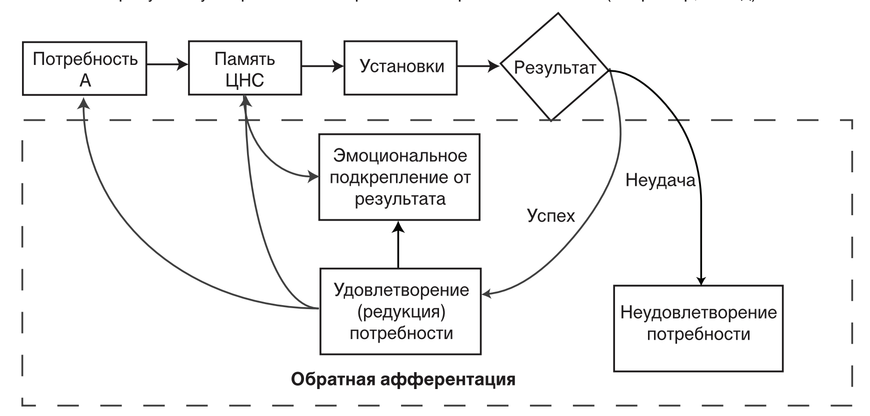

Рис. 8.2. Формирование и использование установки. Отдельными стрелками мы отметили коррекцию памяти центральной нервной системы и внешнее выражение начальной положительной эмоции

Формирования мотива (в первый раз) в общем случае завершается (постановкой цели и) выбором средств. В результате действий индивида при положительном исходе возникает эмоциональное положительное подкрепление, которое фиксирует результат, и он запоминается в психике как успешный, см. рис. 8.1.

8.3. Формирование и использование установки. Выход на рутинные действия и автоматизм

При повторении появления обычных деприваций индивид начинает использовать успешное инструментальное действие, приводящее к удовлетворению потребности. Мотив превращается в установку, см. рис. 8.2. Поведенческая установка — это мотивационное образование, которое является условным рефлексом и действует по принципу: “если..., то...”. Подобная связка (логический переход) и является мотивационной структурой — это выбор из памяти требуемой формы поведения в момент обстановочной афферентации. В случае эмоциональной нейтральности процесса и результата — простой повторяемо-

сти —мотивация превращается в установку, то есть в рутинную процедуру и доводится до автоматизма — ее почти не замечают. Именно о такой процедуре А. Маслоу сказал: "... мне кажется очевидным, что инструментальное поведение (средство удовлетворения потребности) детерминировано культурными факторами в гораздо большей степени, чем базовые потребности (цели)" [Маслоу А., 1970/2001, с. 132]. И это так и есть. Основная масса установок стала стереотипами или паттернами социального поведения.

В обычной установке подкрепление может приводить к удовлетворению потребности без дальнейшего эмоционального подкрепления, поскольку в их основе лежат депривационные потребности и поскольку и насколько действие становится простым (рутинно, повторяемо, не требует индивидуальных решений при каждой новой активации). Потребность как таковая часто не ощущается. Выполнение установки идет "по условию". Неудовлетворенность возникает при невыполнении установки.

В общем случае использование установки отражено схемой рис. 8.3. Эмоция отсутствует.

Чем более развито общество, тем больше процессов инструментально организовано таким образом, что требуют определенного и устойчивого поведения, которое оформляется в виде поведенческих установок или паттернов. Это развитие обычно обусловлено и поддержано ростом разделения труда. Оно же обеспечивает т. н. спокойствие индивида и удовлетворение его потребностей в безопасности всех видов I-III. Возможно, лучшим популярным произведением на эту тему является замечательный фильм "День сурка",

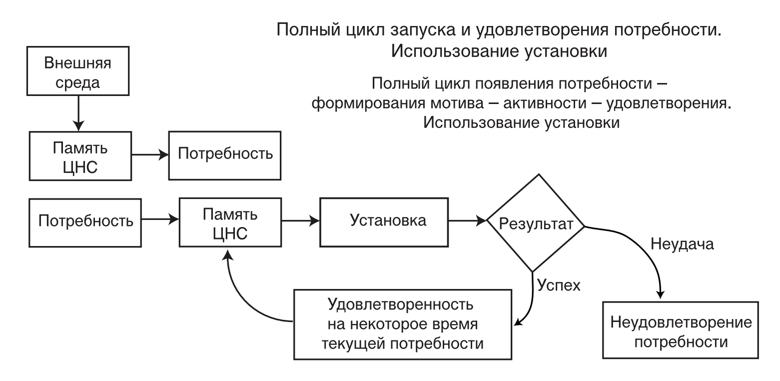

Рис. 8.3. Использование поведенческой установки в общем случае

в котором стереотипность всех установок так близки к автоматизму, что образуют монотонию жизни, которая воспринимается как ее циклическая остановка. Поиск выхода героя из тупика — не только фантастика, но и реальный жизненный поиск себя в актуализации, в оживлении, выходе из состояния вялого покоя.

8.4. Формирование метапотребности из мотива

В отличие от регулярных процессов в жизни человека существует множество процессов не рутинного типа, которые возникают неожиданно и характеризуются существенной непредсказуемостью. Это могут быть и серьезные препятствия, опасности, которые необходимо преодолеть.

Непредсказуемые ситуации и процессы в момент удовлетворения потребностей требуют от человека творчества, они создают неопределенность. Мы можем предполагать, что неопределенность и критичность некоторых ситуаций активизирует наиболее полно все возможности центральной нервной системы и приводит к мощному общему возбуждению и мобилизации. Мобилизация в случае положительного преодоления кризисной ситуации приводит к совершенно новым надстроенным мотивационным образованиям. ОБЩЕЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ И ЗАВЕРШАЮЩИЙ УСПЕХ СУММИРУЕТСЯ КАК МОЩНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ НАРЯДУ С УСПЕХОМ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ (РЕДУКЦИЕЙ) ПОТРЕБНОСТИ.

Вообще нерегулярные процессы удовлетворения потребностей *могут сопровождаться сильным эмоциональным положительным переживанием* — положительным аффектом, а иногда и сильным аффектом в момент напряжения и преодоления, а также и при достижении успеха. При этом в реакциях людей возможны значительные различия. Индивидуальная мотивационная ситуация, использование которой сопровождается резким усложнением положения, и которая определяет необходимость творческого преодоления, *может вызвать мощное положительное подкрепление*. Мы еще не знаем, что это за подкрепление, оно не является внешним стимулом, как пища и т.п. Однако мы знаем, что *внешним проявлением состояния является сильное внешнее психофизиологическое возбуждение типа "эйфории". Установка в таком случае не используется.*

Сам Маслоу говорит неоднократно о "пиковом или вершинном переживании" (peak experience), которое испытывает индивид и за-

поминает навсегда. Это событие, тесно связанное с необычным самоощущением человека в момент творческого состояния. Если ребенок в творчестве получает вершинное переживание, то с большой вероятностью он будет искать творчества далее, и впоследствии станет творцом. Теперь нам понятно внимание Маслоу и к этому состоянию в детском творчестве.

Такое возбуждение ассоциируется не только с научным поиском или игрой, но является и художественным переживанием или сопереживанием. Примером последнего могут служить, например, стихи Федора Тютчева "Тени сизые смесились, цвет поблекнул, звук уснул...", которые понял и над которыми плакал, вспомнив свои переживания, другой великий русский — Лев Толстой.

Да! Мы это подтверждаем. Есть и разночтения. Состояния бывают различными. Существует состояние эйфории, связанной с активностью и ее результатом, состояние глубины процесса и результата, и значения освоения и постижения. Маслоу (в теории Z), а также Тютчев и Толстой более имеют в виду состояние трансцедентальной медитации, отвлеченности от активности — это состояние больше связано с сопричастностью с миром, это взаимопроникновение и пересечение мира и собственного "Я". И это тоже "понимание", но, скорее всего, оно выше конкретной активности. С другой стороны, вся активность людей знания и созерцательных видов искусства связано с пониманием. И оно протяженнее во времени, чем конкретная ситуация человека дела и практики. И в этом, в обобщенном ощущении понимания, растворенности и включенности состоит то общее, что объединяет оба направления пикового переживания. Если общество освоит подходы к формированию таких медиативных состояний, а это достаточно квалифицированная практика, то станет способно существенно углубить человека, сделать его счастливым в его активности на всю жизнь.

Мы еще раз напоминаем, что представление о квазипотребности или о метапотребности уже сформировано в российской и зарубежной психологической науке. Источник метапотребности осознан и определен в российской психологии таким конструктом, как "сдвиг мотива на цель", описанный у А. Н. Леонтьева, когда "за видимостью одной деятельности скрывается другая" [Леонтьев А.Н., т. 1, с. 250–252]. Однако тему эту авторы развивают осторожно.

С другой стороны основания такой системы заложены в развитии бихевиоризма. Доллард и Миллер особенно указывали на возможность перехода инструментального поведения в неподкрепленную (положительным результатом) потребность — сама инструменталь-

ная деятельность становится стимулом. И они выдвигали гипотезу о внутреннем подкреплении. Мы далее пытаемся оформить лучшие идеи советской, российской и зарубежной психологической науки в графической форме.

Рассмотрим схему на рис. 8.2, см. выше. Речь идет просто о голоде. Но предположим, что случилось непредвиденное — человек попал в изысканный ресторан или в гости к гурману, см. рис. 8.4.

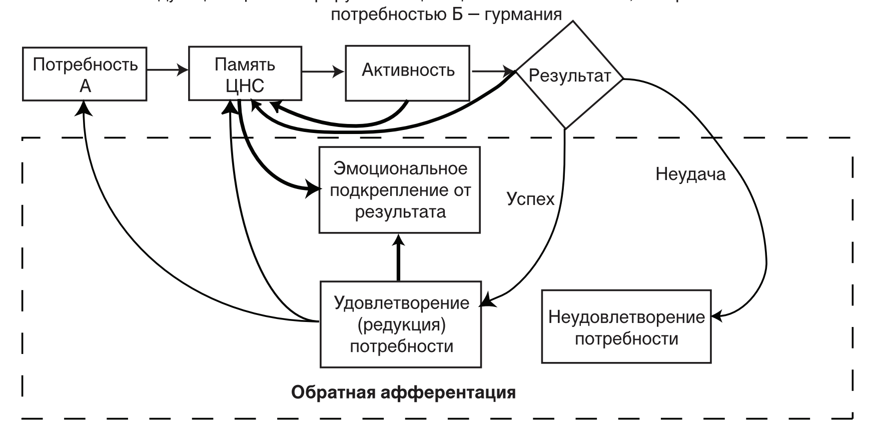

Рис. 8.4. Формирование метапотребности "гурмания" из голода. Активность и результат формируют сильное положительное подкрепление, которое отражено и в эмоции. Активность нестандартна и заменяет установку

Мотивация с сильным положительным подкреплением захватывает и процесс ее достижения в условиях неопределенности, и полученный результат.

Итак, сильная положительная эмоция отражает интенсивное возбуждение в процессе и в его финале. Оно (возбуждение) выступает и фиксируется в памяти как положительное подкрепление. В следующий раз индивид более охотно будет добиваться этого результата (возбуждения), используя накопленный опыт. Особенность процесса повторений состоит в том, что каждый раз *окружение процесса или сам процесс должны получать отличия, составляющие их неопре-*

деленность. Это хорошо видно по материалам Д. Макклелланда (малые отклонения + положительное подкрепление), см. ниже. Если бы ситуация была стандартно одинаковой, то она превратилась бы в рутину, рутина подвела бы к угасанию положительных эмоций, процесс потерял свою привлекательность и превратился в нейтральную установку. Именно неопределенность ситуации в каждый новый момент появления потребности вызывает "интерес" к преодолению ее. Если внимательнее приглядеться к понятию "интерес", то мы можем видеть, что положительное подкрепление, полученное в момент первого и нескольких следующих нестандартных ситуаций, и использование такой установки запоминаются в памяти индивида как положительный условный фактор, см. рис. 8.5.

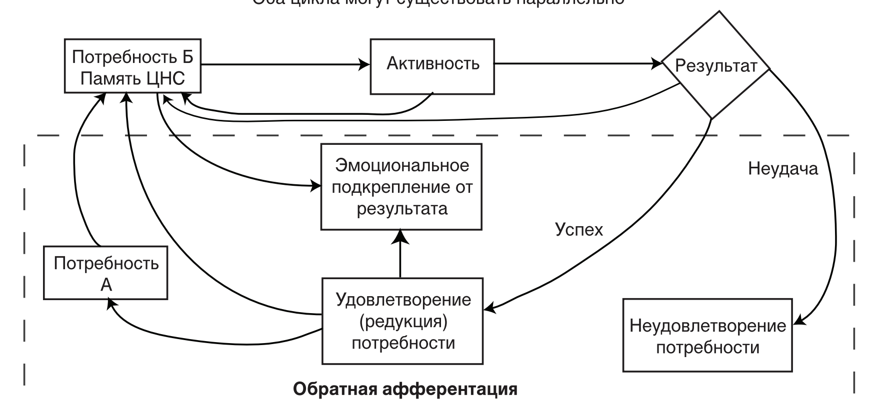

Рис. 8.5. Появление и удовлетворение метапотребности, которая надстроена над безусловной базовой потребностью (например, голода)

Теперь при возникновении аналогичной или схожей ситуации индивид предполагает или ожидает появления новой следующей положительной реакции — аффекта или положительного возбуждения. Он стремится воспроизвести все необходимые условия для формирования подобной ситуации, т.е. имеет "интерес". Но это положительное ожидание или антиципация — предвосхищение положительной эмоции — само становится предваряющей положительной эмоцией. У Б. И. Додонова:

У Б. И. Додонова:

“Многие ... виды деятельности совершаются в известной мере ... ради почему-либо желанных переживаний... положительная эмоция удовольствия до известной степени выступает как некоторая самостоятельная ценность... интересу важен процесс...механизм интереса включает в себя удовлетворение потребности в переживаниях, а интенсивно переживается только новое, это не может не придать деятельности, движимой интересом, усиленно поисковый, творческий характер... интересу...всегда нужна новизна...(Человек) заранее предвкушает удовольствие, которое получит.”, [Додонов Б. И., с. 149—154].

И это есть главный ключ к пониманию данной гипотезы, собственно — гипотезы или утверждения Б. И. Додонова. На рис. 8.5, кроме обычной тонкой стрелки — эмоционально положительного подкрепления по результату, возникает новое положительное подкрепление толстые стрелки, которые вызываются самим процессом. Источником является предвосхищение, а потом возникает сам “азарт” — возбуждение положительного типа, связанное с проведением данной инструментальной операции. Все эти процессы часто происходят без мысленного осознания, т. е. на иррациональном уровне, инстинктоидно, и потому у нас есть основания считать и такое влечение или интерес потребностью. Существенно упомянуть, что индивид ищет не просто похожую ситуацию, аналогичную ситуацию, он ищет или даже создает ситуацию, аналогичную своей прошлой неопределенности, он ищет новую неопределенность, новую творческую задачу. Аналогичным остается его ожидания успеха, его инструментальных растущий круг знаний, его удовольствие и предвосхищение удовольствия.

Когда же возникает потребность? Потребность возникает, когда индивид начинает сам искать и создавать ситуации неопределенности (творческие задачи), требующие аналогичного действия в ожидании преодоления новых неопределенностей. Поиск неопределенности уже формирует необходимое возбуждение (охотничий азарт — достаточный пример).

Механизм таков: с некоторого момента антиципация может возникать как воспоминание о ситуациях успеха и положительного ощущения в произвольные моменты. Теперь психика хранит успех и подкрепление в памяти. Если успех так положителен, то почему человек должен ожидать стихийного возникновения подобной ситуации? Почему он не может попытаться подобную ситуацию воссоздать заново?

Если мне что-то нравится делать, почему бы мне этим не заняться? Если мой успех является материальным, приносит мне средства к существованию, не возвращает меня к отрицательной депривации, почему

я должен ждать "ветра в поле", почему мне не "взять быка за рога"? Индивид теперь сам может начать поиск ситуаций, которые соответствуют его инструментальным способностям, его удачной подкрепляемой положительной потребности и ее удовлетворяющей активности.

Если взглянуть шире, то в этом контексте мы можем совершить большой шаг вперед, заметив в этом процессе психофизиологическую основу **механизма развития разделения труда.** Так должны формироваться физиологические и логические начатки добровольного разделения труда, когда оно еще воспринимается как творческое развитие способностей. Это помимо позднего рационального человека в описании Адама Смита. А именно, еще в натуральной общине так могли выделяться и жрецы-знахари, и первые ремесленники: гончары, металлисты и т. д.

Но поскольку "в результате положительного опыта" формируется спонтанное стремление проявлять некоторую активность, то мы обязаны рассматривать новые устремления, склонности, или интересы индивида как *новую потребность*.

На предшествующих схемах 8.4, 8.5 нами представлено превращение депривации (потребности в пище) в метапотребность (гурманию). И это только первый вариант формирования метапотребности в ее надстройке над базовой депривацией.

Но существуют и более сложные потребности высокого уровня, например, потребность уважения или безопасности II. Эти потребности инстинктоподобны, как говорил Маслоу, но они связаны с запуском центральной нервной системы от внешней среды. Мы понимаем, что начальными источниками являются предшествующие процессы, связанные с действием внешней среды, которые запускают "условия" срабатывания потребности.

В этом типе базовых потребностей возникает второй вариант формирования метапотребностей. Мы приведем пример формирования метапотребности в ситуации учебы — освоения учебного материала. Обычно учебу большинство учащихся рассматривают как подготовку к жизни, к становлению взрослой жизни. Другими словами, учеба есть подготовка будущего материального обеспечения — финансовой независимости. Последняя мотивирует и удовлетворяет базовую потребность человека — потребность в безопасности II. В такой период студент, получив обычную поведенческую установку (учеба, чтение), нередко постепенно начинает "творить" или "решать" задачу — обычно подобные ситуации возможны при написании значимого научного задания или дипломной работы. Формирование метапотребности изображено на трех рисунках ниже, см. рис. 8.6, 8.7, 8.8.

Развитие антиципации с положительной эмоцией как воспоминание о процессе и результате формирует метапотребность — вторичную потребность. Это может быть удовольствие, полученное от успешно завершенной курсовой работы. Постепенно идет перенос положительных эмоций с результата на процесс. Студент начинает выполнять другие курсовые работы по данному направлению, он с большим энтузиазмом и с удовольствием читает литературу по заинтересовавшей его теме. Позже перенос удовольствия идет с процесса на предваряющее представление об удовольствии от процесса. Студент мечтает скорее вернуться к этой теме, будучи на каникулах. Еще позже индивид самостоятельно начинает формировать ситуацию, необходимую для проявления данной активности, сам ищет требуемой деятельности, сам начинает ее или создает условия для естественного воспроизводства такой деятельности. Например, студент договаривается с преподавателем о начале научной или конструкторской работы по данному направлению на этой кафедре в свободное от учебы время.

Следует отметить, что мы включаем саму прошлую установку — например, чтение литературы или поиск информации как средство выполнить задание руководителя в прошлом — в новую инструментальную группу — оценочную афферентацию или мотив. В активнос-

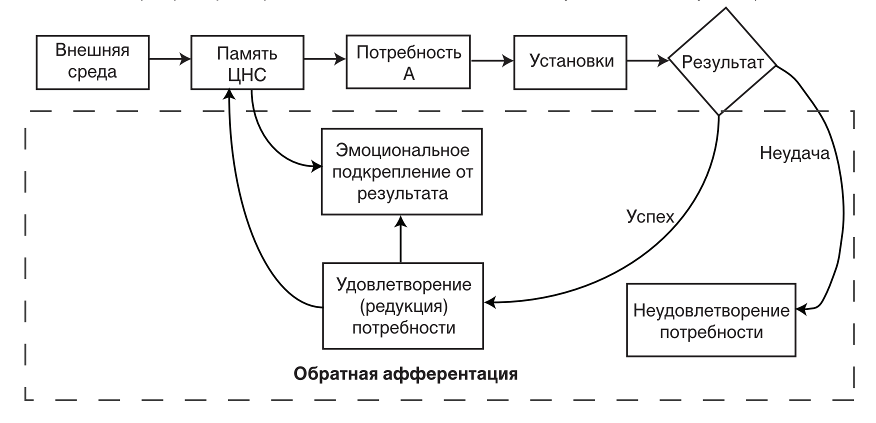

Рис. 8.6. Работа с установкой по потребности в безопасности. Установкой является учеба — чтение учебной литературы

Формирование метапотребности на основе потребности, внешней к ЦНС

Формирование метапотребности в случае очень сильного переживания или положительного подкрепления, которое связывается с процессом или процессом-результатом.
Вариант 2 – Потребность А, внешняя (например, потребность в безопасности II – используются и установки на обучение и новая активность.
ЦНС генерирует антиципацию – воспоминание, которая становится потребностью Б – научное творчество

Внешняя среда
Память ЦНС
Потребность А
Установки
Активность
Результат
Неудача
Эмоциональное подкрепление от результата
Успех
Удовлетворение (редукция) потребности
Неудовлетворение потребности
Обратная афферентация

Рис. 8.7. Появление сильного положительного подкрепления в момент работы и формирование метапотребности

Запуск и использование метапотребности Б, основанной на потребности А, внешней к ЦНС
Сформированная метапотребность Б – научное творчество.
Возникает на базе обычной потребности – обучения или работы и включает установки потребности А (безопасность II) как инструмент активности.
Потребность Б: ЦНС генерирует антиципацию, которая "влечет" к профессиональному творчеству и включает положительное его подкрепление, что образует возможность "трудоголизма"

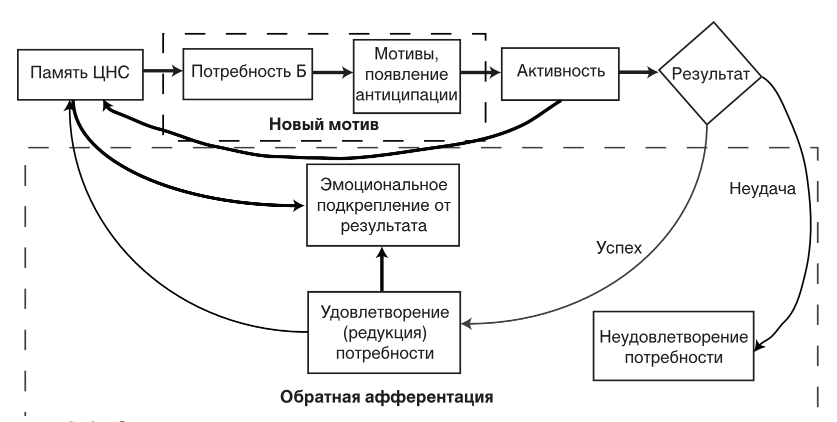

Рис. 8.8. Закрепление, запуск и использование метапотребности с ярко выраженной положительной эмоцией. Метапотребность поддерживается и даже усиливается таким подкреплением. Метапотребность есть потребность собственно ЦНС, но без влияния внешней среды

ти, формирующей метапотребность, постоянно присутствует поиск неопределенности и ее преодоление — поиск или ознакомление с новыми материалами и идеями, их освоение и использование, позже поиск ошибок в теории и ее развитие.

Теперь установка базовой потребности А (безопасности II) есть средство для удовлетворения новой потребности и просто часть активности. Потребность теперь другая — удовольствие от научного поиска, творческого развития проблемы.

Метапотребность — объект уровня *потребностей. Она формирует новую мотивацию (повод или ситуацию) для собственного удовлетворения, в данном случае для запуска активности, приносящей удовлетворение.*

Метапотребность вытесняет остальные потребности, при условии удовлетворения в основном всех или прочих депривации. Это происходит в силу успеха и достижения, связанного с текущей ведущей потребностью. — Это постоянное самоподкрепление и делает потребность ведущей в системе потребностей индивида.

8.5. Об одной структурной ошибке Маслоу

Теперь мы можем указать и на уступку Маслоу своим коллегам, которую ему не следовало делать. Маслоу, как и предшественники и последователи, рассматривают потребностное и когнитивное *на равных* как альтернативы. Еще раз цитируем:

Основная наш гипотеза состоит в том, что из всех психологических составляющих человеческого поведения только мотивы или базовые потребности могут считаться врожденными или биологически обусловленными (если не всецело, то хотя бы в определенной степени).

...поведение, способности, когнитивные и аффективные потребности, по нашему мнению, не имеют биологической обусловленности, эти явления либо являются продуктом научения, либо способом выражения базовых потребностей. [Маслоу А., 1970/2001, с. 133–134].

Обусловленность биологически Маслоу понимает в режиме предопределения, но богатый и могучий английский язык, как и русский, не выдерживает сложности явления — дает сбой — неразрешимое противоречие. Эта ошибка-противоречие возникает потому, что два явления — конативное и когнитивное следует рассматривать на ДВУХ ОТДЕЛЬНЫХ УРОВНЯХ, а Маслоу и предшественники рассматривают их на одном уровне как альтернативы. Построение метапотребности показывает, что культурное в формировании потребности и биологиче-

ское — в ее записи в память являют собой единое целое на различных этажах функциональности.

В реальности получается, что научением человек усваивает потребность (когнитивно, культурно), но усвоение и запоминание идет биологически (или конативно, уровнем ниже), а не культурно. И метапотребность, как и новые условия опасности в случае потребности безопасности, биологически записывается в память центральной нервной системы. А затем эта потребность действует совершенно аналогично обычной биологической потребности — инстинктоидно. Например, потребность безопасности, условия которой уже культурно изменены, Маслоу совершенно верно считает базовой и биологической. Аналогично действует и метапотребность, просто ее условие (формирования и запуска) уникально для данного индивида.

Примечание: если понимать под "когнитивными и аффективными потребностями" у Маслоу именно метапотребности (не базовые потребности), то следует выразить восхищение его прозорливости насчет "способа выражения базовых потребностей". Это именно то, что мы показали как надстройки над голодом или потребностью безопасности II в примерах выше. Но и в этом случае метапотребность включает в себя и результат научения ("продукт научения"), и "биологическую обусловленность" ОДНОВРЕМЕННО, но на разных уровнях, см. ниже Главу 10.

8.6. Примеры метапотребностей

О каких потребностях в теории Маслоу мы можем говорить, как о метапотребностях? Маслоу говорил только о высших потребностях, имея в виду самоактуализацию и творчество.

А мы видим появление метапотребностей в самых разных ситуациях, например, в надстройке над голодом, в индивидуальной надстройке над потребностью уважения (что Макклелланд определяет как мотив власти, см. ниже).

Другими словами мы предлагаем говорить о метапотребностях, как о произвольных надстройках над потребностями, а возможно и над их комбинациями. И деятельность, и любая базовая потребность — могут стать в сочетании с удовольствием — новой потребностью. Вовсе не исключено, что психология станет свидетелем возникновения множества новых метапотребностей, неизвестных нам разновидностей, прихотей и их сочетаний.

Приведем некоторые примеры на уровнях базовых потребностей. Гурмания — удовольствие и творчество Гаргантюа в еде (не удовлет-

ворение голода, а получение удовольствия от смакования тонких вкусовых ощущений и даже игр-загадок о составе пищи);

Творчество в любви и в эросе. Так же как метапотребность можно классифицировать творчество в половой любви и сексуальных играх, начиная с флирта, азарта сближения незнакомых мужчины и женщины, или, например, склонения к любви, как у Александра Пушкина в его “Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...”. Давайте процитируем это талантливое и психологически верное, и еще с большим тактом в пример вульгарной современной эротике написанное...

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда виясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласки и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне, нежна без упоенья,
Стыдливое холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь, наконец, мой пламень поневоле!

Культура этого рода была широко представлена уже в период рококо, например, в “Опасных связях” у Лакло, связях, опасных и тогда, и в наше достаточно инфицированное время. Такие метапотребности можно классифицировать как метапотребность творчества (совращения) и игры и одновременно потребность сексуальной власти и даже уважения (каждая замужняя женщина, почитаемая в обществе, должна иметь любовника).

Творчество в сексе: лучший образец — это Дон Жуан, худший — герои Маркиза де Сада или известные нам маньяки-преступники. Обычно здесь секс увязан с творческим преодолением чужого сопротивления, хотя бы и морального, с творческим проявлением власти. Но есть и другие зависимости различного типа: “стрессовый секс” — это секс для снятия напряжения. “Адреналиновый секс” — для усиления половой функции и просто требование “разнообразия”, которое вызывает “адреналин”, но только при новом партнере — собственно сексуальные потенции последней потребности постоянно угнетаются самим требованием разнообразия, которое и выходит на первый план. Они,

тем более, ослабевают в случае роста частоты встреч (в данной ситуации это именно так) или при подключении к разнообразию ресурсов ТВ и Интернет-материалов.

Говоря о надстроенных метапотребностях, можно сразу предупредить всех носителей метапотребностей, связанных с надстройками над другими депривационными потребностями, что обычно при интенсивном потреблении таких метапотребностей индивид рискует "дожить" до "выгорания". Так для гурмании любитель рискует повредить желудок, ослабить вкусовые рецепторы и освоить все специи и блюда мира. Дон Жуан всех типов приобретает невроз новизны, последний ведет к ослаблению половой функции. Любитель власти подводит себя к усилению жестокости и к связанному с этим риску отпора и гибели. Знаток и ценитель вин и горячительных напитков рискует просто спиться. Даже путешествия и поиск разнообразия приводят к усталости и выгоранию эмоций от впечатлений.

Из базовых потребностей, похоже, логично исключать только страх — разные уровни тревоги — это то, от чего желательно отделаться. Но так кажется только сначала.

С учетом выводов Долларда и Миллера причиной страха должна быть боль. Однако здесь не все просто. Давайте вспомним, что даже ситуация избежать страха, завершить страх — это некоторое удовольствие. Вспомните качели и визг детей! Не вызывает ли у нас нередко умеренная доза опасности — испугаться и успокоиться после испуга — удовольствие. Фильмы ужасов, экстремальные виды спорта — не это ли самое? А боль? Не имеются ли в истории общества различные секты флагеллянтов, добровольных истязателей, а часто и в сочетании с садомазохизмом — сексуальным удовлетворением. А сказка о Бабе-Яге — женщине — пожирательнице детей? Не является ли это, вместе с другими ночными страхами и "ужастиками" для детей, предупреждениями Фрейда, не является ли это тренировкой риска, опасности в сочетании с дефициентными и сексуальными отклонениями.

Буквально все произведения искусства (литература, драматургия, кино и т.п.) наполнены столкновениями и противоречиями, которые обращают внимание на столкновение, коллизию как возрастание внутреннего напряжения читателя, зрителя и его последующего разрешения как снятие напряжения.

Все преодоления трудностей в игре, в исследованиях — это возрастание напряжения и снятие его победным движением и разрешением — информационным оргазмом.

Рассмотрим метапотребность, возникшую над потребностью более высокого уровня — потребностью уважения. От власти сексуальной

к власти вообще. *Потребность власти* — метапотребность. У Макклелланда это мотив, который он тщательно изучает, но у него это нечто вроде установки — готовности и умения, стремления властвовать.

В реальности — метапотребность власти (по сути, патология — поскольку в наше время роль власти в старом смысле должна сокращаться), явно и резко выраженная, достаточно редка, как редко встречаются общества или группы, готовые к полному подчинению. Но большинство руководителей всегда имеют потенциал по роду деятельности приобрести такую потребность, и она может далее даже мешать.

Первоначально ребенок, командующий матерью или младшим братом, получает вполне реальные преимущества: лучший кусок торта или возможность поиграть игрушкой брата, получить деньги на мороженое. Но постепенно, по достижению того или иного результата в нем складывается установка на преодоление воли оппонента в целях понуждения к выполнению важных для него действий. Эта установка, оказывается, вызывает при повторном исполнении удовольствие от принуждения, удовольствие от перелома, слома воли или сопротивления оппонента или от его обмана. Удовольствие теперь возникает не в момент завершения акта принуждения, подавления воли (как результат, как полученный, заработанный ресурс), а несколько раньше, в самом процессе борьбы, в процессе развития интриги. Интересен уже процесс. Появляется азарт, возможно, как предвкушение или ожидание удовольствия результата постепенно переключается в удовольствие действия, в творчество преодоления препятствий, например лени или невнимания родителей. Уступая ребенку в 5 лет, нормальная мать формирует уверенного в жизни человека, уступая капризу сына-подростка в 15 лет (когда ребенок уже сложился психически) мать выращивает нередко бандита или ленивого нахлебника. Отсюда и японская мудрость: “до 7 — как с королем, до 11 — как с другом, с 12 — как с рабом”.

Единственным исключением остается творчество в собственной активности безотносительно к депривационным потребностям. Ну, конечно, *научное творчество*. Ведь, физики вовсе не шутят, когда утверждают, что “Наука есть лучший современный способ удовлетворения любопытства отдельных лиц за счет государства”, [Физики продолжают шутить, с. 318].

8.7. Примеры метапотребностей в политике

Итак, индивид, достигающий успешно потребности в уважении через подчинение себе людей, может рано или поздно приобрести пот-

ребность власти, но это, скорее, потребность в *достижении* власти. И теперь уже не так важен результат, важна игра, борьба за подчинение. В принципе это состояние обусловлено физико-химическими процессами не менее, чем любое другое творчество. Реализации (действия) такой метапотребности в ее крайних формах в истории трагичны. Позже в анализе экспериментов Зимбардо и Мигрэма мы узнаем, что крайние формы есть *условия неограниченной власти и поиска такой власти*.

Потребность власти (как это показывает история деспотической, неограниченной власти) провоцирует постоянную смену объекта ее проявления. Уже полностью подчиненный индивид скушен и не интересен в достижении власти, он уже подвластен. Как говорил в шутке один искусный парикмахер о своей девушке: "Я уже исчерпал ее голову". Мотивированному на власть нужны все новые и новые жертвы для игры в установление власти, как и маньяку нужны новые жертвы, скульптору новый камень, а ученому — научная тема для разработки. Отсюда идет и череда завоеваний и стремлений к экспансии (и внутри, но часто и вовне, это помимо политических и экономических интересов властной среды).

Еще один пример политического плана. Понятна кажущаяся подозрительность тиранов к старому испытанному и давно сломанному окружению, свите. Объяснение одно — "скучно". При "скучно", при отсутствии борьбы за власть, при власти абсолютной, лести безграничной начинаются галлюцинации, подозрения и страх угроз, а с угрозами следует продолжать бороться. Они — подозрения — возникают так же, как и в тюрьме, в камере-одиночке и при полной тишине заключенный слышит чужие голоса.

Периодически убирать все старое окружение, с тем, чтобы его сменить новым, и снова ломать и подчинять. Процесс не может прерываться — он бесконечен до конца тирана, каким бы он ни был.

8.8. Обобщение понятия метапотребности. Новое определение

Что же объединяет все это многообразие удовольствий под именем метапотребность?

Потребность *"самоактуализации"* является лишь одним из вариантов высших потребностей человека. Самоактуализация выражает скорее нравственное стремление самого Маслоу пропаганды сознательного отношения каждого человека к своему развитию. Позже такой подход утверждал известный психолог Альберт Бандура. Это, скорее,

нотация и совет Маслоу к читателю, чем констатация. Мы считаем, что ее следует именовать более конкретно потребностью “творчества” по П.Сорокину, возвращаясь к первоначальному взгляду Маслоу на эту потребность. Радость и развитие человек может получить только в творческом труде. Не может удовлетворить потребность самоактуализации человек, который строит себя просто на физиологическом удовольствии от жизни, на развитии, например, красоты или здоровья, которые типичны и являются стандартом. “Самость” предполагает отличие. Самоактуализация уже предполагает творчество уникальности, превышение стандарта или отклонение от него, даже в варианте “быть лучшим”. Потому самоактуализации предшествует общение и сравнение, и последующее личное превышение или отклонение от стандарта. Хорошо это видно на “звездах”. Они не могут существовать вне общества, вне общения и вне отклонения, скандала или чего-то в таком роде. Поэтому труд или активность самоактуализации должны быть социально открытыми и творческими. Но и труд, который способен принести просто радость, является исключительно творческим.

Итак, *самоактуализация — это творческий труд*. А творческий труд доставляет удовольствие. Не в этом ли причина единства и наложения? Но это лишь часть всех высших или метапотребностей. Что указывает нам на то, что метапотребности — это единый класс потребностей? Наш ответ — все метапотребности обладают единым, идентичным механизмом процесса формирования и запуска.

Давайте попробуем выделить общее во всех метапотребностях, какие мы перечислили выше.

Все метапотребности индивида включают вместе с потребностью творчества элементы “игры и добровольного риска”. Эти особенности мы обобщаем как *потребность “творчества и игрового преодоления неопределенности*”. В этом все виды творчества мы объединяем с поиском ситуаций неопределенности или условий добровольно выбранной игры в опасность, действий, связанных с информационной и материальной неопределенностью, включающей необходимость преодоления такой неопределенности.

Итак, автор присоединяет к удовольствию в творчестве *стремление к добровольному риску*. Что объединяет первое и второе? Все имеют один смысл — индивид может иметь цель, но никогда не имеет гарантии ее достижения. Но в творческой деятельности, и в игре, и в самоутверждении, и в самоактуализации он *заранее не знает точного результата, который может получить*. Поэтому часто цель не определена. Возможно, она постоянно изменяется и становится только процессом, и часто в жизни человека бесконечным. *Процесс преодо-*

ления неопределенности становится часто важнее результата. Или иначе, обобщим! Этот класс потребностей "гарантирует" только наличие риска и предположение удовольствия от такого риска! Об основаниях такого перехода мы скажем чуть позже. Познать новое, неизвестное — это и есть цель, она же и есть потребность. Но заранее ты не знаешь, что ты хочешь узнать, а, узнав, добившись, преодолев неопределенность, ты уже достиг данной цели. И существенно то, что индивид получает от этого удовольствие.

Создается впечатление — и это так же гипотеза автора, что именно неопределенность результата в процессе творчества, интерес к его возможному появлению и вызывает удовольствие или возбуждение, именуемое азартом. Отметим, что азарт или hazard — это шанс, риск, опасность, выбор ставки в игре, препятствие вообще и игра в кости. С учетом сдвига смысла — суть одна. Наличие неопределенности в добровольной игре и в преодолении опасности вызывает возбуждение.

Неопределенность обстоятельств, *если она выбрана добровольно*, как видно из предыдущего обзора может рассматриваться во многих случаях как выбор опасности и риска, например, риск вложения капитала. И с этой точки зрения такой риск можно также рассматривать как *искусственно сформированную неудовлетворенную потребность в безопасности*.

Чем же неопределенность и опасность отличается от описанных выше форм опасности, образующих потребности безопасности I и II? Риск или неопределенность в случае метапотребностных ситуаций индивид выбирает для себя добровольно, добровольно, хотя бы в начальной фазе своего бытия, будучи не обременен более простыми проблемами. Ту неудовлетворенную потребность в безопасности, которую индивид выбирает добровольно, хотя бы и неверно оценив ее уровень, мы могли бы определить как игровую *"потребность в опасности"*.

Но когда же человеку нужна опасность, когда он испытывает потребность в неопределенности в (контролируемой и не смертельной) опасности?

Каждый из нас ответит совершенно точно — Человек рискует и ищет "новенького", когда он до этого момента себя ощущает, и длительное время ощущает, в условиях безопасных и стабильных, *стабильных до скуки!* Вот потому потребность в неопределенности, а иногда и в опасности, есть отражение "определенности" (заметим положительной определенности) и "безопасности". Определенность — это буквально все потребности человека, которые он может возжелать — все у него в порядке или в относительном порядке. Они (потребности), например,

всегда в порядке у детей — за все отвечают родители, а в некоторых состояниях (отдых, отпуск и т.п.) и у современного человека.

Поэтому мы будем точнее. Мы определяем метапотребность как потребность в неопределенности и в ее преодолении. Добавим, что исследователь в чисто индивидуальной работе не рискует практически ничем, кроме затрат своего времени (и жизненных сил).

И в играх, и в других процессах, вызывающих азарт, опасность возникает не часто. Так при телевизионном просмотре футбола риск любителя ограничен опасностями сердечнососудистых заболеваний, не более. Бизнесмен, рискующий капиталом, прежде всего рискует частью, а не всем. Кроме того, он может обычно продать свой бизнес и скоротать остаток дней вполне скромным обывателем в безделье. И это не лучший выход и для него, и для общества! Но всегда имеется неопределенность. Мы указываем и настоящий риск — риск гибели — например, “русская рулетка”, “дуэли” и т.п. Но напомним, что это профессиональные “игры” военных людей, людей, играющих со смертью в рамках своей профессии. Это статус и конкуренция профессионалов, что-то близкое к турнирам на смелость. Риск в войне. Стоит напомнить, что это сильнейший стресс — иметь опасность смерти и остаться живым. Состояние неоднократно описано солдатами удачи, которые стали просто наркоманами “смерти” (это адреналин, а потом дофамин и опиоидные нейромодуляторы).

В настоящей жизни воинов, приводимых и возвращаемых к мирной жизни после кошмара войны, подвергают процедуре (не уверен, что всегда успешной) т. н. “реабилитации”. А воин, не реабилитированный, в реальности, может быть опасен для общества. Он годен как профессиональный киллер (возможно, и палач, и тюремщик). Он опасен тем, что может впасть в “зависимость” убийства, стать маньяком. Разгул преступности после войн — именно такого происхождения. Важно, чтобы общество понимало психологию не только творчества, но и других более рискованных социальных, аналогичных по природе потребности творчества, форм зависимостей.

Остается ответить на вопрос, следует ли считать все перечисленные негативные механизмы проявлением высших потребностей?

Исходя из представлений, что хотя бы в начале запуска всех указанных процессов лежит достаточное благосостояние (индивида или общества) и не озабоченность простым добыванием пищи, мы должны придти к неутешительным выводам о надстроечном, т. е. высшем характере таких процессов. Достаточно напомнить, что наркомания (кокаинизм) стала модной в среде европейской аристократии в XIX веке привычкой, и только потом стала доступным средством для сред-

них слоев, позже маргиналов. Аналогично, если обратиться к древнему миру, то, несомненно, и алкоголизм — результат первой роскоши Древнего мира, Египта, Шумера. Бродильные процессы и производство спиртных напитков являются результатом избытка произведенного зерна (и для самогоноварения в России также нужен лишний картофель, сахар, дрожжи).

Итак, метапотребность — это *действие по совершенствованию знаний или мира (включая поиск его красоты), либо иное добровольное преодоление неопределенности, препятствия, или угрозы, но добровольно выбранной угрозы и неопределенности*.

Мы предполагаем, что неопределенность результата, конечно, в условиях относительной безопасности и контролируемого риска опасности провоцирует — создает в центральной нервной системе определенное возбуждение в виде "мобилизации". Возбуждение сопровождает весь процесс и служит положительным подкреплением его продолжения вместе со снятием напряжения в момент (положительного для индивида) достижения результата — снятия неопределенности.

Особой проблемой метапотребности всегда остается отношение индивида к низшим и базовым потребностям и к *недобровольному* риску. При этом возникает как бы формальное противоречие. Индивид в творчестве, в игре, риске может нарушать иерархию потребностей, например, не обращать некоторое время внимание на голод или на *опасность*, терпеть известные лишения. Здесь, несомненно, большое поле для формальной критики, но только формальной. Например, наука возможна и во время войны и в состоянии угрозы. Ученый, работающий во время войны, творит, потому что он уже сложился как творческая личность в мирное, не напряженное время. Поэтому для творца работать в науке в момент внешнего риска и внешней опасности и угрозы, напряжения вполне приемлемо. Таково творчество, например, в т.н. "шарагах" — лагерных институтах СССР для производства вооружений. Предельным примером также служит легенда о гибели Архимеда — он творил даже при захвате римлянами родных Сиракуз. У Маслоу это сказано вполне определенно в разделе "Функциональная автономия высших потребностей":

"...однажды возникнув в сознании человека, эти более высокие потребности, а соответственно и более высокие ценности уже мало зависят от степени удовлетворения низших потребностей, то есть обретают функциональную автономию", [Маслоу А., 1970/2001, с. 124].

К нижнему нейрохимическому уровню метапотребностей мы обратимся позже.

8.9. Когнитивные потребности — метапотребности?

Далее мы обращаемся еще к одной новации Маслоу 1970 года. С учетом выдвинутой гипотезы следует понять, стоит ли когнитивные и эстетические считать частью группы "потребностей творчества, игрового преодоления неопределенности" — т. е. отнести не просто к высшим базовым потребностям, но к метапотребностям?

Действительно, именно здесь правомерность появления новых потребностей в системе Маслоу можно поставить под сомнение потому, что потребности познания и понимания *являются частью процесса творчества и различных информационных действий* и даже частично спортивных игр, туризма, как познания нового мира. Отметим, что подлинная наука неотделима от азарта и эмоций поиска истины, когда познание является средством на пути такого поиска.

Эмоция познания начинается с *любопытства,* и, несомненно, это чувство сродни еще неактивной игре или *ожиданию нового*. Оно свойственно даже неразвитым людям, часто испытывающим недостаток информации, начиная с уличных зевак. *Поиск неопределенности,* т. е. нового, имеет особенность. Оно ведется достаточно спокойно. В ожидании нового нет цели поиска, есть предощущение новизны и неизвестности. Этот поиск по критерию "я не видел" не может быть целенаправленным исходя из принципа "найди то, не знаю что!". И не будем путать с поиском цели.

А *достижение истины* — это совсем другое! Это не пассивное восприятие, а активность. *Поиск истины* сравним лишь с азартом охоты, и это всегда радость победы. Но прежде всего это мощная активность мозга! Много более мощная активность, чем любопытство и выявление *нового*.

Новое — это только пища для размышления. И *"познание"* не точный термин — чужую информацию или знание человек может принять без размышлений или отторгнуть и просто проигнорировать. *Постижение истины* и (собственное) *понимание* — это выявление структуры и верификация информации на непротиворечивость собственному Образу мира, укладка в систему собственных знаний. Кажется возможным сделать вывод, что потребность познания и понимания есть или часть *научения* или часть процесса удовлетворения *потребности творчества* или сама цель процесса творчества. Познание слишком многозначно для одной потребности! Мы разворотили тему, как муравейник! Давайте, начнем ее заново.

8.10. Познание и понимание? Или потребность новизны и неопределенности?

Рассмотрим “потребность познания” Вопрос не вполне простой. Мы, начиная анализ, делим его на части. Дело в том, что эксперименты с крысами демонстрируют наличие такой инстинктоидной потребности, когда крыс размещают перед лабиринтом и просто кормят и поят, содержат в безопасности. Рано или поздно крысы — большинство — пойдут на исследование лабиринта, даже если из его недр не пахнет едой. Часть крыс пойдет в туннель, даже если из нее пахнет запахом кошки — это для крыс генетический сигнал опасности — туда пойдут не все, а самые смелые, но мы отвлеклись. Итак, феномен есть.

С человеком и его *исследовательской потребностью* дело обстоит сложнее. Почему? Потому, что мы не часто видим в обычной жизни эти проявления.

Начнем с общих рассуждений. Если индивид удовлетворил все нижние базовые потребности, то его внутренняя активность (и активность мозга) как бы гасится, она свернута в привычные установки. *Можно предполагать, что центральная нервная система при рутинности системы сигналов и окружения через некоторое время требует (начинает требовать) дополнительных сигналов и разнообразия* — это нам знакомо по проблемам потребности в общении, и мы уже демонстрировали это на примере фильма “День сурка”. Вторая аналогия — башня тишины... или камера! Все есть... кроме счастья!

Не исключено, что и потребность общения формируется именно таким позывом — разнообразия (при одиночестве или семейном и в деревенском однообразии). Индивидуального но однообразного труда индивиду не достаточно. Достаточно вспомнить, как многословны и склонны к повторам крестьяне в их однообразной жизни, см. например, “Улитку на склоне” (глава “Лес”) бр. Стругацких. В этом смысле потребность новизны, безопасной неопределенности или любопытство, как кажется, у человека должны всегда возникать.

Но в реальной жизни *мы замечаем ее не у всех людей* в то время, как у зверей в искусственных экспериментах, ГДЕ МЫ СУМЕЛИ СОЗДАТЬ ДЛЯ ОСОБИ ВСЕ УСЛОВИЯ, она определенно возникает. Впрочем, “не у всех людей” может только означать, что значительная их часть *не имеет условий* и перегружена заботами нижних уровней. Большинству индивидов “радостей” общения, конфликтов и конфронтации-уважения друг с другом вполне достаточно для ощущения “разнообразия”.

Мы пытаемся понять, почему мы не замечаем этого феномена у подавляющей части людей в нормальных условиях. Наше объяснение в следующем.

Вариант захвата метапотребностью. В какой-то момент развития индивида (7–16 лет) поисковая деятельность возникает и некоторое время существует у большинства, но она может быть не замечена окружающими в этот период у многих и многих людей. И когда мы в более поздний момент не видим у индивида поискового синдрома, то это означает, что он "уже занят". О чем идет речь?

Наши личные наблюдения показывают, что человек, относительно удовлетворенный в своих базовых потребностях (часто это молодежь или дети) и который при этом не "любопытствует" во всех направлениях или в некоторых направлениях, *уже метамотивирован в конкретном направлении*. Другими словами, он уже имеет конкретный метаинтерес, который и снимает потребность любопытства в остальных направлениях. Короче, человек, увлеченный спортом или фанатством, компьютерными играми, игрой в карты или резьбой по дереву, может уже никогда не выйти на другие, в том числе и на когнитивные общие направления — его жажда неопределенности уже поглощена выбранной им неопределенностью более узкого локализованного характера. Эту неопределенность он освоил и, более того, он ее постоянно преодолевает. Ему достаточно уже возникшей высшей потребности.

Вариант захвата уважением. Есть и еще одна интерпретация закрытия. Индивид, уже вошел в систему статусных отношений. И он пытается по примеру взрослых изображать важность в поведении. В символике статусных форм поведения прямая развитая живость и любопытство, как и в любой восточной статусной среде, рассматривается как состояние юного возраста или низкого статуса и зависимости. Статусная значимость (неевропейского уровня) предполагает каменное неподвижное лицо, минимум эмоций, и уж, конечно, сокрытие любого поискового поведенческого синдрома. Важный человек делает вид, что он сам знает *все*. Безразличие на лице означает полную обеспеченность ресурсами и... отсутствие зависимости. Как должен вести себя молодой человек, который желает выглядеть значимым? Такой молодой человек стесняется лишний раз повернуть голову, его поисковый синдром, если он существует (и дай бог!) глубоко запрятан. Вот почему мы его часто не видим в типовом поведении. И это вторая модель!

Вариант захвата общением. Мы вполне можем допустить, что общение и потребность общения является ранней по уровню или просто частью потребности новизны и неопределенности. И люди сангвинического типа вполне могут выходить на эту потребность через просто

аффилиацию. Аффилиация для людей, не имеющих каких-либо прагматических целей от общения, вполне замещает все высшие базовые потребности. Действительно, если от общения человеку (чаще это лучшая половина человечества) ничего не нужно, то *общение играет роль и символического обеспечения потребности уважения*. Информация, которая поступает получателю, нова для получателя, но она особенно не нужна, не нужна в том смысле, что не затрагивает иные потребности, кроме общения, символического уважения и потребности новизны. С другой стороны получатель часто оперирует ею далее в общении. Если получатель "забудет" такую полученную информацию, то это может вызвать у другой стороны обиду: "Я же тебе уже говорила! Ты ко мне не внимательна!". Это означает, что общение и передача сообщений и в этом типе отношений удовлетворяет потребности уважения. Но тогда новая информация может покрывать и потребности получателя в новизне и ощущении неопределенности. Мы далее не разворачиваем эту тему, чтобы не потрясать настоящую структуру, оставляя ее исследование на будущее.

Что остается? Поисковый синдром! Единственное, что мы можем определенно наблюдать — это поисковый интерес к жизни практически у всех детей, которые еще не обременены "взрослыми проблемами".

Этот интерес продолжается ДО т. н. "озабоченностей бытом", которые уже означают погруженность в социальную среду (общения и уважения-статуса). Возникшие в этот период (неудовлетворенные) потребности закрывают путь к чистой и свободной любознательности — образуя у подростка новые неудовлетворенные потребности, а часто и комплексы. Взгляните, КАК смотрят малыши на прекрасные фантики и жвачки, диски и мобильники — и вам будет ясно, чем они будут озабочены ближайшие 15 лет, пока не начнут зарабатывать деньги. Борьбы с этой неопределенностью для человека вполне достаточно. Борьбы и освоения! Достаточно в форме потребности безопасности II и III. Выпросить у родителей, а потом заработать столько, чтобы иметь красивую: жвачку, ручку, сумку, часы, мобильник, украшение или куртку, компьютер, машину, квартиру... И, как говорится, с головой! Тогда, возможно, человек, всю оставшуюся жизнь, ощущает себя неполноценным, например, недостаточно состоятельным. И он сам закроет себе собственное наивное любопытство к миру, найдя из удовольствий (и метапотребностей) что-либо конкретней и проще, например, футбол с его риском проигрыша любимой команды.

Возникает вопрос (и он у нас возник позже всех, когда составлялся новый глоссарий) — *Каков тип потребности в познании и истине,*

а может быть, отдельно, в новизне и неопределенности — Это базовая общая потребность или же это метапотребность?

Ответ и основание теперь после почти полной реконструкции иерархии Маслоу, мы можем дать такой.

Поисковый синдром, если у индивида удовлетворены все потребности, является инстинктоидным и возникает неосознанно. Он редок, поскольку состояние полной удовлетворенности до скуки редкое состояние. Он редок, поскольку у человека могут быть относительно рано возникшие и более поздно появившиеся специальные удовольствия — метапотребности, которые инстинктоидно вспоминаются в состоянии удовлетворения потребностей и *включают поисковый синдром автоматически.*

Отсюда следует, что *потребность в поиске неопределенности (новизны) есть ОБЩАЯ, т. е. БАЗОВАЯ потребность человека, а не индивидуальная метапотребность.* Наименовать ее следует именно "новизной" или получением неизвестной, но предположительно безопасной информации.

Обычный термин "познание" и тем более "истина" уже имеет цель и смешан с мотивацией и целенаправленной деятельностью по удовлетворению других потребностей. Отличие потребности новизны в неопределенности заключается в отсутствии целей. При новизне человек частично активен. Например, это движение первый раз в библиотеку (без указания родителей или учителя) или это намерение остановиться и посмотреть на ремонт дома, работу подъемного крана или на тушение пожара в городе. *Отсутствие цели в мотивации резко отличает эту потребность от метапотребностей, где активность направлена на преодоление неопределенности через победу, через преодоление, на разрешение проблемы. В потребности новизны — нет активности преодоления.*

И второе отличает потребность в новизне от метапотребности, выделяет ее: это то, что *потребность в новизне предшествует ВСЕМ метапотребностям и является их составной частью.*

Для преодоления неопределенности ее следует прежде обнаружить или даже создать! Это касается постоянной работы с метапотребностью. Вот почему мы сначала включали ее в часть метапотребности — она там всегда присутствует как часть процесса.

Но есть и онтогенетический аспект. Он в следующем.

Поисковый синдром всегда участвует и в формирования самой метапотребности. Это означает, что прежде появления какой либо метапотребности (индивидуального увлечения) в молодости индивид

должен пройти и *поисковый синдром* в относительно беззаботном состоянии (не имея еще метапотребности, увлечения).

Здесь существует и *некоторая сложность, которую мы ниже разрешаем*. Дело в том, что часто метапотребность возникает в возрасте, когда у индивида еще не сформирована потребность в общении и уважении. Более того, выход на потребность уважения и статусов (без конфликтов) требует прохода через потребность в общении, и обе фактически сопровождаются поисковым синдромом — удовлетворением потребности исследования неопределенности, например, интерес знакомства с новым мальчиком или девочкой, рассматривание их игрушек и одежды. Однако *последнее соображение не является ведущим. Обычно индивид уже включен в среду общества и статусов не по своей воле,* и искать общества (исключение иммиграция) ему нет необходимости. Поэтому *поисковый синдром в потребности общения и уважения проявляется вынужденным образом,* а не единственный и чистый потребностный импульс.

Проявление поискового синдрома как потребности новизны видно не только в юности. Оно ярче документируется в современном обществе трудящихся и пожилых людей. Если человек всю жизнь отрабатывал свой “хлеб насущный”, т.е. работал в системе потребностей общения и уважения, то выйдя на пенсию, он, если не имеет чрезвычайных метапотребностей, бросается в путешествия. Объем международного и культурного туризма в пожилом возрасте говорит о наличии и о потенциале потребности новизны у большинства людей, достигших возможности удовлетворить познание.

Еще большую роль играет рост международного туризма и путешествий в кругах среднего класса современного общества. Именно последний (класс) мы и должны рассматривать как часть общества, достигшую высших потребностей вплоть до творчества. В личном наблюдении открытых анкет программистов одной из фирм в вопросе: “Что бы вы делали, если бы имели много денег?”, — подавляющая часть ответила — “объездил бы весь мир!”.

Вывод. Мы вынуждены откорректировать потребность “познания и понимания”, включенную в иерархию потребностей самим Абрахамом Маслоу. Мы заменяем ее (уточняем) базовой, общей для всех людей “потребностью новизны и неопределенности”.

И еще одно замечание. Нам кажется, что эта потребность новизны и неопределенности с появлением метапотребности (любой) как бы исчезает. Ее не видно. Теперь мы понимаем, что *эта потребность автоматически включается и удовлетворяется появлением любой метапотребности. Базовая потребность новизны необходимым*

образом включается как составная часть в метапотребность. Это тонко, но указывает нам на то, что иерархичность системы потребностей продолжает сохраняться.

8.11. Феномен Бесвика. Любопытство и порядок

Существует и другая “ненаучная” интерпретация стремления к новизне. Бесвик (Beswick, 1965), создавший шкалы и тесты удивления-интереса и любопытства, смог на испытаниях шестимесячной длительности доказать, что *высокий уровень любопытства коррелирует с осознанным стремлением к порядку*, так и с выраженным интересом к новизне как ценности [Макклелланд, с. 177]. Статистика указывает нам, что любопытство, новизна и порядок — связаны. Попробуем это истолковать.

Связь новизны с порядком может нести функциональное значение. Человек, ориентированный на новое, получает множество новых впечатлений. Появление нового требует новой укладки материала и приведение нового к порядку снова. Дело в том, что перенасыщение новой информацией без ее упорядочивания, образует хаос и создает тревогу неконтролируемости жизни и приводит к состоянию эмоционального выгорания (усталости от многообразия). Поэтому приведение в порядок того, что уже получено, вполне обосновано, — дальнейшее получение новой информации перегружает память и даже теряется, но, главное, может беспокоить индивида. Утомленность впечатлениями от путешествий и информации представляет, например, герой Пушкина Евгений Онегин (вероятно, здесь и толика утомленности самого поэта). Мы знаем, что заядлые путешественники часто ведут архивы фотографий и текстовых материалов, имея возможность читать лекции по темам, а те, кто не делает этого, чаще “устают от жизни”.

Итак, получение нового вызывает некую насыщенность и ощущение хаоса. Хаос вызывает тревогу или чувство неустроенности. Чувство хаоса порождает потребность приведение нового в порядок, возвращение к исходному положению до информационного экзоцитоза. Вспомним, само стремление к новому было обусловлено уже существующим покоем и порядком в системе индивида или таким беспорядком, который рассматривался как управляемый (новые вопросы к миру). После дозы новизны индивид обязан пожелать вернуться в это состояние контролируемости и порядка.

Цикл замыкается. Все, что приведено к порядку, создает ощущение безопасности и... вызывает скуку, влечет к новым поискам нового (беспорядка).

Очень возможно, что, наоборот, человек, который не любопытствует, достаточно перегружен собственными ощущениями заботы от внутреннего хаоса, устойчивой напряженности возможно от ощущения хаоса и опасности мира. Для него новая информация — нагрузка и бремя. И он ее постарается избежать! Не отсюда ли нежелание путешествовать пожилых людей России и людей низкой квалификации, которые прожили тяжелую жизнь, но так и не поняли, что с ними произошло в XX веке. Слишком много хаоса и в текущей жизни!

8.12. Порядок и истина

Порядок — это определенно и *стремление к истине*. Дело в том, что всякая *ложь* является заведомым *нарушением порядка*. Ложь есть система с заведомым нарушением логической целостности фактов и символических (знаковых) структур. В системе с нарушением логических структур человек ощущает себя некомфортно. У него возникает раздвоение личности. Структура искаженная должна явным образом преобразовываться в психике в нормальную. В любом случае, внешнюю структуру, если она не подлежит коррекции, полагается принимать во внимание совместно с собственной, реальной и истинной. Это и есть раздвоение!

Если речь идет об общественной деятельности или о преподавании неверного материала, ситуация в некоторых ситуациях еще сложнее. Существует то, что существует в реальности и что индивид строит как истинную модель, и существует то, что он ДОЛЖЕН изображать по роду службы или программе. Человек иногда вынужден запоминать формулы (заклинания) вроде "изречений Мао" или "цитат и установок партии" и придерживаться их в жизни. Он ощущает отсутствие комфорта в том, что обязан помнить и говорить то, что ему не ясно, или то, во что он не верит и не считает истиной. Мой друг вспоминает: "Начну с себя. В детстве у меня проколы случались частенько. Ловившая меня на них мама повторяла мне: Сын не ври, у вруна должна быть очень хорошая память" [Ривлин А., с. 96]. На телевидении вы часто можете отличить людей, когда они говорят не то, что думают. Если это не профессионалы, то их зрачки в момент "официальной" речи неподвижны — человек тщательно контролирует то, что говорит — он напряжен.

Короче, стремление к истине, это и борьба с некомфортным хранением информации (или дезинформации) в своей системе мышления — памяти. Информационные технологии подсказывают нам,

что в памяти должны храниться ДВЕ модели поведения и две модели представления информации, их параллельное ведение (использование) проблема для мозга. Скорость работы памяти и мышления должна падать. А стремление к истине, как и в науке, снимает напряжение хранения некорректной (заведомо ошибочной) информации. Истина часто КОМПАКТНЕЕ и удобней в хранении. Она безопаснее в том смысле, что не имеет явных противоречий. Если мы забыли некий фрагмент верной теории, то в непротиворечивой системе мы всегда способны его восстановить, как рисуем известную нам фигуру, зная ее особенности. Так же и в науке. Более мощная модель удобнее в запоминании, чем модель из фрагментарных теорий. Набор изолированных фрагментов всегда сложнее в запоминании и использовании, чем целостная система. Индивид, уходя от избыточной и неверной информации, а это обычно связано, испытывает облегчение как большую экономию памяти и возможностей (и может испытывать даже озарение). Он чувствует себя готовым к новому познанию, ощущает мощь и способность собственного мышления и начинает верить в собственные силы. Верная (в некоторых, конечно, рамках) теория для исследователя выступает как исправный инструмент для плотника — это часть потребности в безопасности II, иногда I, и всегда III.

8.13. Порядок и эстетические потребности

Порядок мы должны связать с *эстетикой, красотой представления информации*. Эстетические потребности как стремления к норме, к порядку, к чистоте есть часть культуры. Когда Маслоу говорит об эстетике, отмечая стремление к красоте, симметрии и порядку, возможно, он имеет в виду иное, а не культуру.

Научному и эстетическому мышлению предшествует некое состояние (потребности) гармонии и порядка, упорядоченности самого сознания субъекта творчества как предпосылки творчества. Иначе говоря, для нового творчества нужна гармония "души", положительных обстоятельств или окружения как условие спокойствия и сосредоточенности на главном объекте внимания.

В изучении объекта возникают особые эстетические требования. Если наш объект познания или творчества несовершенен, неудобен, "некрасив" в смысле познания, значит, очень велика вероятность, что он содержит и теоретические изъяны. Нечеткость или размытость формулировок в науке, в отдельном ее разделе, уже означает слабость

раздела. Сказанное напрямую имеет отношение к теме мотивации с ее многозначностью. Несовершенство объекта творчества или познания порождает у творца инстинктивное ощущение некомфорта, неэффективности, излишка трудозатрат, возможности экономии сил и материала — это ощущение “некрасивости”. Достаточно вспомнить слова великого скульптора, который отсекал “все лишнее” в куске мрамора. Несовершенство, или “неопределенность” объекта познания, ощущение отсутствия гармонии его определения, противоречия объекта познания во взаимодействии со средой или контекстом его существования уже есть цель творчества как цель поиска ключа к совершенству, к экономии затрат. Эстетика объекта творчества означает тогда приведение объекта в порядок, переопределение или реорганизацию, реинжениринг объекта и его минимизацию, сокращение и, возможно, симметрию.

Простота и минимальность объекта — это тоже эстетика. Более того, это, вероятно, истинная эстетика природы. Или это потребность самого мышления как части природных процессов — минимизировать объект познания или творчества, “свернуть” модель в минимальной, значит, совершенной его форме (важно при этом не потерять ценные детали).

Таким образом, потребность в эстетике охватывает все стороны творческого процесса. Она формирует условия предтворчества (осознание некрасивости). Затем она требует необходимых условий творчества (порядка как условия мышления). Эстетика влияет и формирует особенности процесса творчества (упорядочивание процессов анализа и синтеза как процесс). А практически всегда эстетика оказывается и самой целью (реорганизации объекта как наведения красоты и порядка в нем).

Является ли потребность в эстетике как и стремление к порядку базовой потребностью или потребностью творчества? Мы склоняемся к тому, чтобы отнести процесс упорядочивания и наведения эстетики, украшения объекта к собственно процессам мышления, наиболее тонким элементам самого процесса творчества. Эти процессы творчества мы считаем самой ценной стороной удовлетворения любой метапотребности, которая в лучших своих проявлениях по определению включает *поиск неопределенности или несовершенства* и творчество в мышлении — *преодоление неопределенности*. Поэтому *потребности эстетики и порядка мы вынуждены считать частью проблем удовлетворения метапотребности — преодоления неопределенности.*

8.14. Возможна ли диспозиция метапотребностей? В чем свобода личности?

Итак, мы объединили в метапотребности широкий круг стремлений человека, от серьезных и возвышенных до простых и даже вредных. Особенность метапотребностей — это обнаружение или поиск неопределенностей и их преодоление в выбранной области. Все эти процессы должны иметь одну природу запуска и подкрепления (удовлетворения, редукции) — это положительное возбуждение до и в процессе активности и после него. Оно возникает или запускается от предвкушения (антиципации) будущего положительного возбуждения. К выяснению, имеет ли явление основание в информации на уровне ниже психологии — на нейрофизическом уровне — мы обратимся в следующих разделах.

Теперь, когда мы говорим о метапотребностях, возникает вопрос, может ли у человека быть несколько метапотребностей?

Опыт достаточно разносторонних людей уверенно показывает, что может! Выше мы отметили вторую (и вероятно, не последнюю) метапотребность Великого поэта. Увлечений великого Леонардо да Винчи или Менделеева — вполне достаточно. Мы не будем приводить детали.

В этом вопросе вполне логично допустить возможность свободной диспозиции метапотребностей — каждая метапотребность из существующих выбирается свободно, если низшие и базовые это позволяют.

Вот теперь мы можем позволить себе поговорить о свободе в "англосаксонском смысле". И лучший ответ по поводу такой свободы — это ответ Олпорта:

"Относительная свобода, как нам известно, зависит от владения индивидом множественными возможностями поведения... человек, чья нейропсихическая система таит много детерминирующих тенденций, свободнее человека, чья нейропсихическая система таит только одну детерминирующую тенденцию. Таким образом, человек, обладающий только одним навыком, знающий только одно решение, имеет только одну степень свободы. С другой стороны, человек, обладающий обширным опытом и знающий много способов поведения, имеет гораздо больше степеней свободы. В этом смысле широко образованный человек свободнее человека узко подготовленного...

Им (в тоталитарных системах) известно только одно решение, и это решение тоталитарно и ложно. Отсутствие у них личной свободы отражается в нетерпимости и боязни несогласия. Однонаправленный ум никак не может понять, что у правды много путей..." [Олпорт, 1955/2002, с. 208].

Только на высшем уровне (и знаний, и установок, и личных предпочтений) потребностной схемы человек может ощущать себя свободным или иметь значимое ощущение свободы. Олпорт сказал неточно, и для нас это не вполне аргумент. Но мы знаем то, что он еще не знал. Свобода выбора (удовольствий) зиждется на мощном фундаменте базовых потребностей и совершенно необходимых форм активности поддержания нижней, базовой части потребностей и своей свободы на верхних этажах пирамиды личности.

Вот теперь, если предполагать, что Макклелланд понимает в своих объектах мотивации именно метапотребности (и еще измеряет их наличие у человека) становится понятным его спокойное отношение к этим объектам. Если речь идет о "высших слоях атмосферы" потребностей, о высших формах потребностей (и в индивидуальном настрое отдельного весьма развитого человека), то такое, действительно, может иметь место. Метапотребности в жизни человека прекрасны, как корабли на море. Или... как гедонистические сны разума, которые порождают... например, поющих сирен для этих кораблей.

И тогда возникает второй вопрос — возможна ли иерархия метапотребностей? Пока у нас нет данных, будем считать, что невозможна.

8.15. Итоговый вариант иерархии и состава мотивационной сферы

Теперь мы можем привести более точную схему иерархии мотивационных структур

В схеме данной выше, на рис. 2.6 мы использовали понятие "интерес" Теперь мы твердо говорим о метапотребностях.

На основе проведенной работы мы можем представить реструктурированный состав мотивационной сферы в виде группы вложенных процессов мотивации. Включены почти все элементы мотивационной сферы, построенной Е. П. Ильиным. Исключены факторы "Долженствования", "Ценностей" и "Уровня притязаний" (или "мотива на достижение" по Макклелланду). Основания исключения обсуждены выше в Главе 7.

Развито макропредставление о преобразовании обычной единичной мотивации и некоторой обычно нейтральной эмоционально поведенческой установки в некоторых идеальных ситуациях в *приобретенную индивидуальную потребность или метапотребность*.

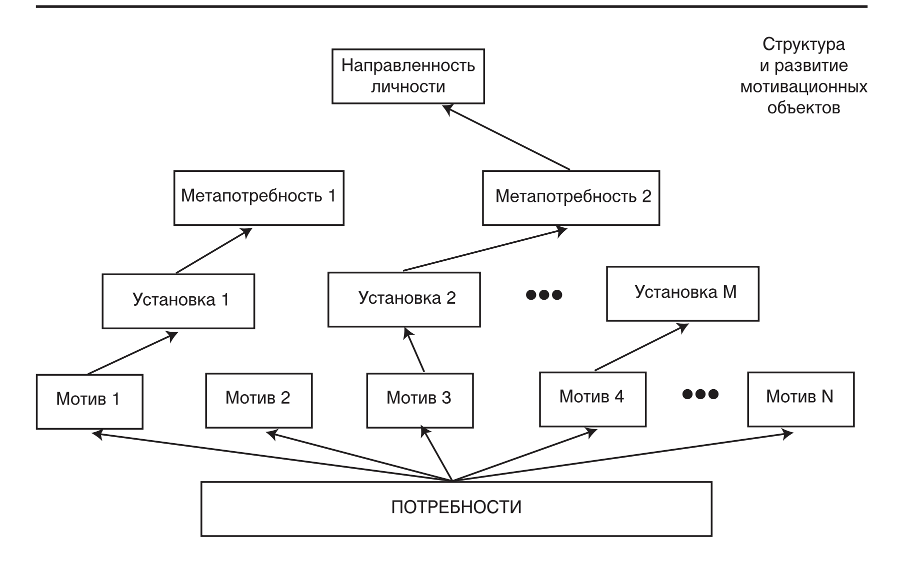

Рис. 8.9. Структура мотивационных образований в своем развитии и развитии личности — выше установок формируются новые индивидуальные потребности — метапотребности. Сравни с рис. 2.6

Определены общие черты метапотребности и дано *ее определение — поиск и преодоление неопределенности, поиск риска и его преодоления*, потребность в безопасной или умеренно опасной неопределенности с ее разрешением, и даже игра как неопределенность и ее разрешение в активности.

К классу базовых потребностей выделена и отнесена потребность "новизны и поиска неопределенности".

Ее проявление в большинстве случаев скрыто включением в процессы преодоления неопределенности, т.е. в метапотребности.

В этой связи неточно определенная в своих функциях Абрахамом Маслоу потребность "познания и понимания" нами отнесена к метапотребностям, творчеству, поскольку уже включает преодоление новизны.

К классу метапотребностей отнесены эстетические потребности и поиск красоты, в том числе как процесс преодоления неопределенности и беспорядка и превращения их в систему порядка и эстетической целостности.

Творчество и самоактуализация являются частными случаями приведенного определения метапотребности.

Любая метапотребность надстроена над всеми базовыми потребностями.

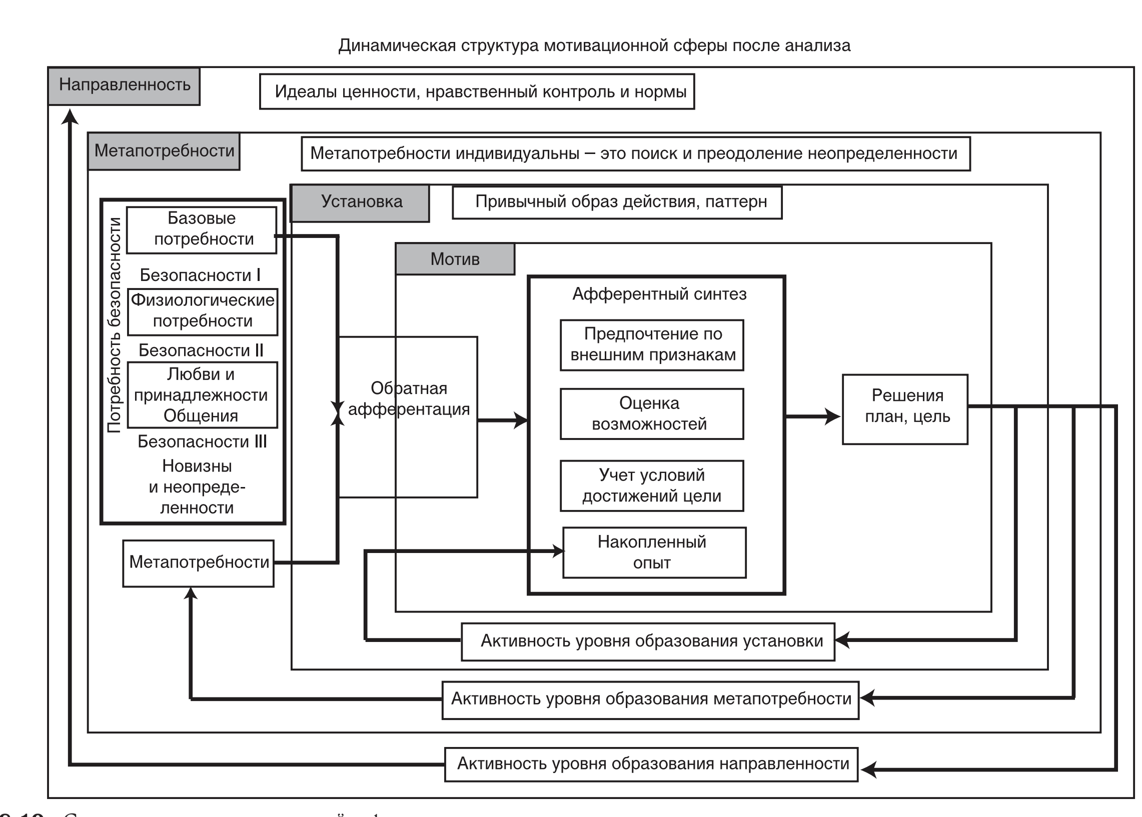

Рис. 8.10. Структура мотивационной сферы после ее реконструкции с помощью результатов, полученных из теории Маслоу в соединении с пересмотром данных в обзоре Ильина, смотри рис. 2.7

Часть метапотребностей использует (удовлетворяет одновременно) *базовую потребность* в своем построении и соединена с отдельной базовой потребностью, а иногда с несколькими.

Существуют и чистые метапотребности, работающие строго по определению (например, творчество или игры).

Метапотребностей может быть несколько, но все они являются одновременно и самоактуализацией, и творчеством личности. Они отличают данную личность от другой. *Среди метапотребностей нет иерархии, и возможны произвольные диспозиции* по настрою их носителя.

Среди тем, которые мы должны обсудить, остается параллель иерархии потребностей Маслоу в биологическом мире, см. Главу 9, и нейрофизиологическая сущность метапотребности, нейрофизиология ее формирования и функционирования, см. Главу 10.

ГЛАВА 9. ПОТРЕБНОСТИ В БИОЛОГИЧЕСКОМ МИРЕ ИДЕНТИЧНЫ ИЕРАРХИИ МАСЛОУ

9.1. К постановке вопроса

Некоторые результаты в области социологии и истории показывают, что теория Маслоу имеет существенные объясняющие возможности в этих науках. Поэтому для нас становится ценным понять и возникновение феномена иерархии потребностей в истоках истории человечества. И наше обращение к биологическому началу является совершенно обоснованным шагом в традициях филогенетического подхода, порожденного методологией исторического (или точнее, динамического) материализма, который остается ценнейшим инструментом исследования как социальных, так и менее развитых систем. Мы обращаемся к этой теме, не ради нее самой, и для нас это побочная тема. Но богатство самой теории иерархии Маслоу приводит к важности определить нижнюю границу ее действия и, кроме того, лучше понять механизм и историю появление структуры потребностей в форме и порядке, представленном Маслоу. Самые первые данные указывают на существование нижней части иерархии потребностей у высших позвоночных. Более пристальный взгляд позволяет обнаружить и зачатки всех высших потребностей.

В настоящем разделе мы приходим к выводу, что иерархия потребностей, развернутая открытием Абрахама Маслоу, существует не только у человека, но и выполняется в основных своих элементах в биологическом мире, у высших видов животных. Этот доказываемый здесь тезис находится в противоречии с устоявшимся общим мнением, к которому пришло научное сообщество психологов и социологов 1960–70 гг., о чем, например, говорится в весьма уважаемых обзорах [Немов Р. С., т. 1., с. 401].

В последние годы современные этологи со своей стороны на основе результатов биологических исследований второй половины XX века начинают изменять общее мнение о роли биологического фактора в окружающей социальной жизни. Этот путь, возможно, позволил заново открыть и ввести в научный оборот и монографию Б. Ф. Поршнева (1905–1972).

9.2. Общесистемные основания при анализе биологического и социального

Начиная работу в данном разделе, мы обращаемся к общесистемному взгляду на биологический мир, частью и замечательным результа-

том развития которого являемся сами. Это не дает нам, впрочем, повода, безапелляционно отделять себя от природы без конкретных данных и анализа по каждому поводу и случаю. И настоящая глава является тому примером.

Мы начинаем с общего, т. е. системного анализа потребностей в биологическом мире, который выполнил Бронислав Малиновский. Значимость той или иной потребности в соответствии с его идеей [Малиновский Б., с. 86] определяется частотой появления той или иной потребности и, добавим от себя, ее важности для выживания и продолжения вида или общества (срочности удовлетворения, минуты, часы ...). Эта открытая им особенность дает Малиновскому возможность развить представление о структуре низших биологических потребностей, которые порождают вторичные более высокие социальные в обществе потребности. В ходе построения своей теории культуры Малиновский энергично связал верно им понимаемые, биологические или базовые потребности человека с развитием последующих этапов формирования социальной культуры, "социальных институтов", термин, который он сам и ввел [Малиновский Б., с. 46]. В результате он определенно создал представление о связи социальных инструментальных (или культурных) элементов жизни человека с его, как ему казалось, "вторичными потребностями", определения которых у Малиновского мы исследуем позже. По Малиновскому оказалось, что все вторичное в потребностях человека и социума и есть культура или культурный слой. Поскольку рациональный и системно верный взгляд Малиновского в целом и сейчас глубоко симпатичен читателю, более того, является используемым пособием и в современной социологии, например, в антропологии и анализе примитивных культур, то влияние его и сейчас, через 60 лет, вполне понятно. Мы начнем с его работы и постараемся ею закончить, обсуждая темы культуры.

9.3. Потребности в природной среде от Бронислава Малиновского

Бронислав Малиновский начинал свою теорию культуры по определению через описание культуры, последняя есть

"единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, учредительных установлений для различных общественных объединений, человеческой мысли и ремесел, верований и обычаев", [Малиновский Б., с. 43].

За любой культурой Малиновский видит "специфические проблемы", встающие перед человеком, а проблемы

“возникают, потому, что человек имеет дело с различными органическими потребностями и потому что он живет в среде, которая для него одновременно и лучший друг, дающий ему сырье, и опасный враг, грозящий множеством опасностей” [Малиновский Б., с. 44].

Отсюда Малиновский выходит на систему потребностей, которые он строит за несколько лет до появления теории иерархии потребностей Маслоу.

Как диалектик в исследовании социального Малиновский принимает единственно верное решение в анализе темы культуры — он начинает исследование темы с момента ее возникновения:

“...теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах. В совокупности человеческие существа представляют собой вид животного. Они вынуждены выполнять элементарные требования, чтобы выжить, чтобы их род продолжился, а здоровье всех и каждого представителя в отдельности поддерживались в рабочей форме...”

При этом Малиновский вовсе не поклонник “органицизма”, в котором его пытаются обвинять [Малиновский Б., с. 7], как в свое время и Спенсера [Спенсер Г., с. 9] . Он понимает, что

“...человек создает вторичную среду обитания... новая вторичная, искусственная среда, которая и есть собственно, не что иное, как культура, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться”, [Малиновский Б., с. 44–45].

Далее Малиновский говорит о социальных потребностях, и развивает анализ оценки важности потребностей по частотам возникновения, о которой мы будем говорить ниже. Но в начале его труда мы фиксируем идею — человек часть животного мира и вышел из мира биологического, потому рассматривать его схему потребностей следует исходя из более простых форм жизнедеятельности биологического мира как от исходной отправной точки мира социального.

У Б. Малиновского емко и определенно звучит тема иерархии потребностей, и об иерархии поведения человека в развитии и культуры и потребностей с ней связанных, а именно, о том, что

“...теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах... ...человек создает вторичную среду обитания...

(это) новая вторичная искусственная среда... культурное качество жизни предполагает, что появляются новые потребности и новые императивы или определяющие факторы налагаются на человеческое поведение... [Малиновский Б., с. 44–45].

Мы не будем обсуждать и принимать за истину все здесь сказанное, мы это рассмотрим позже, а в настоящей Главе используем тот системный потенциал, который Малиновский запускает в анализ, бук-

вально за пару лет до формирования теории Маслоу и последний с этой работой был знаком.

Об истоках работы Маслоу мы уже сказали. Но рациональная площадка или плацдарм для рационализации этой теории, ее логического обоснования (с использованием биологических и известных социальных данных) естественней всего начинать с Малиновского.

Начнем с перечня потребностей-импульсов, построенного Б. Малиновским. Внимание и интерес мы проявляем к базовым потребностям, общим для человека и животного мира. Его таблицу "(потребностных) импульсов", "актов" — действий и "удовлетворений" — результатов мы ниже представим в *порядке Маслоу* [Малиновский Б., с. 78]. Дыхание, Жажду, Голод, Половое влечение Малиновский расположил в порядке частот возникновения, а Боль и Страх перенес на высокий уровень. Значимость тех или иных потребностей определяется как минимум частотой возникновения и потребной скоростью (срочностью) их удовлетворения (действий по удовлетворению).

Именно такие оценки и формируют наши представления об иерархии потребностей на биологическом, низшем уровне. Действительно, если особь погибнет, задохнувшись, то до удовлетворения других, более высоких, например, физиологических потребностей дело не дойдет. Далее, если зверь сыт, но еще не отдохнул, устал, то он не будет испытывать половое влечение. Частоты потребностей и их важность для развития и текущей жизни организма и образуют иерархию. Но автор не учел, что в ранге выживания боль и страх стоят как выживание в межвидовой борьбе много ниже (важнее), чем жажда или пища. И мы строим таблицу чуть иначе.

Порядок в таблице Малиновского нами изменен в соответствии со сказанным выше. По поводу ранга позиций 4–7 у нас нет достаточной информации, и мы не считаем важным уточнять этот ранг в нашей работе.

Таблица 9.1

№ п.п	Импульс	Акт	Удовлетворение
1	Позыв к вдоху	Вдох	Насыщение кислородом
2	Боль	Избегание боли	Возвращение к нормальному состоянию действием
3	Страх (при прямой опасности от врага)	Бегство от опасности или борьба с ним	Расслабление

Окончание табл. 9.1

№ п.п	Импульс	Акт	Удовлетворение
4	Жажда	Прием жидкости	Удовлетворение жажды
5	Голод	Прием пищи	Насыщение
6	Давление в мочевом пузыре	Мочеиспускание	Устранение напряжения
7	Давление в прямой кишке	Дефекация	Устранение напряжения
8	Утомление	Отдых	Восстановление мускульной и нервной энергии
9	Сонливость	Сон	Пробуждение и восстановление энергии
10	Беспокойство	Деятельность	Утомление
11	Половое влечение	Половой акт	Спад полового влечения

9.4. Базовые потребности. Первый взгляд

В комментарии к нашему варианту таблицы отметим, что основные "базовые" потребности с учетом сказанного нами выше при исследовании иерархии потребностей человека делятся на три группы:

– Группу немедленной потребности выживания или немедленного действия по их удовлетворению (1–3). Мы будем называть ее "потребностью в безопасности I";

– Группу нормального энергетического обмена — метаболизма (4–7 и 8–9) — "физиологические потребности";

– Потребность в спокойствии или "безопасности" после удовлетворения всех основных физиологических потребностей (10);

– Потребность в продолжении популяции, генетически заложенную в биологический вид — она идентична "окультуренной" потребности в любви у Маслоу, которая в более примитивных обществах, ближе к природе и совершенно идентична потребности продления рода (11).

9.5. Потребность в безопасности I

Потребность в жизни в межвидовой борьбе и в случае катастроф совершено идентична тому, что мы сформировали как потребность безопас-

ности I для человека. Исключение в момент угрозы для жизни в некоторых ситуациях составляют отдельные наблюдаемые случаи защиты подроста, птенцов, гнезда. Генетические установки, возможно, в чем-то настроены на продолжение вида в большей степени, чем на сохранение собственно материнской или отцовской особи. Такие примеры существуют и в мире насекомых и т. п.

Потребность жизни или потребность в безопасности I вмонтирована в поведение и биологической жизни, и социума. Кошка на новом месте (новые запахи) может не мочиться и не есть до двух дней. В этот момент или просто в новых условиях, звери испытывают стресс, другими словами, страх или ощущение опасности. И такое состояние продолжается до тех пор, пока реальная ситуация не докажет им обратного. Это поведение возникает как реакция на состояние стресса — потребность в безопасности I не удовлетворена. Именно так себя ведут и люди. Некоторое время, например, они не могут вернуться в жилье после сильного землетрясения, но через несколько дней, если толчков больше не происходит, возвращаются. После взрыва в метро в Москве, 6-го февраля 2004, один из функционеров по безопасности сказал: “сегодня население волнует безопасность, но через три дня они снова будут думать об отпусках, работе и остальном”. Частота реальных опасностей и определяет собственно опасность и удовлетворение потребности в безопасности. Если новых опасностей нет, то особь или группа, стадо, социум успокаивается.

Потребность безопасности I в ситуации новых условий обусловлена не прямой опасностью, угрозой, а *неизвестностью, сменой обстоятельств, знакомством с новым окружением*. Всякая новизна (например, территории) рассматривается временно как большая опасность. Здесь, *в первые минуты и часы* не удовлетворена потребность в минутной безопасности. Постепенно, пока зверь осваивается с новым местом, он привыкает, и страх его постепенно проходит, зверь готов перейти к приему пищи и питью. Уже потом, после ознакомления с безопасностью среды или территории (по уровню безопасности I) особь готова будет 1) использовать территорию для пометки как своего ресурса (безопасность III). И в дополнение к этому особь будет 2) использовать ресурс в целях накопления запасов, т.е. просто для “использования его (предполагаемая безопасность II в зародыше как генетически обусловленное поведение). Порядок 1) и 2) автор не закрепляет, не постулирует. Еще позже и много позже звери могут начать исследовательские действия с территорией. И мы уже об этом говорили.

9.6. О потребности в отдыхе и сне

По поводу потребностей *сна и отдыха* (8–9) необходимо отдельное обсуждение. Решение по теме должно распространяться и на человека.

Вероятно, обе потребности (отдыха и сна) следует объединить. Ясно, что функционально они входят в перечень процессов метаболизма (4–7) и (8–9).

Сразу возникает первое и основное возражение против включения их в рассмотрение. Сон, и отдых представляют собою остаточную активность организма (как часть метаболизма). Это физиологическая потребность, но с очень важной "исключающей" спецификой. Утомление наступает как состояние (импульс), и отдых — это та замедленная "активность", состоящая во внешней, видимой пассивности, которая необходима для биологического организма. *Отдых и сон с психологической стороны — не поведение животного — не его активность.* И для человека сон, как правило, не требует мотивации, рациональных усилий. Поскольку мы рассматриваем психологию животного, то сон и отдых мы должны исключать из анализа на выбранном нами уровне *психологии* животного, поскольку феномены полностью выпадают из мотивационного процесса и его моделей.

Для феномена "усталости" существует, правда, одно исключение. У усталости много лиц. Усталость наступает также и в момент, когда особь голодна, и ее силы на исходе. Именно в этом случае мы получаем мотивационный сюрприз. Многие биологические виды в момент недостатка энергоресурсов (голода) начинают проявлять чрезвычайную активность (крысы, мыши и т.п.). И это особое отличное явление. При этом на восстановление сил и жизни особь может тратить самые последние оставшиеся силы. Правда, такое состояние можно считать более похожим на агонию, по ощущению, близкому к потребности в безопасности I (или второе дыхание?). В такие моменты особь может совершать весьма рискованные действия, опасные для жизни. То же касается и человека, см. например, Дж Лондон "Любовь к жизни". И мы вынуждены отличать это состояние от простой усталости и должны рассматривать его как стремление к удовлетворению потребности в безопасности I — потребности в ЖИЗНИ.

В итоге мы приходим к выводу, что отдых и сон следует исключить из форм психологической *активности* биологической особи. А потребность сна и отдыха не следует включать в мотивационный блок иерархии Маслоу, поскольку эти потребности, как правило, не образуют активности по удовлетворению (если не считать у человека

культурных подготовительных мероприятий — расстелить постель и т. п.). Сама потребность удовлетворяется отсутствием активности.

9.7. Потребность в безопасности II. Первые оценки

В зависимости от биологического вида, после удовлетворения первичных физиологических потребностей, у особи возникает потребность в действиях, подготавливающих устойчивое обеспечение пищей и условия для будущего воспроизводства вида. Это может быть действия класса территориального поведения (пометка территории, гнездование, устройства жилища, подготовка сезонных запасов, коррекция сезонных путей стайного или стадного передвижения, кочевания и обучение подроста этим путям и т. п.). Многие механизмы, вероятно, генетически вмонтированы в поведение, а частично носят выученный в стаде, стае характер. Система паттернов, врожденных или выученных или сначала врожденных, а позже перенастроенных и выученных, обеспечивает поддержание самого метаболизма в широком смысле и уже готовит материальную основу для продолжения рода, сохранения вида. Эту совокупность инстинктивных форм мы именуем потребностью в безопасности II. *Потребность в безопасности II в биологическом мире — это наша интерпретация множества генетически обусловленных действий особей, обобщенных во времени, действия, которые направлены на укрепление жизни и стабилизации текущего метаболизма.*

Часть видов строит себе убежища, места отдыха и выведения потомства, птицы строят гнезда для выведения птенцов. Мы отмечаем, что сон и отдых птиц и млекопитающих требует безопасного окружения или гнезда. Мы в этой фразе сами подсознательно связываем отдых как часть метаболизма выходом к потребностям поддержки и гарантий, которыми являются безопасность II. Создание убежищ, гнезд, берлог и т. п. мы знаем уже у насекомых: земляные гнезда у диких пчел, древесные ульи у поздних пчел, муравейники и т. д. — входит в круг непременных действий каждой особи или... Альтернативно ряд других видов имеют особо чуткий сон, имеют своих сторожей или спят ... на ногах. Гнезда строятся для безопасного выведения потомства, убежища в виде гнезд, ям или расселин в скалах, берлог в лесных завалах. Бобры строят запруды и подгрызая стволы валят деревья в воду.

К этому же классу деятельности относится и сбор запасов на зимний сезон, например, закапывание пищи впрок в землю у белок, создание запасов зерна у грызунов, и т. п. Запасы на зиму, независимо от

механизма происхождения — это приспособление к сезонным климатическим перепадам и обеспечение метаболизма в тяжелый период. Интересно, что человек пришел к сбору запасов в ходе уже культурной эволюции через создание производящего хозяйства.

К этому же разряду следует отнести пометку собственной территории для уменьшения столкновений и "споров" за место обитания и охоты (пометки у кошачьих, собак, лосей и т. п.). Многие стороны поведения, которые, казалось бы, следует интерпретировать как безопасность II, принадлежат по происхождению причинам безопасности I. Так собаки при мочеиспускании становятся подбрюшьем к дереву или пню. Сама поза и действие есть признание безопасности данной точки пространства. Это и защитный механизм безопасности I (поза наибольшей безопасности в случае нападения врага в такой момент). Формирование территории как "своей" образует отложенный процесс — поэтому обживание территории и "принятие" ее — есть уровень надстроенный над физиологическими потребностями. Уровень II надстраивается над уровнем I. Это уровень гарантированного качества жизни.

Мы понимаем, что таким образом у особи уже действует установка: "здесь я уже много раз был, и было безопасно, это мое привычное место, и оно мое". Промежуточные фазы такого процесса — формирование установки с рефлексивной оценкой "здесь уже было безопасно". Потребность безопасности I далее инвертирована от чисто физиологической потребности и потребности в безопасности I в потребность знаковую или, скажем, статусную или территориального владения. Возможна и другая интерпретация с указанием на то, что это не потребность безопасности III. Это безопасность II, если конфликта с конкурентом нет и территория условно "ничья". Тогда язык знаков звучит в следующем смысле: "я делаю опасное действие и оставляю свой след, назначая данное место своим и безопасным, я делаю дело, которое в состоянии опасности бы не сделал, теперь это территория моя (для пропитания), о чем я таким знаком всех и оповещаю" (оповещение здесь не осознанное — это информация для других). В реальности, безусловно, зверь так не мыслит, но результат примерно такой — "привычно, пахнет мною". Но в реальности, когда зверь метит свою территорию, он "ее присваивает", ему не страшно — теперь он владелец территории.

Но как только мы начинаем рассматривать эту территорию или условие как конкурентное условие внутривидового выживания, так сразу безопасность II конвертируется в безопасность III. Потребность в безопасности III будет реализована, когда особь будет конфликтовать за территорию с другой особью или будет "захватывать" чужую тер-

риторию. Это будет конфликт и угроза, когда появился чужой: "появился чужой, внимание" (возникла угроза и конкурент). Конкуренция за условия выживания образует статус, если "общение" формируется вынужденным образом с ростом плотности. Мы получаем всю линейку безопасности I, II, III. И это происходит как онтогенетически, так и филогенетически.

С привлечением "человеческого фактора" естественные процессы ослабляются и становятся просто "игровыми". Если собаку выгуливает в городе хозяин, то прикрепления территории (на улице) нет, прикрепление просто невозможно, старая цель отсутствует, но знаковая система как средство (заочного) общения и удовлетворения любопытства сохраняется. Физиологическая потребность в "тесноте" начинает играть роль заочного общения или новизны и неопределенности (под защитой хозяина).

Соотношение биологического и выученного в части безопасности II мы обсуждать не будем, но определенно ясно одно: присутствует, и то, и другое.

Потребность в безопасности II мы (после сравнения с поведением человека в момент перехода к земледелию) вынуждены интерпретировать для животного мира как генетически поддержанные и обусловленные инструментальные действия (запасы, место обитания и питания, подготовка условий к размножению).

9.8. Потребности в продолжении рода

Далее новое внутривидовое взаимодействие между животными по потребностям связано с механизмом полового влечения. Половое влечение в биологическом мире, чаще всего, привязано к климатическому циклу (весна) или происходит более короткими или длительными периодами. Мы не будем говорить об опасности этого момента для животных, В таком периоде поведение у видов различно. Многие виды продолжают свой род, рискуя жизнью (глухари, нерестящиеся рыбы), другие спариваются, обеспечивая предварительно безопасность свою или потомства (гнездование у птиц, закапывание яиц у черепах). Но в любом случае, в природе генетически и научением отобраны формы поведения, которые обеспечивают успешное продление рода. Самоуничтожение родителя после производства потомства следует относить к генетическим факторам и можно предполагать отсутствие психического в этой части.

Таким образом, над потребностью в безопасности II возникает потребность в продолжении рода, воспроизводстве (и воспитании) потомства.

Что еще важно для продолжения потомства в высшем биологическом мире — это *предварительное общение* особей противоположного пола перед половым актом, выбор пары-партнера и конкуренция самцов за самку. Как известно, такой механизм обеспечил в природе отбор наилучших генетически производителей для воспроизводства потомства. Это предварительное общение фактически означает факт постоянной внутривидовой конкуренции за самку или самца с целью обеспечить наилучшие результаты в потомстве. Отметим, что мы не ищем в природе рационального — внутривидовая конкуренция имеет тот же посыл, что и межвидовая — за ограниченный ресурс (лучшую самку, самца) ведется борьба. Но борьба эта внутри вида происходит не за уничтожение конкурента (вид, в котором присутствовал бы такой механизм — давно исчез бы как пример), а за приоритет собственного доступа к ценному ресурсу.

Мы отмечаем, что степень внутривидовой борьбы за ресурс, который мы ранее отметили как преодоление безопасности III, зависит от степени вооруженности вида. Этологи отмечают, что:

"Мощь внутривидовой агрессии у разных видов — разная. Одни виды более агрессивны, другие — менее. Это связано, во многом, с характером врожденной морали. Явление врожденной морали было открыто этологами при наблюдении за видами, обладающими смертоносным оружием (ядовитыми зубами, мощными клыками, когтями и т.п.). Особи сильно вооруженных видов при агрессивных контактах практически никогда не пускают в ход свое оружие. Два волка, сражаясь друг с другом, обычно не наносят ударов в самые незащищенные места соперника. Ядовитые змеи — никогда не кусают своего партнера по стычке. У всех таких животных существуют врожденные программы поведения, запрещающие убийство собрата. В то же время, особи слабо вооруженных видов имеют слабую врожденную мораль. Так, например, голуби, не обладая мощным клювом или когтями, в стычках друг с другом способны заклевать соперника насмерть (хорошенький символ мира)". [Хайтов В. М.].

Фразу о "врожденной морали" оставим на совести автора "морали". Врожденность с моралью связаны, как мясо с постом. Формы борьбы (отбора) настроены на сбережение и очистку от дефектов вида в целом. Мы замечаем, как это и было обнаружено в отношении потребности безопасности III (уважения), что ранжирование относится после своего формирования к потреблению любых ресурсов. Такими ресурсами оказываются не только угодья, но и половая функция, ее возможности, доступ к лучшим самкам. В этом смысле акт размножения и "любви" как вершины воспроизводства в биологическом мире происходит или

может происходить с учетом уже установленного ранга. В природе отбор идет по-молодости и силе — и ранг в природе соответствует силе и здоровью как ресурсу. В мире людей это все чаще не так. Ранг мужчин и женщин ДЛЯ БРАКА еще связан со здоровьем и силой, но в целом и далее с возрастом — все более с вещными и информационными ресурсами, накоплением их в ходе жизни и чаще к старости. Здесь разница присваивающего (у биомира) и производящего (у человека) хозяйства.

9.9. Потребности в принадлежности, общении

Продолжаем наш онтологический путь. Приплод создан. Дальнейшим условием продолжения рода и выведения потомства в самом широком смысле является рост, становление и конечная безопасность хотя бы части новой популяции, подроста.

После появления потомства возникает необходимость передачи опыта от старшего поколения к младшему: кормления, безопасности, включая освоение сигналов опасности, порядка передвижения, маскировки, охоты и т. п. У высших видов идет общение старших и младших в стае (семье) для обеспечения научения подроста жизненным навыкам или, можно сказать более обобщенно, инструментальным средствам поведения при охоте, спаривании и в других важных ситуациях. В этом общении система встроенных генетических механизмов, моделей поведения и генетических встроенных форм обучения (импринтинг) сочетается с инструментальным обучением опыту старшего поколения по удовлетворению базовых потребностей. Формы научения образуют нечто вроде приобретаемой “культуры” вида, влияющей в свою очередь на совершенствование и генетический отбор наиболее ценных функций вида, в частности, мозг. “Культура” сочетает в себе и элементы генетического, и наученное, что хорошо известно по исследованиям того, как учатся котята ловить мышей.

В научении часть высшего природного мира демонстрирует нам и *потребность в общении* как инструмент научения инструментальным действиям и нормам, составляющим культуру поведения в стаде, в популяции.

Если научения не происходит, например, если животное оторвано от стада и провело часть жизни в неволе (Маугли наоборот), то животное, отпущенное на волю, на “вольные хлеба”, быстро погибнет. Для собак и волков отмечено продолжающееся генетическое сходство по потребности в общении, с другой стороны, известно, что если в некоторый период роста “общения” не произошло, то и особь, лишенная

его, обречена на гибель. Некоторые процессы, которые пропущены в развитии особи, в определенное время не восстановимы и не воспроизводимы в более поздние периоды развития.

Считать ли действие совместного проживания (общение) — факт проживания — потребностью или нет? Мы видим, как кошка играет с котятами или как котята играют друг с другом, и понимаем, что без игры и без общения с матерью они не смогут выжить в жестокой будущей жизни. Никто не учит котят ни играть, ни взрослым формам поведения (например, кошка вылизывает котят, потом они начинают себя вылизывать сами), но обучение оказывается результатом неосознанного генетического поведения в стае. Эксперименты с импринтингом (например, известные данные по импринтингу утят: "мама — это ботинок хозяина") доказывают наличие врожденных механизмов подражания и даже формирования принадлежности. А факт местной особенности культурного происхождения — например в деталях брачных песен одного и того же вида птиц в различных местностях, областях России — говорит не только о генетическом феномене общения, но и о региональных отличиях.

Если действие — условие выживания популяции, и оно реализуется независимо от осознания и с общением, то и основания таких действий мы обязаны рассматривать как *закономерность передачи генетического и приобретенного культурного*. Если совокупность действий вмонтирована в генетический код и (неосознаваемую) практику, то такую совокупность действий можно считать инстинктивной совокупностью. Наличие наученных инструментов мы обязаны интерпретировать как результат системы общения и научения. Но по совокупности такое инстинктоидное сочетание общения и научения необходимо постулировать как потребность общения.

Эффект Маугли. О потребности общения мы можем говорить как о *необходимом* биологическом явлении, имея материал экспериментов, как для животного мира, так и позже, для человека (Маугли). Этот материал экспериментов можно называть, как и в математике — материалом — "от противного". Устранение фактора показывает его значение. Если зверь без опыта своих старших сородичей погибнет безусловно даже возвращенный в его среду, то человек типа Маугли просто живет не более двадцати лет (в социальной среде и не имея возможности в нее интегрироваться).

Существует и более сложный феномен. Совесть (чувство вины) у зверей как потребность общения и любви (или уважения?). На это мог бы указывать случай, описанный Конрадом Лоренцом о своей собаке Булли, которая случайно цапнула хозяина за палец, а потом долго винилась за свой проступок. У нас есть все основания верить такому

специалисту. Случай вполне доказывает, что ряд видов животных во взаимодействии с людьми вполне обладает высокой памятью о проступках против хозяина, *против старшего или против статуса, который выглядит непререкаемым*. Например, для особи может быть и генетически зашит принцип: “тот старше меня, кто меня кормит”. Это принцип продления детства, синдрома детства, а в социологии и психологии — это принцип взрослого инфантилизма и иждивенчества. Можно оставить наполовину ребенком взрослого зверя, человека и даже в некоторых случаях общество (патернализм).

9.10. Потребность в уважении или инструмент внутривидовой конкуренции

О ранжировании в биологическом мире сказано в разделе 7.20. Противоречие использования ранга при выборе самок, обнаруженное в 9.7., объяснено в п. 9.8. Но ранг играет роль и после фертильного периода в биологическом мире (вожаки и место в стае), что делает противоречие в порядке иерархии Маслоу между био~ и социальным миром несущественным. Самки в биологическом мире выполняют роль желанного ресурса по одной из физиологических потребностей, которую мы “любовью” не именуем.

9.11. Потребность в новизне и любознательность

Эксперименты с крысиным раем и открытым лабиринтом — без опасных запахов — показывают, что все “счастливые обитатели” начинают обследовать неизвестное. Это означает, что неопасная неизвестность манит всех (мы добавляем, если нет чего-то более вкусного, сексуального и другого заманчивого пониже уровнем).

В социальной среде это вполне соответствует потребности человека в новизне и неопасной неопределенности. Теперь мы может расширить наше представление о животном мире, утверждая возникновение и феномен произвольного свободного немотивированного ничем, кроме любопытства, действия, возможно, ограниченных форм, в биологическом мире. Немотивированное случается тогда, как “мотивированное полной предсказуемостью”, последняя порождает невидимую наблюдателем беззаботность! Как говорила Екатерина Великая по поводу дорогого плана района “Каприз” Екатерининского парка в Царском селе: “Пусть это будет мой каприз!”. И мы переходим к играм.

9.12. Игры зверей и выбираемый добровольный риск

Нам предстоит кратко вспомнить о творчестве как добровольном риске в моменты безопасности у некоторых экземпляров или особей и об игровых экспериментах у высших млекопитающих.

Известен эксперимент с крысами в условном крысином "раю" — в вольере, где имеются постоянно и вода, и прекрасная пища, и устройства для разнообразных игр. Но в этом мире "чудес" существует своя комната Синей бороды — лабиринт, из которого пахнет кошкой. Биологам известно, что для крыс запах кошки — генетически определенный признак опасности. Эксперимент показывает, что небольшой процент крыс — самых активных, привыкших к льготам беззаботного и безопасного бытия в своем "раю", решаются в какой-то момент двинуться по лабиринту с запахом кошки. Преодоление страха и ощущения опасности для особи-экспериментатора — это риск, проявление любопытства и творчество биологических особей на том уровне, на каком зверь может позволить себе разнообразие поведения, рискуя спокойствием, но при этом и фактически играя.

Игры — это вторая особенность и доказательство. Наблюдения над обезьянами показывают, что игры влекут столь сильное желание игры у шимпанзе, что молодые особи, которых не кормили в течение 15 часов в 40 процентах случаев выбирали игру с другими обезьянами, а не пищу. Для нас это означает следующее: 60 процентов, грубо две трети (золотое сечение) выбирали все же пищу, и это говорит об определенности иерархии потребностей, понятно, чем больше времени, тем больший процент будет бросать игру. Второе, существует существенный процент особей, которые продолжают играть, и это означает, что игровые элементы вовсе не чужды, т.е. предполагают реальную возможность творчества. И, наконец, все это относится к молодому возрасту, где процессы творчества связаны с ростом и определенной беззаботностью, которую обеспечило само иждивенческое существование наблюдаемых обезьян в экспериментальных условиях. Совершенно естественно, что в природных условиях и опасностей больше, и еда требует поиска.

Для нас важно, что в определенных условиях существования вида в биологическом мире, его некоторая часть ведет себя идентично миру социальному, пренебрегая временно первичными потребностями, когда они ощущаются как надежно удовлетворенные. Но игру в биологическом мире мы не воспринимаем как социальное явление. И мы должны сделать вывод, что эти высшие элементы поведения в животном мире имеют не "культурный" уровень, как это можно было бы предполагать

для творческих людей (Маслоу), но имеют более глубокие физико-химические основания происхождения того же уровня, что и у человека. И тем мы снимаем “культуру” высших форм.

9.13. Наличие процессов мотивации у млекопитающих

Выбор одного из нескольких средств достижения цели (потребности) достаточно хорошо изучен бихевиористами. Особь, как правило, выбирает наилучший из известных ей путей достижения целей (например, кратчайшего пути к корму). Однако, в случае регулярности и покоя, стабильности удовлетворения потребностей, особь может позволить себе через некоторое время “творчество” использовать другой путь удовлетворения потребности, как мы представляем, в “порядке разнообразия”. Это означает, что уже у млекопитающих существует и мотивация как выбор средств, и некоторая свобода выбора средств, и, второе, потребность в новизне и разнообразии, когда однообразие может утомить.

9.14. Выводы главы

Тем самым мы приходим к представлению об идентичности природы (причин происхождения) игры, любопытства и творчества как поиска и преодоления неопределенности, т.е. всех уровней базовых потребностей биологического мира, включая тот, что именуется социальным блоком (общения, уважения, творчества).

Поэтому и после этого краткого обзора мы сформируем таблицу более обобщенно, см. табл. 9.2.

В высокоразвитом животном мире существует до семи уровней (базовых) потребностей, каждый из которых условно надстраивается над другим и является условием появления следующего, более высокого.

Сразу следует оговориться, что система (1–7) не существует с самого начала органического мира и до его прекрасного настоящего, а развивается, выделяется и разделяется, конкретизируется в процессе биологической эволюции и относительно полно представлена уже у птиц и млекопитающих.

Итак, из сказанного для развитых предшественников человека совершенно определенно следует существование:

Потребностей минутного выживания — потребности в безопасности I при чрезвычайных обстоятельствах борьбы с природной стихией (внезапной) или в межвидовой борьбе.

Таблица 9.2

№ п/п	Потребность, отражающая импульс депривации, недостатка	Акт или система действий	Удовлетворение или результат, смысл или назначение, последствия
1	Потребность в безопасности I как борьба с прямой текущей угрозой жизни, угрозой текущего нападения.	Действие как борьба или бегство	*Сохранение жизни особи в пределах одного действия или минут*
2	Физиологические потребности. Краткосрочные (часы, сутки, неделя) процессы метаболизма (обмена веществ и энергии с природой) как потребность	Охота, поиск пищи, ее поглощение и переваривание выброс отходов, отдых	*Сохранение жизни особи в пределах небольшой части жизни* (сутки или несколько суток)
3	Потребность в безопасности II как укрепление надежности метаболизма при циклических погодных и др. изменениях в природе и климате, в условиях враждебного природного окружения и межвидовой конкуренции и как подготовка к обеспечению безопасности выведения и обучения потомства	Действие впрок без прямой непосредственной угрозы и импульса. Имеют генетическую основу и частично основу передачи накопленного (приобретенного) опыта путем научения (сезонные, половые и поведенческие установки).	*Увеличение надежности существования одной особи, семьи или стаи в пределах между периодами размножения* (подготовка к перелетам, частично подготовка к проведению размножения) (акцент на поведении одной особи или парной семьи, например, в период недель и месяцев для млекопитающих)
4	Потребность в половом влечении, заботе и привязанности к подросту и потребность в воспитании и обучении подроста. Потребность принадлежности подроста к семье	Поиск пары. Возникновение парного общения или группового общения и спаривание, выведение потомства, его индивидуальная в семье или групповая охрана, индивидуальная, в семье или групповые кормление, охрана и обучение подроста	Собственно *продолжение вида, популяции на уровне биологической семьи* у высших животных. Выкармливание подроста и начальное его обучение.

5	Потребность в общении как результат и как продолжение потребности в любви, привязанности и научения и как результат и продолжение потребности удовлетворения физиологических потребностей (групповая охота), в безопасности II (сезонные коллективные движения, охрана и т. п.)	Поиск семейной пары. Поиск и освоение общих инструментальных действий при охоте или перемещении; поиск, выработка и развитие, освоение (подростом) знаковой системы при общении	*Увеличение надежности и безопасности популяции и каждой отдельной особи на основе группового инструментального взаимодействия и поведения в стае, группе* или в момент встреч и образования стай, стад. Повышение надежности и безопасности популяции в результате обмена опытом, передачи опыта приплоду, формированию знаковой системы, важной для безопасности и эффективности освоения среды (акцент на поведении группы от семьи до стаи или популяции)
6	Потребность в уважении или установлении статуса, обеспечение безопасности III (завоевания и поддержания статуса) Популяция развивается с учетом (с эффективным использованием) различий особей внутри популяции и предполагает сложную поведенческую структуру биологического экземпляра и развитую нервную систему, интенсивные коммуникации внутри популяции или стада, стаи	Внутривидовая конкуренция особей одного пола за недостаточные для популяции в целом ресурсы: пищу, территорию, самок (самцов) и особенно за руководство в стае, стаде. Ранжирование особей в стаде или стае. Ведущие особи становятся вожаками.	*Увеличение надежности популяции на основе отбора внутри популяции лучших экземпляров с целью их приоритетного доступа к ограниченным ресурсам, которые помогают выживанию популяции в критических ситуациях*. Приводит к большей надежности выживания вида или популяции в целом, популяция руководится самым сильным и опытным, популяция продолжается и выживает в внутривидовом отборе.

Окончание табл. 9.2

7	Потребность в поиске разнообразия, любопытство, поиск некоторого риска как форма любопытства и творчества.	Выборочный риск экземпляров или особей в популяции и постановка экспериментов (рискованные действия), положительный результат которых формирует (постепенно, путем подражания) новые инструментальные навыки популяции, а при отрицательном результате особь может погибнуть.	*Развитие популяции и рост надежности выживания вида в межвидовой борьбе путем самостоятельного поиска новых инструментальных форм поведения* (всей популяции путем научения и копирования), годных для эффективного выживания.

Потребностей физиологических и метаболизма в целом, которые соответствуют низшим потребностям в социуме.

Потребностей безопасности II — как потребностей устойчивого обеспечения всех циклов метаболизма на длительный период, но предваряющих основные процессы размножения, потребностей, генетически поддержанных и обусловленных инструментальных действий (запасы, жилье, подготовка условий к размножению).

Потребностей полового влечения и продолжения рода. Последнее реализуется после удовлетворения уже выработанных природою правил для биологического вида — удовлетворения потребностей более низкого уровня (все обратные примеры размножения с самоуничтожением компенсируются колоссальной плодовитостью — например, нерест рыб).

Потребностей внутривидового сотрудничества, обеспечивающих формирование парных контактов, групповую безопасность, групповые (инструментальные) формы овладения ресурсами и охоты, научение подроста и всех групповых форм поведения на животном уровне, например, при защите от других видов или в метаболизме. Из нее вытекает потребности в передаче информации, коммуникации, общении и частично уважении (*потребность принадлежности, общения*);

Потребностей взаимного противостояния при внутривидовой борьбе и конкуренции за ограниченные ресурсы (механизм потребности безопасности III или уважения), это образует статусную группу потребностей (уважения).

Потребностей новизны и неопределенности в случае стабильной и рутинной среды (что в природе встречается не часто).

Возможностей, а не потребностей *творчества* у отдельных особей высших животных или групп животных (под возможностью нужно понимать игру и риск опасного любопытства в состоянии полного удовлетворения остальных потребностей). Эту группу возможностей мы не включаем в таблицу 9.2.

Наше рассуждение о первенстве потребностей низших или физиологических и о вторичности (опосредованности удовлетворением первых) потребности в продолжении рода (вида) и других более высоких можно изобразить более подробно и точно как систему взаимосвязанных циклов возникновения и удовлетворения потребностей различных уровней, см. рис. 9.1.

Жизнь биологической особи разворачивается как спираль потребностей и деятельности (активностей) по их удовлетворению. Кривизна

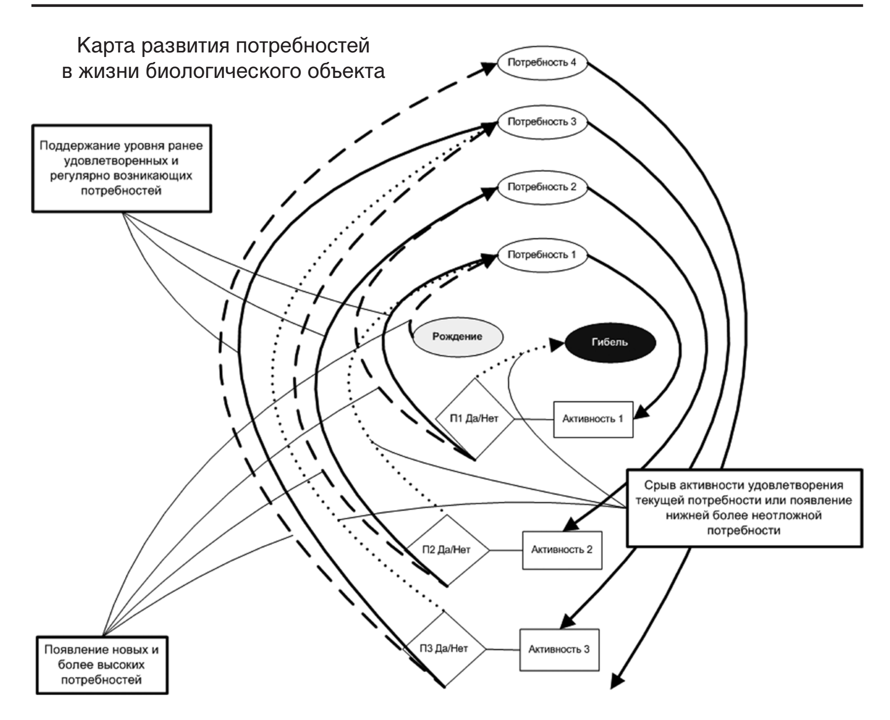

Рис. 9.1. Иерархия потребностей в биологическом и социальном мире

линий в системе обратных связей носит исключительно эстетический, а не смысловой смысл. Прямые и обратные связи вполне представимы в традициях прямоугольных блок-схем.

С развитием потребностей перечень действующих потребностей все более расширяется, внутренние или низшие потребности имеют более высокую частоту, возникая чаще и требуя более частого к себе внимания (активности по удовлетворению). Система напоминает нечто от солнечной системы, в которой более близкие к центру (ядру жизни особи) траектории работают на более высоких частотах. При расширении потребностей особь периодически и постоянно возвращается на более низкие уровни. При срыве движения к более высокой потребности происходит возврат к более низкой. При невозможности удовлетворения самых низших потребностей особь погибает.

Непрерывными линиями обозначены сохранение уровней регулярно возникающих текущих потребностей. Длинный пунктир стрелок-линий — это направления роста потребностей и развития удовлетворения потребностей у особи, переход на следующий более высокий уровень.

Короткий пунктир линий – означает срыв роста удовлетворения потребностей текущего уровня и возврат на более низкий уровень, когда активность по удовлетворению потребностей не приводит к положительному результату. Чем выше порядок потребностей, тем менее он устойчив. А устойчив он только в среднем для популяции, среди особей вполне могут быть отклонения.

Таким образом, в биологическом мире существует, четко намечена и вполне обоснована иерархия потребностей. Она развивается и онтогенетически для особи в популяции и филогенетически для всего биологического мира.

Вывод. Потребности на уровне высших млекопитающих представляют собою иерархию потребностей, соответствующую или намечающую порядок, аналогичный иерархии потребностей Маслоу для человека.

Таким образом, система потребностей в биологическом мире на высших уровнях эволюции соответствует иерархии потребностей А. Маслоу.

ГЛАВА 10. НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ КАК УРОВЕНЬ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Особый класс феноменов научения, включая собственно "латентное" (т. е. немотивированное, скрытое или неявное) научение создал при своем обнаружении определенный кризис в теориях потребностей и мотиваций. Эти процессы внешне выглядят как удовлетворение потребностного состояния. Такие состояния или "интересы" не могут быть объяснены редукцией какой-либо известной физиологической потребности организма.

Эти феномены выше мы представили работами Олдса и Милнера с центрами наслаждения крыс, с экспериментами Толмена о поисковом поведении крыс, экспериментами Харлоу и Мейера у макак-резусов, с данными о широкой практике трудоголизма человека и наличия других неспецифических влечений.

У Маслоу эти процессы оформлены в систему высших потребностей, выше базовых. Доказывая существование высших потребностей, Маслоу в своей работе 1970 года пытается отстоять инстинктивную природу запуска таких состояний — уровня самоактуализации, эстетики, познания, игр и спорта. Он считает, что такой феномен:

"не имеет ничего общего с научением или с процессом формирования навыков...не приобретается извне...есть здоровая спонтанность, естественность на уровне самоактуализации ничем не мотивирована...", [Маслоу А., 1970/2001, с. 313].

Не понимая еще причины, которую уже представляем мы, Маслоу пишет, предвосхищая на уровне интуиции будущее открытие эндогенных опиоидов (вырабатываемых организмом наркотических веществ):

"Целью поведения, как я понимаю ее, очень часто становится чувство удовлетворения. Если мы откажемся признать, что инструментальное поведение зачастую имеет ценность для человека только потому, что приносит ему удовлетворение, то феномен поведения с научной точки зрения превратится в полную бессмыслицу", [Маслоу А., 1970/2001, с. 313].

Обосновывая это, Маслоу находит еще несколько форм "немотивированного" с позиций базовых потребностей поведения в искусстве, экспрессии и при эстетическом переживании. Маслоу отмечает важный момент "ожидания" в поведении человека, предчувствующего положительную немотивированную реакцию. Такое предощущение возникает, например, при путешествии, некоторых видах спорта, пребывании на природе. Состояние включает и обобщает два аспекта будущих удовольствий: 1) от активности и 2) от процесса жизни как та-

ковой; оно указывает на азарт детей, научившихся чему-либо; и подходит к пониманию игры как немотивированного поведения у животных и у человека:

“...игра может быть “бесполезной” и немотивированной формой активности, может быть целью, а не средством достижения цели, феноменом бытия, а не инструментом адаптации...”, [Маслоу А., 1970/2001, с. 319].

Наконец, на основе данных об участии эмоций и на основе нашей гипотетической конструкции возникновения метапотребностей становится просто очевидной необходимость оценить возможность проявления процессов на уровнях ниже психологии. И мы это постараемся сделать на уровне нейрофизиологии.

Важнейшим для нас поводом для того, чтобы “опуститься вниз по древу знаний”, послужила информация о выявлении на уровне нейрофизиологии эндогенных (формируемых самим организмом) опиоидов или опиатов, аналогичных морфину. Это прямо указывает на идею возможности самоудовлетворения или самоподкрепления некоторых (или любых?) физиологических процессов именно изнутри в виде неспецифического (т. е. неспециального для каждого частного вида потребности) подкрепления.

Следует также сказать, что роль таких веществ уже была отмечена в работах (McClelland, 1982) и со ссылкой на данные Форсмана (Forsman, 1978) который отмечал норадреналин как систему подкрепления действий власти и как эмоциональное вознаграждение в процессах аффилиации [Хекхаузен Х, с. 368, 601-602]. Такие работы вылились и в серьезнейшие выводы.

Обобщение, которое делал уже 20 лет назад Макклелланд по поводу возможных внутренних подкреплений, состоит в следующем:

“...ученые сделали открытие, имеющее особое значение для теории мотивации. Оказывается в человеческом организме существует естественный механизм облегчения чрезмерно сильной боли. Головной мозг может выделить некоторое количество опиатов или морфинов эндогенного происхождения, которые выполняют функцию обезболивания и вызывают ощущения тепла и наслаждения” [Макклелланд, с. 141].

Расширяя эту тему, Макклелланд на примере сауны как удовольствия и со ссылкой на работу Ричарда Соломона (Solomon, 1980) показывает особенности подкрепления опиатами и приходит к мысли, что:

“регулярное повторение неприятного опыта приводит к увеличению внутренней выработки опиатов, которые вызывают в индивидууме сильное ощущение кайфа (кеиф — по-турецки, тюркски — опиумное наслаждение — прим. СЧ) (похожее ощущение возникает при приеме морфинов)” [Макклелланд, с. 142].

К сожалению, автор (приводя примеры сауны, бега трусцой и т.п.) НЕ отсекает все и любые напряжения и их последующие депривации от тех, которые и создают метапотребности. Сильные депривации и напряжения, даже сопровождаемые облегчением, обезболиванием, но которые связаны с недобровольным действием (потребность в безопасности всех видов), не приводят обычно к формированию метапотребности. Это должно объясняться существенной ролью страха и более слабых напряжений избегания в силу принудительного источника того напряжения, которое испытал индивид первый раз. Наоборот, добровольно выбранные напряжения или напряжения, испытанные в нейтральной эмоциональной среде, которые завершаются сильным опиоидным впрыском, как говорит Макклелланд, чувством "пьянящего восторга", могут служить базой для последующего повторения, что и создает потребность (сауна, бег трусцой, парашютный спорт и много другое, о чем мы говорили выше). Этого материала вполне достаточно, чтобы подкрепить обнаруженный нами механизм метапотребностей как гипотезу.

Наша задача после приведенных данных состоит в том, чтобы пытаться понять, как на уровне нейрофизиологии работают потребностные механизмы в момент формирования метапотребности и в режиме функционирования метапотребности. Оснований для такой возможности оказывается немало.

В 1970 годах в исследовании биохимии высшей нервной деятельности человека произошла революция. Исследователями были изучены некоторые новые процессы управления в коре головного мозга. К ним относятся, например, генерация клетками головного мозга и клетками ряда других органов — специальных веществ, выполняющих функцию сохранения, поддержания и использования информации. Эти вещества обозначаются терминами "нейромедиаторы" (передатчики или neuriotransmitters) и "нейромодуляторы" (усилители или ингибиторы — средства торможения связи, или обобщенно, регуляторы).

Мы не будем вторгаться в сложную, но потрясающую своей красотой любого человека сферу нейрохимии человека. Мы отметим поверхностно только практическую, или скажем, инженерную, сторону результатов нейрофизиологических механизмов. Для читателей технического и рационального склада, имеющего опыт работы с компьютером и локальными сетями, значение новации можно "смоделировать" в виде схемы из четырех частей.

В первой части мы излагаем самое общее представление о нейронной связи; мы делаем это совсем коротко, предполагая, что читатель сам сможет расширить свое представление об этом в Интернете и в популярной литературе.

Во второй части мы связываем эти знания с теорией потребностей и мотивации на макроуровне и выдвигаем гипотезу метапотребностей с учетом нейромедиаторного механизма межнейронной связи.

В третьей части мы разворачиваем гипотезу более подробно.

Четвертая часть объясняет значение и физиологический смысл ранее казавшихся неясными некоторых психологических и соматических (телесных) феноменов. Отдельные явления ранее считались только предрассудками.

Предваряя вопрос читателя — "а зачем нам это необходимо?", сразу стоит предупредить, что экскурсом в нейрофизиологию мы углубляемся в механизм связи между нейронами. Этот механизм позволит нам увидеть (правда, в порядке гипотезы) физиологическую базу тех кибернетических схем, которые изображались нами из "общих соображений" в части возникновения метапотребности в Главе 8. Ведущие процессы, такие, как: 1) запоминание; 2) связывание информации между объектами запоминания, т. е. ассоциативная связь, 3) осуществление памяти — вспоминание и 4) самопроизвольное "желание" или антиципация того, что нам хотелось бы еще раз испытать, ощутить, — все это становится ясным и понятным на общем физическом уровне.

Представление человека о главных (для нашей темы) процессах центральной нервной системы, как и в случае приобретения "компьютерной грамотности", резко снижает "дремучий идеализм" нашего мнения о самих себе и нашем мышлении, и, кстати, усиливает нашу веру в собственные силы и возможности.

Читатель, не желающий углубляться в еще одну область науки, может перейти сразу к выводам Главы.

10.1. Общее представление о нейроне и синапсной нейромедиаторной связи

Мы не собираемся рассматривать нервную систему человека или головной мозг как целое. Эта тема существенно шире наших интересов. Как и системному аналитику в компьютере важней знать работу центрального процессора, организации памяти, хранения, размещения и запуска программ, так и нам важнее всего понимать, как работает центральная нервная система. И конечно, она много сложнее, чем компьютер (но и красивее, надежнее).

10.1.1. Центральная нервная система

Центральная нервная система (ЦНС) в ведущей своей части состоит из развитой нервной ткани — сети множества клеток, именуемых *нейронами*.

Нейроны делятся на три группы. Это *сенсорные нейроны* (рецепторные или афферентные), которые поставляют ощущения от внешних специфических систем восприятия через рецепторы (датчики) этих органов (зрение, слух, осязание, вкус, запах и т. п.). Это далее *локальные нейроны* или *интернейроны*, (или, более раннее, "вставочные" нейроны). Они исполняют функции общего т. н. "неспецифического" мышления. И это *двигательные нейроны* (эффекторные), которые передают управляющие импульсы от центральной нервной системы на исполнительные органы человека (движения, речи и т.п.). По сути три группы выполняют функции приема входной информации (сенсорными нейронами), общей или универсальной обработки (локальными[31], что не точно, а точнее, "общими" нейронами) и функцию формирования выходной информации для управления телом и мышечным поведением (двигательными нейронами).

На заре нейрофизиологии возникло представление о примитивном действии нервной системы в виде так называемой *рефлекторной дуги*.

Предполагалось, и это достаточно близко к истине, что простые нервные системы действуют следующим образом. Входная информация, например, о повреждении мышцы (в виде сигнала боли) поступает по периферической нервной системе в центральную нервную систему на локальный нейрон. Оттуда локальный нейрон передает информацию на нейрон, управляющий мышцами, и мышца сокращается (это может быть удаление от источника боли и т.п.). Представление о "дуге", возникшее задолго до построения "модели управления" и ее блока прямого управления означает, что ЦНС в своей ведущей функции преобразует входную информацию *в систему решений* (чаще автоматических и рефлекторных) *и действий* (на мышцы как на исполнительный механизм общей системы управления). И в ЦНС нейроны связаны друг с другом в общем направлении от входной информации к выходной.

---

[31] Термин "локальный" означает только то, что такой нейрон взаимодействует лишь с другими нейронами, но не с сенсорными органами и не с мышцами.

10.1.2. Рефлекторная дуга — память и научение

Уже только понимание роли условных рефлексов как усложнения рефлекторной дуги должно подводить нас к представлению о необходимости в этой “усложненной дуге” запоминать “условия” или “символы” или “результаты научения” в некоторой части того механизма или процесса, который был первоначально рефлекторной дугой. И мы с необходимостью приходим к тривиальному выводу о том, что память об условиях или о системе условий запуска реакций и рефлексов должна размещаться в системе взаимодействий общих (“локальных”) нейронов в ЦНС. Это вытекает и из порядка взаимодействия сигналов, и характера филогенетического развития мозга как ЦНС.

Поэтому перемещаясь на уровни ниже, на уровни физиологии, мы исследуем именно функции нейронов, а точнее их связи. Нас интересует обработка информации, включая долговременное хранение памяти в больших нейронных комплексах, принятие “решений” (т е. мотивационные процессы) через взаимодействие таких комплексов — как продолжение темы мотивационных процессов. При этом мы понимаем, что время для окончательных выводов и полной ясности еще очень не близко.

Однако обобщенно кое-что сказать можно. С позиций кибернетики можно рассматривать мозг как *особое вычислительное устройство управления*, которое отражает нужды тела и его частей, и отражает или исследует условия внешней среды, в которой тело и сам мозг функционируют или “живут”. И потому *мозг накапливает и корректирует информацию* об условиях наилучшего функционирования с целью *сохранения функций и поддержки метаболизма* тела и самого мозга — энергетического обмена. Кроме того, *мозг перерабатывает информацию*, корректируя входную и выдавая после анализа выходную эффекторную информацию для выживания своих носителей (тела и мозга), что в совокупности и образует *мотивационный процесс* в сознании, включая активность и поддержание всей системы потребностей. Но существенно, что мозг не только способен оценивать результат активности носителя в отношении пользы носителю (его выживаемости или его *потребностей — многокритериальной иерархической системы оценок тела и самооценок мозга*), но и отбирать и записывать позитивные условия и образцы активности в память (бихевиоризм).

Кроме того, мозг способен не только работать детерминистски и логически (в реальности в основе лежит статистика осреднения случайных нейропроцессов). Он исполняет *ассоциативные поисковые* функции случайного характера и функции установления случайных

вероятностного характера связей (по накоплении неформализованной входной информации) в режиме условных вероятностей, вероятно, в духе теоремы Байеса.

В дополнение мозг как система генерации выходных сигналов способна в особых безопасных состояниях-условиях (все потребности удовлетворены) выдавать случайные вариации поведения и отклонения от принятых форм и условий (поиск неопределенности, собственное неопределенное и вариативное поведение). Это обеспечивает определенную свободу тестирования среды и неформальный поиск наилучших форм поведения даже при отсутствии сформированных мозгом и сознанием детерминистских планов. Этого нет в обычном компьютере.

Впрочем, компьютер и его программы никогда не проектировались с антиАзимовской целью обеспечения потребностей компьютера в энергии, в самовосстановлении или в размножении.

Анализ функций мозга в основном проведен и реализован в технике и в прикладной науке. Последняя представлена разделом знаний — “нейроинформатика” (нейронные математические сети). Мы же здесь выйдем на ту функцию живого, которая пока не нужна в технике и не использовалась в математической информатике — это проблема самопроводимости нейронных сетей или автоматической генерации их сигналов, т. е. *появление и проявление потребности*. Но для этого нам следует углубиться в проблему возможностей нейрохимических веществ вместе с характером и механизмами проводимости нервных импульсов между нейронами и функциональностью нейронов вообще.

10.1.3. Нейроны как клетки

Нейрон, как и любая клетка, имеет (почти) идентичную структуру. *Клетка* содержит *ядро* с генетическим кодом клетки и *тело* в виде жидкости с плавающими компонентами — *цитоплазмой*, огражденной от мира *клеточной мембраной*. Основным содержанием *цитоплазмы*, является *эндоплазматический ретикулум*. *Эндоплазматический ретикулум* — это прикрепленная к оболочке (мембране) ядра и единая с этой оболочкой большая складчатая мембрана, напоминающая простеганное одеяло в пододеяльнике, которым является мембрана самой клетки. Ее также образно сравнивают с “корзинкой”, содержащей множество органических подсистем (*мембран и органелл* — белковых инструментов), предназначенных для многих функций клетки. Она же

постоянный источник и создатель (“по поручению” ядра) начальных белков, которые использует клетка в ходе своей жизни. Часть белка, важная для нашего последующего анализа — как заготовка (предшественник) важных белковых материалов, — оторвавшись частями от ретикулума, попадает к органелле-мембране — т. н. *аппарату Гольджи*, где идет доработка белков и их упаковка в специальные оболочки. Упаковка белковых материалов обеспечивает сохранность важных белков до момента их доставки к месту использования.

Нейрон как клетка имеет и уникальные особенности — это узкоспециализированный инструмент электрохимических и электрических сигналов и хранения памяти. И он в отличие от обычных клеток освобожден от массы рутинных функций поддержки — размещения, электрической изоляции нейронов и их связей друг от друга, энергоснабжения, механического повреждения, доставки питательных веществ и уборки шлаков. Все это возложено на соседние клетки *глии* (клеток “клея”). Последние составляют до 90 процентов объема мозга. Клетки глии разных типов плотно окружают каждый нейрон и поддерживают его функции.

В отличие от клеток глии, которые, как и все остальные виды клеток, могут делиться и замещаются в течение жизни человека, *нейроны*, единственные у человека клетки, которые, возникая из заготовок в дородовом состоянии, не замещаются и не способны сменять друг друга. Впрочем, внутри нейронов некоторые их элементы и связи между нейронами обновляются. Таким образом, еще до рождения ребенка все множество нейронов уже сформировано. Количество нейронов у человека достигает от 5 до 20 млрд. единиц. В норме у человека погибает до 50 тысяч нейронов в день. А за жизнь — от 1 до 2 млрд. Однако при этом нервная система сохраняет память с учетом ее резервирования (вероятно, в параллельных клетках) и путем создания новых соединений-аксонов, см. ниже, между оставшимися клетками в случае гибели некоторых нейронов.

10.1.4. Морфология связи нейронов

Нейрон, как говорилось выше о клетках, окружен полупроницаемой плазматической, т. е. жидкостной, биологической *клеточной* мембраной. Но форма тела нейрона и покрывающей мембраны сложна. От тела (или “сомы”) нейрона отходят два типа отростков, и это тоже части тела нейрона.

Это, во-первых, *дендриты (от сотни до нескольких тысяч у одного нейрона)*. Они обеспечивают входную информацию (от других нейронов). Дендриты обычно коротки.

Это и *аксоны, обычно один,* выводящий нервный импульс на другие нейроны или на мышцы в случае, когда нейрон двигательный (скорость импульса до 90 м. в секунду). Длина аксона может составлять от сантиметров до нескольких метров. И не удивительно, если учесть, что у некоторых растений длина молекулы ДНК в хромосоме составляет до 40 м.

Морфологическая связь между нейронами. Как же связаны между собою нейроны? Аксон — резко выступающая часть нейрона. Его концевой отдел — может ветвиться. Он выходит на дендриты нейронов-соседей, на их тела или даже на основание (корешок) аксона нейрона-получателя. При этом аксон имеет *окончание* (*терминаль*) и образует множество *синапсов* или *пресинаптических бляшек (предсинаптических мембран)*. Терминология не устоялась. Аксон (отправителя) контактирует с дендритами следующего нейрона (получателя) или нескольких нейронов. *Синапс* по-гречески — "соединение". В общем случае у аксона, как представляет современная наука, может быть множество синапсов, причем различных по типу и функциям.

Связь между нейронами осуществляется электрическими импульсами, использующими биохимию организма. Длинные проводящие пути нейронов — аксоны — для этого окружены особой *миелиновой оболочкой,* выполняющей функции (жирового липидного) электрического изолятора.

10.1.5. Синапс и межсинаптическая щель

Синапс и все, связанное с процессом передачи через него информации, является для нас наиболее важным для понимания действия центральной нервной системы. Окончание аксона образует *предсинаптическую мембрану* — краевую оболочку нейрона-отправителя. У дендрита нейрона-получателя в месте соединения с аксоном соседа образуется *постсинаптическая мембрана*. Обе эти мембраны, конечно, освобождены от миелиновой оболочки. И между предсинаптической мембраной (аксона) нейрона-отправителя и постсинаптической мембраной (дендрита) нейрона-получателя образуется передающее пространство — *межсинаптическая щель*, см. рис. 10.1.

Именно через синапсы аксон, несущий информацию от тела нейрона-отправителя, передает импульс дендритам других нейронов. Синапсы бывают разных принципов действия — электрического происхождения (как простейшие по структуре, по большей части для беспозвоночных и низших животных — шириной до 3 нм, т. е. 3*E10−9 м), электрохимиче-

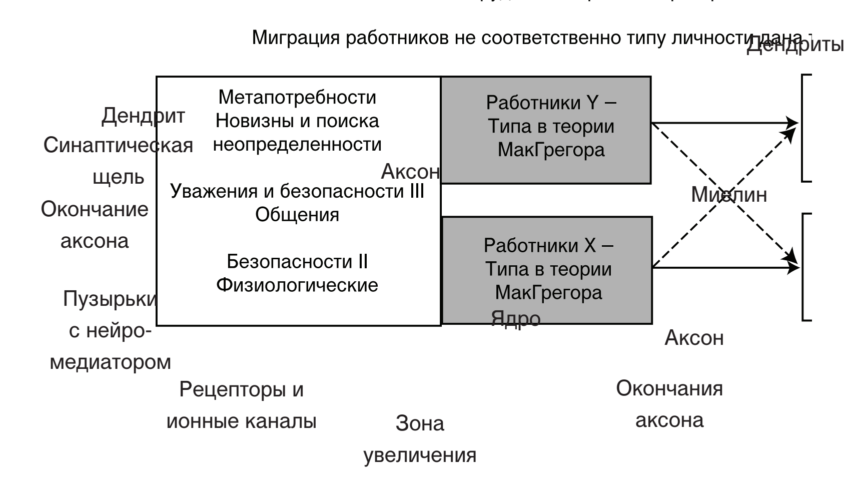

Рис. 10.1. Нейрон-получатель (в центре, справа виден его аксон). Слева показан аксон соседнего нейрона-отправителя (слева сверху виден только аксон отправителя), воспроизводится по [Кругосвет, Энциклопедия]

ского происхождения (преобладающие для млекопитающих — ширина до 50 нм) и смешанные по структуре.

Мы далее будем рассматривать синапсы электрохимического происхождения как наиболее высокое достижение, свойственное высшим млекопитающим и наиболее распространенное в ЦНС человека.

10.1.6. Электрохимическая разность потенциалов и их передача

Электроимпульсный характер связи. Нейрон обладает способностью возбуждать (генерировать) *электрохимический импульс*. Такой импульс именуется “статическим потенциалом”. Нейрон, создав импульс, может проводить или посылать это возбуждение через аксон к другим локальным нейронам или к клеткам других типов (например, клеткам мышц от эффекторного нейрона). Перемещение импульса именуют “потенциалом действия”.

Как возникает импульс и как он передается?

Основой возникновения статического потенциала и его перемещений вдоль клетки — потенциала действия — является неравномерное

распределение ионов солей калия, натрия, кальция и хлора в водных растворах плазмы нейронов (их цитоплазме) и внешней среды, окружающей клетки. Причина кроется в природной организации действия мембран (оболочек) клеток любых видов. Грубо говоря, всякая клеточная мембрана оказывается изолятором водно-солевой среды тела клетки от наружной жидкой водно-солевой среды. Мы не сможем подробнее излагать здесь принцип работы мембраны и создания и передачи потенциала ввиду объема и назначения книги.

Мембрана клетки (нейрона) изолирует жидкие среды с обеих сторон. А потенциал возникает в результате "подсоса" ионов калия или натрия, кальция. Такой подсос осуществляют специальные вставки (органеллы) в клеточной мембране. Это так называемые *ионные каналы или "насосы"*. Природа подсоса — осмотическое давление и прямое и обратное действие электростатических потенциалов. В результате вне и внутри нейрона возникают нейтральные среды, но относительно друг друга они сбалансированы осмотически и электростатически, т.е. имеют разные потенциалы. Среда снаружи заряжена (положительно) относительно внутренней среды клетки. В нейроне это минус 65–70 мВ. Снаружи нейрона преобладают катионы калия и натрия, что образует потенциал + 50 мВ. Всего между средами — 130 мВ. "Насосы" или "каналы" работают постоянно, поскольку мембрана клетки всегда имеет определенную утечку потенциала [Шульковский В. В.]. Процесс подкачки и установления отрицательного потенциала в нейроне именуется поляризацией (снаружи положительный потенциал — внутри отрицательный).

10.1.7. Движение потенциала действия по аксону

Обычно физиологи указывают на выходной импульс в нейроне как результат пришедшего другого или других импульсов от дендритов (от других локальных нейронов или от сенсорных нейронов). Выходной импульс является интегрирующим разрядом от взаимодействия поступающих и уже накопленных потенциалов дендритов (входных сигналов). Механизм суммации (интеграции) и есть часть "решающего механизма" мозга на самом нижнем уровне. Но он, как мы увидим, зависит от многих управляемых элементов нейрона в дендритах, и, возможно, от таких факторов влияния, которые еще не известны физиологам. "Суммирование" импульсов будет показано ниже.

Известно, что выходной импульс нейрона как результат зарождается в аксонном бугорке. Эта точка рядом с ядром нейрона и одновре-

менно в корне (начале) аксонного отростка. Импульс представляет собой положительный потенциал внутри нейрона и возле аксонного бугорка. Далее выходной импульс перемещается по аксону к синапсу, образуя своим движением т. н. "потенциал действия" или фактически локальную деполяризацию цитоплазмы нейрона в месте "пребывания" импульса. Как происходит это перемещение, уже хорошо известно, но это одна из первых и как мы понимаем самых легких побед на пути к познанию себя. Представить компьютер в виде черного ящика и разобраться, как идет поток битов по проводам в шине процессора — вот сравнительная цена этого достижения, но и это большой шаг для начала.

Собственно движение импульса или *потенциал действия* представляется как локальная смена потенциалов у стенок аксона. Точка локальной смены постепенно смещается по стенке в направлении к предсинаптической мембране. Суть движения в последовательном открытии и закрытии ионных каналов в стенках аксона по ходу движения. Потенциал действия открывает каналы соседнего участка мембраны аксона. Потенциал в новой точке цитоплазмы в аксоне изменяется, деполяризуется — это и означает перемещение потенциала действия. А после деполяризации (появления потенциала в соседнем участке) на старом участке идет обратный процесс закрытия каналов и подкачка статического потенциала цитоплазмы аксона — ее поляризация.

Итак, электрохимический импульс подходит к синапсу. Для того, чтобы представить как происходит передача импульсов в межсинаптической щели, мы используем знания нейрофизиологии, которые получены в последние полвека.

10.1.8. Предсинаптическая мембрана

В пространстве межсинаптической щели, как мы знаем, в отсутствии импульса на аксоне нейрона-отправителя последний изолирован от нейрона-получателя.

Для передачи импульса в окончании аксона рядом и в его предсинаптической мембране, содержатся прикрепленные к стенке мембраны маленькие пузырьки, или *"везикулы"* (мед. vesicle — пузырек). Везикулы содержат специальные биологические вещества — *нейромедиаторы* (или по английски neurotransmitters). Медиаторы или передатчики, посредники — это материал, который обеспечивает передачу в нужный момент электрохимического импульса от нейрона к нейрону. Вместе с нейромедиаторами в везикулах могут присутствовать и *ней-*

ромодуляторы. Последние являются дополнительными корректорами или регуляторами передачи — они ускоряют или тормозят передачу сигнала между нейронами.

Везикулы играют только роль специальных оболочек для транспортирования и хранения нейромедиаторов и модуляторов. Они не дают своему содержимому начать действовать немедленно и в момент создания и не там, где это необходимо, сохраняя важные вещества до момента прихода импульса действия.

10.1.9. Формирование нейромедиаторов

Медиаторы и, больше, модуляторы заранее (и постоянно) генерируются специальными органеллами (белковые конструкции) с уплощенными емкостями, находящимися рядом с ядром нейрона. Такие органеллы именуются *аппаратом Гольджи*. Аппарат Гольджи формирует белки нужного типа: сами белки-нейромедиаторы и нейромодуляторы и их упаковку — везикулы. Заполненные везикулы постепенно транспортируются вдоль аксона к предсинаптической мембране — месту их будущего применения. Там они *накапливаются и хранятся* прикрепившись к предсинаптической мембране вплоть до появления нового идущего по аксону потенциала действия. Медиаторы, кроме того, имеют цикл собственной регенерации в аксонном окончании, что резко сокращает расход энергии при многократной передаче потенциалов действия.

Одна везикула размером 40-200 нм содержит от 10 тыс. до 100 тыс. молекул медиатора. Но количество медиаторов в одной (каждой) везикуле в определенном синапсе (почти) строго фиксировано. В одной концевой мембране аксона могут быть тысячи везикул.

10.1.10. Действие импульса на стороне отправителя. Выделение нейромедиатора

При приближении импульса к синапсу в предсинаптической мембране активизируются специальные встроенные кальциевые ионные каналы, которые впускают в окончание аксона, ограниченного предсинаптической мембраной, катионы кальция. Последние вскрывают везикулы. Это как бы “разгрузка кораблей, пришедших в устье реки Аксон”. Пузырьки-везикулы, разрываются и через мембрану аксона изливают своё содержимое в межсинаптическую щель.

Потенциал действия вместе с выделенными нейромедиатором и модуляторами начинает свое воздействие на постсинаптическую мембрану. Прямым передатчиком потенциала действия являются молекулы нейромедиатора.

Здесь же стоит указать, что современными исследованиями установлено, что аксон связан с другим нейроном не одним синапсом, а несколькими или многими. *Аксонное окончание* или *терминаль* нейрона-отправителя имеет много синапсов с дендритами одного и того же нейрона-получателя. Каждый из синапсов может быть ориентирован на свой тип нейромедиатора. Можно предполагать, что при передаче одновременно работают (в зависимости от накопленных везикулярных запасов) несколько синапсов различных по составу медиаторов, что образует сложный характер передачи импульса от нейрона к нескольким другим нейронам, см. ниже.

10.1.11. Постсинаптическая мембрана

Постсинаптическая мембрана является частью дендрита или клеточной мембраны нейрона-получателя. У постсинаптической мембраны имеется множество *ионных каналов*, которые могут открываться для получения потенциала действия от внешнего нейрона. Кроме ионных каналов мембрана отличается тем, что содержит в своем теле особые *рецепторы*, которые являются замками или контролерами для открытия (и закрытия) этих каналов. В общем случае, рецепторы в момент подачи импульса и впрыска медиатора в межсинаптическую щель проверяют тип нейромедиатора. И каналы открываются только в случае соответствия настройки рецепторов и типа нейромедиаторов. Включение в везикулы различных модуляторов, как дополнительных ключей коррекции разрешения и запрета или регулятора степени открытия позволяет управлять работой каждого синапса от самой быстрой передачи до полного запрета передачи и игнорирования полученного (нейроном-получателем) импульса.

10.1.12. Амплитуда постсинаптического потенциала

Еще одной особенностью передачи потенциала является то, что количество каналов, открывающихся в постсинаптической мембране, определяется в зависимости от количества молекул нейромедиатора, а не величиной потенциала на мембране [Шульковский В. В.]. Таким

образом, постсинаптические потенциалы получают на входе в нейрон возможность очень высокой регулируемости (градуальности). Такие потенциалы могут быть возбуждающими (деполяризация) или подавляющими (поляризация или гиперполяризация).

Возникает последовательность факторов и регуляторов логики управления связи между нейронами. Это количество наличных каналов в мембране и настройка их рецепторов — в течение жизни все это может изменяться, и можно предполагать, что это часть настройки, т.е. “памяти”. Далее это входной потенциал импульса действия (стандартный). Это и количество впрыснутых нейромедиаторов и модуляторов в межсинаптическую щель. Такое количество определяется особенностями работы аппарата Гольджи в данном нейроне. Например, вид и количество сопутствующих нейромодуляторов определяется работой аппарата Гольджи, а это возможно тоже часть настройки “памяти”, управления памятью. Далее количество медиаторов, связавшихся с каналами дендритов нейрона-получателя, ведется с учетом наличия каналов в дендритах, а оно меняется во времени. И это тоже можно рассматривать как часть настройки памяти. Количество прошедших в дендрит медиаторов зависит от настройки рецепторов-замков, а сама настройка и количество замков тоже изменяется во времени. И это, возможно, тоже “память”. И наконец, количество прошедших медиаторов зависит от количества наличных нейромодуляторов, сопровождающих нейромедиаторы. И только от пройденного количества медиаторов будет зависеть величина деполяризации пространства нейрона-получателя — амплитуда переданного потенциала (уже не “действия”, а статического потенциала).

В итоге амплитуда статического потенциала на мембране нейрона-получателя (дендрите) развивается пропорционально количеству открытых каналов. Красота, сложность и точность спроектированной в природе системы дополняется еще и тем, что количество молекул самих медиаторов в каждой везикуле строго порционно. В ней находится для данного нейрона строго (точность до процентов) количество молекул медиаторов, поэтому и сам впрыск количества медиаторов тоже носит управляемо порционный или инкрементный (ступенчатый в данном случае) характер. И все это вместе с включением модуляторов позволяет плавное регулирование выходной амплитуды (статического уже) потенциала нейрона-получателя.

Общий результат передачи потенциала от нейрона-отправителя к нейрону-получателю состоит в том, что часть потенциала передается, но в общем случае это только несколько повышает статический потенциал в получающем нейроне. Входной потенциал действия не становится немедленно потенциалом действия получателя.

10.1.13. “Уборка” нейромедиаторов и нейромодуляторов

Очистка межсинаптической щели, которая организована в нейронной связи является условием возможной “чистой” (т. е. строго импульсной, без влияния последействий прежних импульсов) передачи следующего импульса или потенциала действия. Очистка и восстановление должны завершаться не позже, чем восстанавливается поляризация в аксоне после прохождения очередного потенциала, т. е. возникает готовность аксона к новому импульсу.

Большая часть нейромедиаторов восстанавливается следующим образом: оболочки опустошенных везикул восстанавливаются возле предсинаптических мембран. Самовосстановление (и поглощение) именуется *эндоцитоз*. Остатки везикулярных оболочек окружаются белковыми оболочками на краях предсинаптической мембраны и затем передаются в “полости”, образуемые в окончаниях аксонов (в предсинаптических мембранах) до этого. В этих полостях везикулы теряют свои оболочки и заполняются молекулами медиатора, а затем выталкиваются в аксон и прикрепляются к его стенке, чтобы стать еще раз полноценными везикулами в состоянии ожидания. Такой процесс изображен на рис. 10.2.

Этапы такого цикла функционирования нейромедиаторов ниже перечислены более подробно.

1. Абсорбция предшественника (энзима или вещества-заготовки) нейромедиатора.

2. Синтез нейромедиатора, собственно нейромедиатор обозначен через (Т).

3. Транспорт нейромедиатора через мембрану в полость везикул.

4. Разрушение веществ, связанных с производством нейромедиатора.

5. Деполяризация цитоплазмы (внутреннего участка) потенциалом действия, распространяющимся по аксону.

6. Активация потока ионов кальция снаружи окончания аксона в ответ на деполяризацию.

7. Воздействия ионов кальция на везикулу и выведение нейромедиатора (экзоцитоз) через предсинаптическую мембрану.

8. Диффузия (самопроизвольное движение) нейромедиатора через синаптическую щель к постсинаптической мембране.

9. Взаимодействие нейромедиатора с биохимическим рецептором постсинаптической мембраны клетки нейрона-получателя. Такое взаимодействие и означает запуск-передачу потенциала действия к дендриту нейрона-получателя.

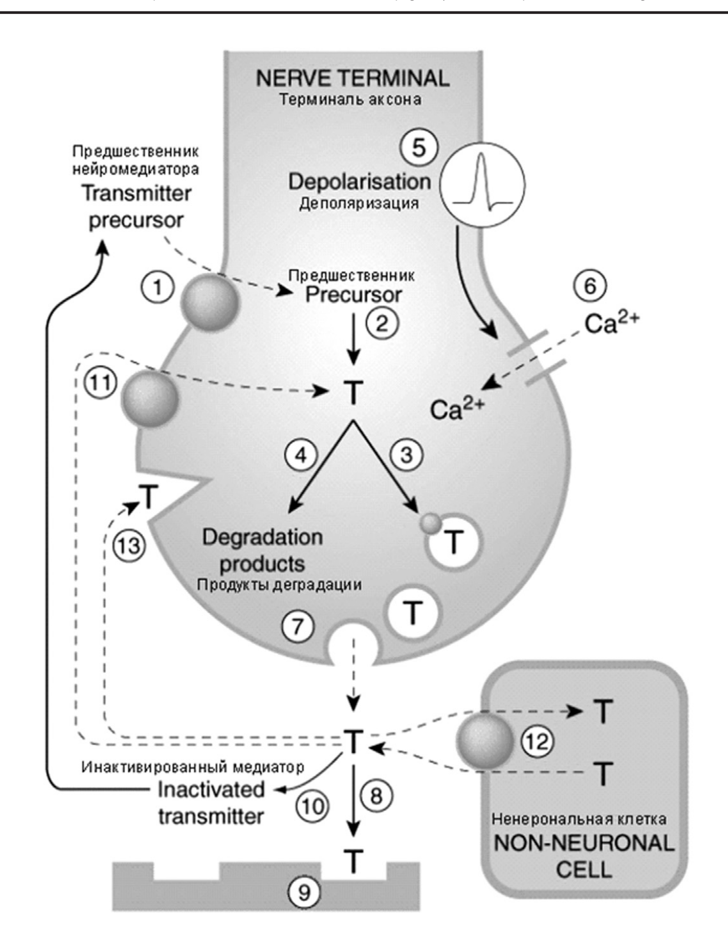

Рис. 10.2. Синапс, аксон, дендрит и межсинаптическая щель, по [Трифонов Е. В. Статья Нейромедиатор], Схема. Цикл: синтез, резервирование и выведение нейромедиаторов. Модификация: Rang H.P., Dale M.M., Ritter J.M., Moore P.K. Pharmacology, 6th ed. Churchill Livingstone, 2007, 45.5 MB, CHM. Цитата из данного источника

10. Деактивация нейромедиатора (для подготовки к работе следующего импульса).

11. Реабсорбция (всасывание) нейромедиатора или продуктов его деградации в предсинаптическую терминаль аксона.

12. Поглощение нейромедиатора внешней клеткой (иного, чем нейрон, происхождения).

13. Взаимодействие с предсинаптическими рецепторами.

Транспортные системы (переносчики) (11 и 12) при определенных условиях могут переносить нейромедиатор в противоположных направлениях.

Описанные этапы характерны для большинства нейромедиаторов. Медиаторы-пептиды отличаются тем, что они могут синтезироваться и резервироваться не только в терминалях аксонов, но и в цитозоле тела клетки.

10.1.14. Формирование нейромодуляторов

К регулярному циклу, представленному выше, примыкает процесс формирования нейронных медиаторов и модуляторов. Он возникает от ядра нейрона и включает этапы:

1. Формирование в ретикулуме и далее в аппарате Гольджи ряда нейромедиаторов и нейромодуляторов или их химических предшественников и помещение их в создаваемые здесь же везикулы;

2. Транспортирование везикул (например, из центра нейрона к концу аксона) и созревание, прикрепление везикул к предсинаптической мембране; при этом в везикулы попадают и медиаторы из процесса, описанного в 10.1.13.

Представленный здесь процесс предположительно поставляет в цикл функционирования нейромедиаторов дополнительные регулирующие средства — нейромодуляторы. рис. 10.3.

Для нас существенно различие двух процессов формирования нейромедиаторов и нейромодуляторов. Процесс, идущий от аппарата Гольджи, означает нечто связанное с более длительными процессами регулирования и управления, чем циклическая рекреация длиной в период импульса. Это могут быть процессы управления среднесрочной или долговременной памятью.

10.1.15. Формирование статического потенциала в нейроне-получателе. Постсинапс как фильтр

При успешной передаче потенциала в нейрон-получатель статический потенциал тела нейрона-получателя может повыситься (суммируется). Кроме того, появление потенциала в нейроне-получателе от одного нейрона-отправителя (и от одного входного дендрита) может совпасть по времени с приходом и тело этого нейрона второго потен-

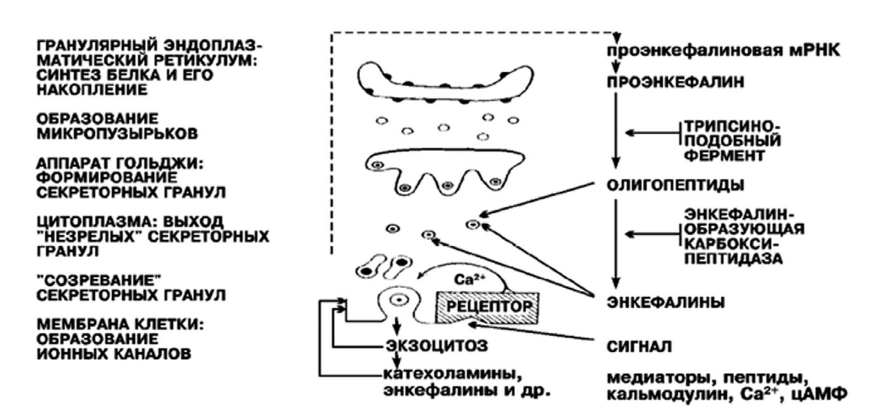

Рис. 10.3. Схематическое представление формирования и передачи медиаторов и модуляторов [Гомазков О. А., 1999].

циала от действия другого соседнего нейрона (на другой дендрит). Сложение потенциалов может привести к тому, что уровень суммарного потенциала может преодолеть пороговый уровень, при котором в этом нейроне из статического потенциала формируется выходной импульс — потенциал действия.

На входе нейрона, как мы говорили, тысячи дендритов (входов) от тысяч других нейронов. В то же время нейрон имеет единственный аксон (выход), правда, с многими сотнями синапсов к разным нейронам. Одна из функций нейрона состоит в интеграции (суммировании) всех воздействий, воспринимаемых от других нейронов через синапсы на дендритах. Поскольку эти влияния могут быть возбуждающими или тормозными и могут не совпадать по времени, нейрон должен биологически, точнее, электрохимически, аккумулировать (с позиций информатики — исчислять) общий эффект синаптической (входной, внешней по дендритам) активности (или воздействий всех своих соседей или нейронов — излучателей) как функцию времени. И результатом такой интеграции в зависимости от настройки данного нейрона может быть один единственный импульс на выходном аксоне.

С другой стороны, если статический потенциал не получает подкачки от дендритов, то он может постепенно "рассосаться" — его уровень медленно понижается. При продолжительном отсутствии входных возбуждений нейрон оказывается все менее способным к производству потенциала действия, поскольку его статический потенциал постепенно падает. Нейрон поэтому напоминает плотину с водой, которая имеет малый паразитный слив внизу, и при отсутствии притока воды

когда-нибудь опустеет. Но нейрон вырабатывает мощный “потенциал действия” как если бы после переполнения водохранилища и перелива воды через верхний край половина плотины обрушилась, и тогда бросок воды оказывается большим, но стандартным.

Таким образом, по своим функциям каждый нейрон многократно сложнее простой системы хранения памяти, например, в компьютере. Он способен выполнять как логическое сложение — действие от одного или от другого нейрона соседа и сотен таких соседей, так и логическое умножение — результат одновременного действия двух и более соседей.

Такая организация “труда” означает очень гибкую и перенастраиваемую интегративную функцию нейрона. На вход нейрона поступают сотни и тысячи электрических сигналов от других нейронов, в том числе и сигналов, представляющих частично и шумовые импульсы (данные). Выходной сигнал на аксоне выступает как интегральный результат многих сот внешних распределенных во времени входных импульсов. Это электрический импульс (информативно это последовательности импульсов различной частоты — максимальная частота до 50 Гц), который является логическим решающим или выходным (по П. К. Анохину) сигналом нейрона на внешнее множественное возбуждение [Анохин П. К., 1974, с. 4, Анохин П. К., 1979, с. 54–55].

В итоге, выходной импульс оказывается результатом фильтрующего влияния данного нейрона при его пропускании через себя сотен и многих тысяч других импульсов, их “пачек”-последовательностей.

10.1.16. Макровзгляд на нейроансамбли

Электрические импульсы поступают с различными частотами, часто пачками или сериями как процессы возбуждений и могут передаваться с определенной частотой через нейроны. Обычно нейроны “работают”, т. е. возбуждаются, целыми ансамблями. Установлено, что в некоторых состояниях передача сигналов от одной группы нейронов к другой осуществляется на определенных частотах, которые служат информативными параметрами для распознавания. Нейрон-получатель и целые ансамбли реагируют не на весь многочастотный поток поступающих импульсов извне, а на пачки импульсов вполне определенной частоты, которые, предположительно и являются в системе обмена и распознавания информации сигналами, несущими информацию.

Это означает, что нейроны образуют собою информационную сеть, структурированную частотными настройками нейронов. В этой сети нейроны образуют настроенные связями ансамбли, *совокупности*

или *констелляции* (дословно — созвездия). Конфигурация и состав их существенно изменяется при активизации и при различных формах нервной деятельности. Мы можем предполагать, что хранение информации связано не с отдельными нейронами, а с такими нейробиологическими многонейронными конструктами (образованиями). Их с начала XX века именуют "энграммами". Это, ввероятно, смысловые образы поведения.

И мы понимаем, что еще не прошли и половины пути в изучении работы головного мозга. Но некоторые соображения по теме могут позволить сделать методологические средства системного анализа.

10.1.17. Память на микроуровне

Сами нейроны *или, что многократно более вероятно, механизмы организации соединений* и *соединения между ними* являются, вероятно, хранителями, носителями информации.

Дональд Хебб (1904–1985) считал, что кратковременная память — это активный процесс ограниченной длительности, не оставляющий никаких следов[32]. По Хеббу долговременная память обусловлена структурными изменениями в нервной системе. Такие структурные изменения могли бы вызываться повторной активацией замкнутых нейронных цепей. По Хеббу повторение возбуждений цепочки нейронов реорганизует связь между синапсами, и они становятся в такой связи эффективными. Возникшая связь образует ансамбль клеток. Это (образование ансамбля) и является сохранением информации. Структурные изменения, как считал Хебб, вероятно, происходят в синапсах в результате каких-то процессов роста или метаболических изменений, усиливающих воздействие каждого нейрона на следующий нейрон. И после нашей интродукции в текущие представления о нейронах мы находим такое понимание исследователя столь же естественным, сколь и замечательным.

Развивая это представление, можно говорить о том, что память на микроуровне представляет собой множество поддерживаемых живым химическим процессом ансамблей нейронов. Тогда выделение — генерация и экзоцитоз средств межнейронной связи — медиаторов, модуляторов и, возможно, других еще неизвестных механизмов связи

[32] Это, конечно, не совсем точно — даже кратковременная память где-то хранится и влияет на формирование памяти более высоких порядков.

является проявлением памяти на самом низком уровне — ее функционированием — *воспоминанием*. Само возбуждение ансамбля клеток можно интерпретировать на более высоком уровне как воспоминание и извлечение информации. При этом источником воспоминания или ассоциации логично считать любое возбуждение нейронов в группе, которое способно активировать весь ансамбль.

В свою очередь тогда необходимо делать вывод о том, что *долговременное запоминание* оказывается реконструкцией нейронной группы или настройкой такой нейронной группы на определенную связь или создание новых групп через изменение порядка настройки генерации нейромедиаторных и нейромодуляторных веществ и рецепторной перенастройки постсинаптических мембран.

Объединяя сказанное с предшествующей информацией, мы можем ясно представить, что исходными первыми ансамблями "памяти" были открытые в начале развития нейрофизиологии т.н. "рефлекторные дуги". Это были первые ансамбли из простых афферентных нейронов, вставочных (локальных, неспецифических или общих) нейронов с выходом на эффекторные нейроны мышц. Эта наша ассоциация приводит исторически самую раннюю научную и полученную сейчас информацию в единое целое.

Аналогично мы можем соединить уже существующую модель условных рефлексов "стимул-рефлекс" с вновь полученной информацией о нейрофизиологии. Действительно, стимулы и подмены стимулов, а также рефлексы и подмены рефлексов другими символическими рефлексами или моделями поведения в духе Долларда и Миллера, а также сами пара (стимулы и рефлексы как рефлекторные дуги) — все это суть запоминание или образование ансамблей новых нейронов на рассматриваемом нами здесь уровне.

Представление об ансамблях нейронов на микроуровне делает возможным объяснение и понимание известного биологического феномена — отсутствия возможности размножения нейронов.

10.1.18. Почему нейроны не размножаются. Взгляд от компьютера

Физиологи говорят "Нервная клетка настолько специализирована, что утеряла способность к делению" [Шульковский В. В.]. Теперь можно считать такое представление не вполне точным. Если представить себе, что нейроны — это важнейшая структура долговременной памяти, то ни о каком делении и индивидуальном независимом размно-

жении таких клеток не может быть и речи. И это прежде всего ясно любому специалисту по вычислительной технике.

Действительно, если память есть физиология и структура (хранения) нейронных ансамблей, то всякое стихийное размножение нейронов по отдельности как копий фрагментов памяти привело бы к информационному хаосу. Размножение клеток абсолютно деструктивно при установленном порядке образования и “ведения”, т.е. использования, памяти. Между тем порядок формирования памяти в агрегациях возник позже простых схем рефлекторной дуги и в процессе эволюции. И главное, он возник позже развитых эволюцией механизмов копирования и воспроизводства клеток — элементарных единиц жизни организма. Потому клеточная технология оказалась принципиально не способна копировать целые ансамбли клеток. Короче, как подключить вновь созданную клетку, мозг в принципе “не знает” потому, что память хранится на *межклеточном* уровне. Но запрет на размножение нейронов — это не телеология, не изобретение природы. Вероятно, запрет возник в естественном отборе при формировании первых систем памяти центральной нервной системы у каких-то видов в эволюции, поскольку нарушал формирующиеся ансамбли и мешал накоплению информации и выживанию видов.

Известно, впрочем, что блоки долговременной памяти в мозге хранятся достаточно надежно. Отдельные выпадающие нейроны дублируются многими другими. Это вполне подтверждает и вероятностную схему функционирования психических функций, см. [Е. В. Трифонов]. С позиций теории надежности функции мозга тщательно зарезервированы параллельно включенными связями и представляют собою т. н. “горячий резерв”. Даже при уничтожении некоторых нейронов (или секций нейронов) информация не теряется: продолжают работать параллельные нейроны в том же ансамбле. Восстановительные процессы, вероятно, так же возможны. Они позволяют подключить новые нейроны к старым блокам тех ансамблей, которые испытывают недостаток параллельных ресурсов. Такая возможность отражается обнаруженными процессами создания новых межсинаптических соединений у нейрона. Новые соединения (синапсы) возникают со стороны аксона. Также и на стороне получения информации у нейрона может происходить усложнение сети дендритов, развитием готовности нейрона установить связи с новыми нейронами-отправителями.

На макроуровне мы знакомы с тем, что центральная нервная система способна восстановить (повторным обучением) некоторые свои ресурсы (например, после инсульта и других травм ЦНС). При малых

разрушениях, вероятно, достаточно повторного использования той же информации (воспоминания) для подмены, подключения и (или) усиления выбывших из рядов нейронов новыми соседними.

10.1.19. О составе нейромедиаторных веществ и нейромодуляторов

Мы постараемся избежать внедрения в крайне специальную область **состава нейрохимических средств**. С одной стороны это очень интересно, но знание только самих наименований веществ не дает нам информации для системного анализа. Взаимодействия между веществами и процессами в центральной нервной системе и их взаимодействие с работой отдельных других органов человека в вегетативной нервной системе далеко выходит за рамки возможного в данной работе.

Разумно привести только важные особенности, касающиеся состава и свойств нейромедиаторов и модуляторов. Мы делаем это в порядке демонстрации связи между нейронными процессами и положительными и отрицательными эмоциями на макроуровне.

Ниже дается перечень основных групп и систем нейромедиаторов и функций, которые они обеспечивают:

Ацетилхолин (Acetylcholine) — произвольные движения скелетных мышц (через симпатические нервные пути); это, вероятно, наиболее ранние вещества для запоминания паттернов и установок движений;

Дофамин (Dopamine) — произвольные движения и мотивация, “желания”, наслаждение или удовольствие, связанное с зависимостями и любовью;

Норадреналин, т. е. норэпинефрин (Norepinephrine) — производное от дофамина — бессонница или возбуждение (через симпатические нервные пути);

Серотонин (Serotonin) — вырабатывается в организме в моменты экстаза, его уровень повышается во время эйфории и понижается во время депрессии. Он улучшает память, эмоции; обеспечивает возбуждение, способствует овуляции, родам, сокращениям матки у женщин, но задерживает эякуляцию у мужчин, поддерживает сон и регуляцию температуры, выступает как эндогенная анестезия. Например, его концентрация резко возрастает за несколько часов до и во время родов. Для выработки серотонина обязательно нужен ультрафиолет, недостаток ультрафиолета в зимнее время года является причиной обычной зимней депрессии.

Гамма-аминомасляная кислота (ГАМК или GABA) — главный тормозной нейротрансмиттер, обеспечивает подавление сигналов двигательных (моторных) нейронов; дает успокоение, увеличение внимания (вероятно, современник ацетилхолина или возник несколько позже);

Глицин (Glycine) — регулирует обмен веществ, нормализует и активирует процессы защитного торможения в ЦНС, уменьшает психоэмоциональное напряжение, повышает умственную работоспособность.

По важнейшим нейромедиаторам можно привести обобщенную информацию об исследованных эффектах (влияния) медиаторов на поведение, эмоции и возможности человека, см. Таблицу 10.1.

Таблица 10.1

Система	**Эффект или влияние на процессы**
Норадреналиновая система	Возбуждение или вознаграждение
Дофаминовая система	Двигательная система, вознаграждение, понимание, эндокринная система, отвращение
Серотониновая система	Возрастание интроверсии (уход в себя), настроение, пресыщенность, регулирование температуры тела и сна, устранение физиологической боли
Холинергическая система	Обучение, кратковременная память, возбуждение, вознаграждение

Использованы статьи [Neurotransmitters Wikipedia-Engl, Нейромедиаторы — Википедия –рус.]

Кроме того, необходимо указать еще одну важную группу нейромодуляторов определенного класса белков — *пептиды*.

10.1.20. Пептиды и нейропептиды

Особую роль среди нейротрансмиттеров исследователи отмечают у нейропептидов.

Пептиды, в отличие от классических аминокислотных нейромедиаторов, это такие белковые молекулы, которые длиннее трансмиттерных молекул, но короче, чем гормоны, что и должно указывать на их промежуточные функции (уровня регулирования). Пептиды имеют разное происхождение и различное, более разнообразное, действие. Часть этих материалов служит нейромедиаторами, а часть модуляторами. Различить трансмиттерное или модуляторное в их функциях часто не удается. Пептиды, кроме того, формируются как гормоны

в других подсистемах организма и исполняют отдельно функции чисто гормонального уровня.

Классические медиаторы обычно формируются ферментами (энзимами) *возле предсинаптических окончаний. Нейроактивные пептиды* формируются *от ядра в эндоплазматическом ретикулуме* (аппарат Гольджи). Именно они упаковываются в секреторные везикулы и транспортируются к аксонным окончаниям.

Очень важным мы считаем упоминание совместного пребывания пептидов и других нейромодуляторов вместе с классическими нейротрансмиттерами в общих везикулах. Концентрация пептидов много меньше, но их действие, влияние, эффект многократно мощнее. Изменение концентрации оказывается управлением системой связи между нейронами.

И наконец, велико отличие пептидов по сроку действия. Если действие распространенных медиаторов продолжается несколько миллисекунд, то пептиды действуют в продолжение секунд до нескольких часов и даже суток. Это может означать, что система управления нейронной передачей и мышлением и система ПАМЯТИ глубоко иерархична (по времени и по механизмам). Возможно, пептиды — элементы формирования долговременной или среднесрочной памяти из кратковременной. Почему? Мы увязываем их функции с удовольствием, которые они несут человеку.

Кроме нейропептидов — средств среднего радиуса действия, существуют и нейрогормоны — вещества, образуемые и живущие сутками и более. Вероятно, это макроэлементы управления организмом. На схеме ниже показано отличие их "работы" — они впрыскиваются в кровеносный капилляр, и потому оказываются общими средствами тонизации организма.

Однако более всего нас должны интересовать пептиды. Среди пептидов мы выделяем опиоидные пептиды. Это природные, т. е. самогенерируемые мозгом или эндогенные, вещества, сходные с искусственными опиатами (морфин, кодеин и др.). Они способны повышать кровяное давление и сердцебиение, т. е. выступать как стимулятор (эмоционального) возбуждения. Самый известный среди них — *эндорфин* и его последователи. Среди их эффектов исследователи отмечают "мотивацию удовлетворения" и, кроме того, устранение боли, расслабление, что мы, конечно, обязаны рассматривать предположительно как ведущие материалы самоподкрепления в мотивации, реализации таких потребностей как потребность безопасности.

Пептиды "работают" со своими специальными средствами нейронной связи — пептидными рецепторами в постсинаптических мембранах. Соответственно опиоидные пептиды связываются со специальными

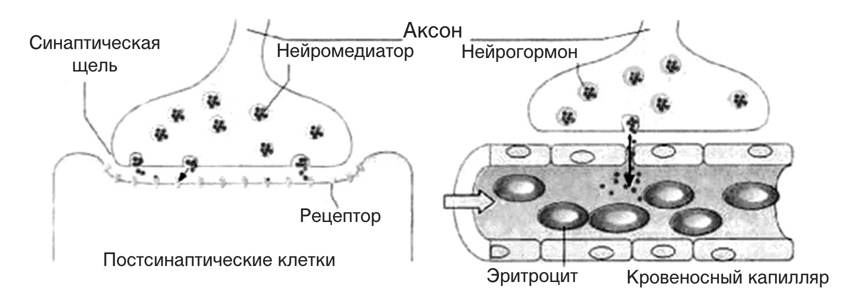

Рис 10.4. Нейрон и соединение его с другими нейронами. Справа изображены более медленно действующие механизмы управления нейронами организма — выделение в кровь пептидов или нейрогормонов, которые иерархически выше нейромедиаторов и имеют интервалы действия, измеряемые часами и сутками, по [Кольман Я., Рем К.-Г.]

опиоидными рецепторами. Опиоидные пептиды обнаружены практически во всех органах и тканях млекопитающих, а также у животных более низких ступеней классификации вплоть до простейших.

Это означает, что в центральной нервной системе могут возникать состояния эйфории и возбуждения, обусловленные впрыском и применением, использованием этих эндогенных веществ. К ним мы добавляем и указанный выше дофамин.

Опиоидные пептиды и ряд других нейротрансмиттеров, в частности, дофамин могут просто диффундировать из синапсов. Это очень важный вывод. И мы на нем остановимся позже.

То, что ликвидация страха или стресса, а, тем более, такой деприваций, как боли, связано с опиоидами, означает для нас понимание того, почему люди любят “бояться”, любят “умеренный риск”. Если со страхом и риском (неопределенности) и его устранением связано выделение наркотических пептидов-опиоидов, то опиоидное натуральное основание такого интереса или “зависимости” становится очевидным. Очевидным и явным становится то, что ранее исследователями в поиске нового или опасного у людей и в биологическом мире рассматривалось как “латентное” и скрытое.

10.1.21. Неспецифичность локальных нейронов

В продолжение темы мы хотели бы привести прямой перевод части статьи “Нервная система” Британской Энциклопедии”, раздел Neuroactive peptides, которая нами использовалась выше частично

в собственном изложении. Раздел статьи написан Соломоном Д. Эрулкаром (Solomon D. Erulkar)

Речь идет о неспецифичности локальных нейронов в отношении видов трансмиттеров.

Открытие более чем одного типа нейроактивного носителя в одном множестве аксонных окончаний опровергает предположение, введенное принципом Дэйла (Dale's principle), что один нейрон синтезирует и вбрасывает в синаптическую щель единственный трансмиттер. Также под сомнением другое предположение — что единственный нейрон вбрасывает единственную группу (или пакет) нейротрансмиттеров во все собственные синапсы. Исследователи находят доказательство, что различные синапсы того же нейрона функционируют как бы независимо. Это может означать, что различные области одного нейрона синтезируют различные нейроактивные (нейропроводящие) вещества. Это другой пример функциональной сложности нервной системы [Encyclop dia Britannica (2008), nervous system].

По обзорным данным Е. В. Трифонова в его "Энциклопедии" количество синапсов у нейрона может составлять до 200 тыс. единиц. Эта общая информация, возможно, оказалась в разделе пептидов именно в связи с ролью пептидов как источников столь общего вывода. Приведенная информация дает повод предполагать высокую универсальность модификации и приспособительных возможностей объектов нашего интереса — нейронов, а именно, локальных нейронов — нейронов "общего пользования" или "неспецифических" нейронов. Последнее имеет прямое отношение к последующей теме формирования долговременной памяти.

10.2. Интеграция информации

Теперь, после анализа нейрофизиологической структуры, мы можем начать "собирать камни". Так, вероятно, именовался синтез во времена Ветхого завета.

10.2.1. Обобщение информации

1. Процессы постоянной генерации медиаторов и модуляторов, их доставки и использования для проводки потенциала действия и восстановления готовности межсинаптической щели к новому продвижению

импульса оказывается *системой управления межнейронными связями*. Если связи, их использование воспринимать как устойчивый результат опыта или практики (например, как установку *условных рефлексов* или как соединение нейронов в ансамбли), то всю работу управления передачей импульсов между нейронами и всякую перенастройку такой работы следует рассматривать как систему организации (изменения и использования) собственно *памяти человека*.

Но прежде этой гипотезы, которая, как кажется, лежит достаточно на поверхности, ценным было бы обсудить структуру явления — источника (физиологии) и гипотетического результата (представления памяти).

2. Нейромедиаторные и модуляторные, а также нейротормозные функции, несомненно, имеют свою *иерархию*, которая разворачивается во времени *процессом простой передачи нервных импульсов*, продолжается *среднесрочными нейропептидными и/или другими среднесрочными регуляторными процессами* и завершается на более медленно функционирующем *нейрогормональном уровне*. Возможно сложность системы еще выше и намного выше. Суть системы — множество уровней проводимости и фиксации условий и опыта (настройки) памяти.

У нас есть пример уровней (искусственной) системы в технике. Стоит привести искусственную иерархию т. н. "сетевых протоколов (групп функций и алгоритмов обмена данными между объектами на своем уровне)", созданных человеком в области только передачи информации между компьютерами. Мы просто перечисляем сами уровни (поскольку способы связи проектируются людьми и фирмами, то каждому уровню могут соответствовать несколько альтернативных протоколов). Например, в сетевых протоколах стандарта OSI (Института Открытых систем — Open System Institute) присутствуют следующие уровни: физический уровень, канальный уровень, сетевой уровень, транспортный уровень, сеансовый уровень (соединение с компьютером назначения), уровень представления данных (например, файл), прикладной уровень (программ) [Протоколы Википедия — ру].

Понятно, что уровни носят вполне конкретный характер среды передачи данных — например, транспортный уровень предполагает, что компьютерные сети имеют промежуточные компьютерные узлы передачи данных, и транспортный протокол организует маршрутизацию передачи сообщения по цепи узлов (а возможны альтернативные пути) от компьютера-отправителя к компьютеру-получателю. Мы хотели показать, что множество уровней приходится формировать при проектировании технических систем. Тем более, они, возможно, не идеально

эффективным образом, присутствуют в природе. В случае работы центральной нервной системы дело обстоит намного сложнее, чем в технике просто передачи данных.

В ЦНС существует много других функций, выполняемых параллельно, например, ассоциация как поисковое связывание информации, или запуск потребностного состояния[33]. Мы просто обречены на иерархию слоев взаимодействия и к объектам анализа должны относиться много серьезнее, чем ребенок к кольцам в пирамидке.

3. Различная инертность подуровней (передачи) информации может отражать и уровень глубины памяти системы передачи. Выше мы отмечали указанные исследователями особенности пептидов — длительность их действия. Вполне возможно, что эти уровни отражают и иерархически вложенный характер формируемой памяти

4. С учетом того, что мы выходим на представление структуры памяти в системе связывания нейронов в ЦНС и феномен произвольного (или инстинктоидного или ассоциативного, более простого) воспоминания, наше внимание обращено на процессы самопроизвольных действий по связыванию и проводимости в нейронных сетях в системе ЦНС.

И информация об опиоидном характере пептидов, особенностях дофамина, а также о произвольном рассеивании пептидов через межси-

---

[33] Вероятно, существует не менее трех уровней системы управления передачей импульсов-сигналов во времени: нейромодуляторы и кратко живущие модуляторы (доли секунд) и их генерация обеспечивает непосредственную передачу импульсов действия; нейропептиды среднего срока действия как нейромодуляторы регулируют, вероятно, процессы среднесрочной и краткосрочной памяти, а некоторые медленные настройки осуществляются как долговременная память. Какие явления в клеточной структуре нейронов обращают на себя внимание в этом управлении? В краткосрочном отношении это сам изученный лучше всего процесс передачи отдельного импульса. В среднесрочном аспекте — это работа по формированию нейромедиаторов и пептидов и управлению их состава и пропорций в везикулах, что выводит нас к механизмам управления (изменения и динамики) работы аппарата Гольджи. И в долгосрочном аспекте — это могут быть процессы не только (изменения) работы аппарата Гольджи, но и формирование и перенастройка ионных каналов в постсинаптических мембранах, изменение свойств их рецепторов или изменение их количества и просто изменение структуры пресинаптических и постсинаптических мембран, увеличение и расширение количества синапсов между отдельными парами нейронов или изменение свойств самих синаптических мембран с обеих сторон — нейрона-отправителя и нейрона-получателя. Мы говорим о потенциальных направлениях исследования и внимания, никак не настаивая на решениях.

наптическую щель становится для нас важной отправной базой поисков. И она ведется на общем фоне представлений о памяти как системе воспроизведения связи между нейронами.

О том, что долговременная память связана с действием опиоидов, указывают результаты исследований 80-х гг., см. например, [Стайн Л., Беллуци Дж., с. 295–298].

Теперь, завершив краткий анализ, мы можем начать восходящее движение к синтезу нашей гипотезы.

10.2.2. О долговременной памяти, эмоциях и нейромедиаторной системе

Мы можем опираться на функциональное определение памяти, данное академиком И. П. Ашмариным:

"Биологическая память — способность живых существ или их популяций, воспринимая воздействия извне, закреплять сохранять и в последующем воспроизводить вызываемое этими воздействиями изменения функционального состояния и структуры" [Ашмарин И. П., 1987, с. 3].

Это определение можно толковать и как способность объекта — хранителя памяти моделировать (*сохранять и позже воспроизводить*) состояния, структуру (или динамические процессы их изменения) внешней среды, отраженной определенным образом в объекте. Полученные выше представления о нижнем биохимическом "этаже" памяти позволяют представлять память как совокупность конкретной конфигурации размещения и постоянно поддерживаемой выработки, воспроизведения нейромедиаторов и модуляторов в ансамблях нейронов, а также перенастройки пептидного воспроизводства медиаторов и модуляторов в нейроне, перестройки системы рецепторов и каналов в предсинаптических (выходных) и постсинаптических (входных) мембранах нейрона.

Тем самым мы пытаемся поставить в соответствие:

1) память или даже точнее использование памяти (о положительном опыте) и

2) регулярное воспроизведение нейромедиаторов, нейромодуляторов определенного типа в агрегации нейронов определенного характера, включая соответственно наличие (установление или развитие) нужных ионных каналов с уже развитыми рецепторами, соответствующими данной памяти или механизму ее поддержки.

Эта идея низкого уровня хорошо высвечивается взглядами Б. Ф. Поршнева о памяти и о фильтрации внешних возбуждений среды в центральной нервной системе:

“В сущности, нервное возбуждение — это тоже простая реактивность, хотя на очень специальном и сложном химико-физическом субстрате. Биологическая эволюция “отрицает” его (нервное возбуждение — прим. СЧ) (как свободное передвижение животного “отрицает” силу тяжести), ибо возбуждение все жестче перекрывается шлюзом, канализируется. “Ум” животного — это возможность не реагировать в 999 случаях из 1000 при возникновении возбуждения. Животное все успешнее, где только возможно, оберегает себя от реакции, так как движется, обладает дистантной рецепцией, дробит раздражители с помощью мозговых анализаторов. Все это не имеет никакого отношения к экономии энергии реактивности: напротив, расход энергии на торможение растет в ходе эволюции в гигантских пропорциях. [Поршнев Б.Ф., 1974, с. 299].

Итак, для Поршнева модель реактивности — память — это система *условной* или фильтрующей реактивности[34].

Это видение Поршнева хорошо подтверждается данными о сложнейшем регуляторном (медиаторном и модуляции) характере нейронной регуляции. Последняя в совокупности является сложнейшим инструментом ограничения возбуждений, поступающих извне, напр. ГАМК, ограничений, которые являются управлением такими возбуждениями, но и далее запускают активность и управление активностью с целью удовлетворения потребностей особи и даже формирования потребностей.

Теперь, мы прошли путь вниз почти до биохимии и до уровня нанометрии и поднялись снова наверх к цели нашего исследования, к системе потребностей, к надстроенным потребностям или метапотребностям. Мы будем говорить о такой памяти на действия человека, которая может стать источником удовольствия, наслаждением и самостоятельной целью, и которую мы, поэтому, собираемся именовать метапотребностью.

При этом мы рассматриваем уровень именно долговременной памяти в ЦНС. Только долговременная память может поддерживать установки в поведении индивида как предусловие метапотребностей.

Или иначе. Мы говорим о долговременной памяти (как о потребности действий, доставляющих удовольствие), которая на уровне нейропередачи и является устойчивым механизмом передачи нейросигналов. Это механизм передачи не просто сигналов, а такой регулярной (это же потребность) передачи сигналов, которая сравнима

---

[34] И мы сразу ассоциируем такое видение с проблематикой условных потребностей безопасности.

с полноводной рекой в дамбах-фильтрах, с накоплением (в везикулах-дамбах) воды или нейрохимии на физиологическом уровне и сбросом через край — нейрохимии (потреблению опиоидных или дофаминовых по типу элементов) в реальных действиях по удовлетворению потребности. Эти реальные действия с позиций нейрофизиологии есть не что иное, как собственно передача потенциалов действия в том объеме и с той нейропептидной, опиоидной и гормональной окраской, которая и есть удовлетворение потребности.

Ниже мы рассматриваем отдельно уровень “классической психологии” и уровень нейрофизиологии как два параллельных и синфазных слоя функционирования субъекта психологии — психологический и нейрофизиологический, пытаясь установить между ними функциональное соответствие. Активность — эмоция — память и их оценка на двух указанных уровнях и являются предметом обсуждения.

10.2.3. Активность — сравнение результата — эмоция

В изложении проблемы мы столкнулись со следующим не проясненным моментом нашего общего видения. Представим себе, что эмоций нет, что человек как бездушное техническое устройство, удовлетворяет свои технические (ну, скажем, физиологические) потребности в духе заправки топливом или технического обслуживания. Если мы исключим эмоции как внешнее (психологическое) проявление оценки удовлетворения потребности нашим субъектом (и объектом исследования), то нам необходимо вычленить и найти вместо эмоций новый физиологический аппарат сравнения и оценки результата действия — степени удовлетворения потребности и качества результата в мышлении и в поведении человека. Это означает, что мы пытаемся идентифицировать психологический и физиологический блок сравнения результата и поставленной цели в психике человека, т.е. идентифицируем то, что именуется у Анохина блоком оценочной афферентации.

Примечание: Напомним, что и вся система Анохина, и наша кибернетическая модель представляют собой символические структуры нашего познания. Они, структуры, должны присутствовать в организме и в мышлении. Но мы сами должны найти эти реальные физические механизмы и подставить их на место схемы Анохина на уровне нейрофизиологии.

Нам, людям рациональным, желательно представлять сравнение цели и результата как рациональный блок мышления, сродни решающим блокам в абстрактной системе автоматического управления с помощью оценивания и сравнения. На очень высоком уровне сознания

мы готовы признать, что человек разумный именно так себя и ведет, в духе теории Альберта Бандуры, — логично сравнивает и логично принимает решение — например, исключить метод или включить метод в систему своих инструментальных средств.

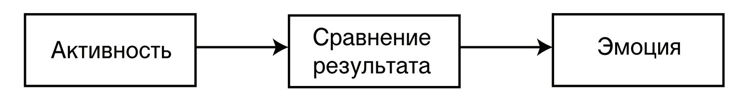

Рис. 10.5. Эмоция как проявление оценочной афферентации

Но у древнего человека, такого аппарата априори не было. В реальности и на подсознании у биологической особи с ее рефлексами, и у приматов, в частности, у современного младенца, есть только эмоция как внешнее выражение потребности и как отражение самооценки физиологического состояния. Эмоциональная оценка, сигнал и символ эмоции лежат ниже рационального, они предваряют работу рационального, более позднего аппарата в сознании. Это и символ, и сигнал биологического еще уровня в межвидовом и внутривидовом общении, и это мотивационные элементы биологического уровня психики. И потому эмоция (важнейшая часть) встроена в человека еще генетически. В природе, вероятно, эмоция была физиологическим и звуковым сигналом и символом, важным, как мы теперь знаем, во внутривидовом (общения с подростом, охране стаи, в статусном взаимодействии и т.п.) и даже межвидовом общении (агрессия или защита). Эмоция образует онтогенетически начало мышления и отражает собою отношение, и блок обстановочной афферентации (например, при опасности), и блок оценочной афферентации при удовлетворении потребностей. Как правило, в простых случаях (условных рефлексов) оценки всего две. Плюс и минус! И мы будем рассматривать здесь лишь один аспект эмоций. Эмоция, в частности, есть блок (инструмент) низшего уровня *психологии* в процессе оценочной афферентации.

10.2.4. Эмоция и долговременная память

Присоединим к изложенной выше информации все, что мы знаем о роли положительных и отрицательных эмоций и их связи с памятью.

Эмоция как положительное подкрепление и дополнение к удовлетворенной потребности, как предполагалось, устанавливает и закрепляет память об инструментальном поведении, удовлетворяющем

потребность. Она, самое малое, резко улучшает (или отражает?) установление и закрепление памяти. Положительное подкрепление может быть и нейтральным. Но при депривациях положительным подкреплением (важным для запоминания) оказывается устранение отрицательного состояния возбуждения, страдания, беспокойства и т.п. При действии, которое является полезным для индивида (или биологической особи), оно запоминается в ЦНС. При сильной эмоции (пиковом переживании) запоминается сама эмоция и связанное с ней действие.

При отрицательном подкреплении — при *не* удовлетворении потребности — возникает отрицательная эмоция, в лучшем случае нейтральное состояние в ответ на зря потраченные усилия. В результате (который на уровне психики является эмоцией) данное инструментальное действие или забывается как бесполезное, или формируется как опасное негативное и запрещенное к применению или излишне затратное. И его избегают.

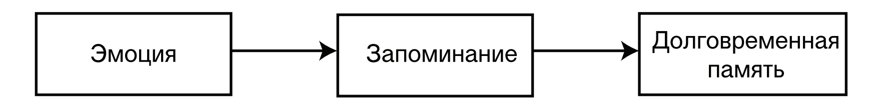

Рис. 10.6. Эмоция как проявление, а не причина процесса закрепления в памяти или разрушения памяти, закрепление негативной оценки ситуаций, методов и т.п.

Примечание: *Из этого следует важное правило — если вы хотите продолжать усилия при появлении трудностей — старайтесь не расстраиваться — это условие для мобилизации сил на продолжение дальнейших попыток. Понятное житейское правило получает теперь строгое научное основание.*

10.2.5. Активность и выработка нейрохимических веществ в сетях ЦНС — долговременная память

Имеющиеся данные нейрофизиологов указывают на выработку в ЦНС биологической особи соответствующих биохимических веществ класса нейромедиаторов и нейромодуляторов при положительном или отрицательном результате удовлетворения потребности [Эндорфины, сб.ст., 1981].

Данные об условных рефлексах доказывают, что реальная, а не экспериментальная активность позволяет устанавливать условные реф-

лексы особи и индивида. Сама же рефлексивная связь предполагает установление как минимум нейронной связи (“дуги”) между нейронами в ансамбле и между ансамблями. Это означает, что активность и ее запоминание осуществляется с использованием и фиксацией результатов в нейронных сетях, а это и означает на нижнем уровне формирование долговременной памяти, см. рис. 10.7.

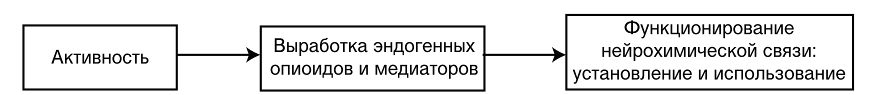

Рис. 10.7. Нейромедиаторы и нейромодуляторы как результат активности

10.2.6. Эмоции — нейрофизиология или наоборот? Системный взгляд

Эмоция любой направленности, положительной или отрицательной, — всегда отражение не только физического состояния (сердцебиение, дыхание, состав крови и т. п. на что указывали еще У. Джемс и Г. Ланге), но и нейрофизиологии. Мы смеем говорить о том, что эмоция есть внешнее моторное физиологическое (мышечное и сигнальное) отражение процессов, происходящих в центральной нервной системе. Это вытекает прямо из опосредованности любых вегетативных и мышечных реакций работой локальных нейронов. На бытовом уровне это ясно наблюдается у людей и животных с отключенной или слабо развитой нервной системой. Эмоциональные реакции во многих таких случаях почти отсутствуют

И нижний нейрофизиологический уровень в онтогенезе и филогенезе всегда первичен в сравнении с эмоцией — эмоция является внешним проявлением состояния (это не экспериментальный результат, а системный вывод). Хотя в практике и позже возможна и обратная аутомоторная связь: автомоделирование эмоции — нейронный уровень как последующее состояние. Другими словами, в общем случае эмоция — это внешнее моторное проявление нейрофизиологического состояния. В подавляющем большинстве последнее определяет первое, а не наоборот, см. рис. 10.8.

Тогда связь эмоций (поведенческая эмоция, или эмоция действия и последействия) с нейронной системой в момент формирования памяти представима схемой на рис. 10.9:

А связь эмоций и с нейронной схемой в момент *использования* памяти (эмоция, не предваряемая действием или внешним воздействием, а только воспоминанием) представима рисунком 10.10:

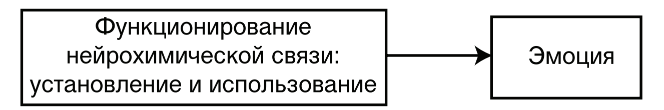

Рис. 10.8. Эмоции как внешнее проявление экзоцитоза нейромедиаторов и нейромодуляторов, воздействующих на моторное поведение

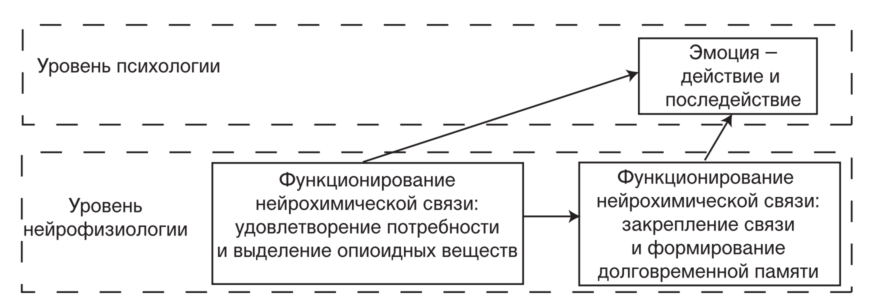

Рис. 10.9. Объединения данных о влиянии нейронных материалов и веществ на память и эмоциональное проявление. Запоминание

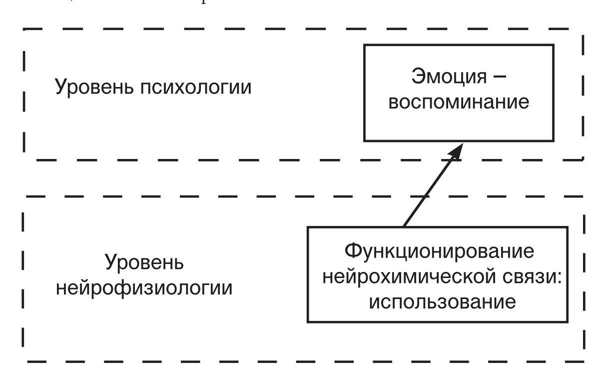

Рис. 10.10. Взаимодействие нейрохимических веществ с памятью в момент ее использования

Поэтому у нас имеется основания предположить логическую связь между возникновением эмоции, того, что за эмоцией стоит на уровне нейрофизиологии, и перестройкой на этом нижнем уровне в центральной нервной системе. Под перестройкой мы понимаем процесс настройки нейронной сети с использованием перенастройки состава и объема генерации нейромедиаторов и модуляторов.

Для удаления условных рефлексов, которые не подтвердили потребность и ожидание ее удовлетворения, начинают "работать" отрицательные эмоции *и их нейрофизиологическая подложка*. При этом они

формируют “тормозные пути”, разрушают или стирают, перенастраивают синапсы конкретного старого медиаторного механизма рефлекса или даже, возможно, более того, создают отвращение к какому-либо действию (мы определяем его как табу, как *фобию*). Последнее мы можем рассматривать как новый запрет как установку, уже отрицательный условный рефлекс (депривационного типа) — не использовать то-то, не делать то-то.

А при положительных эмоциях (положительном подкреплении) в ЦНС, в подложке нейрофизиологического уровня, возникают и стимульные, и подкрепляющие сигналы. Сначала возникают сигналы, давайте пошутим с небольшим прицелом и вперед, сигналы, “как деньги” (мотиватор), а потом подкрепление — эмоции, “как стулья”. И осуществленная активность, подкрепленная на всех уровнях, “запоминается”. На микроуровне эта практика фиксируется такой перестройкой системы связи, которая обеспечит в будущем расширенный экзоцитоз дополнительных порций нейромедиаторов, например, дофаминового типа в системе тех нейронных ансамблей и их взаимодействий, которые функционировали при подкрепленном акте. Этим *закрепляется, реформируется и устойчивая биохимическая связь между группами нейронами (деньги дают стулья!). И это память*.

И после этого не исключено, что пьяный рабочий сцены, притащивший Остапу Бендеру из театра стулья мастера Гамбса, предстанет перед нами большим банкиром (желающим заработать и имеющим потребность в деньгах). Такой банкир начнет навязывать свои “стулья” в кредит под процент — “сегодня я вам стулья, а завтра вы мне деньги, но больше, с процентом”. И этот результат будет точно таким же в логике, *как и потребность, возникающая в организме*. Финальное подкрепление (стулья), которое уже постоянно реализуется в метапотребности, а потом вдруг некоторое время не осуществляется, такое подкрепление “начинает требовать само себя”: оно возникает изнутри и не имеет имени, но звучит так: хочу стулья! И такая побудительность на верхнем уровне образует эмоцию. Она видна как эмоция и предчувствие. Эта эмоция обобщенно именуется желанием, интересом. Воспоминания о стульях потому и хороши, что указывают на возможность одновременного или с запаздыванием появления денег! Подкрепление как предвкушение возникает раньше мотивации и требует самое себя в еще большем объеме. И она вызывает снова процесс (который воспринимается как сигнал), который полагается начать — процесс становится мотивом, как деньги мотивом для появления стульев. Тело или мозг без спроса хозяина начинают требовать у самого хозяина вести себя так, как если бы кто-то нам прямо и нагло навязывал стулья и только

стулья (делай что хочешь, но, чтоб стулья были здесь и сейчас!). И хозяин возвращается к труду добывания денег — единственному процессу, который ведет к вожделенным стульям.

И это уже видел Анохин, утверждая, что:

“Все виды потребностей приобрели побудительный характер,... формирующий различные типы побудительного или ... отвергающего поведения” [Анохин П.К., 1979, с. 449].

10.2.7. О роли эмоций в свете нейрофизиологии

Роль эмоций, вероятно, недооценивают, а с другой стороны представляют как нечто самостоятельное.

Иногда в этом находят нечто сознательное или почти рациональное. Так, у Д. В. Колесова эмоция — это “гедонистическая” компонента — оценка эффективности удовлетворения потребности.

В других случаях в оценке эмоций видят нечто нефункциональное — лишний довесок к психологии поведения — *эмоции накапливаются в памяти*. И у человека появляется возможность испытывать эмоции в связи с событиями в прошлом и в “обдумывании чего-либо на будущее”. Интересно как язык, см. фрагмент курсивом, сам выдает тайны явления даже в изложении на бытовом уровне (“накапливаются в памяти” — вспомним о предсинаптической мембране).

В третьем варианте — эмоция — это “физиологически-мобилизующая” составляющая поведения [Колесов Д.В., 2002, с. 122–123]. Здесь не ясно, эмоция ли мобилизует поведение или это эмоция суть отражение внутренней мобилизации.

Иногда даже возникает ощущение, что психологи забывают о том, что за эмоцией уже лежит нейрофизиология. Психологи, кажется, опускают то, что эмоция есть знаковое или внешнее моторное физиологическое проявление того, что происходит в ЦНС на нейрофизиологическом уровне.

О роли эмоций, их значении, в математическом духе “от противного” как-то сказал П. К. Анохин:

“Эмоции бы отмерли в отсутствии их функционального значения” [Анохин П. К., 1979, с. 447–449].

Что дают нам эмоции в свете настоящих результатов? — они *внешнее проявление* инстинктоидного формата функционирования наших физиологических процессов, и именно тех процессов, которые создают внутренние напряжения и возбуждения. Мы уже говорили, что эмоции — это и генетические, и порой приобретенные научением формы информационного внутривидового, а иногда и межвидового обмена.

Но, кроме того, эмоции отражают все то непредсказуемое, что возникает в психике человека и не может быть им предусмотрено и рационально откорректировано. Эмоции — это и то, что еще не рационализировано в психике человека. И по своей сути не должно быть рационализировано, поскольку является генетически организованным явлением. Вот почему, здоровая эмоция — это ближе к природе.

Эмоция — это отражение существенного отклонения в нейронной модели человека от каких-то ситуаций в окружающей среде или даже в нем самом. Это инстинктоидное несоответствие — плохое или хорошее, но несоответствие по сравнению с текущим ожиданием психической системы в среде или в самом организме. Например, если мужчина каждый день утром бреется, а сегодня нет горячей воды и газа, то он полдня будет разбит и не в форме, и каждый ли в такой ситуации будет понимать, почему он раздражен, и сегодня ему некомфортно работать? Существенно, что часто человек не может сказать, что это за несоответствие. Иными словами, эмоция — это то, что человек ощущает в себе “от природы” как биологическая особь или как потомок и наследник биологического мира.

В истории человека на первых этапах его развития эмоция дальше от социального. Речь идет об отрицательных эмоциях. И чем более эмоционально общество в части отрицательного, негативного, тем ниже его социальная культура, меньше в нем рационального. Причем, теперь мы понимаем, что рациональным или социальным в культуре оказывается статус или ранг, признание легитимности или обоснованности претензий на ресурсы и в этой связи самоограничение на агрессию и конфликт (и отрицательную эмоцию). В порядке контр-примера приведем отличающий признак поведения элиты (аристократизма в Средневековой Западной Европе), у которой гашение эмоций становится классовым признаком. Но такое гашение несет и функциональный характер: сначала подумай, потом скажи, весомо и ясно! Для страны с четко выраженной социальной структурой, а Англия здесь одна из стран “впереди планеты всей”, это know-how приобретено как эффективный способ управления. Большая часть вербального потока элиты обращена к слугам, и подчиненным. Слова, по сути, являются приказами работникам. Иные образцы поведения мы видим в странах с молодой и неуверенной в себе элитой, готовой популистски подделываться под “народ” с применением запредельно эмоциональных речевых форм. Это и отражение нерешенности проблем распределения ресурсов в обществе,

высокой общественной конфликтности и претензий к распределению. В обществе, где разрешены проблемы “уважения” и конфликтности в целом и устранена жесткая иерархия и монополия элиты, здоровая, т.е. лишь позитивная, эмоциональность имеет тенденцию возрастать.

В этом наше развитие мнения Анохина о роли эмоций в развитии человека, да и в адаптации биологического и социального развитого мира в меняющемся окружении.

10.2.8. Выводы и попытка синтеза

В свете сказанного выше общая схема классической психологии и параллельной работы уровня нейрофизиологии имеет вид (см. рис. 10.11).

В итоговой схеме представлены два уровня — верхний психологический и нижний нейрофизиологический. Все эмоции, активность и запоминание, использование памяти, т.е. воспоминание или “желание” — это верхний уровень, он обеспечивается и поддерживается нижним во всех отношениях, кроме рациональной части мышления, которая здесь не рассматривается. Для чего создается такая схема? В этой схеме нас интересует выход на воспоминание, предвосхищение и антиципацию, и об этом речь в следующем разделе.

Итак, на множестве научных оценок и обобщающих мнений психологов, этологов и нейрофизиологов мы установили, что

1. Активность (напряжение в ее процессе), результат (успешный или отрицательный) активности индивида могут сопровождаться или давать результатом соответственно сильные положительные и отрицательные эмоции, т. е. состояния возбуждения.

2. Эти состояния отражаются или фиксируются в памяти индивида. Эмоциональные (положительные или отрицательные) психические состояния способствуют (но не являются физиологической причиной) запоминанию или стиранию памяти.

3. Исключительно все эмоциональные состояния сопровождаются выделением биохимических веществ, часть из которых носит опиоидный характер (часть положительных эмоций).

4. С системных позиций эмоциональные состояния моторно отражают и являются следствием нейрофизиологических процессов. Поэтому запоминание происходит не в результате эмоций, а в результате тех нейронных процессов, которые проявляют себя внешне в виде эмоций.

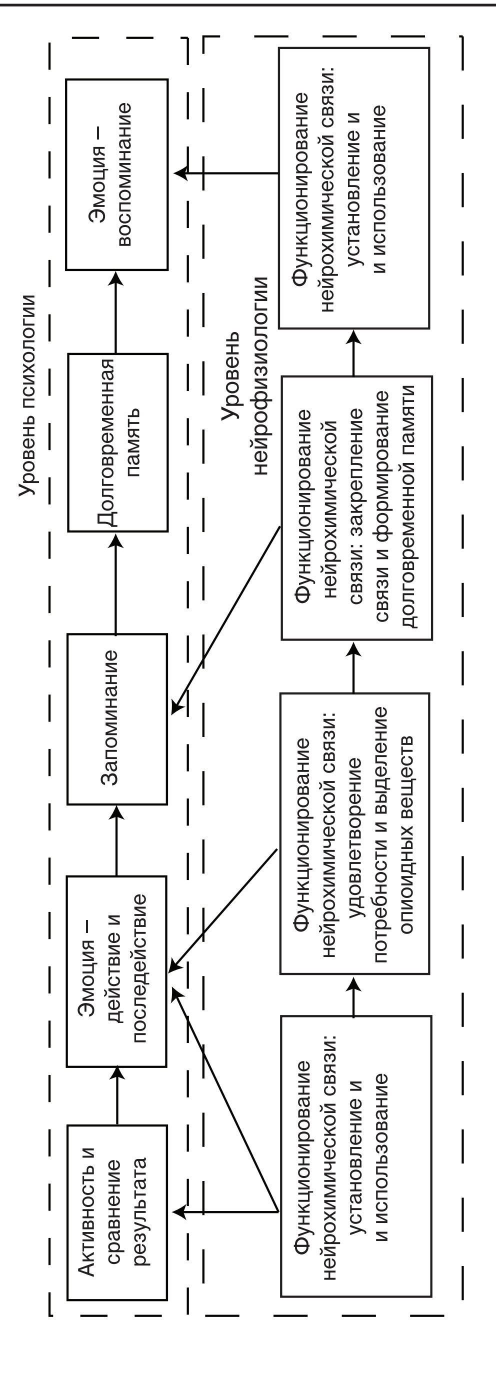

Рис. 10.11. Взаимодействие двух уровней физиологии (нейронный уровень и поведение) при запоминании и при воспроизведении материала из памяти, т.е. при возникновении новой потребности как антиципации

10.2.9. Гипотеза о нейромедиаторном механизме активации метапотребности

Мы возвращаемся к основному направлению нашего анализа: *оценить появление потребностей высшего плана — метапотребностей*, которые не имеют и не могут иметь прямого источника возбуждения от периферической системы. И мы выдвигаем гипотезу:

источник раздражения (возбуждения) находится внутри ЦНС.

Ниже мы даем контекст появления раздражения. Мы рассматриваем здесь только метапотребности, возникающие под воздействием сильного эмоционального положительного возбуждения.

Внешние события в жизни и человека, и особи в биологическом мире могут ассоциироваться с потребностью и, в том числе, с метапотребностью, но они не являются причиной возбуждения.

Когда мы говорим о метапотребности, естественно, мы предполагаем, что нижние уровни потребностей уже удовлетворены, и наш субъект не отвлекается от нашего мысленного с ним эксперимента, как собака Павлова в его Башне молчания. Еще раз. Мы не обсуждаем различные, явные опасности для особи, индивида. Метапотребность — это именно та высшая потребность, которая предполагает отсутствие озабоченности низкого порядка.

10.2.10. Самогенерация на уровне психологии

Проявление или запуск метапотребности возникает внутри ЦНС индивида, а не вне ее. Рассмотрим роль влияния внешних факторов в инициации метапотребности или в возникновении ассоциаций памяти (метапотребности) с внешними раздражителями.

При отсутствии внешнего возбуждения от вегетативной нервной системы у нас нет иного гипотетического источника, кроме текущего внешнего неспецифического окружения и внутреннего источника в центральной нервной системе.

П р и м е ч а н и е : неспецифичность здесь понимается как отсутствие прямого основания для поведения — например, — это не угроза от среды, которая вызывает тревогу и т.д.

При отсутствии афферентных психических (предметных или символических) возбуждений извне, касающихся аспектов метапотребности, существующей у индивида, мы предполагаем наличие общего шумового фона внешних раздражителей произвольного характера.

Такие раздражения появляются как от афферентных нейронов и периферической нервной системы, так и просто как случайные импульсы в ряде локальных нейронов (шумовой фон).

Основаниями на макроуровне психологии для доказательства того, что шумовой фон существует, являются как минимум три феномена:

– воспоминания у индивида в отсутствии раздражений и внешних впечатлений;

– сновидения;

– галлюцинации, которые свойственны людям, лишенным всех внешних раздражителей и находящихся в заточении в полной тишине (еще раз вспомним башню молчания Павлова).

Эти явления возникают у большинства людей, вовсе не имеющих метапотребностей.

И тем самым мы подходим постепенно к выводу о *самогенерации ощущения потребности на уровне психологии*. Самогенерация потребности выявляется как феномен и для обычной базовой потребности. И это не вызывает удивления. Речь идет о том, что индивид сам может не ощущать эту потребность рационально.

Как же мы определяем феномен самогенерации?

Интересующее индивида действие или потребность ассоциируется или вызывается буквально любыми событиями внешней среды, включая собственное тело.

Это хорошо иллюстрируется на бытовом уровне даже для обычных потребностей такими шутками, вроде фразы: "кто о чем, а вшивый о бане". Или это отражается простой солдатской шуткой о том, что солдат всегда думает о женщине: "а я завсегда о них думаю!".

У большинства молодых мужчин случается во сне оргазм и эякуляция при долгом воздержании, но, как правило, не в случае регулярной половой жизни. И заметьте, что она часто происходит именно во сне, что принципиально означает отсутствие внешних раздражителей.

Если говорить о голоде, то влияние внешних событий носит буквально символический характер — если потребность существует, то *внешние факторы являются, скорее, предлогом и поводом, чем причиной инициации потребности*. Это напоминают мучения голодного Буратино в каморке Папы Карло. По сути, большинство внешних раздражителей или воспоминаний, возникающих в режиме "белого шума", начинает ассоциироваться с доминантой в сознании человека. Отсюда же возникают и патологии в части т. н. "навязчивых идей". Воспоминания людей о голоде и о необходимости постоянных запасов на случай голода демонстрируют пожилые жители России, пережившие войну 1941–1945. Я был знаком в США с пожилыми и вполне ин-

теллигентными иммигрантами из Москвы, которые по приезде туда, будучи на постоянном пособии для иммигрантов — welfare, держали серьезные запасы круп, консервов и сахара на несколько месяцев автономного существования (2000 г.).

Пожилые люди, находящиеся на пенсии, и имеющие недостаток общения, готовы говорить беспрерывно и долго, часто даже не подозревая о своей насущной потребности — общения. То же касается потребности в аффилиации, когда пожилые люди (особенно не имеющие внуков) заводят домашних животных или более тепло начинают относиться к существующим животным.

Здесь мы подходим к некоторому *феномену перенаправления внимания (или доминанты в мышлении) от любого события или при его отсутствии к одному и тому же потребностному состоянию, которое поддерживается ИЗНУТРИ*. Чем сильнее не удовлетворена базовая потребность, тем чаще она ощущается индивидом и тем больше это проявляется вовне в его поведении.

И впору еще раз напомнить мнение Поршнева о том, что в развитии нервной системы: "возбуждение все жестче перенаправляется шлюзом, канализируется. "Ум" животного — это возможность не реагировать в 999 случаях из 1000 при возникновении возбуждения". От животного до самых высших форм нервной деятельности — творчества. Напряжение научного творчества есть фильтр, отбирающий информацию так сосредоточенно, что окружающим это кажется небытием и рассеянностью, причем последняя есть просто отключение внимания от бытовых видимых окружающим сторон. Но то же происходит и с любой текущей или актуальной потребностью человека.

Поршнев говорит о торможении везде, кроме открытого канала (внимания). В отличие от человека у животных этот открытый канал всегда есть текущая доминирующая потребность. И для человека это тоже бывает часто. Отмечая торможение, а мы представляем теперь механизмы нейроторможения, Поршнев имеет другую задачу — представить эту функцию нейрофизиологии как прогресс, перенаправление потока сознания. В нашей цели и анализе это же замечание полагается инвертировать в возможность *перенаправления любых внешних раздражений и всякое шумовое множество раздражений* в особый канал ощущения ведущей потребности. Мы бы сказали теперь точнее — при наличии потребности из 1000 возбуждений 999 случаев приводят безусловно к ощущению доминирующей мегапотребности или ассоциируются с нею.

Этот поток сознания на уровне нейрофизиологии можно было бы представить маленькими ручейками доминирующего желания, с которым начинают ассоциироваться любые внешние раздражения и даже

их отсутствие, эти ручейки постепенно превращаются в полноводные реки, пока не сливаются в мощную общую дельту, впадающую в океан желания. Если читатель хочет представить этот рост потребности (и метапотребности), в образе музыки пусть прослушает третью часть шестой симфонии П. И. Чайковского.

Итак. Поршнев прав, объем торможения с ростом биологической цивилизации возрастает, а тогда возрастает и избирательность центральной нервной системы и могут возникать самые тонкие потребностные состояния, включая индивидуальные. Они и именуются метапотребностями. Простая реактивность животного становится очень сложной и индивидуальной у человека.

Мы считаем, что показали феномен самогенерации потребностей на уровне психологии.

Теперь рассмотрим такую возможность на уровне нейрофизиологии, но сначала обратим внимание, что *не все потребности замкнуты на центральную нервную систему в полном объеме*, и что в этом отношении метапотребности существенно отличаются от многих базовых потребностей.

10.2.11. Потребности по Маслоу в их отношении к органам человека

Ряд дефицитарных базовых потребностей, мы знаем, связаны с дефицитом, ощущаемым нервной периферической системой (голод, жажда, боль, сексуальные депривации). Они не требуют долговременной памяти.

Существует пограничная *потребность общения*, в которой ЦНС используется не полноценно. Эта потребность включает “условный голод” функционирования периферийных органов, как мышц (тела, лицевых мышц и речевого аппарата), сенсорных органов (в отсутствии впечатлений) и самой центральной нервной системы (недостатка активности). Отсюда возникает нечто вроде потребности стимуляции или упражнения мышц, центральной нервной системы и сенсорного аппарата. Это в целом мы пока обобщаем потребностью общения: аффилиации, работы речевого и слухового аппарата, и нечто вроде массажа или активизации вхолостую локальных нейронов. Остальные процессы носят физиологический характер (физической культуры или физической гигиены) и включаются в физиологические потребности или потребности безопасности II (поддержания здоровья), которые мы обычно пропускаем, поскольку они не связаны с трудом по удовлетво-

рению потребностей. Неполноценность использования ЦНС состоит в том, что ценность информации при общении не является главным, см. раздел 10.10.

Существует третья группа потребностей — *потребности в безопасности I, II, III, которые связаны почти исключительно с использованием долговременной памяти (ЦНС)*. Это страх, тревога, беспокойство как отражение несоответствия среды и ожиданий или моделей нормы и нормальной среды, то есть депривация спокойствия или безопасности. Но *эта группа потребностей в работе с ЦНС связана с депривациями, отрицательными состояниями*, которые следует преодолевать.

От указанных выше потребностей четвертая группа — метапотребности — отличаются тем, что они построены на долговременной памяти в ЦНС и ориентированы на *положительное подкрепление в самой ЦНС*.

Итак, метапотребность с позиций физиологии — это *специфические для личности установки и потребности, которые записаны в долговременную память ЦНС и подкреплены позитивным ожиданием и поисковой активностью*.

Поскольку ЦНС — это тоже физиологический орган человека, то *метапотребность можно рассматривать как специфическую физиологическую потребность собственно центральной нервной системы человека, но специфическую для данного экземпляра ЦНС*.

В свете этого вывода можно вернуться к потребности в общении и тоже характеризовать *потребность в общении как базовую физиологическую потребность собственно центральной нервной системы* (потребность в функционировании ЦНС собственно НЕ зависимо от содержания работы).

Таким образом, именно метапотребность связана с информацией об опыте, вызывающем позитивные эндогенные опиоидные подкрепления, опыте, записанном в долговременную память ЦНС. И после обсуждения самогенерации потребностей *на уровне психологии* мы вправе рассмотреть этот вопрос на *уровне нейрофизиологии*.

10.3. Самогенерация потребности на уровне нейрофизиологии

Наше внимание обращено на возможность возникновения случайных импульсов на входе в важные нейронные констелляции, импульсов, не имеющих отношения к данной метапотребности. Эти импульсы могут существовать вне всякой связи с предметами активности, удовлетворяющими метапотребность. Явление этого рода именуется обыч-

но автовозбуждением. В соответствии со сказанным нас интересует работа долговременной памяти, а именно, ее автогенерация и реакция собственно центральной нервной системы на нее.

Когда мы возвращаемся к множеству наблюдений и обобщений специалистов о накоплении нейромедиаторов в везикулах, о генерации импульсов в нейронной сети, мы обращаем внимание на встречающиеся мнения исследователей 1) о *самогенерации импульсов*, и 2) о наличии даже некоего *нормального фона и "шума" нейроимпульсов*.

10.3.1. Работа Бернарда Каца и процессы динамического накопления потенциала

Основой таким представлениям послужили работы нобелевского лауреата (1970 г.) Бернарда Каца (Katz, 1953). В его квантовой теории указывается на *возможность самопроизвольного излучения порций медиаторов из везикул*. Исследуя нервно-мышечный синапс лягушки (медиатор — ацетилхолин), с помощью микроэлектродов исследователь зарегистрировал новый класс постсинаптических потенциалов. Эти сигналы возникали случайно, в покое, имели очень маленькую амплитуду и были названы миниатюрными потенциалами концевой пластинки (МПКП — концевой пластинкой считается пластинка управления сокращениями мышцы) [Катц Б., с. 158–163, 168–171].

В открытии установлено, что обычные "большие" постсинаптические потенциалы, вызванные раздражением двигательного нерва и нейрона (потенциалы концевой пластинки — ПКП), от раздражения к раздражению варьируют по амплитуде, причем эти колебания кратны амплитуде МПКП. Медиатор в синапсе освобождается в виде фиксированных в размере мультимолекулярных порций — квантов. Оказалось, что квант — это количество молекул, хранящихся в одной везикуле. Квант медиатора или везикула состоит из 1000 — 10000 молекул ацетилхолина и это количество фиксировано для данного синапса, т. е. каждая везикула в данном синапсе имеет почти равное количество молекул. Но самое важное *в нашем понимании то*, что в покое в нейронной сети происходит случайное освобождение из аксонного окончания отдельных порций отдельных квантов, т. е. и везикул. Сам эксперимент далее показывал, что в ответ на появление микропотенциала МЦКП может происходить синхронное освобождение нескольких десятков или сот квантов и возникает ПКП, т. е. случайные микропотенциалы могут инициировать мощное сокращение мышцы.

На бытовом уровне многие из читателей неоднократно ощущали у себя в момент засыпания резкие однократные сокращения мышц ноги или руки. Нейрохимические потенциалы возбуждения, накопленные и не растраченные в дневной активности, в таком сокращении сбрасываются так же, как и статическое электричество. Эти примеры, конечно, гипертрофия того, что может происходить в состоянии покоя при самогенерации потенциалов действия в нейронных ансамблях центральной нервной системы. Но генерация полноценного импульса — потенциала действия в нейроне-получателе — не подлежит сомнению.

В общем случае шумовой поток представляет собою множество конкурирующих остаточных информационных воздействий от внешней среды и от автогенерации различных нейронных ансамблей.

Стохастический (случайный) принцип возникновения остаточных постсинаптических потенциалов последовательно прослеживается, например, в Энциклопедии Е. В. Трифонова. В статье о "синапсе серотонинового типа" им приведена информация о возрастания статического потенциала в нейроне-получателе. Это результат последовательного впрыскивания в дендрит квантов медиатора.

При начальном балансе поляризации в ~60–65 mV статический потенциал на постсинаптической мембране возникает тогда, когда деполяризация, вызванная действием квантов медиатора, достигает порогового уровня. Потенциал равен ~40 mV. Показано, что каждый квант медиатора вызывает деполяризацию величиной ~5 mV. Одновременное или последовательное (с короткими интервалами времени) действие четырех квантов медиатора обусловливает деполяризацию, достигающую порогового уровня. Это является причиной спонтанного возникновения потенциала действия у нейрона-получателя. Аналогичные явления могут возникать при поступлении к терминали аксона потенциалов действия каждые –4 мс. [Трифонов Е. В. Психофизиология человека. Серотонинэргический рецептор]

Мы можем представить себе простую гипотетическую ситуацию, когда на вход нейрона поступают слабые, фактически "запрещенные" сигналы, которые пропускаются в дендриты в форме минимальных остатков постсинаптического потенциала (квант). Если на различные другие дендриты этого нейрона СЛУЧАЙНО в интервале не более 4 мс последовательно поступит еще три-четыре таких же потенциала (кванты от аксонов других входящих нейронов на этот нейрон или кванты от других аксонных бляшек (предмембран аксонной терминали того же входного нейрона на другие дендриты данного нейрона), то пороговое значение калиевого ионного канала, достаточное для возникновения

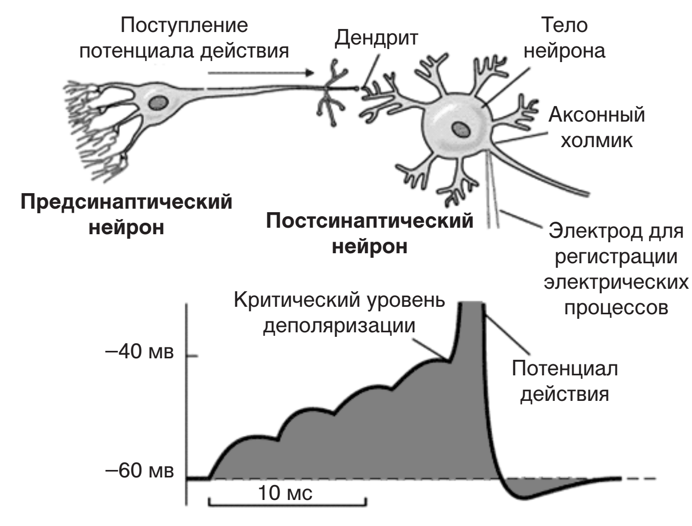

Рис. 10.12. Деполяризация постсинаптической мембраны синапса [Трифонов Е. В. Энциклопедия. Серотонинэргический рецептор], Модификация: Lodish H., Berk A., Zipursky S.L., Matsudaira P., Darnell J. Molecular Cell Biology, Fifth Edition, 973 p., см.: Нейромедиаторы и нейромодуляторы: Литература. Иллюстрации

потенциала действия, на нашем нейрона будет превышено (от −65 до −40 mV). Нейрон на свой аксон самопроизвольно выдаст электрохимический импульс.

Ряд рецепторов (ацетилхолиновые, никотинового типа) на постсинаптических мембранах нейронов образуют дискретные входы ионных каналов (полностью открыт/полностью закрыт). Такие каналы обладают фоновой стохастической активностью, они открываются и закрываются в случайные моменты времени, а при поступлении ацетилхолина возрастает вероятность открытия канала

Другие рецепторы (ацетилхолиновые, мускаринового типа) оказываются вторичными посредниками и увеличивают вероятность открытия дискретных ионных каналов. Они преобладают на высших уровнях центральной нервной системы. [Трифонов Е. В. Ацетилхолиновые рецепторы]

Итак, в нейросети могут возникать самопроизвольные случайные импульсы и спонтанные единократные соединения между нейронами. Остается понять, как и когда они начинают играть роль в осуществлении предожидания, антиципации, воспоминания.

10.3.2. Условие самогенерации потребности — отсутствие "употребления"

Если потребность удовлетворяется ежедневно (например, игра, творчество и т.п.), то индивид не ощущает ее как потребность — он просто ежедневно занимается тем, что является его удовольствием. Здесь достаточно привести слова известного русского тенора Дмитрия Хворостовского о том, что "Петь — это колоссальное удовольствие" (май 2004).

Но метапотребность, как и любая потребность есть процесс, который часто повторяется. Это означает, что ЦНС "знает" об этой потребности и регулярно подготавливает рабочий нейромедиаторный материал для нейрофизиологического обеспечения процесса в ЦНС с определенной производительностью во времени.

Представим, что реализация потребности в некоторый период прервана.

На уровне психологии мы знаем, что метапотребность, как и любая базовая потребность, сильнее ощущается, если она не удовлетворялась некоторое время.

В случае отсутствие направленной деятельности в ожидаемом режиме (темпе) и расходовании материала мы можем предполагать возможное "перепроизводство" нейромедиаторов и модуляторов в установленном ансамбле нейронов (в образованной метапотребности-связи). В случае химической, наркотической или никотиновой зависимости — это состояние прекрасно известно — оно именуется "ломкой".

Отчего и по какой причине мы можем предполагать возникающий избыток материала? Такой избыток складывается от непрерывного в предшествующем процесса удовлетворения, точнее, генерирования, данной потребности (и данной нейрофизиологической связи) индивида в прошлом. Этот избыток может возникнуть и от очень сильного однократного положительного подкрепления потребности, т. е. от просто действия с сильным нейроопиоидным подкреплением и формированием предпочтительности каналов связи между нейронными группами в прошлом. Мы имеем в виду уже существующую индивидуальную практику и установку или (много реже) одно действие. Если организм растрачивал определенное количество нейромедиаторов и нейромодуляторов (а среди них имеются и опиатные модуляторы и дофамин) в процессе жизнедеятельности, то нейронные клетки в задействованной агрегации постоянно формируют обычный материал в определенном темпе, и система настраивается на установленную практикой производительность. Фабрика нейрофизиологии обслуживает каждую потребность "по ее потребности".

И если ожидаемой работы не возникло, материал накапливается в избыточном количестве, пребывая в секреторных контейнерах — везикулах. Могут быть и другие последствия вторичного информационного сигнального плана, например, снижение порогов границ у рецепторов ионных каналов в постсинаптических мембранах от избытка присутствия модуляторов и т.п.

Иначе говоря, *регулярное накопление материала в везикулах при отсутствии расхода должно рано или поздно превысить пороговые уровни разрешения рецепторов или увеличить вероятность спонтанного открытия ионных каналов.*

Тогда соединение или появление постсинаптического потенциала от впрыска новых квантов приобретает (должно приобретать) все большую вероятность. В конечном счете, вероятность формирования постсинаптических потенциалов уровнем выше порогового для генерации потенциала действия в аксоне нейрона-мишени непрерывно возрастает. Наиболее вероятно эти события имеют место в случае задержки ожидаемой активности центральной нервной системы в данных ансамблях нейронов против обычного их расхода.

10.3.3. Протечка нейронной связи в направлении метапотребностного ансамбля нейронов

И тогда начинается спонтанный экзоцитоз медиаторов в конкретной паре или в сотнях пар нейронов данного ансамбля. А поскольку ансамбль и представляет собой настроенную “облегченную” связь во всех своих точках, то генерация причем с усилением возникает во всей цепи метапотребностного ансамбля нейронов последовательно. Образное представление такого “прорыва” — переполнение водохранилища и прорыв дамбы через первую сильную протечку.

Протечка в сети нейронов, которая на уровне психологии обеспечивает *воспоминание об удовольствии* или подсознательную готовность “повторить” — это и есть предощущение или антиципация. В принципе исследованные механизмы искусственной наркозависимости должны давать достаточно представлений об ощущении предвкушения. Это ожидание удовольствия и последующее направление мысленных мотивационных устремлений к организации возможности обращения к деятельности, реализующей удовлетворение метапотребности.

Мы не говорим здесь больше о предполагаемых физиологических механизмах автогенерации связи в сети нейронов. Это дело физиологов.

10.3.4. Протечка нейронной связи как фильтр шумов по критерию удовольствия-подкрепления

Случайные импульсы или микропотенциалы на входе отдельных нейронов образуются всегда. При отсутствии сильных доминант, более важных для индивида, нейронная система обращает поток случайных потенциалов действия в направлении самой приятной потребности, потребности, которая доставляет удовольствие — метапотребности.

Именно с этой достаточно общей и устойчивой позиции мы можем формировать представление, что всякая случайная связь между какими-либо объектами сети нейронов (независимо от состава внешних событий и просто шумовых событий) начинает отфильтровываться ансамблями нейронов, *настроенными на положительное подкрепление — метапотребность*. Как и отмечал Поршнев — это самая изысканная система фильтрации, разработанная природой и реализованная в человеке. Но мы отмечаем, что состояния этих ансамблей должны быть “желающими” — они должны включать ожидание сильного положительного подкрепления. Другими словами, и начальное установление связи осуществляется *по критерию уже полученного удовольствия* и повторение связи, и воспоминание о связи, и желание связи вновь осуществляется *по критерию ожидаемого удовольствия, ожидаемого повторения когда-то испытанного удовольствия*.

Ожидание удовольствия и есть предвкушение. И мы на верхнем уровне, уровне психологии, обратимся к оценке эмоций удовольствия в трудах специалистов второй половины прошлого столетия.

10.3.5. Является ли предвкушение зависимостью

В этой связи мы можем и оппонировать взглядам авторов, отвергающим опиатную зависимость естественной эндогенной природы. Некоторые авторы уже обсуждали эту тему:

В связи с этим возникает интересный вопрос: зависимы ли мы от своих собственных энкефалинов и эндорфинов? Ответ на этот вопрос отрицательный... После высвобождения они достаточно быстро инактивируются, так что опиатные рецепторы оказываются занятыми только временно, и в результате толерантность и зависимость не развиваются. [Костерлиц Г.В. и Хьюс Д., 1981, с. 53–54].

Наша оценка такова. В приведенном мнении не учтена именно длительность процесса, в нем предполагается единократное воздействие. В реальности параллельно с инактивацией происходит непрерывная

генерация или регенерация опиоида и тенденция к возможности нового его высвобождения. Поэтому мы имеем постоянную настройку на эндогенную генерацию везикул в нейронах-отправителях, постоянное раздражение рецепторов нейронов-получателей на выборочное получение опиоидного раздражения. На психологическом уровне мы можем наблюдать в таких случаях и явное вербальное раздражение носителей такой зависимости ("мне мешают работать!", "не мешай смотреть футбол!") и даже психозы. Опиатная зависимость возникает, и она становится потребностью. Совсем другое дело — она, действительно не вредна химически, как правило, не наносит ущерба здоровью индивидуума в отличие от внешней наркотической зависимости. Чаще, чисто внешне, метапотребность позволяет человеку выглядеть более счастливым в сравнении с людьми, озабоченными своими депривациями в материальном и статусном плане, что отмечал и Абрахам Маслоу. "Счастливые часов не наблюдают!". Тем не менее, трудоголизм и аналогичные процессы могут приносить и вред организму в целом. Зависимость и толерантность поэтому все же возникают, но они социально управляемы в смысле, в каком высшие потребности снимаются при снижении общего потребностного уровня удовлетворенности индивида. Известные исключения мы и рассматриваем поэтому как патологии.

Теперь мы понимаем, что Маслоу был прав по поводу "видимой немотивированности", которая должна иметь причину. Мы теперь обнаружили, что видимая немотивированность вполне мотивирована тем физиологическим удовольствием и азартом, которые приносит волнение, скажем, положительное предчувствие или предвкушение неопределенности и стремление к ее реализации — преодолению неизведанного или даже поиску и креации, формированию неизведанного с целью его преодоления.

10.3.6. Предвкушение и эмоция. Российские ученые и их предсказания

Эмоцию предвкушения, как и эмоции вообще, исследователи рассматривали как источник пускового процесса.

Для нас важно то, что сказал Петр Кузьмич Анохин об эмоциях в части обычных потребностей (голода):

"в структуру акцептора результата действия включается эмоциональный компонент, предвидение той положительной эмоции (выделено мной — прим. СЧ), которая обычно всегда сопровождает удовлетворение доминирующих потребностей. Именно эти процессы эмоционального

“предвкушения” составляют основу того общераспространенного состояния, которое в обыденной жизни получило название “аппетит”...”, [Анохин П.К., 1979, с. 10].

По сути, П. К. Анохин сказал более точно о пусковом характере эмоции и даже об эмоции как эмоциональной психологической надстройке над биологической потребностью голода. Но “аппетит” — это только одна индивидуальная потребность или метапотребность гурмана (не чрезмерно сытого любителя тонких вкусовых ощущений). У Анохина мы ищем и обнаруживаем ключ к метапотребностям над физиологическими потребностями в виде *предвкушения как объяснения природы пускового процесса, а не только акцептора действий*.

П. К. Анохин сказал даже больше. Критикуя книгу Э. Гельгорна и Дж. Луфборроу “Эмоции и эмоциональные расстройства”, он говорил о “*саморегуляторном* (выделено мной — прим. СЧ) характере эмоциональных разрядов и о приспособительной роли эмоций” [Анохин П.К., 1979, с. 447-449]. Если понимать под саморегуляторным характером эмоциональных разрядов нейрофизиологическую природу “пускового процесса”, то Анохин сказал почти все. Действительно, если эмоция саморегуляторна, то она “сама себя ведет”, она инстинктоидна — это означает, что она выступает как потребность (эмоции). В реальности как мы понимаем: за всякой эмоцией стоит нейрофизиология — разряды эмоциональные отражают разрешение напряжений и напряжения (“разряды”) в нейронной сети ЦНС индивида.

Идея мотивационного возбуждения как предвосхищения потребности изложена или почти изложена в работе, посвященной годовщине П. К. Анохина [В. А. Правдивцев, С. Б. Козлов, Л. П. Нарезкина], в лекции студентам Смоленской государственной медицинской академии. В них комментируется этот же результат со ссылками на работы К. В. Судакова и Ю. А. Макаренко:

“По результатам исследований, проведенных К. В. Судаковым (1978, 1979), Ю. А. Макаренко (1980), мотивационные возбуждения, находясь в цепи стабильной последовательности событий (потребность — мотивационные возбуждения — поведение, направленное на удовлетворение мотивации, — полезный результат), при многократном повторении этих событий начинают выступать сигналом будущего подкрепления. Следовательно, мотивационные возбуждения на самых ранних стадиях поведенческого акта уже закладывают основы формирования центрального комплекса возбуждений, предвосхищающего параметры будущего полезного поведенческого результата, т. е. акцептора результатов действия”.

Все вышесказанное здесь просто подтверждает с иной позиции уже изложенную почти как тридцать лет гипотезу К. В. Судакова

и Ю. А. Макаренко. Здесь неопределенность связана лишь с многозначностью терминов.

Мы можем подвести итоги.

Предвкушение — это и есть потребность. Высшая! Метапотребность! Хотя ее носитель и может отложить удовольствие при наличии других сложных и неотложных дел. Важно, что организм без ведома рационального сознания, т. е. мышления, его владельца фильтрует всю информацию в нейронной сети его ЦНС с уклоном в метапотребность. При любых "раскладах" ассоциации возникают только в предпочтительном направлении и т. п. Схема может оказаться не сложнее, чем выделение желудочного сока в обычный час обеда. Разница в том, что желудочный сок для всех и у всех, а долговременная память человека, как и компьютера, может записываться и перезаписываться индивидуально. И отдельно отличие от компьютера в том, что из сотен записанных программ (поведенческих установок) психика отбирает самую "сладкую" потребность и представляет ее "на рассмотрение" с уровня нейрофизиологии на уровень психологии и памяти и в предвкушение "носителю данной коры головного мозга". И такая потребность может быть настолько мета~, что о ней знает лишь сам ее владелец. Например, маньяк — и это страшно! Или — исследователь, разворачивающий новый поиск, — и это прекрасно!

10.3.7. Гипотеза о пусковом механизме метапотребности на трех уровнях

Итак, мы можем представить *гипотезу активации метапотребности* как процесс появления желания, появления ощущения потребности (метапотребности) с учетом как минимум трех уровней: биохимического, нейрофизиологического и психологического:

• *на биохимическом уровне* — метапотребность — это шумовые импульсы действия в ЦНС или произвольные, случайные воздействия среды на человека. Это также регулярный экзоцитоз (избыточных при неиспользовании) нейромедиаторов и модуляторов и понижение пороговых уровней для прохождения потенциалов действия между нейронами ансамблей — участников метапотребности и рост вероятности возникновения потенциалов между специфическими нейронами, используемыми в метапотребности. В конечном счете, это возникновение случайного импульса действия в ансамбле нейронов образов метапотребности;

• *на нейрофизиологическом уровне* — это срабатывание или захват, возбуждение целых уже сформированных ансамблей или констелля-

ций нейронов. При таком возбуждении происходит усиление потребностного (индивидуально приобретенного по типу) напряжения или доминанты — метапотребности;

• *на психологическом уровне* — это неосознанно (инстинктоидно) возникшее или инстинктоидно ассоциированное с любым событием положительное активирующее воспоминание, спонтанное предвосхищение удовольствия (антиципация). Оно носит инстинктоидный, неосознанный характер, но постепенно приобретает черты осознанного мотива или желания и с нарастанием этого желания вплоть до формирования значимого пускового импульса (пусковой афферентации). Можно дополнить, что метапотребность (ее запуск) может ощущаться и как тревога опасного спокойствия[35]. Эмоциональное состояние в таком психологическом состоянии может быть произвольным. Это может быть слабая или сильная, положительная или отрицательная эмоция и она может зависеть от типа метапотребности.

10.4. Примеры самогенерации и проявления метапотребностей

Можно приводить примеры запуска метапотребности по аналогии с участием других потребностей (сексуальной потребности).

10.4.1. Сны и сновидения. Поллюции и оргазмы

Сны сами по себе означают самопроизвольное установление нейронной связи между нейронными ансамблями различных образов и представлений. Одного этого аргумента вполне достаточно, чтобы понять, что мышление имеет нерациональную и спонтанную составляющую.

Мы уже говорили о *поллюциях, непроизвольных оргазмах, эротических снах у мужчин и женщин в случае длительного воздержания (потребность в любви и сексе)*. Этой теме посвятил очень много сил Зигмунд Фрейд. Можно добавить и сны-кошмары как отражение фобий или опасностей для жизни в реальном мире, или нездоровых условий для сна, дефектов здоровья, сердечной деятельности во сне

[35] Например, такую тревогу описывает Джордж Сорос в случае, когда с ценными бумагами “все хорошо!” По сути это позыв к поиску и анализу новых тенденций и развития противоречий финансового рынка, поиск основания для новых моделей прогноза.

и т.п. (потребность в безопасности I). Сны, как ассоциативное спонтанное возбуждение, галлюцинации в местах одиночного заключения (неудовлетворенная потребность общения) — все это примеры того же механизма, построенные на самых различных потребностях.

Но в свете гипотезы о самопроизвольном излучении нейромедиаторов как метапотребности мы можем иначе посмотреть на некоторые известные факты в области “гигиены труда”, на предубеждения и даже мифы.

10.4.2. Метапотребность как биологические часы

Метапотребность — это и одновременно заведенные часы нашего организма. Биологические часы. Особенно хорошо это наблюдается у людей, принявших “производственный” образ жизни, даже когда это не метапотребность, а просто установка на действие в хозяйственном цикле. Это автогенерация связей и даже напряженности организма по часам суток.

Человек всю жизнь встает рано, чтобы идти на работу. Выйдя на пенсию, он сначала и довольно долго, а иногда и всю оставшуюся жизнь, может просыпаться рано и не может спать по утрам. Приобретенные биологические часы бодрствования и труда в процессе своего функционирования (постоянной работы) должны быть близки по типу к функционированию метапотребности: “организм зовет!”. Он настроен на работу. Мы не можем иначе объяснить этим механизм как автоматическую генерацию определенных веществ в ЦНС индивида с учетом настройки его биологических часов. Запуск “готовности” к работе на уровне нейрофизиологии соответствует очередному запуску нового цикла метапотребности на уровне психологическом.

Крестьянка, которая с юности доила корову в деревне затемно, чтобы отправить со стадом в поле, уже в старости, когда коровы давно нет, и нет сил ее содержать, встает в эти же 4 часа ночи и не может уснуть.

А вот стоит ли уговаривать человека изменить режим? Жизнь часто показывает, что не стоит.

10.4.3. Риск гибели от метапотребности при отсутствии возможности удовлетворения

К классу опасных проявлений, построенных на регулярной самогенерации организмом биохимических средств борьбы или “химиче-

ских средств защиты”, следует отнести, например, гибель опытных и мало отдыхающих менеджеров в первые дни своего отпуска. Организм, настроенный на работу, но никем не “предупрежденный”, начинает обычный трудовой день, а человек валяется в постели (решил в кое-то веки выспаться!). Излучение нейронной химии должно быть встречено адекватной и хотя бы фальшивой нагрузкой или заторможено в первые дни химически.

Наоборот, резкое изменение образа жизни, особенно, при оставлении напряженной работы в зрелом или в пожилом возрасте показывает вред “остановки”. Это хорошо видно на примерах быстрого ухода из жизни политических лидеров, карьера которых была прервана не по их воле. Метапотребности власти, да и “звездная болезнь”, когда они имеют место, когда они составили значительную часть жизни и ее суть, будучи не удовлетворены, будучи прерваны в удовлетворении, оказываются часто непереносимы. Общественная активность как продолжение оказывается спасением и благом не только для остальных, но и для себя. А воспоминания об ошибках (совершенных в “звездные часы”) или об унижении после утраты власти становятся самыми разрушительными для мужской психики. Когда возникают ваши метапотребности, старайтесь, чтобы их реализация меньше зависела от внешней среды и больше от ваших собственных усилий. Тогда в изменяющемся мире вы будете более стабильны! С приближением старости следует вовремя найти заменители тех видов творческой активности, которые вы не сможете продолжать при выходе на пенсию. Найди “свою капусту”, как это сделал Диоклетиан!

10.4.4. Метапотребность как “плацебо”

Обратимся к другим примерам. В шутливом определении менеджера у известного социолога-шутника Т. Паркинсона, первая позиция представляет собою требование: менеджер — это тот, кто может заболеть в конце пятницы, но обязательно выздоравливает к утру понедельника. Мы можем предполагать существование не только суточных, но и недельных ритмов, которые управляют мобилизацией иммунной и кратковременной мобилизацией защитных сил человека. Аналогичное состояние можно установить по воспоминаниям актеров перед выступлением на сцене, преподавателей перед лекциями и т.п. К этому же разряду относят и плацебо (символическое лекарство), о котором довольно много сказано. Однако, нас интересует здесь не единократное излучение адреналина и других нейромедиаторов и гормонов, а посто-

янное, или эпизодическое биохимическое действие такого рода. Короче, метапотребность может выступать как периодическое "плацебо" или мобилизация сил. Теперь мы понимаем, что чисто символического здесь не больше, чем в самом слове — в реальности это нейрофизиологическое подкрепление, идущее от сложившейся практики. Оно имеет полное основание считаться лекарственным средством. Оно, конечно, не вполне бесплатное, поскольку опирается на биологические ресурсы самого организма.

До настоящего времени в литературе отмечалось значение нейромедиаторов и опиоидов в качестве однократного плацебо. Например, указывался опыт африканских шаманов, которые лечили пациента следующим образом. Его вводили в хижину, и в этот момент на него набрасывался средних размеров крокодил. Крокодила шаман оттаскивал, а обычный пациент после стресса чувствовал себя много лучше — полученный эмоциональный удар мобилизовал все силы, которые далее тратились на излечение основного заболевания. Но человек и сам может использовать собственную метапотребность или направленность для временного ухода от физиологических трудностей или бытовых и жизненных лишений, дискомфорта. Здесь не только "с милым рай и в шалаше". Автор сам неоднократно проверял на себе — мысленное отвлечение на интересующие или творческие проблемы могут сделать течение времени незаметным, отключить на достаточно длительное время ощущение не только голода, но и холода (вне помещения) зимой при ожидании транспорта на остановке. Кроме того, уже известно, что сильная положительная эмоция укрепляет иммунную систему. Отсюда уже недалеко и до осознанного использования собственной психики.

10.4.5. Аутотренинги и самовнушение. Основания подкрепления

В свете гипотезы следует вывод, что аутотренинг и самовнушение на уровне психологии — это принудительная сознанием перестройка нейронной сети на нижнем уровне. Но теория подкрепления подсказывает нам, что если мы хотим, чтобы тренинг и его эффект закрепился всерьез и надолго, его следует подкреплять возможно более сильным положительным эмоциональным (и на любом уровне других потребностей и материальным — всех видов) состоянием-подкреплением. Если мы "делаем" себя сами, то определенно следует найти и смысловые формы позитивного в нашей активности (в процессе и результате), т.е. найти формы подкрепления.

Когда мы выбираем подкрепление, то возникает дилемма, какого класса (личного или общественного) оно должно быть — такое подкрепление?

В этой связи народный опыт дает интересные решения — баня, парная, сауна, купание в проруби — это закалка и в целом нагрузка. Потом это становится метапотребностью. Но если планируемая нагрузка сопровождается встречей с друзьями и даже умеренным другим подкреплением, то становится не просто традицией, а полезной потребностью, причем друзья и хорошие эмоции, как показывает хотя бы телевизионный опыт фильма “С легким паром”, много важнее. Трудно представить себе и купание современного русского “моржа” в полном одиночестве! Здесь где-то лежит ответ и на поиски способа “Введения во храм” спорта для психолога Е. П. Ильина, который изначально занимался мотивацией в спорте, и результаты которого — обзор и выводы по теории — мы интенсивно использовали. Понятно так же, что в случае спорта подкрепление не должно быть химическим. Общественный статус в спорте и общественная значимость играет важнейшую роль. Спортивное достижение, полученное без аплодисментов, без эмоций зрителей, просто “для себя!”, кажется даже диким.

И мы подходим к важному выводу. Из двух ценностных типов подкрепления — блага для себя и блага для других, более ценным и много более эффективным оказывается второе!

Изначально мы даем такой вывод лишь из нашего опыта. Но после некоторого анализа мы находим серьезное объяснение и в иерархии потребностей Маслоу. Подкрепление чисто личного характера, ценность как личный успех и без общественной оценки или сопереживания, опирается в целом на нижний блок базовых потребностей человека, например, включает физиологические потребности, безопасности I и II, в лучшем случае индивидуальной любви (и, клонечно, всегда новизны и неопределенности). Мы указываем, что и в процессе преодоления, и в случае неудачи человек с такой системой ценностей имеет меньше оснований подкрепления. Нарушение своего блага при неудаче оказывается истиной в последней инстанции и не содержит никакого резерва для продолжения борьбы. Старался для себя и не получилось! Аффилиация и сочувствие невозможно!

Психологическое подкрепление, опирающееся на ценности принесения блага близким или обществу, несет в себе совсем иной потенциал. Оно формирует в реальной или символической форме удовлетворение потребностей любви, принадлежности, общения и уважения, т.е. высшую группу базовых потребностей. Самое главное и психотерапевтическое или стабилизирующее психику

воздействие такого подкрепления заключается в неисчерпаемости такого ресурса (подкрепления) в ситуациях личных и творческих неудач. Действительно, если индивид считает, что делает нечто полезное для общества, то его неудача перенаправляется во внимание от себя, от собственных ошибок на продолжение усилий и на коррекцию действий. Дело в том, что при личной ошибке, проблема ресурса подкрепления, внешние потребности других и самого общества при этом не снимаются, а потому сохраняется и потребность осознанного мотива в деятельности и сохраняется возможность подкрепления труда. Кстати, ценность принесения блага обществу может быть и таковой, что понимается исключительно самим ее, ценности, носителем, т.е. признания ценности от общества в целом не требуется. Это могут быть и подлинные ценности, ценности будущего (Джордано Бруно), и символические ценности ошибочных идеологий (терроризм в гражданском обществе в связи с идеологией или освободительными движениями).

Немного о ценностях. Совсем кратко стоит напомнить, что в любой профессиональной сфере основной социальной значимости является разделение труда и принесение блага такого разделения обществу. И второе. При личной конкуренции в бизнесе, науке, культуре, спорте, политике и т.п. текущий личный проигрыш не стоит рассматривать как поражение и бессмысленное в общественном плане действие. Дело в том, что каждое действие участника стимулирует действия всех конкурентов. Внося свой вклад в конкуренцию, мы тем самым поднимаем общую планку для участников и ту предельную планку уровня активности, которую преодолел победитель. Это и означает, что *каждый лично вносит свой вклад в победу лучшего*. Такого аргумента никогда нет и не будет у человека, ориентированного только на себя, а не на общество. Стресс гарантирован именно такому!

Вот почему подлинно и внутренне стабильно счастлив человек, имеющий метапотребность с ценностями подкрепления второго вида. В этом, возможно, рациональное основание альтруизма как мотива всякого творчества.

10.4.6. Метапотребность как потребность, конкурирующая с обычными потребностями

Память о приятных воспоминаниях может улучшить состояние человека, она же его может и расслабить (если это память об отдыхе). Но возникновение в памяти чего-то важного для человека, что может

пригодиться в будущем, иногда поднимает (заставляет подниматься) засыпающего человека с постели — записать сейчас, чтобы не забыть утром.

Это означает, что мы в личном опыте имеем примеры того, как запускается важная для человека деятельность и становится пусковой афферентацией (исключительно на основе идей, которые приходят в голову). Если предположить, что нечто человек считает для себя постоянно важным (в психологии это может называться "интересом" и т. п.), то мысленная или мысленно воспринимаемая потребность может двигать человека очень существенно и даже в моменты, предназначенные для удовлетворения других потребностей (сон, голод и т.п.). Поэтому, *сильная метамотивация* (не обычная базовая потребность) и рефлексия уже *может*, как пример, *заместить на некоторое время другие потребности, например, более низкого уровня*.

Но тогда мы можем считать совершенно нормальным некоторый сдвиг баланса от низших, естественных потребностей в сторону метапотребностей — от деприваций — к удовольствиям или творчеству. Вспомним, что образ исследователя или ученого — это нечто "не от мира сего". Мы испытываем уважение к такому человеку. Он пренебрегает бытовыми проблемами, не отвлекаясь на них. Но его погруженность в абстрактную для общества тему (еще абстрактную, поскольку новая мысль еще не внедрена в пользование) не только "нравственный подвиг ради науки", как казалось нам, простым смертным. Природа сама, как бы, простите за поэтику, "поддерживает" такой альтруизм, "награждает" человека внутренней радостью, стимулирует его в поисках истины (правда, за его же энергетический счет). Сказанное никак не дает оснований пренебрегать и не ценить такое состояние и даже достояние, редкое пока в природе человечества. Его следует сохранять. О его преумножении — воспитании творчества в новых поколениях, о размерах потребного "духа" в конкретном обществе мы будем говорить отдельно. И впереди отдельная большая тема — избыток творчества. Не будет ли это лишним там, где нужны обязанности и порядок?

Нашу нравственность, правда, может оскорблять то, что удовольствия (гедонизм в метапотребностях) могут приобретать простой, даже низменный характер. Но в этом мы ощущаем только общность закономерности. Что народно, то не может не быть социальным фактом.

Но исключения есть не закон, а выброс, отклонение от закона как среднего, поскольку уже в биологии, в психологии человека и в социологии законы носят исключительно статистический характер. *Итак, как правило, отклонения от нормы в системе потребностей —*

это, кроме собственно патологий, результат действия специфических, индивидуальных метапотребностей или просто сильных моментных эмоций.

10.4.7. Труд как потребность. Не метапотребность ли это?

В общем случае Абрахам Маслоу, исследовавший тему замещения, отметил, что высшие потребности вытесняют низшие, делая их менее значимыми для индивида, оставляя их в индивиде как необходимый минимум. Скорее всего, это и явилось для творческих утопистов — людей науки — предполагать коммунистические основания для распределения, прежде всего, К. Маркса, — "от каждого по способностям, каждому по потребностям", и о чем (самоограничении потребления) писал В. И. Ленин в своем "Государстве и революции".

В реальной жизни, это состояние не следует идеализировать потому, что стремление к удовольствию через труд в общем случае сокращает эффективность группового труда и целенаправленность общего труда, когда поставлена конкретная цель и общественные ресурсы ограничены. Вероятно, эффект метапотребности в полезных социальных областях высок *в случае индивидуального труда*, и распространять такую эффективность в виде социальных обобщений нет оснований. Но эта тема, как тема будущего массового (ли?) труда должна быть оставлена на будущее.

10.4.8. "Начала человеческой истории" Поршнева — первобытный коммунизм?

Давайте, вспомним, замечание Б.Ф. Поршнева в его "О начале человеческой истории", Глава 5, раздел "Палеолит и имитативный рефлекс" по поводу излишней работы троглодитида — австралопитека и архантропа.

Наш предок изготавливает сотни одинаковых рубил в количестве ему не нужном. И Поршнев считает, что это еще не человек, и это еще не труд, предполагая в этом просто импринтинг. В рамках выдвинутой здесь гипотезы мы можем дать некоторое иное объяснение палеоархеологическим данным. Здесь и обучение подроста этому занятию, действительно, импринтинг, и удовольствие от большого количества "полезных" и просто "взрослых" вещей, имитация действий взрослой особи и, главное, мы можем предполагать удовольствие от этого "труда", как

от творчества — изменения формы в первых своих видах труда, когда количество труда явно превышает потребность в его результатах. Запас рубил — это, возможно, и запас обороноспособности, степени защиты: безопасности 1 или 2. Позже мы снимем это предположение — человек в этот период (присваивающее хозяйство — охота) еще практически не умеет думать о будущем. Б. Ф. Поршнев критически относится к такой "бесполезной" деятельности, указывая на автоматизм. Думаю, он мыслит здесь как просто современный человек, уставший от рутины. Не стоит ли предположить, что преантроп уставал от многообразия и опасных неожиданностей, а не от рутины. Автоматизм и приведение формы к желаемой, искомой — тогда мог восприниматься как высшее интуитивное проявление красоты, порядка, удивительной предсказуемости в страшном и непредсказуемом мире. К этому же стоит отнести и процесс поддержания огня, почти единственный, которым овладел человек в природе, уже сам этот факт и достижение должны были вызывать бурный взрыв удовольствия, не менее, чем возню малыша со сборкой и разборкой пирамидки, и, скорее всего, именно на этом уровне сознания. Разве не знает каждый, как приятно смотреть на разгорающийся огонь в костре или в камине! Это уже генетика нашего далеко забытого прошлого. Где уж нам осуждать автоматизм и порядок! Освоению природы и приведению ее к "порядку" радовались совсем недавно короли и их архитекторы, создавая всего двести лет назад французские парки. Предсказуемость и даже детерминизм от Декарта долго время был мечтой лучших людей мира. Превышение таких надежд над возможностью даже сказалось в XX-м веке, трагическом прежде всего для России. Какой же привлекательностью могло быть мимолетное и еще ничтожное ощущение власти человека над природой сто или тридцать тысяч лет назад при обтесывании рубила или при поддержании огня и управлении горением?

Мы, в свою очередь, указываем, на роль эмоций, которые в добровольном подражании, несомненно, служат закреплению инструментального поведения.

Подготовка рубил не менее, чем воспоминание о еде при виде ложки. Какую роль может играть здесь предвосхищение употребления пищи? У сытого, возможно, игра? Еще не высокое творчество, а удовольствие хотя бы от движения. Дети часто повторяют одно и то же слово или делают одно и то же действие. Для них это не рутинный, не скучный труд — это удовольствие от первых движений, все более точных движений. А у голодного человека? В воспоминании о будущем извлечении костного мозга из костей зверя? Вероятно, и рубила здесь играют самую прямую роль — именно, первую. А у детей в русской де-

ревне “бить баклуши”, делать заготовки для ложек? Не то же ли это воспоминание о будущей еде? В сочетании с автоматизмом?

Наконец, мы можем выйти на понимание и складывающегося инструментального *разделения труда в сообществе людей*. Человек с большим интересом делает то, что у него хорошо получается. Почему? Вовсе не для того, чтобы заработать, а именно потому, что хорошо получается! Это вызывает положительные собственные эмоции и, возможно, как дополнительное подкрепление. Создатель получает похвалу от сожителей, соседей, членов семьи или общины (охотников, земледельцев и т.п.). Все остальные механизмы вторичны и складываются позже. Поэтому нам следует относиться к положительной эмоции и к ее химико-физическому основанию, как к начальной (и конечной) обязательной фазе филогенетического развития человека, как к биологическому мостику между низшими потребностями и последующей инструментальной деятельностью человека по их удовлетворению.

10.4.9. Метастрахи и метазапреты — фобии и неврозы

Среди метапотребностей есть и отрицательные отклонения. Все они построены на потребности в безопасности в различных своих проявлениях, и об этом мы скажем ниже. Неврозы и различные запреты возникают как отрицательный личный или наблюденный чужой опыт, растиражированный воображением и закрепленный в ЦНС индивида. Понимание пациентом социальной нормы и чисто техническое рациональное отношение к “кривой”, т. е. к неверной настройке собственной нервной системы, способно было бы исправить множество патологий, успокоить и полноценно “отремонтировать” психику миллионов людей. Это делается малыми шагами и непрерывными положительными подкреплениями — в ход следует пускать самые большие доступные радости.

Однако главная проблема распространенных зависимостей состоит в массовости патологий или в проблеме т. н. “среды”. Если “все пьют” или, мы выходим на социальный уровень, начиная с алкоголизма, “все воруют”, “все берут взятки”, то ни с алкоголизмом, ни с клептоманией, ни с коррупцией нельзя бороться, обращаясь к каждому поодиночке. Это так потому, что личности в такой массе в реальности пока нет, есть только сама безличная среда, которая сама себя с трудом еще различает, не умея говорить друг другу “Нет”, не умея говорить друг другу осмысленное договорное индивидуальное “Да”. Среда — это и общество, общество реальное, а не видимое государственными программами.

И в нем господствуют общие, а не индивидуальные фобии (например, представление о государстве как о “непреодолимой силе”, неподконтрольной индивиду). Преобладание общих фобий над личными страхами — это характеристика того, что общество находится в начальной фазе формирования. Полноценное становление личности в обществе еще не завершено. “Я” человека еще не преодолело общее “Мы”, и что еще хуже не преодолело нетерпимое и враждебное “Они”.

10.5. Выводы главы

Изложенная (на май 2004 г. с коррекций в 2008 г.) гипотеза активации метапотребности имеет целью поддержать теорию иерархии потребностей Маслоу как общую теорию потребностей и мотивации. Мы с удовольствием укажем на материалы других исследователей, работающих или получивших результаты в этом направлении.

Кратко изложены современные представления о физико-химическом механизме формирования нейронных связей. Формирование таких связей выступает как внутреннее основание психологических процессов — настройки условий запуска положительных эмоций и запоминание самих положительных эмоций в прошлом. Это и есть основание формирования метапотребностей и в последующем условий их запуска.

На этой основе выдвинута и обосновывается гипотеза о поддержании, а так же о запуске и проявлении метапотребностей с помощью самопроизвольного экзоцитоза нейромедиаторов и нейромодуляторов, с помощью снижения порогов передачи потенциалов действий при длительном воздержании (прерывании) от регулярного метапотребностного удовлетворения и при наличии шумовых и случайных потенциалов действия в нейронной системе.

Обоснован инстинктоидный характер проявления метапотребности и даны примеры реализации метапотребностей, подтверждающие указанную гипотезу

ГЛАВА 11. СИНТЕЗ. МЕТАПОТРЕБНОСТИ — НОВЫЙ ВЗГЛЯД. ПОТРЕБНОСТИ И ТРУД

11.1. Выполненные к этому моменту проработки и их краткие результаты

К следующим обобщающим разделам данной работы, Главам 11–14, полезно кратко перечислить путь пройденный автором вместе со своим читателем.

Проведен анализ мотивационной структуры человека и выделены ведущие ее объекты: *потребность, мотивация, активность и анализ*; как дополнительные объекты мотивационной сферы выделены *поведенческая установка, метапотребность, направленность личности*, Главы 2, 6. Из системы выведены такие понятия как *долг* и *воля*, Глава 6.

Показана история появления иерархии потребностей Маслоу и изложена теория Маслоу в двух ее авторских вариантах, Глава 4. Приведены обнаруженные другими исследователями и автором данной работы недостатки теории, Глава 5.

Показан относительно универсальный характер потребности в безопасности, что приводит к делению безопасности на три опосредованных другими потребностями уровня (потребности в безопасности I, II, III). Потребность в уважении определена как особая форма потребности в безопасности (III) см. Главу 7.

Развито схемное или кибернетическое представление о преобразовании единичной мотивации и/или некоторой эмоционально нейтральной поведенческой установки в некоторых идеальных ситуациях в приобретенную индивидуальную потребность или метапотребность, см. Главу 8.

Выделена и отнесена к классу базовых потребностей потребность *новизны и поиска неопределенности*. В этой связи неточно определенная в своих функциях Абрахамом Маслоу потребность “познания и понимания” нами отнесена к метапотребностям, творчеству. Потребность новизны является базовой, поскольку присутствует у всех людей, но входит в состав метапотребности ее первой частью или шагом, см. Главу 8.

К классу метапотребностей нами отнесены эстетические потребности и поиск красоты. Они представляются как одна из метапотребностей — процесс преодоления неопределенности и беспорядка в систему порядка и эстетической целостности, см. Главу 8.

Развито представление о метапотребностях. Модель потребности самоактуализации или творчества Маслоу реорганизована в более широкую конструкцию — модель метапотребности. Любая метапотребность надстроена над базовыми потребностями. Их может быть несколько. Они отличают данную личность от другой. Дано определение метапотребности — поиск и преодоление неопределенности, поиск риска и его преодоления, потребность в безопасной или умеренно опасной неопределенности с ее разрешением, и даже игра как неопределенность и ее разрешение в активности. Творчество и самоактуализация являются следствиями и частными случаями определения метапотребности, см. Главу 8.

Показано, что все позиции потребностей иерархии Маслоу существуют и в животном мире на уровне млекопитающих, см. Главу 9. Экспериментально отмечено латентное научение или потребность новизны. Метапотребности у зверей ограничены наличием игр.

На уровне нейрофизиологии выдвинута гипотеза о существовании нейрофизиологических процессов подсознательного (инстинктоидного) запуска метапотребностей в виде процессов воспоминаний, антиципации, предвкушений и "желаний", которые в совокупности на физиологическом уровне и являются потребностными состояниями индивида в случае метапотребности, см. Главу 10.

Теперь мы объединим полученную информацию в новую систему — модифицированную иерархию потребностей Маслоу-3.

11.2. Потребности и труд. Обусловленность порядка потребностей через трудовую деятельность

Изложив систему Маслоу и указав на цели анализа, мы начинаем с рассмотрения влияния потребностей на формы и онтологическую связь видов активности человека в процессе удовлетворения соответствующих потребностей. Тем самым мы, наконец, обращаемся к *пониманию трудовой деятельности человека как важной, но второй части процесса жизнедеятельности*. Этот раздел оказывается первым мостом между психологией и социологией человека (социальной психологией) и общества. Параллельно, данный анализ является одним из способов обоснования собственно иерархического характера потребностей в системе Маслоу.

Итак, после ревизии и реконструкции теории нам следует оценить те последствия, которые теория определяет для активности людей в рамках теории. Практически всякая активность, включая и стрем-

ление к “произволу”, может рассматриваться как направленная на удовлетворение потребностей. Основная активность человека в массе определяется все же базовыми потребностями в структуре Маслоу. Высшие потребности и связанную активность в широком социальном плане *пока* и до обращения к этому материалу можно рассматривать в сфере действий элит — политических, индустриальных и финансовых, науки, искусств, влияния коммерческого спорта и т. п.

Рассмотрим, каково отношение индивида к труду и его различным видам в процессе удовлетворения потребностей.

11.3. Безопасность I. Потребность в жизни, прямая угроза жизни

Наличие прямой угрозы жизни на время снимает все прочие потребности. Нет ничего важнее! Ни зверь, ни человек не могут удовлетворять даже простые физиологические потребности в момент прямо ощущаемой непосредственной угрозы. Тонущий или задыхающийся человек, человек, спасающийся от зверя или висящий над обрывом (не по своей воле), не может думать о еде и т. п. То же и у зверей. Домашняя кошка, привезенная в новое жилье, до двух дней не способна принять корм, мочиться, совершить дефекацию. Опасность для самой жизни (новые запахи) требуют ее предельной осторожности и постепенного привыкания. Непосредственная угроза или осознаваемая угроза также может толковаться исследователем как потребность в “минутной или секундной безопасности”. Таково ощущение, например, разведчиков на фронте или людей в засаде. Но это принципиально иное состояние, нежели потребности сохранения и продолжения физиологических потребностей. И потому иерархия потребностей нами и откорректирована. Мы можем именовать такие потребности борьбы за жизнь в текущий момент или минуту как потребность “безопасности I”.

Каковы же потенции этой потребности в отношении активности? В этом состоянии *человек готов на любые действия и при минимальном времени на мотивацию или в его отсутствии*. Эту активность трудно рассматривать как “труд”. Но к ней относятся участие в войне или пребывание в зоне войны, терроризм, включая государственный, пытки и вымогательства, преступления и борьба с ними. Вопрос не простой!

Ощущения опасности возникают не только по физическому состоянию или по *условию опасности*, но и по несоответствию внешней среды обычной «норме безопасности». И в секундной опасности это может быть тень от человека, увиденная боковым зрением. Движение руки к кольту — твоя рука должна опередить его. Здесь работают не только установ-

ки. В жизни вам приходилось сбивать стакан со стола и непроизвольно его ловить на лету? Но вы этому не учились и сознательно это не сделаете.

На что мы можем рассчитывать от другого человека, находящегося в этом состоянии? Прежде всего, не аморален ли вопрос? Само мысленное размещение собрата по виду homo sapiens в ситуацию гибели и боли? Но каков вопрос, таков и ответ! *При выборе между жизнью и смертью средняя плоть человеческая способна на все!* Позже, после анализа экспериментов Зимбардо и Милгрэма, мы более уверенно скажем — две трети способны на все для сохранения жизни, а одна треть, не более — и на ее утрату, на смерть.

Вопрос этот вовсе не только совести или защиты ближнего. Выше уровнем, это вопросы социологии и истории, хозяйственных укладов и неравенства (конечно, временного) культуры, ресурсов и вооружений, в частности, возникновения рабовладельческого уклада: частновладельческого (Афины, Рим), общественного (Спарта) и даже государственного (Персия и др.) в режиме империй. Здесь очень важно уйти от имперских стереотипов «не жалеть живота» и чужой жизни, возникших когда-то именно в борьбе за сохранение жизни собственной. Теперь мы ближе к пониманию сущности насилия и внутривидовых (социальных) конфликтов, см. о ресурсах ниже. Позже и в другом материале мы, вооруженные теорией Маслоу, вернемся к этим темам.

11.4. Физиологические потребности

Физиологические потребности биологические по происхождению и являются конкретной реализацией потребности самой обычной жизни. Когда человек голоден, то стремится к еде, обычно не отдавая мысленно себе отчет в том, что без еды умрет. *Ради удовлетворения этих потребностей и потребности в безопасности I индивид способен на любой самый тяжелый труд*.

11.5. Безопасность II. Устойчивое удовлетворение физиологических потребностей

Нам следует трактовать надстроенную НАД физиологией человека потребность — *потребность в безопасности* как потребность стабилизации или сохранения обеспечения низших потребностей на достигнутом уровне. Мы отмечаем ее с учетом сказанного выше как потребность в “безопасности II”.

Когда работник сыт и выспался, но не уверен, что будет сыт завтра, то он беспокоится о постоянной работе, крыше над головой, и продолжает интенсивно трудиться, чтобы гарантировать свое ближайшее будущее, стабилизировать его. При этом работник, который имеет недостаточно текущих ресурсов (и времени) для выбора работы и цели стабилизации своего положения также берется почти за любое дело.

Чтобы точнее позиционировать эту потребность, мы обращаемся к сути действий человека в этом состоянии — речь идет о такой опасности и потребности такой безопасности, которая не предусматривает конкуренции между людьми внутри своей системы общения или между различными системами общения (цивилизациями, культурами). Поэтому в социальном плане к этой группе можно отнести все действия, которые производятся *индивидуально или сообща, но в которых нет внутривидовой конкуренции* (за недостающие ресурсы). В начале своего существования и в своей среде (принадлежности семье, роду, стае) и с учетом его подчиненного положения особь и индивид фактически не сталкивается с внутривидовой и социальной конкуренцией. Потому онтогенетически безопасность II предшествует безопасности III.

Примечание: Отсюда возникает и проекция на социологию, например, в возражение П. Сорокину. Коллективные формы деятельности по самозащите опосредуют потребности в общении. И мы могли бы построить еще один уровень потребности в безопасности, связанный с общением между собою, но обеспечивающий коллективную безопасность, в которой нет внутривидовой конкуренции, но есть конкуренция между общностями, которые (ксенофобно) воспринимаются как не "свои" . Однако, мы останавливаем себя в таком развитии. Дело в том, что коллективная безопасность сама по себе как потребность не существует — у нее нет субъекта. В такой "потребности социальной структуры" — коллектива, потом, общины, народа, общества. государства и т.д. проявляется телеология — приписывание личных черт и психологии, мотивации и т.п. социальным структурам, например, общине. В реальности личность пропускает через себя культурное понимание необходимости совместных или индивидуальных усилий. Каждое из потребностных состояний может предполагать как групповую, коллективную активность, так и индивидуальную активность, и это образует мотивационный и чисто культурный и инструментальный аспект (и среды, и длины логических цепочек, т. е культуры). И мы уверенно отличаем индивидуальное потребностное состояние от коллективных форм поведения, относя последнее к классу социологии и инструментальной (часто политической) культуры.

Мы отмечаем, что потребность в безопасности II, как и безопасности I, являются в некоторых элементах данными от природы. У ребен-

ка, как и у зверей, мы находим врожденный страх опасности типа I, но почти не находим в отличие от зверей врожденных элементов безопасности II. К некоей заготовке типа II мы можем относить постоянную улыбку маленького человека, пока он не стал различать своих и чужих. Улыбка — это и признак беззащитности, и положительного отношения, и готовности принять помощь. По сути это в природе человека означает, что изначально за приемом пищи и жидкости у человека нет собственных средств защиты и безопасности II. Его врожденную способность испугаться мы относим к безопасности I, и об этом сказано выше. Ребенок в отношении стабильности своего обеспечения находится полностью в распоряжении старших, примерно как чистый лист бумаги или свободный компакт-диск, на котором можно записать любые программы. Все условия опасностей и безопасности питания будут записаны старшими как условия безопасности II позже. И в этом человек (и приматы) уже сильно отличаются от остальных зверей.

Существенно, что такая потребность II генетически имеется у птиц и млекопитающих. Заготовка корма на зиму, подготовка гнезда или жилья, это одновременно и убежище для отдыха, и место будущего воспроизводства потомства. Все это универсально для животного мира. Этология дает информацию, что многие формы поведения по самообеспечению генетически вмонтированы, но часть элементов в поведении может получать дополнительные региональные элементы, обусловленные импринтингом и научением подроста от старших поколений. Этот же вывод подтверждают опыты над животными.

Примечание: Идентичность форм мотивационной сферы при различии пропорций генетически обусловленного и наученного не является основанием для обвинений в биологизме. В целом ответ для человечества о собственном отличии еще не дан, но, тем более, нет формальных оснований для научных резекций, если только не брать за основу амбициозное представление об особой или божественной избранности homo sapiens.

Безопасность II долгое время была у человека взрослого достаточно слабо развита. В мире изобилия от рождения и в древнем мире с избытком растительных биоресурсов собранные этнографические данные по экваториальным и субтропическим поясам указывают на то, что человек идет собирать пищу, когда голоден. Человек и много позже, до появления культуры производящего хозяйства, уже будучи охотником, идет, например, на охоту, "когда он голоден", и никак не раньше. Возникновение заготовки зимних запасов охотников в районах Крайнего Севера стоит относить к более поздним культурным пластам расселения с юга уже "новых людей" от земледелия, как "от кутюр". Возможно, только появление первых физических опасностей при начале

прямохождения и вне растительности, при опасности нападения хищников (семейства кошачьих), принуждают человека *начать думать* о будущем. Новые опасности заставляют человека искать первые орудия защиты, палки и камни от возможного нападения, искать убежище на ночь у подножья крутых скал (куда не могут забраться хищники). И это уже ближе к безопасности II. Забота о будущем — это приобретенное в филогенезе и реальным потрясением организма, обучением в семье или наблюдениями за другими людьми.

Безопасность в целом как проявление (тревоги) — это результат сложности мира и возникающих извне сигналов о несоответствии модели мира у человека с окружающими реалиями. Сложнее модель — сложнее тревоги! Сложная модель — это длинные логические цепочки (причин и следствий и дополнительных условий и ограничений в модели мира). Длина логических цепочек в мышлении у человека с ростом культуры человечества в целом постоянно возрастает и может быть весьма большой. И возможно — это одна из причин нашего коренного отличия от “здоровой жизнерадостной свиньи”.

Примечание: Длина логических цепочек может возрастать, но она не возрастает автоматически с физическим ростом человека. И чем проще мышление человека, тем ближе он к животному и тем опасней он для культуры и общества в целом. И потому в заботах о безопасности всех видов человек должен заботиться не только о физиологии своего подроста, но и о его мышлении и ценностях, т.е. о его культуре. Выросший дома медведь или рысь резко отличаются от милого медвежонка или котенка. Это касается как программ школьного воспитания, например, в России, так и всемирной продовольственной программы ООН в Африке и др., которые очень слабо связаны с программами ЮНЕСКО.

11.6. Потребности любви и принадлежности

Потребности любви и принадлежности напрямую связаны 1) с воспроизводством труда как с биологическим воспроизводством на основе половой любви; 2) с материнством и заботой о потомстве.

Удовлетворения только низших физиологических потребностей младенца недостаточно, потребна материнская любовь как начальная, эмоциональная фаза (подкрепление сигналами и языком эмоций) социализации и обучения индивида.

Любовь можно трактовать и в более широком смысле как физический мир с близкими и этический мир-модель как Образ мира и бытия. Любовь как бескорыстная забота и поиск согласия лежит в основе

обучения языку, общению и началам социального поведения в быту, труде, см. Нагорную проповедь, (Мф., 5,1 — 7,29) или философию морали Т. Гоббса в “Левиафане” [Гоббс Г., 1936, с. 117-137]. Эту модель и Образ “мирного сосуществования” индивид постепенно расширяет от масштаба семьи к социуму.

Обращаясь к этой группе, следует отметить, что тема любви и принадлежности требует много большего анализа, чем мы могли отвести этой теме в настоящем исследовании. Главный аргумент в том, что эта потребность (или потребности) не относится к ведущим потребностям, собственно связанным с трудовой активностью человека. В то же время мы отмечаем, что группирование любви и принадлежности у Маслоу с самого начала выглядит недостаточно однозначно, и *мы оставляем эту тему открытой*. Сказанное подтверждается дальнейшим нашим самым минимальным анализом, где эта группа разбивается фактически на три аспекта.

Источником родительского поведения в отношении 1) к друг другу и 2) родителей к ребенку, вероятно, являются генетические основы отдельно секса и отдельно родительской потребности в материнской и отцовской любви и любви ухода за подростом. Третий и отдельный аспект — *3) потребность в принадлежности ребенка к семье*, его любовь и его привязанность.

Источником восприятия любви подростом являются генетические элементы импринтинга и эмоциональных форм закрепления (подтверждения) поведенческих установок при выкармливании и развитии. Для детской жизни *любовь* есть изначально складывающаяся и подкрепляемая в семье установка на общение (сначала в семье). Причем, низшие потребности младенца порождают зависимость и потребность принадлежности, принятие бескорыстного от родителя ресурса и типовое по поведению родителей представление о норме обоюдного бескорыстия (реципрокации) в семье как *первый* образ и инструмент, модель социального общения.

Кажущаяся нерациональность отношений реципрокации как взаимной преданности (без рациональных оснований), только на генетической, т. е. родственной основе принадлежности, образует представление о *любви*, которая позже служит повторным образцом для выросшего потомства для создания новой семьи при новом воспроизводстве. В реальности истинное значение реципрокации — это подготовка подроста к минимальным формам общения вне семьи и опыта, освоение языка. *Принадлежность* (семье) — это вторая сторона любви или *границы* поля модели *любви* и такой формы по-

ведения. Принадлежность (и общение в семье = любовь) выводит индивида к последующим формам активности вне (малой) семьи, к социальной принадлежности и к социальному общению. Этот феномен глубоко рационален с позиций природы воспроизводства, воспитания потомства и должен активно поддерживаться обществом, и мы вернемся к теме в следующем разделе.

Примечание: Восприятие любви в семье как господствующая форма поведения нередко оказывается в истории и консервативным элементом, когда распространяется на более высокий уровень социальных структур. Реципрокация нередко переносится как продолжение семьи в рамках экономической и политической истории, например, в родовой семье, в крестьянской общине (община как семья). В период формирования начальной государственности возникают неэффективные на уровне, превышающем размер индивидуальной семьи, социальные модели патерналистского и патримониального общества (государство как семья). Аналогичный эффект получает и резкое включение в процессы государственного управления новых масс населения с фактическим отсутствием политической культуры — например, общинного крестьянства, до некоторого времени не имевшего никакой политической активности, у народов, идущих вторым и третьим эшелоном в становлении современной глобальной цивилизации.

Комплекс любви и принадлежности стоит выше и *позже* первых трех групп как предусловия. Это доказывается на макроуровне тем, что в периоды больших социальных потрясений, когда первые три типа не удовлетворены, включая безопасность II — дом, средства к существованию, надежность положения мужчины, хронические опасности типа I — рождаемость объективно падает.

Биологически это основано на отсутствии или сокращении мужчин и в реакциях женщин. Если отвлечься от войн, то есть общая причина: в условиях стресса людям (как и животным, что показано в экспериментах) не хочется размножаться [Погорилый А.] Но это и иерархия Маслоу. Кроме того, и фертильность женщин в такие периоды стрессов значимо падает, в дополнение возрастает число выкидышей, больных или слабых новорожденных, у рожениц пропадает от тревог молоко, дети страдают от кормления молоком матери, которая тревожится, далее возрастает детская смертность и т. п. Кроме того, при недостатке пищи и зерна единственным средством кормления младенца оказывается молоко. А это снижает возможность зачатия на время лактации. Кроме того, в современном обществе возникает планирование семьи, и при стрессах и “перестройках” не рожают. Не рожали и в финале Римской империи, хотя прямого голода там не было.

Отдельно следует отметить, что индивидуальная парная любовь как взаимное служение, надстроенное над сексом (и без него), может быть и стать метапотребностью. Аналогичное состояние представляет отдельно дружба как взаимное служение без секса и элементов физического контакта (ласк) в ее высших проявлениях духовного общения. Но мы не фиксируем свое внимание на этой теме и не разрабатываем ее.

11.7. Взаимосвязь принадлежности, общения, уважения и самоуважения

Человек — общественное животное. И он не может стать человеком в одиночестве. То же свойственно и животному миру. Существенно, что социализующие и социальные потребности человека всегда стоят, возникают и реализуются, позже предшествующих, включая метаболизм, безопасность и любовь, формирование языка.

Потребности *принадлежности, общения, уважения и самоуважения также связаны с трудом* и актуализируются:

1) в обучении речи и в обмене информацией, которые начинаются еще в семье (принадлежность);

2) в эмоциональном регулировании общения и ощущения эмпатии, социальной, но не родственной близости;

3) во взаимопомощи как множестве совместных трудовых операций или в обмене результатами труда и услуг (в дарениях, в натуральном договорном обмене и в рыночном обмене), и

4) в регулировании взаимного статуса или в распределении и в признании легитимными, то есть законно распределенными, ресурсов, недостаточных в обществе (безопасность III).

Потребности принадлежности, общения и уважения выполняют свою регулирующую роль при всяком групповом труде и взаимодействии. Они существенны при разделении труда и в обмене результатами труда — результатами труда и оказанием услуг, а также при научении и передаче опыта. При конкурентной деятельности, при деятельности, в которой должен быть выявлен лидер, последние две потребности — уважения и самоуважения — играют ведущую роль, но данный вопрос за рамками исследования в этом разделе.

Иногда психологи объединяют все эти потребности в единую группу социальных или статусных потребностей. Тем самым они теряют ценнейшие характеристики поведения и мотивации человека, скорее

всего, они теряют именно то, что еще не обнаружили сами в теории Маслоу. Наша цель — показать богатство рассматриваемой триады и принципиальный ее порядок в иерархии.

11.8. Потребность в принадлежности

Принадлежность — исходная предпосылка для общения, например, принадлежность отцу и матери, семье рано или поздно формирует у подроста принадлежность к языковой или социальной группе, культуре. В основе принадлежности лежит начало формирования у подроста языка и последующее понимание им языка общения и другие элементы, включая *право на общение*. Удовлетворенная потребность принадлежности обеспечивает символический или знаковый фундамент или только *возможность* полноценного — равного равному — *социального обмена на более высоком уровне*.

Важно также отличать принадлежность от общения. Принадлежность есть более сложная конструкция, чем общение. В ней заложена реципрокация ДО начала общения. Кормление в семье в связи с принадлежностью члена семье — это не только уход за подростом и тем самым подкрепление самой принадлежности. Это и подкрепление понятий, речевых образований, форм поведения, это условие формирования речи и начального мышления у подроста в кормлении и в аффилиации даже на уровне тактильных знаков и подкрепляющей ласки родителей. Принадлежность формирует возможность последующего общения с любым субъектом вне родовой или семейной группы, общения без реципрокации и без подкрепления.

Принадлежность далее поднимается выше от семьи и рода. Любая социальная, этническая, кастовая, конфессиональная, профессиональная или политическая группа может иметь свои специфические проблемы в процессе информационного контакта и группа может просто запрещать временами общение внутри или с другой группой. Если с вами рядом иностранец, и вы не знаете общего языка, то не сможете общаться. Еще хуже, если этот иностранец — враг и завоеватель. О принадлежности нет и речи. Общение исключено. Но и отец может в семье запретить сыну болтать за обеденным столом. Таким образом, принадлежность образует условие, формы, код или символику и порядок общения, является его предпосылкой.

Потребность принадлежности имеет условия запуска от генетики до приобретенных и воспитанных культурных форм. Мы предполагаем, что этот этап человек проходит достаточно быстро и затем имеет

полноценное общение в “своей среде” (принадлежности). Сбои и откат возникает в случае эмиграции и попадании в инородную социальную среду не по “принадлежности”. Предпочтение пребывания в диаспоре и концентрация по диаспорам (или даже землячествам) иммигрантов указывает на повторное появление потребности принадлежности в этом случае миграции. Несоответствие ментальности этнических групп и диаспор — это результат периода развития в процессе удовлетворения потребности принадлежности. Полноценно, как показывает опыт, можно заново приобрести культуру чужой среды, будучи постоянно в этой среде, например, в семье, и в относительно адаптивном возрасте.

11.9. Потребность в общении

Потребность в общении понимают часто в смысле потребности взаимопонимания и взаимопереживания. Потому она выполняет и коммуникативную роль, образуя социальный фундамент самого процесса обмена информацией. В реальности потребность в общении именно как потребность, а не средство, безотносительна (индифферентна) к содержанию информации, даже к ее достоверности. Это существенная особенность и она будет обоснована чуть позже. Потребность общения *обеспечивает сам контакт и его эмоциональную сторону*. Она вытекает из принадлежности в семье, но сама по себе уже лишена оттенка реципрокации и щедрого одностороннего дарения внимания оппонента. Она, как и реципрокация, вызывается эмоциями и влияет на эмоции субъектов социального контакта уже вне семьи, является механизмом или продолжает действия механизма формирования языка (в школе, на работе), символического, образного мышления, коррекции и равновесия психики.

И второе, важно. Потребность в общении онтогенетически предшествует содержательному *информационному обмену* потому, что без него как условия она невозможна, хотя бы в период становления индивида.

Потребность общения удовлетворена, когда тебе не запрещают говорить и хотя бы делают вид, что слушают. Отец может запретить говорить сыну за столом, хотя сын — член семьи и имеет нужную принадлежность. Аналогично директор не всегда будет доступен рабочему, или генерал — солдату. Даже если обстановка (потребность получателя информации) того требует. Изоляция человека в некоторых важных случаях от общения (здесь “важность” имеет прямое отношение к потребности уважения) указывает на сам факт

наличия потребности у многих людей в самых неподходящих ситуациях. Потребность общения существует. Доказательством тому — места заключения, одиночество пожилого человека или простое отсутствие какой-либо новизны в рутинном образе жизни и труда. С другой стороны, начальное полноценное общение *со знанием* (приобщение и заочное знание — книги и др.) может частично закрыть эту потребность на более высоком уровне в более поздний момент. Такова генерация информации — собственное научное творчество исследователя или художника в полной изоляции, которое питается прошлым опытом и накопленными знаниями. Знаменитые образцы одиночного двадцатипятилетнего заключения народовольца-химика Н. А. Морозова[36] и пример восемнадцатилетнего заключения самого знаменитого революционера и русского друга Маркса, переводчика “Капитала”, Г. А. Лопатина[37], доказывают такую возможность для творческих людей. Развитый человек, обогащенный информацией и глубоким духовным миром, может общаться и сам с собой. Дополнительное разумное условие — наличие бумаги, возможно, книг, и средств записи. Вновь полученные результаты следует отделять и закреплять. Солженицын тоже не смог обойтись без этого в своем лагерном творчестве.

Ряд исследователей, например, Е. П. Ильин, *смешивают общение как потребность с информационным обменом вообще*. Последний определяется у Ильина как информационный контакт с передачей информации при наличии психического аффекта и при наличии цели установления взаимопонимания и взаимопереживания [Ильин Е.П., 2002, с. 204]. Наш анализ, представленный ниже, показывает недостатки такого смешения и неразделенности понятий общения и информационного обмена.

---

[36] Н. А. Морозов (1854–1946) — народоволец, находился в Шлиссельбургской крепости по приговору о пожизненной каторге в период 1881–1905 гг., самостоятельно изучил химию и пришел к идее о взаимопревращении химических элементов в монографии “Периодические системы строения вещества”, так что в 1910 году ему без защиты была присвоена степень доктора химических наук по просьбе Д. И. Менделеева. Один из немногих предсказывал до 1940-х годов огромные объемы энергии в структуре атомных связей. В 85 лет освоил науку снайпера и был краткое время на фронте Отечественной войны. Прошел путь от либерала-бомбиста до полного пацифиста, 1916 г.

[37] Г. А. Лопатин (1845–1918), самый смелый и удачливый (4 успешных побега, включая сплав на лодке через пороги по р. Ангаре), но и самый неосторожный революционер царской России, был в Шлиссельбурге в заключении в период 1887–1905. Не принял, как и Г. В. Плеханов, Октябрьскую революцию.

Дело в том, что *объединение общения и обмена информации в единый агрегат наносит ущерб нашему пониманию структуры и порядка становления и развития феномена общения и уважения*.

В реальности информационный обмен или контакт — это много более сложный процесс. И общение является только его необходимой частью, имеющей, кроме того, и на первом этапе самостоятельное значение как потребность и второе, как *инструмент* — средство передачи информации. Мы еще раз напоминаем о нашей структуре мотивационного процесса. Процесс состоит из: 1) потребности; 2) формируемого для ее удовлетворения мотива и 3) активности или инструмента труда и активности. Так вот, вообще весь *информационный обмен является активностью человека по удовлетворению самых различных его потребностей*. Но так можно было бы сказать вообще о любых социальных действиях, поскольку в жизни человека цельно увязаны все потребности и активность по их удовлетворению. Например, нам следует иногда подкрепиться, чтобы докопать огород и посадить картошку, чтобы позже снять урожай и снова иметь возможность подкрепиться. Так же обстоит дело и с информацией. Информация есть искомый инструмент и путь к удовлетворению самых разных потребностей, а не “потребность в информации”. Всякая заявка на информацию, на поиск информации есть рациональный мотив человека по удовлетворению какой-то потребности — это вторая часть мотивационного процесса.

Когда Е. П. Ильин говорит о других основаниях для общения, он имеет в виду мотивы (общения и информации), а не потребность общения. Он совершенно прав, *общение, как и информация, является в различных ситуациях мотивом или инструментом (средством) для множества других потребностей,* и это многократно отмечалось у Маслоу в отношении всех потребностей. Иначе говоря, общение становится инструментом и актом удовлетворения других потребностей. Например, нам иногда нужно пообщаться с г-ном N, чтобы он на нас не обижался и не считал нас совсем чужими (потребность уважения). Но это не отрицает утверждения о самостоятельном значении общения как такового. Мотивационная и потребностная сфера именно и сложна связями, как прямыми, так и обратными. Информация, полученная в общении, — это много больше общения как чистой потребности пообщаться. Информация может отдельно удовлетворять практически все потребности человека, кроме любви и метапотребностей. И *по отношению к информации общение может быть инструментом (средством извлечения информации), а не потребностью (излечения оди-*

ночества). Общение и информация сравнимы друг с другом как сеть банковских автоматов с владением и распоряжением финансовыми ресурсами.

Но информация — сама по себе не потребность (базовая) человека (о потребности в новизне и неопределенности мы сказали), а инструмент удовлетворения потребностей. И все же она канализируется и передается после включения потребности общения. *Общение необходимое, но не достаточное для передачи информации условие*, см. ниже 11.11.

В свою очередь, общение как потребность и как деятельность может совсем не иметь отношения к информации. — Позвольте несчастному человеку просто поговорить о наболевшем или одинокому "выболтаться" и кивайте ему в ответ с пониманием, сочувствием. — Вы можете дать маленькую радость человеку, и "общение" с вами будут ценить. И здесь вы не циник! Вы потратили свой ресурс — время на чужую потребность. И вы, как минимум, должны были сочувствовать его проблемам, т.е. слушать и оценивать. А это, согласитесь, уже немало. И он не зря вам признателен. Возможно, он что-то для себя сам открыл в своем изложении проблемы, и даже понял без ваших ответов и советов.

11.10. Потребность в общении — доказательство существования

Когда мы говорим о потребности в общении, то мы начинаем с онтогенеза личности и признаем врожденный характер потребности общения, как и большинство авторов, см. обзор и признание самого Ильина [Ильин Е.П., 2002, с. 205]. В иерархии потребностей наиболее важным моментом является не работа, не процесс удовлетворения уже существующей иной потребности, а сам момент возникновения потребности либо в первый раз, либо в момент, когда остальные потребности удовлетворены (что бывает достаточно редко).

Иногда проблема видится только тогда, когда она не решается. В математике этот феномен именуется "доказательством от противного". Так, факт неполноценного развития ребенка в случае недостаточного общения доказывает готовность к высоким формам освоения, которые, будучи не использованы, приводят к краху биологического и психического в человеке. Недостаточное развитие психики при отсутствии постоянного социального контакта в первые месяцы и годы жизни, примеры современных Маугли, показывают колоссальную роль импринтинга и моделирования поведения взрослых в психике челове-

ка. Короткая жизнь Маугли — второй аргумент. Такие примеры показывают, что мозг человека готов принять и запечатлеть, смоделировать в себе любую форму жизни, в том числе досоциальную. Но при этом, после определенного момента развития он, особь, экземпляр, назначенный природой быть человеком, и трагически оторванный от такого назначения, не может подняться на уровень социальных символических и абстрактного уровня систем моделирования и мышления.

И второе. Вероятно, недогрузка мозга в реальной жизни на уровне нормы (общения и переработки информации) приводит к ранней его атрофии, слому системного функционирования организма в целом. Так, вероятно, останавливаются давно нечищеные от пыли и работающие без смазки механические часы. Данные о резком сокращении жизни при большом количестве сна у человека так же подтверждает это наблюдение. Сказанное выше может служить основанием доказательства наличия потребности в общении.

11.11. Потребность в уважении — аспект информации

Только выше за общением стоит *потребность в уважении*. Это потребность (мы говорим о трудовом ее аспекте), в ходе удовлетворения которой *индивид начинает получать содержательную, важную именно для него информацию. Информация — это то, что необходимо человеку для удовлетворения конкретной потребности*[38]. В результате общения в случае *уважения* с вами не только разговаривают, но и достаточно полно и точно отвечают на ваши вопросы (или выполняют другие действия).

Очень важно понимать, что сама по себе *информация* является частью активности человека по удовлетворению некой потребности, это знаковая продукция, более сложная продукция-ценность, чем хлеб или деньги, но это не потребность как таковая, а средство или инструмент, но инструмент широкого спектра действия. Информация — это интегральное, как и деньги (мы сравнивали выше не зря) средство удовлетворения потребностей. Это то, что нужно, то, что может помочь удовлетворить потребность. Различие часто в том, что нам не нужна информация для всех потребностей сразу, а только для текущей. А деньги могут одновременно удовлетворить многие потребности.

---

[38] Или нескольких потребностей, поскольку одно действие или инструмент может использоваться сразу для удовлетворения нескольких потребностей — информация для добывания финансовых средств имеет многоцелевой характер, см. здесь ниже.

Примечание: Если информация зачастую удовлетворяет конкретную потребность (отсюда избирательность нашего внимания), то деньги — интегральное и универсальное средство удовлетворения всех базовых потребностей. А потому деньги есть средство свободы для наращивания в дальнейшем бытийных (мета) потребностей. Деньги выступают (филогенетически) как средство обмена результатов труда и средство платежа, потом средство учета объема труда, затем как интегральное средство удовлетворения потребностей и только потом как интегральный мотиватор и другие более поздние политэкономические функции. Исключение для денег как средства удовлетворения потребностей — потребность в любви и сами метапотребности, которые "не купишь" в том смысле, что необходимость собственной активности их удовлетворения не может быть заменена оплатой услуги. Возникает предположение, что деньги не являются полными мотиваторами для удовлетворения таких потребностей, как потребность в любви и принадлежности с их просемейной реципрокацией и для метапотребностей. Именно в этом случае, "потребители" потребностей при удовлетворении высших потребностей деньги не зарабатывают, не получают. Наоборот, наличие высшей потребности уже предполагает отсутствие проблем денег, деньги и ресурсы тратят, просто тратят. Но само удовлетворение метапотребности деньгами не покупают, ее удовлетворение выше денег как инструмента. В этом абзаце мы отвечаем на п. 5.13 (Деньги). Единственным, возможно, тривиальным исключением может быть метапотребность (!) "увеличивать количество денег".

Общение при наличии уважения означает, что "уважающая" сторона будет заинтересована (или вынуждена) предоставить максимум возможной информации в пользование высокой "уважаемой" стороне.

Короче говоря, удовлетворение потребностей принадлежности, общения и уважения суть *необходимые и достаточные* условия содержательного информационного обмена или хотя бы односторонней передачи информации.

Принадлежность относится к группе как сообществу, имеющему возможность начать обмен в единой символической системе.

Общение — представляет процесс формального и (аффилиативного) обмена в группе и между личностями в аспекте равенства их прав и безотносительно к содержанию внутри группы принадлежности.

Уважение — характеризует процесс обмена или односторонней передачи информации с учетом возможного неравенства (прежде всего, информационного, но, возможно, и ресурсного, социального, статусного и т. п.) запрашивающей и принимающей сторон.

Примечание: исключение представляет научная творческая среда в рамках принятых систем принадлежности. Внутри научной среды, постро-

енной специально для обработки информации, точнее, для получения принципиально новой информации, — обмен информацией или научная дискуссия по определению является обменом равных сторон, а не услугой продажи. Впрочем, когда мы говорим о научной среде, то предполагаем (по определению и назначению науки) процесс удовлетворения потребности творчества, а не более низкой потребности уважения. Однако и здесь проблема статуса преобразуется в ВЕС мнения научного специалиста, т.е. во власть и в ресурс влияния (или неравенства влияний) на результат информационного обмена — научное решение или право публикации.

Или, иначе, *уважение носит характер отражения или подтверждения статуса (равенства или превосходства) или использования этого статуса для нужд удовлетворения этой потребности (повышения или сохранения статуса) или других потребностей уважаемой стороны.*

Отношение порядка в иерархии. В настоящем разделе мы стремились показать, что в аспекте информации все три потребности принадлежности, общения, уважения — находятся в тесной иерархической связи

11.12. Потребность уважения как проявление власти или подчинения

Потребность уважения или статуса в Главе 7 мы уже интерпретировали как потребность в безопасности III. Это потребность сохранить или улучшить существующее положение в отношении к ресурсам. Потребность в уважении в процессе возникновения и ее удовлетворения должна отражать, хотя вовсе и не обязательно отражает реально, социальную конкуренцию.

Мы уже обсудили роль владения информацией и роль ее передачи в случае удовлетворенной потребности уважения, то есть в случае наличия уважения. В уважении и при общении слабая или уважающая сторона сообщает, т. е. передает свой ресурс — всю необходимую информацию — уважаемой стороне. Но *в реальности информация — это только один вид ресурса*. Важнейшими ресурсами на длительном протяжении общественного (и биологического, как мы уже показали) развития были просто ценные ресурсы, а в случае социального развития и производящего хозяйства *продукты труда, оказываемые услуги и просто труд "уважающей стороны" на нужды и потребности стороны "уважаемой"*. И эти продукты, услуги и труд передаются уважаемой стороне.

Далее, передача продукции или предоставление труда и времени оказываются источником их аккумуляции у уважаемой стороны. И еще больше. *Уважение между индивидами может представлять собою и равные отношения, и асимметричные, неравные отношения* (я уважаю, а меня уважают меньше или не уважают).

При равных отношениях уважения действия выполняются взаимно — и это может быть реципрокация или договор обмена продуктами, услугами или информацией, и, возможно, на рыночной основе.

При асимметричных отношениях уважения уважающая сторона "обязана" или "вынуждена" выполнять для уважаемой стороны услуги или отдавать продукты своего труда или другие ресурсы. Первые "подчиняются" в некотором смысле, выполняют действия, необходимые для вторых. *Во многих случаях асимметричным отношением является и уважение всех к одному.* Этот один тогда определяется как источник власти, основа которого определяется в "харизме" (авторитете, признании), "традиции" или в основанной на законе должности руководителя бюрократической организации (см. теорию Макса Вебера). Макс Вебер ищет и находит основания власти легитимности (общественном признании или законности)[39].

Аккумуляция и использование ресурсов в руках "уважаемой" личности образует или может образовывать социальное неравенство (как возможность управления многими ресурсами и свободу потребления многих ресурсов уважаемой стороной).

Но наши выводы по поводу обобщенного процесса возникновения власти могут быть еще точнее. Когда Макс Вебер говорил о перечне оснований, он не упомянул основание "силы и принуждения". *В случае аккумуляции ресурсов возникает или может возникать "власть" — как возможность принуждать других людей к уже недобровольному предоставлению своего труда и результатов труда.*

---

[39] Это некие идеальные основания. Мы видим такие основания как воплощенные в совокупности у уважаемой стороны полезных ресурсов, которые на данный момент признаются обществом или законом как устойчивая и непреодолимая данность. Легитимность (или права собственности, распоряжения или власти) — это всего лишь патриархальная общественная или общепринятая юридическая форма признания фактического распределения таких ресурсов. Истинная причина уважения не в законности власти, а в ресурсах, которые признаны или признаются не подлежащими спору и перераспределению. Таким образом, сама "законность или "легитимность" — это результат длительного исторического развития, и основания их лежат много глубже и полежат отельному и тщательному обсуждению.

Каков же механизм возникновения такой власти с позиции психологии? Мы обнаруживаем здесь нечто общее, что неожиданно возникает как экономическое основание в такой нематериальной области как психология.

Недобровольность действий есть принуждение силой или другими ресурсами — изъятие ресурсов (наказание) или их выборочное распределение (поощрение). Тогда подчинение опирается на три уровня потребности в безопасности и на физиологические потребности.

Уважаемое лицо может создать команду принуждения (как группу приближенных по статусу лиц).

Возникает вопрос, как же мотивируется каждый индивид из команды принуждения для выполнения команд "уважаемого"?

Для этого и используются аккумулированные к моменту принуждения ресурсы. Это, в конечном счете, позволяет более надежно обеспечить члену набранной команды физическую и политическую безопасность (преимущественно в прошлом) — и это удовлетворение его потребности безопасности I. Или это позволяет обеспечить члену команды существенную часть ресурсов для его поощрения — и это удовлетворение потребности безопасности II. Или это позволяет обеспечить члену команды путь к росту собственного статуса в шлейфе и тени уважаемого лица — и это удовлетворение потребности безопасности III, как капитал обеспечения потребностей безопасностей I и II.

Как осуществляется принуждение?

Команда принуждения способна принуждать всех остальных "уважающих"

1) силой (или наказанием) (и это потребность безопасности I) или

2) изъятием или концентрацией и регулированием количества продуктов пропитания, необходимых для удовлетворения физиологических потребностей (продуктов) и других материальных ресурсов, например, средств производства, земли — необходимых для удовлетворения потребности в безопасности II. И регулирование образует депривацию физиологических потребностей, возвращающих "уважающего" к труду; регулирование может означать такой недостаток продуктов, который вынуждает к последующему или регулярному труду.

Мы, обсуждая ресурсы и потребности человека, группы пришли к социальной структуре государства и с его аппаратом насилия, минуя разговоры о легитимации, популярности или "харизме" и традиции.

Для высокого статуса в обществе с неравно распределенными ресурсами или в стихийно формирующемся государстве с политически неактивными гражданами принуждение возникает на основе пред-

почтительного или монопольного права распоряжения дефицитными ресурсами (например, собственностью на средства производства, дефицитными услугами и продуктами, нередко информацией, сбором налогов или "дани").

В этой связи существует еще один аспект власти как распоряжения ресурсами — самый опасный. Статус позволяет *ограничить доступ подчиненных или людей низкого статуса к некоторым ресурсам*. Это означает возможность со стороны властвующего создать депривации (влиять на удовлетворение ряда базовых потребностей) у безвластного или подчиненного, зависимого по ресурсу. Примеры из классики просты и прозрачны: "Кто не придет на собрание — отключим газ!". Поэтому стремление к уважению, и к статусу, или как сейчас говорят "амбиции", могут представлять стремление к фактической власти, асимметричному и, в данном случае, принудительному "уважению", и тем самым быть угрозой безопасности всех или многих других во всех трех уровнях.

Таким образом, мы понимаем, что потребность уважения вовсе не так или не всегда так безмятежна, как это звучит в устах замечательного автора теории иерархии потребностей. Она выводит не просто на возможность потребления дефицитных и конкурентных ресурсов, но и ведет к формированию не вполне совершенных и гармоничных социальных структур, которые в нашем обсуждении не являются предметом и темой.

Можно в порядке критики заявить, что подчинение при передаче информации или ресурсов не всегда основано на уважении, и что это не «уважение». Одно и то же действие (передача) оказывается имеющим различное толкование в зависимости от отношения к нему участника. Объективное приобретает оценочный оттенок.

Но мы пытаемся уйти от оценок (наблюдателя, участника) к стабильному и тогда научному определению. Именовать одно и то же закономерное действие по-разному зависимо от оценочного отношения к нему участника в конкретной ситуации не вполне корректно, как ругать «встречный» и хвалить "попутный" ветер при изучении движения атмосферных масс. Феномен подчинения вполне может быть добровольным вынужденным. Но точно так же прием пищи может быть с удовольствием и без аппетита, сон — случайным или «плановым». Наша устойчивость явления отражена новым определением безопасности III. Достижение безопасности включает и отрицательное отношение индивида при удовлетворении потребности уважения.

Действительно, уважение как действие — предоставление ресурса имеет границы действия. При отклонении от нормы действия мы зна-

ем результаты. При «уважении» или «подчинении» следует поощрение (удовлетворение к.-л. потребности) уважающей стороны. Неоказание уважения «уважаемому» может вернуться бумерангом санкций или общественной изоляцией. В конце концов, прямое сопротивление и «неуважение» оказывается вызовом к столкновению и к «агрессии». Такое прямое столкновение может привести к последующему принуждению и к способу «уважать себя заставить». Или оно может привести к понижению статуса «уважаемого», но всегда это конфликт.

Во всем этом диалектика понятия «уважения» или «безопасности» простирается от прекрасного до отвратительного. И даже до чисто символического, например, в виде уважения из-за страха колдовской «порчи».

Отношение порядка в иерархии. В настоящем разделе мы показали, что уважение как уровень зиждется не только на наличии информационных, но и на концентрации материальных или трудовых ресурсов – для появления «уважения» необходима концентрация ресурсов или их неравенство по факту. Такая концентрация предполагает 1) наличие людей как таковых, их воспроизводство, 2) производство ресурсов, которое осуществляется этими людьми и которое обычно распределено среди индивидуумов и 3) некоторую концентрацию этих ресурсов среди индивидов, что предполагает как минимум общение. Это означает, что и в аспекте ТРУДА КАК ПРОИЗВОДСТВА РЕСУРСОВ все *три потребности принадлежности, общения, уважения – находятся в иерархической связи*.

11.13. Базовые потребности. Роль труда и ресурсов

Только после проведенного здесь анализа мы решаемся начать обобщать по поводу групп базовых потребностей.

О низших базовых потребностях (безопасности I, физиологических и безопасности II) мы уже можем определенно сказать, что они «вымогают» у человека активность и труд, связанный с отношением к внешнему миру, рассматриваемому как «чужая и не социальная среда». Это относится напрямую и к физическому внутривидовому столкновению, и к войне. «Они» воспринимаются как «чужое» и «не социальное». Поэтому всякий труд или активность здесь это работа, в которой предмет труда (и потребления) есть не социальное, не человеческое. На этом уровне человек для удовлетворения своих низших базовых потребностей воспроизводит собственно ресурс, используя природу как источник ресурса. И мы знаем, что объем такого воспроизводства много превосходит все, что может сотворить мир биологический, любой из представителей мира природы. Производство негэнтропийного

ресурса, много превосходящего возможности всех прочих видов материи и делает человека исключением среди видов материи, существующей в масштабе Солнечной или любой Звездной системы.

Теперь мы можем сформулировать выводы и по поводу *отношения высших базовых потребностей человека: любви, принадлежности, общения и уважения к труду и фактической активности*. Высшие базовые потребности образуют «пакет», который, действительно, можно именовать «социальным блоком потребностей». Любовь, и принадлежность, общение и уважение, безопасность III – это активность, направленная на воспроизводство человека и индивида, как и на воспроизводство всего сообщества homo sapiens. Такое воспроизводство включает уход и воспитание (или любовь и принадлежность). Затем оно содержит организацию коммуникаций, социализацию, отдых и рекреацию (или потребность общения) – воспроизводство человека. И далее оно может включать распределение, перераспределение ресурсов и ранжирование (или потребность уважения) множества индивидов внутри социума, т.е. общества как интегральную функцию внутривидовой конкуренции, что в общем должно быть полезным для совершенствования вида и его форм активности.

Динамика труда в линии этого пакета определенно прослеживается. Такая динамика исходит от *реципрокного труда* или генетически обусловленной и, что важно, *безусловной зависимости* ребенка и подроста от старших в семье. Она продолжается через изначальную *активность добровольного выбора партнеров и форм общения* в удовлетворении просто социального общения и аффилиации. И, наконец, она замыкается сложнейшим и многозначным (плюс-минус) *выбором активности и форм труда при установлении зависимости других людей от себя самое или включения себя добровольно или силою обстоятельств и усилий других людей в зависимость от других лиц*. Более того, в отношении к ресурсу эта группа потребностей противоречива. Любовь и принадлежность *потребляет ресурсы* природные и социальные. Общение *нейтрально к ресурсам* и может (инструментально) служить его *растрате и созиданию*. А безопасность III *влечет его созидание, сбор и концентрацию, даже монополизацию*, причем, созидание может означать и *принуждение к активности на основе установленной зависимости*.

Важность верхнего блока базовых потребностей обусловлена и тем, что без него невозможна *организация разделения труда в обществе и мотивация такого разделения* (необходимое, но не достаточное условие). А разделение труда обращается к процессам удовлетворения нижнего уровня — выработки на основе природных процессов и материалов новых социальных ресурсов.

Само же новое разделение труда возникает на основе творчества, что относится к группе метапотребностей, см. ниже.

11.14. Самоуважение и результаты труда

Обычно потребность уважения рассматривают вместе с самоуважением. Выше мы пришли к выводу, что потребность самоуважения есть особая форма неудовлетворенности собой. Она возникает в результате рефлексии и самооценки и выступает как тревожность, которую мы интерпретируем и как разновидность потребности в безопасности. Мы не уверены, что она является базовой потребностью (большинства). Подробнее мы раскрываем наше представление об этом в разделах 7.29 и 13.6.

11.15. Потребность в новизне и неопределенности

Этот феномен характеризует собой поиск нового в ненапряженном состоянии. Именно его можно ожидать от человека, который устал от рутины вполне спокойной жизни и даже от стандартных удовольствий, и имеет свободное время, "открыт" для новых впечатлений, но не имеет еще своего хобби. Человек, который имеет все, т.е. избыток ресурсов, кроме метапотребностей, должен находиться в таком состоянии.

Предположим, обыватель стал счастливчиком и внезапно получил, например, большой выигрыш или состояние в наследство. Сначала он обращается к своим нерешенным проблемам нижнего и среднего уровня. Например, такой человек озаботится надежным вложением капитала, чтобы обезопасить свой ресурс. И это неудовлетворенная потребность в безопасности II. Возможно, он начнет сорить деньгами, купит дорогой автомобиль и предметы роскоши, дом и титул. И тогда в нем "говорит" потребность уважения. Но в какой-то момент человек начнет среди удовольствий и комфорта испытывать скуку. Это и есть *потребность в новизне и неопределенности*. И в этом состоянии индивид может начинать получать удовольствие "в меру своей культуры" или "в меру испорченности". Если круг его интересов и удовольствий сузился или конкретизировался, то это и есть метапотребность (одна или несколько).

К этой группе потребностей можно относить все т.н. "немотивированные" формы поведения типа "каприза". Именно об этом говорил

Маслоу как о немотивированном акте, который все же чем-то мотивирован, см. пп. 8.10 и 9.11.

И возвращаясь к потребности “новизны и неопределенности” как к моменту и состоянию, мы можем констатировать, что эта *потребность в своей реализации имеет слабую активность*. Именно труда здесь мало. Это, возможно, поиск новой информации среди известной, ее восприятие и иногда переработка. Не исключено, что просмотр телевизионных передач — это занятие такого типа. Вариант не лучший с выходом на “телевизионную зависимость”. Возможно, это и тестовые формы активности, проверка или, как говорят, “пробы” активности. Человек, как Адам, должен вкусить многого, чтобы “найти себя”. И уж что можно считать практически исключенным — это возможность в таком состоянии делать что-то скучное и неинтересное, выполнять чьи-то указания, подчиняться кому-то. И сказанное в этом абзаце будет иметь прямое отношение к природе того сложнейшего феномена, которое именуется в истории общества эксплуатацией человека. А именно, на верхнем уровне базовых потребностей принудить человека к постоянному труду практически невозможно. Чтобы принудить, его следует «опустить» по лестнице Маслоу, в этом и кроется, как мы покажем, тайна эксплуатации.

Отношение порядка в иерархии. Мы показали, что потребность новизны и неопределенности является в целом выше потребности уважения и других базовых потребностей.

Отношение потребности новизны и неопределенности к активности и труду. Мы видим в этой потребности такую активность, которая означает *полную свободу от к.-л. обязательств активности*. Ее особенность – непредсказуемость результатов. На каждый момент поиска и ожидания индивид не знает, получит ли он новую информацию или нет.

11.16. Социальные потребности в отношении к творчеству. Информационный аспект. Метапотребности и труд

А как соотносятся высшие базовые потребности принадлежности, общения и уважения с *потребностью творчества*? Ответ таков. Для того, чтобы создать в обществе нечто новое, необходимо знать, *что* есть стандарт, *норма* в искусстве, технике, науке, обществе и т.п. Или, другими словами, норма есть информационная определенность, нечто “общеизвестное”, не являющееся “новым”

событием или объектом, что не несет дополнительной информации для большинства.

Для получения информации о норме в обществе необходимы: 1) принадлежность к обществу как возможность общения; 2) общение как процесс освоения и передачи информации и 3) уважение как условие получения необходимой затребованной целевой информации о норме.

Так и в жизни ребенок по *принадлежности* к семье учится языку у родителей и учится в школе читать. Когда он *принадлежит* общине или школе, он может посещать библиотеку. Студентом он получит доступ в Интернет и к поисковой информационной системе научных журналов. *Научное творчество* как поиск неопределенности и поиск проблем в науке начинается только после выполнения этих шагов Если его *статус достаточен* для получения определенных по тематике книг или консультаций, то он имеет возможность получить самую ценную информацию.

Примерно та же схема в части поиска неопределенности возникает не только при творчестве, но и при любой метапотребности. Поиск неопределенности как выполнение первой части метапотребности возможен только на фоне четко оформленной и известной определенности, т. е. нормы. Нормой тогда является личный опыт данного человека, ЕГО норма. Индивид ищет новизны и неопределенности в отношении такой нормы. Этот фон и есть исходная и меняющаяся стартовая площадка для метапотребности.

Отношение порядка в иерархии. На логическом уровне мы здесь зафиксировали порядок удовлетворения высших базовых потребностей и творчества в информационном плане.

Отношение метапотребности к труду. Мы завершаем анализ взаимоотношений потребностей к труду человека. Активность, удовлетворяющая метапотребность, ощущается как независимость и от социальных потребностей и от ресурсов, то есть от низших потребностей. Она вместе с метапотребностью надстроена над ними. Она уже предполагает, опирается на наличие ресурса. Труд тогда воспринимается как свобода творчества и самой личности. В потенциях метапотребностной активности возможно и чрезвычайное, но непредсказуемое богатство и производство ресурса (прежде всего, в виде информации и возможностей для нового разделения труда), так и чрезвычайная растрата любого ресурса, растрата социальной и биологической мощи, см. 8.6. и следующий раздел.

11.17. Метапотребности и их вариации в свете гедонистической основы

Именно нейрохимическая основа высших потребностей и делает, по сути, творчество — поиск и преодоление неопределенности — потребностью личности. Опиоидная нейрохимия становится истинным подкреплением в активности труда, и основой высокой эмоции творчества. Рациональной и высшей формой удовлетворения этой потребности является творческий труд в науке, искусстве, бизнесе, физическом индивидуальном труде и т.п. Как говорит А. Маслоу:

“Эти яркие эмоционально насыщенные мгновения только и имеют право называться лучшими мгновениями человеческой жизни” [Маслоу А., 1970 / 2001, с. 94].

Теперь, продолжая нашу гипотезу биохимической поддержки творчества, игры и добровольного риска, мы можем “собрать” воедино все формы и процессы удовлетворения высшей потребности человека. Многие из них являются эрзацами или плохими копиями и заменителями творчества в жизни индивида, вызывая тот же биохимический процесс. Этим мы дополняем теорию иерархии потребностей Маслоу, который считал, что высших потребностей достигает малая часть общества. Мэтр был прав лишь частично, поскольку связывал метапотребности исключительно с научным и художественным творчеством.

Крайней формой творчества является, как известно “трудоголизм”. Работа голодного художника над картиной, ученого над своим трудом — это прорыв сквозь иерархию потребностей, нарушение иерархии потребностей и закона бытия. Нейрохимическая основа может сотворить и иные нарушения в жизни человека, способна довести его до гибели. К началу нового тысячелетия нам полагается более критично оценивать инструментальные средства и механизмы, образующие удовлетворение высших потребностей, хотя известно, что общество и ранее использовало менее возвышенные, менее социально и этически значимые средства для удовольствий. Тогда, правда, психология была далека от того, чтобы считать удовольствия вообще высшими достижениями человека. Короче, высшая потребность может иметь деструктивный план *поиска наслаждений, азарта, сильных эмоций* в асоциальных и аномических направлениях. И потому вполне обоснованным является в этот момент краткий обзор всех видов метапотребностей.

11.18. Метапотребности — последовательность в культуре сверху вниз

Построим ряд добровольных занятий человека, связанных с извлечением удовольствий и с неопределенностью.

Следующими за *творчеством и созиданием* могут быть *эстетические потребности* как сопереживание и сотворчество с автором во всех видах искусства, *собственное исполнительское искусство*, которое следует приравнивать к творчеству.

Творчество в бизнесе или во власти как преодоление неопределенности рынка и конкуренции соперников в отдельные моменты порождает, должно порождать те же экспрессивные состояния. Кроме того, и во власти всех видов, и в отношениях властных людей с соподчиненными людьми может возникать эйфория от сопротивления оппонентов, как препятствия и неопределенности, которые следует преодолеть. Потребность в уважении в соединении с творчеством лежит в основе проявлений маний власти.

К этому классу стоит отнести и маргинальные формы поведения и эпатажа. Здесь недалеко до искусственных имитаций-действий разрушительного плана — намеренного *бродяжничества как экстремальности самой жизни* и эпатажа, профессионального попрошайничества, профессионального воровства и другого маргинального и криминального поведения, нарушения норм. Кроме разнообразия в этом, нестандартность поведения, в котором ощущается стремление выделиться отказом от нормы и рутины.

Далее к ним присоединяется *построение сложных логических задач в играх и в математике. К этому можно отнести, в частности, шахматы и другие сложные игры, например, соревнования в дешифровании* и т. п. К классу относятся *любительские виды физического труда, моделирование, все виды спорта, связанные со спортивной борьбой или установлением личных рекордов и экстримом как преодолением границ своего организма*. Это тоже часто связано с потребностью уважения. Творчество и потребность уважения здесь разделить очень трудно.

Кроме того, к классу отнесем *всех форм туризм* как проявление любопытства и преодоления трудностей, поиск положительных эмоций через познание и стимуляцию эмоциональной сферы — последнее, вероятно, дает тот же эффект опьянения.

Познание и поисковые всех видов формы активности, когда они стали доминировать как потребности, чрезвычайно увлекают человека. Поиск в библиотеке, в Интернете часто образует то, что именуется

теперь “Интернет-зависимостью”. Бледно и неэффектно выглядит *телевизионная зависимость или привязанность к телесериалам*, но обычно она всегда включает высшую потребность, о которой мы говорим здесь. Потребность в новизне и ее преодоление в сюжете есть, а активность зрителя отсутствует.

Рангом ниже сопереживание в спорте игре любимой команды или игроку — *азарт сопереживания, фанатства*. Потребность общения на стадионе и аффилиации, включая неопределенность результата игры — это ли не метапотребность?

Еще ниже идет риск, связанный с *“игровыми зависимостями”*, с возможной финансовой утратой или выигрышем, игра в рулетку, в лотереи. Заработать денег без труда и по случаю — это потребность в безопасности II в соединении с неопределенностью и риском.

Коль мы говорим об использовании личной власти, сюда же следует включить и *творчество флирта и адюльтера, сексуального домогательства или соблазнения* как борьбы активной личности в условиях преодоления сопротивления оппонента. Современный массовый интерес западного общества к свободному сексу имеет уровень еще ниже — уровень потребности “новизны”, поскольку практически лишен препятствий и преодоления. Это как бы уровень потребностей любви или ее имитации в сочетании с творчеством.

Мы опускаемся далее все ниже и ниже. *Гурмания и другие вкусовые творческие задачи, включая приготовление необычной пищи* образуют уровень физиологических потребностей в соединении с неопределенностью.

Еще ниже уровнем находятся *психомастурбации просмотром фильмов-триллеров, боевиков* и т.п. Ужасы и ужастики — это уровень потребности в безопасности I. Внезапность поворота события и являет собой ужас.

Нашу лестницу сверху вниз продолжит поиск смертельного риска типа *“русской рулетки”, стремления к дуэлям у дворян*. В длительную эпоху господства насилия в обществе профессиональная подготовка воинов — людей насилия — предполагала наличие таких ценностей как высокая агрессивность и импульсивность, грубость, готовность принять вызов и готовность к риску и опасности смерти. Эти черты воспитывались с детства и являлись частью профессии. Военная община в Спарте и традиции европейского дворянства, японского самурайства демонстрируют это.

Признания “солдат удачи”, участников “горячих точек” и киллеров указывают на *намеренный поиск опасных ситуаций и риска для жизни*. В таких случаях профессия используется из любви к искусству (см. «Семь самураев» Акиры Куросавы).

К опасным играм со здоровьем можно добавить *кулачные бои в истории русской деревни* на праздники или аналогичные народные “гуляния” у других народов и т.п. Продолжить этот веселый или печальный (по вкусу!) ряд можно, вспомнив тупые проявления агрессии. Впрочем, объяснение агрессии имеется и другое – снятие рутины и запретов поведения. Поиск и преодоление неопределенности инвертируется в поиск определенности внешней среды и ее преодоление. Другой целью может быть удовлетворение потребности уважения – “будет, что вспомнить про пьянку” — говорит позже вандал.

А завершают обзор *искусственные химические эрзацы* – алкоголь и т.п., ведущие личность к распаду. Это не наша тема. “Это не наша тема” — сказали мы себе в первом варианте, а ныне время удивиться выводу и ужаснуться равнодушию “окавыченной” фразы. Примеры снижения культурных рамок метапотребностей означают в социальном плане ряд важных социальных следствий:

– Практически все общество реализует полную шкалу потребностей Маслоу.

– Для большинства людей высшие потребности вовсе не столь “культурны”, как казалось Маслоу. Впрочем, он и не отрицал, что его система носит более “нормативный” характер. В реальности высшие базовые и бытийные потребности у большей части людей удовлетворяются на символическом уровне (возвышающие или замещающие идеологии и компенсирующие обряды); эмоциональном уровне (сопереживание в спорте и т.п.); химическом уровне (алкоголь и т.п.); формированием рискованных ситуаций ради ощущения риска. Мы считаем, что необходимо нравственно противопоставить здоровые метапотребности, связанные с физической и духовной активностью человека, символическому удовлетворению, “удовольствиям” и их эрзацам, прикрывающим всех видов бедность. Такая бедность — это недостатки и дефекты образования, материальные лишения и их компенсация, часто горе, страдания и унижение, семейные, социальные, культурные, этнические конфликты и т.п.

– Выводы, естественно, как и ранее обращают внимание общества к ситуации и делают актуальными такие новые социологические задачи, как необходимость измерений напряженности потребностей в обществе по шкале Маслоу и ведение статистики типовых форм удовлетворения текущих потребностей,

– Методологически вывод означает, что человек осваивает всю систему потребностей, но актуальными текущими потребностями у большинства людей большую часть времени (кроме праздников) являются базовые потребности безопасности II, III (на рубеже XXI века).

11.19. Выводы главы

В главе представлены доказательства иерархического характера потребностей в иерархии потребностей «Маслоу-3».

При давлении потребности безопасности I человек исполняет все виды работ, а при физиологических и безопасности II – почти все.

Соотношение потребностей принадлежности, общения, уважения и творчества в отношении информации, указывает на их соподчиненность. Кроме чисто физиологических составляющих потребностей принадлежности и общения (деторождения, аффилиации), все три служат и ведут к добыванию ресурсов информации и других ресурсов для удовлетворения каких-либо других потребностей (обобщенно, статуса). При этом большую роль начинают играть уже сконцентрированные заранее ресурсы разных видов.

Потребность в уважении (безопасности III) при концентрации ресурсов ведет общество к созданию власти и к несимметричным формам уважения, к появлению и поддержанию институтов власти силой с последующим вторичным перераспределением ресурсов, оказываемых услуг и результатов труда уважающей стороны. Фактически потребность в безопасности образует возможность принуждать (мотивировать) к труду одних (зависимых по ресурсу) людей другими (уважаемыми или влиятельными) людьми.

Практически все общество реализует полную шкалу потребностей Маслоу. Но для большинства людей высшие потребности вовсе не столь «культурны», как казалось Маслоу. Для большинства потребности безопасности III удовлетворяются редко и на символическом уровне, а метапотребности – на самых низших «гедонистических» уровнях, символических, эмоциональных, химических, и обычно исключают активность и творческий труд.

Методологически вывод означает, что человек «знает» всю систему потребностей, но большее время удовлетворяет потребности уровнями ниже (на рубеже XXI века – безопасности II, III).

Актуальными становятся новые социологические задачи: 1) необходимость измерений напряженности потребностей в обществе по шкале Маслоу, см. Главу 12. и 2) ведение статистики типовых форм удовлетворения текущих потребностей.

ГЛАВА 12. РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ И НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ

После нашей реконструкции теории Маслоу мы можем подводить итоги.

12.1. Новая трактовка потребностей в иерархии “Маслоу — 3”

Мы предлагаем некоторый собственный откорректированный вариант теории Маслоу следующими исправлениями.

1. Выделена потребность в самой жизни (секундная или минутная угроза), ее следует обозначить особо как потребность в безопасности I.

2. Тогда потребность в безопасности по Маслоу как потребности устойчивого обеспечения низших потребностей и материальной подготовки к воспроизводству потомства следует именовать потребностью в безопасности II.

3. Между потребностью “любви, принадлежности” и потребностью “уважения, признания” необходимо учитывать совершенно особую, специфическую потребность “общения”.

4. Потребность “уважения” более точно отражает потребность статуса или “признания”, а именно: “зависимости от... ” или “влияния на... ”. Потребность в уважении представляется как потребность в безопасности III (безопасности — опасности конкуренции других людей за ограниченные и потребные, дефицитные ресурсы).

5. Потребность “самоуважения” для большинства людей предположительно совпадает с потребностью уважения. Поэтому выделение ее как отдельную представляет нерешенный вопрос для иерархии потребностей. Теоретически потребность самоуважения надстраивается над потребностью уважения и являет собой высшую и в целом внутренне затратную, но полезную для окружающих и индивида степень его рефлексии.

6. Когнитивные потребности в “познании и понимании” снимаются и заменяются потребностью “новизны и поиска неопределенности”. Потребность новизны и неопределенности позже включается как подготовительная часть в любую развившуюся у индивида метапотребность.

7. Эстетические потребности — следует считать частью метапотребностей.

Иерархия потребностей Маслоу-3 (Четвертаков)

МЕТАПОТРЕБНОСТИ

Произвольная диспозиция или произвольная иерархия – проявление свободы выбора человека в той степени, в какой гарантируется минимальное удовлетворение базовых потребностей

БАЗОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Удовлетворяются для подавляющего большинства растущих и взрослых людей в указанном порядке

Потребность в творчестве и во всех процессах поиска неопределенности и ее преодоления, возможно, с участием базовых потребностей

Потребности новизны и неопределенности (проявляется и при отсутствии метапотребностей, участвует во всех метапотребностях)

Потребность в уважении или в безопасности III (наращивания или сохранения власти и ограниченных ресурсов)

Потребности общения

Потребности любви и принадлежности

Потребности в безопасности II (обеспечения потребностей ниже)

Физиологические потребности (питье, пища, сон и т.д.)

Потребности в безопасности I (жизни, отсутствия боли и прямой опасности для здоровья)

Рис. 12.1. Модифицированная автором иерархия потребностей под именем “Маслоу-3”. Множество личных метапотребностей являются высвобождением человека от несвободы и проявлением его свободы, но эта свобода опирается на безусловное обеспечение всех базовых потребностей хотя бы в минимальном объеме. Условием свободы является “осознанная необходимость” обеспечения человеком своих базовых потребностей

8. Потребность “самоактуализации” и потребность “творчества” являются лишь частью вариантов высших потребностей человека — метапотребностей. Остальные метапотребности индивида включают вместе с потребностью творчества элементы “игры и добровольного риска” и обобщаются определением потребностей “творчества и игрового преодоления неопределенности”. Все это вместе может рассматриваться как “самореализация” или “самоактуализация”.

Тогда иерархия потребностей “Маслоу-3” составляет следующие потребности:

1) потребность в жизни — безопасности I;

2) физиологические потребности;

3) потребность в безопасности II как обеспечение физиологических потребностей на будущее;

4) потребность в любви и принадлежности к родственной группе;

5) потребность общения;

6) потребность уважения или безопасности III;

8) потребность новизны или поиска неопределенности, разнообразия;

9) потребность творчества и игрового преодоления неопределенности как самореализации.

12.2. Потребность безопасности? Единая или в трех лицах?

Потребность I, II и III проявляется как единый нейрофизиологический механизм различной степени напряженности. Он запускается в трех различных и иерархически связанных биосоциальных ситуациях. Ситуации размещены по шкале онтогенетического и филогенетического развития человека — поэтому одна и та же потребность, работающая в разных обстоятельствах, может быть использована именно в социологии. В данном случае иерархичны не потребности (она одна), а биосоциальные (онтогенетические разных стадий развития) условия обстоятельства ее запуска:

— борьба за жизнь и предотвращение опасности здоровью,

— борьба за сохранение, продолжение удовлетворения физиологических потребностей в условиях личного труда и

— борьба за статус, рост или против утраты, за доступ или сохранение доступа к ограниченным ресурсам, за которые члены общества конкурируют во внутривидовой борьбе.

12.3. Онтогенез и динамика структуры потребностей

Мы собрались ответить на непростой вопрос. Некоторый анализ показывает, что нам следует продемонстрировать работу всей иерархии потребностей от рождения человека до его смерти, чтобы ответить на критическое замечание “Г” — “Моцарт — композитор в 5 лет”. И мы обязаны придти к представлению о том, что система потребностей возникает у человека постепенно и в оговоренном теорией порядке, и не присутствует в нем изначально.

Первый крик ребенка — это начало дыхания и, как мы понимаем, единственная и первая в жизни его потребность — не умереть — ды-

шать. В первые минуты и часы подсоединяются физиологические потребности воды, пищи и прочее. В момент бодрствования мы наблюдаем случайные движения и взмахи рук и ног, повороты головы и т.п. Ребенок пробует свое тело, он не может лежать неподвижно. Он кричит или мычит. Кроме того, ребенок устает от неподвижности. Уже в этой простой и элементарной жизни (пока она лишена ощущения угроз) включается потребность новизны и поиск неопределенности, а именно, движения тела, возникает игра со своими руками, проверки движений, пробы голосом. Далее начинает действовать зрение, идет борьба за овладение телом, управление им, и это уже работа и это преодоление неопределенности, например, дотянуться до пахнущего соска груди матери. Или схватить яркую игрушку, потянуть себе в рот. И так далее.

И о творчестве в детстве. Ребенок, машущий руками в постели и гукающий, уже творит. Он играет сам с собой, пробует свои руки, голос, координацию и т.д.

Нарушается ли здесь потребность Маслоу? Да, нисколько! Пока ребенок не видит и не различает лиц входящих, не отличает близких и чужих — он улыбается всем — его потребности в безопасности удовлетворены. Голода нет, тихо, тепло и сухо (потребность II еще не возникла — все есть и всегда). Любовь есть в том смысле, в каком меня кормят и улыбаются, где говорят тихие хорошие слова, и можно прижаться к теплу, пахнущему любимым молоком. Его потребности общения — с голосом матери и ее грудью. Его потребности уважении? Их еще нет. Сравнивать и конфликтовать не с кем. Есть сплошная реципрокация — он улыбается и молоко из груди льется рекой. И до поры первых игрушек есть первые инструменты — пальцы, глаза, язык, губы, нос — поле для исследований — двигать, управлять и трогать — радостная и новая активность. И новый цветной мир — пища духовная из игрушек, звуков и запахов. Творчество освоения мира! И ребенок мадонны Бенуа тянется к игрушке — крестику! И тогда это рай для нового человека на земле!

Итак, каждым из нас в первые два - три месяца жизни пережиты ВСЕ базовые потребности, дай Бог, минуя все потребности безопасности.

А теперь обратимся к Вольфгангу Амадею Моцарту. Склонность к музыке — это результат работы слуха у ребенка и удовольствия-подкрепления при прослушивании музыки. Слух — один из самых мало замечаемых и плохо контролируемых окружающими сенсоров в жизни человека. Музыка, если она звучит в ушах беременной матери, может ощущаться как сладость и удовольствие (матери) через ее кровь, ИХ общую кровь, и через материнские пептиды и гормоны в крови. Такой ребенок, как Моцарт мог слушать музыку В НЕЙ ВМЕСТЕ С НЕЙ. Он

слушал ТУ музыку своего отца Леопольда, скрипача, преподавателя и придворного композитора. И мы не исключаем, что музыкальный слух ребенка или потенциально удовольствие ребенка от музыки сформированы до рождения, пренатально. Кроме того, ребенок, сосущий молоко матери под мажорную и гармоничную (сейчас она именуется классикой) музыку может "вкушать искусство" вместе с "молоком матери". Этой игры слов вполне достаточно, чтобы понять, что именно для музыки при таком стечении любви и подкрепления нет необходимости многих лет прослушивания, чтобы ее полюбить. А творчество с музыкальным инструментом в период "игры" ребенка без давления взрослых может дать чудеса автогенерации новой музыки, особенно, если ребенок с удовольствием извлекает звуки из инструмента. У Моцарта это клавесин с трех лет и импровизации (считай творчество), в четыре года это игра чужих пьес со слуха (и это не принуждение — это потребность музыкального общения и одновременно овладения инструментом и музыкальной памятью), в пять — собственные композиции. Отец — воспитатель высочайшего уровня. Игра ученика в этом возрасте образуется в двух смыслах: как извлечение звуков из инструмента и как высшая потребность творчества на клавесине с трех лет! Чего можно ожидать, кроме творчества, в такой редкой и благоприятной ситуации?

А теперь рассмотрим собственно развитие иерархии потребностей у обычного ребенка. Суть (условия запуска) потребностей безопасности у ребенка сначала изменяется довольно быстро. Когда ребенок начинает различать родителей и членов семьи и новых, незнакомых людей, то он повторно испытывает страх (потребность безопасности I). Иногда это страх и темноты, и одиночества или, наоборот, шума и яркого света. Позже страхи исчезают и возникают новые. Утрата, порча или потеря игрушки образует "работу" с первыми "материальными ценностями". Беречь нечто, что тебе может понадобиться в будущем, и понятие утраты или приобретения ценности в личной активности — образует потребность в безопасности II, если ее не подавляют "воспитанием" немедленного восстановления утраченного ресурса, немедленной доставки всего желанного. Безопасность II при получении "поля ответственности" формирует способность предвидеть и прослеживать будущее и помнить прошлое, делать "ответственные" выводы из своего поведения.

Возраст начала общения с другими детьми зависит различным образом от состава семьи. Единственный в семье ребенок получает первый контакт относительно поздно, на детских площадках и в песочницах. Как только у ребенка появляется общение с детьми близкого возрас-

та, так зримо возникает потребность общения (с чужими), усиливается значение активности распоряжения игрушками (безопасность II и III) — опасности и конфликты с детьми начинают превращаться в формы внутригруппового общения и статуса. Например, опасности, что ребенка обидят, что у него отнимут игрушку, создает потребность безопасности, II. Такие конфликты ребенок вынужденно превращает в конкретные модели уважения соседа, например, обмена игрушками на время игры. Это могут быть и привычки отнимать чужое или, наоборот, убегать от обидчиков и играть в одиночку. Но родители и среда могут надолго отодвинуть это развитие, если "прикроют" ребенка от "разборок", или не научат его собственному разрешению конфликта. В системе Маслоу это многообразие форм обобщается понятием формирования статуса при удовлетворении потребности безопасности III (или уважения). В психологии личности это образует более тонкие оттенки формирования поведенческих установок, которые позже мы представим работой Макклелланда.

Полноценная инициация молодого человека во взрослого образуется в момент, когда три нижних потребности он начинает удовлетворять самостоятельно, уже без реципрокации в семье. Эта точка наступает, когда человек начинает и может начать ощущать себя финансово независимым (потребность в безопасности II). В Западном мире это случается обычно существенно раньше, поскольку молодой человек уходит из семьи в кампус уже с началом получения высшего или среднего специального образования, взяв кредит в банке и осуществляя большую часть расходов по бытовому содержанию самостоятельно.

Поэтому мы можем отметить, что базовые потребности и даже любовь (без секса и как принадлежность) в лучших образцах воспитания могут быть полно представлены в три-четыре года. Однако ряд потребностей могут стать "отложенными" или "задержанными" при неверном воспитании.

Ниже мы приводим три схемы развития иерархии потребностей Маслоу-3 соответственно трем различным периодам жизни: 1) от рождения до начала самостоятельности человека, 2) от начала самостоятельности и до вершины трудовой активности, зрелости человека и 3) от зрелости до старости и угасания, рис. 12.2, 12.3, 12.4. Эти схемы отражают динамику структуры потребности Маслоу в течение его жизни и конкретизируют приведенную выше спираль жизни, изображенную на рис. 9.1.

В чем суть схем развития. Вероятно, роль той или иной потребности в жизни человека можно было бы измерить, изучая содержательный рациональный состав текущих напряжений и внимания психики

человека. Если считать все время бодрствующей психики единицей, то доля времени внимания к одной или к другой, третьей потребности (в ощущении, в мотивации и в достижении) и означала бы распределение роли потребностей в жизни человека. К сожалению, составление такой реальной карты занятости сознания мы провести не можем. Заметим, что предложенный принцип оценки вполне соответствует распределению использования времени процессора в компьютере под различные задачи при многозадачных обработках. Там приоритетом каждой задачи оказывается ее уровень в соответствии с рангом, установленным пользователем. В отсутствии возможностей измерений структуру занятости сознания мы определяем из общих (нашего личного опыта) представлений об актуальности тех или иных деприваций в повседневной жизни человека в разные периоды его развития.

К сказанному и изображенному стоит добавить, что критерием для нас является именно "загрузка" или "занятость" сознания, а не рук и тела, не активности. Например, поведенческие установки, особенно в рутинном труде, полностью высвобождают сознание для других забот. И работница на заводской сборке вполне может удовлетворять потребность в общении с подругами, если ее автоматические действия высвобождают ее сознание.

Еще одно дополнение касается темы труда. Если труд не требует ярко выраженного творчества, то мы отнесем затраты времени психики индивида на потребность в безопасности II — на заботу о средствах для жизни. Если же в труде работника доминирует творчество или общение с коллегами, а не зарплата, то такой труд следует отнести соответственно к потребности творчества или общения — более высокой части. При совмещении того и другого приходится делить потребности на две части, но с господством потребности высшего уровня.

Мы строили диаграмму, исходя из наших представлений о роли каждой из потребностей и с учетом реального опыта и собственных наблюдений. Естественно, приведенная схема рисунков 12.2, 12.3, 12.4 потребует совершенствования и коррекции. Интересно заметить, что она, вероятно, отражает не вполне точное представление о потребности в любви и принадлежности. До этого момента мы не фиксировали много внимания на этой потребности, поскольку она слабо связана с трудом. В реальности и на будущее в ней мы должны будем различать несколько аспектов. Это секс как физиологическую потребность и ее зарождение в раннем детстве (и здесь может быть полезен Фрейд), потребность принадлежности (ребенка матери генетическая) отдельно как зачаток безопасности, общения и уважения. Это любовь матери к ребенку как забота, обусловленная генетически и частично культур-

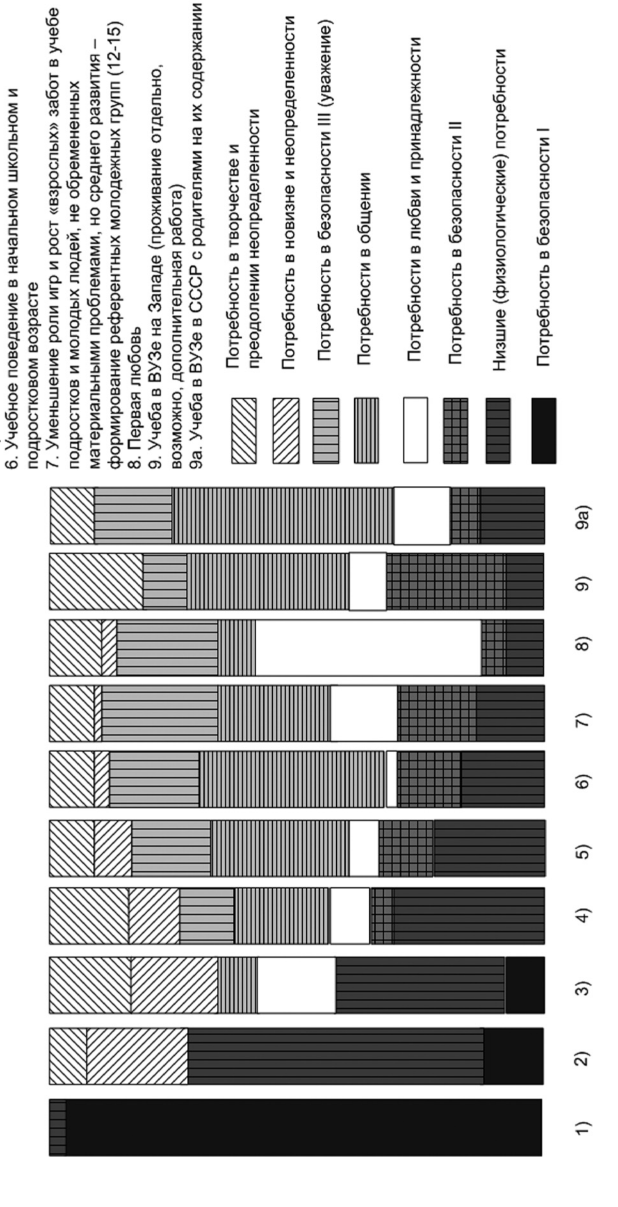

Рис. 12.2. Структура потребностей от рождения до самостоятельности

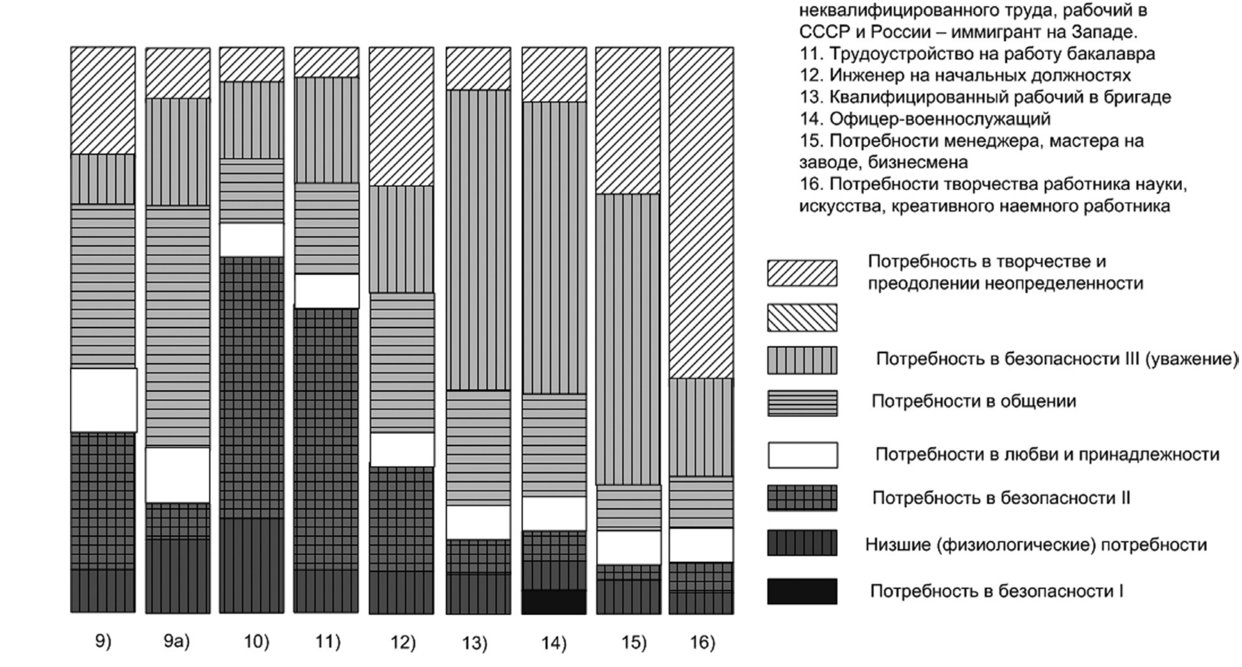

Рис. 12.3. Структура потребностей от становления до зрелости

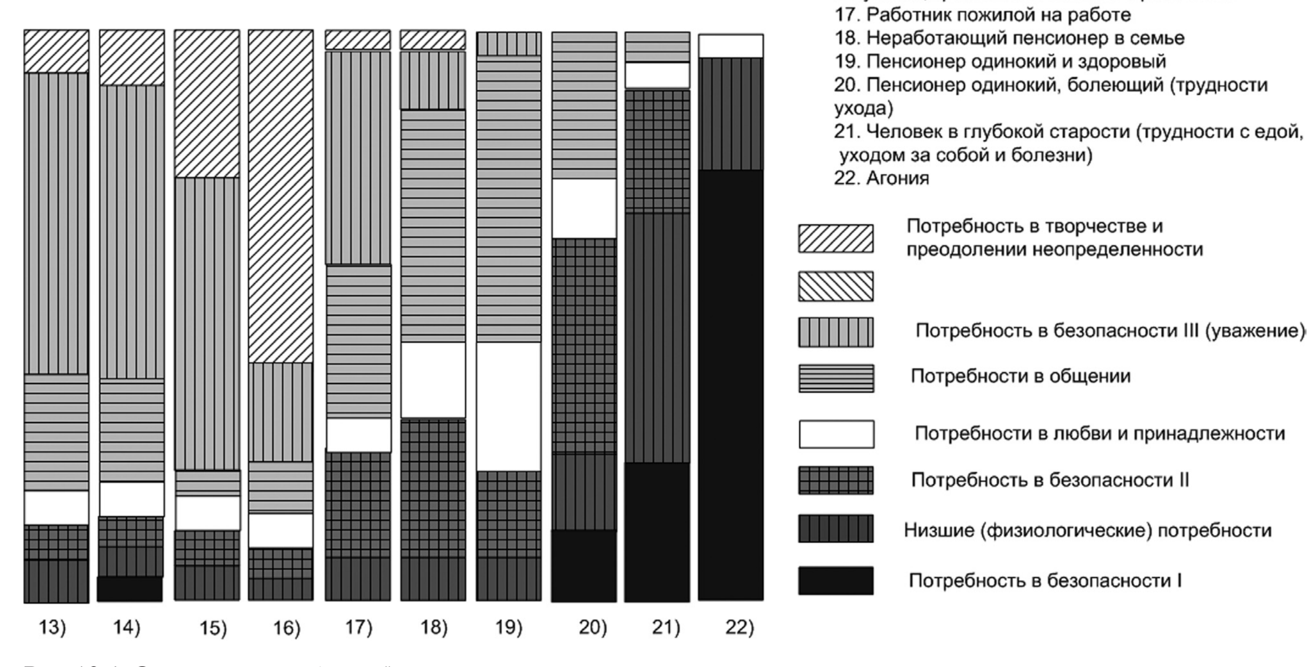

Рис. 12.4. Структура потребностей от зрелости до конца жизни

но. При этом ребенок реагирует неадекватной любовью — он ничего не может дать, и это не вполне взаимная любовь. Это далее любовь-страсть (нетерпение) как молодежное и больше биологическое проявление, надстроенное над сексом. Далее это любовь как одностороннее служение, любовь неразделенная, которую следует рассматривать как патологию (или символическую метапотребность). И, наконец, любовь как взаимное служение и как реципрокация — оказание услуг, служение и помощь другому, надстроенная над сексом. Очень возможно, что это состояние является метапотребностью, и совсем не общей базовой потребностью. Для появления любви каждый член любовной пары ускоренным образом проходит все фазы базовых потребностей В ОТНОШЕНИИ К ДРУГ ДРУГУ — общения, уважения, новизны, исследования друг друга. — Затем значение нижних потребностей может падать. — Тогда-то и возникает "с милым рай и в шалаше". Вопрос достаточно сложен, и автор оставляет его открытым.

Схема из трех рисунков демонстрирует два отдельных процесса формирования иерархии потребностей и один процесс сворачивания иерархии. В детстве и юности человек проходит иерархию Маслоу первый раз с условием его достаточно полного материального содержания родителями. Отсюда вся иерархия Маслоу первый раз включает потребности верхнего уровня: познания, игр, творчества в процессе обучения. Возникает возможность достигнуть высших потребностей и в период детства и отрочества. Для большинства детей с подходом к отрочеству высшие потребности (игры) или готовность к ним вытесняются заботами взрослых, копированием таких забот и подключением к заботам о хлебе насущном и потребностям II, III. И это нормально — изживается инфантилизм, рис. 12.2. Во второй период иерархия потребностей разворачивается полностью в соответствии с потенциалом и принятой активностью личности, рис. 12.3.

12.4. Ценность теории Маслоу. Основные положения

После изложенной реконструкции теории Маслоу возможно представить и значение теории Маслоу в социологии, истории и в психологии.

1. Иерархия потребностей Маслоу — это теория мотивации человека, годная для понимания не только текущего состояния общества, но для прошлого и будущего. Это теория для человека среднего и потому наиболее пригодна для социологии и социальной психологии. Ее достоинства в том, что она пригодна для формирования, развития и функционирования не только индивида, но и крупных социальных

групп и социальных институтов, анализа и прогноза ментальности и изменения ментальности различных сообществ и народов. Здесь мы утверждаем тезис социальной значимости без обоснования. Приложение к книге демонстрирует использование теории и характер или метод применения.

2. Мы доказываем, что подавляющее большинство индивидов демонстрирует своим поведением порядок потребностей в соответствии с теорией Маслоу. Причем, порядок подтверждается как онтогенетически, в развитии (жизненном пути) индивида, и это выше показано, так и филогенетически в развитии человечества в целом (о чем говорил сам Маслоу), и это мы покажем в будущем.

3. Теория Маслоу в общих чертах верна и для высших форм животного мира. В то же время Маслоу был критически настроен против экспериментов над животными для подтверждения своей теории, рассматривая это как погоню за "псевдопростотой", [Маслоу А., 1970/2001, с. 120]. Между тем, мы знаем, что Абрахам Маслоу в процессе приближения к своей теории имел колоссальную и даже уникальную по многогранности практику экспериментального на приматах анализа различных потребностей и активности их удовлетворения. Сам Маслоу, таким образом, не чурался сравнений с биологическим миром, его исследованием. И мы прощаем такое мнение автору теории — оно дозволено Юпитеру в сфере психологии. Но природу потребностей и их высших форм мы будем понимать более широко, чем это утверждает Абрахам Маслоу.

П р и м е ч а н и е. По ходу необходимо сказать, что наш анализ показывает мощную связь между логикой бихевиоризма и тем биологическим и культурным дуализмом в обертке гуманизма, который отстаивал Маслоу. Часто теорию Маслоу считают теорией высокой духовности и "экзистенциальности" и резко отделяют от "примитивных" бихевиоризма и рефлексии. Мы относим это и за счет поверхностного и формального понимания "простоты" бихевиоризма в связи с кажущимися простыми экспериментами первой половины XX века. Мы относим это за счет поверхностного и узкого применения теории Маслоу только в ранге упрощенного (а может быть и примитивного?) "гуманизма" к развитию отдельной патологической или не нашедшей себя в жизни личности. Хотелось бы считать следующие рассуждения не морализацией, а практикой социальной типологии. Речь идет о довольно распространенном типе личности, который имеет в жизни все для счастья, но никак не способен себя найти в самореализации. Полное комфорта бытие нового "героя нашего времени" или Онегина без культуры, но с "боблом в кармане", действительно оказывается патологией или часто приводит к ней. И то, что не каждый при этом превращается в здоровую жизнерадостную свинью, только доказывает верность теории Маслоу.

Часто это ленивые дети новых и потому невоспитанных "богатых русских" родителей. У золотой молодежи много комфорта и нет цели. И тогда само существование или "экзистенциальность" ставится под сомнение, а жизнь, заполненная предметами обихода и комфорта, мир "вещей", превращаются в "день сурка" или в виртуальную действительность. Инфантилизм "молодежи" (до 40-50 лет от роду) Запада, которая обложена гуманной бесконфликтностью и социальными благами конца XX века — совершенно аналогичное более раннее явление. Теория Маслоу дает возможность для разрешения таких кризисов. Мир человека ценится и реализуется не в чистой и изолированной авторефлексии (только внутренней жизни), а в активности, направленной на внешний мир и его преобразование.

4. Теория Маслоу ценна тем, что она позволила отделить культурное от биологического и показать относительно четкую границу между ними. И связанное с этим утверждение: ценность теории иерархии потребностей Маслоу заключается в ее иерархическом строении.

Эта иерархичность двояка.

Первую иерархию мы строим в самой теории мотивации. Действительно, теория Маслоу позволила нам в объединении ее с другими достижениями в психологии — бихевиоризмом и теорией обратной связи в системах управления — построить теорию мотивации как систему минимум из трех уровней. В ее структуре сконцентрированы снизу вверх нейрофизиологические, генетические и культурные компоненты. Но содержательное и функциональное значение образованных уровней позволяет разделить конкретно-культурное и биологическое.

Система мотивации включает уровни:

— *нейрофизиологии и биохимии как совокупности процессов нижнего уровня, создающих напряжения или ощущения деприваций разного типа*. Ряд этих процессов запускает состояния (ощущения) различных потребностей. Часто при этом нейронный уровень образует и эмоции, выражаемые внешне. Другие нейропроцессы обрабатывают результат активности человека и реорганизуют нейронную систему человека (память). Они изменяют (перезаписывают) условия запуска ряда важнейших будущих напряжений (потребностей). На нейронном уровне функционируют *УСЛОВИЯ ЗАПУСКА и механизмы изменения условий запуска ряда потребностей*. Изменения условий запуска ведутся через перестройку видов рефлексий или видов стимулов (условий запуска). Под изменением рефлексов выступают и изменения или коррекции инструментальных форм поведения, удовлетворяющих потребность. Как мы понимаем, всякие перестройки ведутся на основе стимул-рефлексивной схемы — физиологическими подкреплениями. Потому у ряда потребностей генетические условия могут замещаться выученными условиями. Среди подкреплений

выступают не только внешние процессы снятия напряжений или проявленная активность, но и процессы получения удовольствий, источником которых является сам нейронный уровень — центральная нервная система. Сама перестройка условий запуска потребностей или выучивание и переучивание поэтому оказывается реализацией теории И. П. Павлова и бихевиоризма. Бихевиоризм зашит внутрь мотивационной системы на этом уровне;

— *потребностей* как уровня нерационального инстинктивного или подсознательного (человека инстинктивного или человека на подсознании). Они всегда запускаются иррационально, инстинктивно от системы напряжений, возникающих еще ниже. Возникающие потребности в свою очередь сами запускаются процессами более низкого уровня, а после запуска потребности "управление" в психике передается к более высокому уровню мотивации — рациональному мышлению;

— *мотивов* как конкретно-исторического рационального или сугубо культурного уровня рационального планирования и анализа поведения (уровень человека рационального). Культура изменяет *формы и инструменты поведения* (мотивации).

Маслоу осторожно утверждал, что культура может закамуфлировать часть потребностей. И мы теперь понимаем, что мешало видеть биологическую природу потребности. Биологическим оставался всегда механизм запуска потребностей — он был инстинктивным (и это было не всегда ясным). Но в ряде очень важных потребностей (всех потребностей безопасности) научение, опыт или культура (с помощью реальных подкреплений снятием напряжения — например, снятием страха) изменяет, реконструирует УСЛОВИЯ ЗАПУСКА конкретных потребностей. Например, сытый ребенок, что спит в колыбели, проснется от грома, испугается и заплачет. Это заложено генами. Но позже мы не боимся грома. Мы, будучи сыты, можем и будем бояться потерять наемную работу. А тысячу лет назад сытый крестьянин боялся потерять не работу, а будущий урожай. От морозов, дождей или саранчи. Это одна и та же потребность безопасности II. Такая потребность активизируется в нашем веке в момент экономического кризиса. Тысячу лет назад она активировалась при наступлении заморозков в мае или июне у миллионов крестьян. И эти обстоятельства, эти сложности различения потребности и условия ее запуска смешивались исследователями до сих пор и не позволяли различать природное и культурное в системе потребностей и мотивации. В теории мы не имеем потребность уверенности иметь работу или отдельно потребность уверенности получить достаточный для жизни урожай. Мы бы обобщили все это потребностью *уверенности в завтрашнем дне* (*месяце и годе*). А конкретику

мы убираем в условия возникновения потребностей и в условия ее удовлетворения. Но Маслоу назвал ее (неудовлетворенной) потребностью в безопасности. А мы в дополнение придали ей еще и номер (II), поскольку нашли это состояние в части порядка возникновения не достаточно однозначным. Специфичное выделено, чтобы дать общему проявиться и быть максимально полезным в широком плане.

Итак, культура, изменяет или корректирует *конкретику условий возникновения части базовых потребностей* (безопасности — научает видам опасностей) и оказывается источником возникновения (научения) всех метапотребностей. И в этом состоит ценность нашего иерархического взгляда на теорию и структуру мотивации.

Вторая иерархия образуется собственно порядком запуска потребностей в их списке, в теории иерархии потребностей Маслоу. Сама иерархия потребностей указывает на функциональный порядок УСЛОВИЙ ПОРЯДКА ЗАПУСКА потребностей очередного уровня. Мы вынуждены отличать терминологически *условия запуска* (культурно конкретные), см. на абзац выше в этом разделе, и *условия порядка запуска* (культурно абстрактные).

Например, потребность уважения следует ЗА относительно удовлетворенной потребностью общения и никак не раньше. Без общения проблемы статуса и ресурсов, доступа к ним не возникают вообще! Это означает, что удовлетворенная потребность общения является онтогенетическим УСЛОВИЕМ запуска (условием порядка запуска) потребности уважения. Но что конкретно понимается под общением и что конкретно понимается под уважением — это вопрос культуры и, следовательно, это вопрос уровня мотивов, см. два абзаца выше. Поэтому иерархия потребностей в широком смысле является сама СИСТЕМОЙ УСЛОВИЙ (условий порядка), которые не зависят от культуры. Иначе говоря, иерархия потребностей Маслоу как порядок и как совокупность условий является устойчивой или независимой, или, другими словами, инвариантной, к культуре.

Итак, порядок (запуска) базовых потребностей (относительно друг друга) и инстинктивность самого запуска остаются биологическими, инстинктивными. И система потребностей как система условий порядка запуска потребностей остается неизменной от культуры. Остается добавить, что конечно, (инвариантно культурные) условия порядка запуска потребностей стоят на более низком уровне и предшествуют всяким (культурным) условиям запуска конкретных потребностей.

5. Система потребностей Маслоу как основа теории мотивации является общей для других теорий мотивации (за исключением вырожденных обобщений). Этот тезис мы демонстрируем обзором других теорий, проведенным в следующей главе.

ГЛАВА 13. СОВМЕСТИМОСТЬ ТЕОРИИ МАСЛОУ С ДРУГИМИ ТЕОРИЯМИ МОТИВАЦИИ

13.1. Другие теории как аргумент ценности теории Маслоу

Цель, поставленная автором в настоящем разделе — показать совместимость с иерархией потребностей Маслоу многих других широко известных теорий мотивации или специальных психологических моделей, и тем указать на общий характер теории Маслоу.

Другие теории мотивации отражают и углубляют фрагменты (разделы) теории Маслоу в виде специализированных теорий. Каждая охватывает только часть потребностей. Обычно это подгруппы потребностей, используемых в некоторых процессах развития человека. Например, это теории мотивации *в обучении*, теории мотивации и поведения *в общении*, теории мотивации и механизмов *развития творчества* и т.п. Часто такие теории включают и углубляют специфику мотивации труда на предприятиях, как среди рабочих, так и белых воротничков. В области трудовых отношений, например, моделируется взаимоотношение потребностей безопасности II, общения и уважения и соответствующей мотивации. Понятно, что и уровень конкретности таких теорий очень велик. Они рассчитаны на современную эпоху, ее практики и даже на конкретную ментальность культуры общества или социального слоя.

В других теориях авторы моделируют психологические типологии личности в отдельных группах потребностей: безопасности, уважения, любви или в области метапотребностей. Исследователя тогда интересует различие поведений людей в соответствии с их психологическим типом при удовлетворении потребностей определенного уровня. Понятно, что общая теория психологии (например, Маслоу) не может обратиться к таким разработкам, оставаясь общей.

Особый класс представляют дифференциальные теории мотивации. Такие теории изучают людей, их потребности и мотивацию не в целом, а как дихотомию или более сложную кластеризацию в поведении. Дифференциальные теории рассматривают человека как объект с некоторыми измеримыми психологическими свойствами или социальным опытом. Например, они стремятся отличить людей измерением их способности ориентации на успех или на избегание неудач. Или теории такого рода разделяют людей, на обладающих волей и безвольных. В реальности это только крайние типы поведения, а вовсе не средняя

и обобщенная часть. К этому классу относятся несколько теорий, которые сравнивают различное поведение и формируют причины различного или противоположного поведения людей, даже в одной группе.

Следует сказать, что в случае дифференциальных теорий мы (почти) выходим за рамки наших социологических интересов, поскольку различия между людьми резко сокращают ареал применимости результатов в социологии и в социальной психологии в сравнении с общей теорией Маслоу. Но они резко повышают прикладное качество теории в приложении к конкретному человеку, то есть в психологической практике. Есть несколько, а возможно и много, важных дифференциаций, которые оказывают грандиозное влияние на социальные структуры и институты — речь идет о социальной стратификации, и эти различия мы ниже обсуждаем отдельно. Значение дифференциальных теорий также велико тогда, когда мы видим массовые социальные (временные) дефекты в обществе или когда общество ставит себе целью "создать нового человека", и задачи здесь не вполне тоталитарные или утопические. Чтобы создать нового предпринимателя нужна одна психология, для фермера, возможно, несколько другая, для инженера или рабочего у станка с ЧПУ — третья. И так далее, профессия может не только требовать определенных черт, но и вызывать потребность корректировать некоторые черты личности, чтобы ей "соответствовать". И тогда дифференциальная психология незаменима.

Некоторые теории мотивации или *метатеории* поднимаются на более высокий абстрактный уровень, чем теория Маслоу. При таком обобщении конкретизация потребностей уже недостаточна для содержательного использования: обобщение идет в ущерб практической значимости. Самой общей теорией потребностей и мотивации является простая формула: "человек имеет потребность жить долго и счастливо". Примерно так звучал в очень длинной фразе социалистический "основной закон социализма", декларированный в СССР. Однако там фраза — "имеет потребность жить" — заменялась просто и мило — (при социализме) "живет". Действительно, "красиво жить не запретишь!" Тем более, "желать жить".

Ниже мы рассматриваем ряд основных, наиболее распространенных общих, а также *более поздних теорий мотивации*, специализированных и дифференциальных. Автор не ставил себе задачи выполнить полный обзор теорий мотивации. Однако стоит упомянуть виды теорий мотивации.

Многие из теорий привязаны к конкретно-историческим моментам решения тех или иных практических задач, вставших перед исследователями. Они — результат временного среза состояния общества на

момент их создания. Это не удивительно. Удивительно, что обзоры теорий в прошлом не позволяли объединить их в единое целое и увязать вместе в связи развитием общества, главным образом цивилизованных обществ США и Европы. Не связан ли прагматизм прикладного характера знаний с упрощением знаний, возврату к рецептурно-справочному подходу в духе химической науки до Менделеева?

Множество теорий, которые мы кратко представим ниже, достаточно свободно совмещаются с общей теорией Маслоу. Ряд теорий нами кратко описан выше, в разделе предыстории создания теории Маслоу (Макдауголла, Маррея, Сорокина). Критерий отбора теорий — их полезность в социологии или демонстрация их соответствия теории Маслоу. Отдельно мы остановимся на проблемах власти: агрессии и выученной беспомощности и ряда важнейших экспериментов, связанных с агрессией и обучением агрессивному поведению. В этой Главе мы начинаем с теории Макклелланда, и продолжаем именами Герцберга, X–Y МакГрегора, Халла, Скиннера, представляем хауторнский эксперимент и кратко теории Альдерфера и Роттера.

13.2. Теория Макклелланда и ее соотношение с теорией Маслоу

Мы переходим к ряду мотивационных теорий, возникших позже теории Маслоу. Одна из них представлена трудами Д. Макклелланда (и предшествующих теорий Келли и Фестингера). Теория Макклелланда является, по сути, некоторым развитием модели бихевиоризма, но в более отвлеченной когнитивистской манере скрытого или абстрагированного подкрепления. Ее суть — появление различий в поведении человека в зависимости от его опыта жизненных ожиданий и последующей практики их исполнения. Различия поведения возникают от рассогласованности или схождении ожиданий и их реализации.

Мы уже знаем, что инстинктивные потребности человека формируют на рациональном уровне цели и методы их достижения. Естественно, что при таком формировании используется личный прошлый опыт индивида по удовлетворению потребности (и не только опыт, но и некоторые другие ограничения окружающей среды — нормы культуры, наличие ресурсов, сила конкуренции и т.п.). В соответствии с бихевиоризмом и теорией П. К. Анохина, особь или индивид закрепляет свои установки или условные рефлексы по Павлову при положительном подтверждении выбранных действий (их подкреплении). При этом не только сами действия, но и установки на действия, приводящие

к достижению результатов, укрепляются. А действия и установки на действия, перестающие подкрепляться, приводить к удовлетворению потребностей, — ослабляются. Если потребности всегда удовлетворяются в действиях, но при этом индивид не напряжен, не ищет, не преодолевает, то это означает, что результаты получаются сами собой, потребности как бы удовлетворяются без труда, активность при этом становится скучной и не принимается как интересная.

Нечто более развитое и в продолжение этих теорий вырабатывает Макклелланд.

13.2.1. Мотивы достижения и избегания неудач

"Мотив достижения" — мотивационная структура Макклелланда, которая возникает по его теории на основе опыта преодоления индивидом некоторых расхождений предварительных ожиданий индивида и полученных им результатов. Суть идеи "мотива достижения" такова: если родители могут обеспечить ребенку получение в определенной сфере его деятельности такого опыта, для которого характерны малые расхождения между ожидаемым и действительным (успешным результатом), у ребенка сформируется устойчивая модель поведения достижения. Для ребенка эта практика означает: "Я почти всегда своими усилиями достигаю желанной цели". При больших расхождениях между ожидаемым и действительным (при получении результата, который резко не соответствует плану и цели) у индивида формируется модель избегания типа "Мне почти всегда все не удается". Если расхождений между ожиданием и результатом обычно нет, то ребенок становится равнодушным к этой сфере деятельности. В теории Маслоу это означает полную определенность и рутину операции. Теперь мы это хорошо понимаем — нет напряжения, нет эмоции преодоления и нейрофизиологии подкрепления.

Мы далее будем обсуждать эти положения с одним условием. Макклелланд именует сложившиеся модели поведения "мотивами достижения" или "мотивами избегания". По С. Мадди у Макклелланда:

"... мотив — это сильная аффективная (эмоциональная — СЧ) ассоциация, отличающаяся антиципацией (предвидением — СЧ) целевой реакции и основанная на прошлой связи определенных стимулов с позитивным или негативным аффектом" (Макклелланд 1951, с. 466)., цит. по [Мадди С., с. 323].

Мы, обсуждая модели поведения, и вспомнив о терминологической небрежности предшественников, не будем такие модели, с лету, именовать "мотивами". А пока продолжим.

Давайте, попробуем интерпретировать положения теории Макклелланда. Если у нас в жизненном опыте все непредсказуемо, и мы не понимаем, не можем предвидеть, не можем, соответственно добиться желаемого результата, то такие переживания для нас — источник дискомфорта и угрозы. Если все, что мы знаем, предсказуемо и в достижении нервного напряжения и мобилизации не представляет (вспомним "День сурка"), то мы испытываем скуку. И мы мечтаем, чтобы в нашей жизни произошло что-либо неожиданное или новое. По Макклелланду большинство жаждет небольшой предсказуемости, избегает полной рутины (скуки). Кроме того большинства избегает и значительной неопределенности, значительного несоответствия наших ожиданий, таковые подводят к мысли о тщете усилий и "бренности мира сего".

У нас создается впечатление, что в изложении теории не вполне точен перевод смысла на русский язык в части малых и больших отклонений от ожиданий субъекта. У Макклелланда теория как бы оторвана от потребностей. Она относится к когниции — познанию мира и т. п. Мы, наоборот, стремимся отметить, что чистой когниции, познания, поиска информации в отрыве от потребностей в жизни и в поведении человека никогда нет. И не когниция сама по себе определяет модели поведения. Модели поведения формируют обстоятельства активности по удовлетворению потребностей. Когниции, даже стремления к научной истине, выступают как инструмент или как часть реальных потребностей человека.

Отсюда следует и критика *"отклонений в антиципации"*. Следует говорить не просто о малых или больших отклонениях в антиципациях и их реализации, а об удовлетворении потребностей, стремлений или желаний посредством активности в условиях неопределенности (малой, большой, нулевой). В промежутке между потребностью, мотивами, между антиципацией и достигнутыми целям потребностями имеется активность, деятельность. Поэтому теория мотивации Макклелланда никак не является только когнитивной, она — теория предвосхищения активности и инструментальных установок или паттернов (моделей) при удовлетворении потребностей. И фактически это полная теория мотивации. Когда Мак говорит о полном совпадении антиципации, он имеет в виду полное отсутствие сопротивления среды или полное понимание (и точное прогнозирование поведения) среды при удовлетворении потребностей. И это не просто "понимание" или "не понимание" поведения среды. При полном совпадении цели и результата без усилий — это или отсутствие собственных усилий индивида ("все само собой"), или рутинность этого поведения, рутинность, дающая стопроцентный результат. *Равнодушие субъектов к среде*

возникает именно в этом случае (“мы игнорируем то, что МОЖНО не замечать”). Совпадение намерений и результатов при усилиях означает полную предсказуемость. В этой ситуации возникает поведенческая установка, она становится автоматической и не способна создать метапотребность, см. наши схемы в Главе 8.

Примечание: Эту тему можно углублять и еще. Например, научная антиципация (предвосхищение еще не рациональное, интуитивный прогноз, прозрение) есть УЖЕ активность и удовольствие, а не просто ожидание удовольствия.

Итак, система Макклелланда — теория мотивации, которая делит возникшие инструментальные отличия и опыт индивидов условно на две части. Эта дихотомия Макклелланда (достигать — избегать и т.д.) проходит по множеству индивидов в одной (каждой) общности. Но у Макклелланда речь идет не обо всех индивидах, а об определенной небольшой их пограничной или краевой части. А большая, оставшаяся, третья, часть сообщества обладает и тем, и другим в малой степени. Например, индивид может быть прекрасным специалистом в своей профессиональной области, но иметь невротические комплексы в отношении с противоположным полом. К одному он стремится (трудоголик), а другого избегает (женоненавистник).

Таким образом, дихотомия Макклелланда является дифференциальной психологией личности. Она делит общество весьма условно на две части (например, достигающих и избегающих), а общее измерение достижения идет по спроектированной шкале от полного избегания до полного достижения. В реальности переход нечеток, не исключен весь диапазон сразу, не исключена возможность перестройки психики, ее оптимизация или наоборот, ломка психики, см. ниже, “заученный пессимизм и оптимизм” у животных. Это совершенно фантастические перспективы для психологии и социологии, особенно в обществах переходного периода. А на настоящем этапе мы оговоримся: модель Макклелланда приближенная и полезная модель, она, при ее терминологической коррекции с “мотива” на “установку”, потом “метапотребность”, потом “направленность” личности — очень важна для многих моделей макросоциального поведения и анализа.

Мы пока предполагаем, что теория Макклелланда (объекты — “мотивы” достижения и избегания) накладывается на систему Маслоу как ее развитие, дифференциация участвующих в удовлетворении своих потребностей индивидов. У Макклелланда формирование свойств достижения и избегания происходит как “ некая “когниция”. Для нас это формирование вовсе не исключает, но по большей части просто

должно предполагать социальное решение и дифференциацию индивидов на две поведенческие установки: *достижение среди индивидов* и *избегание других индивидов*. Мы не можем считать важными когнициями такие несоциальные формы поведения, как избегание голода или достижение уюта. Сама дифференциация происходит вследствие взаимодействия индивидов между собой. Значение этой дифференциации в общей социальной теории, мы можем сказать, опережая излагаемый материал для поддержания внимания читателя, очень велико. Дело в том, что такая дифференциация индивидов оказывается самим типовым социальным процессом образования социальных структур, включающих обе формирующиеся или дифференцируемые друг другом "высокие" стороны. Сам процесс есть конкуренция индивидов (ранжирование), о котором мы уже говорили.

А теперь обратимся к самой связи теории Маслоу и теории Макклелланда. Что такое "мотив на избегание"? При первом взгляде, с позиции Маслоу "избегание" отражает сформированную у части индивидов тревожность. Последняя обусловлена длительно неудовлетворенной потребностью в безопасности III. Это состояние мы можем интерпретировать как "мотив на избегание неудач" Макклелланда. У противоположной части индивидов мы могли бы фиксировать мотив на достижение как потребность в творчестве, как преодоление неопределенности в социальных отношениях. Сказанное может быть представлено схемой, см. рис. 13.1.

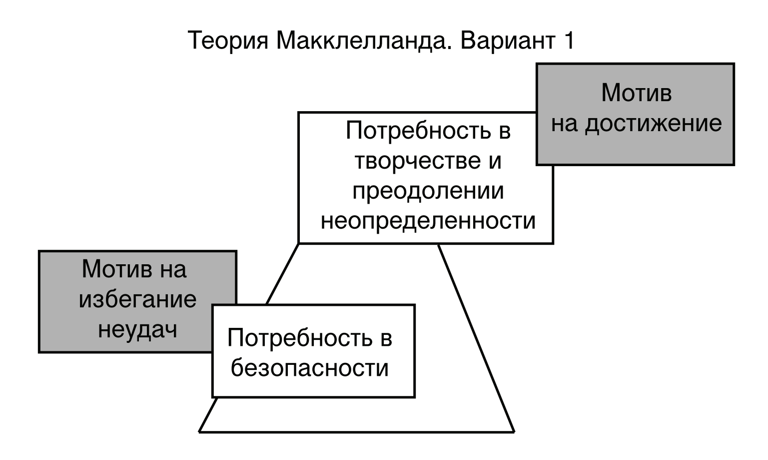

Рис. 13.1. Экспресс-гипотеза по поводу места теории Макклелланда на поле иерархии Маслоу

Однако и то, и другое предполагает, что все низшие потребности у индивида в предварительный предыдущий период рассматривались как уже удовлетворенные. И это не соответствует истине, особенно “мотиву” на достижение, если считать не удовлетворенной потребность безопасности III.

Проблемы у Макклелланда и с пониманием “мотивов”. Он применяет свои “мотивы” к неупорядоченному списку потребностей Маррея, см. раздел 4.2. — но ко всему. Во многих случаях под мотивом Макклелланд понимает абстрактный мотив индивида. В общей системе мотивации такой подход подразумевает формирование некоей “направленности”. С другой стороны система, содержащая произвольные, по любым потребностям, антиципации (предвосхищения) индивида, повисает в воздухе. Теория создает ощущение произвольных планов, ожиданий и действий.

Мы собираемся поставить теорию Макклелланда на базу теории потребностей Маслоу и на основу результатов, полученных нами по мотивационным структурам. В этом случае теория Макклелланда теряет свою исключительность и становится упорядоченным подмножеством в общей теории.

13.2.2. Избегание неудач в свете структуры Маслоу

В случае избегания неудач по Макклелланду мы можем в порядке гипотезы предположить сформированную направленность личности “на избегание неудач” относительно удовлетворения всех потребностей. Инструментальное поведение такого рода возникает при удовлетворении любой потребности (при условии, что индивид поднимается по своей лестнице потребностей).

Теперь эту гипотезу мы промоделируем по уровням потребностей. Действительно, представим себе, что у ребенка в активности, пусть то будет игра, учеба или отношения со сверстниками, не ладится буквально все. То, что ждут родственники от ребенка, и что он сам хотел бы получить, у него решительно не получается. По каким причинам? Если бы сам ребенок это знал, то он бы исправил. Но по факту отсутствия успеха исчезает и желание исправить, и уверенность, что это возможно! Человек не желает неосуществимого!

Как выглядит мир для неудачника? Страшным, непредсказуемым, непреодолимым! Антиципация складывается в ожидание неудачи или даже, наоборот, уверенности, что “из этого ничего хорошего не выйдет”. Это уверенность полной неудачи. Следовательно, мир непред-

сказуем и потому не управляем. Или я слаб относительно мира! Или мир силен относительно меня, и его законы сильнее меня! — Это тавтология. Я опускаю руки. Кто виноват, уже не имеет значения. И тогда мне следует действовать на преодоление активности мира — его надо опасаться, искать пути максимального обхода, избегания опасностей и стихии мира. И я это сделаю в технологии минимума активных действий и максимума предотвращения действий мира, уклонения от его, мира, стихии.

Самое интересное, что это, как правило, философский взгляд только пессимиста, но вовсе не неудачника. Если бы у человека ничего не получалось, то он давно бы погиб. В реальности он вполне сносно существует. Даже сама возможность его жалоб на жизнь означает уже приемлемое существование (потребность общения). Человек добивается каких-то успехов, но чаще именует их случайностью — не относит к собственным достижениям. Такой человек всегда увидит стакан наполовину пустым, но никогда — наполовину полным!

13.2.3. Уверенность неудачи и “выученная беспомощность”

И в крайней форме восприятия — делать ничего не надо — полная безысходность. Я буду уклоняться от ударов судьбы, а в предельном случае от опасности мне не уклониться. Например, поведение заключенных в фашистском лагере, в финале фильма “Серая зона”: заключенные евреи, восставшие и усмиренные в лагере смерти, лежа лицом вниз, прощаются друг с другом, пока к ним не подходит охранник и не убивает их выстрелом в затылок. Это состояние беспомощности прекрасно моделирует на собаках Селигмен в своей работе “Беспомощность: о депрессии, развитии и смерти”. Ей посвящен отдельный раздел ниже. Феномен безысходности был именован “выученным пессимизмом”. Мартин Сэлигмен [Seligman M.] и позже В. С. Ротенберг [Ротенберг В.С., 1982] своими экспериментами показали процесс приобретения беспомощности. Беспомощность сопровождается пассивно-оборонительным состоянием, складывающимся из пассивности и безынициативности с выраженной тревогой, сниженными мотивацией и продуктивностью деятельности, сопровождается рядом физических и психических нарушений, [Тхостов А.Ш.].

Так ведут себя в жизни и люди, неуверенные в себе, которые полагают, что от них в жизни ничего не зависит. Такому поведению соответствует и распространенная философия “жизни одним днем”, см. [Четвертаков С. А., 1999, с. 186]. Невозможность планировать свою

жизнь и дело эквивалентно невозможности минимально сложных стратегий в несколько шагов. Оно же соответствует лагерному мышлению, не более, чем в один шаг. Более сложное и “многоходовое мышление”, длинная логическая цепочка кажется утопией, маниловщиной, интеллигентской мечтательностью и растратой сил.

Возможно, к этому же проявлению исторической беспомощности следует относить и аналогичные речения конденсированного деспотическим прессом ранних государств народного опыта в прошлом. Например, “бог дал — бог взял” или “алла берса — хдуа холосса” (“если бог даст, если всевышний захочет”). Это рождено за многие сотни лет в христианском и в исламском сельском мире времен патримониальных (по Веберу) или точнее дофеодальных, имперских режимов. Предсказать произвол (в реальности, эмоциональное “творчество” имперских элит) действительно возможностей мало.

К тревожности от непредсказуемого поведения (патримониального) государства — по гипотезе автора этих строк — следует относить **отчуждение от труда** (alienation) в самодеятельных профессиях (сельское хозяйство, ремесло и т.д.). Позже капитализм позволяет вполне творческое поведение в вышеприведенных отраслях, которое ограничивается кризисами, появление которые отдельная личность в рамках рынка понять не способна, но (начиная с мануфактуры) капитализм привносит новую причину отчуждения — рутинность труда.

В модель поведения с установкой на избегание неудач важным компонентом, по мнению ряда специалистов, входит состояние выученной тревожности, которое ситуационно может дополнять генетическую личностную тревожность индивида. (К. Спилбергер совместно с Г. О’Нейлом, Д. Хансеном). Личностная тревожность, несомненно, может быть врожденной чертой, она, вероятно, имеет в организме человека определенные нейрохимические и гормональные особенности. Мы можем допускать, что этот фон усиливается при реальных обстоятельствах — тревожных ситуациях и состояниях стресса. Если обобщить такую “сумму стрессов”, применяя ее к любым потребностям как мировоззренческий подход, то можно определить результат как направленность такой личности. Именно в этом смысле можно понимать установку Макклелланда на избегание как *потребность* избегания “тревожности”. В языке теории Маслоу это звучит как достижение потребности в безопасности — номер безопасности — любой по ситуации — I, II, III. Другими словами, у Маслоу, депривация безопасности в данном случае становится характерологической психологической и даже мировоззренческой чертой личности, поддержанной на нейрохимическом, гормональном уровне. Мы также можем предполагать,

что такой фон можно корректировать медикаментозно и с помощью психотерапии и желательно реформированием окружающей среды, круга общения (что сделать в жизни очень трудно).

Но когда мы говорим о ментальности — историческом опыте и философии жизни поколения, мы определенно исключаем такой фактор из генетической природы и относим его к культуре, передаваемой подросту старшими поколениями и внешней средой.

13.2.4. Потребности Маслоу в случае избегания неудач

Давайте вместе пройдем по иерархии потребностей Маслоу, имея настрой на “избегание неудач”.

Потребности физиологические. Если опуститься на биологический уровень, то индивид с мотивом избегания (в городе) пойдет на помойку или, с меньшей вероятностью, будет просить подаяния. Он пропустит момент необходимости получения работы или учебы, рассматривая это как слишком сложный (и недостижимый) путь.

Потребность в безопасности. Если малышу трудно что-то сделать по дому или даже в игре, если отец заметил много недостатков в поделке ребенка или в построенной им модели — тогда у ребенка пропадает интерес. Его теперь подавляет тревога перед будущими замечаниями отца, и удовольствие от работы исчезает, ведь раньше оно было просто удовольствием или даже ожиданием родительских похвал. Домашней работой парня больше не привлечешь. Еще пример. Если молодой человек ждал высокой зарплаты от первого труда с самого начала (а завышенные начальные ожидания у молодежи в России — типовое явление), а получил мало, его интерес пропадет и, возможно, навсегда. Зарплата всегда будет казаться малой. Работа без удовольствия будет идти ни шатко, ни валко и от сих — до сих. Это человек X в системе Мак-Грегора, см. ниже. И всегда такой человек будет первым кандидатом на увольнение при кризисе или сокращении. Это неудовлетворенная потребность в безопасности, инструментально превращенная в состояние “работа не волк — в лес не убежит” или “всего не переделаешь”.

Короче, человек начинает *избегать работы*. Для личности — это трагедия. Например, русский крестьянин (а до него многие другие земледельцы цивилизаций Востока) естественно сформулировал свой тезис: “не высовываться!” Да, государство и его чиновник многие сотни лет различными способами извлекает у него результаты труда, не оставляя излишка. Оно уничтожает и унижает всех, кто несколько пре-

высил свой уровень над обычным уровнем, раскулачивая, облагая высоким налогом, сжигая, даже, амбар или травя скотом посевы фермера. Переложенный на язык производства этот тезис означает, что смысл имеет лишь собственное приусадебное хозяйство — огород, натуральное снабжение. Вспомним, финансиста-философа Сороса: "государство как фактор непреодолимой силы для переходного общества".

В этом разделе мы говорим сразу обо всех потребностях безопасности I, II, III. Обычно, если в части тревожности что-то не ладится, то сразу во всех аспектах. И в песочнице в драке не отстоять свою игрушку (I), и на работе не радостно (II), и начальство не оценит (III).

Потребность в любви и принадлежности. Что это означает для юноши, робкого с девушками? Одна-две неудачи в контакте, даже вербальном, и насмешки приятелей — невроз, избегание новых контактов (неудовлетворенная потребность в любви, принадлежности). Или попытка грубого преодоления с опасностью превратиться в маньяка. Мотив избегания может включать вздохи и взгляды на предмет обожания. Крайние формы — это записки или серенады под окном. Тогда предмет воздыхания должен проявить некоторую изобретательность в завладении субъектом, следующим мотиву избегания. Скорее, предмету или объекту любви рекомендуется срочно обзавестись мотивом достижения.

Потребность в общении. Неудачи со сверстниками, и он не привык общаться со сверстниками, постоять за себя, побежать за обидчиком, отплатить за мелкую обиду. Отсюда общение по минимуму, чисто формально. Лучше иметь любимое дело и желательно, чтобы оно как процесс не зависело от других людей. Общение может полностью перейти в плоскость виртуального, для чего не обязателен компьютер, а достаточно книг и библиотеки, науки, или в женских руках шитья, приготовления пищи, ухода за детьми.

Потребность уважения или безопасности III. Человек, получивший модель "избегания" на всех уровнях ниже, уже будет достигать уважения в группе пассивным путем, уходить от персональной борьбы доминирования и за статус, выполнять минимум действий для сохранения лица. В реальности такой человек уходит от дискомфорта, стресса, сопровождающего подобную борьбу. Вероятно, он имеет шанс добиться некоторого уважения от окружающих или самоуважения. Но это будет выполнено через собственные действия, которые не требуют конфронтации. Это могут быть и действия, не вполне ясные часто окружающим, за результаты которых такой человек уважает себя сам, и тогда через самоуважение он выглядит "уважительно" и в обществе остальных. Есть и другие варианты. Такие люди могут эффектно и с помпой выполнять действия, которые принципиально не

встречают противодействия — например, льстить начальству. Иногда незначащий человек в порядке компенсации поднимает свой статус в принадлежности[40] к важной референтной группе, или публично демонстрирует свою сопричастность Родине, или просто проявляет себя в поддержке значимой фигуры — он не один — он "сторонник того...", "участник...". Кстати, прекрасный образец дает поведение самых слабых в стаде обезьян в момент борьбы вожака с ближайшими конкурентами за первенство. Именно низы, самые нижние самцы, самки и детеныши нападают вместе с вожаком на самцов второго уровня в момент "разборок" между ведущими самцами. Это единственный шанс низов (безопасно) поднять свой статус.

То же случается и в социуме. Именно социальные низы общества нередко видят в той или иной национальности, или в угрозе "извне" угрозу их "культуре". Избегание неудач — превращается в борьбу с теми, кого травить не страшно, кто не может за себя постоять по иным причинам или в символические обряды борьбы "за чистоту...". Неудачник может стать деспотом, насильником и маньяком — была бы беззащитная жертва с одной стороны и символический покровитель с другой. Жертвами случаются диаспоры, иммигранты, "гнилые интеллигенты" и остальное в этом духе. Это ли не избегание неудач на ментальном уровне субслоя дна. Символическая агрессия замещает реальный страх, см ниже об агрессии.

Потребность в творчестве. Если индивид в процессе обучения несколько или много раз не справлялся с учебными заданиями, то на будущее он начинает избегать сложных задач, избегает думать о сложных логических структурах (чтоб не расстраивать себя будущей неудачей), пытается решать проблемы по минимуму усилий, прагматически, на один шаг вперед. Иногда, как показывают социальные эксперименты, такие люди сознательно берут настолько сложные задания и задачи, чтобы не подвергаться критике за слабость. Не одолеть сложное — кто же осудит?! Если такой человек оказывается в науке, то из него получается обычный или даже хороший преподаватель, но

---

[40] Оговорка наводит на мысль, не является ли потребность принадлежности ребенка и всякого слабого и инфантильного человека еще одним уровнем потребности в безопасности выше уровня I и ниже уровня II. Желать принадлежать к кому-то, чтобы не отвечать за свое материальное обеспечение! Эта стремление принадлежности как требование доступа к материнской груди, если не матери-семьи, то социальной группы или Матери-Родины. Отсюда возможна модель патернализма идеологий и инфантилизма масс, "причастности к великим делам", "растворения в коллективе" и т. п.

только для сфер, которые уже хорошо проработаны и имеют развитую теорию. В слабо разработанных теориях или при научных спорах такой индивид будет перечислять со знанием своего дела (вложенного труда в освоение чужих идей) все решения и идеи, существующие до него, и бороться с любыми новациями на формальной основе старых уже освоенных материалов и идей. Его судьба быть научным консерватором, нести функцию, которая, в общем, тоже полезна в определенных дозах в науке и в научных спорах. Проблема только в количестве таких людей и в размерах их научной власти.

Есть еще один аспект — в силу слабости творческих данных таких людей от их поведения ничего, кроме формальной защиты, ждать не приходится. При избегании творчества в науке механизм ее функционирования определяется потребностями ниже (уважением — статусом) и общением. И это не только практика и рабочий уровень потребностей таких людей, но это и вывод в соответствии с теорией Маслоу. Но тогда даже защитить старое и свое собственное такие люди не в состоянии — они предпочтут отсутствие дискуссии опасности всякой дискуссии. Дело и в том, что качественная (логическая) защита старого от множества информации типа белого шума также требует интенсивного творчества (к сожалению, расходуемого вхолостую). А уж признание новых результатов авторитетами в науке требует того, что именуется совестью, пока практика не взяла новые результаты на вооружение.

Поэтому избегание научного развития, творчества — это вариант Макклелланда для потребности творчества в его “мотиве избегания”. Если власть напугала науку, то, вероятно, для ее развития следует заново создавать Академию наук, проводить “люстрацию” в науке, но, главное, отделить науку от властей, организационно и в бюджете.

Мы прошли потребности Маслоу с позиций “избегания неудач” и обратимся к мотиву достижений.

13.2.5. Достижение или преодоление в системе Маслоу

Индивид привык добиваться удовлетворения потребностей по мере их появления. Он уверен, что следующие проблемы он сможет разрешить собственной активностью. До этого момента индивид уже накопил опыт в том, что конкретные нужды (и низшие, и некоторого промежуточного, а, возможно, и высшего уровня) он смог удовлетворить. У него возникла сначала *установка добиваться* (при малых отклонениях, а возможно и при любых отклонениях — так показывал его опыт)

удовлетворения потребностей. “Любой” уровень — это в реальности вовсе не любой, а тот, который индивид интуитивно ощущал как преодолимый. На основе положительного эмоционального подкрепления у него формируется *стремление “преодолевать” трудности* при достижении любой потребности. Этот “мотив” на достижение (неверный термин) как установка удовлетворять любые потребности преодолением трудностей — оказывается поведенческой установкой личности. Это инструментальное удовольствие или инструментальная форма (установка) поведения: настойчивость и стремление к преодолению, напор.

Потребность ли это? Метапотребность? Можно предполагать, что цель и процесс здесь тесно связаны, мы не уверены, что процесс для индивида важнее цели, хотя проблема скорее не в цели, а в особенностях ее достижения. В общем случае такой индивид не может быть удовлетворен чем-либо, не может просто находиться в состоянии покоя. Поэтому мы можем считать такую надстроенную метапотребность процессуально-целевой, когда речь идет об удовлетворении одной потребности Маслоу.

Предположим, что индивид привык добиваться успеха или первенства среди детей в яслях или на детской площадке, потом в школьной группе. Но с взрослыми в семье у него не ладится. Тогда возникают сферы успеха и неуспеха — в общении, уважении и т.п. Результат не будет искомым для нас. Мотив на достижение не достигнут “во всем”. Но тогда это и не “мотив на достижение” по Макклелланду. “Мотив” не получает общего характера. Мы имеем обычную ситуацию, когда индивид конкретен в своем поведении “по ситуации”. Но это не конкретность в области инструментальных действий (речь не идет о выборе яхты, гольфа или лошадей) — это конкретность на перечне потребностей Маслоу (безопасности II, любовь, общение, уважение, творчество).

На поле инструментальных действий мы имеем мощное развитие *разделения труда* и успех. Такой человек будет с удовольствием делать любимое дело и нанимать и оплачивать услуги для удовлетворения иных потребностей.

В области потребностей Маслоу избегание и неуспех в удовлетворения одной потребности будет всегда мешать реализации всех остальных — вышестоящих. Мы близко подходим к представлению, что дефект в сфере потребностей ведет к невозможности сформировать и полноценное “стремление преодолевать трудности”. При глубоком исследовании личности его дефекты в системе потребностей могут мешать развитию, а иногда даже и быть, наоборот, источником развития для компенсации дефектов, представляемых личной драмой (как пример, можно привести популярный в России фильм “Москва слезам не верит”).

Следует сказать, что в модель поведения “на достижение” или “на преодоление”, сформированную опытом, входит не только само стремление к достижению, но и врожденное или приобретенное качество мышления и, вероятно, самое главное, упорство — настойчивость повторять усилия вплоть до получения результата. Мы не можем здесь (подобно тревожности, см. выше) отделить биологическое, наследственное от наученного. В любом случае это может быть сформировано в первые месяцы или годы от рождения. Автор считает, что роль экспериментов именно в таких моделях может дать чрезвычайно много. Автор не исключает, что настойчивость можно искусственно воспитать, но индивидуальный тренинг, его параметры могут оказаться чрезвычайно сложными. Во всяком случае, к мотиву достижения (особенно в развитии властности, см. ниже) упорство относится напрямую, и возложить его на обучение — когнитивный диссонанс, отделить его от естественных психофизиологических или гормональных данных — пока не представляется возможным.

Потребности физиологические. Голод. Индивид с установкой достижения начнет работать за чашку супа, будет мыть полы и станет лучшим в бригаде уборщиков. Потом он создаст профсоюз уборщиков мусора, устроит демонстрацию за повышение оплаты труда, создаст и возглавит политическое движение и даже получит финансовую помощь от..., возможно даже постепенно обзаведется домом, престижной машиной, собранием сочинений “Как мы боролись за...”. С этим же свойством, но в иной субкультуре он начнет не просто просить, а упорно вымогать, потом вымогать с угрозой в голосе, затем займется грабежом и разбоем на улице или создаст преступную группу, возглавит политическое движение и т.д., см. выше (шутка!).

О безопасности. Установка достижения влечет заботу о деньгах, жилье, выгодах, учебе, карьере или отстаивании прав, далее, см. выше о демонстрации и т.д.

О любви и принадлежности. Установка достижения включит прямой физический напор — знакомство с предметом вожделения. Затем наступают интенсивные ухаживания в формате “не давать проходу”, “отшить всех ухажеров”, пригрозить или испортить внешний вид конкурентам. Далее “задарить подарками”, удивить выходками в форме “большой любви”, например, количеством роз в букете, добиться признания, что предполагает обеспечение всех нижележащих потребностей предмета вожделения и вышележащих, какие у предмета имеются (уважения — почти всегда). Принадлежность возникает еще у ребенка, и, вероятно, связана с реципрокацией, мягкостью родителей. Добиваться уступок от родителей своим упрямством — это прямой путь

развития достижения (успеха) сначала у родителей, потом в общении и т.д.

Общение. Установка достижения в общении имеет тенденцию быстро переходить во властность. Добиваться встреч и возможности говорить с человеком, которому это неудобно или у которого нет времени. Назойливые журналисты и папарацци из этого класса. Из наших современников мастером этого класса и многих других был Борис Абрамович Березовский.

Уважение — безопасности III. При установке достижения индивид борется за власть, за уважение с колоссальным упорством. В биологии отмечено, что в борьбе за статус в стаде, и за самку побеждает не самый физически сильный самец, а самый упорный и настырный. Как мы понимаем, сильный физически и в нервном плане экземпляр или особь (в природе) уступает не потому, что слаб, а потому, что ему надоедает возиться с настырным конкурентом (в смысле, "противно"). Как говорится, факт — "вещь упрямая". Например, в общении требование уважения означает — занять все внимание общества, быть первым или почти первым, занять время обсуждения медленными речами с повторами, не давая ответить оппоненту. Человек, который говорит дольше, воспринимается психологически для тех, кто не обращает внимания на смысл сказанного, как сказавший больше. Психологических приемов борьбы с оппонентом много, но это не наша тема. Психология генетического уровня и символики здесь играет много большую роль, чем знание.

О творчестве в науке. Мы, пожалуй, готовы были бы считать установку достижения в науке самим творчеством, но примеры этой сферы, приводят к печальному, более скромному прогнозу. Активность достижения может вполне оставаться на уровне формирования степеней, борьбы за должности или борьбы за оформление рукописей для научной публикации. Формально мы могли бы отнести всю не истинно научную деятельность к разряду борьбы за уважение и самоуважение (престиж, статус). При такой оговорке (сдвиге вниз на уровень уважения всего остального как фальшивой науки) мы, действительно, ВСЕ ОСТАВШЕЕСЯ НАВЕРХУ можем интерпретировать как истинный поиск истины и как мотив достижения в науке, в знаниях. Мы, кроме того, уже сделали оговорки о консерватизме как доминанте слабых, о мотиве избегания в науке. Поэтому мотив достижения оказывается в науке чистым творчеством. Только теоретически мы можем представить себе человека, который сначала добился в науке уважения (высокого статуса), а потом только начал творить. Такого быть не может — скажет читатель! Мы согласимся. В реальности творить начинают еще на уров-

не аспирантуры люди науки тогда, когда их статус не высок, но когда они НЕ ОБРАЩАЮТ В СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ НА ЭТО ВНИМАНИЯ (потребность статуса удовлетворена). Но тогда весь успех их работы определяется школой, в которой они работают, и которая не должна бояться нового! Роль школы в развитии ключевая. Если школа консервативна, новые ростки науки начнут "пробиваться" на свободном месте! Как мануфактуры вне стен городских цеховых ограничений.

13.2.6. Достижение и избегание в научном творчестве

Мы можем теперь уточнить понятие "избегания" в науке, исключив из него мотив истинной борьбы против профанации, политизации в науке (типа лысенковщины и верхоглядства). Избежать (уйти в скорлупу от...) чужих заблуждений или профанаций в науке нельзя, оставаясь честным в науке. Единственное исключение — костры инквизиций и в наше более гуманное время — отлучение уже не от церкви, а от занятий наукой. Такое исключение, компенсированное антиповедением, ныне именуется конъюнктурой.

Итак, научное творчество и установка достижения (преодоления) эквивалентны друг другу. Установка на избегание в науке и творчество как потребность взаимно исключаются. Но поведение избегания фактически имеет место и в мире творческих профессий, в науке, в частности.

Не вызывает сомнений, что поиск истины в такой системе как социология много более труден, чем в биологии или в точных науках. Именно поэтому кажется странным нынешний и не менее, чем "Божий мир" (Peace of God), или "мир избегания" в XX-м столетии среди разрозненных и мультипарадигмальных вотчин социальных наук, что по Макклелланду означает недостаток борцов "на достижение". Этот недостаток проявляется даже в самом начале таких наук, в самом "слове", в терминологии. Словотерпимость как всеядность, нечеткость как норма, многосмысленность и многозначность, дозволяющая разговор слепого с глухим. Без критики и попытки добиться единого взгляда. Все говорят и никто никого не слушает, хотя строят одну башню науки. И не будет ли эта башня второй из башен такого рода?

Именно в гуманитарных науках столько нечетких истин и определений, что мы взяли эпиграфом к книге мудрое изречение Маслоу. Его суть: неоткрытые истины ты будешь открывать сам, и это не страшно; опасней другое — если ты бесконтрольно и без анализа примешь все предшествующее в своей науке, а возможно и в соседствующей и на-

чнешь использовать, не проведя эти знания через свой опыт. Это не важно в естественных науках, где есть твердые основы многих знаний — это важно в гуманитарных науках.

Терпимость к многозначности или нечеткости суждений в науке или политкорректность, почитание возраста, титула или общепринятых суждений, не имеющих почвы, — это очень плохо. Пока исследователь растет и делает карьеру, он вынужден нарушать логику и смысл, не желая критиковать старые формы. Когда он становится "маститым", за ним следует уже шлейф собственных работ, которые он должен дезавуировать, если собрался делать "революцию в науке". И потому политически корректный быстрый карьерный рост и избегание критической работы в начале творчества означает гарантию ее отсутствия и в будущем. Если нет школы, то потом ее не создашь! Если был порученцем или денщиком при генерале, то став генералом учиться побеждать поздно!

Дополнение к мотиву избегания. Создается впечатление, что творчество "почти" несовместимо с избеганием. Дело в том, что результат творчества следует всегда выносить на суд общественности, но при этом начинается контакт индивида с внешним миром, который такой индивид стремится избегать. Для талантов или даже гениев с таким недостатком это означает только нишу посмертного признания. И такое нередко случается. Эта ниша чаще образуется в сфере художественного творчества и в тех областях, где возможно творчество индивидуальных форм. Такие индивиды не способны пробиться в сфере реальных "жизненных" отношений, где, как принято говорить, "надо уметь вертеться", см. выше об уважении, "противно". Это может быть не просто страх контактов, а отвращение к необходимости приспосабливаться или отсутствие желания тратить время на неинтересные вещи (и вещи, которые у тебя плохо получаются). Но это означает одновременно и плохую адаптивность. А возможно, это и некий уход в сферу собственного творчества как равнодушие к сферам жизни, в которой необходимо приспособление к обыденным интересам оппонентов. Такое состояние, несомненно, следует считать негармоническим, если не патологическим. НО оно в такой же степени негармонично, как негармонично общество, если оно не замечает нового или озабочено дележом статуса, а не знаниями (когда потребности исследователей не доросли до творчества).

В любом случае следует помнить завет Бронислава Малиновского о том, что "всякая точка зрения, этическая система или величайшее техническое открытие для культуры не существует, пока они ограничены разумом одного человека" [Малиновский Б., 1999, с. 51]. Появление

Интернета и “заявительного” характера в науке несколько ослабляет этот дефект. И, тем не менее, дефект объективен и делает риск утраты достижений очень большим.

13.2.7. Первые итоги анализа достижения и избегания Макклелланда

Таким образом, в первом приближении идеи Макклелланда накладывают на иерархию потребностей Маслоу *установки личности на активное действие* или на избегание активного поведения (установку на оборону, защиту от воздействий среды или конкурентов. Их Макклелланд именует “мотивами”. Сам Макклелланд наложил свою систему на множество (до 40) потребностей Г. Маррея, которые мы сгруппировали в реконструированную систему Маслоу.

Макклелланд предполагал широкое применение своих “мотивов” в самых различных областях жизненного опыта, включая историю, социологию, а также ментальность народов и отдельно социальных и профессиональных групп (мотив достижения у бизнесменов и т.п.). Мы продолжим наш анализ идей мэтра.

13.2.8. Установка на..., метапотребность или направленность?

Когда мы пытаемся представить себе обобщенно единообразный тип поведения человека при решении любых проблем, а это именно такой случай, мы обязаны предположить, что действия в определенном типовом ключе носят характер психологического, а не мотивационного уровня. Достигающий и уступающий тип поведения — это и с учетом нашего нейрофизиологического экскурса в предшествующем материале — генерализация двух типов характера, которые поддержаны нейрохимически и нейрогормонально. Заставьте человека повести себя (имитировать) противоположным образом — и вы нанесете ему огромную психологическую травму. Поэтому установка на преодоление есть не просто инструментальный, не мотивированный подход к решению проблемы (осознанный рационально) — это нейрофизиологическая настройка психики человека к решению всех проблем. Если мы возвращаемся к формированию такой обобщенной метапотребности, то такая настройка означает получение удовольствия от преодоления некой проблемы в первый раз. Затем получение удовольствия возникает при преодолении другой проблемы в иной предметной области. Затем индивид получает удовольствие от пре-

одоления всех встречных проблем, и, возможно, далее ищет новые проблемы для их преодоления.

Так мы выходим на видение установки на достижение как на *метапотребность*. Тогда метапотребность достижения есть некое обобщение инструментовки или мировоззренческого и поведенческого отношения к жизненным проблемам и ко всем потребностям. Метапотребность удовлетворять потребности мы пытаемся обобщить как направленность личности “преодолевать проблемы”. Вывод, который можно сделать по поводу установки на достижение может быть таким: это направленность личности на творчество при удовлетворении любой потребности. Она же выступает как собственно потребность творчества, приложенная к любой возникающей (с препятствиями к удовлетворению) потребности. Или, иначе, индивид в каждой своей потребности ищет творческую сторону ее удовлетворения. По Макклелланду это “генерализация” (обобщение) инструментального подхода к удовлетворению любых потребностей, выработанного собственной практикой и опытом. Понятие упорства, как и тема интенсивности потребности или его мотива, а также “воли”, не рассматривается в системе Маслоу и потому опускается. Впрочем, упорство можно рассматривать именно как проявление установки на достижение. Индивид настолько уверен, что преодолеет проблему, запрет, трудность, что “лезет на рожон”, “не мытьем так катаньем”. Если проблема не решается, то иногда она таким напором “снимается” или “уничтожается”. Таким образом, мы приходим к финальному пониманию “достижения”. Сформированное в удовлетворении каких-то потребностей удовольствие от преодоления — образует метапотребность, которая опирается не на одну, а на все и любые возникающие потребности. Само это удовольствие и есть метапотребность. Естественно — это и творчество преодоления неопределенности и сопротивления среды. Естественно творчество возникает, когда в прошлом “все хорошо”, и личность проходит успешно свой путь по лестнице Маслоу. А обобщение и витальная экспансия — это и есть направленность. Но она особая — все базовые потребности — предмет для мета активности — личность все делает с таким напором (и творчеством, и удовольствием), что добивается буквально всего.

Иначе реконструируется в системе Маслоу мотив на избегание. Это такое обобщение поведения личности (ее инструментальных, т. е. поведенческих, установок), в которой все потребности в системе Маслоу (кроме творчества) реформируются в потребность в безопасности индивида всех уровней вплоть до их минимального удовлетворения или даже снятия и отказа. Нередко это доставляет и удовольствие с ощущением удовлетворения в духе “а как бы чего не вышло”. Конеч-

но, ни направленности как обобщения метапотребности, ни самой метапотребности, мы здесь видеть не должны. Данные выше определения заставляют нас корректировать наши ошибки по этой теме 2004 г.

Промежуточный результат анализа дает следующую картину, см. рис. 13.2.

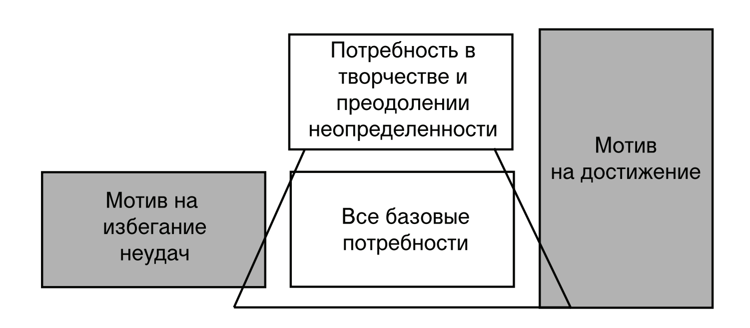

Рис. 13.2. Система достижения и избегания Макклелланда, наложенная на структуру Маслоу. Вариант 2

Потребность в безопасности — это генерализация "фобии опасности". Но что это? И дает ли это облегчение? Единократно удовлетворяется потребность в безопасности. При многократных действиях возникает установка — автоматический отказ от опасных действий в духе перепрыгивания крысы через ограду не только при звонке, но и вообще в зону, где удара тока никогда не было. Подкрепление существует — это символическое подкрепление безопасности. Индивид старается не создавать проблем, а если они уже возникли, то не решать их или снимать их. Совмещение рис. 13.1 и рис. 13.2 возможно при решениях, изображенных на третьем рис. см. рис. 13.3.

Если обращаться к окружающему нас миру, то обсуждение направленности на избегание напоминает нам некоторые черты окружающего нас общества: "Не решать до конца", "Не договаривать до конца". "Не лезть на рожон", "Не высовываться". Но и "торговать — не прилично", "заниматься производством — вульгарно". В некотором смысле эти черты восходят еще к дворянскому прекраснодушию, основанному в русской культуре второй половины и конца XIX века с помощью пореформенных выкупных платежей, что хорошо видно, например, по

Теория Макклелланда и теория Маслоу

Направленность на достижение

Метапотребности
Новизны и поиска неопределенности

Уважения и безопасности III
Общения
Любви и принадлежности
Безопасности II
Физиологические
Безопасности I

Установка на избегание

Рис. 13.3. Система Макклелланда, наложенная на структуру Маслоу. Общий результат

пьесам Чехова" "Чайка" или "Вишневый сад". Прекрасномыслие и высокая духовная культура, основанные на довольстве жизни с землей и с государственными ценными бумагами у целого сословия, можно сказать, элиты, в продолжении целых сорока лет (1861–1905). И в отрыве от реальной жизни. Это огромное поле для социологии и социальной психологии для понимания последующей трагедии, и для сравнительной психологии между различными нациями и народностями.

13.2.9. Мотивы аффилиации и страха быть отвергнутым

"Мотив" аффилиации по Макклелланду. Вероятно, ряд людей легче входят в контакт и меньше других стесняются в начальный момент, начинают получать чрезвычайное удовольствие от общения, нежели от иных форм деятельности, Кроме того, в различные периоды развития человека потребность общения имеет различное значение для личности.

Альтернатива — *мотив отвержения*, продолжает установку избегания неудач, но примененный к потребности в общении, это "мотив избегания неудачи в общении" (отвержения).

Можно резюмировать, что *установка на общение* (мотив аффилиации) является установкой достижения, но в сфере единственной потребности в общении. Это установка достижения (сугубо) общения. Это метапотребность аффилиации (радостного общения). Возможно, она накладывается на любые формы деятельности и любые потребности (есть, чтобы общаться, идти в школу, чтобы общаться, любить, чтобы общаться и т.п.). И тогда это может быть *направленность на общение*, базирующаяся на всех (базовых) потребностях.

Установка на отвергание (одиночество) — это нечто вроде сформированной потребности уровня безопасности специально для избегания общения. Это фобия (страх) общения. Конечно, она образована неудачами в общении. Фобия — это индивидуальный страх, и только в этом смысле он “мета”. В общем случае фобия, хотя она надстроена над обычным страхом, но она не требует достижения всех потребностей. В этом смысле страхи и фобии не являются метапотребностями. Однако, все фобии, кроме начальных генетических страхов, индивидуальны. Индивидуальные страхи и отвращения вообще могут быть надстроены и над отдельными элементами физиологических потребностей и любви и принадлежности, короче, над любой из базовых потребностей вплоть до новизны и неопределенности. Логично отнести их к классу патологий и исключить в данном рассмотрении.

13.2.10. Мотив власти

Макклелланд, продолжив мнение Г. Маррея о стремлении к власти, выполнил еще одну теоретическое построение — он сформулировал “мотив власти”. Для нас очень существенно соотнесение “мотива власти” с иерархией потребности Маслоу.

Под властью понимается обычно предпочтительное распоряжение индивидом ресурса (власти), который является ограниченным (дефицитным) для остальных индивидов. Естественно, монопольное распоряжение ресурсом дает преимущества, пользу владельцу или распорядителю.

Мы установили, что в системе Маслоу, реконструированной нами, проблему контроля и конкуренции ограниченных ресурсов отражает инстинктивная потребность уважения или безопасности III. Опасность или угроза должна вызывать активность агрессии или альтернативно реакцию защиты.

Ресурсами власти могут быть: политическая власть как право распоряжаться другими людьми и ресурсами от имени общества; собствен-

ность, финансовые средства, информация и даже престиж или харизма как источник власти.

Существенно, что “мотив власти” или, мы скажем, сначала установка добиваться власти, складывается у индивида опытом и научением, и в этом Макклелланд совершенно прав. Он прав также в том, что установка на власть является частным случаем установки на достижение. При этом мы просто подставляем к слову “достижение” слово “власти”. “Мотив власти” — это приобретенная “установка достижения власти” или специфическое приятное для индивида приложение мотива достижения к достижению власти именно над другими людьми. Нюансы различия установки на достижение и установки на власть существенны. Установка на достижение служит удовлетворению любой потребности индивида через общение людей, но цель все же удовлетворение этих потребностей. Предметом установки на власть является специфическая потребность уважения или безопасности III, подчинение своей воле, своим интересам других людей, психологическое подчинение людей как самоцель. Это не средство реализации других потребностей. Это самоцель в рамках достижения потребности безопасности III. И, конечно, процесс подчинения, преодоления является творчеством, интригой, преодолением неопределенности, психологического слома оппонента, преодоления его воли своей волей. Это преодоление и вызывает у некоторых людей волнующий азарт. В отличие от чисто инструментального подчинения в фирме — ради прибыли, ради достижения технической, военной, политической цели в организации “мотив на власть” есть установка на творчество в достижении власти над конкретными людьми. Личность этого типа будет добиваться власти везде, где возможно и интересно (есть на это время), над коллегой, девушкой, будущей женой, над ребенком, соседом и т.п. И завоевание, установление власти является всегда агрессией. В этой форме по теории Маслоу мы можем видеть всего две потребности — потребность в уважении в форме “потребности во власти” и потребность в творчестве и самоутверждении как игре преодоления неопределенности (надстроенной над потребностью в уважении, самоуважении). Агрессия существенна. Преодоление неопределенности направлено не на баланс и компромисс интересов сторон, не на мир, не на любовь. Цель — получение преимущества и победы, превышения статуса над оппонентом. Совмещение творчества в достижении и уважения и образует эту не лучшего вида метапотребность или личную зависимость.

То, что установка на власть является потребностью и метапотребностью подтверждается обнаруженным позже и дополнительно мнением Д. Вероффа, который уточнил, что под мотивацией власти понима-

ется "стремление и способность получать удовлетворение от контроля над другими людьми", [Немов Р.С., 1995, с. 420].

Формы власти многообразны. К ним могут подключаться и другие базовые потребности. Так в сочетании с дополнительным принуждением к насилию и унижению на фоне удовлетворения сексуальной потребности этот феномен известен как **садизм**.

13.2.11. Включение симметричного мотива подчинения

В системе мотивов Макклелланда представлена альтернатива установке достижения — это избегание неудач. А установке аффилиации альтернативой является страх быть отвергнутым. Но Макклелланд, как мы знаем, не дает противопоставления установке на власть. Между тем, такой "мотив" на практике существует — это готовность некоторых людей подчиняться или служить, услуживать и т. п. Несомненно, под этим в большей части кроется стремление к удовлетворению потребности в безопасности.

Потребность ли это?

Установка на служение или подчинение — это не поиск равенства отношений и компромиссов. Это именно подчинение как добровольная и без борьбы уступка собственных ресурсов или уступка ресурсов личности на уровне потребности в уважении. Первоначально это вовсе не просоциальное или альтруистическое поведение, в котором доминирует помощь слабым и немощным. Это уход от конфликта в слабый вариант удовлетворения потребности в безопасности III путем безоговорочной капитуляции — подчинения.

Фактически в *мотиве подчинения власти* мы видим в единой форме все три уровня потребности безопасности. Уровень безопасности III, который удовлетворяется с помощью подчинения, мы уже показали.

Безопасность I. Подчинение обеспечивает физическую безопасность и преданность в случае насилий.

Безопасность II. Подчинение дает материальную гарантию приемлемой жизни. "Гарантированное теплое место" — так думает любитель подчиняться, и так часто случается (у Грибоедова — "выслуживаться рад").

Совершенно аналогично женщина, выходя замуж за богатого не по любви, удовлетворяет потребность в безопасности II. В XIX веке широко обсуждался брак по расчету. Сторонники свободной любви, критикуя брак, рассматривали его как институт проституции — сознательную продажу тела богатому человеку (за деньги). В реальности, конечно, это не проституция, но и недалеко от самки в стаде, уступаю-

щей самому сильному самцу. — Это более биологично, чем морально. И этики здесь не больше, чем выгоды перейти от мужа к более сильному (богатому), если такой встретится. Сюда же можно отнести и такой персонаж как “Душечка” А. П. Чехова (правда, этот вариант можно рассматривать и как потребность в принадлежности, см. ниже). Не потому ли выше такого неравного брака (удовлетворения низших потребностей) надстраивается настоящая любовь как метапотребность или ее статусное изображение в адюльтере (“приличной светской женщине полагается иметь любовника” — потребность уважения).

Таким образом, для мотива власти мы тоже нашли альтернативу — установку на подчинение или мотив подчинения. Но установка на подчинения не является метапотребностью, а лишь инструментальным поведением, удовлетворяющем потребность в безопасности. Это хорошо будет видно в следующем разделе.

13.2.12. Подчинение через принадлежность создает уважение?

“Мотив подчинения” группе может получить совершенно другой оттенок, и мы уже говорили об этом в [Четвертаков С.А., 1999, с. 170–171].

Подчинение может позволить получить характер реального или символического уважения к самому себе через уважение к той социальной группе или структуре, которой принадлежит индивид.

Звучит сложно, и нам придется начать издалека. Мы имеем в виду приобретение уважения через принадлежность кому-то сильному, и уважения себя, слабого, через принадлежность к социальному целому, например, родовой, профессиональной, социальной, этнической группе или к государству. Важно, что с такой группой или структурой остальные считаются и оказывают уважение. Приобретение уважения осуществляется через принадлежность, через служение объекту уважения и власти. То же происходит, если мы вспомним о поведении самых слабых обезьян при конфликте между ведущими конкурентами в стаде. Слабые поддерживают вожака! В данном случае роль вожака и символа власти играет сама группа!

Возможно, мы затрагиваем здесь много более сложные проблемы связи инструментальных средств преодоления угроз и страха. Это инструментальное решение состоит в *объединении в стаю*. Служение целому оказывается завершением процесса группирования и сплочения, которое дает удовлетворение потребности самоуважения через *уважение нас как силы перед врагами из-за страха перед нами*. Уважение и страх врагов Спарты, страх врагов государства — соседних “всегда

плохих” государств, страх чужой криминальной банды перед большой нашей бандой, ватагой “ребят из нашего двора” или уважение промышленного конкурента и т. п. “Ты, холоп, из чьих будешь?”. Народная традиция и воля богов, тоталитарная идеология, законы и дух “семьи или клана”, корпоративный дух фирмы — создают новое инстинктивное ощущения уверенности и безопасности, даже уважения и самоуважения участников. Возникает удовлетворение некой потребности, построенной на принадлежности как инструментальном подчинении.

Здесь инструментальное подчинение, кажется, первичным. Одиночество, городское одиночество взрослых людей может их достаточно сильно беспокоить. Изоляция индивида в борьбе за жизнь и быт (первые три потребности) делает обычно актуальным потребность в безопасности II. Принадлежность к общине, к государству или, например, к ячейке национал-социалистической партии в момент экономического кризиса в Германии разрешает страхи голода, безработицы, политической неопределенности. Индивид далее ощущает себя более уверенно, хотя бы в аффилиации, в общении. Удовлетворение потребностей нижних уровней (безопасности I, физиологических, безопасности II) через появление принадлежности влечет движение к удовлетворению следующих форм — более высокой потребности общения и уважения, самоуважения. От безопасности II через потребность принадлежности и общения к потребности уважения и самоуважения — к безопасности III (в символической обычно подстановке — “мы вместе и потому мы сильны”).

Правда, стоит отделять ситуации, 1) когда объединение (принадлежность) действительно усиливает группу, общность и т.д., 2) когда оно усиливает только на время, но не имеет перспективы и 3) когда оно усиливает своих членов только символически, т.е. исключительно психологически и не более того.

1. Объединение в военную общину, в военное государство и даже в криминальную группу усиливает всю группу действительно. Сплоченность группы в насилии образует угрозу коллективным конкурентам объективно. Это случается тогда, когда война или насилие является ведущим средством решения экономических проблем рассматриваемой общности. Реальная потребность безопасности I конвертируется в принадлежность и далее в потребность уважения (закономерно и точно в соответствии с теорией Маслоу).

2. Другое дело, когда основной труд и сама конкуренция осуществляется в индивидуальных и негрупповых формах, т.е. без насилия. Тогда групповой сговор является временным и его функции локально ограничены (картель, цех, профсоюз, временный союз акционеров).

В реальности и торговцы, и мастера, и рабочие ведут бизнес отдельно, а сплочение необходимо в критические моменты споров в политической сфере и т.п. Реальная потребность в безопасности II иногда I (защита горожан от феодалов) преобразуется в принадлежность и далее в уважение, которое иногда реально, а иногда выступает как символ.

3. И наконец, возникают ситуации, когда объединение в группу имеет целью не будущее силовое действие, а только сплочение. Цель сплочения сознательно скрыта демонстрацией со стороны особой заинтересованной группы символических угроз для остальных участников. Это могут быть ситуации, когда силовое действие, столкновение или война не актуальны, а выгодна только угроза войны или другого события (конца света или мора, неурожая). Выгода угрозы нужна для сплочения людей в группу совсем в иных целях. Например, цель — повышение налогов государства, отвлечение внимания от внутренних проблем. Для церкви цель — повышение доходов, расширение паствы. Тогда и сама угроза, и объединение, создание ощущения принадлежности явно или не явно имеют чисто символическое значение.

Первые два типа естественны и служат реальному удовлетворению потребностей. Процессы третьего типа являются фактически нарушением иерархии потребности Маслоу. Групповые ошибки символического уровня, однако, вовсе не чистый культурный произвол и нарушение законов природы. Их причиной — источником страхов — оказываются особые организованные заинтересованными участниками массовые процессы и подкрепления, которые требуют затраты свободных ресурсов. Ресурсы и являются источником фальшивого подкрепления или символического удовлетворения потребностей. Современные ПИАР-компании или монополия средств массовой информации, организация "железного занавеса" принадлежат затратам этого рода.

Нечто подобное можно показать и в части проявления потребности безопасности II в сфере науки. Молодой ученый боится указать на ошибку коллеги (проявить самостоятельность мышления ради своего будущего — потребность в безопасности II). Это и сродни страху перед сообществом, страх нарушить интересы коллектива. Зато он останется "своим" в среде коллег и далее сам "безопасно" защитит диссертацию. Потребность безопасности II конвертируется в потребность принадлежности. Далее возникает кафедральная солидарность, напоминая нравы бригады на заводе. Уважение и самоуважение в рамках единства усиливается в результате ощущения поддержки и общей силы. Но новое уважение теперь символическое, как бартер: Я тебя "уважаю" потому, что ты "уважаешь" меня — групповой сговор оказывается результатом ухода от возможного внутреннего конфликта и конкурен-

ции — это в реальности “мотив на избегание”. Символическое уважение после общения с уничтожением реальной цели научного общения (с появлением имитации научного общения) и изображения “науки” (утрате цели поиска информации) конвертируется всего-навсего в потребность принадлежности и общения. Потребность уважения (безопасность III) удовлетворяется символически, реальный уровень “работы” потребности — принадлежность. Иногда коллектив — великая сила! В плохом смысле... сродни цеховой монополии.

Аналогично, если сговор осуществляется между руководителями и высшими специалистами кафедры, уже имеющими статус (и у них удовлетворена и находится под угрозой потребность уважения — безопасности III), то цель также состоит во взаимном признании и поддержании статуса (уважения). Тем самым в реальности потребность уважения (безопасность III) удовлетворяется символически и переводится в потребность принадлежности, которая и работает реально.

Таким образом, обобщая, мы видим некое преобразование неудовлетворенной потребности в безопасности I, II и III внутри общества в потребность другого уровня. Природа преобразования — это установка или (рациональный) мотив на избегание реальной, возможной или символической и привнесенной искусственно конфронтации и опасности. Избегание, по сути, является неудовлетворенной потребностью в безопасности разных уровней. И оно приводит часто к сплочению и к удовлетворению потребности в принадлежности, что далее удовлетворяет соответствующие потребности безопасности реально или символически.

Мы наблюдаем довольно сложный феномен — избегание конфликта или его угрозы. Потребность в безопасности I, II, III, переводит удовлетворение в плоскость удовлетворения потребности принадлежности. Чисто формально мы можем сказать, что при потребностях в безопасности I и II происходит *рост* уровня удовлетворения человека в шкале Маслоу, при потребности III идет *понижение* уровня удовлетворенности до потребности принадлежности, когда потребность уважения удовлетворяется чисто символически[41].

Но в основе перехода к “мотиву подчинения” и подчинения “коллективу” по Макклелланду или просто к служению является все же потребность в безопасности. Поэтому такой процесс не носит характера метапотребности, как мы это видели и в других ситуациях избегания.

[41] В исследовании истории мы увидели те же явления и причины в стихийно возникших идеалах и иррационально мотивированных призывах христианства к любви и принадлежности.

И мы возвращаемся к политическому замечанию Макклелланда по поводу иерархии Маслоу “Н”. Многие стороны мы уже показали в данном разделе. Замечание “Н” собственно снимается, поскольку теория Маслоу находит решение и объяснение феномена. Сосредоточенные (или монополизированные) властью любого типа ресурсы (это тавтология самого определения власти!) позволяют достаточно сильно изменить и перенаправить поведение и больших масс людей. При этом иерархия потребностей работает так же, но активность людей перенаправляется. Потребности (безопасности), как и в экспериментах Долларда и Миллера, возникают, удовлетворяются символически или “замещаются”. Тема очень сложна. Для нас сложность темы заключается в оценке культурно-произвольного и культурно-закономерного (обусловленного ресурсами) этих процессов символического удовлетворения[42]. И мы надеемся вернуться к ней позже уже в разрезе социологии. Существенно, что, имея в руках общую теорию социальной психологии на уровне теории Маслоу или аналогичную ей, мы можем более обоснованно работать при анализе групповых, массовых и даже политических и ментальных проблем — как проблем прошлого, так и современных.

13.2.13. Метапотребности класса подчинения

Но в практике существуют и реальные метапотребности класса “подчинения”.

Первая из известных нам — это потребности принадлежности и любви. Человек, часто женщина, может ухаживать за любым другим человеком и жить его жизнью, его интересами. И все это имеет часто форму служения и подчинения. Для России — это обобщенный литературный чеховский образ “Душечки”. Стремление о ком-то заботиться, возможно, это усиленный, разнесенный на множество объектов материнский, сестринский или отцовский инстинкт, не командный, а именно инстинкт положительной заботы, реципрокации, заботы с подчинением “предмету любви”. Возможно это новая метапотребность аффилиации, которая накладывается на потребность любви и принадлежности. В при-

[42] Само возникновение и существование свободного ресурса означает обусловленность возникновения ресурса нормальными процессами в прошлом, поскольку обычно ресурс возникает в нормальной активности для удовлетворения потребностей. Расход ресурса в неправомерном направлении и в целях к.-л. монополии означает его чистый расход и растрату, что возвращает объективно социум к естественным процессам — необходимости новой нормальной активности — без значимых нарушений иерархии потребностей.

родной стае и в семье у человека часто присутствуют сестры и братья, не имеющие пары. Они охотно ухаживают за подростом родственной семьи. Этот феномен может указывать нам на неудовлетворенную потребность в собственной семье и в собственных детях. Его можно рассматривать как потребность в любви и принадлежности, иногда в общении, если возраст сестер и братьев-спонсоров преклонный. Пожилые люди часто заводят кошку или собачку как предмет заботы и тепла. Мы оставляем для себя это явление, незавершенным в оценке.

Второй известный вариант возникает наложением инструментального подчинения на сексуальные потребности — это мазохизм и символическое унижение как противостояние садизму. И он несет, конечно, метапотребностное звучание. Кстати, этот пример и есть доказательство того, что боль, соединенная с положительным (сексуальным удовлетворением) может стать метапотребностью. Вероятно, экзоцитоз дофаминовых и нейроопиоидных компонент, заглушающих боль в совмещении с сексуальным удовлетворением, и образуют эту метапотребность подчинения.

13.2.14. "Мотивационно-гигиенический" характер мотивационных пар Макклелланда

Как мы видели выше, у Макклелланда возникает система мотивационных пар: позитивная и негативная установка. Для некоторых позитивов мы даже обнаружили соответствующую негативную парную установку. В этом разделе мы покажем, что представление потребностей или установок парами у Макклелланда получает совсем иное толкование у другого теоретика мотивации — Ф. Херцберга.

Позитивный оптимистический мотив, соответствующий достижению, или даже агрессивный мотив, ведущий к доминированию, всегда основан на положительных эмоциях или их ожидании. В теории Херцберга это "мотивационный" фрагмент.

В противоположность этому потребности, дополняющие пару или оппонирующие в паре Макклелланда, построены обычно на предотвращении отрицательных эмоций, избегании их или снятии их в момент появления. Если использовать систему Ф. Герцберга, они несут "гигиенический" или, по-русски, "предотвращающий болезни и депривации" характер, уход от различных форм неудовлетворенности. "Гигиенические" части пар Макклелланда представляют собою различные варианты потребности в безопасности в различных ее проявлениях и удовлетворения потребности в безопасности.

Тогда сами пары как целое — все это “мотивационно-гигиенические” пары Герцберга, см. ниже рис. 13.4. Мы насчитали три таких пары:

— достижение — избегание неудач;

— аффилиация как потребность положительной эмоции общения — отвергание или одиночество;

— потребность власти — подчинение власти.

А именно, первый элемент каждой пары — это позитивно подкрепленная поведенческая установка, или метапотребность, или еще выше, направленность — мотивированное стремление к новой активности.

Второй элемент — это инструмент и способ избежать отрицательных эмоций — снять их на момент присутствия проблемы или чужой активности, Это и реакция на появление проблемы и ее реактивное решение индивидом, реакция на действие внешней среды. При завершении проблемы индивид приходит в равновесие и новой активности не проявляет.

В свете того, что мы теперь четко понимаем суть позитивности первого элемента каждой пары и природу негатива второй части пары, соотношения теории Маслоу, теории Макклелланда и теории Херцберга становятся совершенно очевидными.

Есть, правда, исключения в этом дуализме. Речь идет о способах сексуального удовлетворения через собственное подчинение или символическое подчинение и власть, проявление власти или символическое проявление власти, например, мазохизм и садизм. Но такого рода надстройки над первичной потребностью в сексе, скорее, являются элементами игры, переходящей в метапотребность для обеих сторон. Обе формы поведения носят характер метапотребности. Это надстройки в системе потребностей — в подложке удовлетворяется низшая потребность, а выше, над ней и предварительно, до нее, до секса, удовлетворяются более высокие статусные потребности — уважения (частный случай — власти). У одного партнера, с одной стороны, потребность власти — у другого — потребность подчинения в форме безопасности I или III (полученная боль, унижение, эксгибиционизм и т.п.). Обе потребности, будучи не удовлетворены в жизни, преобразуются в форму символа и игры и рано или поздно переходят в сексуальное удовлетворение. — Этим достижение (агрессия и насилие) реализуется. Или, наоборот, страдание (унижение) ликвидируется. А при дополнении секса и то, и другое подкрепляется совместно. Иначе говоря, и высшие потребности активируются, и антипотребности в (псевдо имитации) деятельности деактивируются одновременно с сексуальным удовлетворением. И тем самым каждая пара потребностей подкрепляется. Можно только удивиться сложности природы и изощренности человека в ней!

13.3. Агрессия

13.3.1. Мотив агрессивности единовременно

Мотив агрессивности описан и представлен в исследованиях множеством работ.

Для вышеозначенной одномоментной ситуации разработана и служит и совершенно обоснованно теория происхождения агрессии из фрустрации. Хотелось бы соотнести эту теорию одномоментной агрессии с иерархией потребностей Маслоу. Это вполне возможно.

Дело в том, что агрессия — это реакция на опасность или сама генерация опасности. Реакция на опасность — это действия, связанные с потребностью безопасности I (потребность в жизни) и с потребностью безопасности III (внутривидовая конкуренция за ресурсы). И на уровне нападения, и на уровне самообороны — это наивысшее напряжение, т. е. фрустрация, как представляет общая психология. То, что мы выходим именно на потребность в безопасности, указывает например, наблюдение Конрада Лоренца в его "Агрессии". У зверей внутривидовой конфликт связан с ресурсами — предметами спора является территория или самки (самцы), право клевания — "peckingorder" — то есть право на приоритет приема пищи так же среди главных источников столкновений и агрессии. Это говорит о роли потребности уважения.

Второй аргумент от Лоренца – связь вооруженности и жестокости. Чем менее сильным оружием владеет вид, тем большую жестокость проявляют особи в столкновении. Птицы, обладающие слабым «вооружением», забивают друг друга до смерти, хищники так себя не ведут. Лоренц предположил, что у «тяжеловооруженных» (это ядовитые змеи, хищники) в генезисе возникают табу на внутривидовые травмы, а у «слабых» видов табу нет, но плодовитость компенсирует травматизм. Он использовал термин «естественная мораль», которая скорее отвлекает, чем помогает пониманию. Действительно, при табуировании молодые хищники уходят из стаи, а не добивают «стариков». Теория Маслоу помогает построить гипотезу агрессивности «слабо вооруженных». Слабость оружия порождает и слабое проявление физического превосходства даже в случае символической победы. А потому символически объявленное подчинение не дает часто уверенности в превосходстве и не снимает страх победителя, означая продолжение борьбы до тяжелых травм и гибели. Вторая гипотеза – слабая логика ЦНС и слабость механизмов торможения в ЦНС, включая агрессию, это может быть

и генетическим компенсатором слабости «вооружения», что с учетом плодовитости вида в природе не откорректировано.

Так изначально было и у человека. Археологи отмечают высокую травматичность неандертальцев внутри стоянок, т.е. родов или малых стад. На это указывает и полное вымирание неандертальцев при экспансии кроманьонского человека (который как раз и увеличил процессы торможения агрессии и появления реципрокации), но, возможно, неандертальцы вымерли и сами – от недостатка белковой пищи. С развитием земледелия и рациональное, и процессы торможения (мораль) определенно (почти) закрыли проблему агрессии развитием рабовладения (до железа пленных мужчин убивали) и его ограничением (христианство) с известными «рациональными» реминисценциями зоологии в XX веке в отношении «недочеловеков» или «неперспективных классов».

13.3.2. Практика агрессивности и опасная метапотребность

Второй аспект агрессивности. Мы оцениваем еще одно проявление агрессивности как *сложившуюся установку,* переросшую в потребность на получение удовольствия от агрессии (к людям или животным). В этом смысле можно искать и определенно найти причины происхождения агрессивности в истории развитии ребенка или взрослого человека. Среди таких причин особое место играет научение и терпимое поведение потенциальных жертв в момент проявления агрессивного поведения (например, ловля зверей или насекомых и их препарирование, уступчивость родителей или их терпимость к агрессии вне семьи и т.п.). “Мотив агрессивности”, таким образом, формируется путем научения агрессии. Научение подводит к сильной положительной эмоции, построенной на преодолении воли жертвы. Но воли не просто, а воли сломанной явно и грубо, зримо. Это образует метапотребность агрессии. Потребность “агрессия” очень близка потребности власти, но идет дальше последней. Мы уже сравнивали потребность (установку) достижения с потребностью власти. Теперь речь об агрессии в рамках системы власти. Потребность агрессии предполагает информационный (вербальный) или физический конфликт. Скандал, мощное внешнее эмоциональное потрясение активной и пассивной стороны, а не любую ломку воли или коррекцию действий, волевое, властное принуждение к действию противоположной стороны. Явность конфликта при метапотребности агрессии возникает не только естественным путем, но и искусственно создается индивидом, что и указывает (в некоторых случаях) на эту потребность как индивидуальную.

Агрессия так же может быть инструментом “радости”, “удовольствия” физического уничтожения или унижения любого оппонента, что близко по типу садизму.

Отличая ситуативный — фрустрационный тип, потребностное (наученное) и метапотребностное состояние агрессивности, мы можем увидеть и культурный план агрессивности, как особое предписание профессии или даже этнических культур обществ “военной демократии” и ряда доколониальных империй.

13.3.3. Культура агрессивности. Нейтральное и профессиональное отношение

Мы выделяем индивидуальное агрессивное поведение от его культурной компоненты — культуры нормы агрессивного поведения, принятого в некоторых обществах или субкультурах. Спартанец будет и станет изгоем, если не покажет себя в юности жестоким при “обучении” — ночном нападении и убийстве нескольких безоружных крестьян-илотов. Рыцарь, который не имел успешных турниров, дворянин, который не имел нескольких дуэлей, не могли считаться совершенными и смелыми людьми своего круга. Отказ от дуэли означал полную утрату чести (статуса). Но агрессивность как культурная норма и акт убийства здесь не были обычно удовольствием и потребностью. Тем не менее, культура агрессивности и унижения врага или даже подчиненного (солдата) формируется во множестве социальных структур, связанных с профессиональным насилием.

Это заставляет нас пересмотреть взгляды на такие явления как “дедовщина”. Дедовщина в армии — это не только преступность молодых солдат с криминальным опытом и по халатности офицеров в наше время. Возможно, в системах насилия прошлого аналогичным образом и на бытовом уровне формировался опыт принуждения и обучения приказному тону, свободе произвола приказания. Это всего лишь наша гипотеза. Мы с удивлением узнаем, что корни современной дедовщины в поздней советской и в российской армии восходят к традициям юнкерских и кадетских училищ России XIX века. Так по воспоминаниям Владимира Сергеевича Трубецкого:

“В Николаевском училище, куда в стародавние времена любил наезжать строгий государь Николай I, юнкера подразделялись на эскадрон и сотню... Самый свирепый “цук” царил именно в эскадроне, где юнкера старшего курса обязаны были в силу традиции цукать юнкеров младшего курса. Каждый юнкер старшего курса

имел своего, так называемого "зверя", то есть юнкера-первокурсника, над которым он куражился и измывался, как хотел. Младший не только должен был тянуться перед старшим, оказывая ему чинопочитание — он обязан был исполнять самые нелепые прихоти и приказания старшего. Спали юнкера в общих дортуарах вместе — и старшие, и младшие. Бывало, если ночью старшему хотелось в уборную, он будил своего "зверя" и верхом на нем отправлялся за своей естественной нуждой. Это никого не удивляло и считалось вполне нормальным. Если старшему не спалось, он нередко будил младшего и развлекался, заставляя последнего рассказать похабный анекдот или же говорил ему: "Молодой, пулей назовите имя моей любимой женщины", или "Молодой, пулей назовите полчок, в который я выйду корнетом". Разбуженный "зверь" обыкновенно отвечал на эти вопросы безошибочно, так как обязан был знать назубок, как имена женщин, любимых старшими, так и полки, в которые старшие намеревались поступить. В случае неправильного ответа старший тут же наказывал "зверя", заставляя его приседать на корточках подряд раз тридцать или сорок, приговаривая: "ать — два, ать — два, ать — два"... "Молодой, пулей расскажите мне про бессмертие души рябчика", — командовал старший. И молодой, вытянувшись стрункой, рапортовал: "Душа рябчика становится бессмертной, когда попадает в желудок благородного корнета". Старшие, хотя были всего-навсего только юнкерами, [81] однако требовали, чтобы младшие называли их "Господин корнет". Иной раз старшему приходила в голову и такая фантазия: "Молодой! — приказывал он, — ходите за мной и вопите белугой!" И молодой "вопил белугой", неотступно следуя за старшим, куда бы он ни пошел, пока старший не командовал: "Отс-ста-вить!". Бывало, что старшие задавали младшим писать сочинения на самые невероятные темы, например, "Влияние луны на бараний хвост". И молодые беспрекословно исполняли всю эту чепуху, так как ослушаться приказания старшего юнкера не позволяла традиция" [Трубецкой В. С., с. 81].

Можно предполагать, что старшие юнкера учились командовать своими будущими денщиками и служащими рядового состава, учились не "жалеть" солдат. За неимением реальных жертв назначался "зверь" из младших[43].

---

[43] Систему можно объяснить в ее происхождении, но нельзя оправдать, как нельзя оправдывать войны, агрессию, а также производство и продажу самых чистых и эффективных орудий убийства, как и изготовление, по словам сказки Евгения Шварца, "ножей для убийц" и "свежих ядов".

13.3.4. Агрессия как функция жертвы

Проходя важный и для России поведенческий аспект агрессии, мы хотели бы включить в рассмотрение синтез агрессии и власти не как результат поведения личности, а как функцию отношений двух сторон: агрессора или властвующего и его жертвы или подчиненного.

Эксперименты этого рода взаимодействий в микрогруппе дают полное представление о проблеме и, более того, оказываются в каком-то смысле и ключом к разрешению или ослаблению агрессии, опасности ее последствий. В системе уважения или потребности безопасности III отдельная личность не есть самодеятельная структура, но результат и своего окружения. И фраза: “Короля играет его свита!” имеет в применении к агрессии еще более драматический смысл. Мы хотели бы донести мысль до детей и внуков такой жертвенной и терпеливой в XX веке страны как Россия, что “агрессора играют его жертвы”, не только играют, но и формируют, создают, воспитывают и увеличивают до опасных обществу размеров. Агрессивность — это не свойство *исключительной* личности, как мы обычно представляем по данным истории, а возможный результат научения *средней* личности и, если не всех, то большинства людей. Это свойство возникает при определенных обстоятельствах с вероятностью более 0,6, (т.е. закономерно) — “с древнейших времен и до наших дней”. Это только тезис. Но его полагается ощущать каждому обывателю. Своей еще родной, нежной, не окровавленной и без синяков кожей. Он образует основу того, что имеет право именоваться “политической культурой”. Ниже мы тезис раскрываем.

13.3.5. Эксперименты Зимбардо и Милгрэма

Речь идет об экспериментах Зимбардо (Philip G Zimbardo, 1971) и Милгрэма (Stanley Milgram, 1963) и до него Басса (Buss, 1961). Мы даем здесь достаточно полное представление об экспериментах, поскольку обычно в литературе (в силу “политкорректности”) материалы даются слишком свернуто.

Существенная и общая черта двух экспериментов — искусственное создание или даже неявное выучивание абсолютного превосходства одних участников над другими, т. е. воспроизведение неограниченной власти через управление одних участников эксперимента другими участниками. Ситуации можно трактовать и как возможность абсолютного подчинения — однако это было бы не точно, поскольку подчиняемые участники реально или фиктивно (актеры) сопротивлялись

подчинению. Результаты привели в шок научную общественность, причем главное внимание было обращено на аморальность подобных экспериментов, а также на вину экспериментаторов, которые обвинялись в создании негуманных условий и в давлении на всех или на часть испытуемых лиц, участвующих в эксперименте. Как будто в жизни не происходит аналогичного психологического давления. Самое же главное в эксперименте было опущено ввиду самих контекстов эксперимента — изучение поведения человека в *современном* обществе, причем поведения в западном обществе, где физическое насилие в силу ряда причин менее актуально.

Мы выбираем иной контекст анализа — толкование причин агрессии как культурного феномена — результата подчинения. Если читатель знаком с экспериментами по работе И. С. Кона [Кон И. С., с. 310–313], то вполне может, пропустив два следующих раздела, сам использовать уже изложенную выше теорию для того, чтобы сделать выводы 13.3.8.

13.3.6. Эксперимент Зимбардо. Естественный рост агрессивности

Летом 1971 года в Стэнфордском университете для экспериментов по изучению поведения человека в неволе были отобраны и наняты 24 студента. Это были юноши из благополучных семей, ранее не судимые, не имевшие вредных привычек и криминальных проступков. Оплата 15 долларов в день. Проведение экспериментов планировалось в течение двух недель. Исследовательская группа смоделировала в студенческом общежитии (кампусе) почти настоящую тюрьму с камерами, коридором, столовой и карцером. С началом эксперимента, т.е. через две недели от заключения договора, тех, кто должен был "сидеть", забирала из родного дома или комнаты общежития в наручниках настоящая полиция, согласившаяся помочь "для создания атмосферы реальности заключения". Привезенных "заключенных" обыскали, раздели догола, дали длинные рубахи с номерами и посадили в камеры. "Тюремщикам"-студентам дали дубинки, они должны были вести себя строго, выводить заключенных в туалет и наказывать при нарушении правил распорядка. Девять охранников — по трое в восьмичасовой смене. Девять заключенных в трех камерах по три человека — три кровати и тумбы в каждой. Первый день прошел во взаимных шутках — никто не воспринимал "расположение звезд" всерьез. На второй день кто-то повздорил, и заключенные сплотились, забаррикадировались кроватями. Они

сорвали с себя форму, стали оскорблять охрану. — Тюремщики применили силу — зачинщиков посадили в карцер, страсти разгорелись. “Заключенные” почувствовали себя униженными, один из них получил серьезную психическую травму, у него начался психоз, “Тюремщики” постепенно стали входить в роль, среди них появились те, кто начал получать удовольствие от унижений подопечных, кто-то стал злоупотреблять властью.

Интересно отметить сам процесс модификации поведения сторон и обновления или, скажем, институциализации отношений. На второй день после “подавления мятежа” (убрана вся мебель, пленники раздеты догола) охранники уже сумели понять, что их мало (трое на одну смену из девяти заключенных) и что простой силой навести порядок не удастся. Рациональные предложения появились сразу — ввести различия по статусу и качеству поведения (степени подчинения) — поощрять послушных, наказывать бунтовщиков. Была немедленно создана камера для “послушных”, куда возвращена мебель и одежда, дано право мыться и чистить зубы, вовремя выходить в туалет, а не пользоваться ведром в камере, дано право выносить ведро, а не держать его сутки полным. Вынести ведро с нечистотами стало поощрением за послушание. Еще позже возникла идея вернуть послушных заключенных в “плохие” камеры, а часть “плохих” — к “хорошим”. Это было сделано без условий и объяснений. Цель — сломать солидарность заключенных. Это привело к тому, что заключенные запутались. “Бунтари” стали подозревать подвох и слежку от хороших для доноса администрации, как и “послушные” видеть цель провокации от “бунтарей”. Так, заключенные раздробились и стали одиночками — возникло полное недоверие друг к другу. Позже автор эксперимента узнал, что самой большой проблемой тюрем является дружба и доверие заключенных — ее стараются не допускать и в реальных тюрьмах. Нормальные студенты лучшего университета США дошли до изощренных образцов тюремной практики всего за три дня.

Заключенные тоже не сплоховали. В процессе одной недели они попытались: поднять бунт, затем организовать побег с помощью друзей снаружи; наконец, они пытались сообщить родственникам (которые посетили их через несколько дней, но ничего не поняли) и священнику, что они мечтают выбраться на “волю”.

С другой стороны, новоиспеченные тюремщики немедленно увидели в подопечных заключенных беспокоящую и опасную для них среду и нагрузку, они стали ощущать ее как *реальную угрозу* их функциям и месту труда. В ответ они стали усиливать контроль, и агрессивность. Уже за несколько дней в “тюрьме” сложилось три типа тюремщиков:

первая группа — хорошие парни, от которых мало пользы заключенным, но и которые никогда не наказывают заключенных, вторая — жесткие, но справедливые; и третья группа — недружелюбные, деспотичные и изобретательные в унижении тюремщики. Последний тип, говорит автор эксперимента, мы не смогли предсказать и отличить никакими предварительными тестами.

Давление на заключенных постепенно возрастало. Так наказанием стало мытье туалетного горшка в общем туалете *голыми руками*. Некоторые тюремщики стали садистами. Интересно, что даже "хорошие" охранники не могли прекратить свою работу в процессе выполнения, отказаться от нее. Надо заметить, пишет автор, что *ни один охранник не опоздал на работу с выходом в смену, не сказался больным, не ушел со смены раньше и не потребовал дополнительной платы за переработку*. Наоборот, угроза (даже слухов о готовящемся побеге) сплотило охрану, включая руководителя (сам Ф. Зимбардо) — автора эксперимента, который сам вжился в эксперимент, как в реальность, и думал о нем, как о самом важном. Когда в середине недели пришел коллега и задал профессиональный вопрос о параметрах эксперимента, "Я — говорит автор, — страшно возмутился, о какой ерунде, коллега говорит, когда здесь ведется серьезная работа!"

Интересно, что на третий день экспериментаторы устроили нечто вроде родительского дня — посещения заключенных их родителями (в присутствии охранников — 10 минут на человека). Как и в реальной жизни, новоиспеченные тюремщики спланировали "показать товар с лучшей стороны": они тщательно вымыли "зону", сменили (вернули) белье, хорошо накормили заключенных. Родившаяся в подсознании идея "показухи" перед внешним миром становится свершившимся фактом чрезвычайно и даже немыслимо быстро.

К концу недели некоторые заключенные вообще забыли, что это эксперимент, и именовали себя по номерам. Когда один из заключенных был выведен из камеры, и параллельно подставные люди издалека закричали "Он плохой заключенный — испачкал камеру" этот номер стал рыдать — я не "плохой", пусть меня вернут — я докажу!". Заключенные уже на третий, четвертый день вполне серьезно отнеслись к "работе комиссии по сокращению срока заключения", стремясь сократить свой "срок", они так же серьезно отнеслись и к посещению пастыря — духовника.

Эксперимент был прерван и вместо двух недель завершился в шесть дней. Первым поводом, по словам руководителя, к прекращению эксперимента стала пришедшая в конце недели женщина-психолог. Она увидела малую толику сложившихся норм поведения —

и пришла в ужас. Ей пришлось случайно наблюдать в коридоре цепочку троих заключенных, шедших в туалет с цепями на ногах, каждый держал над головой ведро с нечистотами, а вторую руку держал на плече впереди идущего (изобретенный способ уменьшить риск бегства или физического нападения со стороны заключенных). Кроме того, руководитель, просматривая ночные видеозаписи, пришел выводу, что тюремщики начали переходить границы норм — появилось стремление к сексуальным садистическим элементам, оскорблениям на уровне деградации (новоявленные тюремщики не знали, что ночью, в отсутствие исследователей, ведется видеозапись), см. [Zimbardo Ph.Z.].

Этот эксперимент ценен тем, что он развивался стихийно, и дал массу качественных данных по удивительно быстрому институциональному развитию ситуации, показав, как быстро могут возникать все элементы тотальной системы с самыми тонкими средствами контроля. Но он, как оценивают психологи, был плохо измерим.

13.3.7. Эксперимент Милгрэма. Обучение подчиненного агрессии и власти

Второй эксперимент связан более жесткой структурой и дает статистические оценки. Мы используем его компактное изложение у И. С. Кона.

В психологической лаборатории два человека участвуют в изучении памяти и обучения, в частности в исследовании влияния наказаний на успешность обучения. Одному предложено выполнять в эксперименте функции “учителя”, другому — “ученика”. Последнего привязывают к креслу, присоединяют к его запястьям электроды и дают задание выучить список соединенных попарно слов, предупредив, что за каждую ошибку он будет подвергаться электрошоку нарастающей силы. “Учитель”, сидящий перед пультом электрогенератора, должен последовательно передавать задания “ученику”, которого он все время видит и слышит. Если тот отвечает правильно, “учитель” переходит к следующему заданию. Если “ученик” ошибается, “учитель” обязан дать ему электрошок, начиная с минимума в 15 вольт и постепенно увеличивая дозы.

Подлинная суть эксперимента состоит в том, чтобы выяснить, до каких пределов дойдет испытуемый, выполняющий *роль учителя*, причиняя боль невинной жертве. Откажется ли он слушаться экспериментатора и когда? Конфликт возникает, как только “жертва” начинает показывать, что ей неприятно. При 75 вольтах “ученик” вскрикивает, при 120 — начинает жаловаться, при 150 — требует прекратить эк-

сперимент. Чем сильнее электрошок, тем эмоциональнее и активнее протесты “жертвы”. После 285 вольт он уже только отчаянно кричит. “Учитель” не знает, что “ученик” — только актер, который фактически никакого шока не получает. Актер просто изображает боль, когда он видит на своем потайном датчике силу электрошока учителя. Но учитель, не зная этого, видит неподдельное страдание, побуждающее прекратить опыт. Однако, экспериментатор, который является для испытуемого (“учителя”) авторитетом и по отношению к которому он чувствует определенные обязательства (хотя участие в эксперименте было добровольным), настаивает, чтобы опыт продолжался. Чтобы выйти из этой ситуации, испытуемый должен недвусмысленно отказаться от участия, отказать экспериментатору в послушании.

Когда Милгрэм спрашивал людей из контрольной группы, не участвовавших в эксперименте, как они поступили бы в подобном случае, все 110 опрошенных сказали, что прекратили бы опыт; лишь немногие считали себя способными выйти за пределы 180 вольт; только четверо сочли, что дойдут до 300 вольт. Таковы же примерно были их предсказания относительно поведения других: все испытуемые откажутся подчиняться экспериментатору, разве что патологические субъекты, которых не может быть больше 1–2%, будут продолжать давать электрошок до конца шкалы, то есть до 450 вольт.

На самом же деле почти две трети испытуемых, взрослые люди старше 20 лет, из разных социальных слоев, продолжали эксперимент, несмотря на явные страдания жертвы. Послушание оказалось значительно сильнее милосердия. Те же 60% абсолютно послушных обнаружились и среди славящихся своей независимостью студентов привилегированного Йельского университета, а при повторении этих опытов в Принстоне, Мюнхене, Риме, Южной Африке и Австралии показатели оказались даже выше (в Мюнхене послушные составили 85% испытуемых). [Кон И. С., с. 311–313].

Отметим совершенно иную сторону экспериментов Стэнли Милгрэма. Здесь мы уточним некоторые детали эксперимента, важные для нас. Поскольку количество уровней напряжения составляло до 30 уровней, а, кроме ударов, время экспериментов занимали содержательные задания и проверки их выполнения плюс жалобы пациента и колебания испытуемого, то общее время эксперимента с каждым испытуемым “учителем” могло составлять от часа до двух, [Милгрэм С., с. 138–161].

Исследования выявили и еще одно обстоятельство: *готовность продолжать эксперимент зависит от близости жертвы и мучителя*. Это “моральное” и “физическое” расстояние варьировалось в баллах от единицы до четырех. Первая — наличие жертвы в другом помещении,

когда не слышно даже голоса. Вторая — голосовая обратная связь — слышен протест жертвы. Третья — тесная пространственная близость (в одной комнате и в полуметре с жертвой). Четвертая — физическое участие в наказании — в этом эксперименте (подставной) ученик отказывается получить шок наказания при высоком напряжении — 150 вольт и выше — экспериментатор приказывает "учителю" — испытуемому (думающему, что он "учитель") — самому положить руку ученика на панель с током. В каждом эксперименте испытывали сорок человек-учителей. Тем самым диапазон поведения учителя варьировался от условий, аналогичных циркулярам власти или поведению летчика бомбардировщика, через аналог "истязаний на плацу" при командире до собственных функций "приведения приговора".

Мы приводим результаты. С уменьшением телесного расстояния возможная агрессия падала (и, непослушание "учителей" экспериментатору росло). При сокращении расстояния (в баллах от единицы до четырех, см. выше) средний уровень напряжения, при котором испытуемые отказывались проводить эксперимент, снижался: 280–250–210–175. Уменьшался и процент тех, то довел эксперимент до "смертельного" конца, выбрав в финале режим наказаний в 450 в. (надпись на пульте "Опасно для жизни): 66 — 62,5 — 40 — 30 %.

Это означает, что в случае, например, балла удаленности, равного двум (2 — слышен протест удаленной жертвы, но ее не видно или она удалена), средний уровень достигнутого напряжения при отказах от наказаний составлял 250 вольт, а процент тех, кто довел эксперимент до "смерти", составил 62,5 процента. Грубо "две трети" довели дело до "конца" через пару часов эксперимента.

Итак, при определенных условиях "расстояния" между властителем и жертвой[44] *ДВЕ ТРЕТИ современных вполне благовоспитанных взрослых ЛЮДЕЙ с нормальной психикой и совершенно немотивированных к агрессии, перестраивают свою психику в направлении агрессии вплоть до символического наказания-уничтожения при вербальном давлении постороннего, хотя и с высоким обозначенным статусом человека.* И для нас существенно, что это возможно *всего за час или немногим более.* Гитлер с его 6-летней технологией подготовки народа к войне отдыхает!

С учетом существующей теории формирования установки с подкреплением, см. Главу 8, мы представляем этот процесс как обучение. В реальности, за час-два испытаний, у молодых людей в роли "учителей" факти-

---

[44] Наличие расстояния более десятка метров или вне пределов видимости вообще.

чески происходило обучение насилию и принуждению над беззащитным человеком. В частности, проходило привыкание к страданиям жертвы и привыкание к гашению сострадания, привыкание к стонам жертвы. Само постепенное повышение силы тока тоже являлось обучающим фактором для "учителя". Большой интерес представляет также снижение агрессии при физическом сближении. Очень возможно, что при уменьшении расстояния начинают действовать биогенетические механизмы формирования "общности", которые имеют происхождение, вероятно, из стадных биологических инстинктов самосохранения. Совершенно аналогично длительная близость агрессора и жертвы снижает как агрессию, так и страх самой жертвы — именно это происходит часто при похищениях или при длительном совместном пребывании террористов и взятых ими заложников в тесных помещениях. Возможно, в этом сказывается какое-то взаимодействие биополей.

И еще. Мы знаем из криминальных историй о приемных матерях, замучивших своих непослушных усыновленных чад. Мы знаем о группе мальчишек в провинции (Сибирские реки — вторая половина 1980-х годов), которые издевались и избивали слабого одноклассника, Потом они увезли его на лодке в отдаленное место (лето, костер, пикник, водка) и постепенно, связав и мучая его у костра за день или два, просто убили. Если некто издевается над другим при вас — то это не просто плохо. В этот момент вы являетесь соучастником рождения маньяка. И не исключено, что им станете Вы. Наша нейрофизиология может страшное. Моя и ваша! Так давайте будем бдительны!

13.3.8. Объединение результатов

Нас интересует общее, объединяющее оба эксперимента. Опыты показывают, что в продолжение небольшого времени от часов до недели*, человек способен выучиться приемлемости собственного насилия и физического принуждения к другому человеку и даже привыкнуть (и реже даже получать удовольствие) к причинению физической боли жертве*.

Условием такого обучения является отсутствие сопротивления со стороны жертв или успешное психологическое преодоление такого сопротивления, приучение к насилию. Это утверждение носит не абсолютный, но вероятностный характер. Этим свойством при достаточном расстоянии от жертвы обладают примерно две трети средних людей или, как говорят, "*золотое сечение*". Что для нас существенно — этому подвержено твердое большинство — у Зимбардо

плюс треть законников “справедливости закона”, создаваемого ими же самими (две трети) и треть любителей жестокости. Но статистика Зимбардо очень мала — всего 10 человек. Статистика годных к обучению у Милгрэма при “нормальных” условиях удаленного насилия более точна — это примерно *две трети обычных людей* (первой и второй степени близости, т. е. некоторой пространственной удаленности жертвы). Только одну *треть* псевдоучителей останавливает нравственная граница. Это нечто от золотого сечения.

Мы отстраняемся от конкретики эксперимента и обращаемся к фактору власти, насилия или агрессии. Этот фактор всегда рассматривался как ограниченный нравственностью общества, сохранением текущих этических норм. Но эксперименты Зимбардо и Милгрэма показывают количественные границы консерватизма этических норм. “Консерваторы” — это люди, пытающиеся сохранить норму вопреки давлению обстоятельств, насилию или здравому смыслу — в наших экспериментах “здравый смысл” означает УСПЕШНОСТЬ насилия, т.е. отсутствие оснований и причин сопротивления ему, или иначе, *удовлетворение потребности в безопасности насильника*. За насилие или принуждение еще и деньги платят. Но в жизни может быть и объективно положительные стимулы и подкрепления и объективно положительные культурные изменения, просто новые.

Культура способна отступать или, иначе, культура способна наступать, или еще иначе, культура способна изменяться, если изменение не встречает препятствий или точнее, изменение культуры получает подкрепление (силой, принуждением, другим ресурсом или объективным подкреплением, возможно даже позитивным). Мы только что наблюдали, что культура может отступать, но это может быть и любое изменение (подкрепленное, ресурсом поддержанное). Предположим, что наблюдавшаяся в экспериментах Зимбардо или Милгрэма система золотого сечения, или двух третей (ориентации на изменение), верна. Это означает, что перестройка культуры при условии успешности результата — подкрепления происходит *с вероятностью в две трети*. Сопротивление “из этических соображений”, из нравственного консерватизма, из традиций поддержки старой культуры и из “чувства чести, но без ощутимого подкрепления”, такое сопротивление оказывает только *одна треть* участников. *Итак, этические соображения любого рода (как традиции) поддерживаются всего одной третью среднего (любого) общества.*

Таким образом, если обстоятельства (в частности, отсутствие сопротивления со стороны общества) позволяют совершать насилие, то с вероятностью в две трети, т.е. не быстро, но вполне определенно

и закономерно, общество будет подчинено насилию. Расхожая истина о том, что "*власть портит человека*", получает свое подтверждение. И это первый важный вывод.

Эксперимент Милгрэма демонстрирует и статистику механизма культурных сдвигов в обществе, вероятно, не только в части агрессии, а и в части изменений этических границ и норм вообще, в том числе и позитивных.

Механизм перестройки этических норм предположительно одинаков в любой изменяющейся социальной системе. Как гипотеза принцип изменений должен опираться на то, что всякие долговременные изменения в нормах поведения вызываются повышением уровня удовлетворения потребностей (основой может быть некий ресурс-подкрепление). Или иначе, изменения происходят потому, что потребности людей начинают более полно удовлетворяться. Если где-то господствовал социальный механизм или функция А, и отдельные индивиды с некоторого момента получают возможность безопасного удовлетворения в любом смысле I, II, III (некоторых собственных) потребностей с помощью более эффективного механизма или функции Б, то с вероятностью две трети через некоторое время обучения восторжествует механизм Б при сопротивлении только одной трети сообщества. У нас на руках понимание скорости деформации (разрушения старых или построения новых) институтов и норм (в реальности есть дополнительные стабилизаторы — о них позже). Скорость эта определяется отношением 2 к 1. Этот вывод имеет прямое отношение к теме данной работы — соотношению потребностей и культуры. И это второй вывод.

Еще один вывод. Обратимся к сути экспериментов. Они демонстрируют требования к порядку удовлетворения потребностей. Действительно, подчиняющиеся заключенные или обучаемые "ученики" по статусу или фактически не могут дать отпор. Это означает полное обеспечение или удовлетворение тех, кто обучается насилию, в потребности в безопасности (физической, юридической и т. п.). Насильники получают положительное подкрепление "творчества" в усилении давления, в научении к управлению другими. У них формируется спокойное профессиональное отношение. Часть из них приобретает метапотребность (садизм), другая часть получает установку "на достижение" по Маклелланду. Последняя формирует потребность в творчестве преодоления (в данном случае сопротивления воли и психики других людей). Третья часть просто получает поведенческую установку на насилие и произвол, без цели или как говорят в России "без царя в голове". Авторы эксперимента отметили, что ни один из людей Зимбардо не отказался от "работы" тюремщиком" — сам автор эксперимента вошел

“внутрь опыта”. Поскольку власть предержащие в опытах считали себя творцами, то оба эксперимента можно считать и *доказательством теории Маслоу по первичности безопасности для развития творчества, развития властности как потребности в безопасности III (уважения)*. Этот раздел можно считать и аналитическим материалом к уже проведенному силами Зимбардо и Милгрэма экспериментальному обоснованию важной части иерархии потребности Маслоу.

Только малое время испытаний у Милгрэма и отвлеченный их характер — отсутствие серьезных мотивов, потребностей (кроме абстрактных целей “изучить возможности обучения”) не дал более эффектных (возможно, более выразительных или трагичных) результатов.

Постепенность экспериментов Милгрэма играет немаловажную роль. Можно предположить, что если бы Милгрэм “ускорил” эксперимент “учителя” и если бы пациент-“ученик” начал самым выразительным образом протестовать и стонать — а число ступеней было бы слишком малым, то большинство испытуемых “учителей”, еще не привыкших к чужим страданиям, не смогли бы продолжить эксперимент и прекратили его. Тогда вероятность отказа в быстром эксперименте была бы много более значительной.

Самое время вспомнить о технологии “обстреливания” солдат на поле боя, или о технологии обучения юных спартанцев кровавым ночным нападениям на илотов. Сюда же относятся и основания теории Макклелланда о важности малых отклонений от ожиданий. Малыми шагами к большой цели, к творчеству в насилии.

А теперь подведем итог.

13.3.9. Культурный источник власти — отсутствие сопротивление будущих жертв

А теперь взглянем на эксперимент с другой стороны. Социум господства монопольной власти имеет такие результаты при полной беззащитности жертвы или при полной подчиненности жертвы. Если границы власти упруги и не защищены заботой и сопротивлением граждан, то последних нам полагается автоматически занести в состав заключенных Зимбардо или учеников Милгрэма. “Жертва создает тирана”. В среде школьников неоднократно известны ситуации, когда вся среда или “избранные” находят себе жертву и мучают ее. Кончается это нередко трагически. Возрастает садизм мучителей, это подобно воспитанию тигра-людоеда. Такой будет опасен для многих, прежде всего, для слишком уступчивых.

13.3.10. Экономический источник власти — обладание материальным ресурсом и расходование его

Когда источником власти является труд (и доход) граждан, то власть часто можно рассматривать как ограниченную трудом (налогами) и волеизъявлением граждан (согласием с правлением лиц и бюджетом, порядком использования ресурсов). Но если у власти имеется “свой бизнес” и свои монополизированные ресурсы (собственность на землю, жилье населения, сырье и т.п.), то такой ресурс (уже априори не зависимый от переменной воли граждан) образует постоянный источник формирования и усиления власти. Решение, как известно, состоит в исключении со стороны общества бесконтрольного использования общих постоянных и независящих от текущей воли граждан ресурсов. К этому же относится и запрет коммерческой деятельности государства — например оказания гражданам услуг рыночного типа. Любые услуги гражданам должны идти только по себестоимости. Особенно опасно использование извлечение государством доходов из коммерческой деятельности граждан как самоцель, когда государство начинает рассматривать население как источник доходов в то время, как прерогативой граждан является рассмотрение государства как инструмента решения своих общественных проблем и создания условий для самодеятельности и свободы хозяйствования граждан. Здесь сталкиваются две системы ценностей. Государство — это институт (чиновников), который помогает удовлетворять (не как отдельный субъект) потребности граждан или граждане обязаны удовлетворять потребности единого целого как института (чиновников). В этой дилемме первая позиция обязывает государство слушаться граждан и служить ему, например, передать всю собственность в руки граждан и практически не иметь собственности иначе, чем с разрешения граждан и на общественные нужды. Вторая позиция, наоборот, обязывает государство следить за гражданами как за заблудшими овцами и пасти их в загоне, который оно для них строит, и постоянно стричь их как овчар в овчарне. Отношение к ресурсу и его сбору, ведению и использованию в обоих позициях прямо противоположное. Например, сдача муниципальных помещений для магазинов или сдача земли а аренду для производства сельхозпродуктов в первой позиции абсолютно неприемлема (следить за отсутствием частных владельческих или региональных монополий — это обязанность государства, но все остальное продать или даже отдать в производство), а во второй — единственно и возможна.

Однако, сказанное об успешной агрессии — не все. Мы можем говорить о формировании в свою очередь властью с помощью ее чрезмерных ресурсов поведенческой установки общества на подчинение, о приучении к покорности, беззащитности или незащищенности, т е. коррекции ментальности.

13.3.11. Эксперимент Мартина Селигмена о выученной беспомощности

В 1964 г. Мартин Селигмен, работая в психологической лаборатории Пенсильванского университета, выявил необычное поведение собак в одном из экспериментов.

“Идея эксперимента состояла в том, чтобы сформировать у собак условный рефлекс страха на звук высокого тона. Для этого их, вслед за громким звуком, подвергали несильным, но чувствительным ударам электрического тока. Предполагалось, что спустя некоторое время собаки будут реагировать на звук так же, как они раньше реагировали на электрошок — будут выскакивать из ящика и убегать. Но собаки этого не делали! Они не совершали элементарных действий, на которые способна буквально любая собака! Вместо того чтобы выпрыгнуть из ящика, собаки ложились на пол и скулили, не совершая никаких попыток избежать неприятностей! Селигмен предположил, что причина может состоять в том, что в ходе самого эксперимента собаки не имели физической возможности избежать электрошока — и привыкли к его неизбежности. Собаки научились беспомощности” [Ромек В. Г., с. 178–187].

М. Селигмен начал собственные эксперименты по новой теме. Вот, что говорит он сам:

“...Первой группе предоставлялась возможность избежать болевого воздействия. Нажав на панель носом, собака этой группы могла отключить питание системы, вызывающей шок. Таким образом, она была в состоянии контролировать ситуацию, ее реакция имела значение. Шоковое устройство второй группы было “завязано” на систему первой группы. Эти собаки получали тот же шок, что и собаки первой группы, но их собственная реакция не влияла на результат. Болевое воздействие на собаку второй группы прекращалось только тогда, когда на отключающую панель нажимала “завязанная” с ней собака первой группы. Третья группа шока вообще не получала” [Селигмен М., 1967, p. 63].

Две группы собак подвергались одинаковым воздействиям: звук — потом электрические удары — различие было в том, что одна из групп могла прекратить неприятные воздействия[45], а другая группа была не

в состоянии остановить удары. Третья группа была контрольной. После "обучения" все группы были помещены в ящик с перегородкой, через которую каждая собака могла спокойно перепрыгнуть и избавиться от электрошока. После своего различного опыта собаки "с активной жизненной позицией", заслышав звук, просто выпрыгивали из ящика. То же делали и собаки контрольной группы. Собаки группы "мучеников", от которых "ничего не зависит", жалобно скулили, метались по ящику и затем ложились на дно, снося удары все большей силы.

Исследователи заключили, что беспомощность и беспомощное поведение вызывают не сами по себе неприятные события, а опыт невозможности (в какой-то устойчивый период) их преодолеть. Опыт беспомощности в длительной ситуации или неумение справиться с ситуацией заучивается как беспомощность, и в дальнейшем активность в поиске решения (избегания, или преодоления) не проявляется. Возникает устойчивое отсутствие поисковой реакции.

Позже Дональд Хирото, американский психолог, в 1971 г. провел аналогичные эксперименты с группами людей и подтвердил всеобщность феномена [Hiroto, D. (1974)].

Вывод по В. Г. Ромеку состоит в том, что беспомощность возникает тогда, когда человек, пытающийся решить некоторую поведенческую проблему, не находит никакой системы в том, как реагируют окружающие на его действия, и никто ему не помогает обнаружить эту систему. У людей существует аналогичный механизм возникновения беспомощности, и беспомощность человека легко переносится с одних ситуаций на другие ситуации, т.е. генерализуется, обобщается. Сказанное прямо напоминает нам установки на избегание Макклелланда.

Однако, Ромек не вполне точен, его модель — модель современного общества, в котором нет места продуманному насилию над личностью или населением. Мы же имеем исторический опыт и материал, в котором не просто отсутствует система решения "некоторых поведенческих проблем". Нередко существует вполне конкретная система подавления активного поведения, система, препятствующая разрешению поведенческих проблем и нормальных потребностей отдельных лиц, групп, целых социальных слоев, национальных групп или даже народов (например, илоты в Спарте). И невозможность преодоления такой системы на протяжении длительного периода создает *ментальную беспомощность социальных слоев, национальных групп и даже народов многонациональных государств*. Иногда такая ментальность имеет

---

[45] Метавшиеся собаки в одной из групп имели и скоро обнаружили педаль остановки ударов и стали предотвращать удары сразу после появления звука.

образ беспомощности, иногда — иждивенчества (“кто ее ужинает, тот ее и танцует!”). Более того, политическая и экономическая беспомощность или иждивенчество включается в *культуру* как существенный элемент.

Еще раз — как возникает беспомощность? Существенным элементом формирования беспомощности у собак являются искусственные эксперименты, которых явно нет в природе. Основу такого научения беспомощности составляют *ресурсы экспериментатора и его власть над животными*. Для “воспитания” беспомощности собак необходимо не только ударять их током, но, по крайней мере, первое время, “не пущать”, т. е. поддерживать в исправности ограду, загон и, конечно, *кормить*. Аналогичный источник служит и “воспитанию” беспомощности больших групп населения. Если мы вспомним такой термин, как “железный занавес” и вспомним, сколько зерна покупает СССР у своих “лучших друзей и союзников”: США, Канады, Австралии — в годы т.н. “холодной войны” для снабжения населения в СССР, то по поводу ресурсов для воспитания вопросов больше не возникнет. Целенаправленное воспитание “сверху” требует своих ресурсов на воспитание и закрепление. Но мы понимаем, что эта тема перекликается с системой формирования страхов и фобий у животных и у людей и символических процессов их устранения.

Этот раздел имеет прямое отношение к теории “мотива на агрессию и власть” и “мотива на избегание неудач” Макклелланда. И, кроме того, информация имеет прямое отношение к пониманию замечания Макклелланда номер “Н” о самозащите кубинского народа и о некоторых других массовых формах поведения. Первоначальная реакция населения маленькой страны, которая противостоит нормальной стране — это резкое повышение потребности самоуважения. Это как бы повторенный хауторнский эксперимент, см. ниже 13.12. Внимание всего мира формирует самоуважение. Но этот ресурс не может долго работать. Далее в дело вступают ресурсы материальные. Для самоуважения требуется подкрепление. Оно может быть и морального плана — например, ракеты СССР на Кубе! Угроза войны! Суть поддержания потребности уважения в том, что для массового “воспитания” некоторого нарушения иерархии потребности Маслоу (уважение против нищеты) нужны определенные и достаточно большие ресурсы изоляции, отдельной информации, например, реальных и мнимых угроз и направленной пропаганды и ресурсы обеспечения и снабжения, которые выполняют роль подкрепления. Такие ресурсы требуется иметь маленькой стране, как и продовольствие, если ей нечего продать на внешнем рынке (эмбарго на продажу кубинского сахара). Нередко та-

кой ресурс поступает извне. Например, это просто труд или проданные ресурсы другого общества. Например, СССР продает нефть, покупает зерно в Аргентине и завозит его часть на Кубу, во Вьетнам, Корею, а это так и было. В любом случае такое нарушение воспроизводства жизни и естественной работы иерархии потребностей человека и больших масс населения является искусственным и не может продолжаться бесконечно долго, оно является отклонением от нормы. Оно рушится вместе с падением роли ресурсов, например, с моментом падения цены на нефть. Суть дела в объемах ресурса, затрачиваемого на эксплуатацию кривого зеркала, направленного на общество. Мы заканчиваем эссе по теме замечания "Н" Макклелланда. Иерархия Маслоу сработала достаточно полно в объяснении феномена массовых истерий, переходящих в тоталитарную стагнацию.

13.4. Мотивы альтруизма и эгоизма

Р. С. Немов противопоставляет агрессии альтруизм [Немов Р.С., 1995, с. 424]. Мы не считаем тезис обоснованным. Альтруизм вовсе не уступка или антипод агрессии[46], а проявление, как будет показано ниже, власти. И альтруизму противостоит эгоизм. Коротко, альтруизм проявление и дарение-передача власти или ее распыление, а эгоизм — стремление к личной концентрации власти, к монополии и индивидуальному распоряжению ресурсом, а на бытовом уровне — жадность.

О месте свойств в системе мотивации. То, что альтруизм и эгоизм не мотивы, а потребности и установки, не вызывает никакого сомнения. Отдельный единственный поступок, вызванный аффектом сострадания не стоит считать альтруизмом, равно как аффект раздражения и психологического срыва и эгоистический поступок — эгоизмом. Поступок не черта личности. Это не практика. Аналогично альтруистический или эгоистический поступок может быть мотивирован какой-то потребностью, но это никак не дает оснований видеть в человеке альтруиста или эгоиста. Так мы отдадим соседнему бандиту, который еще даже не напал на нас, все наши сбережения, не ожидая риска насилия, но никто не назовет нас альтруистом. Нет сомнений и в том, что это

[46] Агрессии, как и власти, противостоит вынужденное депривационное (или, возможно, добровольное, дающее удовольствие как маргинальная черта) подчинение как обеспечение безопасности, или даже излишнее услужение и унижение как частная форма удовольствия, а часто просто бегство.

инструментальные действия, и они, скорее всего, не становятся потребностями, не вызывают формирования нейрохимических циклов.

Но есть и примеры альтруистических и эгоистических практик. *Альтруизм* как практика и как инструментальная установка включает в себя выход на высшую потребность творчества и понимание взаимной связи людей и мира. Поскольку это понимание требует широкого кругозора и культуры, то предполагает высокий уровень удовлетворения всех базовых потребностей (хотя бы в начале становления личности). Самое существенное — альтруизм есть распределение собственных ресурсов, в частности и своего свободного времени для других людей без получения адекватного вознаграждения. Это предполагает наличие свободных ресурсов и тем самым наличие "богатства" в произвольной форме. Дальнейшая жизнь (после утраты ресурсов) может идти с нарушением собственных потребностей, и это состояние (альтруизм в ущерб себе) можно рассматривать как исключительное (близкое к патологии) состояние, что и обращает на них наше внимание (святые, юродивые и т.п.).

Рассмотрим альтруизм как дарение ресурса. Дарить людям то, что они могут свободно взять сами, альтруизмом не именуется. Альтруизм — есть отдача, принесение другому или другим, обществу *своей собственности, своих* ресурсов. Ресурс — это то, что нужно другим, и чего у них нет. Даже небольшая помощь одного другому — означает затрату своего времени (и труда), что в какой-то ситуации оказывается ресурсом. Мы не назовем альтруистом человека, который отдает нам ненужное в духе: "На тебе Боже, что нам негоже!". В целом же неравномерно распределенный ресурс (находящийся у альтруиста) — это власть. Альтруизм — это передаче ресурса и потому своей власти в обществе. И совершенно ясно, что как ограничен ресурс и его неравномерное распределение (негэнтропия), так ограничен альтруизм в его распределении. Если ресурс материален, то все ясно. Отдать свою землю крестьянам и стать нищим или равным им (Л. Н. Толстой). И тайно уйти в мороз из дома в 82 года, когда появляется риск, что семья лишит тебя правоспособности, объявит сумасшедшим — означает покончить с собой в знак протеста. Если это литератор, ученый, то его ресурс безграничен как власть не только знаний, но продукта собственного творческого производства — информации. Тогда ресурс ограничен жизнью индивида.

Можно подозревать альтруиста в стремлении к неудовлетворенной потребности уважения, любви и принадлежности. Но это вполне достойная замена распределяемому альтруистом ресурсу и его общественно-полезной деятельности. Но, вероятно, альтруист — это чело-

век, который страдает от дискомфортного состояния окружающих его людей или от страданий мыслимого им человечества. *Сострадание и сопереживание* есть, вероятно, его обостренная для социума особенность. Что есть сострадание? Это собственное ощущение страдания других людей, перевоплощение в них — и это депривация спокойствия. Другими словами, это особой формы *потребность в безопасности* "человека мира". Она не удовлетворена — альтруист несет в себе страдания других (Иисус Христос, Федор Достоевский, Лев Толстой, Антон Чехов). Вероятно, это наилучшая трактовка (несбалансированного личными потребностями) альтруизма. Такому альтруизму не достанет никаких материальных ресурсов — он будет заботиться о людях всегда. Это, когда "служение человечеству" становится направленностью личности.

Считать ли это патологией? Особенно, если предполагать, что излишняя забота портит человека, ослабляет его? Это вопрос для альтруиста и для страдающей стороны[47].

Фрагмент выше подготовлен ранее, чем мы получили возможность приступить к теме "совести". После рассмотрение (ниже) совестного состояния можно уверенно считать, что распределение ресурса является *действием* под управлением *мотива* сострадания в случае высоко работающей совести, которую мы рассматриваем как проявление отдельной, но не общей пока *особой формы потребности в безопасности* (внутреннего дискомфорта), см. разделы 7.29 и 13.6.

Как бы ни хотелось видеть в обществе потенциальные возможности к альтруизму, биологических оснований к этому пока, кроме обсуждаемых здесь исключений, мы не видим.

В любом случае, как вывод: альтруизм — есть *энтропийное поведение личности*, распределяющей свой излишний ресурс, если речь идет об одиночке на фоне людей-собирателей, не проявляющих альтруизма. Однако в жизни людей основные формы деятельности представляют собою негэнтропийные процессы [Вальтух К. К., 2001, с. 112–113]. Это процессы, создающие менее вероятные состояния, процессы и объекты (например, электронная плата компьютера) из объектов и материи, рас-

---

[47] На будущее нашим ориентиром может быть обсуждение того, как воспитать человека, у которого в будущем будут удовлетворены почти все потребности так, чтобы человек не вернулся в свое биологическое состояние "здоровой жизнерадостной свиньи" от отсутствия текущих жизненных проблем. Очень важно понимать, что потребность в безопасности у человека ни в коем случае не должна быть полно удовлетворена. Внешний мир и даже сосед должны во всех аспектах постоянно показывать каждому человеку границы силы, права и свободы самого человека.

пределенных более вероятно, равномерно и естественно. Такое невероятное (негэнтропийное) перераспределение (производство) происходит за счет прошлых и текущих затрат энергии Солнца.

Эгоизм аналогичен и противоположен. Он часто связан с индивидуальным накоплением ресурса, но в конкуренции с другими людьми. Основой эгоизма должна тогда служить базовая неудовлетворенная потребность безопасности I и III. Потребность II удовлетворяется по определению без конкуренции с соседями. А конкуренция предполагает наличие дефицитного ресурса. Это может быть и пренебрежение к жизни другого человека при спасении своей жизни — I. Это может быть и жадность-стяжание как накопление ресурса в ущерб другим людям или стремление к ресурсу как к власти — III. Это может быть и борьба за невесту без ее согласия, или разрушение другой семьи ради своего чувства, или отторжение иных конкурентов в борьбе за общение с собеседником. Присвоение любого дефицита в свою пользу. Поведение негэнтропийное. Можно считать подход определенной направленностью “на преодоление личного дефицита” или на “создание дефицита для остальных”. Ценности сконцентрированного ресурса в целом полезны для общества и каждого члена общества как конструктивное действие, поскольку удовлетворяет потребности в безопасности всех уровней, создает резерв надежности в жизни. Но в своей гипертрофии оно становится опасной монополией (и властью) для остальных сограждан, и далее может давать следствия, представленные в пп. 13.3.9.

13.5. Рациональное в психоанализе и проблема иерархии Маслоу

Известно, что ряд психологических научных ассоциаций рассматривают психоанализ как лженауку. С позиций лечебной практики и толкования страхов и фобий, их поиска, это в большинстве своем верно. Однако мы на основании представлений о фобиях и их происхождении можем говорить о частичной реабилитации некоторых патологий и неврозов, когда некоторые события, уникальные для пациента могут накладывать индивидуальный характер страхов типа потребности в безопасности I, II, III. При этом фобии и неврозы сексуального плана можно рассматривать как утрату потребности в безопасности II (тревоги технического, бытового и физиологического порядка и тревоги и страхи по поводу здоровья) или III (тревоги статусного порядка “уважения”, или сочетания с проблемой власти и подчинения). В анализе и в обнаружении причин нет других методов, кроме истории жизни само-

го пациента. А искренность истории в интересах пациента. Однако, теория Маслоу и психоаналитическая теория — антагонисты, поскольку первая отражает человека в целом как среднего, нормального человека, а вторая принципиально затрагивает исключительно отдельного человека в его отличии от других и даже сугубо в его патологии.

13.6. Совесть как процесс мотивации и потребность в безопасности III. Или IV?

Вот человек. Он всем доволен.
И тут берет его в тиски
Потребность в горечи и боли,
И жажда грусти и тоски.

Игорь Губерман

Эрих Фромм сказал: “Совесть в ее различных эмпирических проявлениях — дело весьма запутанное. И стоит поверить. Совесть является элементом и процессом мотивации человека в наиболее сложных ситуациях. И как часть теории мотивации она должна быть на современном уровне понята и представлена.

Очень интересно, что практика социального анализа ничем не отличается от функций проектирования бизнес-процессов и проектирования программного обеспечения. Построения глоссария и выделение ведущих суждений по теме (то, что в науке именуется обзором литературы) оказывается мощнейшим инструментом для построения работающей схемы в понимании (моделировании) объекта. В проблеме такой сложности, как и в проектах, очень важно определить границы проекта, но определить так (и в этом самое большое искусство), чтобы не повредить перспективам расширения и объединения объекта исследования с другими, внешними. В анализе такой темы, как совесть, это наиболее важное обстоятельство.

Господствующие две существующие теории совести — эволюционная и интуитивистская — противоположны друг другу Мы используем обзорную статью по теме из Википедии.

Интуитивистская теория предполагает, что индивид действует (должен действовать) по совести на основе интуиции. Интуиция вечна и дает истинное решение на каждый текущий момент. Индивиду предлагается “слушать” себя (Цицерон и Сенека). Ответ слишком древних по духу. Точно такое же решение вся социальная наука могла бы сформулировать и к проблеме мотивации в целом вместо развития

теорий. В обыденном сознании следует слушать себя, доверять своему сознанию (и своей системе потребностей), и все тогда будет в порядке. Автор этих строк согласен и с данной теорией. Самосохранение (жизнь человека и предпочтительно жизнь сразу всех и безопасность I или II) — это принцип и основание функционирования совести человека (стоическая философия). Действительно, самый простой крестьянин и без высоких теорий приходит со временем к выводу, когда ему следует служить государству (если кочевники приходят с грабежом и уводят людей каждый год), а когда можно прятать от грабителя-чиновника урожай и доход. И жизнь в части периода империй, и периода, например, феодализма, вполне подтверждает это. Для схоластов совесть — это мораль от Бога, а "синдерезис" — это умение оценивать и направлять волю к справедливости. Позже все вместе оценивается как "моральное чувство" (Шефтсбери). Но такая "теория совести" — означает просто отказ от всяких теорий, и потому мы в свою очередь отказываемся от "теории отказа от теории".

В последующем мыслители, по сути, перебрали все потребности человека, чтобы обосновать врожденность и значение совести. О самосохранении мы уже сказали. Хризипп: совесть — "осознание собственной гармонии" (поиск снятия напряжения дисгармонии — потребность в безопасности?). Батлер: "совесть — врожденное стремление человека к благим деяниям" (альтруизм как совестное состояние и состояние сострадания?). Адам Смит: "совесть — это эмпатия к людям и наша реакция на их мнение в нашем поведении" (потребности в принадлежности, общении, аффилиации и уважении?). Кант очистил совесть догола: "совесть — это чувство долга"(напряжение несоответствия норм и практики?). Ницше: "совесть имеет источником самоутверждение (потребность в самоуважении и самореализации)". И все частично правы.

Когда источником видят разные потребности и состояния человека — это означает, что явление чрезвычайно сложно и требуется более мощное объединяющее решение.

Эволюционная теория (ближе к материалистической) берется нами за начальную основу как теория по принципу каузальная.

Мораль — это система нравственных норм и ценностей, которые *господствуют* в обществе. Эволюционная теория не отвечает на вопрос, насколько стабильна мораль в обществе. Это мы сейчас знаем, что *мораль* в обществе очень медленно изменяется (как и традиция), и что в обществе могут существовать несколько видов морали, уходящая или реликтовая, текущая и зарождающаяся, будущая. Сама теория не описывает, как и почему, в каком направлении изменяется мораль. И это

мощная граница в анализе — мы за нее здесь выходить не будем, оставив эту дихотомию разделам и обоснованиям социологии и истории. У Э. Фромма выделены два исторически обусловленных сегмента "авторитарная" и "гуманистическая" этика и совесть. Это тоже указывает на динамику и переход в обществе от одной (авторитарной) к другой (гуманистической).

Энциклопедия "Википедия" — достаточно емкий источник по данной теме.

"Нравственность есть принятие на себя ответственности за свои поступки. Поскольку, как следует из определения, нравственность основана на свободной воле, постольку нравственным может быть только свободное существо. В отличие от морали, которая является внешним требованием к поведению индивида, наряду с законом, нравственность есть внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и (или) согласно своим принципам." [Википедия, статья "нравственность"].

Нам нравится это определение, оно использует однозначное понимание отношения (установки) поведения, а не одного поступка. Тем не менее, в нем присутствуют противоречия, которые мы последовательно раскроем. Понятия стабильности морали, "свободного существа", свободы "выбора принципа" и свободы "выбора поступка" — здесь являются исходными кирпичами для новой постройки.

Совесть — это эмоциональные чувства и (или) рациональные оценки и мотивы человека, выбирающего соответствие или несоответствие своего прошлого (память, угрызения) или будущего поведения (выбор) требованиям текущей морали и(или) своим *принципам*. Теперь у нас объекты: этика общества, нравственность или ценности субъекта, прошлые и будущие поступки субъекта.

Это суждение вполне подкрепляется и происхождением, которое отражается в смысле термина. Совесть — это "со весть" — сочетанность информации или соответствие поступка внутреннему (или внешнему) закону или ценностям человека (общества) или соответствие будущего, планируемого поступка ценности и принятым моральным нормам индивида или общества.

Перед нами не что иное, как сложные ситуации обстановочной афферентации (подготовки действия) или оценочной афферентации ("разбора полетов").

Совесть? Зачем и почему это нужно? Можно сказать в ответ, что в жизни есть много непростых ситуаций, для которых нет готовых штампов-решений. И это первая ситуация.

Кроме того, жизнь движется вперед и вместе с ней возникают все новые коллизии, которые не имеют прописанных нравственных норм.

В реальности коллизии обнаруживаются многими десятками, и это при появлении новых проблем, которых никогда не было ранее.

И третье — самое важное. С жизнью меняется и сама мораль — продукт и функция общества. Поскольку общество само меняется, как и мир в целом, и с учетом того, что мораль в обществе — тоже вещь переменная (от хорошего к лучшему, но не всегда), возникает проблема собственного отношения личности к морали или к ее нескольким видам (прежней, текущей и возникающей сейчас). Отсюда и собственные ценности как-то развиваются, хотя могут и жить своей отдельной от общества жизнью. Достаточно вспомнить простые требования к сексуальным добрачным отношениям в обществе и к добрачной беременности сто лет назад и сейчас.

Отсюда возникает и право индивида самому строить свои принципы, выбирая ту мораль, которую он считает более разумной или совестной. В реальности каждый из нас строит своим поведением (и своей совестью, какая ни есть) общую или среднюю мораль общества, и потому ответственность лежит на каждом.

Итак, меняется жизнь, сам человек действует и изменяет свои ценности и тем совершенствует нормы общества. Как мы покажем ниже, от практики всех нас, многих людей, эти нормы постепенно сдвигаются. Изменения нам более заметны в части языка, но нравы меняются аналогично.

Мы выходим на соотношение норм и практики. — Нормы поведения (принятых в обществе форм-установок) и реальные индивидуальные поступки — должны находиться в согласии, но часто не находятся. И это разночтение в прошлом и будущем человека есть несоответствие его когниций, его практики и его внешней среды. И несоответствие может вызывать тревожность или напряжение. Такое напряжение, как и ранее, именуется потребностью безопасности в настоящей теории. В данном случае совесть касается воспоминаний или планов поведения, т. е. касается межличностных отношений и отношений с обществом в целом. Вероятно, это неудовлетворенная потребность в безопасности III. Но реализуются такие напряжения только внутри индивида, “... в душевной глубине / Встают и заходят оне / Безмолвно, как звезды в ночи ... ” А для данного специфичного раздела внутренних противоречий человека в жизни они имеют название “совести” или совестных состояний.

И еще одно. Почему то, что не вызывало в жизни проблем вдруг вспоминается много позже как пробуждение совести. Дело в том, что мы сами изменяемся. С ростом опыта возрастает сложность и культура поведения и сложность нравственных норм. К старости некоторые

"молодые" поступки кажутся менее обоснованными. Наша система ценностей изменяется, и происходит "переоценка" прошлого. Кроме того, нередко совесть или "разбор полетов" запускается в конце жизни, когда текущий поток событий иссякает, и память начинает воспроизводить далекое прошлое.

Мудрость — еще один фактор. За нравственностью стоит сложность мышления и оценки мира. За простыми видимыми следствиями нашего поступка стоят более сложные и менее видимые, но реально существующие тонкие следствия и влияния. С ростом опыта, глубины мышления и в возрасте мы нередко начинаем видеть более глубоко. Как говорит мой друг Валерий Р.: "Длина логических цепочек в мышлении возрастает". Совесть есть проявление длинных логических цепочек ее носителя. Чем больше и дальше видит мышление, тем больше следствий видимы у наших поступков, и тем больше работы для нашей совести.

И не зря самые совестные люди любых вероисповеданий, которые по роду дела относятся к оценкам поведения человека профессионально, предупреждают гордецов или, как сейчас говорят, людей амбициозных, уверенных в безгрешности: "Не возгордись". И сказано Иисусом фарисеям, готовым побить грешницу: "Кто из вас без греха, пусть бросит в нее камень!" (Ин., 8: 5-11). Потому, что в длинных причинных следствиях или, как в математике, в "длинных стратегиях", многие наши поступки вовсе не оптимальны и чаще просто ошибочны. Почти каждый поступок во многих сторонах и аспектах оказывается сложным и несет в себе и позитивное, и одновременно отрицательное следствие.

Взвесить последствия и сделать иначе, а иногда и вовсе наоборот! В этом смысле "мудрость — юдоль печали"! Это и отсутствие простых и потому мгновенных решений. Не хитро "тянуть одеяло на себя", "класть кусок хлеба в рот"! Сложней перед едой заботиться о близких, их питании, тепле и крове. Еще сложнее помнить о благе соседей и местной общины, еще дальше — о чистоте, зелени и красоте улиц родной деревни или города. Еще сложнее помнить о благосостоянии своего народа, заботиться о том, чтобы законы были ему во благо, и амбициозный генерал не вверг страну в войну и в лишний расход! А чиновник исполнял закон, установленный народом для народа, а не управлял народом. Есть и проблемы уровнями выше, о мире между народами и об уважении чужой земли и свободе народов, которые с тобою рядом. И о многом другом. И тогда поступок в первом плане удобный и разумный становится бессовестным во втором контексте, поступок, учитывающий второй контекст, нарушает логику третьего контекста

и т. д. Наиболее безопасны и полезны для совести самые длинные стратегии, но они и самые опасные и неэффективные в краткосрочном плане. Особенно, когда рядом люди коротких мыслей. И таких людей много потому, что они бедны и их насущные потребности требуют немедленных решений. И их жаль! И их жизнь важнее всего! И баланс решений не может быть идеальным для всех уровней решений!

Совесть как забота о своей безопасности — это забота о себе, но долгий путь и длинная стратегия приводит к необходимости заботы об остальных. Например, твоя свобода и ресурс ничто без свободы и некоего состояния соседей, их ответственности и их доброго к тебе отношения. Иначе, ты будешь одинок в жестокой и опасной толпе, готовой тебя растоптать и ограбить в ненависти твоего благосостояния. Не отсюда ли состоятельные люди стран с нерешенными социальными проблемами вынуждены жить за высокими заборами, высота которых напоминает культуру замков 11–12 века в Западной Европе.

Отсюда совесть — мера глубины и... мера неудовлетворенности потребности в безопасности... в данном случае, безопасности твоей души! Перед кем? Не перед Богом! Когда боятся Бога, боятся греха и боятся Ада — это внешнее и после смерти! Совесть это безопасность души перед другим своим "Я". И это второе "Я" — нравственный судья в душе. Если в душе нет Суда, значит перед нами животное! Здоровая жизнерадостная свинья! Если Суд в тебе, то ты отвечаешь перед собой за свою жизнь и вынужден отвечать и за других[48]. Высший ли это Суд? Не надо гордыни! Он может тоже ошибаться! Но все же он Суд! Перед собой[49]! Индивид думает не прямо о текущем. По сути, он думает о прошлом или о будущем, и потому о себе. Он беспокоится о столь отдаленном, сколь далека его мысль и видимая им длина логики. Через других — о себе! Или через других сегодня — тем самым о безопасности в будущем своих детей, внуков, дома и земли. Это как сажать деревья. Это нечто вроде безопасности IV. Это очень высоко!

---

[48] Эта рефлексия уже строится в психологии самими психологами, как самоконтроль, см. например, работы социолога Альберта Бандуры

[49] Как сказал Олпорт (1955) о совести: "я испытываю чувство обязательства, в котором присутствие страха не прослеживается. Утверждать, что я боюсь будущих угрызений совести, значит путать возможный негативный результат с полностью позитивным и непосредственным чувством обязательства, согласия с самим собой, что явно первично... Совесть лишь предполагает рефлексивную способность обращаться в конфликтных случаях к матрице ценностей, которые ощущаются человеком как его собственные... Скорее, это чувство нарушенной ценности, недовольство несоответствием идеальному образу себя".

13.7. Совесть и свобода личности

У Роджерса есть фрагмент-рассуждение о двух пациентах. Первый из них выбирает

“направление действий” которое является самым экономным вектором по отношению ко всем внутренним и внешним стимулам, потому что это именно то поведение, которое будет наиболее глубоко его удовлетворять. Но это то же самое направление действий, про которое можно сказать, что с другой, удобной точки зрения оно определяется всеми факторами наличной ситуации...

И можно сказать, что в наиболее благоприятных условиях психотерапии человек по праву переживает наиболее полную и абсолютную свободу...”

Второй пациент, обладающий защитными реакциями (мотив не включает избегание неудач)

“хочет или выбирает определенное направление действий, но обнаруживает, что не может вести себя согласно своему выбору. Он детерминирован факторами конкретной ситуации, но эти факторы включают его защитные реакции, его отрицание или искажение значимых данных. Поэтому он уверен, что его поведение будет не полностью удовлетворять его. Его поведение детерминировано, но он не свободен сделать эффективный выбор”.

И подводя итог, Роджерс считает, что

“Полноценно функционирующий человек не только переживает, но и использует абсолютную свободу, когда спонтанно, свободно и добровольно выбирает и желает то, что абсолютно детерминировано” [Роджерс К., с. 234–247]

Этот чудесный фрагмент наводит на мысль, что одно и то же обстоятельство — ограничение в жизни — человек может интерпретировать противоположным образом. Оптимист их интерпретирует как свободу, в которой он “выбирает направление действий с учетом внешних и внутренних стимулов”. А пессимист оценивает то же самое как ограничения своей свободы “факторами наличной ситуации”. Он в контексте “защитного настроения”, и он желает иного выбора, который ситуация не позволяет.

Итак, существует всего две ситуации.

Или человек действует в условиях “ощущения свободы”, когда он ставит выполнимые или достижимые цели, и не ставит (интуитивно) недостижимых целей.

Или индивид постоянно ощущает всю среду как непрерывное ограничение его намерениям и планам, поскольку его планы и намерения не соответствуют его собственным свойствам, возможностям

и положению в среде, “факторам наличной ситуации”. Но поскольку он ощущает себя несвободным, то ничего дополнительного кроме такого ощущения он себе не добавляет. То, чего он может достичь, он достиг, чего не может, в том — не свободен по ощущению.

И мы приходим к новому пониманию свободы. В первом случае, это “осознанная и реализованная возможность”. Во втором случае это “осознанная невозможность” или “неосознанная, но реализованная на практике невозможность”, т. е. “проявившая себя необходимость невозможности”. За кадром второй ситуации остается забытая пессимистом его уже “реализованная возможность” и “осознанная необходимость того, что он достиг”. Если бы он “ничего не мог”, то он бы как тип и не существовал, и мы бы о нем не говорили.

С учетом собственно структуры иерархии потребности Маслоу всякая “реализованная возможность” и “осознанная необходимость достижения” означает удовлетворенную потребность. На ее основе возникают новые более высокие потребности вплоть до тех, которые невозможно удовлетворить в варианте мотивации, выбранной индивидом. На этой границе и останавливается индивид-пессимист с ощущением несвободы. И на этом варианте продолжает развиваться или даже просто счастливо пребывать индивид-оптимист с ощущением свободы. Полстакана свободы или полстакана несвободы — это выбор любого человека в оценке жизненных достижений. А объективно это всегда именно полстакана, хотя счастливый вполне способнее считать его полным стаканом своего счастья.

Наша модель — “человек имеет те потребности, которые может удовлетворить” — оказывается верна де факто. И это еще раз подтверждает, что нормальный или счастливый человек тот, кто ставит себе достижимые цели. В ощущении свободы и несвободы лучше всего используется дихотомия Макклелланда — достижении (свободы) и избегании (несвободы).

В объединении двух разделов мы возвращаемся к сложной формуле Википедии: “нравственным может быть только свободное существо”. Теперь мы понимаем, что при указании на нравственность речь идет о двух “Я” в Душе. Я-исполнитель и участник-аналитик и Я-нравственная норма. Человек рефлексирующий имеет выбор действий и своего внутреннего судью. И он свободен в своем поведении в смысле выбора уровня стратегии даже будучи в несвободном обществе, когда он отличает свою нравственность от официальной морали такого общества. Но такое построение системы мышления, такая сложная его структура предполагает длинный путь предшествующего развития личности и определенно требует мощного движения по лестнице социальной

культуры и иерархии потребностей. Человек, который был всегда только голоден, не может пройти всю лестницу потребностей. Отсюда мы и вынуждены делать вывод, что свободный даже только в душе человек отражает и некую свободу своего прошлого развития (хотя бы в какой-то период).

13.8. Рутинный труд как фактор демотивации и несвободы

В работах Макклелланда следует отметить интересный результат. Люди с высоким уровнем достижения по Макклелланду показывают превосходство в усвоении и развитии своих результатов в сравнении с индивидами низкого уровня достижения. Но есть исключение. Оно касается исполнения *рутинных, обыденных заданий*, т.е. таких заданий, в которых нет творчества. Например, исследователи предоставляли испытуемым формальную работу, в которой невозможно научиться лучшему ее исполнению: например, вычеркиванию какой-то буквы из печатного текста. В этих случаях индивиды высокого уровня достижения уступают индивидам с низким уровнем достижения, см. [Мадди С., в разделе "Исследование периферии личности", ссылка на Лоуэлла, McClelland, 1961; Макклелланд, 2007, с. 284].

Мы останавливаемся на этом факте, чтобы обратиться к теме рутинного труда и его места в иерархии потребностей Маслоу.

При представлении и анализе других теорий, связанных с мотивацией труда, мы должны ввести новые объекты в исследование личности — *рутинный труд* и *творческий труд управления* в организации. Оба связаны с разделением труда. Этой обширной теме посвящено наше Приложение здесь и сжатое популярное издание [Четвертаков С.А., 1998]. В данном материале мы используем по этой теме минимум информации для связи видов рутинного и творческого труда с мотивацией.

В истории человечества, начиная с форм потребляющего хозяйства, используется разделение труда. Первоначально оно носит биологический половозрастной характер как внутрисемейное или внутристадное разделение труда (половое и возрастное). В присваивающем, охотничьем хозяйстве это разделение отражается уже на массовом изготовлении первых орудий труда (рубила в палеолите до неолита). При становлении производящего хозяйства (земледелия в Евразии и Африке или, возможно, переработки выловленной рыбы на Западном побережье Южной Америки) разделение труда начинает принимать организованные формы первых *иерархий труда*, о происхождении и структуре которых мы будем говорить в другой работе.

Иерархия труда как объект в социологии отличается от “организации”, представленной в теории Макса Вебера, она отличается и от государства как политической структуры. *Иерархия труда носит еще более общий модельный характер*, включая все указанные структуры с ограничениями или в их ограниченные периоды развития. Все иерархии труда включают, предполагают рутинный труд на нижнем уровне структуры и творческий труд управления на всех остальных вышестоящих. Критерий типа иерархии — недобровольность труда или добровольная, но психологическая (низшими потребностями) вынужденность подчинения, например, договор найма работника.

Иерархия труда в истории человечества принимала различные функции: военные, силовые и политические, производственные, или только даннические. Иерархия использовалась в производящем хозяйстве с прямым принуждением к труду — например, при завоевании и уводе пленных в рабство. Она играла различные роли, и на них мы сейчас не будем останавливаться. Существенно, что в наиболее адекватных формах в иерархии труда как в обобщенной и широко распространенной модели социальной структуры постоянно предполагается рутинный труд исполнения и творческий труд управления, и существенным является передача части готового продукта от рутинного труда вышестоящему труду управления.

Рутинный труд в психологии труда определяют как *бедность сенсорного воздействия на индивида путем чрезмерного дробления рабочих операций, их простотой в сочетании многократным повторением в одном и том же темпе и слабой загруженности интеллектуальной сферы работника* [Ильин Е.П., 2001, с. 209].

Творческий труд управления определяется как творческий труд, *связанный с координацией различных видов рутинного труда в социальных структурах разделенного труда, т. е. умственный творческий труд управления* (координация, планирование, контроль и распределение результатов общего труда разделенных видов). Или иначе, управлением называется творческий умственный труд работника управления, который выступает как звено в замкнутой цепи управления с подчиненными работниками управления или работниками рутинного труда в виде объектов управления. Труд управления включает все или часть функций: 1) прямое и / или управляющее воздействие — формирование заданий и планирование (определение) объемов заданий, сроков завершения, а также в ряде случаев, но не всегда, планирование объемов ресурсов, необходимых для исполнения; и 2) обратную связь в цепи управления — оценку результатов исполнения заданий и анализ ситуации. В функции управления входят: распределение заданий вниз по исполнителям и суммированное представление результатов снизу

вверх, координация труда и др. При всем многообразии *обязательным элементом труда управления является указание от труда управления на количество труда или результатов труда, которые рутинный труд должен предоставить в распоряжение творческого труда управления.*

Степень рутинности труда в истории развития разделения труда постепенно нарастала. Однако следует сказать, что иерархия труда возникла значительно раньше, чем рутинный труд стал массовым в истории человечества. Именно в отдельные моменты и в отдельных местах потребность в рутинном массовом труде и сформировала структуру иерархии труда. Позже и долгое время спустя иерархия труда во многих сферах использовалась по минимальному назначению — сбору и распределению прибавочного продукта. Но и сам процесс сбора такого продукта по работникам рутинного труда, иногда просто по населению, является тоже рутинной процедурой, соответствующей функциональным возможностям иерархии труда. О различиях принудительной дани, ренты, фиска и современного налога мы будем говорить в отдельном материале.

Однако вернемся к различию этих видов труда. Для системы мотивации труда (позитивного и негативного отношения человека к труду) важны несколько положений, которые мы далее будем использовать как аксиомы, однако подробное обсуждение этих тем дается в другом материале.

1. Рутинный труд всех видов не удовлетворяет высшие потребности человека в творчестве (или игре). И по Маслоу это означает отсутствие свободы.

2. Умственный творческий труд управления является творческим трудом, но предметом этого труда являются другие индивиды.

Неверно предполагать, что труд управления может быть бюрократизирован до предела и тем превращен в рутинный. Объектами управления являются реальные живые люди, и контроль над ними является минимально настолько творческим, насколько отличаются подчиненные люди от автоматов. Работу управления с людьми следует уподобить работе авиадиспетчера. У каждого самолета есть свой курс и эшелон (высота), и эти параметры должен задать руководитель. Но каждый летчик плюс техника, плюс погода и ветер, могут отклониться от заданных форм поведения, от маршрута и т. п. А значимость каждого отклонения и порядок, время коррекции, определяет сам диспетчер. Творчество как минимум состоит в этом, даже если предположить, что все остальное расписано по инструкциям (например, у руководителя низшего звена — заводского мастера в бригаде рабочих и т.п.). И обычный работник может заболеть, капризничать, испортить продукцию

и инструмент, потребовать роста оплаты и т.п. И не социологу, знающему, какой сложный объект исследования — общество и человек сам по себе — в пору делать вывод, что управление человеком может быть рутинным трудом[50].

Степень рутинности труда в массовом масштабе достигла своей вершины в 30-х годах прошлого столетия (Тейлоризм, Фордизм) в развитых капиталистических странах. И постепенно в "постиндустриальной культуре" происходит процесс автоматизации рутинного труда, сдерживаемый наличием обширной периферии примитивных культур труда и низких культур жизни. Однако в ядре развитых стран возникают новые процессы, обусловленные ростом объемов творческого труда в целом и даже деформаций иерархий труда в связи с уменьшением роли рутинного труда в них, о которых мы говорили в 1978 г. в рукописи, оценивающей перспективы будущего постиндустриального общества.

В свете сказанного мы можем иначе и более систематично рассмотреть историю развития теорий мотивации труда в XX-м веке.

13.9. Теория Герцберга

13.9.1. Размещение факторов Герцберга в системе Маслоу

"Мотивационно-гигиеническая" теория Ф. Герцберга построена на анализе массива мнений инженеров и бухгалтеров, т.е. специалистов в основном творческого умственного труда, ко времени труда и уже до середины XX-го века труд бухгалтеров стал в значительной степени и рутинным трудом расчетчиков.

В своей теории Герцберг заметил и выделил следующее: ряд "гигиенических" факторов (улучшение условий труда), снимает неудовлетворенность работников, но не вызывает рост заинтересованности в труде,

[50] Здесь, правда, есть тонкие смысловые нюансы — одна и та же социальная структура может изменять свое объективное назначение — теряя или приобретая статус иерархии труда, не изменяя своего имени. Так государство в определенный период жизни общества управляет обществом (и ее верхушка действительно "творит историю"), и тогда оно является иерархией труда. В более поздний период именно эта структура ставится обществом под жесткий контроль (во многих случаях неудачно и формально и даже символически), и тогда такая структура, если контроль реален, теряет в основном свойства иерархии труда, за исключением редких моментов и в отдельных функциях, например, при боевых действиях армии и в момент чрезвычайного положения.

не мотивирует (не заинтересовывает) их улучшать и развивать труд. В то же время другая совокупность факторов, названных им "мотивационными", увеличивает мотивацию (интерес) работников к труду.

Среди факторов, которые Герцберг назвал гигиеническими, мы видим заработную плату, технические условия труда, межличностные отношения.

Среди мотивирующих факторов автором теории перечислены "факторы, ведущие к возникновению позитивного отношения к работе..., поскольку они способствуют удовлетворению личностной потребности в самоактуализации на работе" [Herzberg et al, 1959/1993, p.114], причем сам Герцберг провел аналогию своих обобщений с теорией Маслоу.

По сути, все *мотивационные факторы* оказываются в сфере роста и творчества, потребности в уважении и самоуважении. Потребность самоуважения тесно связана с ростом и творчеством. Если творчество приносит радость, то самоуважение работника растет даже часто безотносительно к оценке окружающих. Это еще раз подтверждает наличие собственного судьи и второго "Я" у части людей, см. 13.6.

Потребности гигиенические оказываются в сфере деприваций, в сфере нижнего уровня базовых потребностей, не связанных с ростом. Они относятся к группам: физиологических потребностей — к условиям труда, отопления и чистоты рабочего места и т. п.; к потребности безопасности II — факту наличия работы, приемлемой зарплаты; к потребности общения — минимально приемлемым условиям, отсутствию скуки. И только частично они относятся к потребности уважения, причем уважения в своей социальной среде, референтной группе, например, в бригаде, отделе.

Действительно, что мы считаем гигиеной? Гигиеной мы считаем то, что является нормой жизни, то, что выполняется, чего мы уже достигли. Мы не хотим потерять то, что имеем. Потому гигиенические элементы и есть гарантии удовлетворения потребностей низшего уровня. В широком смысле это потребности в безопасности — сохранить то, что есть при угрозе это наличное потерять (психологический фактор — тревога, физиологическая основа — вещества, вызывающие тревожное состояния).

Герцберг сумел отметить следующее. Рутинный труд, бюрократические правила в системе государственных учреждений и промышленных организаций не вызывают энтузиазма и не мотивируют труд. Мы знаем, что все процессы этого типа остаются в границах нейтрально (эмоционально) окрашенных поведенческих установок. По его верному мнению "...основная трудовая мотивация возникает из осознания

личных достижений и ощущения роста личной ответственности. Бюрократическая ситуация обычно не способствует ни тому, ни другому” [Herzberg et al, 1959/1993, p. 125]. При этом Герцберг показывает наличие сторон труда (гигиенического типа), в которых невозможно мотивировать труд:

“Это атомизированные, рутинные, монотонные работы. В их рамках понятия ответственности и достижений теряют смысл... Здесь особую значимость приобретает гигиена. Чем менее возможным становится появление “мотиватора”, тем более высоким должен быть уровень гигиены, обеспечивающий приемлемость работы” [Herzberg et al, 1959/1993, p. 115].

В этой связи мы можем вернуться к результатам экспериментов по Макклелланду. По данным Макклелланда индивиды с высоким уровнем достижения не могут успешно исполнять рутинные работы. Его сотрудники в эксперименте, имеющие низкие установки на достижение, более успешно выполняют простую монотонную работу. Этот результат идентичен результатам и теории Герцберга, и теории Маслоу. Творческие люди, люди, привыкшие к творческой активности, с трудом выполняют рутинные и простые операции. Наоборот, люди с низкими требованиями к неопределенности, к творчеству (она их тревожит), более охотно и потому эффективно выполняют простую и ясную работу.

У нас получается, что мотивационное Херцберга соответствует верхнему уровню, а гигиеническое — нижнему уровню, нижним уровням удовлетворения потребностей.

Можно теперь указать место теории Герцберга на поле иерархии потребностей Маслоу, см. рис. 13.4.

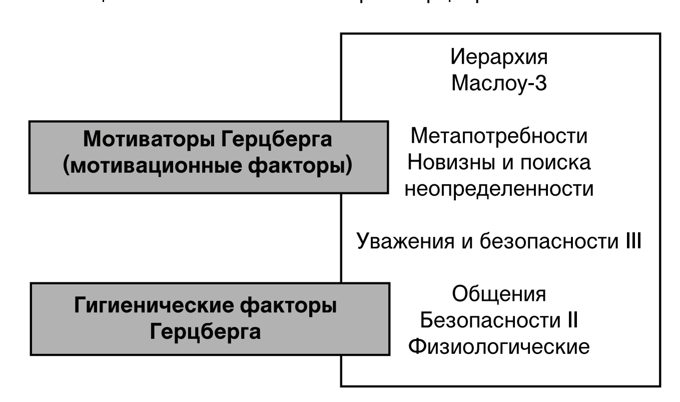

Рис. 13.4. Место гигиенических и мотивационных факторов (“мотиваторов”) Герцберга в системе Маслоу

Заметим, что потребность уважения и самоуважения находится в спорной области как субъективный фактор. Человек может уважать себя и за зарплату на фоне своих коллег, причем он не будет испытывать взрывов или стремлений творчества. Тогда фактор уважения станет фактором, который индивид стремится сохранить, и тогда он работает на сохранение достигнутых позиций (потребность в безопасности). Творчество, проявляемое с позиций безопасности, сохранения, консерватизма, значительно менее эффективно, и вряд ли его можно именовать этим высоким словом. Мы снова и снова возвращаемся к творчеству, и к направленности на достижение как к процессу, мотивирующему активность человека. Только тогда самоуважение индивида поднимается объективно и является конструктивным, подкрепляя и формируя многократно установку индивида на достижения.

Интересно отметить оправдания Герцберга по поводу того, что он не опрашивал производственных рабочих и конторских служащих, которых можно рассматривать как работников рутинного труда на момент экспериментов. Объективно Герцберг согласен с тем, что это (рабочие и служащие) группы совершенно разного типа с разными мотивами и жизненными установками. Но одновременно именно Герцберг акцентировал внимание на реструктуризацию рутинных работ для увеличения их осмысленности, возможности ставить и достигать целей в труде. Автор считал необходимым сделать все возможное, чтобы работники считали свой труд мотивированным, но он понимает, что в реальности рутинный труд сделать мотивированным проблематично.

Теория Герцберга носит конкретно-исторический характер, отражает момент в развитии капитализма — поворот от рутинного труда к творческому потому, что возникает лишь при появлении новых творческих видов труда на фоне общераспространенного и до того считавшегося естественным и нормальным рутинного труда. Она важна на момент середины прошлого столетия и для всего оставшегося в поле рутинного труда человечества.

13.9.2. Как теория Маслоу объясняет наблюдения Герцберга о безработице

Примером подтверждения соответствия теории Герцберга общей теории Маслоу и тем самым и подтверждением локальной истинности самой теории Герцберга или наоборот ценности теории Маслоу является следующее.

Отмечено, что в момент промышленного кризиса и высокой безработицы — гигиенический фактор Герцберга выходит на первый план, а проблемы его “мотиваторов” ослабевают, становятся менее значимыми. Это никак не объясняется теорией Герцберга, по поводу которой, кстати, пеняют в этой части на нестабильность его, Герцберга, теории. Это объясняется только теорией Маслоу. Когда значительная часть работников оказывается за воротами, а конкуренция за рабочее место резко возрастает, потребность в безопасности работающей части работников резко возрастает (перестает удовлетворяться). Она, опасность увольнения или неудовлетворенная потребность в безопасности, и *делает ничтожными, несущественными на этот период* более высокие потребности самоуважения и развития, самоактуализации.

13.9.3. Параллели у Герцберга с теорией X — Y в рутинном и творческом труде

Хорошо и интуитивно Герцберг чувствует различия между творцами и гигиенистами, считая совместимым то и другое в одном человеке (его теория Адама и Авраама):

Гигиенисты довольны зарплатой и не рады результату, они рады окончанию труда. Это по Ф. У. Тейлору “притворщики”. Хотя они исполняют свой труд, но на них, по справедливому мнению Герцберга, никогда нельзя полагаться в сложных ситуациях:

“Я считаю, что нацеленные на гигиену подведут компанию в тот самый момент, когда она более всего будет нуждаться в их дарованиях. Они могут быть мотивированы лишь на время при условии получения ими некоего внешнего вознаграждения. В экстренных ситуациях, когда организации становится, что называется, не до гигиены, они могут не справиться со своей работой” [Herzberg, 1966 / 1974, p. 89].

Менеджер, ориентированный в этом духе, занимающий руководящий пост, может нанести огромный ущерб предприятию. Что понимает автор под сложной ситуацией в описанном выше контексте? Необходимо быть творцом без оглядки на оплату труда; необходимо при угрозе безопасности фирме, выражаясь по-русски, “не думать о собственной шкуре”. На такое способны активные люди, которые работают с азартом, готовы идти на риск, настолько увлечены проблемой, что возникает сдвиг “мотива на цель” — интересная или критическая проблема важнее личной безопасности. Можно только утверждать с позиции теории Маслоу, что такие люди *в такой момент* вовсе не норма, а наоборот, исключение из правил, см. выше,

и что ценить их должна фирма, организация, общество и т.п. в значительно большей степени. Это может дать теория Маслоу. Этого не может дать теория Герцберга — хотя и использует наблюдения, фактологически верные.

С другой стороны нам очень важно в теории Герцберга следующее утверждение по поводу совершенствования гигиенических факторов: включение или подъем гигиенических факторов вызывает "хорошее настроение" *лишь некоторое время:*

"После непродолжительного "хорошего" периода рабочие вновь начинают испытывать чувство неудовлетворения, "поскольку гигиенические требования не имеют предела". Если рабочие не смогут обрести мотивацию в самой работе, руководству придется постоянно бороться за поддержание производительности труда на надлежащем уровне". [Шелдрейк Дж.]

В наше время чувство неудовлетворения возникает хотя бы только в связи с существующей инфляцией. Но и не только! Что означает представленное явление, какие глубокие последствия они имеют для общества, для его возможностей, мы рассмотрим позже и в другом материале, когда будем говорить о классовой структуре в иерархии труда, см. Приложение.

13.9.4. Герцберг и Макклелланд — взаимопроникновение темы труда

Какие пересечения у Герцберга с Макклелландом? Герцберг находит общее в мотивации гигиенистов с *мотивом избегания* (в данном случае) труда. Вот его текст:

"Нацеленный на гигиену — это не просто жертва неких обстоятельств; его мотивация направлена лишь на временное удовлетворение. И не то чтобы работа не представляла ему возможностей для самореализации, — скорее, его потребности заключаются в чем-то совершенно ином, — у него потребность не достичь, а избежать (выделено — СЧ). Он ищет положительные ощущения на пути поведения, направленного на избежание неприятностей, и потому его хроническая неудовлетворенность является следствием дефекта мотивации. Хроническая депрессия, неэффективный мотивационный паттерн (шаблон), который обеспечивает продолжение неудовлетворенности, и неумение или нежелание расти — все это характеризует, в конечном счете, невротическую личность" [Herzberg, 1966 / 1974, p. 81].

Избежать труда, его объема и интенсивности — вот мотив гигиенистов. Но Герцберг видит в этом ЛИШЬ невротизм личности. Между тем большая часть общества вынуждена заниматься вовсе не тем, что увлекает, заниматься рутинным трудом. Здесь, как у многих социоло-

гов США, а тем более это касается времен маккартизма и несколько позднее, в разгар холодной войны, нет выхода на полное освещение истины. Возможно, потому Герцберг и занимается невротическими состояниями и творчеством только работников умственного труда, что масштабы творчества и рутины у рабочих и бухгалтеров при сравнении окажутся сверх меры более тревожными и откровенными, чем проблема творчества маргинальных групп лишь одной формы труда (офисных работников).

Итак, гигиенисты по Герцбергу — это люди с мотивом избегания "неприятностей", только неприятности создает сам труд. Мотивированные к труду у Герцберга — это люди с мотивом "на достижение" во всех отраслях деятельности у Макклелланда.

Но есть и обратная перекличка теорий. У Макклелланда индивиды, мотивированные на достижение (установка на достижение и творчество), не любят заниматься рутинным трудом, см. выше. Они просто не выкладываются, понимая, что труд не интересен, и в нем ничего не достигнуть. Сам Макклелланд не называет их невротиками, как это делает Герцберг. Он понимает основания их "нелюбви".

Обвинения, которым подверглась теория Герцберга по поводу предположений неискренности опрашиваемых работников о причинах их удовлетворенности или неудовлетворенности справедлива лишь частично: никто не мешает повторить измерения анонимно. Главные позиции отражают реальные жизненные интересы (потребности) людей, даже если последние и не станут лучше работать в результате нововведений.

13.10. Теория X— Y Д. МакГрегора и иерархия Маслоу

Фактически теория X — Y отражает массовые мнения менеджеров о существовании двух видов работников:

— работников X, ориентированных на избегание (труда и ответственности);

— работников Y, ориентированных на творчество и игру, на решаемые проблемы и на ответственность за собственные результаты.

Собранные или представленные МакГрегором мнения менеджеров, несомненно, отражают жизнь и все предыдущие теории, особенно когда мы прилагаем теории не к абстрактной активности с когнитивистской позиции диссонанса (Макклелланда), а к реальным подмножествам труда: к рутинному всех видов труду и к творческому труду всех видов, (включая и творческий труд управления,

и труд исследователя, и физический труд, например, в спорте или в художественном ремесле). Однако, теперь мы учитываем, что в реальности, кроме индивидов с их отношением к труду, существуют как минимум два вида труда — рутинный и творческий. И эта объективная реальность накладывается на отношения работников к труду. На схеме, см. рис. 13-5 мы показываем, что часть работников, с установкой на творчество вынужденными обстоятельствами попадает в сферу рутинного труда и там временно или всегда находится в состоянии дискомфорта, но, возможно, обретает пути к творческому развитию и росту. Часть работников с установкой на избегание труда (или по Макклелланду — на избегание неудач) все же попадает в систему творческих позиций труда, включая менеджмент, науку и исследования, государственное управление и т.п. И там, в условиях риска и неопределенности, возникающих изменений среды, такие люди ощущают себя некомфортно и вынужденным образом ведут себя весьма консервативно или даже в агрессивной защите, избегая изменений и новаций (или совершая неудачные новации, именуемые обычно "самодурством" или "самоуправством").

Понятным образом, пропорции объема рабочих позиций сдвинуты до настоящего момента в область рутинных или исполнительских форм труда.

Теория X — Y критиковалась за простоту, однако, в такой модели достаточно ясности в дихотомии как крайних форм поведения и мотивации, см. рис. 13.5.

Трудовая теория МакГрегора

Миграция работников не соответственно типу личности дана темным цветом

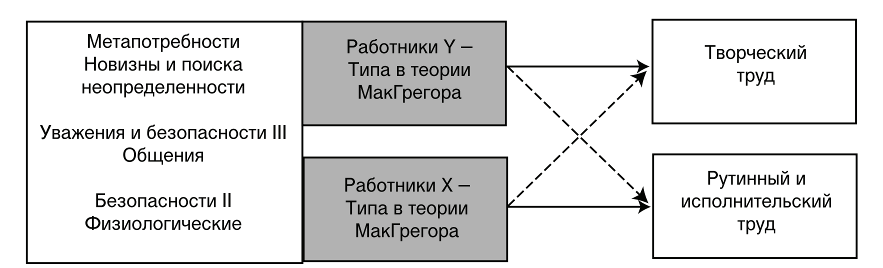

Рис. 13.5. Теория X–Y МакГрегора как отражение пропорций потребного труда и возможностей научения установок на творчество в труде и на избегание труда. Пунктирными стрелками отмечено отвлечение работников определенного типа на работы, которые соответствуют иному типу работника

13.11. По поводу теории подкрепления (Халла, Скиннера) и ее оснований в теории Маслоу

Суть теории качества подкреплений в том, что положительное подкрепление всегда эффективнее отрицательного, а отрицательное подкрепление (наказание или критику) лучше исключать. Теория Маслоу вполне объясняет такой эмпирический вывод. Всякое наказание или отрицательное подкрепление в иерархии потребностей влечет понижение уровня удовлетворенности потребностей в иерархии Маслоу, в частности, оно влечет рост тревожности, недоброжелательности, враждебности и ухода в себя, иногда даже фобий. Это означает, возврат к депривации с общим настроением тревожности в труде (неудовлетворенная потребность в безопасности), см. рис. 13.1 и 13.3. Но *понижение уровня удовлетворения в иерархии Маслоу уменьшает адаптивность и креативность личности* (еще не достигшей уровней творчества в труде), уменьшает возможность возврата и последующего роста личности. Человек для возврата в исходное состояние должен как минимум "забыть" наказание. "Зачистка" (как исключение негативного в памяти) идет медленнее, чем запоминание положительного подкрепления. Забывание есть успокоение, а не активное новое научение, отсюда и различие в скоростях процессов. Более того, из нашего анализа и связки с феноменами Макклелланда следует, что всегда существует опасность формирования направленности на избегание неудач. В последнем случае "прощения" (и забывания) организмом и его нейронной системой прошедшего наказания вообще не происходит[51]. Такие объяснения, которые соответствуют фактам, может дать только иерархическое представление потребностной системы (Маслоу) и более никакая мотивационная система.

Кроме того, возникновение опасности увеличивает осторожность и внимание индивида в труде (осторожное внимание — внимание опасности). Но это никак не активность труда, и это означает в целом падение мотивации и скорости труда. Мы не можем не согласиться с тем, что и такие виды рабочего состояния иногда важны (разведка, работа авиадиспетчера и т.п.). Но это работа в состоянии стресса в духе потребности безопасности I. И мы понимаем, на каком уровне ответственности в таких условиях работает физиология человека.

---

[51] Психология разработала массу приемов для снятия таких состояний, но это не наша тема.

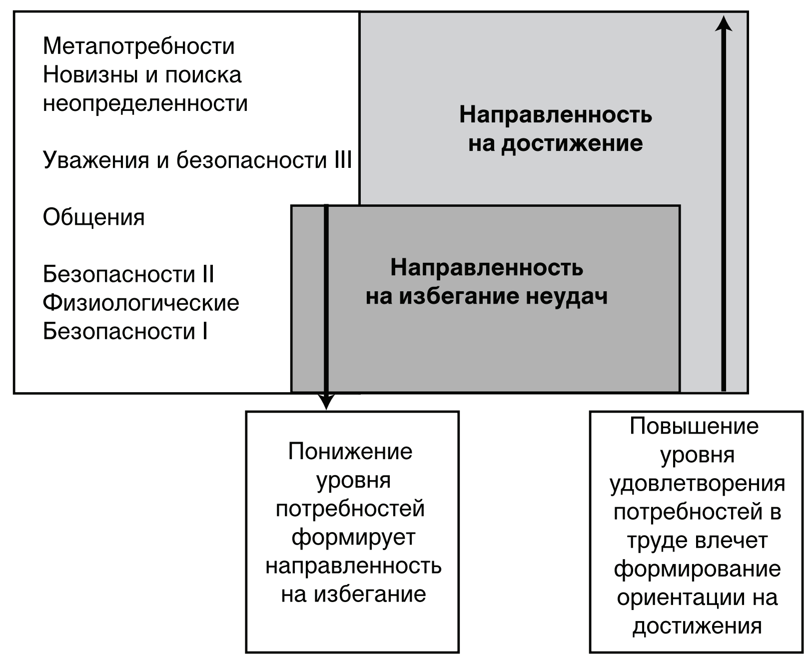

Рис. 13.6. Понизить уровень удовлетворения потребностей (черная стрелка) много легче, чем поднять уровень

Эти данные в теории подкрепления, а также правильная интерпретация результатов Макклелланда по поводу его “мотива избегания неудач” как *остановки в развитии личности* (вплоть до исчерпания “опасности”), *косвенно доказывают иерархический характер потребностей* по Маслоу.

Остальные результаты теории подкрепления являются развитием элементов системы Павлова и бихевиоризма, что вполне соответствует системному и материалистическому пониманию поведения биологического мира.

13.12. Хауторнский эксперимент и теория Маслоу

Эксперименты, посвященные психологии рутинного труда на больших предприятиях, в масштабе рабочих групп и бригад, демонстриру-

ют существенное влияние моральных установок и нормативов рабочего коллектива на поведение рабочих (Hauthorne — Хауторнский завод под Чикаго).

Первоначальная цель исследований состояла в поисках путей повышения эффективности труда рабочих (условий труда, его организации и оплаты). Но исследования привели к совсем иному открытию — социальные аспекты труда оказались в некоторых случаях важнее самых различных изменений — рабочие стали лучше работать, когда почувствовали к себе и своему труду интерес, когда сами стали участниками экспериментов (рост удовлетворенной потребности в уважении и появление элементов творчества). С этого момента было положено начало изучению поведения работников в первичной производственной группе, бригаде.

Фактически, рабочий не имеет возможности на предприятии вести себя безотносительно и независимо от мнения остальных в "своей" бригаде. Иногда эта зависимость возникает непосредственно от мастера, часто она определяется близостью условий труда, инструментов, сырья и т.п., но всегда некая зависимость существует, и ее никто не может игнорировать. Чем более рутинным является труд (малое количество информационных элементов), тем большую роль играет компенсаторное общение и статусное поведение, см. также о конформизме п. 13.2.12. И это прямое следствие теории Маслоу. Общение и уважение представляются высшими ценностями в среде, наполненной установками "на избегание труда. "Избегание" является вполне объяснимой реакцией на вмешательство администрации и предотвращает постоянно ощущаемую угрозу со стороны администрации повысить нормы выработки на предприятии. Но избегание имеет не только эту прямую причину.

Избегание труда изначально определено его рутинным характером. Неинтересный труд рабочие пытаются компенсировать интенсивным общением (потребность общения) на рабочем месте — это максимум того, что может позволить их труд (если потребность безопасности II удовлетворена). Аффилиация и положительная эмоция во время труда или на обеденном перерыве — лучшее средство от монотонии. Это прямой вывод из теории Маслоу — это же и чисто бытовое объяснение. Отсюда же и традиционная рабочая эмоциональность, выражаемая в соответствующей потребности самоуважения лексике, которая за вычетом культуры плюсует только эмоцию. Из общения формируется и статусное поведение. Последнее образуется как конфликт ресурса — раздела готовой продукции между администрацией и рабочими. Общение формирует потребность уважения или групповую солидарность

в отношении администрации, оно же образует и легитимные в группе нормы труда, позволяющие препятствовать увеличению интенсивности труда администрацией или снижать расценки. Новый работник вынужден принимать нормы группы и не увеличивать эффективность своего труда сверх средней, оговоренной в группе. Так обеспечивается у рабочих потребность в безопасности от чрезмерных стремлений администрации выжать максимум. Кроме того, рост интенсивности труда каждого опасен последующими, возможными сокращениями числа работников или снижением расценок. В этом, несомненно, есть нечто от продолжения монополии цеховой городской ремесленной общины, предотвращающей опасность перепроизводства и стихийного падения продажных цен, возможность разорения.

Обратные примеры подтверждают выявленную солидарность. В советское время мы видели на экране ТВ нередко рабочих-изобретателей и рационализаторов, которые в бригадах фактически находились в изоляции (по их признанию), поскольку остальные рабочие считали их "выскочками". В общем случае члена группы, не принимающего ее нормы, устраняют, изгоняют. Противостоящая группа потребностей, задействованная в таком труде, укладывается в теории Маслоу в пару (безопасность — общение — корпоративное противостояние внешнему давлению как форма борьбы за "уважение"), она изображена на рис. 13.7.

В целом общая позиция производственной группы состоит в формировании установки всех участников на "избегание рутинного труда" и его негативных последствий (опасности роста интенсивности),

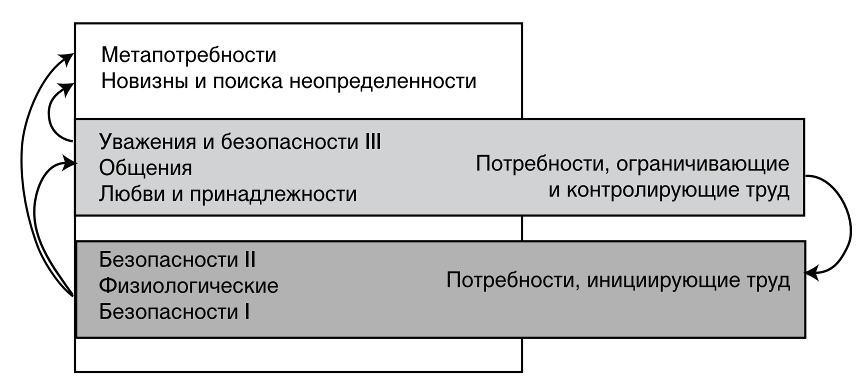

Рис. 13.7. Групповой ("гигиенический" по Герцбергу) контроль объемов и качества труда, обеспечивающий удовлетворение низших потребностей (безопасности и ниже)

“избегание неудач”, где главным отрицательным фактором — главной “неудачей” — является собственно рутинный труд.

Для текущей практики формирования социальных групп особенно большую опасность образуют группы, возникающие внутри социальных институтов монопольного принципа, например, в государственных и в нетоварных структурах. Круговая порука или внутрикорпоративная этика служит основанием для поддержания коррупции. С позиции теории Маслоу — это инструментальная форма поведения для удовлетворения потребности в безопасности II или “монопольный сговор”. Так организованная поголовная коррупция не может быть устранена изъятием отдельных участников, пойманных с поличным.

Поведенческие модели, положенные коллективно, образуют внутрикорпоративную этику и можно сказать ментальность коллектива. Этика или “философия жизни” передается каждому новичку и без ее принятия, без проверки, он не включается в “коллектив”. Так десятилетиями существует дедовщина в армии, она передается из года в год “по наследству” как постоянная норма. Так формируется этика в милиции — еще через механизм вступления в школы милиции, где уже дают взятки. То же царит в российской медицине с ее корпоративной этикой сокрытия ошибок лечения. Цель группы всегда — сохранить накопленный потенциал привилегий или монополии статус-кво. Сохранение — это реализованная потребность безопасности. Инструмент — общение и взаимовлияние через потребность уважения, общения, которое превращается в принудительные нормы, поддерживаемые вплоть до насилия.

В таких случаях необходима “люстрация” — полный роспуск группы и ее формирование наново из совершенно новых, не обремененных старым опытом работников. Известно, например, что армия США трижды набирала и дважды распускала местные органы полиции в оккупированной Японии. В России начала 90-х годов новые предприниматели не брали в магазины продавцов, имевших опыт работы в советской торговле. Известна смешная история с работницей, поступившей на завод абразивных материалов, где нужно было вручную взвешивать сыпучий материал для литейной формы. Работница никак не могла заставить себя взвешивать по технологической норме — она постоянно недовешивала — дело дошло до угрозы увольнения. Оказалось, что до этого она работала в столовой [Ронкин В.]. В истории XVIII–XIX веков имеются и более трагические “перестройки” типа казней стрельцов Петром Великим и расстрела казарм всей “гвардии” — янычар — в Стамбуле Махмудом Вторым.

13.13. Альдерфер (ERG-теория) и теория Маслоу

Теория Альдерфера является обобщением теории Маслоу, и последняя урезана в иерархии. Три уровня потребностей: существования, социальные и развития образуют данную теорию:

— экзистенциальные (existence);
— социальные (relatedness);
— развития (growth).

Рис. 13.8. Триадотомия Альдерфера

Упрощение трагическое. Оно идет в ущерб содержательной части теории и особого смысла, кроме собственно упрощения, не имеет. Огрубление плохо и тем, что из нижней группы исчезла выделенная потребность в безопасности, поведенческое значение которой просто бесценно. Из социальной группы исчезли потребности любви и принадлежности, которые, по сути, связывают низшие и социальные потребности, вводя маленького человека в социальный мир через афферентное подкрепление положительной эмоцией, важнейшей социальной формой подкрепления на фоне существующих деприваций и чисто материальных процессов. Полезным стало для социологии здесь именно краткое наименование групп потребностей. Например, по Симонову [Симонов П. В., 1993, с. 22] — витальные, социальные, идеальные, по Немову [Немов Р. С., 1995, с. 127] — органические, функциональные, материальные, социальные, духовные, по социологу Владимиру Ильину [Ильин В. И., с. 84–87] — личностные и статусные и др.. Однако в данном случае это соответствует хорошей русской поговорке о “простоте”. Это потеря информации и шаг назад. Совершенно ясно, что если некто из авторов знал теорию

Маслоу и “урезал” ее, то он ничего в ней не понял. Такой “простоте” можно только посочувствовать.

Стоит ли считать новизной постулированный принцип Альдерфера “снизу и вверх и сверху вниз” как дополнение к Маслоу. Неужели Маслоу предполагал появление потребностей исключительно вверх (физиологических или безопасности) и не видел цикличности нижних уровней? Мы приводим модели Павлова, Прибрама, Анохина, имея в виду, что они сами прекрасно понимали и предполагали обратную связь и повторное возникновение. Иначе бы речь об инстинктоидности потребностей вовсе не шла.

13.14. Дж. Роттер и его теория социального научения

Роттер в процессе своей работы постепенно переходит от одного принципа в своей теории — оценивать поведение через факторы поведения ко второй теории — теории потребностей, к элементам удовлетворения потребностей, которые он разработал позже.

В первой теории поведение человека определяется через факторы: 1) “потенциал поведения”, или точнее, субъективную вероятность будущего конкретного поведения; 2) “ожидание” как субъективную для данного индивида вероятность оценки успеха данного поведения; 3) “ценность подкрепления” как наилучшую цель или ее конкретизацию и достаточно общую и неопределенную конструкцию; 4) ситуационный контекст. В этом идеи Роттера перекликаются с идеями и математикой Врума, Акоффа и Эмери и др. Система вполне близка и качественным системам мотивации, возникшим в это же время в СССР и России. Так, все четыре позиции Роттера соответствуют афферентному синтезу Анохина или “мотиву — сложному комплексному образованию” Е. П. Ильина, но более конкретны. Это не дает более ясной картины из-за конструкции 4), охватывающей у Роттера “все остальное”. Для науки “все остальное” — это довольно оригинальный метод, возможно, восходящий к современным справочникам компьютерных технологий, где подобная строка в списке, в отличие от науки, вполне обоснована.

В позже развитой автором схеме мы видим: статус признания, защиту-зависимость, доминирование, независимость, любовь и привязанность, физический комфорт. Порядок — от статуса сверху вниз. Использованная терминология указывает на локально-исторический и вполне современный контекст формирования структуры потребностей “под средних американцев”. Там низшие потребности, действительно, в силу их постоянной и уверенной удовлетворенности являют-

ся самыми последними в смысле их значимости в жизни автора теории и окружающего его мира.

Второе, что обращает наше внимание — это смешивание потребностей общих для индивидов и потребностей, которые никогда не являются общими, а имеются лишь у некоторых — это доминирование и независимость. Другое дело, что они являются полезными и желательными в обществе автора теории. Об этих потребностях (доминирования — достижения и власти, агрессии) уже сказано выше.

Остальные потребности соответствуют потребностям группы Маслоу, но порядок их изменен. Возможно, автор представил их в том порядке, который важен для существования в его стране на момент создания теории. Статус для ученого или для обычного американца действительно очень важен, иначе, "что скажут Смиты". Теория для данного полстолетия и с уходом от универсальной теории нас не интересует, как колыбель, в которой уже нет ни воды, ни, тем более, младенца.

На "потребности" независимости следует остановиться особо.

13.15. Потребность в независимости у Роттера в рамках теории Маслоу

Независимость следует интерпретировать в силу многозначности понятия и его возможных контекстов как несколько вариантов:

— Потребность в безопасности III, если речь идет о помехах в труде со стороны конкурентов и в использовании его результатов;

— Инструментальная поведенческая установка на достижение (в ущерб или в игнорирование чужих интересов), которая может перерасти в метапотребность в достижении или в потребность власти;

— Инструментальная поведенческая установка на избегание неудач от контактов с другими людьми. В результате наибольшие успехи индивид получает в индивидуальной деятельности; такая установка может перерасти в установку на избегании неудач (контактов).

Многозначность термина даже для ситуации, когда автор определил конкретный смысл, всегда остается сложным для использования. Мы оставляем вопрос открытым, представив читателю, возможность выбора с указанием на то, что все варианты, так или иначе, находят свое место в иерархии потребности Маслоу как общей теории мотивации или среди частных дифференциальных теорий, углубляющих наше знание о человеке.

Как мы видим, дальнейшие и более поздние ОБЩИЕ теории потребностей не добавляют существенного к предыдущим теориям, тем, которые сыграли в свое время большую роль в выделения основных аспектов социального поведения разных форм. Но они плотно "гасят" содержательную информацию иерархии. Существенно, что практически ни одного сопоставления теории Альдерфера и Роттера с другими теориями мотивации содержательно провести невозможно. Как говорится, с Маслоу "и рядом не стояло!"

13.16. Творчество над базовыми потребностями и направленность "на преодоление" как метапотребность метапотребностей

С учетом проведенного обзора можно сделать еще одно обобщение по поводу творчества как высшей теории Маслоу. В Главах 8, 11 мы уже обобщили потребность в творчестве и самоактуализации, соединив ее с потребностью в игре и разрешении неопределенности.

Мы уже говорили, что *творчество возможно в любой сфере биологических, в том числе и низших депривационных потребностей, но оно обусловлено возможностью индивида находить или создавать, вызывать неопределенность как игровую надстройку над конкретной базовой потребностью для ее преодоления*.

Далее мы приводим схему формирования метапотребностей, построенных на основе депривационных потребностей Маслоу. Метапотребности могут опираться не просто на информационное творчество, но и на конкретную базовую потребность как начальный источник и повод для метапотребности, и как установка при повторной ситуации. Под творчеством мы обобщенно понимаем поиск неопределенности и ее преодоление в удовлетворении (в данном случае и базовой) потребности. Все базовые потребности: риск смерти (I), голод, обеспечение (II), секс и принадлежность, общение, уважение (III) — могут давать основу для надстройки над ними творчества, см. рис. 13.9.

Возникает вопрос, как соотносится неудовлетворенная базовая потребность с одновременным поиском неопределенности и этапом появления высшей потребности.

Из представлений об иерархии потребностей следует, что все базовые потребности индивида (условно) на момент начала творчества должны быть удовлетворены. Это собственно и является условием игры, условием азарта — это условие отсутствия озабоченности или угнетенности, тревожности. Это кажется противоречием.

Начнем в нашем анализе этого противоречия с того, что индивид, начиная творчество, не ощущает базовые потребности как неудовлетворенные — для него они *в момент активности* уже или еще не актуальны. Как это может быть?

Прежде всего, базовые потребности могут быть действительно закрыты и их "творческое удовлетворение" может быть символическим. Основой оказывается творчество, а не сама базовая подложка. Природа тоже демонстрирует такой символизм. Мы говорили о цыплятах, которые клюют корм, когда уже сыты, но к корму подходят конкуренты. И донжуаны не сильны в сексе, более того он ослабевает — вся радость состоит в том, чтобы добиться склонности и сломить другую сторону. Само базовое основание оказывается без творчества просто пресным.

Во-вторых, мы ранее демонстрировали примеры того, что высшие базовые и бытийные потребности образуют или могут образовывать компенсацию неудовлетворенных нижних потребностей. Высшие потребности, возникнув, как бы закрывают нижние. Как это возможно? Удовольствие высшего плана (аффилиация, самоуважение, творчество) компенсирует депривации нижнего уровня! Как бы отключают их. Не играют ли в этой компенсации, например, в устранении голода, холода, повышении выживаемости, вплоть до чудесной живучести таких людей как Григорий Распутин, и сюда впору отнести и йогов с их задержками дыхания, — важную роль опиоидные компоненты нейрофизиологии, свойственные положительным эмоциям высших базовых потребностей и метапотребностей? Автор уже приводил пример того, что голод, холод, усталость могут на некоторое время не ощущаться в случае любимого занятия. Из этого, кстати, и возникает трудоголизм — отключение нижних потребностей.

Тогда получается, что базовая потребность, если она актуальна при подключении творчества, как бы на время закрывается в удовлетворении и ослабляется. Это и дает творчеству работать как высшей потребности, дает возможность организовать метаудовольствие одновременно и творчества, и удовлетворения отложенной базовой потребности, это позволяет удвоить удовольствие, совместить приятное с полезным. Этим объяснением мы и ограничимся.

Обеспечение непротиворечивости системы должно предполагать, что возникновение метапотребности над базовой потребностью фактически исключает все остальные базовые потребности из списка неудовлетворенных потребностей в ЭТОТ МОМЕНТ. Или иначе, индивид перестает их рассматривать как неудовлетворенные к конкретному моменту возникновения метапотребности. И это так и есть. Если в очередной раз некая базовая потребность становится явно

неудовлетворенной, то психика индивида отключает возникновение метапотребности вплоть до “успокоения”, решения неотложных, отвлекающих от удовольствия проблем. Этим и разрешается обнаруженное противоречие.

А теперь вернемся к теме Макклелланда — установке на достижение в области всех базовых потребностей сразу. Если такая установка относится ко всем потребностям, то все потребности оказываются метапотребностями, а сам надстроенный механизм можно рассматривать как направленность. Специфика направленности в случае *направленности на преодоление по Макклелланду* предполагает удовольствие от поиска неопределенности и преодоления таких неопределенностей в широком спектре или вообще в любых формах деятельности и, значит, базовых потребностей.

Такая *уникальная направленность* может предполагать разнообразие видов и многократную смену деятельности. Индивид ищет многообразие деятельности и творчества в каждом новом виде. Таких

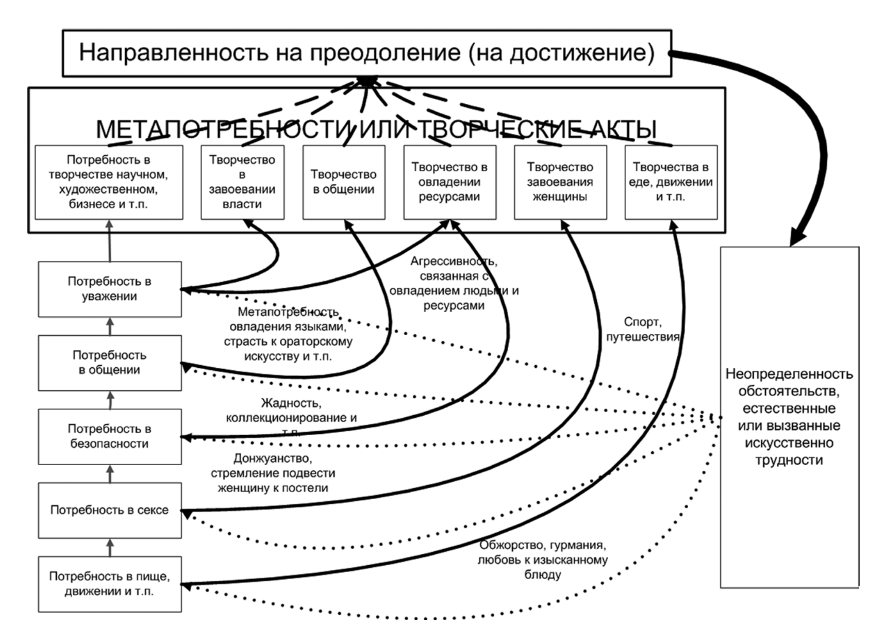

Рис. 13.9. Метапотребность образуется на фоне сложившейся направленности на преодоление по Макклелланду. А сама направленность может включать в себя множество творческих актов преодоления без фиксации определенного типа

людей мы знаем. Это великие поэты, такие, как лорд Байрон или Николай Гумилев, и революционеры-практики, например, Герман Лопатин. Поэтому “мотив на достижение” Макклелланда можно рассматривать как в максимальной степени обобщенную направленность, вырожденную в своем многообразии в некую “метапотребность метапотребностей”.Люди такого плана счастливы и прекрасны в любой деятельности, они преодолевают все... до самой смерти.

13.17. Выводы главы

Мы рассмотрели многие мотивационные теории. Большая их часть не противоречит системе потребностей Маслоу и носит частный или специальный дифференциальный характер. Эта часть теорий тогда является углублением и развитием общей теории психологии. Она прекрасно дополняет теорию Маслоу и может служить вместе с ней удобным инструментом в исследовании социальных вопросов в самых различных областях. Другие рассмотренные мотивационные теории являются попытками обобщения частей или всей теории Маслоу. В последнем случае возникает утрата информации.

Все рассмотренные теории являются теориями параллельными, т. е. не противоречат теории Маслоу. Среди них нет теории более общей, чем теория Маслоу, которая бы лучше взаимодействовала с остальными рассмотренными теориями или как говорят программисты, имела бы с ними лучший и более удобный “интерфейс”, т. е. взаимодействие.

В то же время, особо следует подчеркнуть, что, утверждая общность теории Маслоу, мы ни в коем случае не отстаиваем ее всеядность и пригодность для решения всех социальных, психологических и исторических коллизий и не рассматриваем ее как единственный инструмент для решения любых проблем. Наш оптимизм определяется только тем обстоятельством, что многие голословные и простые бытовые истины, лежащие достаточно явно на поверхности, получают характер обоснованных суждений или даже аксиом в знании, имеющем статус научной теории, независимой от времени и культуры общества.

Таким образом, приведенные материалы дают основание рассматривать теорию иерархии потребностей Маслоу как базовую теорию потребностей для социологии или как общую конструкцию психологии, приемлемую для операций функционального анализа в социологии (и в истории).

ГЛАВА 14. ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРА

Этой главой мы заканчиваем работу над проблемами мотивации. Содержательно тема отражена в заголовке, и традиционно она для социологов, но не только. И практические суждения (например, в политике, экономике и мотивации), которые можно делать на основе теории Маслоу, так же не зависят от культуры общества. В каком смысле? На вопрос, где же, по каким мотивационным объектам, проходит культурная граница, эта глава дает окончательный ответ. И второе. Каждый из нас может влиять на общество. Как, через что и в каком смысле? Об этом тоже последняя глава.

Тема, указанная в заголовке, обращает нас, прежде всего, к работе Бронислава Малиновского (БМ). Мы затрагиваем его теорию культуры, во-первых, потому, что начала этой теории положены автором на тщательно выверенный и обоснованный фундамент биологических потребностей, что для работ 1930-х годов в американской социологии можно считать явлением исключительным; во-вторых, потому, что результат БМ прямо предшествовал в интервале трех лет появлению теории иерархии потребностей Маслоу, и теперь мы знаем, что Маслоу интересовался и был в курсе теории Малиновского. В-третьих, мы это делаем потому, что теория культуры Малиновского, несмотря на прекрасный фундамент и даже замечательные методологические суждения, тем не менее, построена в верхних своих слоях слишком описательно и телеологично. И, в-четвертых, эта теория и до настоящего времени пользуется большой популярностью в преподавании антропологии, имея между тем важные недостатки интерпретации потребностей и культуры.

Мы начнем с определения культуры.

14.1. Достаточность определения культуры

В соответствии с определением Бронислава Малиновского

“культура — это единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, учредительных установлений для разных общественных объединений, человеческой мысли и ремесел, верований и обычаев” [Малиновский Б., с. 43].

По определению, данному в Британской Энциклопедии, культура — это:

особое поведение человека как вида вместе с материальными объектами, используемыми как неотъемлемая часть поведения. Потому культура включает язык, идеи, верования, обычаи и традиции, символику и социаль-

ные институты, орудия труда и методы их использования, произведения искусства, обряды и церемонии и другие элементы.

Обратимся к определениям культуры. Из них следует, что *культура включает "поведение" человека, но не включает сами по себе потребности человека*. Культура служит удовлетворению индивидуальных потребностей, а так же групповым ценностям и социальным институтам в самом широком смысле. Последние также служат именно потребностям. Культура простирается от технологии, производственного опыта до высших проявлений духовных ограничений, культурных табу или высших образцов поведения и даже высших духовных требований.

Теперь переходим к суждениям, принятым в качестве основы для анализа потребностей и культуры.

В процессе развития человечества и материальная, и духовная его культура возрастает.

Мы сошлемся на авторитет Бронислава Малиновского, который утверждает, что:

"...обратимся ли мы к простой и примитивной культуре или к культуре крайне сложной и развитой, в любом случае, мы обнаружим обширный аппарат, частью материальный, частью человеческий, частью духовный, при помощи которого человек способен справиться (выделено мной — СЧ) с встающими перед ним специфическими проблемами. Эти проблемы возникают, потому что человек имеет тело с различными органическими потребностями и потому что он живет в среде, которая для него одновременно и лучший друг и, дающий ему сырье, и опасный враг, грозящий множеством опасностей", [Малиновский Б., с. 44].

Итак — *культура — это интегральная или синтетическая социальная среда, позволяющая человеку в широком смысле, т.е. обществу, удовлетворять его совокупные потребности*. Культура решает проблемы человека и общества, которые возникают в результате его человека и общества существования. Понимая соотношение потребностей общества, проблем, которые возникают при их удовлетворении и культуры как инструмента наивысшего уровня для удовлетворения потребностей, нам следует показать связи между ее элементами, чтобы видеть в очередной раз соотношения между причиной и следствием.

14.2. Значение работы Бронислава Малиновского в истории социологии и общей психологии

Работа Малиновского явилась важной для социологии и социальной и даже общей психологии работой. Она повлияла на современников своим детерминистским подходом, верой в возможность системного анали-

за и целостного представления в человеческом бытии социальных институтов и социальной культуры, начиная с низших биологических форм и потребностей. В ней, кроме того, ясно прозвучала идея о значении потребностей (импульсов) в связи частотой их появления, идея присутствия первичных или "базовых" потребностей и вторичных, "культурных". Там же прямо было сказано и об иерархии потребностей. А идея иерархии потребностей — это и идея их динамики.

Вполне достаточно, чтобы заслужить признание потомков. Идея иерархии потребностей была полностью изложена несколько лет спустя Абрахамом Маслоу в правильно развитом составе и в последовательности. И Малиновский вне всяких сомнений оказался направляющим непосредственным импульсом общему результату Маслоу.

Своей работой Малиновский, тем самым, продолжил в более конкретной и в спокойной, не идеологизированной форме материалистический подход в социологии, прерванный на Западе мощным неприятием идей Маркса после трагедии Октябрьской революции 1917 г.

Другим достижением социологии является также ввод Малиновским нового понятия "социальный институт", ставший широко принятым в научной практике. Еще одно утверждение делает Малиновского мэтром, продолжая развитие целостного представления в социологии. Он, как Маркс, затем более точно, как Шмоллер, Макс Вебер, Питирим Сорокин, правильно понимает, что на путях удовлетворения потребностей человека и социума в целом постепенно возникает "организация" или, более общо, "институт", социальное отношение.

Третье достижение Малиновского — это идея развития или динамики социальных структур, которую после Маркса, почти весь XX век не жалуют социологи. К сожалению, в теме собственно "организации" Малиновский не прошел до логического конца, хотя затратил на ее развитие много усилий, отведя целую главу, названную "Теорией организованного поведения"[52]. Малиновский осознает важную роль организации, но не выходит на ее объяснение, хотя и собирается это сделать. Теория организованного поведения вполне синхронна идеям организованных форм

[52] История дает интересные фамильные совпадения (не исключено, что неслучайные). Его однофамилец Александр Александрович Богданов (Малиновский) (1873-1928) — социал-демократ, позже большевик, с 1921 г. отошел от политики, философ и ученый-медик. "Выдвинул идею создания науки об общих законах организаций — тектологии, предвосхитившей во многом кибернетику и создававшей предпосылки для системного подхода" (Гранат). Его работа изложена в работе "Всеобщая организационная наука (тектология)". Ч.1—2. М., 1913—1917; Ч.3. Берлин-Пг. — М., 1922. Организатор и директор первого в мире Института переливания крови (1926). Умер в результате эксперимента по переливанию крови, проведенного на самом себе. Не исключено, что Бронислав

развития мира и материи Богданова-Малиновского, его тектологии. В своем анализе Малиновский приближается к выводу, что он получил подлинный ключ к идее, к происхождению социальной организации:

“А главная идея организации и предписания норм — идея власти, наряду с дифференциацией деятельности и полномочий. Следовательно, политическая структура тоже может быть выведена из анализа нашей схемы”, [Малиновский Б., с. 107].

Это кажется выводом, но, по нашему мнению, это более гипотетическая уверенность автора, что именно на этом пути, направлении лежит открытие проблемы социальной (иерархической) структуры. Но заметим, это было нечетко сказано Марксом в “Немецкой идеологии” (*о разделении труда*), позже у Энгельса в “Происхождении человека, частной собственности и государства”, еще позже усилено Шмоллером. Это косвенно и с позиций бюрократии существенно расширено Максом Вебером, а в политической сфере — Вильфредом Парето, и подтверждено Питиримом Сорокиным. Эти люди и сделали очередные шаги в познании проблемы разделения труда, начиная с Платона. Но все это не было доведено до логического конца ни одним из них тогда и никем до настоящего времени.

Теперь мы понимаем, что эта уверенность имеет основание как прозрение и интуиция у всех перечисленных выше авторов, но она не может воплотиться в систему. Причиной тому — неполное представление о системе потребностей. Следующие разделы, до п. 14.9. будут посвящены выявлению ошибок в кажущейся простой и стройной работе Малиновского. После этого мы разворачиваем собственное представление по данной теме, которое опирается на традиционную, но редко используемую методологию динамики (К. Маркса и Б. Малиновского), но с учетом нового видения системы потребностей.

14.3. Потребности в системе Малиновского

Важным для нас и близким нашему посылу исследований является материалистическая парадигма Бронислава Малиновского потребностной каузальности поведения человека:

Малиновский был знаком с работами старшего однофамильца просто по его переводам на немецкий 1920-х годов или со слов ведущего социолога того времени уже в США Питирима Сорокина. Между тем именно в тектологии строится системная модель иерархии материи и знаний, ее отражающих. Не исключено, что от Маркса через Спенсера и Богданова-Малиновского системная идея о связи материи устами Бронислава Малиновского прокладывала себе путь к иерархии потребностей Маслоу.

“Деятельность имеет осмысленную цель. Эта цель представляет собой некоторую ценность в их культуре. Они ценят ее потому, что она удовлетворяет одну из их жизненных потребностей. Это предпосылка их выживания” [Малиновский Б., с. 20].

Малиновский развивает

“...понимание, что имеется некая система потребностей — какие-то из них фундаментальные, другие могут быть развиты искусственно, но все они требуют удовлетворения — все это составляет арсенал разумной, пусть интуитивной, исторической реконструкции”, [Малиновский Б., с. 75].

Это замечательные планы для любого исследователя, собирающегося строить общую социологическую теорию. Малиновский дополняет поведение человека системой потребностей как детерминизмом “определенного рода”. А именно:

“...природа человека накладывает на все формы поведения, как бы сложны и высоко организованы они ни были, определенного рода детерминизм. Он состоит в целом ряде жизненно важных поведенческих последовательностей, необходимых для здоровой работы организма и сообщества в целом, которые должны быть включены в каждую традиционную систему организованного поведения”, [Малиновский Б., с. 84].

Далее Малиновский развивает систему биологических потребностей через таблицу с графами “Импульс — Акт — Удовлетворение”. [Малиновский Б., с. 78]. Он определяет одиннадцать базовых потребностей: позыв к вдоху, голод, жажда, половое влечение, утомление, беспокойство, сонливость, мочеиспускание, дефекация, страх и боль.

Все эти потребности носят характер биологического детерминизма. Кроме того, уже упомянута потребность в безопасности II. Здесь мы отмечаем и достоинство — учет частотного приоритета потребности (по частоте ее возникновения), и ряд недостатков — в порядке возникновения. Подробный анализ таблицы Малиновского приведен в другой части, посвященной потребностям в биологическом мире, Глава 9.

Начиная с анализа потребностей человека, Малиновский упоминает для общества лишь потребности физиологические и безопасности (“защита от внешних врагов и опасностей”), а следующие именует “производными” и далее занимается социальными “институтами” и элементами культуры, организации труда и знаний.

Поэтому, когда мы поднимаемся от биологического детерминизма у Малиновского, мы немедленно оказываемся в мире “производной” культуры, об этом пойдет речь в следующих разделах. И надо сказать, что этот переход весьма прост в восприятии читателя и сложен в анализе для человека ищущего логику и истину. Анализ затруднен также

постепенностью дрейфа текста автора от биологического к культурному с постепенной и малозаметной переменой его позиции.

Отметим взгляды Малиновского на иерархию потребностей.

14.4. Иерархия потребностей Малиновского

Малиновский близко подошел к пониманию того, что потребности представляют собою иерархию. Это видно из его совершенно естественных и решительных намерений и планов связать потребности со структурой исследуемых им общих социальных институтов:

"После того, чтобы прояснить иерархию потребностей (выделено мной — СЧ) и процессы их образования, нам потребуется показать, как хозяйственная деятельность, познания, религия, и механизмы права, обучения и художественного творчества прямо или косвенно связаны с базовыми, т.е. физиологическими потребностями", [Малиновский Б., с. 115–116].

Фраза об "иерархии потребностей" говорит о решении Малиновского видеть в потребностях тоже ступенчатый характер развития человека (и общества). Что касается планов Малиновского, то масштабы планов никак не менее объемов, выполненных Максом Вебером. Работа была поставлена Брониславом Малиновским, и все что он не успел сделать, предстоит выполнить будущим исследователям.

В целом Малиновский подходит к пониманию обусловленности культурного процесса (читай — и производственного, и социального, и политического как части широко им определенного термина "культуры") особенностями потребностей человека или "природы человека" как говорили в XVIII — XIX вв. мыслители прошлого. В этом он ближе к пониманию социального детерминизма, чем Карл Маркс, который тоже начинал с этого в "Немецкой идеологии". Но обсуждая появление культуры, автор сдвигается к филогенетическому или историческому в развитии культурного и тем самым естественно уходит от психологического к социальному.

Теме не менее, он еще остается и в рамках психологии, работая с потребностным циклом или поведенческой цепочкой: побуждение — инструментальное (возможно, опосредованное) действие — достижение цели — удовлетворение (глава 2 его труда). Он формирует условия подкрепления и угасания инструментальной активности, занимается условиями кооперации или индивидуальной деятельности людей, явно планируя поиск условий формирования ассоциаций и групповой деятельности для последующего выхода на основные, известные со-

циальные структуры, см. [Малиновский Б., с. 134]. Другими словами, Малиновский начинает ту большую работу, которую он запланировал, и которую он уже не закончит, как мы это теперь с сожалением констатируем.

Если бы не знать, что Малиновский не точно понимал соотношение потребностей и культурных мотивов и инструментов их удовлетворения, как их понимаем мы сейчас! Он мог бы своей цитированной выше фразой о "системе потребностей" как об "арсенале разумной, пусть интуитивной, исторической реконструкции" вполне соответствовать и данной теории.

Но это, к сожалению не так. И мы переходим в плоскость анализа "культурных ответов" Малиновского и его "императивов" и "производных" потребностей или, как ныне модно говорить, "деривативов" в его теории.

14.5. Производные потребности Малиновского

В целом Малиновский начинает опираться на идею того, что в развитом обществе возникают "культурные ответы на биологические потребности". Это прямо вытекает из его представления, что вся культура возникает на основе "базовых, т.е. физиологических потребностей" [Малиновский Б., с. 115–116].

Базовые потребности по Малиновскому порождают культурные ответы. В его таблице, [Малиновский Б., с. 89] мы видим пары

Таблица 14.1

Потребности и активность

Потребности	Активность
Обмен веществ	Снабжение
Продолжение рода	Родство
Телесный комфорт	Укрытие
Безопасность	Защита
Движение	Деятельность
Развитие	Обучение
Здоровье	Гигиена

В таблице мы видим биологические потребности (обмен веществ, движение, здоровье), безопасности II (телесный комфорт, безопасность, здоровье), любви и принадлежности (продолжение рода) и общения, уважения и (или) творчества (развитие, движение). Мы пов-

торяем элементы, которые многозначны в части потребностей. Но отметим, что культурные ответы выполняются в почти всех позициях и на уровне биологического мира, например, в стаде высших млекопитающих. Исключение, пожалуй, составляет гигиена, но и здесь можно привести в пример чистоплотность семейства кошачьих, поддерживающую качественный метаболизм (возможность успешной охоты или безопасности). И это как раз говорит в пользу инвариантности системы потребностей в отличие от изобилия мотивов и ставит под вопрос производную культуру в ее отличиях от биологического.

В последующем обзоре БМ прорабатывает потребности и имеет ряд ценнейших замечаний, например, отмечает в разделе "движение" рекреацию и игру, где по его замечанию мышечная и нервная деятельность являются самоцелью. К сожалению, обзор оказался не доведен Малиновским до логического завершения, а Маслоу прошел этот путь практически до предела.

Общий подход Малиновского в этой части верен. В этом перекличка с А. Тойнби. И все верно. И идея обратной связи и кибернетики уже присутствует — до Винера. При этом Малиновский поддерживает бихевиористические взгляды: побуждение, поведение (активность) и удовлетворение. Сложности возникают далее.

Тема культуры в свете потребностей задана Малиновским следующим образом:

Цепочка побуждения, поведения и удовлетворения "реально действует в среде культурных установлений... в каждом человеческом обществе, всякое побуждение переплавлено традицией" [Малиновский Б., с. 85].

И здесь возникает уход Малиновским от психологии и переход его в социологию. Автор оставляет психологию и "культурные" побуждения и переходит к культурным средствам удовлетворения биологических потребностей. Этот переход от производных потребностей к производным или культурным средствам их удовлетворения так постепенен, что читатель, как правило, теряет контроль над словесным волшебством. И это не странно, мы знаем, что и психологи смешивают потребность и мотив в своей собственной сфере.

14.6. Производные потребности как ответы, императивы, институты

Малиновский пытается "прояснить иерархию потребностей и процессы их образования", и для этого ему

“потребуется показать, как хозяйственная деятельность, познание, религия и механизмы права, обучения и художественного творчества прямо или косвенно связаны с базовыми, т.е. физиологическими потребностями”, [Малиновский Б., с. 115–116].

И вначале автор говорит о производных или культурных потребностях. На самом же деле, и, к сожалению, для Малиновского производные потребности — это:

“культурные императивы, связанные со стремлением человека расширить пределы собственной безопасности удобства, опробовать и освоить новые способы движения, увеличить его скорость, изобрести машины для разрушения и созидания, снабдить себя мощными защитными приспособлениями и соответствующими средствами нападения”, [Малиновский Б., с. 115].

Что такое “культурные императивы” становится ясно из таблицы 14.2. В теории Малиновского культурные императивы у Малиновского порождают “культурные ответы”, см. табл. 14.2.

Таблица 14.2

Культурные императивы и ответы, по Б. Малиновскому

Императивы	Ответы
Культурный аппарат производства	Экономика
Технические, правовые, этические предписания	Социальный контроль
“Человеческий материал”	Образование
“В каждом институте должно быть определено руководство, облеченное властью и располагающее средствами для насильственного выполнения своих распоряжений”	Политическая организация

Остановимся и рассмотрим логику автора. Он имел базовые или физиологические потребности, табл. 14-1. И он собрался рассмотреть “хозяйственную деятельность” и т.п. для их удовлетворения. И этой хозяйственной и другой деятельностью для начала у Малиновского оказались “императивы”. Что это такое? “Императивы” — это требования! Малиновский за общество сформулировал *требования к хозяйственной деятельности* для удовлетворения низших базовых потребностей и назвал их “императивами”. Неверная подстановка или ошибка логики кроется здесь! Императивы Малиновского — НЕ ПОТРЕБНОСТИ, а требования к инструментам их достижения, удовлетворения. Мы бы сказали, что это часть мотивации — ограничения к средствам удовлетворения потребностей. Логический разрыв в том, что БМ не может показать, как из потребностей табл. 14.1 возникают императивы в табл. 14.2. Например, автор не смог бы показать нам, как

и из каких базовых потребностей каждого человека возникает социальное требование к “человеческому материалу”, чтобы показать значение образования или как возникает требование к “руководству”, чтобы показать появление политической организации. Не будет же верной формула: “для того, чтобы стать сытым или жить безопасно, требуется получить образование”, или “требуется политическая организация и руководитель”? Сами социальные структуры (например, фраза: “в каждом институте”) здесь возникли без логики природы их появления, складывания, они привнесены из воздуха, или задним числом.

Короче, телеологичность, т.е. идеализация больших систем как самодеятельных сущностей, становится во взглядах этого раздела у автора ведущей.

Примечание. В императивах все требует критики! “Императивы” образуют социальные явления, природу появления которых автор не может показать, если бы и пожелал. Когда БМ начинает с “человеческого материала” и со “среды” — это ясно. Это объективная материальная данность. Но это уже социальная, а не психологическая данность. В этой схеме следовало бы прямо прописать, что собравшийся в “среде” абстрактный уже обобщенный в социуме “человеческий материал” придумал на форуме сначала идеи-“императивы”, потом придумал, объекты жизнедеятельности, такие как экономика, образование, социальный контроль и государство, а потом распределил требования или императивы к построению придуманных объектов. Далее “человеческий материал” разумно создает все “социальные институты”.

Еще раз, что есть телеологичность? — Мы со стороны и после исторического периода возникновения культуры, задним числом указываем потребность того, что случилось и произошло. Причем мы не объясняем механизм возникновения, а требуем (декларируем императивно) то, что случилось как истинно необходимое с позиции красоты и системности уже возникшей структуры системы!

Итак, сказав о культурных потребностях в самом начале своей работы, Малиновский выразился, скорее, фигурально, образно. В своей последующей расшифровке, он обращается не прямо к культурным потребностям человека, а к “культурным императивам”. Последние являются, как известно, конкретно-историческими переменными, более того, во многих случаях — это переменные именно уровня конкретного момента культуры и общества, а не человека. Сейчас мы замечаем эти отличия требований человека (потребностей) от требований или ограничений к средствам удовлетворения требований (мотивов) потому, что отличаем потребности от мотивов.

Однако БМ ощущает отсутствие связи, разрыв связи в своей логике. И он планирует устранить такой разрыв.

Вот как это звучит у автора:

“...возможно, построить теорию культуры, в которой базовые потребности и их культурное удовлетворение могут быть связаны с возникновением новых культурных потребностей (выделено мной — СЧ). Эти новые потребности налагают на человека и общества новые ограничения (выделено мной — СЧ), представляют собой определенные факторы вторичного типа. Тогда мы сможем различать инструментальные императивы, вытекающие из экономической, нормативной, образовательной и политической деятельности, и интегративные императивы, куда мы отнесем познание, религию и магию. [Малиновский Б., с. 45].

Цель БМ — нужно построить теорию возникновения культурных потребностей на базовых потребностях и тогда императивы будут ограничениями для культурных потребностей, и на их основе и будут строиться социальные институты и культура, другие социальные объекты.

И далее Малиновский более конкретно переходит к “императивам” уже как к средствам удовлетворения потребностей:

“...функцию нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторой потребности путем деятельности, в рамках которой люди сотрудничают, используют артефакты и потребляют плоды своего труда...”, [Малиновский Б., с. 46].

Итак, у автора в первой цитате *культурные потребности* — это ограничения или, как это он определяет далее, “инструментальные” и “интегративные” императивы. Если мы его не точно поняли, то второй вариант понимания такой: культурные потребности существуют сами по себе, и дополнительно создают ограничения в виде императивов. И из этого можно сделать вывод, что *логика автора “плывет”, сдвигается прямо по тексту — от индивидуальных потребностей к социальному мотиву (только социальное требование или императив), от мотива к социальной активности и к социальным средствам удовлетворения потребности — средствами удовлетворения оказываются уже социальные структуры и культура*. Из потребностей отдельного человека “вытекает” культура и социальный институт, т. е. социология! Вытекает неизвестным образом.

Это означает, что требования культуры (или социальной системы или общества) Малиновский начинает ошибочно смешивать с потребностями каждого отдельного человека. Он считает их аналогом культурных потребностей (не конкретного общества, а человека вообще). Но это не верно — культурные правила в обществе отличаются от высших потребностей человека. Они отличны тем, что культурные правила исторически конкретны, а высшие потребности инвариантны к культуре. Они отличны и просто как объекты.

14.7. Равенство биологического и культурного? Приоритет культурного над биологическим?

Мы замечаем еще одно важное утверждение у Малиновского — для него *культура и традиция по силе эквивалентны биологическому в человеке*. Эта позиция отражена двумя его цитатами:

“...побуждение даже к простейшему физиологическому акту настолько же пластично (выделено мной — СЧ) и зависит от традиций, установлений, насколько оно неотвратимо возникает через некоторый отрезок времени, будучи порождено физиологической потребностью”, [Малиновский Б., с. 86].

“подчинение культурным правилам настолько же абсолютно, что и (выделено мной — СЧ) следование биологическому детерминизму”, [Малиновский Б., с. 116].

Дело в том, что вторичность культуры именно и означает, что биологическое первично и действует сильнее, а не “настолько же”, не “равноценно”. Именно потому культура возникает позже. В этом культурное всегда иерархично и выше биологического. Именно потому она, культура, меняется — одна сменяется другой и проходит определенные этапы, когда старые культурные установления перестают соответствовать новым (природным и социальным) обстоятельствам. Именно под действием биологических и физиологических потребностей — сначала от одного индивида, потом многих, потом всех — начинают постепенно изменяться культурные императивы, потому разрушается родовой строй или возникают и закономерно разрушаются государства определенных видов и меняются культурные институты или масштаб их социальной роли. Итак, мы наблюдаем еще раз у автора *сдвиг-смещение взглядов, от иерархичности и надстроенности культурного над биологическим к уравниванию как минимум их статуса, если не преувеличению статуса культуры.*

Кстати, можно с удовольствием отметить, что Малиновский сам использует форму доказательства от противного, он показывает, что без культуры и в аномии происходит упадок производства и потребностей (вероятно, уровня удовлетворения). Такая форма доказательства вполне приемлема (как мысленный эксперимент), но Малиновский применяет эксперимент не к поведению индивида, а к поведению системы (примером жизни подразумеваются страдания Западной Европы от произвола фашизма к 1939 году):

“рассмотрим кратко далеко идущие последствия невыполнения культурных императивов...

Долговременное ухудшение состояния материального оснащения, расстройство аппарата общественной солидарности, обучения индивидов и

развития их способностей привело бы не просто к голоду, широкому распространению болезней, к снижению эффективности труда индивидов и, видимо, к снижению численности населения” [Малиновский Б., с. 116–117].

Вывод “эксперимента” приводит к биологической гибели и опрощению. И БМ прав. Это ли не доказательство надстроенности и зависимости высшего от низшего. Если высшее падает — остается только низшее. Если исчезает низшее, то исчезает сам человек.

И *это отрицает вывод о равенстве значений, о самостоятельности, равноценности культуры и биологии.*

В конструкции Малиновского культура обязана стать, как и позже у Т. Парсонса “железным законом” социологии. Можно только предполагать причины такого жесткого видения идеализацией окружающего социолога конкретного мира. Отмечу, мы не против закономерностей, мы против конкретного решения БМ по поводу его “уравнивания” биологического и культурного.

14.8. Критика Малиновского и итоговая оценка

Мы уже говорили о том, что БМ, доказывая важность культуры, не показывает, как она возникает и как меняется (хотя задача эта грандиозна). И в этом неполнота анализа. Так, кстати, и в программировании: недостаточно показать, как хранить и связывать, обрабатывать данные, нужно организовать и продемонстрировать создание и ввод новых данных, их изменение и удаление.

Малиновский в указании роли культуры прав, но не до конца. Он, отмечая трагедию аномии в обществе, должен был найти ее истинные причины, и понять, насколько текущий процесс разрушения норм или их становления детерминирован потребностями людей или ведущих социальных групп и слоев на текущий момент. Он же указал только на то, что результат может быть плох. Общество отработало этот результат и исправило собственные ошибки, и так делает постоянно, потому *изменение культуры* является важным процессом, о котором не сказал Малиновский. Возможно, именно изменение культуры или ее колебание, к совершенству или в сторону аномии, образует процесс регулирования и поддержания среднего исторического уровня сродни колебаниям и регулированию цены на рыночный товар. И все это новые социальные инструменты удовлетворения потребностей при возникшем разделении труда.

Тем не менее, в целом Бронислав Малиновский справедливо утверждает *детерминизм макропроцессов, когда говорит о влиянии биологических потребностей на культуру.*

14.8.1. Холизм

Логический разрыв между уровнями наук — психологией и социологией, между человеком и социальной структурой подменяется известным приемом — холизмом. А то, что к холизму американские социологи очень близки на 30-е годы показывает и сам Малиновский:

“Потребность...является ограничивающим поведение набором фактов. Обычаи и их мотивации, формы поведения, передаваемые посредством обучения, и основы организации должны быть устроены так, чтобы обеспечить удовлетворение базовых потребностей” [Малиновский Б., с. 89].

В этих фразах есть что-то от социального проектирования 30-х годов, проводимого в СССР. Создать нечто и умозрительно для удовлетворения потребностей. Возникает ощущение, что и сам автор готов строить что-то социальное для удовлетворения оных потребностей. Но и еще хуже. В последней сентенции потребность всего-навсего “ограничивающий набор фактов”. Культура, институты — это императив, а потребности — ограничивающие факты. Цикл дрейфа логики автора в работе замкнулся. Императивы оказываются выше потребностей. Культура и социальная структура важнее общества и человека. Между тем социальное и культурное — это всего-навсего обратная связь в цепи удовлетворения потребностей — это инструмент и средство к потребностям и активности их удовлетворения. *Потребность не ограничивает поведение и тем более не ограничивает произвол культуры, она это поведение ВЫЗЫВАЕТ, она создает институты и культуру.* Культура и социальная структура не ограничивают потребности, а помогают их удовлетворению, являются инструментом удовлетворения, и не иначе. Возможно, примитивизация потребностей заключалась в представлении о потребностях только как о физиологии. И последняя фраза означала для читателя вульгарный биологизм — де, мол, все высокое в человеке идет от культуры.

В чем же причины противопоставления культуры и потребностей? Вероятно, Бронислав Малиновский здесь не заметил, как и позже Талкотт Парсонс, возможности того, что культурные и социальные системы и культурные императивы не постоянно соответствуют интересам основной части общества, а лишь в некоторые моменты. И только в развитом обществе можно предполагать некое перманентное соответствие, когда недостатки культуры или социальных систем достаточно быстро корректируются самим обществом. В представлении Малиновского, если общество не выполняет нормы системы, то система разрушается, а страдает от этого общество — это и показано в его

примере. Но Малиновский, как и Парсонс, абсолютно не допускают второй ситуации. Не общество разрушает хорошую надстроенную над обществом систему, а сама плохая или стареющая и уже неадекватная новым условиям система, система, не соответствующая в некоторые моменты интересам общества, может разрушаться, тянуть общество вниз. Тогда составляющее систему общество и масса конкретных индивидов перестает выполнять распоряжения системы, вышедшей из-под контроля этого общества и создает новое в силу своего понимания.

Холизм — придание социальной системе психологический черт субъекта, стремлений, намерений, которого в природе у системы как целого не существует, возвышение системы над обществом. Как и у Талкотта Парсонса система мотивирует личность, управляет личностью. В реальности же такое видение — результат лишь одного оптимистического момента в жизни общества и социальных систем, а вовсе не цикла их динамических отношений. Заблуждение ярко выражено в его таблице Культурных императивов и ответов на них, [Малиновский Б., с. 120], которые мы уже приводили выше в Таблице 14.2.

Культура ничего не организует, а только отражает и поддерживает. Это заблуждение об "организационной задаче культуры" более мощно отразилось в работах Т. Парсонса (и возможно, является модными стереотипами современных им конструкций). Если и когда культура что-то организует, то только в тоталитарном обществе или по приезде Робинзона к Пятнице. И тогда она вряд ли может носить имя культуры, но, скорее, идеологии, религии, имперской колонизации.

Выше мы отметили особенный взгляд Малиновского в его теме — теме культурных норм — сохранения культуры. И это не наш вопрос (в данном материале). Малиновский в своей теме категорически не прав. Если бы первый культурный императив послушное Малиновскому общество сохранило, читатель читал бы рукописи на папирусе или глиняных табличках. Короче, культурный императив и социальный институт служат для предотвращения изменений, но предотвратить изменения не могут, они после своего создания — отражение консервативного поведения больших масс людей, а не наоборот.

Социолог, описав культурный императив или социальную систему как понятие, должен сначала показать, как и под действием чего объект возникает, а потом показать, как и под действием чего он изменяется или разрушается.

Именно в этих вопросах ответ дает только поведение отдельного индивида и с учетом влияния его потребностей. Нарушать старый императив начинает один человек, потом многие, потом все. Так же возникает и новый императив. Ошибка американского социологического

взгляда на культуру состоит в том, что авторы рассматривали свои социальные и культурные системы в статике и в соответствии с макросоциальными нуждами их общества. И это делалось в такой период жизни общества, когда оно достаточно адекватно основным потребностям большинства общества и уж определенно соответствует насущным потребностям социологов.

И холизм как подход не конструктивен в принципе. Мы можем видеть в таком сдвиге от человека к социальным факторам культуры только одно. Исследователь, увлеченный социальным, начинает, как и политик, видеть в социальном исключительно самостоятельное и самодеятельное. Отсюда и императив, и принижение потребностей отдельного и каждого человека. Это момент, когда социальная структура и культура самонадеянно в лице их отдельных представителей, включая и исследователей, опасно выходит из-под контроля общества и забывает о своих родовых связях с обществом и просто с человеком.

Мы видим в таких искажениях не просто методологическую ошибку, но остаток грандиозных идеологических и ментальных атавизмов, которые связаны с искаженным доминированием устаревших хозяйственных и культурных форм. Если для 30-х годов в США это было приемлемо, то к началу XXI века это не подходит! Оно тем более атавистично, что скорость изменения социальных форм и социальная динамика в целом резко возрастает в настоящее время. Социальное развитие должно определенно лишать социальные структуры и культурные институты своей святости и холистической природы в анализе поведения и закономерностях развития. Нам полагается уходить от искаженного взгляда на самодостаточность социальной структуры и культурного императива для автоматического сохранения и развития институтов. Нам следует искать ответы на природу развития таких структур и институтов *от человека, от составляющих их участников* — поднимаясь постепенно к макрообобщениям его, человека, поведения в таких уже социальных и культурных структурах. Это же одновременно означает для нас и понимание объективного повышения роли человека в динамике социальной структуры и культуры.

14.8.2. Еще раз потребности и мотивы

Но холизм как решение связано просто с отсутствием промежуточных смысловых звеньев и поиском хоть какого-то объяснения. И критически отсутствующим звеном здесь является звено мотива потребност-

но-независимого и культурно-конкретного, звено мотива, разводящего потребности и культуру.

Культура, социальный институт, технологическое достижение, инструмент — это социальное или техническое творчество, возможно непроизвольное, но это и просто часть активности и расширение деятельности для комфорта. Но это не потребность в комфорте как таковая. Мы не можем загнать себя в угол поиском потребности хорошего удовлетворения всех остальных потребностей. Потребность в культурном комфорте, как мы теперь понимаем, не вполне потребность, а, возможно, это совокупность культурных *мотивов*, исходящих от самых разных потребностей Маслоу. Так стремление к "комфорту" может включать в себя и костер для согревания иззябшего тела, и пещеру или яму, накрытую ветками от дождя, и выделку рубила или поиск острой палки, ее заточку при опасности появления волков. Или это может быть засеянное к лету поле, или полученная новая работа, когда запасы подходят к концу. И все это потребность в безопасности I или II. Если же к этому "комфорту" добавить покупку чернил, написание письма или установку телефона для разговора стареющей матери с замужней дочкой, то это потребность в общении. Если же мы идем в лучший ресторан, чтобы пригласить туда этих заносчивого Смита и скажем ему, сколько мы заплатили за бассейн возле нашей виллы, то это потребность в уважении ("мы должны показать, кто мы такие"). И не просто комфорт. А когда комфорт будет включать возможность добраться до библиотеки и не спеша найти новый материал по собственной научной теме, то это вполне и потребность творчества. Культура не есть потребность человека, а только средство удовлетворения потребностей, включая те, которые мы именуем культурными (творчество).

Итак, есть вечные потребности, общие для индивидов и частные, особенные на уровне метапотребностей, которых не так и много, и которые относительно устойчивы. И есть бесконечное и все возрастающее многообразие инструментов их удовлетворения, которые мы именуем мотивами, и средствами достижения. К ним относятся и социальные инструменты — социальные структуры и институты. Само отделение устойчивых или инвариантных потребностей от мотивов и составляло основную трудность в анализе поведения человека.

14.8.3. Цель поставлена, но не достигнута

В 14.6 мы показали, что БМ поставил себе цель показать, как культура и хозяйственная деятельность связана с базовыми потребностями

“После того, чтобы прояснить иерархию потребностей и процессы их образования, нам потребуется показать, как хозяйственная деятельность, познание, религия и механизмы права, обучения и художественного творчества прямо или косвенно связаны с базовыми, т.е. биологическими потребностями”, [Малиновский Б., с. 115–116].

Мы понимаем, что эту грандиозную задачу Малиновский прописал, но оставил ее незавершенной. Система Малиновского оказалась открытой на стадии раскройки и анализа. Именно потому он ставит общую цель для будущих исследователей:

“...каким образом культура как целостный механизм организует удовлетворение инструментальных императивов при помощи согласованной и стройной системы типовых ответов? Ответ на этот вопрос... подвел бы нас к более полному определению того, что мы имеем в виду под экономическим детерминизмом или же под экономической долей мотивации или просто экономической мотивацией в сети сложных форм поведения, продиктованных многогранной составной мотивацией”, [Малиновский Б., с. 123].

Этим призывом к будущим исследователям завершаются решения Малиновского по данной теме. Несмотря на отсутствие решения при научном материалистическом подходе, вероятно, проделанный путь и полученный авторитет оказался достаточным, чтобы предложения и гипотезы Малиновского стали определять мнения ряда социологов по поводу потребностей и их связи с культурой общества.

И это более чем странно!

Но это не странно, пока высшие потребности человека считаются конкретно-историческими и культурно-обусловленными в той степени, в какой всю социологическую научную литературу можно через десять лет после издания считать вторсырьем, утратившим актуальность “по давности” (библиотечный термин). И это не странно, когда значительная часть социологов считает, что целью социологии является лишь описание явлений, что социальное прогнозирование не является и не может быть задачей социологии.

14.9. Фундаментальная ошибка атрибуции социологии. Соответствие потребностей и культуры

Представим себе, что психология и социология как науки — это обобщенные наблюдатели.

Для психологии объект наблюдения — человек с его потребностями и опытом — субъект, чье поведение исследуется в психологии. Кроме того, существует среда, культура и социальные институты — это факторы влияния для психологии.

Для социологии, наоборот, объект исследования — социальные институты и культура, а фактор влияния — это отдельный человек, например, выдающаяся историческая личность или каждый человек в отдельности, что обычно допущение ничтожное с учетом представлений о невозможности учесть каждое микровоздействие.

В социологии к настоящему времени традиционно внимание исследователя обращено на социальные структуры и культуру.

Соответственно, предмет науки образует поле и методологию исследования.

Первый подход — подход в психологии. В случае работы психологов, уже по роду службы и интересов, психология должна заниматься личностью, потребностями и анализом мотивации. Позиция психолога вместе с его пациенткой — Джессикой, как поверхностно кажется, и заключается в том, чтобы оценить, что же намеревается сделать Смит, когда дарит цветы Джессике: "Ему, как и всем парням, только одного и надо или он ее действительно любит?".

Второй подход — подход в социологии. Кажется естественным, что в социологии и в социальной психологии, например, у Дэвида Майерса, мы встречаем общую методологическую установку — рассматривать человека разумного и его поведение в среднем как результат культуры и среды. Борьба социологии со "здравым смыслом", который приписывает поведение потребностям, свойствам и типу конкретного человека порождает теорию фундаментальной ошибки атрибуции — в реальности за социальным поведением в массе стоит в широком смысле культурная среда и т.п. И тема Джессики будет решаться анализом процента девушек, вышедших успешно замуж, или процента матерей-одиночек. И это верно — это материализм или причинно-следственный детерминизм на уровне социальном.

Как сказал Д. Майерс: "Фундаментальная ошибка атрибуции многократно увеличивается, когда она служит нашим собственным интересам" [Майерс Д., с. 117]. Или там же: "мы находим причины там, где ищем их" [Майерс Д., с. 122]. Это особенно касается телеологии, то есть, если не искать вне объекта, а только внутри него.

Две науки — два объекта исследования!

Но в данной ситуации мы соединяем "ужа и ежа" — мы сравниваем потребности и культуру. Выше мы обнаружили один промежуточный слой, который разводит (или соединяет) психологию с социологией — этот слой "мотивация".

Потребности носят биологический характер, частично основание для *возникновения* потребности носит культурный характер научения и образует условие запуска, но потребность возникает неосознанно,

инстинктоидно и порядок между потребностями в иерархии не зависит от культуры.

В свою очередь мотивация полностью носит культурный характер и является, как говорят программисты, “интерфейсом” от потребностей к культуре.

Но есть и еще один феномен брачного контракта социологии с психологией. Его ключ непосредственно хранится в теории *иерархии* потребностей, т.е. в динамике потребностей.

Формально некто мог бы сказать, что автор занимается теорией социальной психологии — потому и пытается соединить вместе социальное и психологическое. Это тоже верно. Работа на стыке наук прямо провоцирует “смычку” (политика), или проектирование разъемов и их соединений (электротехника), или интерфейсов (программирование). В реальности автор намерен отстаивать ряд, как он считает, научно состоятельных, важных для общества положений социологии, вытекающих из теории Маслоу. Это значит, что автор делает социологические выводы, на основе психологии. Но не просто психологии, а динамической теории психологии, коей является теория иерархии потребностей. И не просто социологические выводы, а представление об изменении социальных отношений, об их динамике. Мы защищаем утверждение, что динамика потребностей в психологии (и подвижной диспозиции, точнее, доминанты) приводит к динамике общества и культуры, и наоборот. И это *третий подход*.

Как же можно интерпретировать три представленных позиции?

Позицию только психолога или “здравого смысла” типа “он меня любит или использует?” — схема (1) изучения психики Смита и Джессики?

Позицию только социолога или социального психолога — в виде теории “фундаментальной ошибки атрибуции” — “значение культуры и среды важнее всего (императив), социальный процесс обусловлен культурой или императивами” — схема (2) статистического изучения поведения типовых Смитов и типовых Джессик в миллионах личных контактов?

И авторскую схему (3)?

Мы отвечаем следующим резюме.

Схема 1 — это *психология в статике* или характеристика поведения человека, исходя из его текущих потребностей. Отключение понимания, что психология есть результат культуры общества, приводит к ошибке атрибуции — представлению, что психология личности слишком автономна от общества. Это, в частности, приводит к ошибкам коррекции личности и лечения патологий из-за пренебрежения к роли

социальной среды. Нередко ошибка приводит и к неверным выводам в социологии по поводу поведения и роли выдающейся личности в социуме и в истории, преувеличения такой роли.

Схема 2 — это *социология и культура в статике* или характеристика поведения множества людей в системе текущих и неизменяемых социальных отношений и в обществе в отдельном своем состоянии. Отключение понимания, что социология есть результат действий множества людей, разрыв между потребностями, т. е. психологией, и социальной структурой, приводит к ошибке атрибуции — представлению, что социальный объект — структура — имеет самостоятельные отдельные от интересов людей свойства устроения, регуляции и адаптации.

Схема 3 — это *динамика культуры и социальных институтов, организаций под воздействием изменяющейся среды и результирующей (от среды и культуры) динамики потребностей* и, как следствие, динамики психологии или ментальности масс людей. Потребности миллионов людей сдвигаются по иерархии вверх и вниз и соответственно этому изменяются — рождают, меняются и умирают — социальные структуры, инструменты, ценности, культурные формы, ментальность. В этой схеме мы определяем ведущую прямую связь от потребностей человека на развитие и изменение культуры и социальных структур, в то время, как обычная социология рассматривает только обратную связь от культуры к потребностям человека как сохранение и передачу, как воспитание и коррекцию личности.

Схема 3, обнаружившая себя случайно в авторском применении иерархии Маслоу, соединила схему 1 и 2 в динамике, модифицировав каждую. И это тоже решение. Возможно, оно не универсально и не предел. С другой стороны для многих ситуаций такое решение и не требуется, но его настоятельно недостает в некоторых общих оценках, особенно в истории и в прогнозе.

Схема 3 в случае нашего примера с Джессикой могла бы изучать структуру потребностей молодых людей, текущей экономики и культуры семьи. Она может давать на этой основе среднесрочный и долгосрочный прогноз динамики и социологической перспективы института брака, рождаемости и воспитания детей в семье разных типов (полной, одиночных, приемных, общественного воспитания), исходя из прогноза уровней удовлетворения потребностей и средней культуры молодежи. Она также, например, может соединить в исследовании *снижение перспективы парной семьи* ввиду роста специализации труда, динамики труда и горизонтальной мобильности и связанного появления и роста нового семейного института большой специализированной общественной приемной семьи из нескольких приемных родителей-профессиональных воспитателей.

В этой связи стоит привести сказанное по совсем иному поводу Дэвидом Майерсом:

“Паскаль учил 300 лет назад: одной истины никогда не будет достаточно, потому что мир сложен. Любая истина, отделенная от дополняющей ее истины, будет полуправдой” [Майерс Д., с. 109].

Объединение психологии и социальной науки в их взаимодействии является частью методологии системного анализа, особенности которого в этой разработке и отражаются. Такое объединение не странно, поскольку эти отрасли знаний как и их объекты исследований вплотную примыкают друг к другу, а возможно, и не могут друг без друга.

Таким образом, никакого противоречия в противопоставлении позиций доминирования роли потребностей человека или преобладающего значения культурного наполнения его жизни не существует — это единая синтетическая схема взаимодействия: в одну сторону — прямая связь, в противоположном направлении — обратная.

К сожалению, эта книга не о социологии. Поэтому схему связи психологии и социологии мы покажем лишь в самом малом, хотя и важном примере — теореме эксплуатации.

14.10. Структура потребностей по критерию формирования и динамики

Подведение итогов связи потребностей и культуры мы начинаем с указания всех точек соприкосновения генетики или врожденности и культуры или научения при функционировании мотивационного процесса, прежде всего, процесса появления и удовлетворения потребности.

Данные современной психологии вслед за Маслоу показывают, что ВСЕ потребности человека и биологического мира в иерархии Маслоу имеют инстинктоидную или нерациональную и подсознательную форму запуска. Этот признак и является определением потребностного состояния. Это означает, что механизм запуска потребностей един и является чисто биологическим.

Усложнения возникают, когда речь идет об условиях запуска.

Потребности человека и также животного по критерию формирования и изменения условий запуска делятся на три части.

Первая часть потребностей является безусловной и сформирована генетически (метаболизм или безусловные депривации — голод и т.п. и ощущение боли). Условия запуска таких потребностей в жизни индивида или особи не изменяются. Это *безусловные потребности*.

И это означает, что эти потребности истинно биологические. Если над ними надстраиваются метапотребности, то это отдельные потребности. Гурман будет есть по-разному: заморить червячка второпях, когда нет времени — чистая биология, и устраивать праздник живота, когда такая возможность появляется — культурная (и подкрепляемая физиологией мозга) надстройка..

Вторая часть потребностей имеет генетически записанные начальные условия запуска. В жизни индивида такие потребности подвержены изменению условий запуска в зависимости от жизненного опыта и научения. Это обобщенно *условные потребности. Ряд безусловных (с условиями, генетически подготовленными по рождению) потребностей переходят после обучения в класс условных, где условия изменяются.*

Это означает, что такие потребности носят и биологический, и культурный по формированию характер. Ребенок имеет свои страхи, а взрослый боится другого.

Третью часть потребностей мы определяем, как *индивидуальные потребности (метапотребности), которые формируются как удовольствие от самой активности.* Их условиями является собственное подкрепление в центральной нервной системе, а их инстинктоидный запуск предполагает удовлетворенность (иногда символическую у некоторых) базовых потребностей предшествующих групп и антиципацию, предвосхищение удовольствия от активности.

Метапотребности носят приобретенный практикой и (или) культурой характер. Исключение составляют игры. Игры есть и у зверей, в основном в период роста, когда родители приносят пищу. Стремление к играм у зверей и людей носит генетический характер (как и любопытство, поиск новизны, движение-разминка). Остальные метапотребности и игры взрослых людей имеют культурное происхождение.

Мы в этой связи должны выделить три процесса в “работе” потребностных состояний человека и животного, которые могут зависеть от культуры или от биологии различным образом:

– процесс *коррекции условий запуска потребностей,* часть потребностей заложена генетически и не требует формирования (метаболизм), а часть потребностей связана с жизненным опытом и обменом опытом — опасности и удовольствия;

– процесс *реализации или проявления (запуска) потребностей* как появления потребностного состояния;

– *формирования индивидуальных потребностей.*

Остальные три процесса: мотивация, активность, оценочная афферентация нас менее интересуют в аспекте происхождения от генетики

и культуры. Мотивация и почти вся активность определенно рассматривается как культурный и рациональный феномен, а остальное является следствием потребностного синдрома и подчинено этому синдрому как следствие.

Ниже мы приводим таблицу связи биологических и культурных факторов в иерархии потребностей на запуск и формирование потребностей.

Таблица 14.3

Потребности Маслоу — происхождение биологическое и культурное

Потребности	Запуск	Формирование условий запуска		Мотивация
Безопасности I (жизни)	Б	Б	К	К
Физиологические	Б	Б		К
Безопасности II (обеспечения)	Б	Б	К	К
Любви и принадлежности	Б	Б	К	К
Общения	Б	Б		К
Уважения или Безопасности III	Б	Б	К	К
Новизны и неопределенности	Б	Б	К	К
Метапотребности	Б		К	К
Направленность	Б		К	К

Б — биологическое происхождение;К — культурное происхождение или коррекция, влияние опыта или научения.

Примечание. Почему мы расположили в таблице колонку “запуска потребности” левее, чем колонку “формирования условий запуска”? Потому, что первоначально весь запуск ведется подсознательно и под действием встроенных условий, первый запуск всегда идет в условиях отсутствия научения, т.е. в генетических условиях. А сами условия начинают культурно модифицироваться позже появления потребностей.

Происхождения запуска (Б) и мотивация (К) нами обсуждались подробно выше

Практически все потребности, их генетическая и культурная компонента обсуждались в настоящей работе. Возможно, комментария требуют две потребности: потребность безопасности I и потребность новизны и неопределенности.

Потребность в жизни (безопасности I), несомненно, начинается с естественных процессов и запуска дыхания ребенка. Далее в жизни

у человека возникает множество культурных условий опасности для жизни. Например, зверь или ребенок может не обращать внимания на высоту, пока не упал. Он может не обращать внимания на свист пуль, если не слышит выстрела, но взрослый, который знает о "культуре" огнестрельного оружия, понимает источник короткого свиста даже, если никогда не был ранен, он будет ощущать угрозу для своей жизни. Мы утверждаем, что для условных потребностей само условие страха или другой условной депривации будет зависеть от культуры общества. В Африке житель может насторожиться, заслышав рычание льва у водопоя, а в Европе человек станет озабочен, увидев оголенные концы проводов кабеля, торчащего из земли. И кто-то определенно не поймет заботы другого. Потому потребность в безопасности I тоже имеет и генетический, и культурный вариант запуска.

Потребность в новизне и неопределенности всегда является и биологической, и культурной. Желание новизны возникает в определенных состояниях устойчивости и сверхстабильности условия жизни. И это всегда биологично, как затекшие в неподвижности плечи или ноги требуют разминки. Но состояние новизны всегда и даже для животных культурно — дело в том, что каждый раз новизна и неопределенность у животного и человека после ее ИСПОЛЬЗОВАНИЯ в потребности, кроме, может быть, движения, перестает быть новизной и неопределенностью, перестает удовлетворять любопытство и быть новым. Освоенное опытом и у особи, и у индивида перестает удовлетворять эту потребность, переходя из разряда "информации" в разряд знакомой рутины. Оно становится условием "неновизны", при котором не срабатывает, не удовлетворяется потребность новизны и тем самым усвоенное условие "знакомого" вызывает и продолжает поисковый синдром потребности новизны. Усвоенная культура перенаправляет внимание на неосвоенное.

Граница между биологическим и культурным в системе высших животных и человека оказывается и определенной степени текучей, преходящей. В *запуске* — все они несут биологический характер (и это определение потребности), в *условиях запуска* они частично биологического характера, частично культурны, в *процессе подготовки или мотивации* они исключительно культурны. Зверь, не умеющий себя кормить, погибает. Некультурным и врожденным можно считать лишь активность млекопитающих тянуться к материнским соскам или активность птенцов пищать и раскрывать клюв для получения корма. Но в *практике жизни видов и человека* этим генетическим мы в этом рассмотрении пренебрегаем.

Анализ таблицы показывает постепенное повышение роли культуры от физиологических до высших потребностей в части формирования или коррекции условий запуска потребностей (слева и сверху вниз в таблице). Этот же результат представлен на графике, см. рис. 14.1. Мы просто сложили генетическое и культурное алгебраически. Систему запуска потребностей представляют 7 генетически обусловленных инстинктоидных действий, в системе изначально заданных и позже формируемых культурой условий запуска потребностей возникает баланс — все инстинктоидные условия могут быть заменены культурными, что образует в сумме нулевой баланс. В системе мотивации господствует выученное по определению как рациональное (+7). Схема на рис. 14.1 построена для более наглядного представления перехода от генетически обусловленных форм мотивации к культурно формируемым.

Еще более наглядно видно отличие социального от биологического, если мы представим эти позиции для биологического мира. Если в системе запуска и условий запуска человек и биологическая особь в принципе идентичны, то в части мотивации биологические виды ограничены так сильно, что мотивацией практически можно пренебречь. Информация о возможности выбора у особи средств достижения цели из нескольких ничтожна или близка к нулю (в реальности). Дело обстоит так, что природа (в отличие от экспериментаторов с животными) предоставляет любой особи очень мало альтернатив, что и образует от-

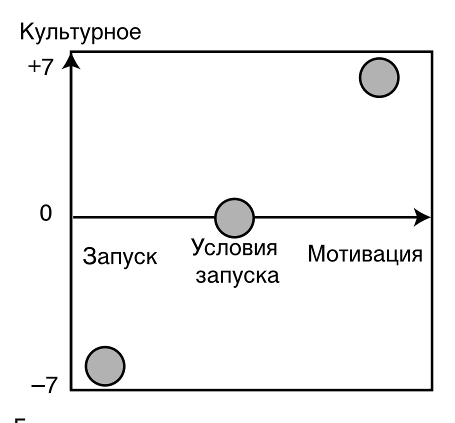

Рис. 14.1. Включение в простейшую схему влияния внешней среды

сутствие практики выбора. Этот феномен отражен и в экспериментальных обобщениях (стресс у животных при выборе), и даже в научной литературе от Аристотеля (“буриданов осел”).

Таким образом, потребности человека и животного мира в отношении культуры — научения и формирования части депривационных базовых потребностей и метапотребностей — отличаются не принципиально. Различия возникают на уровне удовлетворения потребностей, где ведущим звеном оказывается деятельность, которая постепенно у человека образует мотивационные структуры и процесс мотивации. Различна, вероятно, длина логических цепочек, возможно, объем ассоциаций, их качество. Отличаемся мы от животного мира количеством средств достижения и удовлетворения потребностей (если способ удовлетворения единственный, то в мотивации вообще нет необходимости, а сам способ фактически генетически поддержан — ловля мышей кошками), количеством и иерархией использования объектов мира и их обозначений, частотой использования применяемых символов, сложностью рациональной логической обработки информации, мощностью, объемом передачи своей культуры подросту и возможно еще многим другим, но (как пока представляется) не принципом влияния культуры на наши потребности.

Культура или внешняя информация влияет на формирование части потребностей, а именно, условных потребностей, надстроенных над безусловными базовыми потребностями, и на формирование метапотребностей, на мотивы (выбор рациональных инструментов) устранения депривации или удовлетворения потребностей. Здесь мы говорим только о потребностном мире человека и его связью с культурой и не более.

14.11. Независимость потребности и культуры на уровне человека и в динамике на микроуровне

Итак, мы подводим итоги. На микроуровне — в поведении одного человека потребности и культура связаны следующим образом.

Все потребности возникают или запускаются инстинктоидно как

1) *безусловные* внутренние соматического уровня депривации организма (голод, жажда и т.д.) или

2) через включение и регистрацию информации от вегетативной нервной системы и ощущений, образующих вместе нейрофизическое *инстинктоидное условное соответствие* внешней информации нор-

ме опасности или *условное несоответствие* внешней информации с “нормальными схемами памяти”, “хранимыми в памяти схемами безопасных состоянии среды”, и это вызывает страх, тревогу, беспокойство или озабоченность и

3) через *инстинктоидную* ассоциацию любого случайного состояния и внешнего раздражителя с агрегациями, предвосхищающими и провоцирующими воспоминание о сильных положительных подкреплениях. И это образует запуск индивидуальной *метапотребности* (интереса, зависимости) или запуск сильной отрицательной депривации, то есть образует запуск индивидуальной *антиметапотребности* (фобии, приобретенного панического страха или боязни), сюда же относятся и стрессовые состояния не реабилитированных индивидов.

Еще раз мы отмечаем **относительную независимость (автономию) мотивации или методов удовлетворения потребности от самой потребности**. От того, ложкой ест человек или рукой, потребность голода не меняется, меняется форма действия и инструменты удовлетворения потребности, снижаются энергетические затраты (потребителя) при удовлетворении потребностей. Одно и то же действие может служить многим потребностям.

Еще раз необходимо напомнить, что рациональные действия человека, которые вызывают озабоченность или прямо служат удовлетворению потребности, не попадают в сферу запуска потребности. Сама сфера рационального в мышлении человека является источником уверенности и оптимизма, в крайнем случае, скуки.

Этим мы отвечаем на вопрос *о связи потребностей и культуры на микроуровне потребностной сферы одного или каждого человека*.

Как только мы выходим за рамки человека, мы вынуждены видеть его социальные структуры вплоть до культуры. Эта тема тривиальна, должна быть представлена в работах других авторов и дается здесь для полноты в следующем разделе.

14.12. Формирование макроструктур и связь с потребностной сферой

Для рассмотрения столь общего вопроса нам приходится выйти на некоторый более общий уровень рассмотрения иерархии потребностей. Цель — анализ взаимодействия потребностной сферы и внешней среды.

Мы начинаем анализ от приведенной ранее схемы удовлетворения потребностей в активности, включив внешнюю среду, см. рис. 14.2.

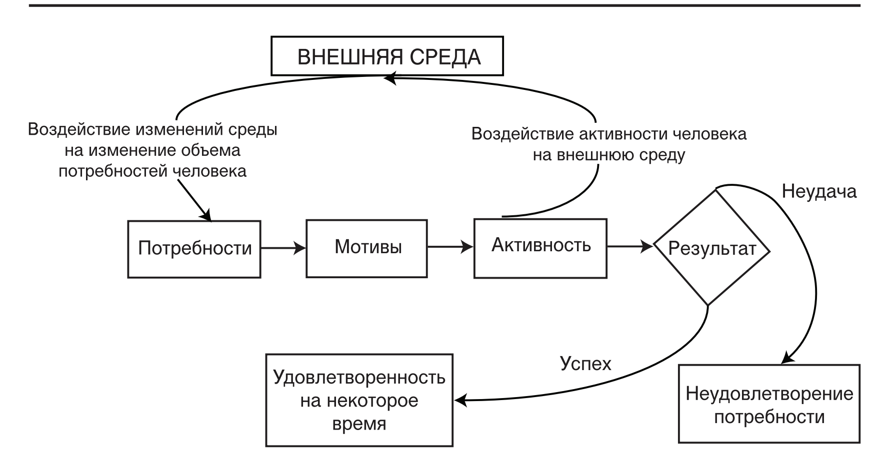

Рис. 14.2. Включение в простейшую схему влияния внешней среды

С расширением общения и ростом количества участников появляются новые формы общения.

Появление социальных институтов и культуры мы рассматриваем как обогащение инструментальных средств в процессе удовлетворения потребностей индивида и групп индивидов как дальнейшее усложнение схемы в нашем анализе, см. рис. 14.3.

Взаимодействие человека друг с другом начинается с потребности любви и завершается в целом базовой потребностью уважения. Более высокие потребности не всегда требуют общения. Общение и уважение образуется в микрогруппах (например, в семье), а затем обобщается в более широких структурах и социальных институтах.

Рис 14.3 фактически является продолжением и уточнением спирали жизни, изображенной на рис. 9.1, но в филогенетическом смысле. Более широко можно показать возникшее взаимодействие на схеме, рис. 14.4.

Что отличает традиционную социологию от полноценного взгляда на развитие общества? Интересы (потребности) привилегированных участников в социальных структурах заключаются в сохранении стабильности существующих форм. В теории Маслоу это понимается как проявление потребностей безопасности, прежде всего типа III и II.

Сохранение статус-кво в социальных отношениях является ведущим стремлением части участников, обладающих основными ресурсами (наивысшего статуса). А гранты, которые выделяют научные фонда на исследования, оказываются “подкреплениями” научного поиска в направлении исследований. Тогда и в разработке теории динамики

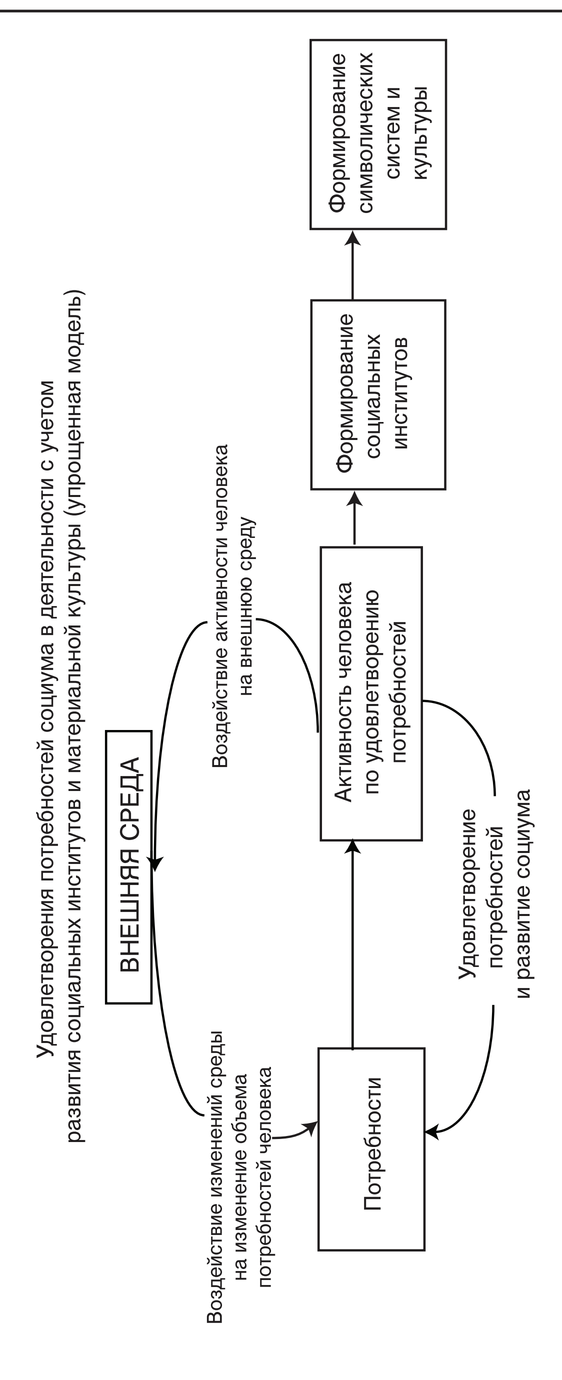

Рис. 14.3. Появление микрогрупп, социальных институтов и формирование культуры

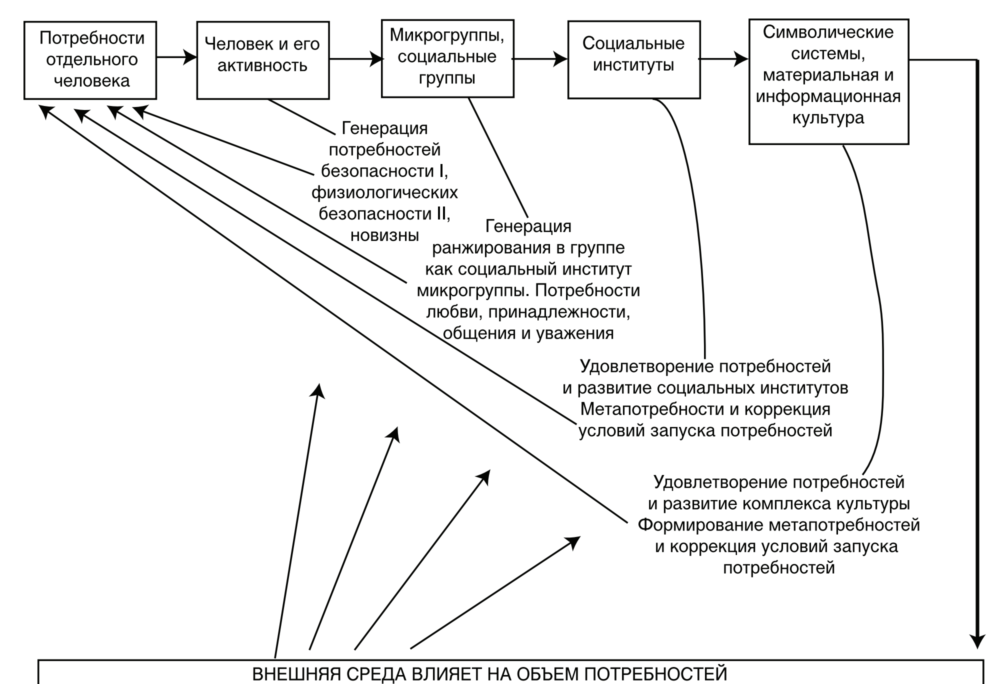

Рис. 14.4. Активность индивида мы сворачиваем блоком “Человек”. Внешняя среда влияет непосредственно не только на человека, но и опосредовано на вышестоящие системы, их особенности формирования и функционирования, использования, например, ментальность

таких социальных систем господствует парадигма сохранения и поддержания статус-кво, а не парадигма их текущей и вечной динамики (рождения, развития, старения и гибели или реконструкции в новые формы с новыми функциями). Поэтому создание теорий формирования социальных структур не форсируется исследователями. И это также является ошибкой атрибуции в социологии. И в большинстве не просто ошибкой "позиции наблюдения", а вызванной искусственно (подкрепленной и поддержанной ресурсами) позицией наблюдения. И системный анализ как общеметодологическая надстройка над науками исправляет такую ошибку атрибуции.

С другой стороны, низкая скорость процессов формирования и изменения социальных структур и систем культуры и ценностей образует сложность их наблюдения. Иногда такие наблюдения пресекаются в связи с "политической некорректностью" и даже массовыми интересами сохранения статус-кво социальных отношений, которые часто подкрепляются целенаправленным расходованием общественных ресурсов (сохранение социального иждивенчества).

Еще сложнее дело обстоит с предшествующими теориями динамического изменения социальных структур.

Некоторые первые достижения системы Маркса породили у ее авторов и последователей эйфорию от научного прорыва с уверенностью в получении права на свободное социальное проектирование и насильственное социальное реконструирование. Трагизм практики и неудача утопической системы Маркса, которая представила некорректный проект и прошлой, и будущей социальной динамики общества, вызывало и вызывает доныне отторжение и антипатии к идеям видеть и даже искать причинно-следственные связи в социальном поведении или, что часто выглядит пугающе, "закономерности", в динамике социальных структур.

И это также является ошибкой атрибуции в социологии — страх и фобия, сформированная от мощной и ошибочной социальной (всемирного масштаба) рефлексии.

Тем не менее, некоторые основания для представления каузальности динамики (возникновения и гибели, вырождения) социальных структур, социальных норм и культурных представлений, ошибочности прежних социальных рефлексий, и верного компонента в социальных ожиданиях, не основанных на иждивенчестве, мы можем предполагать. И такие основания содержатся в одновременном и параллельном анализе взаимодействия динамики потребностей на основе теории Маслоу и активности индивида на уровне психологии с социальными структурами и культурой, которые его окружают, см. Приложение.

14.13. Макродинамика взаимодействия потребностей индивида и социальной среды

Потребности человека изменяются при смене среды, или смене ее параметров. Каждый участник в среднем вынужден изменять свое поведение. Такое изменение всегда включено в рамки уже существующих социальных структур. Индивид методом проб и ошибок определяет различные и нетрадиционные стратегии поведения. Он, нарушая прежние нормы и запреты, может применять новые практики. Обычно это осуществляется сначала индивидуально, потом через микрогруппы. В случае успеха новые формы поведения закрепляются и находят последователей.

В этом и заключена роль каждого отдельного человека в истории. Чем более разнообразны попытки человека изменить свою жизнь, тем более творческим является общество и тем быстрее пробивают в нем путь новые и эффективные решения, важные для развития общества в целом. В реальности применение нестандартных практик означает индивидуальное творчество (проявление высших форм существования человека). Творчество личности вовсе не означает, что общество гарантировано от опасностей в развитии. Мы уже видели, что в некоторых отрицательных, заданных ресурсами условиях творчество может наискорейшим образом построить тотальную систему социального давления (см. эксперимент Зимбардо). Но в целом, при отсутствии опасных ситуаций концентрации (монополии) ресурсов, роль каждого и творчество многих резко ускоряют социальный прогресс.

Появление и развитие микрогрупп и новых форм взаимодействия приводят к формированию общественных движений и иногда к появлению новых социальных структур и к гибели старых. Кроме того, взаимодействия (как конфликты или слияния) происходят, что существенно не только внутри систем, но и между социальными системами. И конкуренция социальных структур также может приводить к разрушению прежних и к созданию новых. В более широком плане и медленней так же изменяются элементы культуры, социальные нормы и ценности.

Такие процессы и являются более глубокой (но не конечной) причиной изменений институциональной среды, эволюция которой представлена теорией Норта [Норт Д., с. 118].

“Эволюционная теория обосновывает вывод о том, что с течением времени неэффективные институты отмирают, а эффективные — выживают, и поэтому происходит постепенное развитие более эффективных форм экономической, политической и социальной организации”.

Изменения чаще вызваны снижением текущего уровня потребностей в шкале Маслоу и стремлением индивидов сохранить уровень или поднять уровень удовлетворения потребностей. *В новых системах средний уровень удовлетворения потребностей в системе потребностей для основной массы индивидов всегда возрастает, или хотя бы возвращается к исходному уровню при падении удовлетворения в старых структурах, неспособных поддержать прежний уровень.*

Следует иметь в виду, что подлинные причины деформаций уровня потребностей лежат ниже (или выше). Корневыми причинами, чаще разными, являются некоторые конкретные изменения в социальной, производственной и культурной среде или в окружающей среде, либо в изменении их соотношения. И каждый раз мы должны искать такие причины для объяснения изменений. Это может быть появление неравенства или, наоборот, выравнивание условий производства и проживания. Условия могут включать и плотность населения, и территорию его поселения как фактор безопасности или, наоборот, социальной опасности. Они могут представлять появление новых и неравномерное их распределение, или, наоборот, выравнивание в социуме технологий, появление новых или исчерпание прежних ресурсов и даже изменение таких параметров, как культура и ментальности основной массы. Этот класс параметров нам следует именовать материальными (экономическими и природными) причинами.

Культура и ментальность также может функционально зависеть от среды. Культура может включать и появление (или гибель) полезных или ошибочных для развития общества массовых духовных движений и рефлексий. В общем случае мы можем сказать, что это возрастание потребностей в среднем в развитии институциональных форм, может быть отражено по шкале потребностей Маслоу, по крайней мере, на качественном уровне. Эта динамическая связь, показана на рис. 14.5.

Культура — это результат множества реликтовых, отживающих практик, современных форм и зарождающихся рутин, включая ошибочные или символические. Практики включают искусственную и природную материальную среду, инструментальные, информационные и духовные средства общества.

Позже, в разделах, посвященных истории и социологии (земледелия от начала до середины второго тысячелетия н.э.), мы покажем некоторые механизмы динамики социальных структур, культуры и ментальности.

В процессе исторического развития человечество в целом или в своей передовой части (Ойкумены) проходит определенные этапы со-

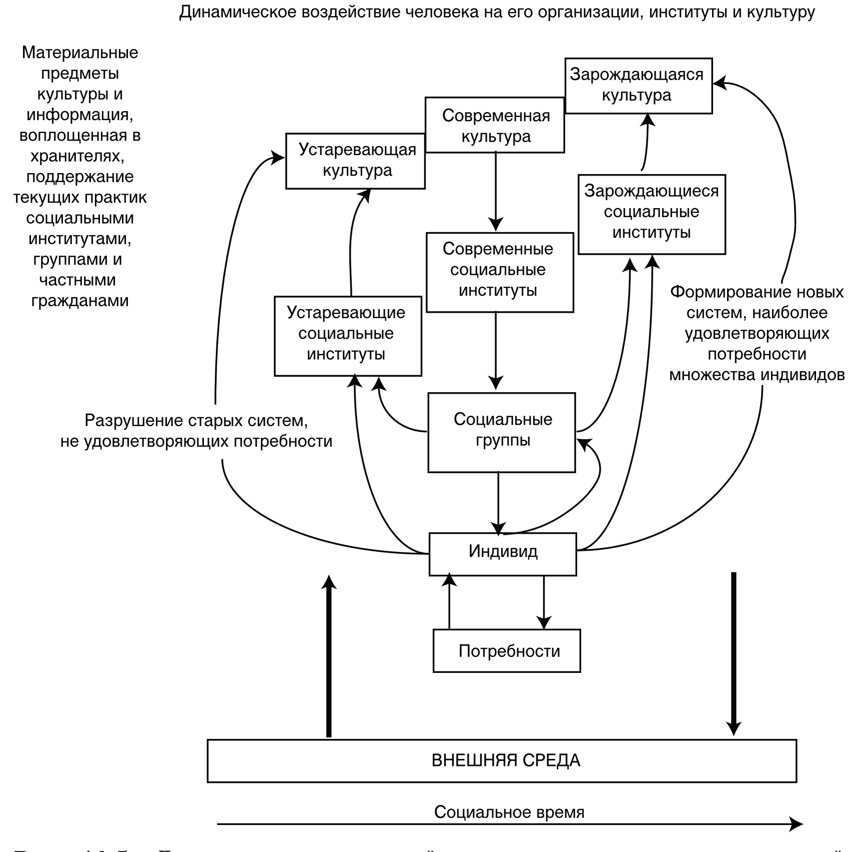

Рис. 14.5. Динамическое взаимодействие индивида и верхних этажей социума: микрогрупп, социальных институтов и культуры

циального, экономического и культурного плана. На этих этапах средний уровень удовлетворения потребностей в шкале Маслоу постепенно возрастает. Каждая фаза экономического и культурного развития отражает в филогенезе типовой или массовый уровень удовлетворенной потребности и соответственно типовой или общий уровень потребности, которая является для данного общества и его этапа наиболее востребованной, не удовлетворенной. Таким образом, мы предполагаем, что существует некое взаимоотношение культуры и потребностной сферы по шкале Маслоу в масштабе исторического процесса. И мы обращаемся к краткому обзору этого уровня, то есть к исторической динамике ведущих уровней потребностей человека.

14.14. Культура и рост уровня текущих потребностей в иерархии Маслоу в истории

В разделе мы рассматриваем отношение культуры и среднего уровня удовлетворения потребностей в обществе.

Прежде всего, средний уровень удовлетворения потребностей с ростом культуры возрастает.

Каждый важный исторический период развития общества можно характеризовать типичным уровнем удовлетворения потребностей в шкале Маслоу в двух аспектах: в аспекте удовлетворения и в аспекте наиболее актуальной неудовлетворенной потребности. Иначе говоря, на каждом важном этапе развития общества можно видеть две потребности Маслоу: определенный уровень потребностей, который является основным (удовлетворенным), и некоторый следующий уровень потребностей, который оказывается предпочтительным или желанным, но типично не полно удовлетворен. Иногда, мы несколько забегаем вперед, не изложив своих результатов, этап может представлять собой период циклического перехода от удовлетворения одной потребности к другой и обратно в массовом масштабе, образуя т.н. “потребностное кольцо” или цикл.

1. Так, в начальный период развития человека, в антропогенезе, например, в период палеолита, человек, вероятно, в силу малой своей численности имел превышение ресурсов над объемом их использования в процессе роста, поэтому поиск пищи, вероятно, не занимал много времени, зато большую роль играла опасность хищных зверей.

Наиболее удовлетворенной потребностью была потребность в пище (физиологические потребности в целом).

Наиболее неудовлетворенной и критической в условиях изобилия животного мира и растительности можно предполагать потребность в безопасности I. Под ее давлением идет развитие орудий труда защиты (безопасность I) и добывания мяса (каменных рубил — безопасность II). Мы могли бы этот период определить как противостояние физиологических потребностей и потребностей безопасности и творчества изготовления орудий труда. Это период детства человечества — такую комбинацию противостоящих потребностей имеют дети, которые еще не умеют делать запасов, думать о будущем и никогда не голодали. В данном случае, мы предполагаем, что и само питание (физиологические потребности) не представляло проблемы.

Для периода распространения земледелия, когда материально-техническое и культурное неравенство между общностями оказалось очень велико, ситуация много сложнее и мы ее здесь опускаем.

2. В период от индустриальной революции и до начала автоматизации труда, до середины XX века при господстве рутинного труда и промышленных корпораций в обществе трудно встретить голодного человека или человека, боящегося, что его убьют. И, судя по современным представлениям специалистов в области психологии, противостоящими потребностями в развитом индустриальном обществе является противостояние потребности в безопасности II (сбережения и материального благополучия для работника, работающего по найму или самостоятельно) и безопасности III (уважения и статуса, когда большинство людей стремится повысить свой статус).

3. В то же время после начала периода автоматизации и с ростом массового творческого квалифицированного труда, с возрастанием роли науки в постиндустриальном[53] обществе метапотребности и творчество, поддержанные массовыми технологиями общения (Интернет), могут начать противостоять потребности уважения (безопасности III). Это может произойти, поскольку значимость индивидуального и группового творчества всегда определяется в виде конкуренции между людьми и группами (творческими коллективами или корпорациями). Таким образом, в обществе этого типа (и это общество относительно долгого будущего, которое начинается только сегодня в развитых странах) удовлетворенной потребностью является потребность в уважении, а искомой и осваиваемой потребностью являются метапотребности.

Мы рассмотрели только три этапа из множества фаз, пройденных человечеством, и надеемся, позже иметь возможность уточнения остальных.

Человечество взбирается по социальной лестнице вместе с иерархией своих потребностей или даже собственно по такой лестнице потребностей. То, что было привилегией высших классов тысячи лет назад, становится массовым на народном уровне. В этом и основание для социального оптимизма.

14.15. Выводы к главе

Мы подробно рассмотрели взгляды Бронислава Малиновского в его “Теории культуры” и показали его постановку этой объемной задачи, решение которой, к сожалению, им не закончено. В разделе отмечены критические точки срыва и неверного выхода к решению проблемы.

---

[53] Мы критически относимся к этому термину, который носит исключительно неопределенный оттенок.

Во времена Малиновского отделить потребности, поведенческие биологические механизмы от образного предметного и рационального уровня работы психики (мотивации) было, вероятно, невозможно. Сейчас мы понимаем эти уровневые различия как “железо” или низкоуровневые протоколы обмена и “софт” психической деятельности с потребностным “интерфейсом” между биологией и культурой, если переходить на образный компьютерный жаргон.

В ходе анализа нами использовались новые подходы, развитые здесь и в предшествующих главах:

– отделение потребностей от мотивов;

– отделение процесса формирования потребности от процесса запуска или действия потребности;

– различение генетической природы потребности от ее формирования с участием научения и фиксацией опыта в памяти (условные и безусловные базовые потребности);

– различение общих для человека в целом принципов функционирования потребностей (базовых) от сугубо индивидуальных зависимостей (метапотребностей).

Кроме этого, в анализе использовался динамический подход — искать механизм появления и уничтожения любого социального феномена под действием поведения отдельного человека прежде всего и после создания им социальных групп по интересам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Основные выводы нашей работы представлены нами в главе 12 (трудовой аспект реконструированной иерархии потребностей Маслоу), в выводах главы 13 (система потребностей "Маслоу-3"), в главе 14 (роль культуры и взаимодействие с потребностями) и коротко даны понятиями в Глоссарии. Наши ответы на критические замечания к теории Маслоу, обобщенные в главе 5, разнесены по тексту — их расположение картировано в таблице 5-1 раздела 5.15 главы 5. Использование теории Маслоу в социологии продемонстрировано в Приложении. Более подробно по теме Приложений см. на сайте автора http://sergeychet.narod.ru. Там же представлены и черновики будущих работ автора по вопросам использования иерархии потребности Маслоу в истории

Об авторе. Автор — специалист в области автоматизированных систем управления, кандидат технических наук, математик, программист и системный аналитик. Занимался теоретической метрологией и оценкой надежности измерительных систем, обработкой и анализом статистических данных и прогнозированием стабильности, старения эталонов и образцовых средств измерений. Отсюда имел обязанность и традицию разбираться в природе и особенностях самых разных физических процессов, технических схем и конструкций, прогнозировать эти процессы, планировать испытания для таких прогнозов — в Институте метрологии количество направлений измерений исчислялось десятками. Параллельно и позже 30 лет работал проектировщиком-программистом. Последние десять лет стал профессионально заниматься бизнес-анализом и системным анализом при проектировании программного обеспечения больших систем.

Но программирование и системный анализ в технике оказались в жизни не первой, хотя и достаточно успешной стороной жизни. Официальная и интересная, но относительно легкая по нагрузке работа (где самое интересное, кроме алгоритмизации — это поиск ошибок программирования) стала гарантией свободы для второй половины жизни и труда, сначала вынужденным образом тайной, в домашнее время. С юности автор, увлеченный историей, работами Маркса и политологией, занимался противоречиями в системе Маркса (аналогично поиску ошибок в программах). С 1974 года источником увлечения и делом жизни автора стало открытие им связи теории Маслоу с теорией разделения труда, со структурой иерархии, с эксплуатацией труда и с классами. Результат с самого начала был оформлен в виде теоремы необходимости и достаточности эксплуатации, что является выводом

из теории Маслоу, а вовсе не “мнением” или, упаси Бог, “пожеланием” автора.

Неоднократные попытки опубликовать статью в социологических изданиях натолкнулись на глухое молчание и отправку материалов в архив. Единственным устным замечанием к статье в одном из журналов явилось указание на распространенное в социологии мнение о непопулярности теории Маслоу (2002 г.). Это и стало стартовым моментом к исследованию теории потребностей Маслоу. Последние пять лет наряду с социологией и историей автор занимался психологией и обзором смежных областей с целью проверить те положения Маслоу, на которые опирается чисто логический вывод о социальном неравенстве. И теперь автор не только еще более убежден в том, что его первые выводы верны, они сами существенно стали глубже. Кроме того, автор как системный специалист постарался реорганизовать для себя известные результаты в области психологии. И это образовало совершенно новое и весьма компактное, цельное представление о группе потребностей и мотивационной сфере человека. Материал обоснования, таким образом, получил самостоятельное значение. Теперь работа в руках читателя.

Есть место и время, когда возникает возможность дать оценки и выразить личные пожелания не научного, а ценностного плана.

Ожидать ли нам в поведении человека новых потребностей и мотивов? И да, и нет! Если касаться биологических потребностей, то в основном нет. Если говорить об искусственно культивированных потребностях (метапотребностях — хороших и плохих) включая творческий трудоголизм и зависимости, то ответ уже имеется, см. п. 3. в разделе 14.14. Они будут множиться, как в количестве и качестве у каждого из индивидов, так и в общем объеме времени всех и каждого индивида в среднем на уровне именно этих нами созданных потребностей. Наша индивидуальность — это признак (материальной) свободы общества и вашей духовной свободы лично, как и растущая доля свободного от общественного труда времени. А уж как вы используете эту свободу, зависит от вас!

Состав, значимость и истинная *культура* нашего мира потребностей зависят от нас самих. Мы способны своим бытием украсить жизнь, вознести ее на уровень Вселенной. Или мы способны уничтожить себя и мир в целом, а то и проще — проспать всю жизнь в корыте с пойлом, физиологическим и информационным.

У вышеупомянутой свиньи, пожалуй, следует отрицать сформулированную предшественником “здоровую” жизнерадостность. Ей (ему) при наличии пойла и одновременном отсутствии интеллекта угрожает ожирение, гиподинамия и краткий срок, недостаточный для оценки того, что он(а) потерял(а) в своей жизни.

С каждой новой метапотребностью человек становится все более уникальным. Каждая новая метапотребность — это и растрата ресурса, после исчерпания которого полагается вернуться назад к обыденной жизни. Лучшее приложение активности — совместить метапотребность и труд, чтобы такой труд формировал, создавал ресурс для возможного поддержания вашего творчества. Рост числа людей, которые реализуют свои метапотребности через труд и активность, это самое большое богатство каждого общества. И перспективы развития общества в целом связаны с ростом роли множества взаимодействующих и растущих личностей.

Автор надеется на то, что результаты данной работы позволят нам лучше понять себя и свои возможности. Автор призывает читателя через призму замечательного открытого теоретического инструмента бросить взгляд в зеркало. Если мы понимаем, что не все в этом мире успели, то не стоит ли нам подумать, как успеть обрести и сочетать радость энергии и спокойствие мудрости в жизни, как воспитывать наших детей, чтобы они успели больше и были более счастливы, чем мы. Это касается высших потребностей детей наших и детей вообще. Пассивные зависимости — телевизор и компьютерные игры, многоразовый прием внутрь рекламы, чисто потребительских удовольствий и зависимостей низкого интеллектуального уровня — это не лучшие формы проявления свободы человека над обстоятельствами и не лучшие личностные ценности. Если у вас есть время подумать о себе или заглянуть сюда, значит, судьба дала вам свободное время. И это возможность пути наверх по лестнице Маслоу, и статус здесь не главное. Ваш статус в себе. И он появится тогда, когда вы реально поймете за что уважать себя. Такое случится, если вы станете 1) активной 2) личностью. Не на публику, а для себя. Совесть в театре "имени себя" не обманешь. И потому стоит понять или еще найти ту активность, которая доставляет вам в жизни радостное удовольствие, активность поиска, исследований, заботы для других и о других. Верно сказал Олпорт, что основное "действие должно идти в направлении развития личности". Стоит прислушаться и к совету Роджерса, который видит в центре перспективы человека процесс, а не статус: "Хорошая жизнь — это процесс, а не состояние бытия". Именно то, что приносит человеку и его окружающим радость и удовольствие и становится лучшей потребностью нашей жизни. Это и есть ответ на то, какие потребности в себе и детях следует искать и развивать. Это одновременно есть и проявление лучших форм того, что именовалось до сих пор "разделением труда" — интересами оказания взаимных услуг окружающим нас людям. Тогда гармония сбалансированной реципрокации — сбалансированного взаимными интересами разделенного труда друг для друга и наших потребностей — это и есть наша свобода. Будем же достойными ее детьми.

ГЛОССАРИЙ

Потребность (need) — возникающая, инстинктивно или подсознательно, нужда — психофизиологическое напряжение и ощущение индивида, которое позже осознается или не осознается и всегда подталкивает, направляет индивида к обдумыванию действий или прямо к действиям по снятию такого напряжения, то есть к удовлетворению возникшей потребности.

Базовая потребность (basic need) — это потребность, которая возникает (практически) у *каждого* человека (или подавляющего большинства), если предшествующие по уровню в иерархии Маслоу потребности в среднем удовлетворены. (периодически и обычно всегда). Условия возникновения базовых потребностей некоторого вида с развитием личности могут изменяться на основе знаний и опыта, возникших при последующей коррекции научением индивида в течение его жизни. Базовые потребности бывают двух типов **безусловные и условные.**

Безусловные потребности (тип **Б**) — часть базовых потребностей — имеют строгую генетическую основу; у нормального индивида возникают или запускаются периодически при отсутствии удовлетворения (как депривации определенных веществ или активности); возникают всегда вне зависимости от культурного фона, опыта и образа жизни.

Условные потребности (тип **У**) — часть базовых потребностей возникают или запускаются при некотором множестве альтернативных (в логике ИЛИ) условий запуска. *Условия запуска условной потребности* изначально имеют генетическую основу и со временем изменяются (и заменяют первые) под действием опыта и изменения среды (и научения) Под условностью понимается индивидуальный опыт как особенность типового индивида.

Безусловно-условная потребность, см. условные потребности.

Условия запуска условной потребности (кроме условий удовлетворения предшествующих потребностей Маслоу) при рождении представлены генетическим набором, например, страха звуков ударов, вспышек света для новорожденных. Позже генетический набор условий обычно отменяется и замещается в опыте новым много более широким набором альтернативных условий (запуска).

Состав базовых потребностей в порядке иерархии Маслоу включает потребности: **безопасности I** (У), **физиологические** (Б), **безопасно-**

сти II (У), **любви и принадлежности** (Б), **общения** (Б), **уважения или безопасности III** (У) и **новизны или поиска неопределенности** (У). Б и У — означают безусловный или условный характер.

Физиологическая потребность — потребность, вызванная депривацией или недостатком условий функционирования организма человека, например, воздуха, пищи, воды, секса и других.

Потребность в безопасности — потребность отсутствия боли или с появлением научения "страха боли", позже страха и беспокойства, например, отсутствия будущего удовлетворения физиологических потребностей и утраты ресурсов для будущего обеспечения физиологических потребностей. В развитии человека имеется минимум три важнейших градации: *потребности в безопасности I, II, III*.

Потребность в безопасности I (жизни) — потребность устранения текущей боли и физического страдания, угрожающих жизни человека или страха и тревоги по поводу физической опасности (от секунд до часа) или возможности появления физической опасности в ближайшие мгновения. Предшествует в актуальности физиологическим потребностям.

Потребность в безопасности II (устойчивого удовлетворения физиологических потребностей и подготовки к воспроизводству вида) — потребность отсутствия беспокойства по поводу возможности удовлетворения физиологических потребностей на будущее, на периоды, исчисляемые днями, неделями, месяцами и годами в момент их текущего удовлетворения. Потребность включает заботу о жилье, запасах, физическом комфорте и предполагает заботу об индивидуальном будущем индивида, включая построение плана проблем семьи, общения и т.п.

Потребность в безопасности III (уважения, или безопасности как достижения и сохранения возможности распоряжения ограниченными в обществе ресурсами при конкуренции за них) — потребность спокойствия индивида по поводу "ранговых" претензий к нему со стороны других индивидов в обществе. Ранговые отношения образуют порядковые отношения индивидов относительно использования ограниченных в обществе ресурсов, необходимых для удовлетворения остальных потребностей, включая и информацию. Ранговые отношения включают понятие неравенства: власти и подчинения, старшинства и меньшинства или, наоборот, равенства возможностей доступа к ресурсам и к их распоряжению. Потребность спокойствия (уважения) образуется в ситуациях собственных или чужих намерений к изменению или к сохранению порядка ранговых отношений и использования дефицитных ресурсов. Онтогенетиче-

ски потребность в уважении первоначально формируется в семье, позже в микрогруппах, а еще позже в обществе.

Потребность в любви и принадлежности — потребность, включающая физиологическую потребность секса и потребность взаимной реципрокации или бескорыстного взаимного оказания услуг и взаимопомощи в связи с физической близостью; включает потребность в деторождении и в воспитании детей, обучении языку и культуре в семье.

Потребность в общении — потребность в вербальном и в эмоциональном контакте безотносительно к информационному содержанию, но с присутствием положительного эмоционального фона контакта. Без общения мозг не может полноценно развиваться в юности и поддерживать организм в любом возрасте. Недостаток общения предопределяет сокращение длительности жизни. Общение выполняет ряд функций потребности "любви и принадлежности" в случае ее неудовлетворения (патология) в семье. В отсутствии общения или информационной работы развитый мозг инстинктоидно образует галлюцинации. Исключения доказывают возможность автогенерации возбуждений в случае высокоразвитой нервной системы, обладающей большими знаниями или запасами информации (наука, творчество).

Потребность новизны или поиска неопределенности — высшая базовая потребность разнообразия, новизны как преодолеваемой достигнутой определенности и скуки (поиска неопределенности как новизны). Возникает всегда после удовлетворения всех предшествующих базовых потребностей. В детском возрасте в отсутствии ряда угроз (потребностей в безопасности) проявляется чаще и служит обучению. *Инстинктивно* или *неосознанно* проявляется у любого человека (и у зверей) как ощущение скуки и поиска развлечений, запуска физических или умственных действий с неопределенной целью. Служит основой для формирования *вторичных потребностей или метапотребностей,* в действии которых носит подчиненный характер начального этапа инструментального характера.

Мотивационный процесс — процесс возникновения потребности, поиск, формирование методов поведения и запуска и проведения активности, а также анализа, отбора решений и принятие самого решения по удовлетворению возникающих потребностей или выбор известных *установок*. Мотивационный процесс включает также и оценочную афферентацию (часто неосознаваемую), т. е. анализ результатов активности и коррекцию психики после достижения или не достижения удовлетворения потребности в активности. Мотивационный процесс в зависимости от соотношения уникальности-рутинности, значимости для индивида потребности и объема затрачиваемых усилий, силы эмо-

ций образуют различные формы и даже результаты, которые в совокупности образуют: ***мотивационную структуру*: *потребность*, *мотив*, *установку*, *метапотребность и направленность*.**

Мотив — это результат осознанного обоснования действий и / или выбранный вид активности и / или цель действий (для) удовлетворения потребности. Для удовлетворения возникшей потребности, обычно в новой ситуации или впервые, взрослый человек вынужден найти уникальное решение и действие или провести оценку и выбор известных моделей (форм, паттернов) деятельности, с помощью которых он удовлетворит потребность. Мотив может включать последовательность нескольких действий или целей. Мотив — результат *мотивации* — психической деятельности индивида **от ощущения действия потребности до начала активности индивида.** В мотив включают и анализ результата действия — удовлетворения потребности. При положительном или отрицательном результате активности формируется различное отношение к учету, оценке предпринятой активности (обратная афферентация). Поэтому мотив должен включать и собственное закрепление после активности. Однако при закреплении (в случае успеха) он на будущее обычно оформляется в виде *установки поведенческой*, а при неэффективности ошибочный мотив исчезает как объект. Человек в процессе своего развития приобретает и осваивает огромное в сравнении с животным миром количество моделей поведения, обоснования и целеполагания и умеет накапливать их, анализировать, выбирать их, и обучаться им.

Установка поведенческая (поведенческий паттерн, привычка) — форма или модель поведения (и анализа, распознавания и принятия решений) в памяти индивида, которая запускается или используется при запуске потребности автоматически (инстинктоидно и помимо сознания). Мы не рассматриваем здесь неустойчивое явление как “установку оценочную”.

Часть установок формируется на генетической основе (дыхание, работа сердца, глотание и сосание, первые сигналы-эмоции: улыбка, голодный крик, плач); часть установок образуется по схеме условного рефлекса, а основная часть в активности человека является результатом постепенной реконструкции мотива в практике его применения при удовлетворении потребностей. Мотив преобразуется в автоматическое, импульсивное и неосознанное (заученное) действие в момент появления потребности. Это позволяет освободить ресурсы центральной нервной системы для другой работы.

Установка эмоционально нейтральная — поведенческая установка, сложившаяся при регулярном удовлетворении *потребности* в случае отсутствия сильных эмоций и при гарантированном успехе**.**

Например, привычка чистить зубы по утрам есть поведенческая установка. Это действие (паттерн) вызвано **мотивом** обеспечения здоровья, и текущая культурная среда сформировала паттерн поведения, а потом и привычку чистить зубы, редкий индивид будет не ощущать дискомфорт, не почистив сегодня зубы. В основе мотива обеспечения здоровья или профилактики лежит **потребность в безопасности —** "вести свои дела в порядке, экономить на оплате лечения".

Установка эмоционально окрашенная — поведенческая установка, возникшая при ярком эмоциональном состоянии и окрашенная позитивным или негативным отношением индивида к применению (к цели) действия установки.

Приветствие и улыбка приветствия может быть положительно окрашенной установкой продавца и нормального человека, который знакомится с другим. Отпрянуть от вспышки огня или при виде змеи — установки отрицательно окрашенные. Сложные установки могут представлять действия человека в случае фобии или функций обороны и контроля. Автоматические действия солдат с оружием при появлении противника на поле боя — это примеры установок с негативной окраской.

Метапотребность или вторичная потребность (интерес, влечение, склонность) (secondary need or metaneed) — это сформированная исключительно индивидуальным научением или опытом как единократным, так и из установки (с положительной эмоциональной окраской) потребность индивида. Метапотребность в отсутствии сильных деприваций уровней ниже периодически возникает как воспоминание или ассоциация о положительном прошлом аффекте и как осознанное или нет стремление к повторению и воспроизведению этого аффекта, действия и установки. Человек далее (часто бессознательно) стремится к воспроизведению тех же положительных эмоций и пытается создать необходимые условия для возможности действий, сопровождающих их повторение. Основой физиологии метапотребности является установка связи выработки эндогенных опиоидов с определенным видом деятельности (установки) при наличии в такой деятельности каждый раз преодоления неопределенности. Преодоление неопределенности, вероятно, многократно сильней мобилизует напряженность работы центральной нервной системы, что и связано с выделением опиоидов. Сама метапотребность запускается как воспоминание (или ассоциация с любыми другими раздражителями) о практике (активности) удовлетворения метапотребности. Метапотребность индивидуальна для данной личности и определяется его индивидуальным опытом и может надстраиваться над любой другой базовой потребностью, включать ее

как инструментальную часть удовлетворения метапотребности. У человека возможно формирование нескольких метапотребностей. В быту они именуются часто “хобби”, “зависимостями” и т. п.

Метапотребности активные и пассивные — ряд метапотребностей носит характер, слабо связанный с активностью человека, и ориентирован на чисто эмоциональное сильное потрясение. Пассивные метапотребности, оказываются нейрофизиологическим потрясением, не сбалансированным с физиологией тела и вегетативной нервной системой организма. Самостоятельное занятие спортом, даже экстремальным, значительно полезнее, чем пассивное сопереживание любителя своей любимой команде. Пассивная метапотребность вызывает сильную нагрузку на психику, но не физиологична и часто приносит вред.

Фобии индивидуальные — сильные отрицательные эмоциональные потрясения, страхи или отрицательно окрашенные установки могут преобразовываться в фобии и навязчивые идеи отрицательного плана. Эти состояния могут возникать инстинктоидно, как отрицательные воспоминания и связаны, вероятно, с самопроизвольной генерацией нейромодуляторов, воспроизводящих комплексы с отрицательными образами и воспоминаниями, что идентично внутреннему инстинктоидно (нейрофизиологически) воспроизводимому страху или генерации потребности в безопасности (любого типа) в случае отсутствия иных забот и другой активности. Необоснованное воспроизводство страха имеет тот же механизм высшей потребности — метапотребности на основе самоактивизации — использования неопределенности, но с отрицательным фоном и *без преодоления,* или с установочным символическим “преодолением”.

Направленность (личности) (direction) — появление и сохранение доминирования какой-либо метапотребности в поведении личности среди нескольких. Метапотребность в таком случае становится доминантой и ведущей ценностью в диспозиции ценностей личности, основной характеристикой личности, которой подчинены на долгое время или на всю жизнь стремления и поведение человека. Доминанта — метапотребность обычно вытесняет гармоническое удовлетворение остальных потребностей, подчиняя их удовлетворению ведущей потребности. При этом остальные потребности удовлетворяются по остаточному принципу. Это состояние личности близко к патологии, чреватой истощением. При отсутствии отрицательных эмоций и помех в активности, при минимальном удовлетворении остальных потребностей, активная метапотребность сопровождается формированием мощного иммунитета, работоспособностью и крепким здоровьем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Необходимость эксплуатации. Классы, статусы и престиж

В настоящем приложении приведены фрагменты из статьи «Новое понимание эксплуатации по Марксу в свете теории потребностей Маслоу».[1]

Виды труда и форма их связи – иерархия труда

Обратимся к ведущим формам активности человека – труду. В ходе социального прогресса постоянно возрастает *разделение труда*. Самым значимым по последствиям результатом этого развития является появление в обществе устойчивой и единой по форме социальной структуры — *иерархии труда*. Эта структура построена на разделении исполнительского труда всех видов в основании иерархии и умственного творческого труда управления в остальных более высоких звеньях. Иерархия труда охватывает особое подмножество социальных структур, обычно именуемых «организациями», см. раздел 13.8.

Здесь мы рассмотрим только иерархию промышленного труда при капитализме.

Исполнительский труд в его типовой форме в капиталистической иерархии труда будем называть *рутинным*. Рутинный труд мы рассматривали так же в 13.8. В XIX веке, во времена Карла Маркса, он был аналогом физического труда, позже и до появления компьютеров он включал и умственный рутинный труд (расчетчиков). Рутинный труд определяют как труд, сочетающий дробность и простоту операций с их многократным повторением. Последнее определяет бедность сен-

[1] Статья не опубликована до настоящего момента в официальных периодических изданиях. Сфера действия теоремы охватывает период капитализма или «индустриального общества», до начала роста роли творческого труда и автоматизации в производстве (1960-е годы). Теорема основана на первой версии структуры иерархии потребностей Маслоу 1954 г. Открытая теорема имеет расширения на другие периоды развития — на земледельческий труд прошлого и на творческий исполнительский труд текущего и будущего, причем она верна даже без новых авторских коррекций теории Маслоу в данной работе.

сорного воздействия и малую загрузку интеллекта. С позиций Маслоу такой труд заполнен повторяющейся поведенческой установкой.

Труд управления. Трудом управления называют умственный творческий труд работника управления, который выступает как звено координации в замкнутой цепи управления с подчиненными работниками управления или работниками рутинного труда в виде объектов управления. Понятие раскрыто так же в 13.8.

Наш объект исследования – иерархия промышленного труда – имеет исторические рамки от первых ручных мануфактур до середины XX-го века – начала интенсивного роста доли исполнительского творческого труда, связанного с автоматизацией рутинного труда.

Аксиомы рутинного и творческого труда и их следствия

Аксиома 1. **Рутинный труд не удовлетворяет потребность в творчестве.**

Утверждение вытекает из определения творчества как «деятельности по созданию новых материальных и культурных ценностей». Тезис о рутинном труде используется обычно как инверсное утверждение, что «малоинтересный, примитивный, монотонный, т.е. малоактивный труд, обычно утомителен, ведет к большему расходу рабочей силы» и не удовлетворяет работника. В советской, российской и зарубежной литературе эта тема обычно рассматривается как проблема удовлетворенности трудом, см., например, обзор Е.П. Ильина [Ильин Е.П., с. 208–221] и русские издания Дж. О'Шонесси за 1979 [О'Шонесси Дж., с. 224–232] и 1999 гг., работы М. И. Виноградова, А. Л. Свенцицкого, А. Г. Здравомыслова, В. Г. Асеева, В. А. Ядова, Н. П. Фетискина и др. Следует отметить важность проблемы в долговременном аспекте — неустранимость и (или) сложность ее разрешения. Множество работ на протяжении XX-го века по исследованию «монотонии» как психофизиологического состояния, собственно монотонного труда, его влияния на развитие личности, ценностные установки подводят к выводам, что:

1. Монотонный или рутинный труд объективно отличается от физической усталости. Он приводит к апатии и сонливости, понижению внимания, иногда, к прямому психическому насыщению и невозможности продолжения. А длительное занятие рутинным трудом для всех типов личности ведет к существенной деформации личности, падению социальной активности. Иногда такой труд вызывает более тяжелые последствия – нарушения здоровья, отклонения поведения в быту, неврозы типа неврастении и т.п.

2. Психофизические особенности делят индивидов на устойчивых к рутинному труду (монотонофильных) и неустойчивых (-фобных), что связано у индивидов с соотношением нейродинамических и психомоторных процессов возбуждения и торможения. Эта дихотомия только в малой степени обусловлена генетически. Устойчивость к монотонному труду в большей степени формируется в детстве и юношестве через формирование темперамента и характера, способностей к творчеству и волевых особенностей. Привычка также развивается в момент образования, включая религиозное, которое *может помогать* формировать установки к труду как долга служения Богу (М. Вебер) и в начальный период трудовой деятельности. Аналогично могут влиять и социально-политические, и идеологические мессианские установки по поводу социальной значимости труда («Проложить светлый путь всему человечеству»).

3. Неудовлетворенность трудом только частично объясняется его рутинностью. Она может возникать и «субъективно» даже при отсутствии выраженной рутинности, например, в крестьянском, ремесленном и даже творческом труде. Работник может быть не удовлетворен оплатой труда, перспективами жизни, целями или смыслом труда, статусом труда и его несоответствием предполагаемым амбициям или прошлому социальному статусу. Иными словами, работник может быть не достаточно субъективно мотивирован относительно текущего труда. Особой, объективной и массовой причиной снижения мотивации труда в раннем капиталистическом периоде, совмещающем индустриальные технологии с экономическим диктатом патримониального государства, является произвол чиновника. С ним связана неопределенность будущего у рядового наемного работника и индивидуального хозяина и даже предпринимателя, отражаемая философией «жизни одним днем» («отчуждение», см. 13.2.3).

4. Выработанные во второй половине XX века меры обогащения рутинного труда не являются одновременно приемлемыми для всех типов характера и установок монотонофобных личностей. Меры подводят исследователей к идее индивидуального подбора организации труда, рабочего места и даже рабочего коллектива под характер и особенности работников. Это часто не является эффективным с позиций окупаемости текущих затрат при низкой оплате труда.

На основе этих результатов можно сделать следующие выводы.

Индивидуальный подбор организации труда при найме работников рутинного труда имеет в экономическом плане ограниченные возможности до тех пор, пока стоимость рабочей силы на рутинных операциях не станет на рынке предложения труда достаточно высокой. Но повы-

шение стоимости рабочей силы подводит индустриальное хозяйство к другому решению — автоматизации. Текущая автоматизация рутинного труда задерживается наличием дешевой рабочей силы иммигрантов из развивающихся стран. Отсюда наличие третьего мира тормозит глобальный процесс автоматизации рутинного труда. Массовому обогащению труда и автоматизации должен предшествовать этап глобального выравнивание технологического и культурного уровня мировых цивилизаций, внедрения технологической и социальной культуры в регионах третьего мира.

Рассмотрим теперь труд управления. По поводу труда управления можно сформулировать аксиому:

Аксиома 2. **Труд управления удовлетворяет высшие потребности: уважения и самореализации, творчества.**

Мы уже обосновывали это положение в части творчества при работе с таким объектом управления как человек и не будем повторяться, см. раздел 3.8. Косвенным подтверждением творческого характера труда руководителя является то, что требованием для такого труда является безусловное подчинение ему работников его группы, т. е. исполнителей. Безусловное исполнение «просьб» начальства означает равенство «просьб» «приказам». Действительно, исполнение действий зависимой стороны в пользу того, от кого личность зависит, означает проявление «уважения», см. п. 7.8., 7.9. Материальные действия или поиск, выработка и предоставления информации исполнительного работника работнику управления есть не только просто труд, но и «уважение» (удовлетворение потребности безопасности III). Иерархия Маслоу выводит нас на экономику организации. Отсюда, как минимум исполнительский труд предполагает удовлетворение потребности уважения со стороны рядового (и любого подчиненного, т.е. «зависимого») работника. И поскольку трудовая дисциплина является, как мы понимаем, условием иерархии труда, то из теории Маслоу следует, что удовлетворенное «уважение» руководителя открывает шлюз к его творчеству. Итак, требование дисциплины (по теории Маслоу) означает *возможность и право* творчества работника — условие, необходимое для его должностной *обязанности* управления.

Мы дополним это требование лишь некоторыми деталями, о которых не часто вспоминают. Даже рутинный умственный труд, например, в арифметических операциях, предъявляет высокие требования к окружающим условиям, которых в большинстве не требует физический труд, а именно, возможность концентрации внимания, сосредоточенности, спокойствия (что, по сути, синонимы). Любой умственный труд также предполагает предусловия: отсутствие ощущений голода,

холода (тепла) или жары (тени или прохлады в жаркое время), отсутствие тревожащих или отвлекающих факторов. А процесс управления другими работниками предполагает управляемый процесс контактов и общения с исключением нежелательных встреч (конторка в цехе или приемная с секретарем и т.д.). Поэтому такой труд резко отличается от физического исполнительского труда, по диапазону необходимых для него условий.

Но нам могут сказать, что вожди могут трудиться и в крайних условиях. Верно, как исключение, творческий труд исполним короткое время и в состояниях стресса. Но он, скорее, рассматривается как «подвиг». Определенно известно, что готовность и опыт творческого труда не может сложиться как высшая потребность в условиях начальной неудовлетворенности низших потребностей: безопасности, общения и уважения как системы доступа к ценной информации, необходимой для формирования предпосылок творческого труда — понимания существующих норм и достигнутых в обществе результатов.

Следствие 1. **Необходимым условием для исполнения умственного творческого труда управления является удовлетворенность всех потребностей более низкого уровня.**

Из иерархии потребностей Маслоу также следует

Аксиома 3. **При не удовлетворенных низших потребностях и потребности в безопасности индивид в среднем готов выполнять любой труд (кроме творческого).**

Это положение мы обсуждали в разделах 11.4 и 11.5. Аксиому 3 можно представить и как следствие

Следствие 2. **Рутинный труд может выполняться при произвольно низком уровне удовлетворения потребностей, за исключением состояния полного физического истощения.**

Голодный человек берется за любое дело, чтобы выжить, а нередко и за топор, и тогда начинается гражданская война или бандитизм – И это не блажь средств массовой информации, а потребность в безопасности I (жизни) измученных людей. Это трагично, но «дело» действительно «любое». И людям, владеющим ресурсами, совершенно необходимо об этом помнить, например, помнить о количестве революций во Франции в XIX веке.

Необходимый и прибавочный труд, и эксплуатация. Определения

С некоторого момента в истории своего развития человек начинает производить больше, чем необходимо для текущей жизни. В началь-

ный период развития производящего хозяйства (земледелие) избытка продукта не возникает. Род или община получают урожай и полностью потребляют весь продукт. Это связано с истощением земли и трудностью разработки целины. И только рост численности рода или общины отражает тот факт, что производство носит в целом расширенный характер. То же обычно происходит и при развитии популяции определенного биологического вида. Некоторое время популяция растет. Позже ее рост ограничен естественным наличным объемом потребляемого ресурса, — и биологический вид его не способен увеличить. Но общество с началом производящего хозяйства получает возможность наращивать объем ресурса существования путем использования регулярного труда и знаний (земледелие и т.д.). И самое важное, произведенный ресурс может оказаться выше продукта, который потребляется немедленно. Тогда отложенный остаток продукта как хранимый прибавочный продукт может служить обобщенным ресурсом на будущее как источником власти. Прежде всего, это относится в истории к зерну, как продукту, годному к длительному хранению, а источником появления излишков становится земля с восстанавливающимся плодородием. Отсюда и первое появление иерархий труда — гидроцивилизаций. С позиции Маслоу вообще продукт, который употребляется немедленно или в короткий период, рассматривается как удовлетворяющий физиологическую потребность, а остаток или запас является ресурсом для удовлетворения потребности в безопасности II (год — до следующего урожая).

После появления иерархий труда, как правило, в процессе труда производится больше продукта, чем необходимо для простого и даже расширенного воспроизводства (всех, включая руководителей) работников в иерархии труда. В период много более поздний и связанный с капитализмом, К. Маркс развивает понятие **необходимого** и **прибавочного продукта.**

Определение 1: **Необходимым продуктом** называется такое количество (в ценовом эквиваленте) продукта, произведенного в иерархии труда, которое *необходимо* для простого воспроизводства работников рутинного труда (включая воспроизводство населения и его трудового опыта).

Определение 2: Остаток произведенного продукта за вычетом необходимого называется **прибавочным продуктом**.

Определение необходимого продукта для случая капитализма кажется очень жестоким, однако ситуация много сложнее, а в реальности мягче.

Прежде всего, реальными условиями воспроизводства обычно является *расширенное воспроизводство*. Второе — необходимый

продукт – это грубая модель потребления. Человек – динамическая система, интегрирующая в метаболизме поступление к телу пищи, воды, тепла и даже таких факторов как информация и эмоции. Затем, рабочая сила требует еще и обучения, создания семьи, рождения детей и их воспитания, и на это тоже требуется некоторый ресурс, входящий в понятие необходимый продукт. Короче, актуальна почти вся линейка потребностей по Маслоу. Что считать нормальным «необходимым» продуктом? Какое его количеством? Нормальным следует считать такое количество продукта труда, распределенное во времени, которое достаточно для восстановления через период деторождения необходимого количества новых работников такого же уровня взамен состарившихся.

В реальности необходимый продукт должен быть еще больше. Общество *развивается* и через тридцать лет в наше время необходимо иметь работников иногда вовсе другой и обычно более высокой квалификации и даже здоровья, чем до того. Но эти отличия – издержки слишком простой модели «необходимый продукт».

Собственно у Маркса — это был самый минимум, который он определял еще и с учетом своего несостоявшегося прогноза об абсолютном обнищании рабочего класса. В реальности в любом обществе для каждого социального слоя существует конкретный на текущий момент, определенный уровень потребления, обеспечивающий простое (в реальности расширенное) воспроизводство труда. В обществе с низким разделением труда найма и оплаты вообще нет. Наоборот, у работника изымается его продукт из домашнего семейного хозяйства (дань в любой форме в *докапиталистическом государстве как иерархии труда*), и этот вариант мы здесь не обсуждаем. В обществе с минимальным разделением труда оплата работника низка как и необходимый продукт в эквиваленте. Многие хозяйственные работы работник выполняет в свободное от работы время в семье. Например, он ремонтирует дом и инструменты, ведет огород и т.п. В обществе с развитым разделением труда для жизни рабочего необходимый уровень потребления (или эквивалент необходимого продукта) должен включать наличие своего или арендуемого дома или квартиры, автомобиля и двоих детей в средней школе, медицинских страховок, возможности поездки на отдых летом в отпуск. Отдельное жилье и автомобиль — это не роскошь. Они нужны как часть разделения труда и включают отсутствие развитого общественного транспорта и наличие скоростных дорог. Мы понимаем, что необходимый уровень всегда несет конкретно-исторические границы: нижние и верхние. Нижние таковы, что при их не достижении работник (и его подрост) перестает соответствовать потребностям общества. Например, работник без

автомобиля уже не сможет наниматься на работу в достаточном ареале, например, в радиусе 100 км, а только в районе 5–10 км. Если бы невозможность иметь автомобиль случилась с большинством работников, то это означало бы, что разделение труда (и потому производительность труда) в регионе должна была бы резко упасть. Для наших условий пример профессии печника на одну деревню из двадцати домов означает отсутствие профессии — не прокормишься, а для района из тридцати деревень на 10000 домов — это уже профессия, но нужны дороги, лошадь или машина. В современном мире для ряда квалифицированных профессий требуется самолет международных авиалиний как нормальное средство транспорта и интернет. А общественный транспорт вовсе не панацея. Он предполагает крупные массовые производства рядом с городом и известные массовые потоки заданных направлений в часы пик, скученность населения в городах. Альтернатива здорового распределения населения в 1–2 этажах и комфорт жизни определяет низкую эффективность (в пригородах) общественного транспорта и вне города вообще. Их компенсирует личный транспорт и хорошая сеть дорог. Городская скученность жизни вообще — уходящий признак нормальной жизни. Мы излагаем это с позиций чужих относительно простых и высоких стандартов жизни. В России с ее господством муниципального жилья, градообразующих предприятий, неразвитой частной собственности на землю, слабым развитием сети дорог и связи — проблемы выживания и, необходимого продукта на селе и в городе, как и проблемы разделения труда, являются структурно много более сложными и несут отпечаток предшествующих форм неэффективного хозяйства.

Итак, существует необходимый и прибавочный продукт. И последний настолько велик, что является ценным дополнительным ресурсом (для хозяйства и власти). Наиболее трагичным и спорным, т.е. неясным, для спорящих социальных сторон до сих пор явлением в истории человечества, оказывается **изъятие в процессе труда прибавочного продукта у работников рутинного труда**. Прибавочный продукт, используя имеющуюся власть, изымают (и далее распоряжаются им) работники умственного творческого труда управления — высший эшелон иерархии труда.

С позиций потребности обоих форм разделенного труда в общем процессе и продукте труда, мы можем предполагать, что свободный остаток прибавочного продукта является совместным результатом обеих сторон. Действительно, каждая из сторон не способна произвести любую часть совокупного продукта в данной технологии отдельно, т. е. без другой стороны.

Поэтому известное утверждение, что весь труд выполнили только рабочие, не соответствует действительности. Но и станок ничего не производит, даже его стоимость не переносится на стоимость продукции без труда рабочего, при работе автомата имеет место то же самое — требуется рабочий или инженер-настройщик, программист. Все виды труда, включая и труд рабочего, инженера и управляющих, являются в отдельности важными, но по отдельности и бесполезными. Ценность создает их комбинация в определенном составе. Сам же объем труда управляющих в прибыли и в продукте в целом определить невозможно в силу количественной неизмеримости творческого труда, который неисчислим количественными параметрами — простой затратой времени (творческого) труда и количества продукции.

Мы поэтому не можем определить распределение трудовых усилий работников рутинного труда и работников творческого умственного труда управления в общем продукте. Напомним, что Маркс вообще отрицал труд хозяина и руководителя [Маркс К., Энгельс Ф, т. 23, ч. I, с. 204].

Далее мы вводим традиционное определение факта изъятия прибавочного продукта по Марксу.

Определение 3: **Эксплуатация в иерархии труда есть безусловное изъятие у работников рутинного труда всего произведенного продукта сверх необходимого**.

Мы использовали сейчас термин «как есть», без его критики и этической оценки (для преемственности в исследовании). Мы не будем говорить о чужих аргументах «против» и «в оправдание» изъятия. Минимальному изъятию, и в этом согласится любой, в прибавочном продукте полагается учесть, прежде всего, собственно необходимый продукт для *простого воспроизводства самих работников труда управления* Это можно считать и частью издержек. Этот продукт, конечно, выше, чем у работников рутинного труда, включая условия более длительного обучения, см. выше об особенностях умственного творческого труда. Но сам объем прибавочного продукта многократно превосходит такие реальные нужды. Тема критики и анализа слишком велика для этого материала, но как выяснится нам этого *здесь, в нашем примере*, и не нужно.

Мы говорим пока о минимально необходимых затратах на общее производство. Если работнику рутинного труда оставляется в оплату необходимый (и мы понимаем его как нормальный для жизни) продукт, то это состояние следует называть **нормальной эксплуатацией (exploitation)**. Если работникам оставляется меньшее количество, чем заключенное в необходимом продукте, то такое изъятие следует именовать **сверхэксплуатацией (super exploitation),** в такой си-

туации, мы понимаем, общество и производство начинает определенно разрушаться**.** При оплате труда свыше необходимого продукта возникает **недоэксплуатация (underexploitaion)**, наше отношение в анализе к которой пока позитивно (социализм)**.**

Дискуссия по использованию термина «эксплуатация» будет развернута в отдельном материале. Здесь мы рассматриваем только капитализм и частнокапиталистическую иерархию труда. Тема государственного управления экономикой рассматривается нами как хозяйственная монополия (и власть) со всеми ей соответствующими последствиями. Термин «эксплуатация» до сих пор использовался сторонниками коммунизма как оценочная или этическая категория (ругательная). Термин «эксплуатация» в либеральной экономике относят исключительно к силовому изъятию прибавочного продукта (феодализм, дань и т.п.), а факт изъятия в силу подписанного рабочим трудового договора — рассматривают как добровольное сотрудничество. Получается, что одно и то же экономическое действие (изъятие продукта) трактуется различным образом в зависимости от контекста состояния взаимодействующих сторон: обещаний «вернуть сторицей» или насилия «уважаемой» стороны и «добровольности» или действия из страха, голода, см. любую другую базовую потребность Маслоу, подчиненной стороны. Для науки, работающей с социальным процессом, этот произвол совершенно неприемлем. Наука описывает и определяет факт изъятия прибавочного продукта в момент производства, независимо от того, какие потребности лежат в основе этого действия и с уважаемой и с уважающей стороны. Все эти проблемы мы рассмотрим в отдельной работе.

Итак, проблема распределения и использования прибавочного продукта ставится обществом или его большей частью, прежде всего, как вопрос возможности распределить значительную часть прибавочного продукта среди работников рутинного труда.

Необходимость и достаточность в математике

Прежде, чем знакомиться с теоремой, полезно вспомнить сведения из курса средней школы по теме *необходимости и достаточности некоторых условий* в математике. Читатель, знакомый с темой, может перейти к следующему разделу.

Ситуация или событие А определяется как *достаточное условие* для получения результата или события Б, если из наблюдений после события А возникает событие Б. Содержательно речь идет о поиске причин

А для следствий и результатов Б. Возникновение Б после А обозначают фразой «А влечет Б» или говорят: «если А, то Б», а символически обозначают знаком-стрелкой с именем «влечет», т. е. (А→Б), предполагая, что «А может быть одной из причин Б как следствия». Но достаточная (для Б) причина А может не быть *необходимой* для следствия Б. Такое возможно, когда событие Б может возникать под действием совершенно иных, чем А, событий, например, при событии С (С→Б). Если Б возникает и под действием А и, отдельно, под действием С, то А не является необходимым для Б. Оно (А) оказывается только достаточным событием (условием). Но исследователю важно в теории определить полный комплекс причин, приводящий к следствию-результату, например, к «эксплуатации». В случае, когда нам говорят, что причиной эксплуатации является частная собственность на средства производства, то это неверно, ибо при частной собственности вовсе не всегда возникает наемный труд и, значит, эксплуатация. Кроме того, изъятие прибавочного продукта возникает и в хозяйствующем государстве, т.е. при государственной или общественной собственности на средства производства. И власть может потратить средства на будущую экспансию или просто прокутить средства.

Достаточное (для Б) событие А (А→Б) будет одновременно и необходимым (для Б), если мы обнаруживаем, что при появлении Б событие (условие) А также состоялось *обязательно*. Другими словами достаточное событие А является необходимым для появления Б, когда при появлении А возникает Б, а при появлении Б возникает (мы обнаруживаем уже произошедшее) А. Это означает выполнение пары условий: «если А, то Б» и «если Б, то А». Но иногда порядок событий строго определен во времени и не переставим: А — причина, а Б — следствие. В этом случае вторым логическим вариантом *требования необходимости* А для Б является требование, чтобы *из события невыполнения А следовало событие — невыполнение Б* или «неисполнение А влечет неисполнение Б» или (неА → неБ). Такую проверку называют «доказательством от противного». Мы далее будем использовать эти результаты. Представленный принцип известен в философии и социологии от Джона Стюарта Милля, который говорил, что «ответственным за действие следует считать то условие..., которое имеется в наличии, когда наличествует действие, и отсутствует, когда отсутствует действие». Его используют и психологи [Хекхаузен Х., с. 633, 643]. Если А влечет Б, и Б влечет А («неА влечет неБ»), то говорят, что «А необходимо и достаточно для Б». Или в этом случае говорят «Б верно, *если и только если* верно А». Или еще говорят: «А *равносильно* Б». Это суждение обозначают знаком (А↔Б).

В связи с применением математического принципа *необходимости* и *достаточности* в ближайшем рассмотрении эксплуатации (ниже) возникает вопрос об использовании Марксом термина «необходимый» для продукта (и труда). В термине «необходимый продукт» применение «необходимости» совсем иное. Речь идет тоже о причинах и следствиях, но в отношении процесса воспроизводства людей (как работников). «Необходимый» (по Марксу) продукт — это продукт, необходимый не для «эксплуатации», а для воспроизводства работника, его семьи и замещающих новых работников-потомков. Но фраза: «если есть продукт, то есть и работник», не образует «достаточность» необходимого продукта. Работник может не завести семью. В реальности, не рожая детей (и это отдельный вопрос, по вине нашей, работодателя или государства), мы проедаем будущее своего общества. Этим доказывается то, что необходимый, как сказано выше, труд является «необходимым» в смысле весьма приближенной экономической модели.

Мы закончили подготовку к изложению теоремы.

В следующем разделе мы обсуждаем, может ли общество превысить оплату труда добавлением определенной части прибавочного продукта (социализм).

Теорема эксплуатации

Теорема: Нормальная эксплуатация — необходимое и достаточное условие функционирования иерархии труда (капиталистическое хозяйство).

Доказательство:

Достаточность. Если существует нормальная эксплуатация, то работник рутинного труда вынужден для удовлетворения своих низших потребностей продолжать рутинный труд согласно Следствию 2. Иерархия труда продолжает свое существование.

Необходимость. Доказательство проведем от противного. Предположим, что эксплуатации нет или она мала (недоэксплуатация). Тогда работник рутинного труда, получив свою долю прибавочного продукта, полностью удовлетворит свои потребности простого воспроизводства рабочей силы (необходимый продукт) и в соответствии с иерархией потребностей Маслоу начнет удовлетворять высшие потребности (часть прибавочного продукта). При этом он оставляет свой рутинный труд, который эти высшие потребности не удовлетворяет в соответствии с Аксиомой 1. Рутинный труд прерывается на время потребления результатов прошлого цикла труда, превышающих про-

стое воспроизводство. Таким образом, иерархия труда на этот период прекращает свое действие, и разделение труда прекращается. Q.E.D.

Следствие 1: **При недоэксплуатации иерархия труда или их группа отстает в развитии**

При малой эксплуатации свободный прибавочный продукт, идущий на расширенное воспроизводство, всегда ниже, чем при нормальной эксплуатации. Иерархия с отсутствием эксплуатации останавливается в развитии, а иерархия труда с недоэксплуатацией отстает в развитии от иерархии с нормальной эксплуатацией. Она или их региональная группа погибает в конкуренции с другими иерархиями труда и группами (производственными, политическими и т.п.).

Следствие 3 из теоремы носит чисто экономический характер. Оно является и следствием «основной теоремы марксизма» Мишио Моришимы [Morishima M., 71], который параллельно с Полом Самуэльсоном занимался критикой и модификацией (в матричной модели) теории стоимости Маркса. Мы отмечаем, что следствие 3 — косвенный результат наших простых рассуждений с использованием теории Маслоу — совместим с уже известным результатом, вытекающим из модели Маркса и из ее (реконструированной в 1974 г. работой Моришимы) матричной модели.

Классы, статус, привилегия, престиж. Определения и следствия

На основе нейтральной и неполитической теории потребностей Маслоу и на основе аксиом 1 и 2 возникают две группы работников. Одна из них — малая — получает прибыль предприятия, которая многократно превышает их «необходимый продукт», и распоряжается ею. Конечно, на личное потребление идет малая часть прибыли, но все остальное в исключительном распоряжении этой группы. Другая часть — подавляющее большинство — обязана получать «необходимый продукт» в свое использование и потребление. Такие группы образуют основу классов: класс работников труда управления (верхушка и средний слой иерархий труда) и класс работников рутинного или более общо исполнительского труда (основа иерархических структур) — в соответствии с их местом в «системе организации труда». Мы, давая собственное определение классов *для периода капитализма*, используем в максимальной степени определение классов у В. И. Ленина [Ленин В. И., 39, с. 15], дополняя его.

Определение 4. **Классы —** это большие группы людей, различающиеся по их месту и роли в организации труда в исторически

определенной системе общественного производства с разделением творческого и рутинного труда. Они представляют собой группы работников умственного творческого труда управления (высший класс) и работников всех видов рутинного труда (низший класс). Эти группы людей, следовательно, различаются по их власти как возможности распоряжения и координации общественными ресурсами: средствами производства и накопленными в прошлом ресурсами, общим трудом работников и общими результатами труда так, что власть принадлежит высшему классу. В соответствии с уровнями удовлетворения потребностей, определяемыми иерархией потребностей индивидов и различными видами исполняемого труда, эти группы (классы), следовательно, различаются размерами общественного богатства, идущего на их потребление. Причем, размер общественного богатства, идущий в виде необходимого продукта на простое воспроизводство работников рутинного труда, является условием *необходимым и достаточным* для продолжения существования разделения труда в иерархии труда. Остальная часть производимого текущего общественного богатства (прибавочный продукт) остается в распоряжении работников творческого труда управления как необходимое условие продолжения и сохранения разделения труда, воспроизводства и развития самой иерархии труда.

Итак, разделение труда формирует и постоянно возобновляет состояние социального неравенства ради сохранения разделения труда. Причем об истинном вкладе работников в продукт, о социальной справедливости, о формах собственности на продукт труда, на условия производства и на средства производства — мы не сказали ни слова. *Неравенство обусловлено иерархией потребностей и не зависит от того, какие основания и формы собственности на все условия труда используются в иерархии труда*.

Наш анализ функционирования выбранного объекта — иерархии труда — позволяет сформировать и такие объекты социологии как статус или, более узко, **ранг, привилегии и престиж**.

Действительно, всякий труд включает целенаправленное распоряжение ресурсами — предметами и средствами, орудиями труда. Труд управления — тоже процесс распоряжения ресурсами, но среди них важнейший ресурс — это работники. Поэтому труд управления включает распоряжение людьми, а по определению возможность распоряжения людьми (их подчинения) есть власть над ними. Следовательно, власть есть предпосылка управления людьми в иерархии, необходимое условие управления и существования иерархии. Заметим, каким образом возникает власть, мы не обсуждали: возникновение иерархии — это отдельный предмет. И уже деталью является основа власти: хариз-

ма лидера или наличие других ресурсов влияния, например, ресурса силы или владения частной или государственной в случае тирании собственностью на средства производства. Можно лишь предполагать, что на «чистом» изначальном месте единственным ресурсом является информация, опыт и знания хозяйственных дел, творчество. Отсюда так велика роль жрецов при появлении первых земледельческих цивилизаций.

Далее. В теории Маслоу власть — это реализация потребности уважения. А потребность в уважении работника управления как вида творчества должна быть полностью удовлетворена как предпосылка творчества (Маслоу). И в иерархии труда требование уважения сугубо функционально. Суть его — символическое, но регулярное признание нижестоящими властных прав управляющего — символ готовности подчинения возможным приказам (напр., отдание воинской чести, фраза «Слушаюсь»). То же значение имеет демонстрация «благонадежности» в государстве, стоящем над народом (регулярное посещение церкви в России или политзанятий на предприятии в СССР, написание покаянных писем рабочего и студента в Китае при Мао).

Но универсальной готовности к подчинению всех низших всем высшим в иерархии недостаточно. Из иерархии — наличия нескольких уровней управления — возникает **статус** или **ранг** работника как порядок подчинения, то есть набор прав и обязанностей. Например, старший работник целиком управляет общением с младшим на ранг работником, отсюда запрос: «Разрешите обратиться?». Младший работник не имеет права обращаться к работникам выше своего прямого начальника и т.д. и т.п. Высший работник найдет подчиненного ниже на один ранг для выдачи приказа. И чтобы поиск для общения был скор, ранг или статус подчиненных должен быть явным. *Для исключения ситуаций неопределенности в большой организации, где знакомство в лицо уже невозможно*, организация вводит выразительные средства или знаки, позволяющие работникам или членам сообщества и даже вне иерархии видеть производственный *ранг* или общественный *статус* управляющих. В иерархии государства и в армии предусмотрен даже порядок передачи власти при гибели властителя или офицера. Ранг в иерархии труда, переносимый на всю жизнь индивида вне труда, именуется статус. Символы власти — это скипетр, погоны, размер офиса, свита, марка машины, ресторан, где обедает босс... Это статусные привилегии по праву, т. е. по Следствию 3, как *необходимые условия обеспечения труда управления или власти*.

Но власть, статус и ранг выходят за рамки своих функций в организации. Они явно или не явно порождают **привилегии** как подчинение

(уступки, льготы или сотрудничество) независимых индивидов и представителей некоторых других социальных структур с высоко статусными руководителями организаций для последующего извлечения выгод от такого сотрудничества, что нередко является и коррупцией. А все вместе элементы: власть, статус и привилегии, отраженные в уважение части общества вне иерархии труда вперемешку с завистью к их носителю, образует **престиж** (или неприязнь в зависимости от социальных отношений). Этот вывод близок взглядам Треймана [Treiman D.J.].

Таким образом, разделение труда и функциональность иерархии труда вместе с теорией иерархии потребностей Маслоу с ее уважением как безопасностью и цепочкой на ресурсы, их распределение и возникающую власть соединяют логически классы, ранг, статусы, привилегии и престиж.

Результаты и их значение

Еще раз об основаниях. Полученный результат, как бы трагичен он не был, основан на логическом преобразовании индифферентных к политическим предпочтениям и ценностным императивам положений психологического и экономического плана. Так он и был получен в 1973 году (ортодоксальным сторонником марксизма в анализе условий, подводящих к «коммунизму»). Поэтому для исследователя его критика может лежать только в плоскости верности исходных суждений или степени их общности (в истории и популяции). Настоящая монография и несет функцию проверки и демонстрации оснований столь важного вывода.

Дважды два всегда четыре. Если вам не нравится результат, проверьте наличие двоек и правоту правил умножения. Теория Маслоу, т.е. аксиома 1 о рутинном труде и аксиома 2 о творческом труде управления и являются основаниями данной теоремы. Реконструкция теории Маслоу в данной работе никаким образом не влияет на верность представленных в Приложении суждений.

О распространении области действия теоремы на другие периоды истории и будущее. Почему труд воспринимается рутинным в сельском хозяйстве до капитализма (за исключением Западной Европы) и почему творческий исполнительский наемный труд в массе также не совместим с излишком средств оплаты, автор предполагает изложить несколько позднее в отдельном материале.

Демонстрация общего системного основания принципа метапереходов в науках и утверждение психологии и социологии в ряду естественных наук. Теорема эксплуатации устанавливает причинно-следственную связь между биологическими, психологиче-

скими особенностями среднего человека и функциями типовой и наиболее распространенной социальной структуры. Тем самым теорема эксплуатации и классов отражает связь между уровнями знаний – психологии и социологии. Такая связь возникает в виде закономерного функционирования социальной системы на основе психологических закономерностей (а ниже нейрофизиологических и метаболических оснований).

Отражение тезиса доказанной теоремы (распада разделения труда и ее причин) в предшествующих экономических теориях. Наиболее признанным является взгляд о разделении труда как о причине первичной социальной стратификации (Маркс в «Немецкой идеологии», Спенсер, Дюркгейм, Шмоллер, Сорокин). Приведенная здесь модель эксплуатации (от разделения труда) и возникающих на ее основе классов не только укладывается в рамки такого направления, она развивает и конкретизирует ее до полной ясности и возможной верификации. Модель теоретически описывает феномен бегства от исполнительского труда при возможности его «избежать». Нельзя сказать, что явление не предсказывалось ранее. О лени разбогатевшего горшечника и о вреде богатства для ремесленного труда уже говорил Платон в «Государстве» [Платон, с. 147]. О балансе мотивации и оплаты рабочего труда писал В. Мандевиль [Мандевиль В., с. 183–184]. Адам Смит [Смит А., т. I, с. 128] был уверен, что рабочий, скопивший денег, всегда постарается открыть свое дело, при этом большая часть разорится и вернется к рабочему труду. Даже Маркс в «Коммунистическом Манифесте» [Маркс К., Энгельс Ф., 4, с. 440] был вынужден возражать противникам по поводу возможного «царства всеобщей лености». И Макс Вебер отмечал сокращение выработки жнецов при повышении им сдельной оплаты в «Протестантской этике» [Вебер М., с. 80–81]. Феномен ухода феллахов от труда при росте оплаты отмечен у Л. Столерю [Столерю Л., с. 56]. И для современного капитализма (США, конец XX века) твердо известно, что с ростом оплаты труда стремление рабочих получить более хорошо оплачиваемую работу начинает падать [Самуэльсон П., Нордхаус В., с. 151, 223]. Явление обозначено простенько как «эффект дохода» (возможность отдохнуть).

Отражение теории в истории иерархий труда. Ключевой момент подтверждения — бегство от труда или снижение его эффективности. Для читателя России нет примера лучше СССР. Многократно отмечено падение дисциплины труда на предприятиях при росте «социальных гарантий», росте заработной платы в самом начале индустриализации (30е) и после 50-х годов. Возрастают прогулы и пьянство. Система «разрабочивает» и «раскрестьянивает», завышает разряд, ведет

«приписки» на производстве. Отдельная тема — бегство верхов при агрессии низов. При появлении опасности «спецы» — верхи старых предприятий — бросают свой труд и остаются дома или бегут из страны (Россия, 1917–1922, Китай, 1966-1968). И третье. Идет «нерыночное» бегство из рабочих профессий в творческие с резким ростом диспропорций «слова и дела». Это отмечено еще в «Новой гармонии» у Роберта Оуэна. Уже потом общая иерархия труда — государство — вводит прямое принуждение «свободных» работников к простому труду. Мы видим натуральные повинности (на селе «подшефной помощи» горожан, в строительстве — «стройбаты», «химия»). Происходит натурализация хозяйства в целом как отражение разрушения разделения труда. Наиболее известны фондирование, раздача ресурсов ведомствам, напр., военные совхозы, начинается бартер услуг на бытовом уровне типа «Я — тебе. Ты — мне». Апофеоз – карточное снабжение населения. Это вместе с большими долгами и является верифицируемым признаком полного разрушения разделения труда, фактической невозможности общества при избытке ресурсов прокормить себя.

Впрочем, сказанное не означает, что общество в СССР («социализм») в целом и всегда имело низкую эксплуатацию. Недоэксплуатация свойственна лишь для привилегированных слоев рабочего класса столиц и предприятий ВПК с 50-х годов, позже для значительной части городов до 1980-х годов за счет продажи нефти. Недоэксплуатация в промышленности периода 30–50 годов опирается на сверхэксплуатацию прикрепленных государством к земле с 1933 года крестьян, определенных как «неперспективный класс» (75% в 30-е годы). Имеет место использование «вусмерть» крестьян, у которых демонстративно экспроприирован урожай в 1932 г., в результате чего погибло не менее 6 млн. чел. в России и на Украине. Существуют миллионы каторжан-рабов ГУЛАГа на стройках пятилеток. Происходит экспроприация ценной земли и имущества у ряда присоединенных народов при их депортациях и поголовья скота у кочевых народов при коллективизации. Последнее является аргументом к тому, что заявленное своими намерениями общество вовсе не было обществом «справедливости». Мы отмечаем это здесь для соблюдения баланса истины.

Теории стратификации до настоящего времени. Наша модель эксплуатации указывает причину устойчивости социальной стратификации *вне ее самой* и особенно вне социальных (или статусных) норм, что постулировала в XX веке западная социологическая школа Т. Парсонса, К. Дэвиса и У. Мура, а позже теория модернистского конструктивизма. Важно, что функция баланса, устойчивости иерархии опира-

ется не на саму иерархию и ее статусы, не в *более высоких* объектах выше уровня структуры: социальные институты или культуру, как это предполагалось до сих пор. Причины лежат *ниже* уровня социальной структуры — иерархии. Они лежат в потребностях и мотивации рядовых работников, что и соответствует общенаучной методологии связи уровней материи. Уровни, более высокие структуре, конечно, важны для поддержания устойчивости. Они поддерживают, но не достаточны для сохранения. Это вполне практический вывод. И это тоже ответ по теме отношений потребностей и культуры.

Выводы. Ниже мы хотели бы оценить полученные материалы в нравственном плане и плане практических выводов для общества. Интерпретация результатов становится важнейшим фактором формирования верного отношения наемных трудящихся к бизнесу, бизнеса к трудящимся, и обеих сторон вместе к собственной функции в обществе и государству.

Становится ясно, что в основе разделения труда и социальной жизни лежат оптимальные и регулируемые самим обществом пропорции продукта, направленного на *воспроизводство, на жизнь, на основные потребности рядовых членов общества*. Отсюда и с учетом опасностей заложенных в монополизации ресурса (см. Зимбардо и Милграм) следует, что без усилий трудящихся, их относительно регулярной экономической борьбы (не разрушающей производство), представленная система социальных отношений должна идти «в разнос», см. историю Франции за XIX веке. Пока трудящиеся, к сожалению, за себя постоять не способны. А безопасность бизнеса в этом плане должен обеспечить сам бизнес (профсоюзы и социальное обеспечение, регулярный пересмотр условий), не ожидая неизбежных в противном случае потрясений. Общая экономическая, правовая и даже социальная неграмотность, в смеси с политическим нигилизмом, военным и ксенофобным мышлением и неуемной гордыней значительной части общества сочетается с инфантильными надеждами на монополию государства. Это образует мощный заряд для очередной экономической и политической стагнации общества в ближайшие десятилетия с последующим взрывом. Мы, ссылаясь на статью «Будущее в сотрудничестве классов….» 2006 года, излагаем краткие резюмирующие выдержки из нее, касающиеся проблемы российского транзита.

В материале показано отрицательное хозяйственное значение государственного управления хозяйством и монополизации государством хозяйственных ресурсов. Показана логическая последовательность разрушения хозяйства при такой монополизации ресурсов. Из логики такой монополизации делается вывод о том, что полноценная

социально-ориентированная политика возможна только при интенсивном развитии общества и его рыночных институтов и ликвидации всех государственных и частных монополий, включая монопольный частный сговор. Дело это нескорое. Каждый народ или даже цивилизационные группы народов делает(ют) свои ошибки самостоятельно. И бизнес — единственная сила, которая может, если способна, двигать общество вперед.

Отношения бизнеса и трудящихся на уровне национального государства подлежат серьезной ментальной реконструкции.

Безопасное и честное немонополистическое накопление капитала-производства в частных формах — это единственная альтернатива государственному монополизму и залог развития и сбережения ОБЩЕНАРОДНЫХ СРЕДСТВ в специфической форме ЧАСТНОГО ВЕДЕНИЯ, СБЕРЕЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. Отсутствие государственных и частных или олигархических монополий (в сговоре с государством) и борьба с угрозой их создания — это и гарантия политической безопасности отдельных социальных и профессиональных слоев, а также групп населения, национальных автономий и меньшинств, диаспор и каждого гражданина в частности.

Монополизация избыточных или выработанных обществом ресурсов ведет к политической монополизации вплоть до нарушения потребности в безопасности I, включая войны и террор. Или она ведет к приостановке социального и экономического прогресса — стагнации — неэффективному использованию ресурса и к массовой деформации психики, к иждивенчеству в трудоспособном возрасте — формированию вредных метапотребностей и химически-поддерживаемых потребностей.

Избыточное потребление выработанных обществом ресурсов также ведет к чистой их растрате и к разрушению равновесия, разделения труда в обществе, к массовой деформации психики, к иждивенчеству и разложению личности — формированию вредных метапотребностей.

Поэтому и сама эксплуатация, и использование общественного продукта в частной форме присвоения, но в сугубо немонополизированной форме, т. е. всего прибавочного продукта, изъятого у наемного работника, является необходимостью в обществе на будущее до появления автоматизации. Последняя позволила бы сделать роль наемного труда необходимой, но малой частью общего времени жизни индивида. Естественно, общественное распределение продукта через социальную систему государства, подчиненного обществу, должно демпфировать резкие рыночные отклонения, не снижая мотивацию людей к труду, что вовсе не простая задача.

Такое видение бизнеса и его роли с позиции рядового гражданина закономерно и логически следует из полученных нами представлений о закономерностях разделения труда **— теоремы эксплуатации**.

Результат формирует и ясное **требование к позиции бизнеса**. С учетом такого понимания и понимания альтернатив бизнес должен принять на себя моральную роль стороны, ответственной за поддержание социального мира и благосостояния трудящихся в обществе, за коллективное формирование нового нравственного реформирования ценностей бизнеса и труда. Нормальная эксплуатация является частью коллективных усилий предприятия по наилучшему обслуживанию покупателя или пользователя услуг в условиях конкурентной среды. Она должна подразумевать нормальную и достойную жизнь работника, его семьи и воспроизводство населения в рамках, принятых в данной стране обществом. Бизнес должен взять на себя так же бремя совокупного руководителя сбалансированного общественного и хозяйственного развития, роль ответственного за общее решение социальных вопросов на основах социального мира и заключения контрактов с трудящимися. Борьба против государственного и муниципального регионального монополизма и за ограничение государственной активности исключительно интересами общества во всех формах является так же политической задачей бизнеса. Контроль честной конкуренции в рыночном пространстве и в каждой сфере хозяйства является не менее важной и возможно самой сложной задачей бизнеса. Пока бизнес не убедит работников, что его активность для трудящихся полезней, чем государственная деятельность чиновника, он будет не защищен от опасности «реставрации» произвола государства.

Результат формирует и ясное **требование к позиции трудящихся.** Трудящиеся, как и самостоятельные индивидуальные работники, должны уметь отстаивать на договорной основе свои права, не разрушая сложившееся разделение труда, интересы покупателей, клиентов и свое предприятие. Очень важно строить отношения с бизнесом на основе представлений о пользе разделения труда и взаимной заботы о хозяйственном производстве и рабочей функции на благо общества в целом. Профсоюзы не должны становиться профессиональной монополией в сфере труда как нечестного способа извлечения дохода за счет покупателей или разрушения предприятия. Чрезмерные требования к уровню оплаты труда могут привести к обоснованному бегству капитала в регионы с более низкой стоимостью рабочей силы.

Результат образует и **требование к позиции всех трудящихся в организациях услуг и производства,** предполагает обязанность

предоставления качественных услуг и продуктов населению как свою общественную задачу. Особенность нового понимания состоит в требовании и понимании ответственности трудящихся за бизнес и свой профессиональный уровень и требование ответственности бизнеса за социальный мир и достойное обеспечение жизни трудящихся.

Этот путь (в ментальном плане) долог и непрост. Он связан с преодолением фобий и воспитанной веками ненависти и вражды, подозрительности, а с другой стороны, связан с равнодушием, абсолютно лишенным основания высокомерием, а сейчас стремлением «тянуть одеяло на себя» с обеих сторон. Чаще со стороны бизнеса. Это и путь относительно не силовой борьбы за права трудящихся в самых разных формах, но это и становление человека, механизма общения и структуры общества. И это длинная логика. Но в ней и заключаются оптимальные формы роста благосостояния общества в целом и скорейший подъем уровня жизни трудящихся, всего населения вместе с наполнением иерархии потребностей каждого более ценным содержанием.

Мы не можем обсуждать здесь политические проблемы России, и картина России много сложнее (голландская болезнь, синдром полураспада, забытое образование и др.). Но автор уверен в будущем оптимистическом разрешении политических, национальных, энергетических, социальных и культурных проблем народов, населяющих Россию.

Автор менее всего желал бы, чтобы результат привел к росту цинизма и социального антагонизма, и так в большой степени присутствующих в российских общественных настроениях. Трагизм полученного результата требует от общественных и социальных аналитиков большой нравственной, духовной работы по теперь рационально обоснованному восстановлению ответственности верхов промышленных предприятий за кадровую и социальную политику, второе, ответственности населения и рядовых трудящихся за конструктивные и сбалансированные материальные и социальные требования к работодателям, в целом, и от всех более ответственного отношения к государственным всех видов монополиям.

И, самое главное, четвертое. Без нравственного отношения между людьми в России гражданское общество возникнуть не сможет. Выводы данной работы следует рассматривать как элемент обоснования рационального и одновременного духовного очищения нашего сознания от агрессии, нетерпимости, лжи, иждивенчества, от представлений о собственной слабости. Построить себя заново — означает построить мир. И не только в себе. Мир станет лучше в той мере, в какой мы действуем в нем. Позитивно!

Литература

1. *Маслоу А.* Мотивация и личность — СПб.: Евразия, 2001. — 478 с., (Maslow, A. H. Motivation and Personality, New York: Harper & br, 1954).

2. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность, 2-е изд.– СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. — 860 с.: ил. — (Серия “Мастера психологии”). (Heinz Heckhausen, Motivation und Handeln, 2. Auflage).

3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2001. — 752 с.

4. *О’Шонесси Дж.* Принципы организации управления фирмой. М.: МТ Пресс, 1979. — 420 с.

5. *Вальтух К. К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики, — М.: Янус-К, 2001. — 896 с.

6. *Morishima M.* The Fundamental Marxian Theorem: A Reply to Samuelson, Journal of Economic Literature, Volume 12, Issue 1 (March, 1974), 71-74.

7. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, 5-е изд, М.: Изд-во политич. литературы, 1958–1965.

8. *Treiman D.J.* Occupational prestige in comparative perspective, New York, Academic press, 1977.

9. *Платон.* Диалоги. Пер. с древнегреч. — М. ООО “Издательство АСТ”; Харьков: “Фолио”, 2001. — 384 с. (в издании “Апология Сократа” и “Государство”)

10. *Мандевиль В.* Басня о пчелах, М.: Мысль, 1974. — 374 с.

11. *Адам Смит.* Собр. соч. в 2 томах, т. 1. Исследование о природе и причинах богатства народов. Государственное социально-экономическое издательство М., Л., 1931 Книга Первая. Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа.

12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, изд. 2, Москва, Гос-е изд-во политич. литературы, 1955.

13. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

14. *Столерю Л.* Равновесие и экономический рост (принципы макроэкономического анализа). Пер. с франц. М.: Статистика, 1974. — 471 с. (Stoleru L., L’Ecquilibre et La Croissance Economiques, Principes de macroeconomie. Dunod, Paris, 1969)

15. *Самуэльсон П., Нордхаус В. Д.* Экономика.: Пер. англ.: 16-е изд..– М.: Издательский дом “Вильямс”, 2000. — 688 с.

16. *Иван Белов* (псевдоним). Разделение труда и перспективы коммунизма. Л., Самиздат. 1977. — 410 с. (оглавление и фрагменты представлены на сайте по адресу http://sergeychet.narod.ru/socio/RTContnt.htm)

17. *Четвертаков С.* Формы предшествующие.... Рукопись, Л. 1979–1986, — 360 с. (оглавление и фрагменты представлены на сайте по адресу http://sergeychet.narod.ru/hist/FormsPrec.htm)

18. *Четвертаков С.* Заметки экономиста, Новое русское слово, New York, Nov 22, 1990.

19. *Четвертаков С.* В чем ошибся Карл Маркс. Новое о разделении труда, СПб.: издательство "ПЕТРА-РИФ", 1998. — 80 с. (содержание работы см. на странице http://sergeychet.narod.ru/socio.html).

20. *Четвертаков С. А.* Семейный портрет в интерьере ампир или почему русский народ рискует на время утратить государственность, "Звезда", 1999, 11, с. 165-177.

21. *Четвертаков С.* Коррекция ментальности. Возможные пути лечения. Тезисы доклада, 10 февраля 2000 г. , с. 41-58, в сб. Демократические реформы в современной России. Сборник докладов Санкт-Петербургского общественного Клуба Либеральных Реформ) — Urbi. Литературный альманах. Выпуск тридцать второй. Серия "Политика" (1). — СПб.: "Тимошка", 2001. — 100 с.

22. *Четвертаков С. А.* Будущее в сотрудничестве классов и констелляции индустриальных обществ для развития третьего мира, Доклад на Международном форуме "Будущее без коммунизма" 29 сентября 2006 г. в Санкт-Петербурге., представлен в архивах сайта "Великая эпоха" http://www.epochtimes.ru/content/view/7213/49/

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах, пер. с англ., М.: «Советское радио», 1974. — 272 с. (On Purposeful Systems, R. L. Ackoff, F. E. Emery, N.Y., 1972).

2. *Анохин П. К.* Проблема центра и периферии в современной физиологии / В сб. Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности: Сб. Горький, 1935. — 492 с.

3. *Анохин П. К.* Системный анализ интегративной деятельности нейрона, под. ред, П. К. Анохина, М.: Наука, 1974. — 159 с.

4. *Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. — 448 с.

5. *Анохин П. К.* Системные механизмы высшей нервной деятельности: избр. тр. – М.: Наука, 1979. — 453 с.

6. *Ашмарин И. П., Бородкин Ю. С. и др.* Механизмы памяти, рук-во по физиологии, отв. ред. Г. А. Вартанян, Л.: Наука – ЛО, 1987, — 432 с.

7. *Баранов Н. А.* Политические реалии России в свете концепции Абрахама Маслоу, http://nicbar.narod.ru/statia25.htm

8. *Бикбов А., Гавриленко С.* Российская социология: автономия под вопросом (Часть 2), Логос, 2003, 2 – http://magazines.russ.ru/logos/2003/2/bikbov.html

9. *Богданов А. А.* Тектология: всеобщая организационная наука: [В 2 кн.] / А. А. Богданов ; Редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.; Отд-ние экономики АН СССР, Ин-т экономики АН СССР, Ин-т системных исследований АН СССР, Кн. 1–303 с. Кн. 2–350 с. М.: Экономика, 1989, (первый автор теории управления, опередивший работы Винера и Берталанфи на 20 лет).

10. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности. / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.–Воронеж: 1995. — 352 с. (о роли потребности общения и роли новых впечатлений как органическая потребность)

11. *Валлерстайн И.* Социология и история: призыв Эмиля Дюркгейма (письмо Президента Международной социологической ассоциации, июнь 1995 г.), в альманахе «Время мира», вып. 1, 1998, с. 124–127.

12. *Вальтух К. К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики, М.: «Янус-К», 2001, — 896 с.

13. Википедия – ру, Статья «Протоколы сетевые», http://ru.wikipedia.org/wiki/

14. Википедия (рус.) – установка психологическая, http://ru.wikipedia.org/wiki/Установка_(психология)

15. *Винер Н.* Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее, пер с англ. Г. Н. Поварова, М.: «Сов. Радио», 1969, — 25 с.

16. *Гегель Г.* Работы разных лет. В двух томах, Т. 1, М.: «Мысль», 1972, — 668 с.

17. *Гомазков О. А.* Нейропептиды — универсальные регуляторы. Почему? — Природа, 1999, № 4.

18. *Гудков Л.* Доклад на международном российско-германском форуме «Гуманитарные и социальные науки в России и Германии: итоги и перспективы», 29 июня 2005 года, http://www.polit.ru/research/2005/06/29/gudkov.html

19. *Джемс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991. — 367 с.

20. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценность. М.: Политиздат, 1978. — 272 с.

21. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. — 575 с.

22. *Захаров А. А.* Муравей, семья, колония. М.: Наука, 1978. — 143 с.

23. *Зелигман М.* Как научиться оптимизму, М.: АО «Вече», 1997. — 432 с.

24. *Изард К. Е.* Эмоции человека. Пер с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1980. — 439 с.

25. *Ильин В. И.* Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. — 280 с.

26. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2001. — 752 с.

27. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2002. — 512 с.

28. *Катц Б.* Нерв, мышца и синапс. Пер с англ. Ю. И. Лашкевича. — М.: «Мир», 1968. — 220 с.

29. *Кикнадзе Д. А.* Потребности. Поведение. Воспитание, под ред. и при участии проф. В. Г, Афанасьева. М. Мысль, 1968. — 148 с.

30. *Козловский В.В.* Утраты и обретения социологии. Журнал социологии и социальной антропологии, 1998, 1, с. 25—40.

31. *Колесов Д. В.* Введение в общую психологию, учебное пос., Воронеж: МПСИ, 2002. — 736 с.

32. *Кольман Я., Рем К.-Г.* Наглядная биохимия. http://biochemistry.ru/default.htm (предоставлено Koolman, Color Atlas of Biochemistry, 2nd edition, 2005).

33. *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание, М.: Политиздат, 1984, – 335 с.

34. *Костерлиц Г.В. и Хьюс Д.* Развитие концепций опиантных рецепторов и их лигандов, с.43-55. в сб. ст. Эндорфины, под ред. Э.Коста и М. Трабукки, пер. с англ. К.б.н. М.А. Панова, М.: «Мир», 1981. — 386 с.

35. *Конт О.* Дух позитивной философии, СПб.: СПбГУ, 2001 — 146 с.

36. Кругосвет. Энциклопедия., статья «Головной мозг человека», http://www.krugosvet.ru/articles/38/1003886/0003637g.htm

37. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. — 320 с.

38. *Лефрансуа Ги*. Прикладная педагогическая психология. Психология для учителя , 11 изд-е, СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. — 416 с.

39. *Лоренц К*. Агрессия: (так называемое “зло”). Пер. с нем. Г. Ф. Швейника. — М.: Прогресс. Изд. фирма «Универс», 1994. — 272 с.

40. *Люшер М*. Самоуважение, удовлетворение, внутренняя свобода и уверенность, в пер. с нем. Сайт «Элитариум – Центр дистанционного образования», 2006, http://www.elitarium.ru/2006/03/10/samouvazhenie_udovletvorenie_vnutrennjaja_svoboda_i_uverennost_v_sebe.html

41. *Мадди С*. Теория личности. Сравнительный анализ, СПб.: «Речь», 2002, — 539 с.

42. *Макаренко Ю. А*. Системная организация эмоционального поведения. – М.: Медицина, 1980. – 157 с.

43. *Майерс Д*. Социальная психология. — СПб.: Питер, 2001. — 752 с.(David G. Myers, Social Psychology, 1999).

44. *Макклелланд Д*. Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.(David C. McClelland, Human Motivation, Cambridge University Press, New York, 1987).

45. *Малиновский Б*. Научная теория культуры, М.: О.Г.И., 1999 – 208 с. (1939 г.).

46. *Маслоу А*. 1962, Психология бытия. М.: “Рефл-бук” – К.: “Ваклер”, 1997. – 300 с. (Maslow A. H. Toward a Psychology of Being NY: Van Nostrand, 1962. Second Ed. NY: Van Nostrand, 1968. Contents. Third Ed. NY: Wiley, 1998); *Маслоу А*., 1970, Мотивация и личность. – СПб.:Евразия, 2001. – 478 с.(Maslow A. H. Motivation and Personality. Second Edition. New York: Harper & Row, Publishers, 1970); *Маслоу А*., 1971, Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. М.: Смысл, 1999.- 425 с (Maslow A. H. The Farther Reaches of Human Nature Harmondsworth: Penguin, 1971).

47. *Милграм С*. Эксперимент в социальной психологии. – СПб.: Питер. 2000. – 336 с. (Milgram S. Behavioral study of obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963, 67: 371-378.)

48. *Миллер Д., Галантер Е., Прибрам К*. Планы и структура поведения. – М.:«Прогресс», 1965. – 238 с.

49. *Немов Р. С*. Психология, кн. 1. Общие основы психологии. — 2-е изд. — М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995. — 576 с.

50. Нейромедиаторы — Википедия — рус.

51. *Норт Д*. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”,1997. — 180 с.

52. *Олпорт Г. В*. 1937, Функциональная автономия мотивов, пер. с англ. из (Allport G. W. The functional autonomy of motives. Перевод с англ. М. Фаликман. Статья впервые опубликована в юбилейном выпуске Американского Психологического Журнала (American Journal of Psychology. 1937. Vol.50. P.141—156)). http://flogiston.ru/library/allport

53. *Олпорт Г. В.* 1955, Становление: Основные положения психологии личности, пер. с англ. Л. Трубицыной и Д. Леонтьева (Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale University Press, 1955) В кн.: Г. Олпорт. Становление личности. Избранные труды. М.: “Смысл”, 2002, — 462 с.

54. *О'Шонесси Дж.* Принципы организации управления фирмой. М.: МТ Пресс, 1979. — 420 с.

55. *Парсонс Т.* О структуре социального действия, — Изд. 2-е. — М.: Академический Проект, 2002. — 880 с.

56. *Погорилый А.* О демографической ситуации в России, http://zvezda.ru/antrop/2006/12/21/demography.htm

57. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. — М.: «Мысль»,1974. — 487 с.

58. *Правдивцев В. А., Козлов С. Б., Нарезкина Л. П.* Архитектура поведенческого акта с позиции теории функциональной системы П.К. Анохина, лекции, Смоленская государственная медицинская академия. 1998.

59. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4) / Пер. с италь. и под ред. С. А. Мальцевой — Издательство «Пневма», СПб, 2003, — 880 с.

60. *Ривлин А.* Слово не птичка или об ошибках с любовью», СПб., 2008. — 235 с.

61. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории, 5-е изд., СПб.: Питер, 2002.– 688 с.

62. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. Пер. с англ. М. М. Исениной. — М.: Прогресс. Универс, 1994. — 478 с., http://flogiston.ru/library/rogers-pers

63. *Ромек В. Г.* Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана // Журнал практического психолога, № 3–4, 2000, с. 218–235.

64. *Ромек В. Г.* Психологическое консультирование в ситуации выученной беспомощности, см. в кн. Психологическое консультирование: Проблемы, методы, техники. Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2000, с.178–187.

65. *Ронкин В. Е.* На смену декабрям приходят январи... М.: Общество «Мемориал», Издательство «Звенья», 2003. — 478 с.

66. *Ротенберг В. С.* Адаптивная функция сна. Причины и проявления ее нарушения — М.: Наука, 1982. — 176 с.

67. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии, Составители, авторы комментариев и послесловия А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская, СПб.: Издательство “Питер”, 2000, — 720 с.

68. *Руткевич М. Н.* Общество как система. Социологические очерки. — СПб.: Алетейа, 2001. — 444 с.

69. *Свенцицкий А. Л.* Социально-психологические проблемы управления. Л., Изд-во ленинградского университета, 1975. — 120 с.

70. *Зелигман (Селигмен) М.* Как научиться оптимизму, М.: АО «Вече», 1997. — 432 с.

71. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. — 266 с.

72. *Симонов П. В.* Созидающий мозг. Нейробиологические основы творчества, М.: Наука, 1993. – 108 с.

73. *Симонов П. В.* Лекции о работе головного мозга. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 94 с.

74. *Сорокин П.* Система социологии. В 2-х томах. Рос. АН, Ин-т социол., Том 1. М.: Наука, 1993 (1920). — 447 с.

75. *Сорос Дж.* Сорос о Соросе. Опережая перемены, М., ИНФРА-М, 1996. — 336 с.

76. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Пер с англ. Киев: Ника-Центр, 1997. — 512 с.

77. *Стайн Л., Беллуци Дж.* Эндорфины мозга и ощущение хорошего самочувствия: психологическая гипотеза, с.294–307 в сб. ст. Эндорфины, под ред. Э. Коста и М. Трабукки, пер. с англ. к.б.н. М.А. Панова, М.: «Мир», 1981. — 386 с.

78. *Судаков К. В.* Рефлекс и функциональная система, Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1997, — 399 с.

79. *Тойнби А.* Постижение истории, пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

80. *Трифонов Е. В.* Психофизиология человека. Русско-англо-русская энциклопедия, статья «Серотонин», СПб, 2009, http://www.tryphonov.ru/tryphonov5/terms5/serth.htm

81. *Трифонов Е. В.* Психофизиология человека. Русско-англо-русская энциклопедия, статья «Нейромедиатор», СПб, 2009. http://www.tryphonov.ru/tryphonov2/terms2/medtr.htm

82. *Трифонов Е. В.* Психофизиология человека. Русско-англо-русская энциклопедия, статья «Серотонинэргический рецептор», СПб, 2008, http://www.tryphonov.ru/tryphonov5/terms5/sertre.htm#2

83. *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. — М.: «Россия», 1991. (militera.lib.ru)

84. *Турчин В. Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е – М.: ЭТС. 2000. – 368 с.

85. *Тхостов А. Ш.* Депрессия и психология эмоций, в разделе «Бихевиористская концепция депрессии», на сайте http://www.psychiatry.ru/library)

86. *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, Изд-во Акад. Наук Груз. ССР, 1961. – 210 с.

87. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования, М.: «Наука», 1966. – 451 с.

88. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой, СПб.: «Алетейя», 1997. — 252 с.

89. *Фромм Э.* Человек для себя. Исследование психологических проблем этики, пер с англ. Л. А. Чернышевой. — Мн.: “Коллегиум”, 1992 (Erich Fromm. Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964).

90. *Хайтов В. М.* Биология человека. Эволюционное развитие. Интернет-издание. http://www.ethology.ru/lection/?id=19 (использован материал лекции № 5).

91. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. [В 2 т.: Пер. с нем.]. – М.,”Педагогика” 1986. Т. 1. 1986. – 406 с.; Т. 2. 1986. – 394 с.

92. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность, 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»). (Heinz Heckhausen, Motivation und Handeln, 2. Auflage, Springer-Verlag Berlin Heidelberg 1989).

93. *Холл К., Линдсей Г.* Теория личности. Пер. с англ. И. Б. Гриншпун, (C.S.Hall, G.Lindsey. Theories of Personality New York: John Wiley and Sons, 1970, М.: “КСП+”, 1997, Терминологическая правка В.Данченко, К.: PSYLIB, 2005)

94. *Четвертаков С. А.* В чем ошибся Карл Маркс. Новое о разделении труда. СПб.: 1998. — 70 с.

95. *Четвертаков С. А.* Семейный портрет в интерьере ампир. Почему русский народ рискует на время утратить государственность, Звезда, 1999, 11, с. 165–177.

96. *Шелдрейк Дж.* Теория менеджмента, на сайте www.socioego.ru

97. *Шульговский В. В.* Основы нейрофизиологии: Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 277 с. . http://www.pedlib.ru/Books/6/0002/6_0002-1.shtml

98. Эндорфины, под ред. Э.Коста и М. Трабукки, сб. ст., пер. с англ. к.б.н. М.А. Панова, М.: «Мир». 1981. — 386 с

99. *Ядов В.А.* Два рассуждения о теоретических предпочтениях, Социологический журнал, 1995, № 2, с. 70–72.

Иностранная литература

100. *Buss. A. Y.* The Psychology of Aggression. New York and London; John Wiley, 1961.

101. Encyclopedia Britannica. *Encyclopaedia Britannica 2008 Ultimate Reference Suite.* Chicago: Encyclop’dia Britannica, articles: acetylcholine, animal learning, association, axon, biological psychology, cell, conditioning, dopamine, endorphin, epinephrine and norepinephrine, human behaivour, imprinting, memory, learrning, motivation, nervous system, neuroactive pep-

tides, neuromuscular junction, neurotransmitter, perceprion, physiology, reflex, serotonin, social psychology, synapse.

101. *Herzberg F., Mausner B., and Snyderman B.* The Motivation to Work. N.Y. Wiley, 1959/1993. цит по Шелдрейк Дж., Теория менеджмента на сайте www.socioego.ru

102. *Herzberg F.* Work and the Nature of Man, 1966–1974.

103. *McClelland D.C.* The Achieving Society. Princeton, N.J. — 1961.

104. Wikipedia-Engl, Article "Neurotransmitters".

105. *Seligman M. E.* Helplessness: On depression, development and death. San Francisco. – 1975.

106. *Seligman M. E.* Learned optimism. — N.Y. — 1991.

107. *Zimbardo Philip G.* Stanford Prison Experiment http://www.prisonexp.org/

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Четвертаков
Реконструкция теории Маслоу

Главный редактор издательства *И. Савкин*
Дизайн обложки *И. Граве*
Оригинал-макет *Е. Фортина*
Корректор *Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 02.02.2011. Формат 60x88 1/16
Усл. печ. л. 36. Печать офсетная. Тираж 1000 (первый завод — 300) экз.
Заказ № 12

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»,
Санкт-Петербург, ВО, 1-ая линия, 28

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Библио-Глобус	ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 781-19-00
Дом книги «Москва»	ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Православное слово»	Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
ООО «Паолине»	ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
Магазин РГГУ «Гуманитарная книга»	Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
Магазин издательства «Гнозис»	Тел. (495) 247-17-57
Магазин «Русское зарубежье»	ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин Издательства УРСС	пр. 60-летия Октября, д. 9
Магазин «Гилея»	Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер»	Малый Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел. (495) 749-57-21
Галерея книг «Нина»	ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
Магазин издательства «Совпадение»	Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
«Новое книжное агентство»	ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14
«Книжная лавка обществоведа»	Нахимовский проспект, д. 56/26. Тел. (495) 120-30-81

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Магазин «Историческая книга»	ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
«Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ	Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
Магазин «Классное чтение»	6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
Книжный салон РНБ «Дом Крылова»	ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
«Дом книги»	Невский пр., д. 28. Тел. (812) 314-58-88
Магазин «Слово»	ул. М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
Магазин «Русская симфония»	1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 328-63-42
Магазин «Перемещенные ценности»	ул. Колокольная, д. 1

ЕКАТЕРИНБУРГ. «Дом книги»	ул. Антона Валека, д. 12
НИЖНИЙ НОВГОРОД. «Дом книги»	ул. Советская, д. 14а
СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»	http://www. top-kniga. ru. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36
ТАЛЛИНН. Магазин Kniga.ee	15189 Tallinn, Tõnismägi 2, Eesti Rahvusraamatukogu В вестибюле Национальной библиотеки Эстонии. Тел. (372) 630 7472
Заказ книга-почтой	Тел. (812) 560-89-47 E-mail: office@aletheia.spb.ru

Экспорт из России

DataInternational Group	10122 Таллин Эстония. Тел. 646-03-81 E-mail: info@kniga.ee
ЗАО «Информ-система»	г. Москва, Севастопольский пр., д. 11а. Тел. 127-91-47, e-mail: info@informsystema. ru
Юпитер-Импэкс	г. Москва, Налесный пер., д. 4. Тел. 775-00-54, e-mail: export@jupiters. ru